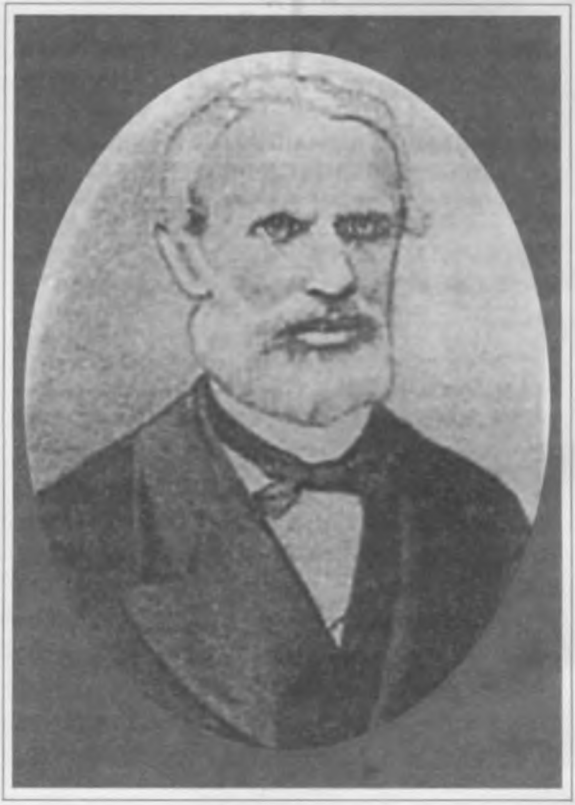
ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО И АСКЕТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПАМЯТНИКАХ

П. С. Казанский

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

I

ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО И АСКЕТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПАМЯТНИКАХ



ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО И АСКЕТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПАМЯТНИКАХ

П. С. Казанский

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

Сочинение
Экстраординарного Профессора
Московской Духовной Академии
Петра Казанского

10313а

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:
Иерей Андрей Лобашинский
Сидоров А. И.
Роговой П. Н.

Капитальный труд профессора Московской Духовной академии Петра Симоновича Казанского (1819–1878) «История православного монашества на Востоке», изданный всего один раз, в середине XIXвека, и долгое время бывший библиографической редкостью, ныне вновь выходит в свет, причем в дополненном виде, становясь наконец доступным широкому кругу православных читателей. Эта книга — незаменимое руководство к познанию жизни и подвигов иноков первых веков христианства, написана на основе большого числа достоверных источников. Автор известен также как выдающийся духовный писатель и православный педагог, оставивший заметный след в истории Русской Православной Церкви.

ISBN 5–87468–086–1

© «Паломникъ», 2000
© Карта, подбор иллюстраций:
Издательство «Воскресеніе», 2000
© Архимандрит Августин (Никитин),
вступит. статья, приложение, 2000
© Храм Покрова Божией Матери

Архимандрит
Августин (Никитин)

ПРОФЕССОР П. С. КАЗАНСКИЙ

Среди книг, посвященных истории египетского монашества, особое место занимает сочинение профессора Московской Духовной Академии Петра Симоновича Казанского (19.XI.1819–14.II.1878). Российские путешественники и писатели издавна посещали Египет — колыбель восточного монашества. К их числу относятся О. И. Сенковский (побывал в Египте в 1820–1821 гг.), А. С. Норов (1834–1835 гг.), архимандрит Порфирий (Успенский) (1845, 1850 гг.) и ряд других. В их записках содержатся ценные сведения о тогдашнем состоянии монашеской жизни, но они носят путевой, очерковый характер. Что же касается систематического изложения истории древнего египетского монашества, то П. С. Казанский был едва ли не первым

русским исследователем, который составил монументальный труд в этой области.

Петр Казанский родился 19 ноября 1819 года в селе Сидоровском Звенигородского уезда Московской губернии в семье священника Симона Ивановича Лосева. Рано лишившись отца, детство и юность он провел под присмотром матери, умной и благочестивой, воспитавшей в сыне нравственную воздержанность и чистоту помыслов. С детских лет в душе Петра возгревался свет любви к Церкви Христовой и к ее учению. Один из его старших братьев — Александр — впоследствии стал наставником Вифанской и Московской духовных семинарий. Другим его старшим братом был Павел, впоследствии архиепископ Костромской Платон († 1877).

В 1832 году Петр Лосев поступил в Вифанскую духовную семинарию. По тогдашнему обычаю, при поступлении в семинарию ему дали новую фамилию — Казанский. В годы учебы его особенно увлекало чтение аскетических творений. «Живо написанная религиозная книга, — вспоминал он впоследствии, — мне нравилась несравненно более, чем ученая»[1].

---

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии Петр Симонович Казанский // Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 278.

Однажды Петру Казанскому пришлось быть при пострижении в монахи, и его поразил этот обряд. «Ныне у нас новый инок Ювеналий, — сообщал Петр своему другу. — Как торжественно должно быть это время принятия ангельского чина! С вечера, безмолвный, с слезами, давал он прощальное лобзание каждому из нас. Как будто в последний раз он видит мир и людей, живущих в нем. Торжественно было то мгновение, когда, как бы в погребальном шествии, под покровом чужих мантий с белыми свечами веден он был на средину церкви. При трогательном, до глубины души проникающем пении: Господи помилуй — облечен был в нового человека. О! да благословит его Господь Иисус, с Которым он теперь соединился чрез причащение»[1].

С 1838 по 1842 гг. Петр Казанский обучался в Московской Духовной Академии. Сокурсники отмечали высокий духовный настрой будущего церковного историка; один из них вспоминал: «Все мы готовили его в мыслях к монашеству, но не уготовили. Он всю жизнь любил монахов,

---

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П.С.Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Сергиев Посад, вып. I. 1910. С. 34.

но не сделался монахом <...> Не обижался, когда смеялись над его аскетизмом»[1].

Это — взгляд со стороны. А вот что пишет о своих духовных переживаниях сам П. С. Казанский: «Я любил быть один. Тогда мне казалось, что мир духов витал около меня и в своей душе я слышал как будто их внушения. В лунную ночь любил я устремлять свой взор к звездному небу. Там, мнилось мне, я ощущал небожителей; что-то таинственное влекло меня к этому звездному миру, как к вожделенной отчизне. <...> Всего слаще было для меня посещать древний храм с его мрачными сводами. Там, особенно когда мало было народу, любил я изливаться в слезах пред Господом»[2].

Однако Петр Казанский не решился принять монашество, словно предчувствуя свое особое послушание. В одном из писем он замечает: «Нередко хожу в церковь, но не решаюсь на самоотвержение, хочу служить Богу, находясь в дружбе с миром»[3].

---

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. I. 1910. С. 32.

[2] Там же. С. 32.

[3] Там же. С. 34.

В 1842 году Петр Казанский окончил курс Московской Духовной Академии и был оставлен при ней бакалавром на кафедре общей гражданской истории. Историю он рассматривал как «развитие человечества по вечному плану Божию, для восстановления образа Божия через Иисуса Христа». Научные интересы ученого были сосредоточены на проблемах церковной археологии, в частности на истории восточного монашества. Петр Симонович приступил к исследованиям в этой области предприимчиво и энергично. В 1845 году П. С. Казанский напечатал одну из своих работ, посвященную преподобному Макарию Египетскому[1]. Возможно, это сочинение было написано автором еще в студенческие годы. Сам Петр Симонович говорил, что он всегда сохранял благоговейное отношение к монашеству и имел намерение проследить его судьбу как на Востоке, так и на Западе до позднейшего времени[2].

В 1853 г. в Москве был издан капитальный труд П. С. Казанского «История православного русского монашества от основания Печерской

---

[1] *Казанский П. С.* Св. Макарий Египетский // Прибавления к творениям святых Отцев. Ч. 3. М. 1845. С. 105–146.

[2] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П.С. Казанский и его переписка... Вып. I. С. 98.

обители преподобным Антонием до основания Лавры Святой Троицы преподобным Сергием» (ряд материалов этой книги публиковался в «Прибавлениях к творениям святых Отцев», начиная с 1850 г.).

С 1845 по 1857 гг. П. С. Казанский регулярно публиковал свои статьи по истории восточного монашества на страницах «Прибавлений к творениям святых Отцев». По тогдашней традиции, эти статьи печатались без подписи автора, и только по косвенным признакам можно судить о том, что данные публикации принадлежат перу Петра Симоновича. Впоследствии эти статьи легли в основу его двухтомной монографии «История православного монашества на Востоке» (т. I. М. 1854; т. 2. М. 1856), и поэтому небезынтересно заглянуть в «творческую лабораторию» автора. Вот далеко не полный перечень статей П. С. Казанского, относящихся к начальной истории монашества в Египте: «Св. Макарий Египетский» (1845 г.)[1]; «Учреждение общежития иноческого Пахомием Великим» (1851)[2]; «Основание женских иноческих обителей в Египте» (1853)[3]; «Пустын-

---

[1] Прибавления к творениям святых Отцев. Ч. 3. М. 1845. С. 105–146.

[2] Там же. Ч. 10. М. 1851. С. 528–562.

[3] Там же. Ч. 12. М. 1853. С. 598–640.

ножительство в горе Нитрийской и ее окрестностях» (1855)[1]; «Подвижники Скитской пустыни в Египте» (1855)[2]; «Св. Петр, архиепископ Александрийский» (1856)[3]; «Св. Нил, подвижник Синайский, и его сочинения» (1857)[4]; «Св. Анастасий Синаит» (1857)[5].

Благодаря тому духовно-нравственному направлению, которое сложилось в Московской Духовной Академии, Петр Симонович смог положить все силы на научные изыскания в области церковной истории. Упорные труды П. С. Казанского рано обратили на него внимание русского ученого мира. Уже в 1847 году он был избран в действительные члены Императорского Общества истории и древностей Российских. В 1850 году П. С. Казанский и протоиерей А. В. Горский (будущий ректор МДА, с 1862 по 1875 гг.) стали членами-корреспондентами Петербургского Археологического общества. Как к знатоку церковной истории к Петру Симоновичу обращались с вопросами и поручениями

---

[1] Прибавления к творениям святых Отцев. Ч. 13. М. 1855. С. 195–248.

[2] Там же. Ч. 14. М. 1855. С. 31–73.

[3] Там же. Ч. 15. М. 1856. С. 596–609.

[4] Там же. Ч. 17. М. 1857. С. 14–26; Ч. 16. М. 1857. С. 7–53.

[5] Там же. Ч. 16. М. 1857. С. 578–605.

такие видные представители российской исторической науки, как И. П. Сахаров, О. М. Бодянский, М. П. Погодин, И. И. Срезневский, А. С. Уваров и другие. За заслуги перед русской исторической наукой П. С. Казанский был избран действительным членом Московского Археологического общества и почетным членом Общества любителей духовного просвещения.

В 1850 году Петр Симонович получил звание профессора Московской Духовной Академии, и это, казалось бы, давало ему возможность безбедной жизни. Но подвижник науки отдавал бóльшую часть жалования своим ближним. Три поколения — сироты сестры, племянники и их дети — имели в нем истинно любящего отца. Подготавливая к изданию свою основную книгу — двухтомную «Историю православного монашества на Востоке», Петр Симонович не имел средств для ее опубликования. «Я занял 400 рублей на печатание истории монашества первой части»[1], — вспоминал он много лет спустя.

В 1854 году увидел свет 1-й том монографии, и это сразу стало заметным событием в российских научных кругах. Вот один из отзы-

---

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 2, 1916. С. 302. Письмо от 25 сентября 1869 г.

вов об этой книге, полученный автором от обергофмейстера В. Д. Олсуфьева (от 14 августа 1854 г.): «Я имел удовольствие получить чрез братца Вашего, отца архимандрита Платона, первую часть сочинения Вашего «История православного монашества» и приношу Вам за оную душевную благодарность. То, что я успел уже прочитать, меня заняло самым приятным образом и заставило желать, чтобы, продолжая труд Ваш, Вы описали нам историю монашества и в России. Благодаря Бога у нас на подобные книги еще читателей много, особенно когда они писаны таким слогом, как Ваш»[1].

Это пожелание побудило П. С. Казанского заняться углубленным изучением истории русского монашества, тем более что ранее он уже опубликовал ряд статей на эту тему. Работа над новой монографией шла быстро, и в 1855 году Петр Симонович опубликовал трактат, озаглавленный «История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Святой Троицы преподобным Сергием» (М. 1855). Таким образом, «наказ» В. Д. Олсуфьева был выполнен, о чем тот упоминает в письме к автору

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. I. С. 92–93.

(от 2 февраля 1855 г.): «Усердно благодарю Вас за присланную вторую часть истории русского монашества. Я прочел ее с большим удовольствием и с таковым же нетерпением ожидаю продолжения»[1].

Однако П. С. Казанскому еще предстояло издать 2-й том «Истории православного монашества на Востоке», а средств на печатание книги не было. Свою монографию Петр Симонович представил на просмотр митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову). Святитель ознакомился с рукописью и даже сделал несколько замечаний по её содержанию. Узнав, что у автора нет денег на печатание второй части «Истории», он дал их ученому бессребреннику.

С 1842 по 1874 гг. П. С. Казанский преподавал в Московской Духовной Академии всеобщую историю. Несмотря на то, что его интересы простирались на область церковной истории, он исполнил свой долг перед Академией: в 1863 году вышло в свет пособие П. С. Казанского, озаглавленное: «Учебная книга всеобщей истории, составленная для употребления в семинариях» (Спб. 1863). Хотя по содержанию этот труд носил светский характер, его лейтмо-

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 93.

тивом была мысль о том, что «древние великие царства, покорившие себе весь тогдашний мир, так быстро падали и разрушались потому, что не исполняли той высокой миссии, которая возлагалась на них Провидением»[1].

Вот как впоследствии оценил научную деятельность П. С. Казанского профессор МДА о. Алексий (Лавров-Платонов, впоследствии архиепископ Виленский; † 1890): «В обычном и постоянном течении его жизни эта любовь к Святой Церкви и вере выражалась прежде всего во всем направлении его ученой деятельности. Предметом его занятий в сем училище [МДА] была светская история. Но у него не выходила она только светскою, отделенною от истории веры и Церкви, отдельной от нее, чуждой ей <...> По глубокой любви к Церкви и вере он выбирает предметы своих ученых работ почти исключительно из области веры и Церкви, изучает жизнь святых отшельников и подвижников, исследует жития святых архипастырей, прославляет церковными песнями Матерь Божию и святых Божиих угодников; вообще за предметами для своих трудов ходит в церковную об-

[1] *Соколов И.* Из воспоминаний об академических чтениях по древней гражданской истории профессора Московской Духовной Академии П. С. Казанского // Душеполезное чтение, 1879, ч. 2. С. 48.

ласть и редко обнародывает исследования по светской истории»[1].

«История православного монашества на Востоке» долгое время оставалась непревзойденной по широте охвата этой темы. Однако в конце 60-х — начале 70-х годов Петр Симонович вернулся к этой теме, но уже на более высоком научном уровне. В одном из писем к брату (от 26 октября 1870 г.) сам профессор свидетельствует: «Лет десять тому назад переделывал я свои лекции по истории Востока — Ассирии и Египта. Теперь новые открытия заставляют вновь переписывать их. Тяжело письмо; наизусть передавать не в силах, и притом для следующего года была бы работа та же. Если хоть часть успею написать, то мне будет легче, а отстать в лекциях от движения науки не хочется»[2].

Преосвященный Платон был обеспокоен тем, что Петр Симонович тратил свои слабые силы на обширные научные исследования. «Здоровьем твоим дорожи более, нежели научными ис-

---

[1] *о. Алексий (А. Ф. Лавров), проф.* Слово перед отпеванием заслуженного профессора Московской Духовной Академии Петра Симоновича Казанского, 16 февраля 1878 г. // Православное обозрение, 1878. т. 1. С. 489–490.

[2] *Беляев А. А., прот.* Профессор МДА П. С. Казанский и его переписка... Вып. 2. С. 358.

следованиями об Ассирии, Вавилоне, Ниневии, — отвечал он брату. — Делай то, что можешь, а не то, что хочешь. Снова прошу тебя беречь свое здоровье и думать не о славе профессорской, а как-нибудь дотянуть тридцатилетие служебное. Если сбережешь свое здоровье, то и по окончании твоего профессорского поприща можешь заняться учеными трудами»[1].

Тем не менее научная работа П. С. Казанского в этом направлении продолжалась. В 1871 году в 24-й части «Прибавлений к творениям святых Отцев» появилось сразу две публикации, дополняющие прежние труды Петра Симоновича: «Об источниках для истории монашества египетского в IV и V веках»[2] и «Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках»[3]. Год спустя обе эти работы вышли в свет отдельными изданиями. Примечательно, что только «Общий очерк» был поначалу опубликован с указанием автора — «Проф. П. Казанский»; другие его статьи в «Прибавлениях», по тогдашней традиции, помещались анонимными.

---

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 2. С. 361, примечание.

[2] Прибавление к творениям святых Отцев. Ч. 24. М. 1871. С. 621–676.

[3] Там же. С. 789–889.

В марте 1872 года профессор П. С. Казанский представил на рассмотрение ученого совета Московской Духовной Академии диссертацию на тему: «История православного монашества в Египте» (в двух частях). В основу работы легло прежнее его сочинение, дополненное двумя упомянутыми статьями. При подготовке докторской диссертации к защите Петр Симонович пользовался научными консультациями протоиерея А. В. Горского. Ректор МДА внимательно просматривал представлявшиеся ему диссертантом новые статьи по истории монашества и сопровождал их своими критическими замечаниями[1]. Препроводив эти замечания П. С. Казанскому, прот. А. В. Горский отвечал ему в одном из писем (от 10 февраля 1872 г.): «Благодарю за внимание Ваше к вопросам, мною предложенным. Они расширят несколько круг Ваших исследований, думается, не без пользы дела»[2].

Профессор-протоиерей Александр Горский и был назначен одним из официальных оппонентов; другим был профессор Алексей Петрович Лебедев († 1908). Полгода длилась изнурительь-

[1] См.: *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 57–61.

[2] Там же. С. 62.

ная борьба П. С. Казанского против недоброжелателей в ученом совете[1]. Однако, несмотря на интриги «заклятых друзей», Петр Симонович всё же смог приступить к защите своего многолетнего труда, и в этом большую моральную поддержку ему оказал прот. А. В. Горский. Вот отрывок из отзыва протоиерея А. В. Горского, посвященного диссертации Петра Симоновича: «Достоинство труда: обилие собранных из разных источников сведений о жизни иноков египетских; самостоятельная разработка предмета, тщательное изыскание таких памятников, в которых бы слышалось собственное слово подвижников; достойное духовного исследования благоговейное отношение к изумительным подвигам пустынножителей; особенно удовлетворительная обработка истории общежития Тавенского и Скита, также жизни и учения преп. Макария и ученых трудов Исидора Пелусиота; вообще ясное и правильное распределение дошедших до нас сказаний по местам жительства подвижников, географическое определение самых этих местностей, археологические объяснения нравов жизни,

[1] См.: *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 62-68. См. также: *Беляев А. А.* Профессор Московской Духовной Академии Петр Симонович Казанский // Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1915. С. 280–285.

обрядов первых монастырей восточных и во всем отчетливость, дающая себя поверять по указаниям первоначальных источников»[1].

Знаменитый отечественный историк В. О. Ключевский также был на стороне П. С. Казанского. «Многие страницы книги, особенно в позднейших приложениях к ней, я прочитал с удовольствием, — пишет он в своем отзыве. — Характеристика монашества в заключительной части сочинения по своим научным достоинствам и по богатству материалов, бывших в распоряжении автора, может удовлетворить даже притязательным желаниям»[2].

2 октября 1873 года состоялась защита диссертации П. С. Казанского; Совет Московской Духовной Академии единогласно присвоил ему ученую степень доктора богословия[3]. Профессор МДА А. Ф. Лавров (впоследствии — архиепископ Виленский Алексий), присутствовавший на этом заседании, в одном из своих писем свидетельствует: «Сейчас возвратился с диспута. Докторант защищался с достоинством и пока-

---

[1] См.: *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 282.

[2] Там же. С. 283.

[3] Об обстоятельствах защиты см.: «Современные известия», 1873, № 275.

зал обширные сведения и диалектическую ловкость в ответах. Официальные оппоненты были два: А. В. (прот. Горский — *а. А.*) и Л. (А. П. Лебедев — *а. А.*). Возражения первого были основательны, а последнего более легкие. Публики было много, и по окончании диспута доктор встречен многочисленными и продолжительными аплодисментами всех»[1]. За тридцать лет преподавания в Академии проф. Казанский проявил себя как чрезвычайно начитанный, знающий педагог, строго относящийся к себе и к воспитанникам. Обремененный многими болезнями, он стойко переносил невзгоды, с самоотвержением предаваясь наукам, аскетическим подвигам и благотворительности.

В 1874 году П. С. Казанский оставил службу в Академии, всецело сосредоточившись на своих ученых трудах. Ему было суждено прожить еще четыре года, и за этот период он опубликовал целый ряд статей, среди которых есть посвященные истории византийского и русского монашества.

В 1877 году Петр Симонович тяжело перенес кончину любимого брата — архиепископа Костромского Платона, а в феврале 1878 года

---

[1] *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 69, примечание 1.

и сам тяжело заболел. 14 февраля он исповедался и причастился Святых Христовых Таин и в этот же день отошел ко Господу на 59-м году жизни. «С 13 на 14 прошлого февраля в Троицком Сергиевом Посаде скончался бывший профессор Московской Духовной Академии Петр Симонович Казанский, — сообщалось в некрологе. — Он был весьма почтенный ученый, который много и усердно трудился, который искренно желал и стремился принести посильную пользу науке и который оставил после себя длинный ряд исследований и несколько целых книг»[1].

Отпевание почившего было совершено 16 февраля в Покровском храме Московской Духовной Академии. В надгробном слове профессор МДА Димитрий Федорович Голубинский († 1903) отметил заслуги П. С. Казанского как церковного историка: «Мы замечали, с какой тщательностью он старался передавать нам самый ход исторических событий, с какой осторожностью он обращался с историческими памятниками и источниками, когда нужно было решить какой-нибудь спорный вопрос. Такое изложение предмета, строго основанное на фактах,

---

[1] Памяти заслуженного профессора МДА П. С. Казанского // Православное обозрение, 1878, март, т. 1. С. 499–500.

с одной стороны, способствовало развитию здравого взгляда на исторические события, а с другой и вообще приучало нас к исканию достаточных оснований для наших убеждений. Но при всей осторожности в суждениях о значении исторических фактов покойный наставник умел привлекать особенное наше внимание к тем событиям, в которых ясно обнаруживались действия Промысла Божия, таковы, например: состояние Римской империи перед явлением христианства и многие замечательные события на Западе по отделении его от церковного общения с православным Востоком»[1].

Слово прощания произнес также ученик П. С. Казанского, доцент кафедры гражданской истории Василий Александрович Соколов (впоследствии профессор МДА; † 1918). Обращаясь к почившему, он сказал: «У тебя не было семьи; ты не был мужем и отцом, но многих ли старцев окружает такая многочисленная благословенная семья, какая окружала тебя?»[2]. И, как бы развивая эту мысль, профессор МДА

---

[1] Памяти заслуженного профессора МДА П. С. Казанского // Православное обозрение, 1878, март, т. 1. С. 495. Речь, произнесенная профессором Академии Д. Ф. Голубинским.

[2] Там же. С. 498. Речь приват-доцента Академии В. А. Соколова.

Е. Е. Голубинский отметил, что «Петр Симонович не вступал в брак и провел жизнь в холостом, поистине монашеском одиночестве. Одиночество есть друг ученых занятий, но врагом покойного было его здоровье, совсем хилое...»[1]

После отпевания П. С. Казанский был похоронен на академическом кладбище рядом с могилой протоиерея Александра Горского. И это не было случайно; по словам Е. Е. Голубинского, «покойный был другом и соревнователем незабвеннейшего А. В. Горского: достойный дружбы, он соревновал ему, превозмогая бодрым духом немощную плоть»[2].

После кончины П. С. Казанского исследования по истории восточного монашества продолжила целая плеяда отечественных богословов. К их числу относятся такие церковные историки, как архимандрит Сергий (Спасский)[3], А. П. Лебедев[4], архимандрит Палладий (Кафа-

---

[1] Памяти заслуженного профессора МДА П. С. Казанского // Православное обозрение, 1878, март, т. 1. С. 500. Речь профессора Академии Е. Е. Голубинского.

[2] Там же. С. 500.

[3] *Сергий (Спасский), архим.* Лавсаик и история египетского монашества // ЧОЛДП, 1882, ч. 1, отд. 1. С. 197–248.

[4] *Лебедев А. П.* Новые и старые источники истории первоначального монашества // Богословский вестник, 1892, № 4. С. 1–37.

ров)[1] и ряд других. Но в ряду этих исследователей П. С. Казанский по праву занимает первое место, о чем хорошо сказал знаменитый русский историк, профессор Московской Духовной Академии Е. Е. Голубинский (1834–1912): «Многочисленные ученые труды Петра Симоновича по всей справедливости должны быть ценимы особою высокою ценой; они приобретают значение нравственного подвига»[2].

Известен проф. Казанский и как составитель акафистов: Благоверным князьям Константину и чадам его Михаилу и Феодору, Муромским чудотворцам (1871), Святому и праведному Иосифу Обручнику (1871), Богородице, всех скорбящих Радосте (1866), Казанской Божией Матери (1868); им же написаны «Служба и акафист Иверской Божией Матери» (1861), «Служба святителю и Чудотворцу Тихону» (1861). Как публикатор, проф. Казанский известен прежде всего разысканиями писаний преподобного Иосифа Волоколамского (1847) и дополнительных записей о Несторе-летописце (1846). Все эти

---

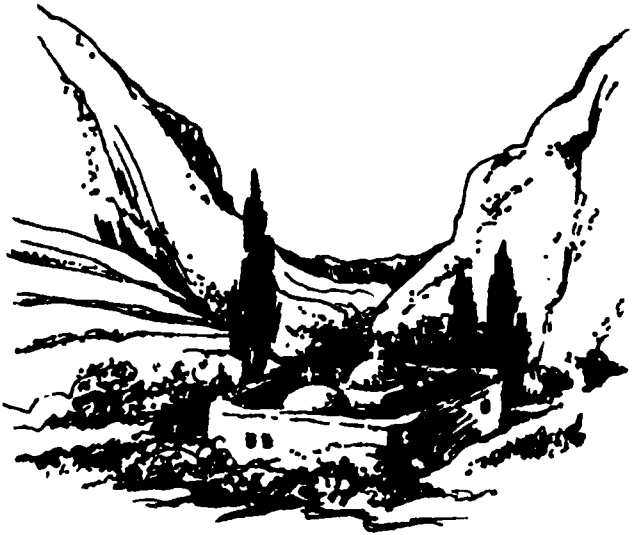
[1] *Палладий (Кафаров), архим.* Новооткрытые сказания о преп. Макарии Великом по коптскому сборнику. Казань, 1898; его же: Новооткрытые изречения преп. Антония Великого. Казань, 1898; его же: Св. Пахомий Великий и первое иноческое общежитие. Казань, 1899.

[2] Православное обозрение, 1878, т. 1, март. С. 500.

творения П. С. Казанского вошли в обиход церковной жизни верующих.

Ученый состоял членом многих исторических обществ и архивных комиссий, деятельно сотрудничал в научных периодических изданиях. Многие из его публикаций и доныне не утратили своего значения. Перечень откликов на труды проф. П. С. Казанского см.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. II. Спб., 1910. С. 550–551. Характеристики личности ученого: «Православное обозрение». 1878, т. 1, март. С. 458–508.

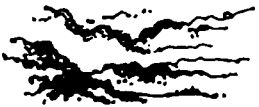
Текст подготовлен
с участием А. Н. Стрижева



Часть первая

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

(Монашество в Египте)



ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА

НА

ВОСТОКѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОНАШЕСТВО ВЪ ЕГИПТѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Экстраординарнаго Профессора Московской Духовной Академіи,

Петра Казанскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1854.

Православному
Русскому иночеству
усерднейшее приношение

Надобно верно исследовать жизнь монахов, подвизавшихся прежде нас, и по ним усовершать себя; ибо они сказали и сделали много хорошего.

Евагрий у Сократа

Предисловие

Три обета составляют сущность иноческой жизни — обет целомудрия, обет послушания, обет произвольной нищеты. Цель сих обетов та, чтобы отрешением от міра и его удовольствий, отсечением своей воли дать свободу духу и телу всецело посвятить себя на служение Богу. Священны узы семейные; для человека созданы и блага временные. Но священнее союза семейного — союз человека с Богом; дороже, безценнее благ временных — блага вечные. Временные связи и временные удовольствия, для поврежденной грехом природы человека, большею частью служат препятствием стремиться к вечному и небесному, приковывают ум и сердце его к земному. *Но все, еже в* міре, пишет Апостол, *похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16). Монашество стремится обетом целомудрия

подавить похоть плоти, обетом нестяжательности — похоть очес, дабы не увлекаться сокровищами, которые мір обещает поклонникам его, обетом послушания — гордость житейскую, чтобы оставить и победить искание суетной славы. Чтобы легче оторвать себя от связей земных, чтобы лучше оградить себя от искушений, какие представляют богатства, удовольствия и слава міра, — иноки избирают местом жительства пустыни, откуда и получили свое наименование монахов или уединенных. Кто не испытал сладости уединения? Кто не знает, что только в тишине уединения созревают высокие мысли, укрепляется дух для великих подвигов? Люди самые пристрастные к удовольствиям міра ищут отдыха в уединении; самые заботливые о снискании благ временных и славы земной в тишине уединения соображают и измышляют для сего средства. Но в деле спасения душа тогда только начинает жить для Бога, когда мір для нас опустеет. В міре непрестанно разсеиваются мысли, порабощаются желания, возмущается душа и совесть.

Посему иноки, чтобы оградить себя от всех искушений міра, поселялись в безлюдных пустынях, в глуши лесов или в темных пе-

щерах. Одни строгие отшельники совсем удалялись от общества людей и в самых необитаемых местах или совершенном затворе проводили жизнь свою в беседе с одним Богом. Были подвижники, которые в течение тридцати, сорока и более лет не видали ни одного человека. Другие жили по два и по три в недальнем разстоянии друг от друга, два раза в неделю в субботу и воскресенье сходились вместе для общего Богослужения. Иные жили целыми обществами, имея общие определенные уставом и труды, и молитвы, и пищу. Но у всех одно было общее стремление — распять плоть свою со страстями и похотями, стать выше себя, выше своей чувственности. Они отыскивали самые строгие правила Евангелия, давали им самое обширное значение, старались выполнять их со всем усилием воли. Они умерщвляли тело свое алчбою, жаждою, бдением, молитвами и трудами. Принося в жертву Богу дар целомудрия в чистом сосуде воздержания, они в глубоком самоотвержении отсекали от своего ума всякий собственный помысел, и от воли всякое собственное желание, от сердца всякое вожделение собственного удовольствия, всякое негодование на ближнего. Увлекаемые

непреклонною силою воли ко внутренним и внешним подвигам, они старались достигнуть такого состояния, чтобы ни во внутренней, ни во внешней природе не ощущать никаких движений кроме одной мысли о Боге. Добровольные мученики, они ежедневно умирали для Бога. Велик и свят подвиг предать тело свое в руки мучителей за исповедание имени Христова. Но менее ли потребно мужества каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекать всякую нечистую мысль? В трудные решительные минуты жизни более напрягается сила души, и во время великих испытаний человек чаще выходит победителем, нежели в малых ежедневных искушениях. Сколько раз слабая воля может поколебаться в своем направлении! Сколько потребно бдительности над собою! Сколько нужно терпения, чтобы сохранить всегда душу и тело чистыми от приражения греховных движений! Посему Кассиан называет иноков новыми мучениками[1]. Один из писателей, близких к началу монашества[2], главным побуждением к иноческой жизни поставляет

---

[1] Cass. coll. XVIII.

[2] Proleg, ad vit. Pachom. Acta. § 3. Bolland.

ревность верующих во Христа подражать подвигу мучеников. «Верующие, — пишет он, — видя страдания мучеников и их искреннее стремление к исповеданию имени Христова, начали и сами, при помощи благодати Божией, последовать их жизни и самоотвержению, и в иночестве осуществились слова Апостола: *проидоша в милотех и козиих кожах, скорбяще озлоблени, их же не бе достоин мір, в пустынях скитающеся, и горах и вертепах и пропастех земных*» (Евр. 11, 37–38). Как мученики, одушевляемые любовью, радостно шли на страдания и смерть за исповедание веры в Господа Иисуса; так и подвижники, одушевляемые горячею ревностью и пламенною любовью к Богу, в своей труженической жизни, приближавшей их к Богу, находили такой источник блаженства, что желали бы до безконечности увеличивать свои труды и подвиги. «Поверь, сын мой, — говорил один старец молодому отшельнику удивлявшемуся трудам и изнурению, каким подвергал себя старец в преклонных летах, — поверь, сын мой! Бог такую ревность и любовь к служению даровал душе моей, что я никак не могу вполне удовлетворить ея расположению». В самом деле, могли ли не желать этих подвигов пустынни-

ки, когда благодать изливалась в таком изобилии, что они молили даже Господа: «Удержи волны благодати Твоей».

Эта святая, высокая жизнь иноков с самого начала монашества возбуждала внимание благочестивых Христиан. В их жизни представлялся живой пример того совершенства христианской жизни, какое указывается в Евангелии. Не громом побед и завоеваний, не потоками крови и опустошений они стяжали себе вечную память, но сокровенным деланием во Христе, борьбою с греховною природою и врагом спасения; их подвиги сопровождались только их слезами и воздыханиями, а на прочих людей они старались только низводить благословение свыше. Это был неземной мир среди этого міра, изумляющий величием своего духа и жизни, дающий разуметь, какую чудную силу являет природа человеческая, какая власть и могущество заключены в душе и теле человека, когда он весь проникается силою благодати Христовой. *Посему история монашества есть история успехов Христианского благочестия.*

Таковы всегда были и могут быть по духу своему монашеские общества. Довольно свидетельства одного Святого Иоанна Златоуста,

чтобы убедиться в святости жизни монашеской. Сей Святитель, сам украшенный всеми Христианскими добродетелями, с неизъяснимым удовольствием воспоминает о том времени, какое провел он в обителях иноческих, и в своих беседах с пылким увлечением часто говорил о высоком достоинстве иноческой жизни. «Между монашескою и мірскою жизнью, — говорит он в одной беседе, — такое же различие, какое находится между пристанью и морем, непрестанно волнуемом ветрами. Смотри, самые жилища монахов предуведомляют о их благоденствии. Избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горестям, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о царствии небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а паче всего с Богом. Жилища их чужды всякого шума. Душа свободная от всех страстей и болезней тонка, легка, и чище всякого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были в

начале и до падения у Адама, когда облеченный славою дерзновенно беседовал с Богом и обитал в блаженном рае. И в самом деле, жизнь монахов чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел житейских никаких забот, нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом; так и монахи, даже больше чем Адам, имеют дерзновения, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святого. Опишу хотя одну часть образа их жизни; ибо всей их жизни описать невозможно. Сии светильники міра, едва начинает восходить солнце, или ещё до разсвета, встают с ложа здравы, бодры и свежи. Ибо их не возмущает ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дел; но они живут, как Ангелы на небе. Итак, встав с ложа бодрые и веселые, они с светлым лицом и чистою совестью составляют вместе один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Спрошу вас, чем различествует от Ангелов сей лик на земле поющих и восклицающих: *слава в вышних Богу, и на земли мир в человецех благоволение* (Лк. 2, 14). И одежда

у них соответствовала их мужеству. Одежды их приготовлены, как у блаженных оных Ангелов, Плии, Елисея, Иоанна и прочих Апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи и то ветхой. Потом, пропевши свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли и на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, чтобы никому из них не услышать сего страшного гласа: Не вем вас; — и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь и благополучно проплыть сие бурное море. Потом, как вставши окончат сии священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным идет каждый к своему делу и трудами многое приобретают для бедных. Монахи не только, когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончится, один берет Исаию, другой беседует с Апостолами, третий читает книги других писателей и лю-

бомудрствует о Боге, о міре, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей. Они питаются Словом Божиим, сладчайшим меда и сота (Пс. 18, 11). Это чудный мед, и гораздо лучше того, каким некогда Иоанн питался в пустыне. Ибо не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают сей мед, но приготовляет оный благодать Св. Духа и вместо сотов, ульев и дупла полагает в душах Святых. Подобно пчелам они облетают соты Священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Принимая такую пищу, уста их не могут произнести ни одного дурного слова, ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба. Не погрешит тот, кто уста монахов уподобит источникам, пьющим мед и чистые потоки. Таково их настоящее состояние. А будущее их какое слово может выразить? Какой ум — постигнуть? Их жребий Ангельский, неизреченное блаженство, несказанные блага![1]

Говоря в другой беседе, что все мы званы на брак Божий и что званную на этот торжественный чертог душу нужно ввести обле-

[1] Беседа 68 на Евангелие от Матфея.

ченною и украшенною златыми одеждами, Святой Златоуст продолжает: «Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни Святых, облеченных в власяницы, живущих в пустынях. Они-то носят брачные одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать им. И это потому, что знают красоту своей одежды. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю; — ты упал бы на землю, не вынес бы сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести. У святых подвижников нет никакой печали, но как бы на небесах устроив себе хижины, они также далеко обитают от бедствий настоящей жизни и борются с дьяволом так легко, как будто играют. Они убегают городов и общественных собраний, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но должно жить в таком жилище, которое легко оставить; они, если нужно, оставляют его, как воины оставляют лагерь во время мира. Но приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели видеть стан воинов, раскидывающих в поле шатры. В палатках воинов Христовых мы не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий, ни зо-

лотых тканей покрывающих палатку царскую. Но если бы кто распростер на земле, которая обширнее и неизмеримее нашей, многие небеса, тот представил бы подобное жилищам иноков. Ибо их обитель ничем не хуже небес; потому, что к ним сходят Ангелы, даже Сам Господь Ангелов. Сии подвижники, как воины, живут в шатрах не с копьями, не со щитами и бронями, — и однако они совершают такие подвиги, каких те и с оружием произвести не могут. Они каждый день сражаются и побеждают все возстающие из них похоти. Одним хотением они побеждают врагов, которыми воины побеждаются. Пьянство и пресыщение побеждено у них питием воды и лежит повержено и мертво. А это — многовидный и многоглавый зверь. В воинстве духовном каждый воин одерживает победу. Кто сам не нанес врагу смертоносного удара, того он не перестает безпокоить всячески. Каждый из сих воинов воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные со всех концов вселенной. Они отринули от себя все безпорядочное и безразсудное — безумные слова, неистовые и отвратительные болезни, кичение, и все, чем вооружается против человека пьянство. Они

употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водою. Смятение, шум и безпокойство совершенно от них изгнаны, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина. И не только над сладострастием одержали победу оные Святые мужи, но и над любостяжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями душевными. Итак, трапеза сих воинов не лучше ли трапезы воинов Царя земного? Трапеза мужей Святых возводит на небо; её приготовляет Христос; правила для нее дает любомудрие и целомудрие. Пустынножители не женятся, не посягают иметь много, не предаются изнеженности; но кроме самых неизбежных нужд для существа телесного, живут как безтелесные. Трапеза их приготовляется праведными трудами; будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; ищет пользы своих соучастников, — не попускает оскорбить Бога. Нет у иноков никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева; все тихо, все мирно, везде великая тишина, великое безмолвие. Постелью инокам служит трава; многие спят

не имея крова, а небо служит им вместо крова, и луна вместо светильника. У них нет господина и раба; все рабы и все свободные. Они рабы друг другу и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, не нужно запирать дверь, бояться разбойников. Разговор их исполнен такого же спокойствия. Они всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем, и как бы не здешние, как бы переселившиеся на небо и там живущие, всегда разсуждают о небесном: о лоне Авраамовом, о венцах Святых, о ликовании со Христом; а об настоящем нет ни помина, ни слова. Они говорят о небесном царстве, о настоящей брани и кознях дьявола, о великих подвигах совершенных Святыми. — Хотите ли пойти в град добродетели, в селения Святых, т. е. в горы и леса? Там-то мы и увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мірскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни своей явственными чертами изображают смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу,

сами служат приходящим. Там все слуги, каждый омывает ноги странников и один пред другим старается оказывать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, раб или свободный, но делают это для всех равно; нет там ни больших, ни малых. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их и чрез то делается большим. У всех один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им; у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там не говорят: это мое, это твое. Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною безчисленного множества распрей. И чему дивиться, что у пустынников один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда у них и душа одна, не по природе только, но и по любви, а любовь может ли когда возгордиться сама пред собою? Там нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни безчестия. Хотя и есть там низшие и высшие по добродетели, но никто не смотрит на свое превосходство: низших там не оскорбляют презрением; ибо там никто не уничижает других. А если бы их кто унижал, они тем

более научаются переносить презрение, поругание и уничижение и в словах и в делах. Любят обращаться с нищими и увечными, и за столом их много таких гостей; а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев; там даже не знают, что такое лесть. У них во всем равенство, и потому они весьма удобно преуспевают в добродетели. Все усилия они употребляют на то, чтобы не иметь первенства, но быть в унижении, и всячески стараются превзойти друг друга в том, чтобы не самим пользоваться честью, а воздавать оную другим. Впрочем, и самые их занятия приводят их к смирению. Ибо, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергается сему недугу? Как в міре трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так в пустыне это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня; он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка древа, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, что

может возбудить к гордости человека, живущего среди такой пустыни? — Приди и учись у иноков. Это — светильники сияющие по всей земле; стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мірскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущих благ. Придти в пустыню — то же самое, как если бы кто пришел к золотых дел мастеру или в розовый цветник. Как здесь получают некоторый блеск и от золота и от роз: так и приходящие к праведным, получая пользу от блеска их, убавляют несколько от прежней гордости. Или как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим; так и те, восходя в беседе к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают». «В міре свирепствует буря, а отшельники сидят в пристани

спокойно и в великой безопасности, смотря как бы с неба на кораблекрушения, постигающие других. Они и жизнь избрали достойную неба и живут не хуже Ангелов. Как между Ангелами нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, и радостью, и славою: так и здесь никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством; своекорыстие изгнано отсюда; все у них общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда у них и самая душа одна и та же? Все они благородны — одинаковым благородством, рабы — одинаковым рабством, свободны — одинаковою свободою. Там у всех одно богатство — истинное богатство; одна слава — истинная слава, потому что блага у них не в именах, но в делах; одна радость, одно стремление, одна надежда у всех. Все у них устроено как бы по какому правилу и мере, и нет ни в чем неправильности, но во всем порядок, стройность и гармония, — самое точное согласие и прочное основание для всегдашнего благодушия. Все и делают и терпят все для того, чтобы им благодушествовать и радоваться. Только там и можно это видеть в полном событии, потому,

что у них не только презирается настоящее, удален всякий повод к несогласию и вражде и питаются светлые надежды на будущее, но случающиеся с каждым из них скорби и радости почитаются общими для всех»[1].

Святой Златоуст в особом поучении раскрывает, что гораздо лучше быть истинным монахом, нежели владеть земным царством. «Избрать жизнь монашескую, — беседует он в сем поучении, — посвятить себя на служение Богу для всех — легко и удобно. Тот, кто посвятил себя Богу и ведет уединенную жизнь, господствует над гневом, завистью, сребролюбием и удовольствием и другими болезнями, всегда назирая и заботясь, чтобы не подчинить души своей постыдным страстям, не поработить разума горькому тиранству, но всегда возвышаясь умом, поставляет страх Божий владыкою над страстями. Монах сражается с демонами, одолевает их, побеждает и увенчивается от Христа, поелику тот, кто вступает в борьбу подкрепленный Божественною помощью, огражденный небесным оружием, естественно должен одержать совершенную победу. Он воюет с дьяволом за

[1] Беседа 69, 70, 72 на Евангелие от Матфея.

благочестие, за почитание Бога, желая освободить от заблуждений или города, или деревни. Монах беседует с Пророками, украшает ум мудростью Павла, безпрестанно переходит от Моисея к Исаии, от Исаии к Иоанну, от Иоанна к другому кому-либо. — Ночью монах украшается служением Богу и молитвами, прежде петлоглашения начинает пение, и с ним сожительствуют Ангелы, — он беседует с Богом, вкушает блага небесные. Пища его так легка, что не погружает в глубокий сон. И трапеза и одежда его умеренны. Монах и бедным и богатым дает дары, он равно щедр для обоих. Хотя целый год носит одну одежду и охотнее пьет воду, нежели вино, но не просит для себя ни большой ни малой милости от богачей, но для бедных он испрашивает многих постоянных милостей, полезных как для дающих, так и для получающих. Таким образом он является общим врачом и для богатого и для бедного, — одного освобождая от грехов добрым наставлением, другого избавляя от нужды. Он раздает дары Духа, освобождает молитвою души, угнетенные тиранством демонов. К ним прибегают и цари в своих нуждах, прося их молитв. Монах носит залог спасения в своей воле, в своей ревно-

сти, в своем расположении, по слову Писания: *царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Смерть для него не страшна; ибо для того, кто презирает богатства, удовольствия и радости, не тяжело разлучиться с этим міром. — Если подвергнется какому-нибудь несчастью, то знает, что по смерти получит безсмертную и вечную жизнь. Монах имеет желателей его благ, подражателей и учеников, старающихся быть подобными ему. По смерти своей монах восхищается на облаках на сретение Христа на воздусех, по примеру Вождя и Установителя сей спасительной жизни и всех добродетелей[1].

Такими же высокими чертами описывается жизнь древних иноков в истории Руфина. «Видел, — пишет Руфин, — истинно видел сокровище Христово, сокрытое в человеческих сосудах. Видел я в Египте отцов, живущих на земле и проводящих жизнь небесную, и новых неких пророков, воодушевленных как добродетелями душевными, так и даром пророчества, о достоинстве коих свидетельствует дар знамения и чудес. В самом деле, почему тем, которые не желают ничего

[1] Chrys. tom. 1. pag. 143–148.

земного, ничего плотского, не получить небесной силы? Некоторые из них так свободны от всякой мысли о нечестии, что забывают, было ли в міре что-нибудь злое. Таков мир их души, такова их доброта, что истинно об них можно сказать: *мир много любящими закон Твой* (Пс. 118, 165). Они обитают в пустыне, разсеянные и разделенные по келлиям, но соединенные любовью. Для того разделяются жилищами, чтобы никакой звук, никакая встреча, никакой праздный разговор не возмущали наслаждающихся покоем безмолвия и священным вниманием ума. Собравши ум, каждый в своем месте, ожидают пришествия Христа, как благого Отца; или как воины в лагере — присутствия Императора, или рабы — прихода господина, обещавшего дать им свободу и дары. Все они не заботятся о пище или о одежде и подобном. Ибо знают, что *всех сих языцы ищут* (Мф. 6, 32). Они ищут правды и царствия Божия; и все сие, по обещанию Спасителя, прилагается им».

«Многие из них, если почувствуют нужду в чем-либо необходимом для тела, не к людям прибегают, но обратясь к Богу и прося от Него как от Отца, получают просимое. Ибо такова в них вера, что может и горы пере-

ставлять. Посему некоторые из них молитвами останавливали стремление волн реки, готовой затопить соседние селения, как посуху переходили по воде, укрощали лютых зверей и совершали многие и безчисленные чудеса, так что нет сомнения, что их добродетелями стоит мір. Особенно удивительно то, что хотя, обыкновенно, все превосходное редко и трудно, — их и по числу много, и по добродетелям они несравненны. Иные живут вблизи городов, другие в деревнях, многие разсеяны по пустыне как бы некое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее в лагере, всегда стремящееся к исполнению повелений царя; сражаясь оружием молитв и покрываясь от нападений врага щитом веры, старается приобрести себе небесное царство. Они украшены добрыми нравами, миром, тихи, покойны и связаны союзом любви, как бы неким родством. Они сильно состязаются в соревновании о добродетели. Каждый старается быть снисходительнее, кротче, любвеобильнее, смиреннее и терпеливее другого. Если кто из них был мудрее, то он так прост со всеми, что, по заповеди, кажется меньшим всех и слугою всех»[1].

---

[1] Rufini Hist. monach. Patrol. curs. compl. T. XXI. pag. 390.

Историк V-го века Созомен называет монашество самым полезным делом, нисшедшим от Бога к человекам. «Это любомудрие (так Созомен называет монашество) наслаждается только добром, и кто удерживается от зла, но не делает добра, того почитает худым; ибо оно не тщеславится добродетелью, но подвизается, почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстям души, оно не уступает ни нуждам физическим, ни немощам тела. Стяжав силу Божественного ума, оно всегда созерцает Создателя всяческих, ночью и днем чтит Его и умилостивляет молитвами и служением. Стремясь благочестно к вере чрез чистоту души и совершение добрых дел, оно презирает очищения, окропления и тому подобное, ибо скверными почитает только грехи. Будучи выше внешних напастей и, так сказать, господствуя над всем, оно не отвлекается от своего избрания ни окружающим жизнь безпорядком, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабевает, терпящее зло — не мстит, угнетаемое болезнью или недостатком необходимого — не упадает в духе; но тем более и хвалится, что, целую жизнь подвизаясь в терпении и кротости и требуя немногого, становится, сколь-

ко возможно для человеческой природы, ближе к Богу. Смотря на настоящую жизнь как на переход к лучшей, оно не удручается заботами о приобретении вещей и не простирает своего попечения о настоящем далее кратких нужд, но всегда, предпочитая простые и удобоснискиваемые потребности здесь, чает блаженства там и постоянно стремится к тамошнему счастливому жребию. Всегда дыша благоугождением Богу, оно отвращается от безстыдного сквернословия, и что удалило из своей жизни на самом деле, о том не терпит даже и звука. Ограничиваясь немногими естественными потребностями и принуждая тело довольствоваться малым, оно над похотью владычествует воздержанием, неправду наказывает правдою, ложь вразумляет истиною, и мерою всего ставит благочиние. Жизнь свою проводит оно в единомыслии и общении с ближними, печется о друзьях и чуждых, делит собственное с нуждающимися, занимается тем, что полезно для всякого, не возмущает радующихся и утешает скорбящих. Заботясь же о всех и направляя свое попечение к существенному благу, оно здравыми разсуждениями и мудрыми внушениями научает слушателей чуждаться мести и

злословия. Будучи свободно от вражды, насмешливости и гнева, беседуя с почтением и скромностью, оно врачует собеседников этим, как бы каким лекарством. Как разумное, оно отрекается от всякого неразумного движения и совершенно властвует над страстями души и тела»[1].

Другой церковный историк, Сократ, приводит изречение Евагрия: «Надобно верно исследовать жизнь монахов, подвизавшихся прежде нас и по ним усовершать себя; ибо они сказали и сделали много хорошего». Жизнь первого пустынножителя и основателя иночества Антония передана нам Святителем Александрийской церкви — Афанасием. Современники и близкие потомки со вниманием записывали слова, изречения и дела Святых подвижников. Руфин, Палладий, Кассиан, блаженный Иероним, Иоанн Мосх, церковные историки: Сократ, Созомен, Феодорит и другие собирали сведения о древних подвижниках. Жизнь сих подвижников рассказывали как славу и честь Святой Церкви, как назидательнейший пример для подражания и возбуждения к жизни благочестивой.

---

[1] *Созомен*. Церковная история. Кн. 1, гл. 12.

По великому влиянию иноческого сословия на судьбу Святой Церкви история монашества сделалась неотъемлемою частью Церковной Истории. Как непонятна была бы история Церкви в первые три века Христианства без истории мучеников, так непонятна была бы история последующих веков без истории монашества.

Если так велико значение истории монашества вообще, то для Русского иночества изображение жизни древних подвижников иночества имеет особенную важность. Иноческая жизнь в России основана и утверждена иноками Восточными. В основание ея и в руководство положены те же самые правила, которыми руководствовалось монашество на Востоке. В жизни Восточных подвижников Русское иночество всегда искало поучительных примеров для своей жизни; им стремилось подражать; их душеспасительные писания всегда были источником, в котором почерпало Русское иночество наставления для себя, пищу для своей души.

Правда, что жизнь каждого знаменитого подвижника известна православному Русскому иночеству, и их писания у многих содержатся в памяти. Посему не новое что-либо

предлагается в сем труде, но только собирается воедино то, что разсеяно в разных сказаниях, представляется постепенный ход и развитие иноческой жизни на Востоке. Имея главною целью назидание, Автор не оставлял без внимания и требований ученых.

Происхождение жизни монашеской

Монашество своим появлением и происхождением обязано Христианской религии. Конечно, не без примера была девственная жизнь и в Ветхом Завете. Из примера дочери Иеффаевой мы видим, что девы отказывались от брака и были посвящаемы на служение Скинии. Пророки — Илия, Елисей и другие вели жизнь безбрачную. Пред пришествием Христовым между Иудеями, обитавшими в Египте, образовалось целое общество Ферапевтов, проводивших жизнь безбрачную. Впрочем, общее мнение давало предпочтение супружеству пред жизнью девственною. При чаянии рождения обетованного Искупителя безплодие супругов Пророки представляли наказанием Божиим (Ис. 47, 9. Ос. 9, 12).

Христианство при самом появлении своем отдало предпочтение девству пред супружеством, славу рождения обетованного Искупителя даровавши в награду девству, а не супружеству. Пресвятая Мария Богоотроковица, с трех лет посвященная Богу, и по чистейшей совершеннейшей любви к целомудрию избравшая девственную жизнь, и по рождестве Бога Слова пребывшая Девою, представила Собою совершеннейший образец девства. Размышляя о девстве Богоматери, как примере для дев Христианских, Отцы Церкви любили повторять слова Псалмопевца: *приведутся Царю девы в след Ея, искренние ея приведутся Тебе; приведутся в веселии и радовании введутся в храм царев* (Пс. 44, 15–16).

Пророка и Предтечу пришествия Христова Иоанна Крестителя, проводившего девственную жизнь в пустыне, покрывавшегося кожаною одеждою и питавшегося суровою пищею, подвижники Христианства считают первообразом иноческой жизни. Девственную жизнь освятил Своим примером и Господь наш Иисус Христос. Благовествуя на земле людям пути спасения, Он, не обязуя к девству всех, указал на него как на совершеннейший образ

жизни: суть скопцы, иже скопиша себя царствия ради небесного. Но сей высший род жизни Он представил в удел только тем, которые от Творца природы и Духа благодати всеосвящающей получили дар воздержания и чистоты. *Не вси вмещают словесе сего*, сказал Он ученикам Своим о жизни безбрачной, *но им же дано есть* (Мф. 19, 11). Но хотя высота жизни, которую Сам Господь назвал Ангельскою (Мф. 22, 30), не для всех доступна, тем не менее сподобившиеся сего дара обязываются быть верными Божественному призванию. *Могий вместити да вместит*, сказал Господь о девственной жизни (Мф. 19, 12). Не обязывая никого к совершенному отреченью от міра, Спаситель указывает на совершенную нестяжательность как на дело высшего совершенства: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим* (Мф. 19, 21). Желающим последовать Ему Он повелевает искать прежде всего царствия Божия и правды его (Лк. 12, 31), отвергнуться себя, взять крест свой и идти в след Его (Мф. 16, 24). Таким образом, не обязывая никого к отречению от связей семейных и гражданских, Спаситель указывает на девство — на отречение от своей воли и

имущества, на жизнь, исключительно посвященную исканию Царства Небесного, как на высшую степень Христианской жизни.

Друг и наперсник Христов Иоанн Богослов писал в своем послании: *не любите міра, ни яже в міре, яко все, еже в міре, похоть плотская, похоть очес, и гордость житейская* (1 Ин. 2, 15–16). Сия заповедь, обязательная для всех, более достигается в жизни иноческой. Иночество стремится подавить похоть плоти — обетом целомудрия, похоть очес — обетом нестяжательности и гордость житейскую — обетом послушания.

Созерцая славу горнего Иерусалима, Св. Иоанн Богослов видел и особую честь, воздан-ную девству. И взглянул я, пишет он в откровении, и се Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у коих имя Отца Его написано на челах (Откр. 14, 1). Он слышал песнь, которую пели пред престолом; и никто не мог научиться песни сей, кроме сих ста сорока тысяч, искупленных с земли. Эти старцы суть девственники, не познавшие жен. Они идут за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они куплены от людей, как первенцы Богу и Агнцу. И на устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим (ст. 2–5).

Апостол Павел пишет к Коринфянам: *добро человеку жене не прикасатися* (1 Кор. 7, 1). Он желал, чтобы все Христиане подобно ему соблюдали девство: *хощу, да вси человецы будут якоже и аз. Глаголю же безбрачным и вдовцам: добро им есть, аще пребудут якоже и аз* (ст. 8). Он указывал на превосходство жизни безбрачной пред супружескою как в отношении к тесным обстоятельствам времени (ст. 26), так и к совершенству Христианскому: *не оженивыйся печется о Господних, как угодити Господеви: а женивыйся печется о мірских, како угодити жене. Разделися жена и дева. Непосягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом: а посягшая печется о мірских, како угодити мужу* (ст. 32–34). Впрочем, Апостол заповедал, чтобы каждый в выборе того или другого состояния сообразовался с своим духовным дарованием. *Кийждо*, писал Апостол, *свое дарование имать от Бога, ов убо сице, ов же сице* (ст. 7). Избрание девственной жизни он признает добрым тогда, когда оно совершается по непринужденному расположению сердца, по свободной решимости воли. *А иже стоит твердо сердцем*, пишет Апос-

тол, *не имый нужды, власть же имать о своей воли, и разсудил есть в сердце своем, блюсти деву свою, добре творит* (ст. 37). Потому, прибавляет Апостол, хорошо делает и тот, кто отдает дочь свою замуж, и ещё лучше делает тот, кто не отдаёт её (ст. 30).

При обилии даров духовных в первенствующие времена Христианства и общей ревности к высоким подвигам не могут не встречаться примеры девственной подвижнической жизни. Многие, родившись в Христианстве, с юных лет избирали жизнь девственную, проводили все время в посте и молитвах, раздавали имение свое на дела Богоугодные, нераздельно посвящая жизнь свою Господу, и таким образом были совершенными иноками прежде появления иночества. Таковы были некоторые из учеников Христовых.

Св. Иаков брат Господень, посвященный Богу от чрева матери, до конца жизни сохранил девство, не вкушал ни вина, ни мяса, не намащал тела своего елеем; колена его от частых преклонений в молитвах к Богу за себя и за других покрыты были наростами[1].

---

[1] *Evsev.* Hist. Eccl. L. 2. c. 23. Hieron. adv. Jovianum.

Всеобщее предание Церкви называет девственником возлюбленного ученика Христова Иоанна, усыновленного Преблагословенной Деве Искупителем с креста[1]. Девственником называют Отцы Церкви и брата Иоаннова Иакова[2]. Апостол Павел сам дает свидетельство о своем девстве (1 Кор. 7). Его возлюбленные ученики — Тимофей и Тит не налагали на себя брачных уз, чтобы всецело служить Богу[3]; ученица Павла Фекла, разделявшая труды Апостольского служения, была девственницею[4]. Дщери диаконов Иерусалимской Церкви, Филиппа и Николая, пребыли девственницами[5].

Стремление к девственной жизни так было сильно в первенствующие времена Христианства, что нужно было ограничивать даже эту ревность и защищать святость брака. Из послания Апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 7) можно заключить, что некоторые почитали обязанностью не только всем без-

---

[1] Hier. contra Vigilantium L. 1. c. 26.

[2] Epiph. adver. Haer. 38, 4. 78. Procli orat. 6.

[4] *Hieron.* ad. Tit. 2, 7. Antiochi Monachi. hom. 112.

[5] *Isidor.* Pelus. L. 1. Epist. 87. Athanas. vita Synclit.

[6] *Evsev.* Hist. Eccl. L. 3. c. 29. 31.

брачным оставаться в таком состоянии, но и вступившим в брак разлучаться (ст. 1). Чтобы исправить это заблуждение, Св. Апостол научает Коринфян, что девство не есть непременная обязанность Христианина, но произвольный подвиг.

Можно думать, что подобные мысли явились не у одних Коринфян. Апостол Павел защищает важность брака и в послании к Ефесеям (гл. 5, 22–33) и в послании к Тимофею (1 Тим. 4, 2–3). Ученик Апостольский Св. Игнатий Богоносец также писал к одному Пастырю: не возлагай ни на кого ига девства, ибо не безопасно сие стяжание и не легко сохранить его, когда бывает сие по принуждению[1]. К Св. Поликарпу, Епископу Смирнскому, он также писал: если кто может пребывать в чистоте, да пребывает, но без тщеславия. Если же кто хвалится, то погиб; а если хочет быть уважаем более нежели Епископ, то совершенно погиб[2]. В правилах Апостольских мы находим также постановления, ограничивающие неумеренную ревность о дев-

[1] I. Damascini Parallila.

[2] Послание к Поликарпу, гл. 5.

стве и подвижничестве (Пр. 5, 51). Но запрещая женатым клирикам удалять от себя жен, правила Апостольские не запрещают ради подвижничества удаляться от брака, вкушения мяса и вина (Пр. 51).

В постановлениях Апостольских яснее излагается учение о девстве: о девстве повеления мы не получили, но предоставляем его свободе желающих, как обет. Об одном только напоминаем, чтобы не давали обета легкомысленного. Ибо Соломон говорит: *благо, еже не обещаватися, нежели обещавшуся не воздати* (Еккл. 5, 4). И так дева да будет чиста душою и телом, как храм Божий, как дом Христов, как обиталище Духа Святого. Давши обет надлежит творить дела достойные обета, доказать, что обет сей есть истинный, дан по ревности к благочестию, а не в укоризну браку[1].

Все эти советы и предписания о чем ином свидетельствуют, как не о том, что ревность к девственной жизни, стремление к высшим подвигам так были сильны, что многие считали подобную жизнь не делом про-

[1] Constit. Apost. L. IV. c. 14.

извола, но непременною обязанностью всякого Христианина? Климент Римский действительно свидетельствует, что между Христианами Коринфскими было много подражателей девственной жизни Апостола Павла[1]. По свидетельству Блаженного Иеронима и Св. Епифания, Климент писал окружные послания к девственницам и в сих посланиях изрекал все, что можно сказать о девстве[2].

Из приведенных нами слов Св. Игнатия к Поликарпу видно, что девственники пользовались в Церкви особым уважением[3]. Св. Поликарп называет их жертвенниками Божиими и в своих наставлениях ставит их наряду с клиром церковным (Флп. 4). В постановлениях Апостольских предписывается, чтобы подвижники причащались Св. Таин непосредственно после клира[4].

Принимая на себя девство по обету, посвящая жизнь свою исключительно на служение Богу и составляя особый класс в обществе верующих, подвижники первых вре-

---

[1] Epist. 1. ad Corinth. c. 39.

[2] *Hieron*. L. 1. contra Lovianum. Epiph. Haeres. 30. c. 15.

[3] Кто хочет быть уважаем более, нежели Епископ.

[4] Const. Apost. L. VIII. c. XIII. n. 76.

мен Христианства были то же, чем были после иноки[1].

Посему, не напрасно предание начало монашества возводит ко временам Апостольским[2]; Евсевий старается доказать, что Ферапевты, жившие в Египте, около Мареотидского озера, были девственники и девственницы Христианские, проводившие всю жизнь свою в посте, молитвах, вдали от общества людей[3].

В самом деле, свидетельство Филона о Ферапевтах как подвижниках Иудейских было первое и последнее. Весьма вероятно, что ещё в Апостольский век Ферапевты приняли Христианство и их подвижничество освятилось новой религией.

Защитники Христианства пред язычниками указывали на девственников и девственниц как на живой пример святости Христианской нравственности. Св. Иустин Мученик писал: весьма многие у нас того и другого пола, сделавшись учениками Христо-

---

[1] Кроме названия аскетов, они назывались Ἐκλεκτῶν Ἐκλεκιοτέροι, ибо все Христиане назывались Ἐκλέκτοι Clim. Alex. in hom. quis divers salvetur n. XXXVI. Epiph. exposit. fidei n. 22.

[2] Dion. Aceop. О земной Иерархии.

[3] Hist. Eccl. L. II. c. 17.

выми еще в детстве и достигши теперь шестидесяти или семидесяти лет, пребывают в девстве. И я готов указать таких людей повсюду[1]. Афиногор также говорит: среди Христиан между мужчинами и женщинами много можно найти таких, которые до глубокой старости пребыли безбрачны, находя в сем состоянии более удобства угождать Богу[2]. Минуций Феликс говорит: весьма многие у нас соблюдают навсегда девство, не тщеславясь тем пред другими[3]. Ориген писал: у Христиан можно найти людей, для которых достаточно одного слова Божия, чтобы, отринув от сердца всякую похоть, служить Богу молитвами. Подвижницы Христианские соблюдают совершенное девство не для почестей людских, не для наград и денег и не для пустой славы[4].

Посмотри на сестер наших, писал Тертуллиан к жене своей, которых имена у Господа; невзирая ни на красоту, ни на возраст, они предпочитают святую чистоту супруже-

---

[1] Apologia major. § 18.

[2] Legatio pro Christ. § 33.

[3] Octavius c. 31.

[4] Contra Cels. 1, 7.

ству, хотят лучше быть невестами Божиими, для Бога прекрасными девами. С Ним живут они, с Ним беседуют, с Ним обращаются день и ночь, приносят молитвы свои к Господу, как вено; от Него удостаиваются милостей, когда ни захотят, как бы от супруга. Они навсегда приобрели себе благого Господа и на земле уже по безбрачию причисляются к лику Ангельскому. Сколько таких, которые прямо после крещения посвящают плоть свою чистоте! Сколько таких, которые, по взаимному согласию, пресекают супружеские отношения — произвольные скопцы ради царства небесного![1]

Во второй половине 3-го века Св. Мефодий, Епископ Тирский, прославлял девство в особом сочинении: пир десяти дев. Он представляет здесь собрание дев у Ареты; они разсуждают о превосходстве девства, раскрывают, в чем оно состоит, и заключают беседу молитвою к Богу[2].

«Велико, выше природы, чудно и славно девство! Это — питие, которое источается не землею, но небом. Господу предоставлено было

---

[1] Ad uxor. L. 1. 1. c. 4. 6.

[2] Comber. Biblioth. Patr. Pars. 1 p. 64 и далее.

преподать сие учение людям: поелику Он один, пришед на землю, научил человека возноситься к Богу; Архиерею и Главе Пророков и Ангелов прилично именоваться и главою девственников. Ветхозаветные не могли ещё вместить девства. Сколько велико достоинство девства, можно видеть из того, что число девственников изначала определено ста сорока четырьмя тысячами (Откр. 14, 3–4). В чем же состоит истинное девство, посвящение себя Богу? «Если уста мои, так говорит о сем одна из дев, буду отверзать для изъяснения Писания, или для того, чтобы православно и достоприлично воспевать Богу, и буду полагать дверь и хранение устам, чтобы не говорить суетного: то чисты уста мои и посвящаются Богу. Если буду заграждать слух от злословия и поношений и отверзать для Слова Божия: то и слух я посвятила Господу... Если чиста я и сердцем, все помышления его посвящаю Господу, не помышляю ни о чем суетном, не живет в нем гордость и гнев, помышляю о законе Господнем день и ночь: то истинно совершаю обет великий, еже очиститься чистотою» (Числ. 6, 2)[1].

---

[1] Orat. 1.

Не только тело должно соблюдать нерастленным; нужно заботиться и о душе и украшать её праведностью. А сие достигается, когда душа чисто внимает Слову Божию, прилепляется к Нему и дотоле не престает приходить к дверям мудрых, доколе не достигнет Того, Кто есть самая Истина[1].

Указуя на славу небесную, ожидающую отрекшихся от міра, одна из девственниц говорит: вот наше таинственное торжество, прекрасные девственницы! Вот награда за чистый подвиг целомудрия! Обручаюсь Слову и приемлю в дар вечный венец нетления и богатство от Отца; возложив венец на главу, украшаюсь светлыми и неувядаемыми цветами мудрости. Хожу со Христом, воздающим награду на небеси окрест безначального и безсмертного Царя; становлюсь свещеносицею неприступных светов и воспеваю новую песнь с ликом Ангелов, возвещая новую благодать Церкви[2].

Свой пир девы заключают песнью к Небесному Жениху: Забыла я родителей, возжелав Твоей благодати, Слове (Пс. 44, 11). Забы-

---

[1] Orat. 5.

[2] Orat. 6.

ла лики сверстниц дев, забыла то, что мною хвалились бы мать и сродники. Ты стал для меня всем, Христе. Тебе посвящаю себя чистою и с светильником светоносным сретаю Тебя, Женише!

Предтеча Твой, омывавший в струях очистительных множество земнородных, беззаконно ведется мужем нечестивым на заклание за чистоту. Окропляя же прах кровью Своею вопиет Тебе, Блаженный: Тебе посвящаю себя чистым и со светильником светоносным, сретаю Тебя, Женише! И матерь Твоя, Родительница Жизни, благодать нетленная, непорочная, нося в безсемянной утробе нескверно зачатый плод, будучи Девою, вопияла, Блаженный: Тебе посвящаю Себя чистою и со светильником светоносным сретаю Тебя, Женише!

Блаженный, безначальный, живущий в чистых селениях небесных, все содержащий властью вечною! Се предстоим. Приими и нас, Отче с Сыном Твоим, во врата жизни. Тебе посвящаю себя чистою и со светильником сретаю Тебя, Женише!»

Так прославлял Св. Мефодий девство устами девственниц. Также прославлял девство и Пастырь Карфагенской Церкви Кип-

риан[1]: «Обращаю слово мое к девственницам, о которых тем более забочусь, чем они выше славою. Они суть цветы на древе Церкви, краса и благолепие благодати, торжество природы, целомудренный и непорочный плод хвалы и чести, образ Божий, сообразный святости Господа, лучшая часть стада Христова. Радуется о них Церковь, и в них изобильно процветает славное плодоношение сей Матери, и чем более увеличивается многочисленное сословие девственниц, тем более умножается радость матери».

Но чем выше девство, тем оно труднее, тем более искушений от плоти и міра для отрекшихся от похотей плоти и міра. Посему Св. Киприан заботливо предостерегает девственниц от всех соблазнов, он внушает им презирать украшения в одеждах, употреблять свое богатство на дела Богоугодные, не выходить в публичные собрания, удаляться мірских удовольствий. «К сим-то девам, продолжает он, — я говорю, их увещеваю не столько по власти, сколько по сердечному к ним расположению, увещеваю не потому, будто бы я, меньший и нижайший из всех,

[1] Слово о благочинии и одежде девственниц.

забывая свою слабость, хотел присвоить себе какую-то решительную власть над их свободою, но потому, что я боюсь нападений врага. И не напрасно сие опасение, не тщетен страх; он ведет на путь спасения и ведет к сохранению животворных заповедей Господа, дабы девы, которые посвятили себя Христу и, отказавшись от плотских похотей, по плоти и по духу предали себя Богу, совершали надлежащим образом дело свое, за которое уготованы великие награды; дабы не думали уже украшать себя и не старались быть кому-либо угодными, кроме своего Господа, от Которого ожидают и награды за свое девство. Если Христос от своих последователей требует воздержания, девству назначается Царство Небесное: то что девам в земных нарядах и украшениях? Утешаясь тем, что оными можно понравиться людям, они оскорбляют Бога. Воздержание и целомудрие состоит не в одной непорочности плоти, но и в скромности одежд и в целомудрии украшений, чтобы, по Апостолу, непосягшая была свята и телом и духом. Дева не только должна быть девою, но надобно, чтобы и разумели и понимали её девою, дабы, видя её, никто не сомневался, что она дева. Непорочность должна

быть во всем непорочна, и телесная одежда не должна противоречить внутреннему совершенству. Неприлично девственницам украшать свое лицо, или величаться красотою тела: ибо нет для нас никакой брани труднее, как брань с плотью и телом, которое должны они укрощать и побеждать. Роскошная одежда и убранство девственницы свидетельствует о нечистоте ея сердца, возбуждает и в других нечистые мысли. Ты называешь себя богатою; но девственнице неприлично величаться богатством. Истинное богатство составляют блага духовные. Сим богатством не может обладать та, которая лучше желает быть богатою для века сего, нежели для Христа. Пусть почувствуют бедные и неимущие, что ты богата. Давай взаймы Богу из этого стяжания, питай Христа; умоляй чрез молитву многих, чтобы приобрести тебе славу девства и достигнуть награды от Господа. Чистые девы должны гнушаться одеждою безстыдных, украшениями распутных, убранством блудниц».

«Некоторые не стыдятся быть в кругу девиц, выходящих замуж, и, увлекаясь вольностью людей нецеломудренных, вести нескромные разговоры, не стыдятся слушать то, что

неблагопристойно, и смотреть на то, о чем не должно говорить. Какая нужда до брака той, которая не хочет вступить в брак? И могут ли удовольствия и забавы иметь место у тех, у которых совсем другие занятия, другие обеты?»

«Тесен и узок путь, ведущий к славе. Убегайте широких и пространных путей: утехи там гибельны, удовольствия смертоносны. Первый сторичный плод — есть плод мучеников, второй шестидесятый — ваш (Мф. 13, 8). Как мученик не думает о плоти и міре, не имеет с ними ни малейшего общения: так и в вас, которые занимаете второе место по награде славы, добродетель должна быть близка к терпению мученическому».

«Помните, о девы, помните, чем вы быть начали, и чем будете. Вас ожидает великая награда добродетели, величайшее воздаяние непорочности. Хотите ли знать, какого бедствия нет и какое благо есть в добродетели девства? *Умножая умножу печали твоя, и воздыхания твоя: в болезнех родиши чада: и к мужу твоему обращение твое и той тобою обладати будет*, говорит Бог жене (Быт. 3, 16). Вы свободны от сего приговора, вы не боитесь свойственных женам печа-

лей и воздыханий; не мужья господствуют над вами: Господин и Глава ваша есть Христос; Он ваш Жених, с Коим вы сочетались однажды и навсегда. Вы уже начали быть тем, чем мы будем: вы уже имеете в сем веке славу воскресения (Лк. 20, 34–36). Пребывая в чистоте и девстве, вы равняетесь Ангелам Божиим. Надобно только, чтобы девство было постоянное и неврежденное. Надобно украшать себя не ожерельем или одеждами, но добрыми нравами. Дева должна взирать на Бога и на небо; и горе устремленные взоры не должна она опускать к удовольствиям плоти и міра или обращать к земле. Вы ищите лучших обителей в дому Отца Небесного. Ваше пакибытие более свято и истинно; ибо вы не имеете плотских пожеланий. Вы старшие, — так заключает свои наставления Св. Киприан, — наставляйте младших; вы младшие служите старшим, побуждайте равных себе; возбуждайте друг друга взаимными увещаниями, руководствуйте ревностью к славе, подавая собою примеры добродетели».

Так в словах Св. Киприана высказывалось желание видеть девственниц живущих обществами, в совершенном удалении от міра,

вместе с обетом чистоты исполняющих и обет вольной нищеты, в послушании благочестивым руководительницам. Исполнение сего желания осуществилось в иноческих женских обителях.

Во время Киприана и ранее девы большею частью, оставаясь в домах родителей, сохраняли приличествующий обету образ жизни, но иногда жили и в особых обществах. Обеты их освящались молитвами и Епископским благословением[1]. Потому они находились под особенным надзором и попечением Церкви. Многие из девственниц во время гонения запечатлели своею кровью верность Небесному Жениху. Во время гонения Диоклетиана добровольные девственные подвижницы[2], как их называет Евсевий, подвергаемы были поруганию. Из двух девственниц, явивших мужеское терпение в Газе, одна — Валентина — попрала ногами жертвенник языческий и ниспровергла его вместе с огнем на него возложенным[1]. В Кеса-

---

[1] Прав. Корф. Соб. 6, 53. Девы, выходя из дому родительского, поручались честнейшим девам (Пр. 53). Девы, после произнесения обета вступившие в брак, подвергались епитимии двоебрачных (Соб. Анк. пр. 19).

[2] ἀυτοπαρθένους ἀσκητρίας Evs. de mart. Palaest. c. 5.

рии предана была огню Еннафа, украшенная венцом девства. В Истории страданий Св. Феодота Анкирского, описанных очевидцем, упоминается семь девственниц. Приведенные мучителем на поругание, они просили защиты у Господа Иисуса Христа: «Доколе в нашей власти было, молились они, сохранять девство непорочным, Ты знаешь, как ревностно мы блюли его до сего дня»; и усердная молитва соблюла для них нетленным венец девства и приготовила новый венец мученичества[2]. Другая подвижница, Св. Иустина, для сохранения девства жертвуя красотою, просила покровительства у Пресвятой Девы Богородицы и спасла с собою того, кто хотел обольстить её[3].

Подвижники — девственники более свободные, чем девы, в избрании подвигов и образа жизни отличались большою строгостью самоотречения и умерщвления плоти. Они жили не только среди общества, но поселялись и в отдельных хижинах невдалеке от города[4],

---

[1] Там же. С. 8, 9.

[2] Acta SS. Mm. Mart. 18 d.

[3] Творение Григория Богослова. Сл. 18.

[4] Athan. in vita s. Ant.

а иногда удалялись и в пустыне[1]. Во время гонения Диоклетианова они показали особенную твердость в исповедании Христа. Таков был подвижник Петр в Киликии. Тщетно судья и его окружающие убеждали его пожалеть себя, пощадить свою юность, он все презрел, всему и самой жизни предпочитая упование на Бога. Таков был Памфил, муж, как говорит Евсевий, прославившийся с юности устранением и презрением житейского, раздаянием имущества бедным, пренебрежением мірских надежд, жизнью и подвигами свойственными любомудрию. Из Египта подвижники приходили поддерживать и утешать мучеников Киликийских и сами безбоязненно принимали мучение[2].

Так, с самых первых времен Христианства до конца третьего века, мы видим непрерывный ряд девственников и девственниц, подвижников и подвижниц. Смутные времена Церкви Христовой, преследуемой язычниками, не давали возможности образоваться житию девственному в правильные и благоустроенные общества. Римское пра-

[1] Evs. Hist. Eccl. L. VI. c. 10. Hist. Eccl. Socr. L. IV. c. 23.
[2] Evs. de mart. Palaest c. 10, 11.

вительство преследовало законами безбрачную жизнь[1], с подозрением смотрело на всякие вновь возникавшие общества. Девственники и девственницы составляли особый чин в Церкви Христовой, но это не было гласно, не выходило большею частью из круга семейного, в который не проникал надзор Римского Правительства. Основать отдельное общество вдали от городов в уединении девственники не могли, когда законы Римские не всегда терпели их и среди прочих жителей. Да и не было нужды подвижникам в первые века Христианства удаляться от своего общества. Каждое семейство Христиан было семейством подвижников, где единственною заботою было только исполнение закона Христова; они избегали сношений с язычниками, не участвовали в их развратных празднествах и увеселениях, при которых нередко проливалась кровь их же братий по вере; искать далеко поприща для подвигов — не было нужды. Подвиги самого

[1] Закон против безбрачной жизни уничтожен только Константином Великим. Evsev. de vita Constan. IV, 26, и первоначально ради девственников и девственниц христианских, отрекавшихся от брака по религиозным побуждениям.

высшего самоотвержения и самоумерщвления представлялись так часто в подвиге мученичества. И этот подвиг не только совершившим его уготовлял венец небесной правды, но служил подкреплением для других и очень часто средством обращения для неверующих. Темница для Христианина, пишет Тертуллиан, была то же, что пустыня для Пророков[1].

Но положение Церкви много изменилось тогда, как вера Христианская была объявлена господствующею в Империи. Получив полную свободу в своей жизни и действиях, отправляя государственные должности, Христиане среди Империи, которой жизнь, законы, обычаи, нравы, увеселения — все было проникнуто язычеством, при частых сношениях с самими язычниками, теряли первоначальную чистоту жизни. Когда над Христианами постоянно висел меч гонителей, принимали Христианство только по истинному расположению, а теперь немало было примеров, что одни земные выгоды заставляли вступать в общество Христиан. Посему нечего удивляться, что

---

[1] Hoc praestat carcer Christiano, quod eremus Prophetis. Tertull. ad Martyres. cap. II.

в членах Церкви Христианской уже не видно той нравственной чистоты, какою ознаменована первенствующая Церковь. «Я сам также, как и вы, — говорил Св. Иоанн Златоуст современным ему порицателям монашества, — и даже более, нежели вы, желал бы, чтобы не было нужды убегать в пустыни. Но поелику здесь все извращено, и самые города, несмотря на судилища и законы, полны нечестия и пороков, и только пустыня приносит богатые плоды любомудрия: то по всей справедливости следовало бы порицать не тех, которые желающих избавляют от такой бури и смятения и вводят в тихую пристань; но тех, которые каждый город сделали до того недоступным и неспособным для любомудрия, что желающие спасения должны удаляться в пустыню. Скажи мне: если бы кто в глубокую полночь взявши огонь поджег большой дом, наполненный людьми, чтобы истребить спящих, кого бы мы стали обвинять — того ли, кто разбудил бы спящих и вывел их из дома, — или того, кто произвел пожар и привел в такую крайность, как находящихся в доме, так и выведшего их из огня»[1].

[1] Oper. Chrysosth. T. I, Advers oppugnat. vitae monast. n. 7.

Но *в руце Господни власть земли, и потребного воздвигнет во время на ней* (Сир. 10, 4). И явление монашества есть одно из благодеяний Божественного Промысла для Церкви, особенно благопотребных, тогда как жизнь общественная не сообразовалась с началами жизни Христианской. Для всех Христиан открылся безопасный приют для благочестивой жизни, огражденный от искушений и соблазнов міра; для ревнителей высшего совершенства, указуемого в Евангелии, обширное поприще для подвигов самоумерщвления. Новый вид добровольного мученичества в отсечении своей воли, в истреблении страстей и нечистых помыслов, в постоянном очищении ума и сердца, в ежедневном приношении себя Богу в жертву чистую и живую. Сонм иноков был сонм мучеников, ежедневно умиравших для Христа.

Иноческая жизнь, начавшаяся в четвертом веке, есть как бы продолжение подвига мученического. Что в первые три века совершили мученики, то в четвертом столетии довершили иноки — эти новые мученики. Как страданиями и терпением тех возбуждались вера и нравственность первенствую-

щих Христиан, так строгими подвигами отшельников возбуждались к благочестивой жизни верующие. Как твердость мучеников сокрушила силу язычества, так пример отшельников разрушил остальные храмы. Как из радости, с какою мученики шли на страдания, открывалась сила Христианства, так из готовности, с какою иноки отвергались всех удовольствий плоти и мира, открывалась сила учения Христова.

Для міра Христианского иноки были тем же, чем были мученики в первенствующие времена, — живым свидетельством святости Христовой веры, образцом чистейшей нравственности, побуждением и подкреплением для колеблющихся, орудием обращения для неверных.

И какое чудное поразительное зрелище представляет это изумительное распространение монашества при его начале! Египет, где язычество искало себе главной опоры, где суеверие и идолопоклонство достигло высшей степени, — представил такой сонм иноков, что в пустыне было не менее жителей, чем в городах. Ревность к иноческой жизни, как будто быстрый, сильный поток,

доселе сдерживаемыи в своем течении, разорвал преграду и стремится наводнить всю страну. Подобно плодотворному и обожаемому некогда Нилу, монашество разлилось по всему Египту и дало ему плодоносие не земных, но небесных плодов. «Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, — беседует Св. Златоуст, — как пустыня Египетская, являющая повсюду иноческие кущи. Кто знает древний оный Египет богоборный, беснующийся, — раба каких-нибудь животных, страшившегося и трепетавшего пред огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Египетская пустыня лучше рая; там увидим в образе человеческом безчисленные лики Ангелов, сонмы мучеников, собрание дев; увидим, что все тиранство диавольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидим, что Египет, некогда матерь и стихотворцев и мудрецов и волхвов, изобретший все виды волхвования и передавший оные другим, теперь хвалится Крестом»[1]. Где искать объяснения сего явления неповторяемого в истории иночества? Видно, что

[1] Homii. in Math. VII.

стремление к иноческой жизни давно зрело в Египте и только нужен был случай к обнаружению сего желания. Можно находить объяснение сего явления в особой силе слова Евангельского в Египте. «Нигде, — говорит Евсевий, — слова Евангельского учения, ни над кем не явили столько своей силы, как в Египте»[1]. Много способствовал степенный, всегда полный мысли о будущей жизни характер Египтян. «Меланхолический и торжественный вид природы Египта, — пишет благочестивый Русский путешественник, — вечно ясное небо, строгий характер пирамидального зодчества, ужасное разрушение зданий гигантских, превышающих силы человека, столько великого, столько славного в прахе, и наконец куда ни взглянем, везде поразительное исполнение пророчеств, — все это невольно приводит к жизни созерцательной человека мыслительного»[2].

Наконец, весьма много значил пример дивной жизни первых подвижников и основателей иночества, каковы были Антоний и Пахо-

---

[1] Demonstr. Evang. p. 227.

[2] Путешествие по Египту Норова. Ч. II. С. 350.

мий, Аммон, два Макария и другие, изложением жизни которых мы и должны начать историю монашества. Их постоянство, терпение, добродетели, чудеса, ими совершаемые, увеличили стремление к иноческой жизни.

Антоний Великий, основатель иноческого отшельнического жития;

Пахомий Великий, учредитель общежития иноческого;

женские иноческие обители в Египте

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ, ОСНОВАТЕЛЬ МОНАШЕСТВА[1]

Преподобный Антоний родился в среднем Египте, в селении Кома, близ Гераклеополя великого[2] в 251 г., от благородных и благочестивых родителей. Желая сохранить

---

[1] Жизнь Преподобного Антония описана св. Афанасием Александрийским. Св. Афанасий не только был современником Антония, но не мало времени жил при нем, как сам пишет. О том, что сие житие действительно принадлежит Афанасию, свидетельствует святой Григорий Назианзин в похвальном слове Афанасию, святой Златоуст в 8-й беседе на Евангелие Матфея и блаженный Иероним. Кроме Афанасия, об Антонии говорит Палладий (Лавсаик, гл. 23–26), Сократ (Церковная история. Кн. 4, гл. 23). Многие изречения его и рассказы об нем собраны в достопамятных сказаниях о подвижничестве Отцев. М., 1843, с. 3–12. *Созомен*. Церковная история. Кн. I, гл. 13. Руфин Hist. monach.

[2] *Sozom*. H. E. L. I. c. 13. Гераклеополь ныне Ahnas находится в Среднем Египте.

в чистоте сердце сына своего, родители Антония не позволяли ему никуда отлучаться из дому, кроме Церкви. Потому Антоний не получил ученого образования. Но, по словам Афанасия, он дома внимал чтению, и душеспасительным чтением укреплял в себе любовь к благочестию и страх Божий. Двадцати лет он сделался сиротою, лишившись отца и матери, и должен был принять на себя попечение о малолетней сестре. Но заботы домашние не ослабили в душе Антония ревности к благочестию. Он находил всегда свободное время для того, чтобы присутствовать при Богослужении в храме. Однажды идя в храм, он размышлял о том, как Апостолы, оставив все, последовали за Спасителем, как первые Христиане полагали к ногам Апостолов все, что имели. С такими мыслями он вошел в храм и услышал слова Евангелия: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси* (Мф. 19, 21). Антоний в сих словах услышал голос с неба, относившийся к нему. Возвратясь домой, он немедленно продал свое имущество и раздал его нищим, оставив для содержания сестры небольшую часть. Но услышав в другой раз в

церкви слова Спасителя: *не пецытеся на утрей* (Мф. 6, 34), Антоний раздал нищим и оставшееся у него и, поручив сестру свою знакомым и благочестивым девам, сам решился вдали от міра подвизаться для единого Бога.

Так совершилось призвание Антония к иноческой жизни — призвание непосредственное, Божественное. «Ибо, — говорил Авва Пафнутий, — первое побуждение к обращению принял он от Самого Бога, услышав слова Евангелия о самоотвержении (Лк. 14, 26) и об отречении от имущества (Мф. 19, 21); в величайшем сокрушении сердца он принял сие наставление так, как бы оно относилось единственно к нему, и тотчас оставив все, последовал Христу без посредства убеждения и учения человеческого»[1]. Подобно другим подвижникам, Антоний поселился сначала вблизи селения и отдался под руководство одного благочестивого подвижника — старца, с юности проводившего уединенную жизнь. Он посещал и других отшельников, как умная пчела, по словам Афанасия, унося с собою

[1] Кассиана собеседование с Аввою Пафнутием о трех отречениях.

драгоценнейшую пищу — то, что находил лучшего и совершеннейшего в их образе жизни. Потом он поселился один подальше от селения, заключившись в гробнице, как живой мертвец. Пищею его был хлеб с солью, а питием вода, и то он вкушал однажды в день по захождении солнца, а иногда через два дня и даже через четыре дня; одеждой его была грубая власяница, ложем сухой тростник, а иногда и голая земля. Пропитание себе добывал Антоний рукоделием, которое брал у него благочестивый мірянин и взамен того приносил пищу. «Изведав, — говорит Созомен об Антонии, — что благая жизнь от привычки делается приятною, хотя в первый раз бывает и трудна, он придумывал способы подвижничества все строже и строже, с каждым днем становился воздержнее, и, как бы всегда начиная, придавал живую силу рвению. Телесные удовольствия обуздывал трудами, против страстей души вооружался Богомудрою решимостью»[1].

Много искушений перенес Антоний в первые годы своей подвижнической жизни. Часто в душе его возникала мысль о трудности и суровости отшельнической жизни и о тех удо-

[1] Церковная история. Кн. 1, гл. 13.

вольствиях, которые соединены с богатством и славою мірскою. Иногда возникали нечистые пожелания плоти и в ночных видениях являлись искусительные образы. Но пламенною любовью к Богу, строгим постом и бдением он очищал свое сердце и в начале отражал прилоги врага. Чем мужественнее был Антоний в постигавших его искушениях, тем более усиливались против него нападения врага спасения. «Сколько раз, — так разсказывал сам Антоний своей братии для назидания, — сколько раз грозные демоны в виде скорпионов, лютых зверей и змей окружали меня и наполняли жилище мое, точно готовые на брань воины, а я пел: сии на колесницех и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся, и тотчас они, по милосердию Божию, обращались в бегство. Однажды они в ярком свете явились ко мне и сказали: мы пришли, Антоний, сообщить тебе свет наш. А я закрыл глаза, так как гнушался смотреть на свет дьявольский, помолился, и немедленно исчез свет лукавый. Потом когда они пели передо мной Псалмы и разсуждали между собою о Писании: *аз яко глух не слышах*. И когда они потрясали мою храмину, я спокойно возсы-

лал молитвы к Господу. Часто злые духи производили шум около меня, часто скакания, часто свист; я пел Псалмы, а их крики обращались в стоны и рыдания. Поверьте, чада мои, тому, что скажу вам. Однажды я видел дьявола в образе высочайшего человека, который, дерзнув назвать себя Провидением и Силою Божественною, сказал мне: чего хочет от меня Антоний? Я плюнул ему в лицо, устремился на богохульца, и тотчас этот великан исчез. Когда я постился, он предстал мне с хлебами и так склонял меня к принятию пищи: и ты человек и также обложен немощью, вкуси сей пищи и отдохни немного от трудов, чтобы не сделаться больным. Я узнал в сем соблазнительный образ змия, и когда прибегнул к защите Христовой, он исчез из окна, как дым. Нередко покушался он прельщать меня златом, которое для того и приносил, чтобы или обольстить мои глаза, или осквернить мои руки. Не умолчу и о том, что часто демоны поражали ударами мое тело, а я пел: *никто же разлучит от любви Божия, яже о Христе Иисусе*»[1]. Эти слова Антония знакомят нас с многоразличными искушениями, которым подвергался он, с тою тяжкою борьбою, какую он вытерпел.

[1] Vit. Ant. S. Ath. n. 30, 40.

Однажды приносивший Антонию пищу нашел его почти мертвым от множества ран, нанесенных ему рукою врага. Он взял Антония из гробницы и перенес в дом одной благочестивой вдовы. Все знавшие Антония думали, что он умер. Пришед в себя, ночью он попросил брата опять отнести его в гробницу, и там, не имея сил стать на молитву, он лежа призывал Господа на помощь. Во время молитвы Господь Своим явлением утешил подвижника, и он почувствовал себя здоровым. «Где ты был, благий Иисусе? — воззвал к Явившемуся Антоний. — Почто в начале не пришел Ты прекратить мои страдания? «Антоний! Я был здесь, — сказал Господь, — и ждал, доколе не увижу Твой подвиг; добре ты подвизался, Я всегда буду твоим помощником и соделаю имя твое славным повсюду».

Проведши около пятнадцати лет подвижнической жизни вблизи селения, утвердившись в духовной жизни долгим рядом искушений, Антоний, давно жаждавший совершенного уединения, где бы никто и ничто не нарушало его безмолвия, начал склонять своего старца — наставника удалиться с ним в пустыню. Но преклонные лета сего подвижника и необычайность для того времени на-

мерения Антония заставили отказаться от сего предложения. Антоний, имея от роду тридцать пять лет[1], в 285 году, оставив обитаемые места, перешел Нил и на восточном берегу его[2], в запустевшем укреплении[3] избрал себе место для жительства.

Так описывает это пустынное жилище Антония один из современных нам Русских путешественников: «Приближаясь по Нилу к живописной горе Джебелуль-Тейр, мы искали вдоль отвесных скал места для приступа — но напрасно. Копты нас увидали и знаками рук показывали на северный мыс горы. После дальнего обхода мы пристали к низменным скалам. Подымаясь на берег, я заметил несколько полуобтесанных гранитных камней. Достигнув до высоты горы, я увидал живописные и обширные каменолом-

---

[1] Так говорит святой Афанасий.

[2] Гераклеополь находился на западном берегу Нила: монастырь Антония, по древнему разделению, в Афродитопольском округе на восточном берегу Нила. Description de l'Egypte faite pendant l'expédition de l'armée Francaise. T. IV. 1821. p. 420.

[3] παρεμβολὴ означает укрепленный лагерь. Такого рода лагерей немало было в Египте в прежнее время, особенно по берегам Нила; в них жили войска, которые должны были охранять Египет. Letronne Recueil. Tom. I. p. 10, 11.

ни. Я начал обходить линию каменоломен, но, не видя им конца, принужден был от усталости возвратиться; они представляют самые живописные виды. Через полчаса езды от каменоломен, по безжизненным скалам, достигли мы наконец монастыря. Мы спустились на несколько ступеней в глубину пещеры, изсеченной в скале, где, как сказывают, жил Антоний, и тут теперь устроена подземная Церковь, имеющая около 20-ти аршин квадратного пространства. Какой вид открывается с береговых скал на края страшной пропасти! Нил между двумя лентами яркой зелени лугов и пальмовых рощей изливается по неизмеримому пространству в обе стороны. С запада горизонт исчезал в необъятной пустыне Ливийских песков, а с востока от самого монастыря хребты безжизненных гор с песочными насыпями тянутся к берегам Чермного моря. Кругом монастыря мертвенность неизобразимая — здесь нет ни одного растения, ни одного источника, монахи достают воду дальним обходом с Нила, или спускаясь с большою опасностью с отвесных скал»[1].

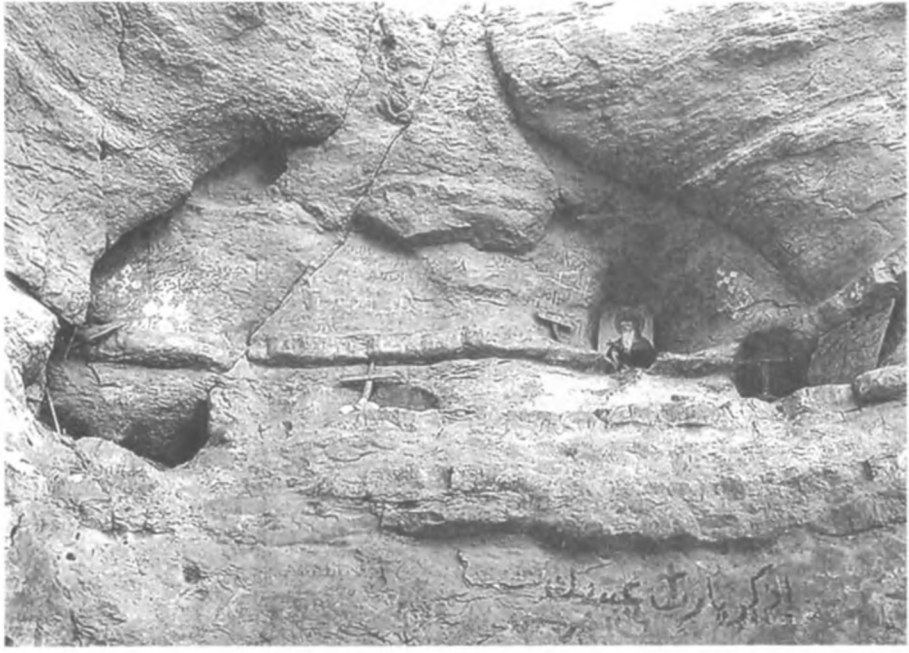
---

[1] Путешествие по Египту и Нубии Норова. Ч. II. С. 344–349.

Здесь вдали от всех людей, без наставника и сотрудника Антоний прожил около двадцати лет. Чего не вытерпел он в продолжение этого времени? «Поистине, — говорит Святой Афанасий, — достойно удивления, что один человек, живя в дикой пустыне, не боялся ни ежедневных нападений дьявола, ни свирепости безчисленных зверей, ни вреда от пресмыкающихся животных»[1]. Часто приходилось ему терпеть голод, жажду, холод и зной. Чем он был свободнее от внешних соблазнов, тем более духовная борьба его сосредоточивалась внутри — в области помыслов. «Кто живет в пустыне, — говорит сам Антоний, — тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора: одно только у него искушение — в сердце»[2]. Уединенная жизнь не спасает совсем и от искушения плоти. «Есть в теле, говорит Антоний, движение естественное прирожденное ему, но оно не действует, когда душа не хочет. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгорячения тела пищею и питием. В подвижниках бывает ещё иное движение, которое про-

[1] Vit. Ant. n. 31.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве Святых и блаженных Отцев. С. 5.



Пещера св. Антония Великого(Красное Море)

исходит от коварства и зависти демонов»[1]. Иногда сомнения колебали его душу, — сознавая чистоту своих стремлений и представляя множество скорбей и искушений, которым подвергался, Антоний вопрошал Бога: Господи! для чего одни умирают в молодости, а другие живут до глубокой старости? для чего одни бедны, а другие богаты? для чего нечестивые богаты, а благочестивые бедны? Но Господь не оставлял верного раба Своего. Он услышал голос: Антоний, себе внимай! А то — суды Божии, и тебе нет пользы испытывать их[2]. Но искушения иногда до того доводили подвижника, что он впадал в уныние и обуреваемый помыслами недоумевал, что делать ему, дабы спастись. Господи! взывал он, я хочу спастись, и помыслы не дают мне. Что мне делать в своей скорби? Как спастись? Произнесши сию молитву, Антоний пошел по пустыне, и вот видит кого-то похожего на себя, который сидел и работал, потом встал из-за работы и молился; после опять сел и вил веревку; далее опять встал на мо-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве Святых и блаженных Отцев. С. 9.

[2] Там же. С. 3.

литву. Это был Ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И Ангел сказал ему вслух: и ты делай так — и спасешься. Услышав сие, Антоний обрадовался и ободрился. Стал так делать, и спасался[1]. Упражняясь днем в рукоделии, ночи Антоний любил проводить в молитвах. Солнце, говаривал он при восхождении его, зачем ты хочешь развлечь мои мысли своими лучами, тогда как ты должно бы восходить для того, чтобы подкрепить меня сиянием истинного света[2].

В течение двадцати лет подвижничества уединение Антония только на краткое время было нарушаемо усердными посетителями. Заградивши вход в свою пещеру, он только чрез малое отверстие беседовал с приходившими. Но настало время, когда он должен был сделаться отцом и руководителем для других. Нельзя не остановиться с благоговейным вниманием при созерцании тех путей, которыми Промысл приготовлял Антония в наставника и руководителя иноческвующих. Предъизбранный и призванный

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 3. 1.

[2] Cassian Coll. 9. c. 10.

Самим Богом в наставника иноков, Антоний прежде прошел все степени духовной жизни, чтобы мог образоваться из него превосходный руководитель душ. Сначала он поступил под руководство старца, в качестве ученика, чтобы научиться быть учителем. Долгое время жил он в неизвестности для того, чтобы иметь возможность безопасно образовывать и усовершать себя. Он испытывал искушения, чтобы знать, как помочь другим — бороться с ними. Тридцать пять лет подвизался он непрестанно молясь, борясь, умерщвляя себя, чтобы научить нас никогда не торопиться налагать бремя на других и показать, что великое дело служения спасению душ требует приготовления деятельным упражнением в добродетелях и уединением, — без чего легко сделаться жертвою неблагоразумной и самонадеянной ревности.

Усиленные просьбы многих ревнителей благочестия, желавших под руководством Антония подвизаться для Бога, заставили его оставить свое затворничество. «Можно ли описать, —говорит Афанасий, — с какою радостью народ узрел лицо, цветущее, к удивлению всех, свежестью и красотою? Толпами стал стекаться к нему народ, когда он открыл

к себе доступ. Чудодейственной силой веры он врачевал, а словом своим утешал печальных, учил неразумных, укрощал гневливых, внушал всем любовь ко Иисусу предпочитать всему. Он представлял величие будущих благ, безконечное милосердие Божие, не пощадившее для спасения нас Своего Единородного Сына. Слово Антония, солью растворенное, столь сильно действовало на сердца приходивших к нему в пустыню, что многие из них, презрев жизнь мірскую, тут же решались проходить вместе с Антонием пустынническую жизнь». Антоний открыл к себе доступ в то время, когда в Египте, как и в других странах Востока, свирепствовало жестокое гонение Диоклетиана. Как ни любил Антоний свою пустыню, но участие к страданиям гонимых за святую веру превозмогло его любовь к уединению. Поспешим, говорил он, к славному торжеству наших братий, дабы или с ними сподобиться мученического венца, или по крайней мере посмотреть на их победу. Он пришел в Александрию. Не имея доступа к темницам заключенных, он пред судищем своими увещаниями подкреплял исповедников веры в мужестве и твердости, указывая им на

будущее блаженство. Своими словами он проливал отраду в сердца их и в предсмертные минуты их жизни. Он сам разсказывал после Исидору пресвитеру, странноприимцу Александрийской Церкви, о мученичестве блаженной Потамины, как сладострастный господин предал её в руки мучителя, чтобы страхом мучений склонить к удовлетворению своего нечистого пожелания. Мужественная дева лучше желала сгореть с смолою вскипяченною, нежели лишиться невинности, вместе умоляла лучше медленно опускать её в котел, нежели, обнажив, ввергнуть в него вдруг[1]. Судья, удивляясь неустрашимости Антония и бывших с ним, дал повеление, чтобы никто из монахов не являлся на судилище и совсем не жил в самом городе. Многие из монахов удалились из города. Но безтрепетный Антоний на другой день встал на возвышенном месте, прямо пред глазами судьи, когда он в сопровождении воинов шел на судилище. «Антоний, — говорит Афанасий, — желал и сам мученичества, но Господь сохранил сего мужа для нашего и общего для всех блага»[2].

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 3.

[2] Vit. Ant. n. 46.

Возвратясь в свою пустыню, Антоний около себя собрал сонм другого рода мучеников — мучеников подвижничества. Постоянно возраставшее число учеников Антония дошло до того, что безлюдная доселе пустыня походила как бы на город, где пребывали правда и благочестие. Одни из пустынников жили вместе и таким образом составляли общину; другие разсеялись по пещерам и жили отшельниками. Но все они были под руководством великого Антония, который не переставал одушевлять их ревность своею бдительностью, увещаниями и примером. Святой Афанасий не иначе, как с восторгом удивления говорит о монастырях Антония. «На горах, — пишет он, — были монастыри, которые, как храмы, наполненные Божественными ликами, были наполнены людьми, жизнь которых проходила в пении Псалмов, в чтении, молитвах, посте и бдении, — людьми, которые всю надежду полагали в благах будущих, которые жили в единении и удивительной любви, и трудились своими руками не столько для прокормления себя, сколько для пропитания бедных, так что это была как бы обширная страна, совершенно отдельная от міра, счастливые обитатели которой не имели другой цели, кроме

той, чтобы подвизаться в правде и благочестии. Они не знали ропота и прекословия, они не знали желания делать зло другим, они только соревновали, чтобы предварить друг друга в добродетелях. Всякий, смотря на них, мог сказать: коль добри доми твои Иакове и кущи твоя Израилю, яко дубравы осеняющие и яко садие при реках и яко кущи, яже водрузи Господь». Так описывает Афанасий первые монастыри Святого Антония.

Антоний не давал внешних правил для жизни иноческой, он заботился главным образом о внушении живого благочестия своим ученикам. Когда братия стала просить у Антония устава для жизни, он предложил им поучение, замечательное по простоте и глубокой опытности.

«Для познания всех правил жизни, — сказал Антоний, — достаточно Священного Писания. Но великую пользу принесет и то, если братия будут соутешаться взаимными поучениями. Посему вы мне, как отцу, говорите, что знаете, а я вам, как детям, поведаю многолетние опыты. Да будет первым и общим для всех правилом не ослабевать в предпринятых подвигах, но постоянно, как бы начиная, приумножать доброе стяжание; ибо настоя-

щая жизнь очень кратковременна в сравнении с вечностью. В здешней жизни между людьми обмен бывает равный. Но будущая жизнь обещается нам за дешевую цену. За восемьдесят, много за сто лет жизни обещается царство безконечное, блаженство вечное. Итак, чада, не предавайтесь унынию или тщеславию; ибо *недостойны страсти нынешнего века к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). Мы не найдем во всем міре ничего такого, что бы могло сравниться с обителями небесными. Посему, отказавшись от земных благ, никто не должен превозноситься, как будто многим пожертвовал... Как верные рабы, мы должны постоянно трудиться, последуя повелениям Божественным, помня, что Правосудный мздовоздаятель в чем кого обрящет, в том и будет судить. Чтобы не пасть нам от безпечности, будем чаще воспоминать слова Апостола: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Когда встаете от сна, думайте, что вы не доживете до вечера; отходя ко сну, помышляйте, что вы, может быть, не увидите разсвета дня. Постоянно памятуйте о изменчивости и непостоянстве всего на земле. Если каждый день будем готовиться к смерти, — предохраним себя от греха. Не бойтесь трудности добро-

детели. Добродетель не далеко от вас и не вне вас. Господь сказал: *царствие Божие внутрь вас есть*. Добродетель, находящаяся в нас, требует только произволения человеческого. Не оскверняй только, человек, того, что даровала тебе Божественная благодать. Бегайте гнева; ибо гнев мужа правды Божия не соделывает» (Иак. 1, 20).

«Не страшитесь и нападений дьявола. Его сила сокрушена пришествием Христовым. Будем благонадежны, как получившие спасение, и да помышляем всегда, что когда с нами Господь, то враги никакого зла не сделают нам. Они приспособляют свои мечтания к нашим помыслам: если найдут нас в страхе и смущении, то нападают подобно ворам, на место оставленное без стражи, и тогда-то, что мы сами помышляем, ещё более увеличивают; видя, что мы ужасаемся, ещё более увеличивают ужас своими мечтаниями и грозами, и бедная душа мучится от сего. Но если найдут, что мы радуемся о Господе, помышляем о благах будущих и о Господнем, если разсуждаем сами с собою, что все в руке Господней и что демоны не имеют силы над Христианином, если, говорю, увидят таким образом укрепленную душу, то со стыдом отступают. Так

враг нашел укрепленного Иова и отступил от него, а Иуду, застав без сих укреплений, сделал своим пленником. Итак, если хотим презирать врага, да помышляем непрестанно о Господнем, и да будет душа всегда радоваться во уповании: тогда страшилища демонские будут нам казаться дымом, и мы увидим врагов скорее убегающих, нежели преследующих... Когда будет тебе какое-нибудь видение, воздержи внезапный страх свой. И каково бы видение ни было, наперед вопроси спокойно: кто ты и откуда? Если это явление Святых, то они откроются тебе и обратят страх твой в радость; если же явление дьявольское, то оно тотчас ослабеет, встретив твердость духа: ибо и это есть знак неустрашимости душевной, чтоб вопросить: кто ты и откуда? Так вопросил Иисус Навин и узнал явившегося (Нав. 5, 13). Явление Святых Ангелов так тихо и смирно, что наполняет душу радостью, восторгом и упованием; ибо с ними Господь, источник радости. Тогда ум наш не бывает возмущен, но спокоен и светел, будучи освещаем Ангельским светом; тогда душа, горя желанием небесных благ, хочет совершенно соединиться с небожителями, дабы с ними лететь на небо. Они так милостивы, что если

кто, по слабости человеческого естества, устрашится необычайного их света, тотчас изгоняют такой страх из сердца. Но от явления злых духов рождается ужас в душе, смущение мыслей, скука, страшное представление смерти, похоть плоти, холодность и отвращение от жизни добродетельной. Ограждайтесь знамением креста, и прелесть врага исчезнет. Однажды я увидел, — говорил в другое время Антоний, — все сети врага распростертые по земле, и со вздохом сказал: кто же избегнет их? Но услышал голос говорящий мне: смиренномудрие».

«Но, возлюбленные, заповедую вам паче всего заботиться о том, чтобы жить благочестиво, а не о том, чтобы творить знамения. *О сем не радуйтесь*, сказал Господь ученикам своим, *яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20). Имена в книге живота пишутся за добродетели и подвиги, а изгнание демонов есть дар Божий. Посему тем, кои хвалятся чудесами и скажут: *не Твоим ли именем бесов изгоняли и совершали чудеса*, Господь скажет: *Аминь глаголю вам: не вем вас;*

---

[1] Vit. Ant. n. 44.

отъидите от Мене делающие беззаконие»[1]. Это наставление Антония свидетельствует, что внутренний мир уже обитал в душе его. После многих искушений он научился уже побеждать врага, и нестрашны были Антонию козни дьявола. Для братии эти слова опытного в духовной жизни отца служили самым лучшим вразумлением.

До нас дошло двадцать поучений Антония к монахам[1]. Кратки и просты были поучения, которые предлагал Антоний братии. «Прежде всего, — так учил Антоний братию, — мы должны веровать в Господа нашего Иисуса Христа, должны почитать Его, повиноваться Ему и не уподоблять никакой твари, будет ли она на небе вверху, или на земле внизу. Будем, братия, ходить в страхе Божием. Нет ничего превосходнее страха Божия, страха Господа нашего Иисуса Христа. Страх Господень руководит к великой славе и благодати, и тот, кто боится Бога, благоугоден Ему. Кто имеет страх Господень, тот имеет сокровище духов-

[1] Они переведены с арабского языка на Латинский Маронитом Авраамом Эхилленским и первый раз изданы в Париже в 1646 г. Подлинность сих слов подтверждается всеобщим преданием Восточных монахов, принадлежавших к разным вероисповеданиям — Мелхитов, Иаковитов, Несториан, Коптов, Ефиопов и Маронитов.

ных благ, тот свободен от вечных наказаний, уготованных грешникам. Страх Господень изгоняет из души всякое коварство и всякий грех. Напротив, кто не боится Бога, тот впадает в многие беззакония. Находясь в человеке, страх Господень сохраняет и оберегает его, доколе он не оставит сего тела и не соделается наследником небесных благ».

«Священное Писание говорит: *лучше муж долготерпив, паче крепкого* (Притч. 16, 32). Итак, будем долготерпеливы, поелику в долготерпеливом Бог обитает».

«Будьте незлобивы. Незлобие источник жизни вечной. Незлобивый подобен Богу; он жилище Святого Духа. Кто незлобив, тот получает славу и честь в сем и будущем веке, и имя его в род и род. А коварство погубляет душу, оскверняет тело, причиняет много зла и порождает порочные мысли. Коварный угождает дьяволу и его сообщникам. С коварным человеком не сообщайся и даже не прикасайся к нему, но удаляйся от него как от гниющего трупа. Лучше жить в пустыне с зверями, нежели с коварным человеком. Он дружественно разговаривает с тобою, но как скоро ты сделал что неприятное для него, он неожиданно погубит тебя».

«Старайтесь быть смиренными и удаляйтесь гордости, свойственной дьяволам. Гордость презренна пред Богом, Ангелами и Святыми Его. По причине гордости небеса поколебались, основания земли потряслись, бездны возмутились и Ангелы лишились славы своей и сделались дьяволами. По причине гордости ад получил свое бытие и вечные наказания уготованы. От гордости все возмутилось и пришло в безпорядок. Гордость нечиста пред Богом, но смирение и сокрушение сердца благоугодно Богу. Само милосердие Божие смирило себя даже до смерти, смерти же крестной. Убегайте, братия мои, и тщеславия, ибо от него многие погибли. Оно побуждает человека предпринимать многоразличные труды, посты, молитвы и ночные бдения; заставляет подавать милостыню пред людьми, и за все сие в будущей жизни награждает только стыдом и безчестием. Подвижник, которым обладает тщеславие, прилагая труды к трудам, подобен человеку, который для утоления своей жажды, наливает воду в просверленный сосуд».

«Не все могут нести тяжкое бремя девства, посему оно предоставлено свободе желающих. Девство есть печать совершенства, подобие Ангелам, духовная и святая жертва.

Оно есть знак, указывающий путь к совершенству, есть венец, сплетенный из цветов добродетели, есть благоухающая роза, оживляющая всех находящихся близ её, есть великий дар Божий, залог будущего наследия в царствии небесном. Кто презирает девство, тот презирает Бога и Ангелов. Лукавый враг не смеет приступать к тому, кто свято хранит девство. Но хранящий девство не должен хвалиться оным. Ибо хранение его есть действие благодати Божией. Будем предохранять себя от всякой нечистоты и стараться о чистоте даже до смерти. Не будем смотреть на красоту жен: ибо от них произошла смерть в міре. Будем истреблять всякое нечистое желание: ибо оно многих погубило. Не будем рабами низких и постыдных страстей и порочных желаний, которые нечисты пред Богом. Возлюбим чистоту, ибо ея плод есть свет и истина. Она составляет славу Ангелов. Для сохранения чистоты должно ослаблять свое тело, но ослаблять мудро и благоразумно, чтобы вместе ослабить и погасить в себе чувственные желания; потому что сие ослабление усовершает в нас добродетель целомудрия. Вместе с умерщвлением и порабощением тела умертвятся и плотские страсти. Кто ста-

рается быть чистым во всех членах тела своего, кто истинно благочестив и удаляется того, что оскверняет тело, тот может сказать вместе с Давидом: *вся кости моя рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе* (Пс. 34, 10)? Такой человек обуздывает все чувства свои, не позволяет им господствовать над самим собою и возлагает на них иго Господне»[1].

«Будем обуздывать язык, чтобы не произносить худого слова. Худое слово вреднее всякого яда. Рану, причиненную ядом, можно исцелить, но худого слова, когда оно произнесено, возвратить нельзя. Язык клеветника или ропотника посевает зло между ближними и разрушает многие весьма полезные общества. Язык клеветника подобен жалу змеи, опаснее огня. Как убийца мечем умерщвляет тело: так клеветник словами убивает душу. Посему, дети возлюбленные, удаляйтесь клеветника. Клеветник и тот, кто слушает его, получат одинаковое осуждение. Удаляйтесь, братия, и двуязычного человека; дружество с ним — дружество со смертью. Он заключает союз со смертью и приготовляет себе погибель во аде. Он погубляет души других и везде сеет зло. Молитва,

---

[1] Письмо. 17-е.

милостыня и пост такого человека неприятны Богу. Блажен тот человек, который хранит свой язык, который предохраняет себя и от малых грехов. Любите молчание, ибо молчаливый человек близок к Богу и Ангелам. Кто обуздывает язык свой из опасения нарушить какую-либо заповедь Господню, того Бог помилует в последний день суда».

«Если неопытный человек спросит вас о том, что может принести пользу душе его, отвечайте ему. Если же видите, что ответ ваш не будет назидателен, то уподобляйтесь глухим, как бы вы ничего не слыхали, — и немым, как бы вы никогда не говорили».

«Дети! Паче всего старайтесь приобрести внимание, и приобретши не оставляйте его. Кто приобрел духовное внимание ко всему, у того ум сделался здрав, страсти не могут получить власти над ним. Если имеющий внимание и впадет в грех, то бдение и внимание тотчас обратят его к добродетели. Имеющий внимание делается местом упокоения для Святого Духа, счастливо оканчивает поприще жизни сей и удостаивается войти в обитель Святых»[1].

---

[1] Извлечено из 20 слов Антония к монахам. Христ. чт. ч. 20. С. 293–326.

Одобряя уединение и нестяжательность, Антоний не одобрял праздной жизни, но особенно советовал предаваться трудам телесным. «Я думаю, сказал Антонию один подвижник, что лучше можно достигнуть совершенства, живя среди міра. нежели живя в пустыне. Где ты живешь? спросил его Антоний. Подле своих родителей, отвечал он, и получая от них пропитание, я свободен от всяких житейских забот и занимаюсь только молитвою и душеспасительным чтением. Но сын мой, возразил ему Антоний, когда с родителями твоими случается какая-либо скорбь, не скорбишь ли ты? Да, отвечал подвижник, все, что случается с ними доброго или худого, трогает меня. Так вот, заметил Антоний, первое неудобство этой жизни, расположение твоей души должно меняться сообразно с обстоятельствами твоих родителей и постоянно привязано к земле. Другое неудобство то, что родные, снабжая тебя всем нужным, лишают тебя награды за труд и добрых плодов труда телесного. Поэтому-то мы предпочитаем бедность всем богатствам и лучше любим в поте лица вырабатывать нужное для пропитания, нежели зависеть от помощи ближних. Ты думаешь, разве мы не стали бы следовать твоему примеру, если бы Апостолы и

великие древние мужи не учили нас своим примером, какое состояние лучше? Что доброго, если такой сильный и здоровый человек, как ты, будет жить трудами других? Сие второе неудобство жизни праздной заставило не одного меня, но и других трудиться для своего содержания»[1].

«Монах, — говорил Антоний, — который, отдохнув после трудов, не принимается немедленно за труд, хотя бы и мог это делать, не получит награды трудившихся в терпении»[2].

Всю сущность иноческих обязанностей он высказал в кратком наставлении:

«Всегда имейте страх Божий пред очами; помните Того, Кто мертвит и живит (1 Цар. 2, 6). Возненавидьте мір и все, что в нем; возненавидьте всякое плотское успокоенье, отрекитесь сей жизни, дабы жить для Бога. Помните то, что вы обещали Богу; ибо Он взыщет сего в день суда. Алкайте, жаждайте, наготуйте, бодрствуйте, плачьте, рыдайте, воздыхайте в сердце своем; испытывайте себя, достойны ли вы Бога. Презирайте плоть, чтобы спасти всем души свои»[3].

---

[1] Cass. Coll. 2, 4. c. 10, 12.

[2] Vita PP. L. 7. c. 26. n. 4.

[3] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 11.

«Как угодить Богу? — спросил некто Антония. Куда бы ты ни пошел, отвечал Антоний, всегда имей Бога пред очами твоими; что бы ты не делал, имей на это свидетельство в Священном Писании, и в каком бы ты месте ни жил, не уходи скоро оттуда. Соблюдай сии три заповеди, и спасешься»[1]. Пребывание в келлии Антоний признавал очень важным делом для инока. «Как рыбы, — говорил он, — оставаясь долго на суше, умирают, так и монахи, находясь долго вне келлии или пребывая с мірскими людьми, теряют любовь к безмолвию. Посему, как рыба рвется в море, так и мы должны спешить в келлию, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении. Уединение освобождает от трех искушений, от искушения слуха, языка и взора»[2]. Но и пребывая в келлии, монаху лучше всего руководствоваться советами людей опытных. «Монах, если можно, говорил Антоний, должен откровенно сказывать старцам, сколько он делает шагов или сколько пьет капель воды в своей келлии, чтобы как-нибудь не погрешить и в этом. Я знаю монахов, которые после многих трудов пали, потому что понадеялись

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 4.
[2] Там же. С. 4.

на свои дела и презрели заповедь Того, Кто сказал: *вопроси отца твоего и возвестит тебе* (Втор. 32, 7)»[1].

От монаха требовал Антоний полной нестяжательности. Один брат, отказавшись от міра и раздав свое имение нищим, оставил несколько денег для собственного употребления и пришел к Антонию. Узнав о сем, Антоний сказал ему: если ты хочешь быть монахом, то поди в такое-то село, купи мяса, обложи им нагое тело твое, и так приди сюда. Когда брат это сделал, то собаки и птицы терзали тело его. По возвращении к Антонию старец спросил его, исполнил ли его совет? Брат показал ему израненное тело свое. Преподобный Антоний сказал ему: так нападают демоны и терзают тех, которые, отрекшись міра, хотят иметь деньги[2].

Опытный подвижник Антоний знал, что усиленные подвиги иногда небезопасны бывают для души. «Есть люди, — говорил он,— которые изнурили тело свое подвижничеством, — и однако ж удалились от Бога, ибо не имели разсудительности»[3]. Потому в обраще-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... Отцев. С. 12.

[2] Там же. С. 8.

[3] Там же. С. 4.

нии с иноками он позволял и послабление. Один зверолов, увидев, что Антоний шутил с братиею, соблазнился. Старец, подозвав его, сказал: положи стрелу на лук твой и натяни её. Он сделал так. Старец говорит ему: ещё натяни. Тот натянул ещё. Ещё тяни, сказал Антоний. Если я чрез меру натяну лук, то он переломится, сказал охотник. Так, сказал ему Антоний, и в деле Божием, если мы сверх меры будем напрягать силы братии, то они скоро разстроятся. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии[1].

Желание быть совершенными во всем при начале подвижничества затрудняло многих из братии. Посему Антоний дал мудрое правило: кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему делать, косу, меч или топор. Так и мы наперед должны помышлять, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться[2].

«Имейте твердую веру в Господа Иисуса; берегите ум от худых мыслей, тело от нечистых пожеланий, не увлекайтесь пресыщением тела. Презирайте суетную славу. Мо-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 5.

[2] Там же. С. 12.

литесь как можно чаще, пойте Псалмы поутру, повечеру и в полдень и чаще имейте в руках Священное Писание. Вспоминайте о подвигах, совершенных Святыми, чтобы воспоминанием об их примере, побуждать душу свою к добродетели и удерживать от пороков». Антоний часто повторял ученикам своим: Да не зайдет солнце во гневе вашем (Еф. 4, 26), объясняя так сии слова, что не в одном гневе, но и во всех прегрешениях да не зайдет солнце, чтобы ни ночью луна, ни днем солнце не были свидетелями наших прегрешений. Он указывал своим ученикам как на весьма полезное средство, чтобы они давали себе отчет, что сделали днем и ночью, находят ли в себе какой проступок, или перестали грешить. Если найдут, что они не подпали никакому заблуждению, то продолжали бы подвизаться тем ревностнее и не дерзали презирать других, или присвоять себе правду, помня слова Божественного Учителя: *темже прежде времени ничтоже судите*: — Господу ведущему тайная принадлежит суд. Многие пути людям кажутся правыми, но последняя их зрят на дно адово (Притч. 14, 12). Часто мы не можем знать своих грехов, часто мы не так понимаем свои поступки. Иной суд всевидя-

щего Бога, который судит не по внешнему виду, но по тайным помышлениям. Нужно сравнивать себя с собою и нести тяготы друг друга. Отдав суд Спасителю, будем испытывать свою совесть и себя самих. Весьма полезно, чтобы каждый или сам замечал, что он делает, или все свои мысли открывал бы братии. Не вдруг решится на грех тот, кто должен сказать другому все, что он согрешил; один стыд, что сделаются грехи его известными, будет удерживать его. Никакой грешник не решится грешить в глазах других, но старается прикрыть свои грехи. Открывая другим свои грехи, мы становим себя как бы пред очами всех. Ещё лучше, если мы будем записывать свои грехи и после показывать их в собрании. Тогда самые письмена будут заставлять нас краснеть[1].

Попечительный о благе братии, вверившейся его руководству, Антоний был любвеобилен ко всем. «Антоний хотя жил и состарился в пустыне, — говорит Афанасий, — однако не приобрел здесь какой-либо дикости или грубости, но всегда был ласков и обходителен. Самое лицо его имело необыкновенную приятность

---

[1] Vita Ant. S. Athan.

и привлекательность. Если кто, не видав его прежде, приходил к нему в пустыню, то во множестве иноков без всякого указания подходил к Антонию. В его лице отражалась чистота души и обитавшая в нем благодать Святого Духа»[1]. Нуждался ли кто в совете, он не отказывал. Приходил ли бедный к нему, он отдавал последний кусок хлеба, который зарабатывал своими трудами.

Он оставлял свою любимую пустыню и ходил в шумный город, чтобы перед властями городскими ходатайствовать за притесняемых. Каждый считал за честь видеть и слышать Антония, и потому его ходатайство было благоуспешно. Но едва исполнит он в городе дело, как тотчас же и спешил назад в пустыню[2].

Его не тяготило служение нуждам других, но ему тяжело было это многолюдство, это стечение к нему народа, эта всеобщая молва, возбуждаемая не одною жизнью, но чудесами, совершаемыми им, хотя он и старался самым чудесам своим дать вид событий естественных. Так, начальник воинский Мартиниан привел к нему дочь бесноватую и просил его молиться об исцелении. Что ты просишь моей

---

[1] Ibidem. n. 73.

[2] *Созомен*. Церковная история. Кн. I, гл. 13.

помощи, сказал ему Антоний, когда я такой же немощный человек, как и ты? Если веруешь во Христа, Которому служу, иди и по вере твоей моли Бога, и он исцелит дочь твою. Мартиниан поверил слову Святого и, призвав Господа Иисуса на помощь, нашел дочь свою здоровою. Опасаясь, чтобы дар чудес не надмил его сердца или не заставил других думать об нем много, он желал скрыться от молвы людской; и проведши столько лет в уединении, он жаждал его опять.

Взявши с собою немного хлеба, Антоний пошел на берег реки дождаться лодки, чтобы отправиться в Фиваиду. Куда ты хочешь бежать? — был ему голос небесный. В верхнюю Фиваиду, отвечал Антоний, Но тот же голос возразил ему: поплывешь ли ты вверх в Фиваиду или вниз в Буколию[1], тебе не будет покоя ни там, ни здесь. Иди во внутреннюю пустыню. Так называлась лежавшая далее на восток к Чермному морю пустыня, куда и удалился Антоний, последуя за проходившими странниками[2]. После трехдневного путе-

---

[1] Буколией называлось взморье при впадении Нила на Восток от Александрии.

[2] Пустыня Антония была недалеко от Клисмы (*Мосх.* Луг Духовный, гл. 132).

шествия нашел он дикую высокую гору, почти в тысячу шагов. С вершины горы открывался обширный вид. На восток высились горы Хорив и Синай, простиралась пустыня до Чермного моря; на юге виднелись хребты гор Фиваидских, на севере были безплодные равнины, на западе за песчаной полосой плодоносная равнина Египта. При подошве горы вытекал ключ воды, часть ее исчезала в песчаной пустыне, другая образовала небольшой ручей, около которого по обоим берегам росли пальмы, придававшие много красоты этому месту, и внизу устроил себе келлию небольшую, чтобы можно было только лечь[1]. С той поры жизнь его делилась между новым приютом его уединения, которое отделялось от жилища человеческого неудобопроходимою пустынею, где немногие удостаивались видеть его, и между оставленным им монастырем Писпером на берегу Нила[2], где являлся по временам для назидания и пользы братии и приходивших к нему из ближних и дальних стран. Он посещал монастырь иногда чрез десять,

[1] Vita S. Hilar. c. 26.

[2] Так называется первый монастырь Антониев. *Палладий.* Лавсаик, гл. 23.

иногда чрез двадцать дней, иногда чрез пять, как Бог, замечает Кроний, положит ему на сердце для пользы приходящих в монастырь. Разсказ Кроння знакомит нас и с тем, как принимал Антоний приходящих. Приходя в монастырь, Антоний спрашивал ученика своего Макария, которого он оставил начальником монастыря: брат Макарий, не пришли ли сюда какие братия? Макарий отвечал: пришли. Египтяне или Иерусалимляне? Антоний прежде приказал Макарию, когда увидит, что пришли в монастырь люди не совсем усердные, то говорил бы, что Египтяне, а когда придут люди благочестивые и умные, то называл бы их Иерусалимлянами. Для Египтян он приказывал приготовить сочиво, накормить их и, сотворив молитву, отпускал их. А с Иерусалимлянами проводил долгое время в беседе о спасении души.

Был в Александрии монах Евлогий; получивши в училищах Александрийских образование, он, ревнуя о спасении, раздал свое имение нищим, оставив себе небольшую часть, ибо не мог работать. Не желая вступить в общежитие и страшась трудности отшельнической жизни, он взял на торжище увечного, у которого не было ни рук, ни ног, и дал обет до

самой смерти покоить его, чтобы заслужить милость Божию. Пятнадцать лет Евлогий ходил за ним, как за отцом, с любовью, омывал его, мазал маслом, носил его на руках, берег больше, чем он заслуживал, и покоил, сколько требовала его болезнь. Но вдруг увечный сделался капризен. Ему стал противен Евлогий, все его ласки и угождения; скудна казалась и пища. Связанный обетом, Евлогий не знал что делать и просил совета у некоторых подвижников. Они сказали: Великий (так звали Антония в Египте) жив ещё, иди к нему, что он тебе скажет, то и сделай; чрез него Бог будет тебе говорить.

Прибыл Евлогий с увечным в Писперстий монастырь, и в тот же день вечером, одетый кожаной одеждою, пришел сюда Антоний. Узнав от Макария, что есть пришедшие в монастырь, он спросил: Египтяне или Иерусалимляне? И те и другие, отвечал Макарий.

Антоний принял всех. Было уже поздно, когда Антоний стал звать: Евлогий, Евлогий, Евлогий! Евлогий не отвечал, думая, что так зовут кого-либо другого. Тебе говорю, Евлогий, — продолжал Антоний, — который пришел из Александрии. Антоний говорил по-египетски, а Кроний был переводчиком. Тогда

Евлогий сказал: что тебе угодно? «Зачем ты сюда пришел?» Евлогий отвечал: тот, кто открыл тебе мое имя, откроет и дело, по которому я пришел. «Знаю, зачем ты пришел, — сказал Антоний, — но разскажи, чтобы знали и братия.

Евлогий, разсказав о своих отношениях к увечному, прибавил: я решился бросить его, ибо он сам принуждает меня. Дай мне совет, как поступить.

Великий Антоний с великой строгостью сказал: Евлогий! ты хочешь бросить его? Но Сотворивший его не бросит его. Ты бросишь его, а Бог воздвигнет лучшего, нежели ты, и поднимет его. Устрашился Евлогий. Антоний, обратясь к увечному, сказал: ты увечный, недостойный ни неба, ни земли, перестанешь ли возставать на Бога и раздражать брата? Не Христа ли ради он посвятил себя тебе на служение? Как же ты дерзаешь говорить так против Христа? Дав такое наставление обоим, Антоний занялся беседой со всеми братиями о нуждах каждого из них. Потом опять обратился к Евлогию и увечному: перестаньте враждовать, дети, сказал он им: ступайте с миром и не разлучайтесь друг с другом; бросьте все огорчения, которые демон посеял меж-

ду вами, и с чистой любовью возвратитесь в келлию, в которой жили вы столько времени вместе; Бог уже посылает за вами. Это искушение наведено на вас сатаною; он знает, что вы оба уже при конце поприща и скоро удостоитесь венцев от Христа, — он за тебя, ты за него. Если Ангел, пришедши за вами, не найдет вас обоих на одном месте, вы лишитесь венцев».

Обличенные примирились, и с любовью поселились вместе. Не прошло и сорока дней, как скончался Евлогий; чрез три дня за ним последовал и увечный[1].

Беседа Антония с Евлогием достаточно знакомит нас с характером бесед Антония с приходившими к нему за советами. Но для нас драгоценна всякая черта, ближе знакомящая с этим великим мужем, и потому мы передадим и другие его беседы.

Пришли однажды старцы к Антонию, и в числе их Иосиф. Антоний, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и начал спрашивать каждого, начиная с младшего, что значит это изречение? Каждый говорил, как разумел. Но Антоний каждому отвечал: нет, не

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 23.

узнал. После всех он говорил Авве Иосифу: ты что скажешь о сем предмете? Не знаю, отвечал Иосиф. Антоний сказал: Иосиф попал на путь, когда сказал: не знаю.

Некоторые братья предложили ему слова из книги Левит. Антоний пошел в пустыню, и за ним тайно последовал Аммон, знавший его обыкновение. Отошел далеко Антоний, стал на молитву и громким голосом воззвал: Боже! Пошли Моисея изъяснить мне слова сии. И Аммон слышал, что голос стал говорить с ним, а силы слов не понял.

Пришли ещё братия к Антонию и просили дать наставление: как спастись? Антоний отвечал: вы слышали Писание, и его довольно для вас. Но мы и от тебя хотим услышать что-нибудь, отвечали они. Исполняйте заповедь Евангелия: *аще тя кто ударит в десную ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39). Но мы не можем сего сделать, сказали они. «Ежели не можете подставить другой, то по крайней мере переносите удар в одну. И этого не можем, сказали они. Если и этого не можете, продолжал Антоний, по крайней мере не платите ударом за удар». Братия сказали: и сего не можем. Тогда оборотясь к ученику, Антоний сказал: приготовь им сочива, они больны. Если

вы одного не можете, другого не хотите, то что я вам сделаю? Нужно молиться. Братия хвалили Антонию одного монаха. Когда пришел этот монах, Антоний захотел испытать, перенесет ли он оскорбление, и увидев, что не переносит, сказал ему: ты похож на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками.

Один брат просил Антония помолиться о себе. Антоний отвечал: ни я, ни Бог не сжалится над тобою, если ты не будешь заботиться сам о себе и молиться Богу.

В одной обители оклеветали брата в блудодеянии. Он пришел к Антонию. Пришли и братия из обители и стали укорять его, зачем он согрешил; брат утверждал, что он не делал этого. Был тут Пафнутий Кефал. Он сказал притчу: на берегу реки видел я одного человека, который увяз по колена в грязи. Некоторые пришли ему помочь и по самую шею погрузили его. Тогда Антоний, указывая на Пафнутия, сказал: вот истинно такой человек, который может врачевать и спасать души. Оклеветанный брат принят был с честью в обитель.

В обители Аввы Илии с одним братом случилось искушение. Его выгнали оттуда, — и он пошел в гору к Антонию. Антоний, продержав его несколько времени у себя, послал

в обитель. Братия опять прогнали его. Не хотят, отче, принять меня, сказал он, воротившись к Антонию. Поди скажи им от меня: буря застигла корабль на море; он потерял груз свой и с трудом сам спасся. А вы хотите потопить и то, что спаслось у берега. Услышав слова Антония, братия приняли инока. Так был снисходителен Антоний к немощам.

Спасение ближнего для него было выше всего. От ближнего, говорил он, зависит наша жизнь и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога; а если соблазняем брата, то грешим против Христа.

Не одни неопытные подвижники искали наставления Антония, к нему приходили за советами и Макарий Великий, и Макарий Александрийский, и Пимен, и Памво, сами прославившиеся великим подвижничеством. Что мне делать? спросил Памво Антония. Не надейся на свою праведность, отвечал ему Антоний; не жалей о том, что прошло, и обуздывай язык и чрево.

Пимену он сказал: великий подвиг для человека раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издыхания. Никто без искушений не может войти в Царство Небесное.

Макарию Александрийскому он сказал: на тебе почил Дух Божий, и ты будешь наследником моих добродетелей.

Основатель иночества в Палестине Илларион был одним из его любимых учеников. Он звал его своим сыном.

К Антонию ходил Аммон, сначала скитский подвижник, а потом Епископ. Ты успеешь в страхе Божием, говорил ему Антоний. Потом вывел его из келлии и, указав ему камень, сказал: брани этот камень и бей его. Аммоний сделал это. Что, камень ничего тебе не сказал? — спрашивает его Антоний. Ничего, отвечал Аммон. В сию меру придешь и ты, сказал ему Антоний. Аммон, действительно, сделавшись Епископом, отличался особою снисходительностью к немощам ближних[1].

Под его руководством подвизался и другой Епископ, Пафнутий, славный уже как исповедник во времена гонений, мужественно потом подвизавшийся за православную веру на соборе Никейском и за свят. Афанасия на соборе Тирском[2].

Антоний не был лично знаком с Великим Пахомием. «Об отце вашем, — говорил он

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 35–38.

[2] Vita Ant. п. 30.

ученику Пахомия Закхею, — много раз слышал, что он живет по писаниям, и, истинно, часто желал видеть его телесно, но, видно, был недостоин того. В Царствии Небесном, по благодати Божией, увидим друг друга»[1]. Но, как видно, сношения между обителями были, и Антоний посылал даже послания к инокам Тавенским.

Серапион, начальник монастырей Арсинойских, был друг Антония, часто навещал его и пользовался письменно его советами.

Аммон Нитрийский не только сам посещал Антония, но удостоился посещения и от Антония и по его благословению в Нитрийской пустыне основал келлию для иноков.

Привлеченные славою Антония, приходили к нему для беседы и мудрецы языческие. Незнакомый с ученостью мудрецов Египетских, Преподобный Антоний, просвещенный свыше, нередко изумлял мудрецов своею высокою мудростью. Не раз самонадеянные мудрецы, думавшие видеть в Антонии необразованного невежду, выходили от него посрамленные необыкновенными его ответами и сильными суждениями. «Антоний, — пишет Созомен, — был приятен для собеседников и

[1] Vit. Pach. n. 77.

мягок в разговоре, хотя бы разговор был даже спорный: ибо как-то мудро свойственными ему одному оборотами и уменьем укрощал возраставшее любопрение, беседе давал тон умеренный, а собеседников, отклоняя от горячности, умел приводить в мирное состояние». Однажды пришли к нему два языческих философа, с намерением запутать его своими софизмами. Антоний по внешнему виду угадал в них философов. Не дожидаясь их вопросов, он сам спросил их: «Зачем вы — мудрецы пришли ко мне — невежде?» «Как невежде? — возразили философы. — Мы много слышали о твоей премудрости». «Послушайте, — прервал речь их Антоний, — если вы пришли к невежде в намерении посмеяться над ним; то это не стоило такого труда; если же к мудрецу, каким вы меня называете, то прошу вас подражать мне: мудрость добро, а добру как не подражать? Если бы я к вам пришел, то с вас бы взял пример. Но поелику вы пришли ко мне, то будьте мудры подобно мне, будьте Христианами». Философы, удивленные остротою ума Антония, удалились молча.

В другой раз пришли к нему Диалектики. Между прочим разговором, они упрекнули его

в том, что у него нет книг. Моя книга — природа вещей, отвечал Антоний. — Она всегда готова, как скоро мне захочется читать слово Божие. Скажите вы мне, что прежде было — разум или письмена? Конечно разум, отвечали диалектики, потому что никто другой был изобретателем и творцом письмен. Стало быть, сказал Антоний, у кого есть неповрежденный разум, тому не нужны и письмена.

Еще пришли к нему мужи образованные по всем правилам мірской философии, уважаемые всеми за свою глубокую ученость. Разспрашивая Преподобного Антония об основаниях веры во Христа и вооружаясь хитрыми софизмами против искренних слов праведника, они между прочим дали волю своим насмешкам над учением о кресте. Тронутый старец умолк на короткое время, потом, изъявив свою глубокую скорбь об их ожесточении, так начал говорить:

«Скажите мне, бедные мудрецы, что честнее, почитать ли крест Христов или мерзости богов, коим вы поклоняетесь? Скажите мне, мудрецы, не лучше ли проповедовать непременяемость и присносущность Слова Божия, приявшего тело человеческое для спасения нашего, для обожения природы нашей, неже-

ли Божество уподоблять безсловесным и кланяться потом четвероногим, пресмыкающимся животным и идолам? А таковы все предметы поклонения вашего, мудрецы. Как вы можете порицать Христиан за то, что они исповедуют Иисуса Христа явившимся истинным человеком, когда вы, низводя бедную душу с неба, заставляете её витать в телах не только человеческих, но даже и скотских?»

«Что же касается до креста, то скажите мне, не лучше ли терпеть и не страшиться никакого рода смерти, которую готовит нам нечестие, нежели разсказывать нам басни об Озирисе и Изиде, о коварствах Тифона, — о бегстве и пожирании детей Сатурна и об отцеубийствах? Все это, как видите, ваша премудрость! Притом, для чего вы, понося крест, молчите о воскресении? Для чего, упоминая о смерти крестной, не говорите о прозрении слепых, об исцелении бесноватых, об очищении прокаженных, о хождении по морю, о воскресении мертвых и о других чудесах, доказывающих Божество Иисуса Христа. Те, кои говорили о кресте, писали и о всем этом. Вы, кажется, нечистосердечно читали наши Писания. Но будьте внимательнее, — и вы увидите, что дела Иисуса Христа показывают в Нем Бога, пришедшего спасти человека».

«Теперь раскройте передо мною ваши сказания. Чем вы извините ваше почитание безсловесных? Слышал я, что вы стараетесь все это прикрыть иносказанием; но и в таком случае вы не почитаете Бога, а служите твари вместо Творца. Как бы ни был прекрасен мір, вы только должны удивляться ему, а не боготворить его, чести Зиждителя не отдавать созданию, так как вместо Зодчего не отдают чести зданию, не приписывают победной почести воину вместо вождя».

Пристыженные философы смотрели друг на друга в недоумении. Преподобный Антоний видел их замешательство и продолжал:

«Все это так представляется даже с первого взгляда. Но вы диалектики, не любите ничему верить без доказательств и, обладая искусством словопрения, хотите, чтобы и мы по убеждению доказательств почитали Бога. Скажите же мне: познание вещей и преимущественно познание Бога чем лучше и вернее достигается — умозаключениями или силою веры? И опять, что древнее — вера или убеждение доказательств? Разумеется вера, сказали философы, которая одна только доставляет познание твердое». Так, прибавил Антоний, потому что вера происходит от внутреннего расположения души не так, как ваша

диалектика — изобретение человеческое. Значит в ком действует живая вера, для того излишни, даже совсем не нужны ваши доказательства. Мы верою понимаем то, до чего вы должны доходить вашими умозаключениями; даже часто, что мы понимаем, того вы и выразить не можете. Что ж после сего ваши софистические доказательства пред верою? Мы Христиане обладаем тайнами мудрости не от изучения еллинских хитростей, но силою веры, данной нам Богом чрез Иисуса Христа. Что сказанное мною справедливо, это видно из того, что мы, не учившись вашим наукам, знаем Бога, как Творца и Промыслителя. Что вера наша сильна, видно из того, что, утвержденные ею во Христе, всюду распространяемся; а вы, вооруженные вашим софистическим многословием, уменьшаетесь и исчезаете с вашими идолами. Вы вашими умозаключениями и софизмами ещё не обратили ни одного Христианина к язычеству; а мы успели победить ваши нелепые суеверия, и как? — только проповедуя веру во Христа, только заставляя признавать Его Богом и Сыном Божиим. Вы красноречием своим не положили препоны Христианству; а мы, именуя только Христа распятого, прогнали ваших демонов, которых вы чтите, как богов. Где только зна-

мение креста, там безсильна магия, там не действительно чародейство».

«Где теперь, отвечайте мне, ваши прорицалища? Где чары Египетские? Где вымыслы волхвов? Не тогда ли все это обезсилело, исчезло, когда явился крест Христов? Что же теперь достойнее посмеяния, крест ли или обезсиленное, ниспровергнутое им? Когда Богопознание было святообразнее? Когда явилось целомудрие? Когда смерть так была презираема, как не по появлении креста Христова? Никто конечно не станет говорить против сего, видя мучеников, с радостью идущих на смерть за Христа, видя дев, сохраняющих себя в чистоте и целомудрии. Довольно сих свидетельств для утверждения того, что Христова вера учит истинному Богопочтению. Но вы и после сего не верите, а требуете на все доказательств?.. В это время привели к Преподобному Антонию одержимых бесами; приказав представить их к себе, он сказал философам: исцелите их, может быть, они послушаются ваших умозаключений, вашего искусства и магии; может быть они убоятся призывания ваших богов. Если же не можете, то перестаньте спорить, и зрите силу креста Христова». Сказав сие, Преподобный Антоний три раза осенил страждущих зна-

мением Святого креста; и в ту же минуту они исцелели, — пришли в себя, и начали славить Бога. Изумленные и устрашенные философы остались неподвижны. «Не удивляйтесь, сказал им Антоний, это не своею силою мы делаем, а Господом нашим Иисусом Христом. Уверуйте, и вы познаете, что сила наша не искусство слов, а вера, действующая любовью». Софисты ушли, признавшись, что они много получили пользы от беседы старца[1].

Исцеление бесноватых, совершенное Антонием в присутствии философов, не было единственным свидетельством обитавшего в нем дара чудотворения. Как к обыкновенному врачу приводят больных для подания помощи, так к Антонию приводили их для получения сверхъестественного исцеления[2]. «Безчисленны чудеса, явленные міру Антонием, говорит Афанасий». Он имел и дар прозорливости, но избегая молвы людской старался сокрыть его[3]. Впрочем нередко опыты прозорливости его открывались и пред всеми[4].

---

[1] Vita Ant. n. 72–80.

[2] Vita Ant. n. 61. 63. 64.

[3] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 11.

[4] Там же. С. 5, 6. Vita Ant. n. 59.

Слава Антония, говорит Созомен, так была велика в пустынях Египетских, что Царь Константин назвал его своим другом, почтил посланиями и убеждал писать к себе о нуждах[1]. Афанасий пишет также, что Император Константин и дети его Констанс и Констанций письменно просили Антония, как отца, утешить их взаимным посланием. Долго Антоний, избегая славы мірской, не хотел исполнить сей просьбы. Потом, собрав братию своего монастыря, сказал: мірские Цари пишут к нам письма. Христианам нечего удивляться тут. Ибо хотя в міре различны состояния, но для всех одинакова участь рождения и смерти. То достойно всякого удивления, что Сам Бог написал закон людям и чрез Сына Своего обогатил Своим учением Церковь. Что инокам до посланий Царских? Как принять мне сии послания, на которые я не умею отвечать обычными приветствиями? По просьбе братии, представившей Антонию, что молчание его огорчит Царей, решился писать к ним. Сначала Антоний хвалит их благочестие, потом дает совет не превозноситься тем, что они Цари, не забывать, что они и при Царском

[1] *Созомен*. Церковная история. Кн. I, гл. V.

достоинстве подобные другим люди и будут судимы от Христа. Наконец, внушает им быть правосудными и милосердыми к подданным, прилагать попечение о бедных и помнить о том, что един есть Царь над всеми и всех веков — Иисус Христос. Послание Антония, как говорит Афанасий, с великою радостью было принято при Дворе.

Как ни был славим Антоний, но никогда, пишет Афанасий, слава не омрачала его смирения; смиренно наклонял он свою голову пред Епископами и пресвитерами. Диаконов, приходивших к нему за наставлениями, назидал своим словом и вместе просил молиться за себя[1].

Антоний не любил разсказывать и о своих подвигах. Для назидания братии разсказывая об искушениях, бывших с ним, он и тогда сказал: мне бы хотелось кончить речь свою и прейти молчанием то, что случилось со мною; но дабы вы не подумали, что говорю несбыточное, посему, хотя и безразсудно делаю, но знает Сердцеведец, что не в похвалу себе, а для вашей пользы делаю, разскажу вам из моей жизни немногое из многого...

---

[1] Vita. Ant. n. 67.

Понятно, что тогда, как появилось лжеучение Ариан, для православных чтителей Бога — Слова важно было иметь защитником своей веры Антония. Полный любви к Господу Иисусу, Которому предал всю свою жизнь и в вере в Божественные заслуги Которого положил для себя все упования настоящего и грядущего века, Антоний более всего отвращался Ариан. Он запрещал своим ученикам входить в какое-либо общение с ними: беседы с ними называл пагубными для души, слова их гибельнее яда змеиного. «В наше время, — писал он к своим ученикам, — явился в Александрии Арий и вымыслил нечестивое учение о Единородном. Безначальному он положил начало, Безконечного и Неограниченного он сделал конечным и ограниченным. Мы знаем, что если человек сделает грех против другого человека, можно умолить Бога за него и испросить ему прощение. Но если человек согрешит против Бога, то кто умолит Бога за него? Арий сделал великое беззаконие. Грех его непростителен и осуждение неизбежно»[1]. «Сердце сих людей, — писал Антоний в другом письме об Ари-

[1] Письмо Антония к монахам, 4-е. Христианское чтение, гл. 22. С. 166.

анах, — в сердце змия, или лучше сказать, змий обитает в их чреве и сердце»[1]. Раз Ариане пришли к нему в гору, он велел прогнать их. Сам Антоний старался не входить в словопрение с ними. Но Ариане сами вызвали его на открытое обличение их ереси. Они распустили слух, будто Антоний согласен с их образом мыслей, надеясь одним именем его увлечь многих в заблуждение. Эта клевета и усильные просьбы Афанасия Архиепископа Александрийского вызвали ревностного поборника благочестия из пустыни в Александрию. Здесь пред всем народом осудил он лжеучение Ариан, и называл их предтечами Антихриста. «Сын Божий, говорил Антоний, — не есть тварь и не из несущих, но присносущное Слово и Мудрость существа Отчего. Не имейте никакого общения с Арианами: ибо кое общение свету ко тьме (2 Кор. 6, 14)? Если соблюдаете благочестие, то вы Христиане, а те, именующие Сына Божия и Слово сущее от Отца тварью, ничем не различаются от язычников, потому что служат твари, паче создавшего Бога. Поверьте мне, — продолжал Антоний, — самые стихии міра

[1] Письмо 17-е. Христианское чтение, гл. 35, 22.

негодуют, и вся тварь воздыхает о безумии арианском, видя сравненным с собою своего Господа, чрез Которого все сотворено». Появление Антония, восьмидесятилетнего старца, и его слова произвели глубокое впечатление в Александрии. Православные радовались, слыша, что Арианская ересь проклята столь великим мужем. Силу своего свидетельства Антоний подкрепил множеством чудотворений. «Сколь многие, — пишет Афанасий, — тогда освободились от одержания злыми духами! Сколь многие получили исцеление! Все жители города стеклись смотреть на Антония. Даже язычники и самые жрецы их стремились к храму, посмотреть на человека Божия (так называли Антония)». Три раза посетил Антоний келлию знаменитого слепца Дидима, ревностного защитника, и преклонял в ней свои колена для молитвы[1]. В немногие дни его пребывания в Александрии число обратившихся в христианство язычников превышало количество обращенных в продолжение целого года. Афанасий торжественно проводил великого пустынника из города[2].

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 4.

[2] Vita Ant. 69. 70.

Вскоре после пребывания Антония в Александрии Афанасий был удален с своего престола. И тогда Антоний, из глубины пустыни своей обратился к Константину с письмом, с просьбою о возвращении Александрии Святителя Божия Афанасия. И хотя не имел в сем успеха, но по крайней мере Император произнес осуждение Ария уже умершего[1].

«Кратко сказать, — так заключает Св. Афанасий обзор жизни Антония, — Христос явил в нем благого врача для Египта. Кто при Антонии не изменил печали на радость? Кто не переменил гнева на мир? Кто при виде его не умерял скорбь сиротства? Кто, забыв горесть бедности его утесняющей, не презрел и изобилия богатств, и не порадовался о своей бедности? Какой монах, утомленный подвигами, не получил вновь бодрости от его наставления? Какой юноша, обуреваемый нечистыми страстями, от его увещаний не сделался любителем целомудрия? Кто стесняемый дьяволом выходил от него без врачевания? Кто разсеиваемый помыслами вражескими, омрачаемый бурею, не возвращался с ясным умом? Он знал, кто каким недугом страдает, и в опытах своей

[1] *Созомен*. Церковная история. Кн. 2, гл. 31.

жизни приобрел распознание духов, и сообразно с болезнями прилагал врачевство. Оттого после его наставления разсеивались все козни дьявола. Многие обрученные девы, увидав его, сходя почти с брачного ложа, повергались в объятия матери Церкви. Многие, оставив богатство и почести, пожелали идти его путем. И что много говорить? Со всего света стекались к нему люди посмотреть на мужа, так победоносного против врагов. И ни для кого не был безплоден этот путь — за труд всякий получал прекрасное вознаграждение. Когда скончался Антоний, как будто все осиротели, лишившись Отца».

Антоний мог по крайней мере свободно возносить в своей горе молитвы к Богу о мире Церкви. Пустынная жизнь Антония осталась сокрытою и для нас. Можно указать только немногие черты ея, открывающиеся из повести о Павле простом. Павел был поселянин; возвращаясь однажды с поля, он застал свою жену, отличавшуюся красотою, в преступной связи; он поклялся, что не будет более жить с нею. Возьми ты её, сказал он обольстителю, а сам пошел в монастырь. Обойдя восемь монастырей, он пришел во внутреннюю пустыню к Антонию и стучится в дверь.

«Что тебе нужно? — спрашивает его Антоний. Хочу быть монахом, — отвечал Павел. Не можешь, сказал Антоний тебе уже шестьдесят лет; ступай лучше опять в свое селение, работай, и живи в трудах, благодаря Бога; ты не можешь перенести скорбей пустыни. Я буду все делать отвечал Павел, чему ты научишь меня. Я сказал тебе, продолжал Антоний, что ты стар и не можешь быть монахом; ступай отсюда. Если же тебе хочется быть монахом, то поди в общежительный монастырь, где много братии, которые могут снисходить к немощам твоим. — А я здесь живу один, ем через пять дней, и то не досыта. Антоний запер двери и три дня не выходил. А Павел все стоял у дверей и не отходил. На четвертый день отворил дверь Антоний, и, увидев Павла, сказал: «Отойди отсюда, старик; нельзя тебе здесь остаться». «Ни в каком месте я умру, как только здесь», — сказал Павел. Посмотрев, что у него нет ничего съестного, ни хлеба, ни воды, и опасаясь, чтобы, не привыкши поститься, он не умер от голода, Антоний ввел его в свою пещеру и сказал: «Можешь спастись, если будешь послушен и станешь делать все, что я велю». «Все буду делать», — отвечал Павел; и начал Антоний

в следующие дни вести такую суровую жизнь, какой не вел и в молодых летах. Искушая Павла, он велел ему стать на зное и молиться до тех пор, когда не принесет ему работы. Целый день, палимый зноем, простоял Павел, не двинувшись с места. Потом, намочив пальмовых дерев, велел ему плести веревку, как плел сам[1]. До девятого часа плел Павел и с трудом сплел веревку в пятнадцать локтей длиною. Посмотрев на веревку, Антоний сказал: дурно сплел, расплети и начни снова. Павел стал опять плести, нисколько не огорчась. Между тем, уже четыре дня Павел ничего не ел. При захождении солнца Антоний сказал: не съесть ли нам, отец, кусок хлеба? Как тебе угодно, Авва, отвечал Павел. Положили на стол четыре хлебца[2], каждый унций по шести. Антоний начал петь псалом, пропев его двенадцать раз, молился после каждого. Вместе с Антонием молился и Павел; наступил вечер, Павел ещё не ел. Антоний

---

[1] Когда посещал Антония Макарий Египетский, то они плели корзинки из пальмовых прутьев.

[2] Перейдя во внутреннюю пустыню, Антоний несколько времени брал хлеб из монастыря, но потом ему не захотелось есть чужой хлеб, и он, взявши орудия, возделывал землю подле своей горы. Vita Ant. n. 67.

сказал ему: вставаи, помолись и ложись спать. В полночь Антоний разбудил его на молитву и продолжал молитвы до девятого часа дня. Поздно вечером Павел съел один хлебец, и не стал более, потому что не ел Антоний. Встав из-за стола, Антоний прочитал двенадцать молитв и пропел 12 псалмов. Уснув немного, они встали с полуночи и пели псалмы до самого дня. Потом Антоний послал Павла обойти пустыню, приказав придти чрез три дня. Павел исполнял все, что приказывал Антоний, при всех испытаниях не показывал и вида нетерпеливости. Видя терпение и смирение Павла, Антоний сказал ему: «Во имя Господа Иисуса, ты уже стал монахом»; и на разстоянии трех или четырех поприщ от себя выстроил ему келлию. И отсылая жить туда, сказал: «Вот ты стал уже монахом; живи теперь один, чтобы испытать искушение и от демонов». За свое смирение Павел скоро удостоился дара чудотворения. Однажды привели к Антонию бесноватого. Антоний привел его к Павлу и сказал: Авва Павел! изгони демона из этого человека, дабы он здравым возвратился в дом свой и славил Бога. Павел призвал бесноватого и сказал: «Авва Антоний повелевает тебе выйти из сего челове-

ка, чтобы он, выздоровев, славил Бога». Бес не повиновался. Выдь, говорил Павел, или я пойду и скажу Христу, и тогда горе тебе. Бес не выходил. В самый полдень, при нестерпимом жаре, Павел вышел из келлии, и стал под открытым небом на камень, и молился так: Иисусе Христе, Распятый при Понтийстем Пилате, Ты видишь, я не сойду с камня, не буду ни есть, ни пить до смерти, если Ты не изгонишь беса из сего человека». Не успел Павел кончить своей молитвы, как бес оставил больного[1]. Таков был ученик Антония.

Кроме дара чудотворения, Павел владел и даром прозорливости. «Бог даровал ему такую благодать, — говорит древний историк, — что он в каждом видел, какова его душа, так, как мы друг у друга лица. Однажды он пришел в Писпер для посещения братии. Братия пошли в Церковь для совершения обычной службы. Смотря на всех входящих в Церковь, он видел души их светлыми и радостными. Но один брат входит весь омраченный, окруженный демонами. Горько заплакал Павел, сел у Церкви и, ударяя себя в грудь, рыдал об омрачен-

[1] *Палладий*. Лава, гл. 26. *Созомен*. Церковная история. Т. I, гл. 13.

ном. Напрасно хотели узнать от него о причине. До конца службы он не мог престать от слез. При выходе из службы он видит, что тот же брат, уже очищенный и просветленный, выходит из Церкви. Павел вскрикнул от радости, побежал на лестницу и громко воззвал: о неизреченное Божие человеколюбие и благость! Он вынудил у брата признание, как слова Пророка Исаии (1, 10–15) пробудили чувство покаяния и он слезами омыл свои грехи»[1]. Указывая на пример Павла безропотным послушанием, в короткое время достигшего высокого совершенства, Преподобный Антоний говорил: «Если кто хочет скоро достигнуть совершенства, не должен быть сам себе учителем, ни повиноваться своей воле, хотя бы правым казалось свое желание, но, по заповеди Спасителя, каждый прежде всего должен отречься себя самого, отказаться от своей воли. Сам Спаситель говорит о себе: *не приидох творити волю Мою, но волю Пославшего Мя* (Мф. гл. 16). Как же мы избежим суда, если будем исполнять свою волю?»

Мы видели, что Антоний, приняв к себе Павла, устроил ему келлию в четырех вер-

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 239.

стах от своей; он охранял его, по замечанию Руфина, от посетителей[1]. Сам он, кроме келлии у подошвы горы, устроил себе ещё две келлии на самой вершине горы, где и скрывался от приходящих[2].

Антоний нашел в своей пустыне ближе к Чермному морю и другого любителя уединения.

Антонию было уже девяносто лет от роду, и семьдесят лет протекло с тех пор, как, оставив мір, проводил отшельническую жизнь. Сидя в своей пещере, он подумал однажды: «Кроме меня нет другого отшельника в сей пустыне». Но в ту же ночь во сне было ему откровение, что в отдаленнейшем краю сей пустыни есть другой отшельник, совершеннейший его. Опираясь на свой посох, Антоний тотчас отправился в путь. «Верую моему Богу, — сказал он, — что Он покажет мне раба Своего, которого явил ночью». Целый день он шел по пустыне, не видя ее предела, и встречая одни только следы диких зверей. Другой день уже склонялся к вечеру, а Антоний не находил искомого. На третий день рано поутру, в час утренней молитвы, Анто-

---

[1] Histor. Mon c. XXXI.

[2] Ibid.

ний приметил гиену, быстро бегущую к ближней пещере[1]. Он пошел за зверем и скоро достиг пещеры, внутри которой увидел свет. Желая войти в пещеру, Антоний в темноте поскользнулся на камень и произвел шум, вдруг пещера заключилась. Но Антоний, повергшись на землю у порога, часов до шести или более умолял отворить пещеру. «Откуда ты, спросил голос из внутри, и зачем пришел сюда? Знаю, отвечал Антоний, что я недостоин твоего лицезрения; но если ты принимаешь зверей диких, то неужели отвергнешь человека? Я искал, и нашел. Умру здесь у дверей твоих, и ты принужден будешь погребать мое тело». «Никто однако же, сказал голос, не просит с угрозами». Пещера открылась, и два ветхие старца, из которых одному было уже с лишком девяносто лет от роду, а другому столько же от удаления в пустыню, обнялись, как давно знакомые. Антоний, сказал Павел[2]. Павел, отве-

---

[1] Пещера Павла на горе Холзим в прямую линию от горы Антония отстоит не более как на четыре версты, но она отделена столь высокою и крутою стеною, что обход вокруг нее очень продолжителен. Путешествие по Египту Норова. Ч. II. С. 354.

[2] Житие Павла Фивейского и встреча Преподобного с ним Антония описаны вероятно со слов самого Антония, кем-либо из ближайших его учеников. Автор пишет: когда

чал Антоний. Бог открыл им взаимные имена. После взаимных приветствий, старцы сели у источника. «Зачем ты, спросил Павел, предпринимал такой труд, чтобы увидеть старика ветхого и полуистлевшего, который в твоих глазах скоро обратится в прах? — Помолчав немного, он спросил, что теперь делается с родом человеческим? Возвышаются ли новые здания в старых городах? Как управляется мір? Осталось ли ещё идолопоклонство? Во время разговора подлетел ворон и положил пред старцами хлеб. Господь наш устраивает нам трапезу, сказал Павел; — поистине щедр и милостив Он. Вот уже семьдесят четыре года, как я получаю половину хлебца; а ныне, ради твоего пришествия, Христос удвоил дачу своим воинам. Благодаря Бога, старцы сели

Антонию пришла мысль, как он *сам разсказал мне*. Это житие, переведенное с очень древней Греческой Баварской рукописи на Латинский язык, помещено in vita Sanet. T. I. Ianu. 10. p. 605. В сочинениях блаженного Иеронима есть также жизнь Св. Павла Фивейского. Во многих местах своих сочинений он сам свидетельствует, что писал жизнь Св. Павла Фивейского. Я послал тебе, —писал он Павлу подвижнику Кондарийскому, — другого тебя, старцу Павлу старейшего Павла (Epist. 21. ср. liber. de illustrib. Eccles. scriptoribus. c. 135. chronic. ad. an. 19 Constantin). То и другое житие Павла Фивейского согласны между собою по содержанию.

вкушать хлеб у источника. Здесь Павел рассказал Антонию свою жизнь.

Павел родился[1] в Египте в Нижней Фиваиде, от родителей Христиан, которые дали ему тщательное воспитание. Он учился всем Египетским и Греческим наукам, какие только славились тогда. От природы тихий и миролюбивый по характеру, Павел с юности имел склонность к Богомудрым размышлениям, и его сердце горело любовью к Богу. У Павла была сестра, которую родители ещё при своей жизни выдали в замужество. Зять был человек жестокий, суровый и до крайности корыстолюбивый. Когда Павел на шестнадцатом году возраста, лишившись родителей, сделался наследником огромного состояния, зять решился погубить его, чтобы воспользоваться имением.

Когда Павлу было около 22-х лет от роду, открылось жестокое Декиево и Валериново гонение на Христиан (249). Проникнув намерение своего зятя — предать Павла гонителям

[1] Год рождения Павла Фивейского можно определить по житию его. Когда Антоний пришел к Павлу, он уже 91 год был в пустыне, в которую удалился 22-х лет. Следовательно, ему было 113 лет. Антоний, родившийся в 251 году, пришел к нему 90 лет от роду, следовательно Павел родился около 228 года.

и овладеть его имением, Павел, добровольно оставив все зятю, удалился в пустыню.

Переходя с места на место и отыскивая удобнейшего приюта, он подошел к каменной горе и недалеко от подошвы ее нашел пещеру, заслоненную камнем. Выдвинув камень, блаженный юноша увидел внутри обширный ход, открытый верх которого осенен был длинными и густыми ветвями финикового дерева, и вблизи протекал источник с весьма чистою водою. Это уединенное и от всего міра сокрытое место так полюбилось Св. Павлу, что он решился поселиться здесь навсегда. «Таким образом, — замечает блаженный Иероним, — к чему привела необходимость, то теперь утвердила собственная воля». Поселившись в пустыне, святой Подвижник безвыходно прожил в ней около девяносто одного года, никем не видимый и никому не ведомый, кроме одного Бога. Дни и ночи проводил он в чистой пламенной молитве; питался плодами своей пальмы, одевался ее листьями.

Окончив повесть о своей жизни, блаженный Павел сказал Великому Антонию: «Поелику наступило время моего успения, то ты послан от Бога, чтобы покрыть тело мое землею». Со слезами Антоний умолял Павла не

оставлять его и взять с собою. Но Павел сказал: «Тебе ещё надобно жить для пользы братии твоей. Иди в свой монастырь и для облачения моего тела принеси одежду, которую подарил тебе Афанасий Епископ». Антоний молча проливал слезы, лобзал очи и руки Павла и потом пошел в обратный путь.

Подходя к своей обители, Антоний встречен был двумя из учеников своих. «Отче наш, спрашивали они, где так долго ты был? Горе мне грешному, говорил со слезами старец, — я монах только по имени, я видел Илию, видел Иоанна в пустыне; поистине я видел Павла в раю». И тотчас, взяв одежду, снова отправился в путь. На другой день около третьего часу он видит сонмы Ангелов, лики Пророков и Апостолов, и между ними блаженного Павла, восходящего на небо и блистающего необыкновенным светом. Падши на лицо свое, посыпая перстью главу, плача и сетуя, Святой Антоний взывал: «Павел, зачем ты меня покинул? почему не дал мне последнего целования?» С возможною для его лет скоростью, он поспешил к пещере Павловой, — и видит, что блаженный стоит на коленах, глава и руки подняты к небу. Антоний думал, что Павел ещё жив и молится. Но наконец, уразумевши, что молится одно

тело Павла, а душа его на небе, Антоний с великими слезами облачил тело блаженного и вынес оное из пещеры для погребения, воспевая псалмы и духовные песни. Долго печалился он, что на земле каменистой и изсушенной зноем не может вырыть могилы. Но тут увидел он, что два льва идут из пустыни. Они вырыли могилу, и в ней похоронил Антоний Павла. Антоний, взяв с собою пальмовую одежду Павла, удалился в свою обитель. В самые торжественные праздники: Пасху, Пятидесятницу, он облачался в эту одежду. «Если бы Бог позволил и мне выбирать, — говорит блаженный Иероним, — то я скорее бы избрал рубище Павла с его заслугами, нежели порфиру Царей с их царствами».

Сколько могло доставить Антонию утешения свидание с великим пустынником Павлом, столько возмущало его душу состояние Православной Церкви, гонимой Арианами.

Однажды сидя на своей горе с братьями за рукоделием, вдруг Антоний объят был Духом и восхищен в видении; пришед в себя, старец, затрепетав, преклонил колена, преклонили колена по его прошению и братия, долго молился. Когда встал он с молитвы, слезы ручьем текли из глаз его. Устрашенные уче-

ники просили его разсказать: что с ним? Антоний немало отказывался отвечать. Потом со слезами стал говорить: «Дети мои, лучше бы умереть прежде, нежели сбудется то, что я видел. Грядет гнев Божий на Церковь Христову; вера православная подвергнется великому гонению и Церковь Христова предана будет в руки людей, которые подобны безсловесным. Я видел трапезу Господню, окруженную множеством волов, которые все ниспровергают, и слышал голос с неба: так будет осквернен мой храм. Но не отчаивайтесь, дети мои, продолжал вдохновенный старец, как Господь прогневался, так Он же паки исцелит, и Церковь скоро восприимет прежнюю красоту. Увидите изгнанных возстановленными: только не оскверняйте себя общением с Арианами»[1].

Скоро исполнилось пророчественное видение Антония. Арианин Григорий с помощью Филария овладел престолом Церкви Александрийской и поругался над святынею Православных. — Ревностный Антоний думал вразумить Григория посланием, в котором писал: «Вижу гнев Божий, грядущий на

[1] Vita Ant. n. 87.

тебя, перестань преследовать Христиан, чтобы не постиг тебя гнев, угрожающий тебе близкою погибелью»; но нечестивый Арианин глумился над письмом Святого старца, и за это, по предречению Антония, постиг его суд Божий[1]. Едва ли не обращался Антоний с просьбою о прекращении гонений на православных и к Императору Констанцию. По крайней мере сохранилось известие, что Антоний получил от Императора Констанция письменное приглашение, чтобы он пришел в Константинополь. Антоний размышлял, что ему делать; потом спросил своего ученика Павла: должно ли мне идти? Павел отвечал: если пойдешь — будешь Антоний; а если не пойдешь — будешь Авва Антоний[2].

Имея более девяноста лет от роду, Антоний принял к себе двух учеников[3], для услужения его старости.

---

[1] Hist. arian p. 552. vita Ant. n 82.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 11. concion. T. I, p. 5.

[3] Св. Афанасий не называет сих учеников по имени, а говорит, что они пятнадцать лет служили ему и погребли его. Блаженный Иероним в жизни св. Павла Фивейского говорит, что он слышал разсказ об нем от учеников Антония: Амафы и Макария, из коих первый хоронил его. Палладий приводит слова Крония об Макарие и Амафе, гово-

Не имея уже сил часто навещать свой монастырь, он назидал иноков посланиями[1]. Его послания дышат духом Апостольской любви и заботливости о спасении его чад.

«Возлюбленные мои, — так писал Антоний, — я непрестанно днем и ночью воспоминаю о вас в молитвах своих, и прошу Господа нашего, чтобы Он укрепил веру вашу, — умножил добродетели ваши, утвердил мудрость вашу и навык отличать истину от лжи, и даровал

ривщего, что сии два ученика похоронили Антония. Когда Иларион посетил гору Антония, спустя три года после его смерти, то нашел двух учеников Антония, Исаака и Пелузиана, по-видимому бывших прежде с Антонием.

[1] До нас дошло 20 писем Антония к монахам. Он писал их на Египетском языке, на котором они и доселе сохраняются в некоторых Египетских монастырях. Еще в VI веке с Египетского они переведены на Греческий язык, в VIII веке на Арабский, в XVII веке Маронитом Авраамом Ехелленским переведены с Арабского на Латинский, и изданы в 1641 году в Париже. Из содержания писем видно, что они писаны были Антонием в старости. О подлинности первых семи писем свидетельствует Иероним (Catalog. de. vir. illustr. cap. 88), который называет их имеющими дух Апостольский, и лучшим из них называет шестое письмо к монахам Арсинойским. Фотий в своей библиотеке (cod. 198) приводит свидетельство древнего Греческого писателя, который приписывает сии письма Антонию. Подлинность прочих тридцать писем видна из сходства слога и духа их с первыми письмами Антония (Comber. Recens. autor. Bibl. concian. T. I. p. 5).

вам духовного мужества, ещё более, чем вы имеете. Я непрестанно молюсь о вас, потому что я родил вас во Христе и вы сделались моими сынами. Так и Апостол Павел, родивши духовно Тимофея, написал к нему: *непрестанную имам о тебе память в молитвах моих день и нощь: желая видети тя, поминал слезы твоя да радости исполнюсь* (2 Тим. 1, 3–4). И я, возлюбленные мои, любя вас за правоту сердца вашего, поступаю касательно вас так же, как Павел касательно Тимофея: я вспоминаю о вас, молюсь о вас, желаю видеть вас. Все сие я делаю потому, что помню труды ваши, стенание ваше, скорбь вашего сердца, великое терпение и кротость вашу, и все ваши подвиги благочестия, которыми вы постоянно и мудро занимаетесь».

«Дети мои, я прошу Господа, чтобы он облегчил путь мой к вам, чтобы опять мне придти и видеть вас. Я знаю, что и вы желаете меня видеть так же, как и я вас. Вы знаете, что на земле ничто не может сравниться с любовью родителей к детям и детей к родителям: и те и другие всегда желают видеть друг друга. Не гораздо ли большую любовь имеют друг к другу отцы и дети духовные? Поелику отцы духовные более знают, нежели отцы плотские; то первые всегда со страхом Божиим и любо-

вью к Богу желают видеть детей своих. Притом известно, что любовь родителей к детям сильнее любви детей к родителям (2 Кор. 6, 11–12). И моя любовь к вам, дети, сильнее вашей любви ко мне; потому что вы дети мои. Итак, будем вместе молить Бога, чтобы Он позволил нам видеть друг друга. Я уверен, что пришествие мое к вам доставит нам великую радость и веселье, как и Апостол некогда говорил о сем же к Римлянам: *желаю видети вас, да некое подам вам дарование духовное, к утверждению вашему. Сие же есть соутешитися в вас верою общею, вашею же и моею* (Рим. 1, 11–12)»[1]. Такою любовью полон был старец к своим детям инокам. В другое время, не могши сам придти, посылает для утешения их своего ученика. «Надеясь, что Бог благоволит мне ещё в теле видеть вас, и принести к вам радость, за ту радость, которую вы доставляете мне, я послал к вам возлюбленного сына моего. Господь, видя, что я люблю вас, как отец детей своих, в отсутствие мое Сам будет для вас утешением и радостью, Сам даст вам духовную силу и мир в вашем уединении»[2].

---

[1] Письмо 14-е. Христианское чтение. 1829, ч. 34. С. 41–44.

[2] Письмо 15-е, там же. С. 48.

«Благословенные дети мои, я желаю, чтобы вы постоянным и сердечным исполнением дел Господних соответствовали моим молитвам о вас и моей великой любви к вам (письмо 15-е)». То он утешается их духовным совершенством. «Поелику вы избрали Божественное, то я люблю вас всем духом моим. Вы имеете в себе Бога и стоите на высокой степени совершенства». То молит Бога о высшем совершенстве. «Я всегда молю Бога о вас, чтобы в ваших сердцах умножалась любовь к Богу, и открылись к вам великие таинства Божии, чтобы вы достигли той меры совершенства, на которой вы можете знать неисчислимые и безконечные богатства царства Божия. Я знаю, что немногие из иноков и дев достигли сей степени совершенства, таковые будут судить в последний день суда (письмо 13-е). Я молюсь непрестанно Богу о вас, чтобы вы были вместе со мною там, где я буду; потому что вы дети мои и во всем послушны мне (письмо 14-е). Возлюбленные мои, вы будете составлять мне радость, если будете помнить о моем ничтожестве (письмо 14-е). Прошу вас именем Господа нашего Иисуса Христа, исполняйте ревностно обязанности свои к Богу. Если умеете вы отличать

истину от лжи, то можете видеть, что сие мое прошение проистекает из истинной духовной любви к вам. По сей-то духовной любви к вам я желал бы называть вас не плотскими и земными именами вашими, но именами духовными, которые без сомнения вы получили от Бога. Ибо каждый из нас, кроме земного имени, должен иметь от Бога имя духовное».

«Бог Един, посему и человек должен служить Ему в единстве и в полноте духа своего. Если даже и многие люди соединяются для служения Богу, они должны иметь один дух и одно сердце». Из сего-то любвеобильного сердца истекали те мудрые наставления, которые мы находим в письмах Антония[1].

Чтобы познакомиться с духом и содержанием писем Преподобного Антония, представим в извлечении его наставления. Любопытно видеть, как этот великий отшельник судил о достоинстве уединения.

«Желающий быть благочестивым[2], — пишет Антоний, — должен удаляться мірского

---

[1] Извлечение из писем Антония предложим мы ниже.

[2] Кроме 20 писем и 20 поучений Антония Великого, дошло до нас еще: 1) *Слово о суете мира и воскресении мертвых*. Оно найдено в древней Латинской рукописи Алда Минуция и в первый раз напечатано Жерардом Воссием в

шума, чтобы и по телу, и по сердцу и по уму быть свободным от той суеты, которая обыкновенно находится между людьми. Когда мы живем в міре между людьми, враг наш нападает на нас и с внутренними и внешними оружиями; в орудие своей ненависти к нам

мае месяце 1604 г. в собрании сочинений разных святых Отцев, и изданном в одной книге с сочинениями св. Григория Чудотворца. 2) Антонию Великому приписываются еще наставления для нравственности человеков и доброй жизни во 170 главах. Иоанн Маврокордато, издавший их в 1782 г. на Греческом языке в Добротолюбии, подтверждает их подлинность свидетельством Петра Дамаскина, жившего в половине VIII века, но Каве, Удино, Фабриций и другие считают их произведением Антония Мелиссы, жившего около половины VII в. (Fabr. Bibl. tom. 9. p. 262). В самом деле, эти наставления не имеют той простоты, которая дышит в подлинных писаниях Антония Великого. 3) Духовные наставления детям своим монахам. Эти духовные наставления едва ли принадлежат Антонию Великому. Между прочим здесь пишется: «Обращай внимание на одежду свою, и вспоминай те слезы покаяния, которыми ты орошал ее, когда облекся в нее». Здесь видно уже указание на обряд пострижения и облачения в иноческую одежду, чего при Антонии Великом не было. 4) Правила духовным детям своим монахам. Сии правила встречаются еще у Венедикта Аньянского, жившего около 800 г., в собрании правил инокам и на Арабском языке. 5) Ответы на некоторые вопросы, предложенные братией. Все сии писания Антония напечатаны в 1788 г. в Библиотеке древних Отцев, изданной Голландом в Венеции.

он употребляет против нас и самых людей. Господь наш показал в себе образец сего уединения, когда один взошел на гору помолиться. В уединении в пустыне Он победил дьявола, который искушал его. Он мог победить, живя и между людьми: но победил в уединении, чтобы показать нам, что мы в уединении удобнее можем побеждать духовного врага своего и достигать совершенства. Господь наш не открывал также славы своей ученикам пред людьми, но, удалив их от людей, взошел с ними на гору и там показал им свою славу. И Иоанн Креститель жил в пустыне до явления своего Израилю. Верховный Апостол Петр показывает нам также пользу уединения. Когда он был в уединении, то видел отверстое небо, спускающуюся к нему скатерть, и слышал глас Божий (Деян. 10, 11. 17). Равным образом и Пророк Иезекииль, когда видел животных, из которых каждое, для обозначения славы Божией, имело четыре лица, был не в городе, или селении каком-либо, но в поле, потому что Бог велел ему выйти туда и там показал ему славу свою. Словом, Божественные видения и явления Святым случались всегда на горах и пустынях. Апостол Павел в послании к Евреям так говорит о

сих Святых людях и их благочестивом образе жизни: *их же не бе достоин весь мір*, они *в пустынях скитались и в горах и в вертепах и в пропастех земных* (Евр. 11, 38). Пророк Иеремия, зная, что уединение приятно Богу, так говорит об оном: *Благо есть мужу егда возмет ярем в юности своей, сядет на едине и умолкнет* (Плач. 3, 27– 28). Сей же Пророк видя, что порочные дела людей препятствуют благочестивым людям свободно служить Богу, так говорит: *кто даст мне в пустыни виталище последнее, и оставлю люди моя и отъиду от них* (Иер. 9, 2). Пророк Давид говорит Богу об уединении: *Ты, Господи, единого на уповании вселил мя еси* (Пс. 4, 10). И Пророк Илия от Ангелов получал духовную пищу не посреди многочисленного народа, не в городе или селении каком-нибудь, но в пустыне. Все необыкновенные происшествия, случившиеся со Святыми в пустынях, описаны и преданы нам для нашего наставления, чтобы и мы подражали им и любили уединение, которое приближает нас к Господу, делает нас совершенными и доставляет нам духовное утешение. Те люди, которые уединяются и любят смирение всем сердцем своим и всею силою своею, получают

более славы и уважения, нежели живущие в городах и селениях. Итак, старайтесь утвердиться в уединении. Оно сделает нас достойными видеть Бога, видеть Его духовным образом по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Слова Вечного, оживотворяющего души наши и тела наши»[1]. Антоний указывает на три вида призывания к жизни подвижнической. «Трояким образом люди призываются к отречению от міра. Одни, услышав слово спасения, не медля нимало, последуют призыванию Божию и стараются сообразовать жизнь свою с учением Евангельским. Другие возбуждаются к жизни благочестивой страхом мучения в будущей жизни за грехи и желанием вечного блаженства, уготованного праведным. Иные бедствиями и болезнями просыпаются от греховного усыпления». Как же совершается и проходится этот путь самоотвержения, на который вступает подвижник? Сей тяжкий путь, учит Антоний, проходится успешно только при помощи Божией. Дух Святый вначале обыкновенно делает для удалившихся от міра легкими все духовные подвиги, чтобы раскаяние во грехах не было для него трудно и неприятно. Он показывает ему

[1] Письмо 17-е.

путь к благочестию, более и более усиливает в нем дух покаяния, укрепляет его в добродетелях, научает обуздывать свое тело и очищать свое сердце, и таким образом соделывает его наследником жизни вечной. Посему человек, который хочет удалиться от міра, прежде всего должен обращаться к Богу с молитвою о Божественной помощи. Душа человеческая, будучи оставлена самой себе, так слаба, что когда или дух злобы нападает на нее, или чувственные желания требуют удовлетворения себе; она редко может противиться им и большею частью порабощается ими; кто желает всем сердцем обратиться к Богу, того Сам Бог научит, как служить Ему (письмо 3-е). Дух Святый ниспосылает свою помощь по мере ревности его к благочестию, по мере того, как он сильно чувствует нужду в пособии и желает получить оное. Когда Божественная благодать не находит препятствий своим действиям в сердце человека, то она постепенно искореняет в нем все страсти, как те, которых семя скрывается в теле человеческом, так и те, которые рождаются собственно в сердце. Тело умерщвляется обыкновенно долговременными постами, бдением и трудами. Но если действует Дух Божий в

человеке, то все Божественное становится легким для него. Тогда человек не чувствует слабости ни в исполнении добродетелей, ни в служении Богу, ни в ночных бдениях; он не гневается, когда оскорбляют его другие; не страшится ни людей, ни зверей, ни духов злобы. Ибо при нем и днем и ночью находится радость Господня. Она питает и просвещает ум его. Сия радость возращает душу человеческую, усовершает и возносит на небо, как пища питает и укрепляет тело (письмо 18-е). И человек уже ясно чувствует, что привязанность к суетным удовольствиям міра сего и возвращение к жизни порочной для него гибельны. Тогда душевный взор человека на окружающие его предметы просвещается, душа и тело очищаются, и в чистоте своей действуют согласно между собою. Все сие производит Дух Святый, Который постоянно истребляет в человеке природное его повреждение, чтобы поставить его в первобытное состояние и чтобы не осталось в нем ничего, что собственно принадлежит врагу его. Господь, по любви своей к благочестивому человеку, иногда подвергает его несчастиям, чтобы он не гордился, но всегда пребывал в труде и возрастал в добродетели.

Если человек тверд и мужествен, то Бог возлагает на него бремя трудов, или повергает его в безсилие, вместо радости дает ему печаль, вместо покоя безпокойство, вместо сладости горесть. Любящий Бога, стараясь преодолеть сии бедствия, более укрепляется. Когда преодолевает их, то Дух Святый вспомоществует ему во всем, так, что человек не боится никакого зла (письмо 18-е). Когда душа человеческая возвращает свою первобытную чистоту, то тело уже теряет свое господство над нею; ибо тогда оно зависит от воли души, которая и предписывает ему правила воздержания в пище и питии и управляет им во всех его действиях. Если душа постоянно повинуется внушениям Духа Святаго и терпеливо переносит труды покаяния, то милосердый Творец взирает благосклонно на все ея подвиги, на долговременный и строгий пост, бдение, размышление при чтении Слова Божия, непрестанную молитву, на искреннее и чистосердечное служение всем людям, на нищету духа. Преблагий Бог наконец освобождает её от всех искушений и изливает ей духовное утешение»[1].

---

[1] Письмо 1-е. Христианское чтение, ч. 22. С. 40.

Поучительно слышать от опытного в духовной борьбе подвижника, как он раскрывает многообразные козни дьявола, покушающегося совратить подвижника с правого пути его.

«Чтобы не явиться в собственном своем свете, дьявол скрывает свою ненависть к нам под видом любви и показывает различные приятные призраки, чтобы своим ложным и обманчивым видом мог совратить сердце наше с пути истины. Все усилия дьявола клонятся к тому, чтобы препятствовать благочестивым занятиям тех душ, которые истинно служат Богу. Чтобы погасить в душе огонь, которым питаются все добродетели, дьявол возбуждает в ней многоразличные страсти: Богохульство, сомнение в вере, осуждение, злословие, ненависть, и особенно производит в теле леность и склонность к удовольствиям. Если же приметит, что человек не исполняет его внушений, то употребляет другую хитрость. Он старается возбудить в сердце гордость. Показывает ночью сновидения, которые оправдывает днем, чтобы лучше таким образом обмануть; ночью является им окруженный светом, освещает их местопребывание, и производит много подобных явлений. Побуждает нас совершать такие дела, которые превышают силы

наши, и отклоняет нас от исполнения того, что для нас полезно и нужно. Все сие он делает для того, чтобы от людей, не усовершившихся ещё в добродетели, удалить всякое подозрение в обмане, чтобы они считали его Ангелом Божиим и принимали к себе. Если он обманывает их, то, возбудив, что они славны и велики, низвергает гордостью. Если же видит, что его обманы не удаются, — его внушение не принимают, то отходит со стыдом. Если мы, хотя немного, попустим им возобладать над собою, то семя зла, которое они посеют в сердце нашем, укоренится, возрастет и умножится[1], и мы соделаемся добычею их[2]. Искушения духов злобы тем опаснее для нас, что духи невидимы и действуют не телесным, но духовным образом. Мы не можем их видеть, как видим тела, не можем удалиться от них, но они видят. Когда они всевают в душу нашу Богопротивные мысли, то чрез сие как бы вселяются в нас и делаются как бы видимыми в нашем теле, в наших грехах. Искушения от злых духов неизбежны, ибо мы до совершенного отрешения от тела не можем

[1] Письмо 1-е. Христианское чтение, ч. 35.

[2] Письмо 6-е. Христианское чтение. ч. 24. С. 176.

быть совершенно свободны от склонности ко греху[1]. И Бог, одарив нас свободною волею, попускает злым духам искушать нас, чтобы мы сами могли отражать и побеждать их. Дьявол, будучи низвергнут с неба в ад за гордость свою, всегда ищет погибели тех, которые пребывают верными Господу, и старается погубить их таким же образом, как сам погиб, т.е. гордостью и славолюбием».

Потому Антоний часто в своих письмах внушает инокам смирение, и указывает средство к его приобретению. «Никто, пишет Антоний, не может иметь истинного сердечного смирения, если душа его не будет смотреть на Господа, как на образ совершенного смирения. Святым Бог даровал славу и богатство потому, что они смирялись всем сердцем прежде, нежели Он возвеличил их; и чем более приближались к Нему, тем более старались смиряться. Многие, по-видимому, имеют смирение, но оно не есть сердечное; они кажутся смиренными по внешности пред людьми, но не пред Богом. Не желайте приобретать славы от людей, но постоянно пребывайте в глубоком смирении и не переходите с одного места на

---

[1] Письмо 6-е.

другое с тем, чтобы приобретать славу от людей, потому что вы тогда забудете прежнее свое недостоинство. Я вижу, что некоторые из иноков стараются приобретать славу от людей так, что, когда они получат её в одном обществе иноков, то переселятся в другое, чтобы и там получить её. Знайте, дети мои, что это худо, и не переходите из одного общества иноков в другое, чтобы приобрести только славу от людей; но будьте просты сердцем, как дети, и подражайте тем двум ученикам Иоанна Крестителя, которые дотоле не оставляли его, доколе из свидетельства Иоаннова не узнали, что Господь Иисус Христос более Иоанна, тогда уже они последовали за Иисусом Христом; и как дети сделались его учениками, так и вы всегда поступайте, когда захотите перейти к другому наставнику, который более первого наставника вашего».

«Дети мои, признавайтесь пред всеми, что вы грешники, и оплакивайте себя, когда сделаете какое-нибудь худое дело. После сего вселится и будет действовать в вас сила Господня; потому что Господь милосерд, прощает грехи тех, которые обращаются к Нему, и не вспоминает об них. Но Он хочет, чтобы сами люди помнили грехи свои, не забывали их и

старались отдать отчет в них, хотя они уже и прощены им. Вы знаете, что случилось с рабом забывшим, что Господин простил ему долг его (Мф. 18, 23). Моисей также заповедал народу своему, чтобы он, поселившись в земле обетованной, не забывал грехов своих (Втор. 9, 7); и мы будем стараться войти в обетованную землю, и вошедши в нее, не будем забывать нашего рабства греху, но будем помнить оное, чтобы не сделаться неблагодарными Богу. Давид, получивши прощение греха своего, помнил его, и память об нем оставил в потомстве, чтобы все знали об нем от одного поколения до другого. Сам Бог чрез Пророка Исаию сказал: *Аз есмь, Аз есмь заглаждаяй и беззакония твоя Мене ради, и грехи твоя, и не помяну, ты же помяни, да оправдашися* (Ис. 43, 25–26). Подобным образом и чрез Пророка Иеремию Бог говорит: *обратися ко Мне, дом Израилев, и не утверждy лица Моего на вас, яко милостив Аз есмь и не прогневаюсь на вы во веки; обаче виждь беззаконие твое, яко и Господа Бога твоего преступила еси* (Иер. 3, 12–13). И вы, дети мои, не должны прощать себе грехов, когда Бог прощает их нам, но непрестанным покаянием должны возобновлять их в памяти: я

напоминаю вам о сем, возлюбленные, потому что знаю ваши великие добродетели, и предохраняю вас от ослабления, чтобы не затмился свет ваш, но чтобы умножались плоды ваши соответственно Ангельскому образу, в который вы облечены. Ваши добродетели, возлюбленные, известны всем; но вы не думайте о сем, чтобы не возгордиться, но со смирением воспоминайте о прежнем вашем недостоинстве и бедности. Тогда вы не будете подвержены тщеславию. Получивши милость от Бога, не забывайтесь, чтобы плоды вашего покаяния не сделались безполезными для вас; но подражайте учителю вселенной Апостолу Павлу, который, удостоившись видеть явившегося ему Бога, помнил прежнее свое неразумение, забытое уже милосердым Богом, и открыто говорил: *гоних Церковь Божию* (1 Кор. 15, 9)»[1].

«Сколько бы ни были велики наши добродетели, их никогда не должно считать избытком нашей святости. Ибо кто истинно служит Богу и всем сердцем ищет Бога, тот делает сие по обязанности своей[2]. Кто, видя в себе неко-

---

[1] Письмо 16-е. Христианское чтение, ч. 34. С. 236.

[2] Письмо 7-е. Христианское чтение, ч. 31. С. 16.

торые совершенства, гордится ими, старается оправдать себя делами своими, далек от Бога. Если человек не возлюбит смирения всем сердцем, всеми мыслями и всею душею, если не будет выражать смирения во всех делах своих: не наследует царствия небесного[1]. Как вол, вертящий жернов, будет есть зерна, которые мелет, если не завяжут ему глаза; так и Сам Бог действием Своего милосердия иногда скрывает добродетели, которые мы делаем, чтобы наше тщеславие не уничтожило наших добрых дел и не лишило нас награды»[2].

Безопасное и близкое для иноков средство к приобретению смирения и прочих добродетелей указывает Антоний в послушании отцам.

«Кто хочет успевать и возрастать в добродетели, иметь спокойствие в сердце и быть безопасным от коварств Диавола, тот должен найти служителя Божия, умеющего врачевать духовные болезни, и прибегать к его помощи: он может указать истинный путь, который без того неизвестен неопытным. Сами отцы наши повиновались отцам, и следовали их наставле-

---

[1] Письмо 6-е. Христианское чтение, ч. 23. С. 182–189.

[2] Vita Ant. L. 7. c. 15. n. 1.

ниям, и потому возросли и усовершились в добродетели и благочестии, и сделались учителями других. Они помнили слова, написанные в премудрости сына Сирахова: *не отступайте от повести старцев; ибо тии навыкоша от отцев своих* (Сир. 8, 11)»[1].

Не можем не привести выписки ещё одного места из писем Антония, указывающего на то, что созерцательная жизнь иноков приводила их к некоторым ошибочным представлениям о проникновении в мір духовный.

«Многие, — пишет Антоний, — по глупости своей говорят: мы видели Господа Иисуса Христа, как видели Его Апостолы. Но сии люди обманываются. Всякий человек, освободившийся от страстей, увидит Господа очами веры, но телесными глазами не увидит того блистательного света, который видел Апостол Павел. Если грех царствует в теле, то человек не может видеть Бога, потому что душа его во мраке, и в ней нет света, при котором могла бы видеть Бога. Давид говорит: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Это тот свет, который Господь повелевает сохранять в себе, чтобы весь человек был све-

---

[1] Письмо 18-е. Христианское чтение, ч. 35. С. 140.

тел (Лк. 11, 35–36). Все чувственные явления Божии свидетельствуют только о несовершенстве и неспособности нашей видеть Бога открыто, как в зеркале (2 Кор. 3, 18). Но у тех людей, которые достигли совершенства, открываются сердечные очи, которыми они спокойно и легко могут смотреть на обильный духовный свет. Кто приближается к Богу, тот познает Его силу (Пс. 33, 6). Не удивляйтесь тому, что путь жизни вашей далек от подобного состояния. Вы ещё находитесь в духовном отрочестве. Как тело имеет три возраста: отроческий, мужеский и старческий; так и душа преемственно имеет три состояния: состояние веры рождающейся, усовершающейся и усовершившейся[1]. На это указывает Иоанн, когда пишет: *писах вам юноши, писах вам дети, писах вам отцы* (1 Ин 2, 12. 13–14). Нужно постоянно продолжать свой путь, чтобы достигнуть совершенства».

Так в постоянных подвигах самоумерщвления и в заботе о спасении ближних протекла жизнь великого Антония. «Вся протекшая, писал он к монахам, довольно долговременная жизнь моя была не что иное, как непрестанный плач о грехах моих»[1]. В пись-

[1] Письмо 17-е. Христианское чтение, ч. 35.

ме к Арсинойским монахам он уже высказывает близость своей кончины. «Я желал бы, — пишет он, — видеть всех здесь на земле в бренном теле моем: но я ожидаю уже переселения в те блаженные обители, где нет ни печали, ни стенания, но где все Святые непрестанно радуются. Там я надеюсь видеть вас»[2].

Предузнав свое отшествие к Богу, он пришел в последний раз в свой монастырь, чтобы проститься с братией. Когда все собрались, он обратился к ним с последним наставлением:

«Выслушайте, возлюбленные дети, последнее наставление отца вашего. Я более не увижу вас в сей жизни. Мне уже сто пять лет; сама природа дает знать о сроке разрешения моему телу». Услышав это, иноки горько заплакали, стали обнимать и лобызать старца. «Не плачьте, — сказал Антоний, — неуклонно идите избранным вами путем, сохраняйте чистоту душевную, не имейте общения с еретиками, особенно с Арианами, и твердо держитесь правой веры в Господа Иисуса Христа, и преданий Святых Отцев».

Братия просила Антония последние дни жизни провести с ними. «Но для Антония, —

---

[1] Письмо 7-е.

[2] Письмо 6-е.

говорит Афанасий, — никакое место не было так любезно, как гора». Здесь в совершенном безмолвии провел он остаток дней своих. Почувствовав приближение кончины, он призвал своих двух учеников, пятнадцать лет служивших ему. «Наконец, любезные дети, — сказал он им уже слабым голосом, — наступил час, в который я, по слову Божию, отхожу ко отцам моим. Уже Господь зовет меня; уже я желаю видеть небесное. Заклинаю вас, чада сердца моего, не погубите плодов, приобретенных вашими долговременными трудами; помните, каким вы подвергались искушениям от демонов, и вы знаете как злобные коварства их, так и безсилие против благочестия. Любите от всего сердца Господа вашего Иисуса Христа. Никогда не забывайте наставлений моих. Постоянно помышляйте о том, что вы всякий день можете умереть. Если имеете любовь ко мне, если считаете меня отцом своим, если хотите чем-либо ответить нежнейшей любви моей к вам, — заклинаю вас, не носите моего тела в Египет, дабы оно не осталось в каком-либо доме. Погребите меня здесь, и никому не говорите о месте моего погребения. Я уповаю, что в день воскресения оно возстанет нетленным.

Милоть — ветхую одежду, на которой лежу, отдайте Афанасию за то, что он дал мне новую, другую милоть — Епископу Серапиону, и себе возьмите власяницу. Прощайте, возлюбленные дети, ваш Антоний идет в путь и более не будет уже с вами». После сих слов равноангельская душа его отошла ко Господу; на лице его сияла светлая радость. Это было 17-го Генваря 355 года.

Согласно завещанию Преподобного Антония, тело его похоронено было учениками его в горе без свидетелей.

«Имя человека, — говорит Афанасий в заключении жития Антония, — скрывшегося в неизвестных и непроходимых пустынях, Бог прославил в Африке, Испании и Галлии, Италии и самом Риме». Будучи в Риме, ещё при жизни Преподобного Антония, Афанасий разсказами о подвигах сего подвижника и других пустынножителей Египта воспламенял сердца благочестивых слушателей, помогал им отрешаться от земных привязанностей, и пример Антония нашел себе ревнителей в Риме. Первая Маркелла основала у себя иноческое общежитие[1].

---

[1] Hieron. Epist. 127.

Мы видели, что все почти великие подвижники Египта были или учениками Антония, или искали его наставлений. В Палестине монашество основано его учеником Иларионом. «Ученики Антония, — говорит Созомен, — были везде, но не легко найти их; ибо они, в продолжение своей жизни, старались скрываться ревностнее, чем многие из нынешних людей, волнуемые честолюбием, домогаются известности»[1]. Жизнь Антония осталась навсегда высоким образцом жизни иноческой, и учит его примером во все времена. Посылая инокам жизнеописание Антония, Афанасий писал: «Старайтесь, братия, тщательно прочитывать эту книгу; пусть знают все, какова должна быть жизнь иноков, пусть уверятся все в том, что Спаситель наш Иисус Христос прославляющих Его прославляет и служащим Ему дарует не только царство небесное, но и земную славу среди пустынь, дабы и они сами

[1] Спустя 16 лет после смерти Антония, Руфин видел учеников Антония, славных простотою жизни (Церковная история. Кн. I, гл. 13), Апостольскою чистотою сердца и даром чудотворения, во всех замечательных обителях Среднего Египта, кроме двух Макариев, Исидора в Ските, — Памво в Келлиях, Моисея и Вениамина в Нитрии, Илию и Павла в Апемоте, другого Павла в Фоках (Hist. Eccles. c. VII).

пожинали награды за труды свои, и другие последовали пути их»[1].

Чрез три года после смерти Преподобного Антония приходил на его гору Преподобный Иларион. Он нашел здесь двух учеников Антония, Исаака и Пелузиана. Память о великом учителе жива была у его учеников. Вот здесь, говорили они Илариону, указывая на место, он пел псалмы, здесь молился, здесь работал, здесь обыкновенно отдыхал, утрудившись. Эти лозы, эти деревца он сам насадил; этот дворик он сам сделал. Этот прудок для орошения садика он сам с большим трудом устроил. Этим заступом много лет он копал землю. Указали и постель его[2]. Иларион лег на нее и лобызал её.

Кроме двух учеников Преподобного Антония жили в его горе и другие отшельники, в числе их особенно знаменит Сисой, которого называют одним из самых блистательных светил пустыни[3].

---

[1] Vita Ant. n. 94.

[2] Hieron. vita S. Hilar. c. 26.

[3] Vit. pp. 1. 6. libell. 3. n. 6. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 250. 12.

СВЯТОЙ СИСОЙ, ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ ГОРЫ СВЯТОГО АНТОНИЯ

Он отрекся міра ещё в ранней юности[1] и жил сначала в Ските, под руководством Аввы Ора. После нескольких лет упражнения в подвигах самоотречения и покаяния пустыня Скита показалась ему многолюдною. Услышав, что великий Антоний почил, он перешел Нил и удалился на ту гору, где подвизался Антоний.

Живая память о подвигах Преподобного Антония немало способствовала к возбуждению его ревности к подвижничеству. Он как бы видел его пред собою, как бы слышал из его уст дивные наставления, которые он при жизни давал своим ученикам. Своим строгим подвижничеством, своими добродетелями он скоро заслужил всеобщее уважение знавших его.

---

[1] Cotel. t. I. p. 672. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 254. 23.

Как ни старался он скрывать себя, не мог укрыться от их посещений и любовь к братьям должен был предпочесть удовольствию, какое находил в сохранении безмолвия. Многие приходили к нему за наставлениями. Добродетель, которой он преимущественно учил, была смирение. И он тем лучше мог давать наставления в сей добродетели, что сам был примером самого глубокого смирения.

Добродетель смирения была первым уроком, какой дал Сисою его учитель Ор. Дай мне наставление, просил однажды Сисой Ора. Имеешь ли ты ко мне доверенность? — спросил его Ор. Имею, отвечал Сисой. Поди же, сказал ему Ор, и делай то же, что, как видишь, делаю я. Что же я вижу в тебе, отец? — спросил его Сисой. Ор отвечал: Я почитаю себя ниже всех людей[1].

Один пустынник сказал ему однажды: «Отче, я замечаю за собою, что памятование о Боге всегда со мною. Это ещё не много, сын мой, отвечал ему Сисой, важнее сего — видеть себя ниже всей твари; ибо такое уничижение способствует к приобретению смирения»[2].

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 184. 6.

[2] Vit. pp 1. s. lib. 13. n. 47. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 250. 11.

Другому брату он сказал: «Будь смирен, отвергайся своей воли, отрекись от пустых забот мірских, и ты найдешь мир сердца»[1].

Один брат спросил его: достиг ли он совершенства Святого Антония? Ах, воскликнул он, если бы я имел в моем сердце одну из мыслей Аввы Антония, — я весь был бы проникнут огнем любви Божией»[2]. Проходя такую святую жизнь, он так мало думал о своем подвижничестве, что называл себя преданным чревоугодию и хотел, чтобы и другие считали его таким. Некоторые пустынники пришли видеть его и просили сказать что-нибудь в наставление; он отказался, и только повторил: простите меня, и оставил их беседовать со своим учеником. Но его пример восполнил его отказ и доставил им назидания более, нежели сколько могли бы получить от долгого собеседования с ним. Разговаривая с его учеником, пришельцы спросили, зачем эти корзинки. Сисой поспешил перервать ответ ученика и сказал: «Сисой ест то из той, то из другой; братья, знавшие каково было его самоумерщвление, узнали его смире-

[1] Lib. 5. Lib. 1. n. 17. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 256. 37.

[2] L. 5. Lib. 15. n. 44. Там же. С. 240. 8.

ние и возвратились, получив назидание и довольны своим посещением»[1].

В самом деле, Сисой не только сохранял правила поста, общие пустынножителям, но большею частью он и не думал о принятии своей пищи, и ученик его Авраам должен был напоминать ему о том; притом несколько раз случалось, что он удивлялся, думая, что уже принял пищу; так мало обращал внимания на потребности телесные[2].

Если случалось, что любовь обязывала его переменить час трапезы из угождения к странникам, приходившим его видеть, он вознаграждал себя за то долгим постом, вымещая на своем теле снисхождение, которое делал для того, чтобы лучше исполнить любовь. Пустынножители соседние знали об этом его обычае; однажды Авва Аделфий, Епископ Никопольский, не знавший сего обычая, пришел видеть его и упросил его вкусить пищи с собою пред своим отправлением. Преподобный Сисой не захотел отказать ему в том; но некоторые старцы, пришедшие в сие время, стали упрекать его ученика, говоря, что он

---

[1] п. 46. Там же. С. 251. 14.

[2] L. 5. lib. 4. п. 38. Достопамятные сказания, 248. 3.

должен был воспрепятствовать ему, поелику знал, что его учитель, за это снисхождение, по своему обычаю, станет держать пост продолжительный и очень строгий. Епископ, услышав о сем, много извинялся пред ним[1].

В гору Антония прислали однажды вина, один из пустынников поднес ему две чаши вина. Сисой выпил первую, принял и вторую. Но когда он предложил ему в третий раз, Сисой не взял, сказав: «Разве ты, брат, не знаешь, что есть сатана?»[2]. Тот же совет умеренности дал он и другому пустыннику, который спрашивал, как поступить ему в подобном[3].

Он так отвращался похвалы человеческой, что, молясь иногда с руками, воздетыми к небу, тотчас опускал их вниз, как скоро думал, что могут видеть его. Однажды творя свою молитву вместе с другим братом, он, забывшись, несколько раз вздохнул; но как скоро пришел в себя, стал жалеть о том и с великим смирением сказал сему монаху: «Прости меня, брат мой: кажется, я ещё не истинный пустынножитель, вздыхая пред другим». Из

---

[1] n. 23. Достопамятные сказания, 251. 13.

[2] L. 5. lib. 4. n. 36. Достопамятные сказания, 249. 7.

[3] n. 37.

всякого события, из всякой встречи он извлекал для себя урок смирения[1]. Когда он один ходил по горе, где он уже десять месяцев не видал никого, случайно встретил он охотника, спросил его, откуда он пришел и сколько времени находился в сем месте. Поистине, отче, отвечал охотник, вот уже одиннадцать месяцев, как я хожу по сей горе, не видав человека, кроме тебя. Святой тотчас удалился в свою келлию и, ударяя в свою грудь, с великим чувством сокрушения сердца сказал: «Ах, Сисой! ты думал, что много приобрел в пустыне, пребывая в ней один в продолжение некоторого времени, и вот мірянин оставался в ней долее твоего».

Три пустынника, привлекаемые слухом о святости Сисоя, пришли видеть его, и один из них сказал ему: «Отче, как мне избежать огня геенского», он ничего ему не ответил. «А мне, отче, продолжал другой, как избежать скрежета зубов и червя неумирающего?» И третий сказал: «Что делать и мне, ибо всякий раз, как представлю тьму кромешную, меня обнимает смертельный трепет?» Тогда он отвечал им: «Признаюсь вам, братия, что я не думаю о сих

[1] L. 6. lib. 9. n. 5. Достопамятные сказания, 249. 6.

предметах; и зная, что Бог полон благости, уповаю, что Он окажет мне милосердие». Иноки сии, ожидавшие ответа более прямого и пространного, удалились с некоторою печалью; но Святый, не желая оставить их прискорбными, воротил их и с великим смирением сказал: «Блаженны, вы братия, и я завидую вашей добродетели; вы мне говорили о наказаниях ада, и я понимаю, что вы проникнуты сим так, что получите от сего великую помощь для избежания от греха. Ах, что делать мне, столь нечувствительному сердцем, что и не думаю о том, что после смерти есть место наказания, назначенного для злых, и по сей-то, может быть, причине соделываю столько грехов?» Пустынники, получив назидание от столь смиренного ответа, просили у него прощения и возвратились домой, признаваясь, что справедливо все, что говорили о его смирении[1].

Он говорил, что в продолжение тридцати лет молился Господу Иисусу так: «Господи Иисусе, не дай мне согрешить ныне моим языком, и между тем прибавляет он, я всегда соделываю какие-нибудь грехи сего рода»[2].

---

[1] Cot. l. 1. p. 669. Достопамятные сказания, 252. 17.

[2] L. b. 5. lib. 4. n. 39. Достопамятные сказания, 248. 4.

Сие могло быть в нем только плодом смирения[1]: ибо он строго соблюдал уединение и молчание, и дверь своей келлии всегда держал на заперти, чтобы менее быть прерываему.

Так как кротость есть верная спутница смирения, то Сисой был столько же кроток, сколько и смирен. Один брат, обиженный другим, пришел к Авве Сисою и говорит: «Брат обидел меня, я хочу отмстить. Не мсти, сказал ему Сисой, предоставь Богу отмщение. Не успокоюсь, продолжал брат, пока не отмщу. Тогда Сисой сказал: помолимся, брат. И он так начал молиться: Боже, мы не имеем более нужды в Твоем попечении о нас: мы сами хотим мстить за себя! Брат упал к ногам старца и сказал: прощаю брата, прости ты меня, отче»[2]. Он не приходил в ужас от проступков своих братий, и вместо того, чтобы с негодованием упрекать их за оные, он с крайним терпением помогал исправляться от них. Один пустынник, живший в соседстве с ним, часто приходил говорить ему, что он впал в грех, и Святой всегда отвечал ему: «Возстань. Но, отче, сказал ему однажды сей монах, сколько же времени

---

[1] L. 6. lib. 3. n. 6.

[2] Достопамятные сказания, 248. 1.

дашь мне для возставания, после того как я буду падать? Делай сие, отвечал он, до тех пор, как смерть найдет тебя, или павшим или возставшим»[1].

Некоторые братия спрашивали его, если монах впадет в грех, должен ли он нести покаяние в продолжение целого года; он отвечал: «этого мне кажется очень много. Но, сказали они, не нужно ли нести его в продолжение шести месяцев? Много, отвечал он. Они сказали, по крайней мере сорок дней? И этого даже много, прибавил он. Не хочешь ли ты, сказали братия, того, чтобы допускали его к Св. Тайнам, если тотчас после его падения будет совершаема Литургия? Я этого не говорил, отвечал Святой; но думаю, что благость Божия такова, что, если он обратится к Нему с искренним раскаянием во грехе, Бог примет его даже в три дня»[2]. Передают подобный же ответ Аввы Пимена[3].

Один пустынник сказал ему: «Если в мою келлию придет разбойник с намерением убить меня, могу ли я убить его самого, чувствуя себя

---

[1] L. 3. n. 103. Достопамятные сказания, 256. 32.

[2] Cot. t. 1. p. 670. Достопамятные сказания, 253. 14.

[3] Cot. t. 1. p. Достопамятные сказания, 193. 12.

сильнее его? Нет, отвечал он; но оставь его Господу; ибо в какой бы опасности ни находились, должны помышлять, что это послано в наказание за наши грехи; а когда случится доброе, нужно признавать, что мы получаем сие от благости Божией»[1].

Другой пустынник спросил его: «Если во время пути он поймет, что его проводник сбился с пути, должно ли сказать ему о том? Не советую сего. Но, сказал ему пустынник, ужели должно, не говоря ни слова, дозволить, чтобы он заставлял меня блуждать? Что же? отвечал Святой, ужели ты захотел бы взять палку и бить его?» Сверх сего он разсказал ему следующий пример: «Братья в числе двенадцати были в пути, их застигла ночь, и они поняли, что их проводник ошибся. Несмотря на сие, они не хотели прервать молчания, дабы сказать ему о сем, и каждый из них думал себе, что скажет об ошибке, когда настанет день, и тогда он выведет их на прямую дорогу. Они шли за ним с терпением и прошли двенадцать миль. Когда настал день, проводник заметил свою ошибку и очень извинялся пред ними. Кротко отвечали они ему: мы это заметили; но ниче-

[1] п. 16 р. 674. Достопамятные сказания, 255. 28.

го не хотели сказать тебе о том. Сей человек удивился их терпению и точности в соблюдении молчания, получил от сего великое назидание и воздал славу Богу»[1].

Он почитал правилом, что пустынник не должен выбирать рукоделья, которое ему более нравится[2]. Всего более он желал того, чтобы брат, или по преклонности лет, или по немощи, имеющий нужду в помощи своих собратий, приказывал им кротко: «Ибо, говорит он, когда заботятся о нас, мы не должны уже распоряжаться сами»[3]. Ученик его, будучи принужден отправляться в путешествие, поставил для услуг ему других братьев; но он отказался воспользоваться их любовью, и терпеливо трудился до его возвращения[4].

Бог попустил на него искушение; Сарацины пришли даже до его горы, ограбили его и его ученика и отняли у них небольшое количество съестных припасов, какие они имели. По удалении их, они пошли по полям собирать пищу, и Святой старец, нашедши

---

[1] Id. p. 672. Достопамятные сказания, 254. 25.

[2] Id. p. 675. Достопамятные сказания, 256. 33

[3] Id. 672. 254. 24.

[4] Id. 676. Достопамятные сказания, 257. 40. 4. id. 673.

несколько зерен ячменя, одно из них положил в рот, а остальные сберег в руке для своего ученика[1].

Бог, возвышающий тех, кои более унижаются, прославил Святого Сисоя даром чудес; но поелику все, могущее привлечь ему уважение людей, тревожило его смирение, он не хотел обнаруживать сего дара. Но тем разительнее были опыты присутствия в нем благодати Божией. Так, один человек с юным сыном своим шел к нему, чтобы испросить его благословения. Дитя умерло на дороге, но отец без слез, полный упования на молитвы Святого Сисоя, понес его к нему. Вошед в его келлию, он положил его как живого, у ног старца и сам распростерся у них, дабы он благословил того и другого. Когда старец сотворил над ними молитву, отец встал и вышел из келлии, оставив сына у ног старца, который, видя, что он не трогается с места, повелел ему встать и следовать за своим отцом: ребенок встал и пошел. Тогда отец, восхищенный радостию и удивлением, возвратясь к старцу, снова бросился к ногам его, объявил, что он сделал, и воздавал ему великое благодарение за вос-

[1] Id. 673.

крешение сына своего. Но Сисой, крайне боявшийся, чтобы не узнали, что он творит чудеса, весьма сим огорчился и чрез своего ученика приказал сему человеку остерегаться говорить о сем прежде его смерти[1]. Он также сего же самого ученика освободил от жестокого искушения, помолившись Господу с пламенною простотою сердца: «Боже, я не отступлю от Тебя до тех пор, пока Ты не освободишь его от демона, мучащего его»[2].

Не нужно удивляться, что его молитвы были столь действительны, потому, что он творил их с необычайною ревностью, и его моления были столь возвышенны, что доходили до восторга. В иное время его сердце так бывало проникнуто любовью к Богу, что почти не могло выдерживать силы ея, и он облегчал его частыми вздохами, не сознавая их, и даже против своей воли.

Доверенность, какую имели к нему братия, обязывала его заботиться об них, и он с крайним вниманием предохранял их от заблуждения в вере, столько же, сколько трудился в научении их добродетели. Однажды

---

[1] Достопамятные сказания, 252. 16.

[2] Vita pp. 1. 6. lib. 2. n. 14. Достопамятные сказания, 250. 10.

Ариане пришли в его гору, чтобы спорить там с братиями. Он ничего не возражал им, но приказал своему ученику читать в присутствии их сочинение, написанное Афанасием против их заблуждений. Это изобличило лживость их догматов и заключило их уста. Пристыдив их таким образом, он отпустил их с обыкновенною своею кротостью[1].

Ученик его Авраам, видя, что он ослабел от старости и немощей, сказал ему, что лучше было бы приблизиться к местам обитаемым, где легче можно найти помощь; на сие он отвечал: «Ты разсуждаешь хорошо, — отведи меня в то место, где нет женщин. Но, отвечал ему ученик, они повсюду, кроме пустыни. Если так, возразил он, то веди меня в пустыню»[2].

В старости он последовал совету своего ученика и жил несколько времени в Клисме, в городе, лежащем на берегу Чермного моря[3].

Здесь пришел его посетить Авва Аммун Раифский и, видя, что он скорбит об удалении из пустыни, сказал ему: «Что ты скорбишь, Авва? И что ты в такой старости мог бы сделать в

---

[1] Bult. l. 1. c. 3. n. 7. Достопамятные сказания, 253. 21.

[2] Достопамятные сказания, 248. 2.

[3] Cot. t. 1. p. 671. Достопамятные сказания, 254. 22

пустыне?» Но старец, бросив на него печальный взор, сказал: а что ты говоришь, Аммун? разве не довольно было бы для меня свободы ума, которою я наслаждался там»[1]?

Наконец сей человек Божий возвратился в свою любимую пустыню, и когда уже находился при конце своей жизни, к нему сошлись пустынники, дабы выслушать последние его изречения. Руфин, разсказывая о сем, говорит, что его лице просияло, он пришел в восхищение и сказал: «Вот Авва Антоний идет ко мне. Немного спустя воскликнул: я вижу лик Пророков, и в то же мгновение лице его сделалось ещё светлее. Ещё сказал он: вот пришли Апостолы, и стал говорить тихо, как будто разговаривал с кем-то из Святых. Пустынники просили сказать, с кем он разговаривает, и он прибавил: вот Ангелы пришли взять мою душу, и я молил их подождать ещё несколько, дабы они дали мне время на покаяние. Они отвечали ему: ты не имеешь более нужды в покаянии; он возразил им: Не знаю, начинал ли я ещё его. Эти последние слова, при их знании о его глубоком смирении, дали им понять, что добродетель его была совершенна». Наконец его

---

[168] Ibid. Достопамятные сказания, 254. 22.

лице просияло, как солнце, и в то же время он воскликнул:«Смотрите, Господь идет ко мне». Произнося сии слова, он испустил дух, и его келлия тотчас исполнилась благоуханием небесным[1]. Когда великому подвижнику Авве Пимену говорили о Сисое, он останавливал их, говоря: «Перестаньте говорить о Сисое; ибо дела его выше повествования»[2]. Таковы обстоятельства его кончины, как передает их Руфин. Его смерть последовала около 429 г. около 72-х лет спустя после того, как он удалился в гору Св. Антония, что доказывает, что он пришел туда в ранней юности, а умер в глубокой старости. В некоторых Латинских Мартирологах память его означена 5-го июля, а в Минеях Греческих 6-го.

Не нужно смешивать сего Святого с другими Сисоями, жившими в то же время, из коих один, прозванный фивейским, жил в Каламоне, на земле Арсиноя, а другой имел свою келлию в Петре[3].

Отшельники жили на восточной стороне Нила не в одной горе Антония, но и в окрест-

---

[1] Vita pp. 1. 3. n. 162. Достопамятные сказания, 258. 12.

[2] Достопамятные сказания, 225. 186.

[3] Bult. l. 1. c. 3. n. 7.

ных пустынях. Так в пустыне Порфирит были замечательны подвижники Питирим, Посидоний[1], почти современники Антония, и позднее пришельцы из Палестины здесь встречали отшельников столь высоких по жизни, что они владели даром чудотворения и прозорливости[2]. А Кассиан видел там подвизавшегося пустынника Павла, который долгое время питался одними пальмовыми листьями.

Монастырь Антония, Писпер, остался после смерти великого наставника под начальством его ученика Макария, который при смерти своей вручил управление Постумию[3]. Руфин около 372 г. нашел ещё в Писпере учеников Антония, Пимена и Иосифа.

Ближе к Нилу на самой горе, подле которой расположен был монастырь Антония, во времена Палладия жили отшельники по пещерам, которых было несколько тысяч, под руководством ученика Антония — Питирио-

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 28 и 68. Пустыня Порфирит лежала вероятно к Югу от горы Антония, ближе к Тавенне. Кассиан называет Порфирит глубочайшей пустыней, отстоящей от жилищ человеческих на семь переходов, Vit. pat. p. 551. 6.

[2] Луг Духовный, гл. 120.

[3] Жизнь Постумия напечатана in vita Patr. p. 232–236.

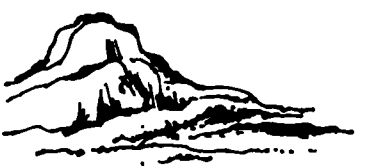
на. Питирион после смерти Антония жил с Аммоном, потом, когда умер и Аммон, он перешел на эту гору и об нем замечают, что он особенно отличался распознаванием бесовских искушений... «Он успешно, — говорит о Питирионе Палладий, — изгонял бесов, часто совершал и другие знамения; наследовав место Антония и ученика его Аммона, он достойно наследовал от них и дары благодатные. Он много беседовал с нами и с особою силою разсуждал о различении духов, говоря, что некоторые бесы наблюдают за нашими страстями и часто обращают оные к злу. Итак, чада, говорит он нам, — продолжает Палладий, — кто хочет изгонять бесов, тот должен поработить страсти; ибо которую страсть кто победит, такого и беса изгонит. Мало-помалу должно нам порабощать страсти, чтобы изгнать демона сих страстей. Например, бес действует посредством чревоугодия; если мы преодолеваем чревоугодие, то изгоняем и демона его. Сам Питирион вкушал только два раза в неделю, в четверг и воскресенье, и то одну мучную похлебку, и привыкши к ней не мог употреблять другой пищи»[1].

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 65. *Руфин*. Hist. Monach.

Даже в начале VII-го века на горе Антония были чудные пустынники[1].

Теперь место, где жил Великий Антоний на высоте скалы, обнесено глухою стеною, в которой есть только одно окно, через которое поднимают приходящего на канате в корзине или доске. Двор заключает в себе две тесные церкви, соединенные коридором; кругом стен келлии и внутри двора разведен небольшой овощной огород, сквозь который протекает источник. В нем не более 20-ти братий[2].



[1] Луг Духовный, гл. 132.

[2] *А. С. Норов.* Путешествие по Египту 7. 2. С. 354.

Учреждение общежития иноческого Пахомием Великим

Начало иноческой жизни положил Антоний Великий. Руководя своих учеников примером своим и наставлениями, он представил образец строгого отшельничества. Устав общежития введен был Пахомием Великим. «Вначале, как стал я монахом, — говорил сам Антоний ученику Пахомия Закхею, — не было ни одной киновии для воспитания других; но каждый из прежних монахов, после гонения, подвизался собою. После того, отец ваш устроил это благое дело при помощи Божией. Ещё прежде его хотел учредить то же другой, по имени Аот; но поелику не от всего сердца старался о сем, то и не получил желаемого. Великую услугу оказал он, собрав такое мно-

жество братий». Так судил о Пахомии основатель и отец иночествующих[1].

В самом деле, если важно пробудить ревность и усердие к иноческой жизни, то не менее важно было дать такие правила, которые могли бы утвердить эту ревность к благоугодной жизни, сделать её постоянным навыком, удержать немощную волю от разслабления. Большая часть правил монашеских, данных Великим Пахомием, сохранились доселе и руководят иноков на их пути самоумерщвления. А в своей жизни Пахомий представил прекрасный образец наставника иноков, которому могут подражать настоятели иноков.

Пахомий родился в верхней Фиваиде около 292 года. Его родители были язычники, но с самых юных лет его видно было, к чему он предназначался. Он не мог пить вина и есть мяса идоложертвенного; жрецы языческие не могли терпеть его при своих жертвоприношениях. Привязанные к идолопоклонству родители Пахомия со страхом смотрели на своего сына, как на неугодного мнимым богам. До двадцати лет пробыл Пахомий в доме родите-

[1] Жизнь Пахомия написана со слов учеников его в IV столетии. Bolland. Acta SS. Mens. Majus d. 14. Tom. III. p. 203. Слова Антония приводятся в сей жизни, п. 77.

лей. В эти лета он принужден был вступить в военную службу и отправлен был вместе с другими к войску. Милосердие и любовь, оказанные молодому воину Христианами, жившими в одном селении на пути их, обратили его внимание на учение Христиан. Познакомившись с главными истинами Христианства, он тогда же дал обет быть Христианином. И как скоро новонабранные воины отпущены были в свои дома, он в селении Хиновоски, в верхней Фиваиде, в округе Диосполийском принял крещение[1].

Пламенная любовь, пробудившаяся в душе Пахомия к новой вере, к Богу-Искупителю, повлекла его в уединение, чтобы там служить Ему одному. Но здесь его юная вера подверглась сильному испытанию. Его нашли отступники от православия и старались увлечь в свои секты. Сначала приверженцы Мелетия, потом последователи Маркиона убеждали его к единомыслию с ними. Волнуемый недоумением, он со слезами молил Бога открыть ему, где истина. Голос с неба возвестил ему, что истина внутри Православной Церкви, и голос ея слышится чрез Александра,

[1] Vita Pach. n. 1. 2. 3.

Епископа Александрийского[1]. Испытав собственным опытом, как опасно молодому подвижнику жить одному, он решился вверится руководству опытного старца.

В пустыне Фиваидской славился тогда подвигами отшельник Палемон, много лет подвизавшийся в посте и молитве. К нему пошел Пахомий и у дверей его келлии молил, чтоб он принял его жить с собою. «Ты слишком молод и не можешь жить со мною, сказал ему Палемон. Многие приходили ко мне, полные решимости вести жизнь подвижническую, но, изнуренные трудами, уходили назад. Я питаюсь только хлебом с солью; масла и вина у меня никогда не бывает; большую часть ночи, а иногда и всю ночь привык я проводить в молитве и богомыслии». «Испытай меня, отвечал Пахомий, и тогда увидишь мою твердость. При помощи Божией и при молитве твоей надеюсь все совершить». Тогда Палемон принял Пахомия, и они вместе начали подвизаться в молитве, псалмопении и посте. Домашним рукодельем их было — вязание власяниц. Своими трудами они не только добывали себе пропитание, но помогали и бедным. Когда усталость

---

[1] Письмо Аммона к Феофилу. Христианское чтение, ч. 26. С. 19–21.

начинала склонять их ко сну, — старец отправлялся с своим учеником на гору, и там они перетаскивали в корзинах песок с одного места на другое, чтобы приучить себя бодрствовать ночью, когда надобно молиться. «Бодрствуй, Пахомий, — говорил Палемон, — чтобы враг не искусил тебя и не лишил плода трудов». Так учился Пахомий побеждать сон. Часто подвижники, распростерши руки крестообразно, проводили ночи в молитве.

Пищею для подвижников был хлеб с солью, а иногда, и то очень редко, употребляли они в пищу овощи без масла и всякой приправы, разве только посыпая пеплом, чтобы пища менее имела приятности. Однажды, в день Пасхи, Палемон велел ученику своему ради великого праздника приготовить пищу ранее обыкновенного. Пахомий, думая, что в этот день можно отступить от обычного правила, приготовил овощи с маслом. Но когда он поставил на стол приготовленное кушанье, Палемон со слезами на глазах сказал: «Мой Спаситель был распят, вкушал оцет и желчь, а я стану есть теперь масло». Он потребовал только хлеба с солью.

Под таким строгим руководством воспитывался Пахомий. Умерщвляя тело свое постом,

он тем более заботился о чистоте душевной и телесной, об утверждении в душе своей чувства смирения. Упражняясь часто в чтении Священного Писания и размышлении о написанном в нем, он старался, забывая все земное, устремлять все свои мысли и надежды к Богу, обращать в жизнь и деятельность истины слова Божия. Не без удивления и с чувством великой радости следил Палемон за успехами в духовной жизни своего юного сподвижника.

Подле горы, где жили Палемон с Пахомием, была пустыня, поросшая терновником и дикими травами. Пахомий часто ходил туда за дровами. Иглы кололи его необутые ноги, но он терпел все, воспоминая гвозди, которыми пригвожден был Спаситель ко кресту, и имел в устах молитву. Среди работы в лесу иногда он останавливался и долго молился наедине. Здесь вдали от людей в глубоком уединении сердце его так разгоралось любовью к Богу и ближним, что хотело бы обнять весь мір и привести всех к Богу. Божественная благодать возгревала в нем эти чувства любви; потому что призывала к служению для спасения других[1].

[1] Vita Pach. n. 7.

Ходя по пустыне, Пахомий однажды отошел от своего жилища далее обыкновенного и достиг Тавенны — места, лежащего на берегу Нила, в округе Тентирийском. Здесь он остановился для молитвы; долга и усердна была его молитва. И вот он слышит голос: «Поселись здесь, и выстрой монастырь; к тебе соберется много иноков». Вместе с этими словами явился пред ним Ангел с медной доскою, на которой начертаны были правила иноческой жизни.

Пахомий разсказал свое видение Палемону. Вместе они осмотрели место; старец присоветовал повиноваться сему голосу. Пахомий разстался с Палемоном и поселился в Тавенне. Но духовный союз между Палемоном и Пахомием не разрывался, они поочередно навещали один другого, пока Палемон на руках Пахомия не предал дух свой Богу[1].

Первый пришел к Пахомию в новую пустыню брат его Иоанн и поселился с Пахоми-

---

[182] Vita Pach. n. 7–8. Тавенна находится в Фиваиде. Она принадлежала к ному Тестерийскому (Champollon L. Egypte sous. Pharaon. Tom. 1. p. 236). Название Тавенны принадлежало собственно острову на Ниле, хотя Пахомий поселился не на острове. Тавенна с Египетского языка значит место, обильное пальмами Изиды. Арабы зовут сей остров Джезиреель-Гариб, т. е. западный остров. Пахомий поселился в Тавенне между 312 и 320 г.

ем. Они питались также трудами рук своих и могли ещё уделять бедным избытки. Одежда их состояла из одного левитона, который переменяли только тогда, как нужно было мыть. Пахомий под левитоном носил ещё часто власяницу. Он не ложился для сна, но садился на камень или на что-либо другое посреди келлии, чтобы не прислоняться к стене. Иногда много дней он совсем не спал и даже просил Господа, чтобы совсем освободил его от сна.

Веруя в исполнение обетования Божия, Пахомий начал строить монастырь для имеющей придти к нему братии. Но его брат, любивший безмолвие, препятствовал ему в трудах; и один устроял обитель для принятия многих, другой хотел, чтоб она была как можно теснее. Безмолвно переносил Пахомий это препятствие своему делу, которое считал делом Божиим, но не мог внутри себя подавить чувства огорчения. Его мучило это чувство, и повергшись на землю, обливаясь слезами, он взывал к Господу: «Вижу, Господи, что мудрость плотская ещё владычествует во мне; вижу, что я ещё работаю ея закону. Горе мне, в течение долгой жизни в пустыне не выучившемуся укрощать свой гнев!.. Как дерзну я руководить других, когда сам себя не умею побеждать»?

Так заботился Пахомий о незлобии своего сердца, так глубоко каялся в чувстве нетерпеливости, которое овладело им! С того времени он старался во всем угождать брату, пока тот был жив. Страхом Божиим, памятью суда всеобщего и вечных мук он ограждал свое сердце от всех нечистых помыслов.

После смерти брата он свободнее мог приступить к своему делу — устроению монастыря, но много искушений вынес он от духов злобы. Крепкий верою и надеждою на Бога, он разрушал все наветы лукавого, нападавшего на него различными способами. Великое подкрепление в подвигах внутренней борьбы Пахомий получил от одного отшельника, именем Аполлона, подвизавшегося недалеко от него. Аполлон часто навещал его. Своею духовною опытностью подкреплял молодого подвижника, и сам скончался на его руках. Так приготовлен был Пахомий дивными путями Промысла в наставника иноков[1].

Первые ученики Пахомия были: Псентезий, Сур и Псой. К ним присоединились: Пекузий, Корнилий, Павел, Пахомий, Иоанн, и потом пришел Феодор, юноша четырнадцати лет, сделавшийся любимым учеником Пахомия.

---

[1] Vita Pach. n. 9–16.

Пока мало было число братии, Пахомий один принял на себя все заботы о монастыре, чтобы ученики его, свободные от внешних забот, легче собирали свои помыслы и усовершались во внутренней жизни. Он приготовлял все необходимое для трапезы братии; сам сеял и поливал овощи. Если кто стучался в монастырские ворота, он спешил сам отворить и переговорить с ним. Если нездоровилось кому-либо из братии, он даже в ночное время сам готов был для службы ему, и всегда был слугою для всех учеников, оставляя им только сладкое утешение упражнений духовных. Ученики не могли надивиться его подвигам, его любви, смирению, умерщвлению себя и сохраняемой среди безпрерывных внешних занятий собранности духа. Воодушевляясь примером Пахомия, ученики хотели разделять его труды. «Оставьте меня, говорил Пахомий, нужно ли жалеть о воле, который вертит колесо?» Так учил Пахомий примером своих учеников, как они должны будут со временем управлять другими, соединяя с созерцательною жизнию — жизнь деятельную[1].

Заботы Пахомия о спасении ближних не ограничивались малым кругом его учеников.

---

[1] Vita Pach. n. 17.

Видя, что многие окрестные пастухи лишены счастия слышать слово Божие и причащаться Святых Тайн, он, с согласия Серапиона Епископа Тентирийского, выстроил для них церковь, где по субботам и воскресеньям собирались они. Туда, пока не было священника, ходил Пахомий с некоторыми из своих учеников и предлагал им наставления. Он учил так мудро, и так просто, что самые неразумные понимали его и живо трогались его словами, не только потому, что слова его были слова жизни, но и потому, что его ревность по благочестии, исходя из сердца, отражалась в его лице и во всех его действиях[1]. Многие из язычников увлекались его беседами и крестились. Свои наставления подкреплял Пахомий слезною молитвою к Господу, чтобы они были действенны.

Слава Пахомия разнеслась далеко и привлекла к нему толпы учеников. С умножением братии он вводил свой устав.

Раскроем подробнее этот устав, как первый устав общежития иноческого[2].

---

[1] Vita Pach. n. 20.

[2] Более подробное изложение устава Пахомия Великого находится у блаж. Иеронима, переведенное с Греческого. Patrol. Curs. Compl. T. XXII p. 62–80. В жизни Пахомия встречаются правила иноческие, данные Ангелом (п. 7) и

Дошедший до нас в разных собраниях Тавеннский устав общежития иноческого в полном своем составе, вероятно, не принадлежит Преподобному Пахомию, но дополнен его учениками. Но так как Пахомий был первый учредитель сего устава, и нет возможности указать, что позднее прибавлено к его уставу, то мы предложим его вполне.

Общество Тавеннское уже при жизни Преподобного Пахомия состояло из девяти монастырей. Когда первый монастырь сделался тесен для братии, в пустыне, называемой Проу или Пабау[1], Пахомий построил монастырь, который сделался главным монастырем. Несколько времени спустя после основания Пабау Епоним, настоятель монастыря Хиновоскийского[2], отдал свой монастырь под управление

писанные самим Пахомием (п. 57). У Палладия (Pallad. Lavs. с. 37) и у Созомена (Н. Е. 3, 14) есть также краткое известие об уставе Пахомия. Довольно подробно говорит об этом уставе Кассиан (Cass. epist. ad. Castor de coenobiorum institutis).

[1] Пабау, у Шампольона Prou (L'Egypte sous Pharaons Tom. I, p. 242–246) находился в окрестностях Диосполя немного к Северу от Тавенны на восточном берегу Нила.

[2] От города Χοινοβοσκία, по-коптски Schineset, находился к Югу несколько от острова Тавенны на восточном берегу Нила (Campolion L'Egypte sous Phar. Tom. I. p. 241. 242).

Пахомия. Также поступили пустынники, жившие в Монхозине[1]. Пахомий основал ещё пять монастырей в Фазе, в Тивере, в Тисмене, в Пахнуме на берегу Нила близ Латополя к Югу от него и в Панесе, где монастырь основал при содействии Епископа Вара[2]. Кроме того, на другом берегу Нила Пахомий основал женский монастырь, в котором первою жительницею была сестра Пахомия[3].

Все это общество было управляемо одним начальником, которому преимущественно принадлежало имя Аввы. Начальник наблюдал за всеми монастырями; посещал их сам, посылал от себя и других доверенных иноков осматривать. Не довольствуясь личным наблюдением, он получал от подчиненных ему начальников, управлявших каждым монастырем, подробное донесение о состоянии монастырей и сам часто чрез письма давал наставления как начальникам, так и частным монахам. Сношения Пахомия с настоятелями монастырей, касающиеся нравственного состо-

---

[1] В округе Тентирийском выше Тавенны, у Шампольона Thmonsohons. Loco citato p. 235.

[2] Champolion L'Egypte sous Pharaons Tom. I. p. 184. 246. 265.

[3] Vit. Pach. n. 50–52. 35. 72.

яния, происходили на таинственном языке, понятном только ему и настоятелям. Блаженный Иероним, Палладий, Созомен и другие в объяснение сего языка говорят, что Пахомий все общество свое разделил на двадцать четыре разряда. Каждый разряд носил имя одной из греческих букв, так чтоб это название соответствовало его жизни и нравам. Например: простейшие назывались иота, хитрейшие зита или кси; другие другими буквами, сколько можно приспособить было свойство разряда к начертанию букв. Когда настоятелю нужно было спросить своего помощника о ком-либо из братии, — он спрашивал у своего помощника, в каком состоянии находится чин альфы или виты? Знаки эти понятны были только духовникам[1].

---

[1] Блаженный Иероним приводит в Латинском переводе несколько писем Пахомия, писанных этими таинственными знаками. Для нас они не понятны. Приводим для образца одно письмо Пахомия, писанное к Суру: Momento, quae scripserim tibi V, in epistola propter Tav scriptum, et recordare, et scribe Ni propter Sigma quod scriptum est. Num quid Xi non est V, quod in Kappa convertitur? In his omnibus recordare, scribe Ni et Iota ut Alpha pulchre scribatur in gratiam excelsorum. Numquid Mi non est V et Kappa: Kappa non est Tav? Aperi os tuum et leva faciem tuam, ut oculi tui videant, et possis legere, quae scripta sunt. Attende diligenter, et cave, ne scribas Delta super Phi, et inveterescant

Кроме того, главный Авва каждый год два раза в главном монастыре делал общие собрания — одно в Пасху, другое в месяц Мезор, соответствующий Августу. Первое собрание было для того, чтобы все монахи вместе праздновали светлый праздник. Они приходили в великий вторник и уходили только в неделю Антипасхи. В Августе месяце давали великому эконому, на котором лежала обязанность заготовлять все нужное для монастырей и вести строгий счет работе, отчет в ходе работ и годовых издержках. Каждый начальник получал от главного Аввы приказания, в которых имел нужду. В то время избирались новые настоятели и начальники, если то было нужно. Прекращались все разногласия, какие могли возникнуть между братиями; они взаимно изрекали друг другу прощение, чтобы мир и любовь царствовали в сердцах. Блаженный Иероним называет эти дни подобными дням юбилея[1]. До нас дошли

---

dies tui, et aquae tuae imminuantur. Memento, et scribe Theta et Ro, ut Ro scribatur bene. Patr. Curs. Compl. Tom, XXIII. p. 87. Ср. *Sozom.* H. E. L. 3. c. 14. *Палладий.* Лавсаик, гл. 34. Кажется, иероглифы Египетские послужили первообразом для сего языка.

[1] *Hieron.* Praef. ad reg. Pach. 7. 8. Patrol. Cur. Compl. 23. p. 64.

пригласительные на эти собрания письма: два Пахомия и одно Св. Феодора. В письме Св. Феодора упоминается об оглашенных, которые должны быть крещены в навечерие Пасхи и потом причаститься Святых Таин[1].

У каждого монастыря был свой начальник, именовавшийся настоятелем и игуменом, а иногда экономом, может быть потому, что он совмещал эти должности. У него был помощник. Кроме этих начальников, были ещё частные надзиратели. Каждый монастырь делился на общины, состоявшие из трех или четырех домов, — в каждом доме было двенадцать или тринадцать келлий, в коих жило по два или по три брата. Каждый дом имел своего надзирателя, дававшего отчет в управлении настоятелю монастыря[2]. Это подразделение власти делалось для того, чтобы ближайшие начальники лучше могли наблюдать за иноками. В правилах Пахомия довольно подробно излагают обязанности настоятелей. По внутренним расположениям настоятель должен быть утвержден в смирении, просвещен знанием Священного Писания, быть строгим

[1] Ibid. p. 95. 96. 99.

[2] Hier. Praef. ad. reg. Pach. 3. 6. 7.

исполнителем закона Божия и ревнителем отеческих преданий. Он должен умертвить страсти, любить правду и ненавидеть неправду, быть ревностным к исполнению своих обязанностей, не бояться ни труда, ни смерти, а только одного Бога. По поведению внешнему настоятель должен быть образцом строгости, осторожности, умеренности, воздержания, точности, самоумерщвления. Он не должен вступать в безполезные разговоры; не должен искать лучшей пищи, постели или одежды, чем какие имеют другие. В отношении к братии, вверенной попечению, Пахомий желал, чтобы настоятель не переступал границ своей власти, управлял без жестокости, не говорил высокомерно, остерегался бы, как бы не попустить в свою душу чувства гордости или суетности, когда обязан будет исправлять их, но с чувством смирения высказывать истину. Настоятель должен всегда следовать правилам справедливости, не увлекаясь ласкательством, людским мнением или дарами. Пахомий особенно советовал настоятелю не отступать от правил справедливости из страха, людской молвы и пересудов; он должен ставить себя выше их суда и бояться одного Бога. Но он не хочет, чтобы начальники были

строги до жестокости, не желает, чтобы правосудие было в ущерб милосердию. Смирение и любовь — вот две главные добродетели, которых Пахомий требует от начальников. Они должны быть готовы выслушивать все сомнения и искушения, которые возмущают душу братии, утешать подвергшихся борьбе и искушениям. Если заметят на лице их печаль, должны узнавать причину ея. Если же не делают этого по недостатку любви или внимания и если сами причиняют скорбь брату неправильным поступком; то сами подвергаются наказанию или отрешаются от должности, пока не научатся иметь более любви. Поставляя главною обязанностию настоятеля наблюдать за сохранением монастырского устава во всей его строгости, Пахомий хотел, чтобы настоятель был исполнителем его. Если случится общая работа, начальник должен идти впереди, отвечать за иноков, когда закон молчания не позволяет им говорить, вразумлять их в том, чего они не знают. Вот почему настоятели должны быть опытны в духовной жизни[1].

В случае какого-либо важного нарушения устава монашеского настоятели должны уведомить главного начальника, так, что и сами

[1] Regul. Pach. n. 159. 169. 170.

получали выговор, иногда подвергались наказанию, за потворство своим молчанием греху брата[1].

Наблюдая за всеми и за каждым в особенности, давая каждому наставления по мере его нужды, настоятели должны были три раза в неделю говорить братии поучения и передавать повеления главного начальника[2].

Союз подчиненности так обнимал всех, что ни один начальник не был изъят из подчинения; сам Пахомий, главный Авва всех монастырей, никогда не позволял себе взять самой необходимой для него вещи без позволения брата, которому поручено было хранение монастырских вещей и который, раздавая, в свою очередь сам для себя не смел ничего взять без позволения другого[3].

Чтобы видеть, как управлялась братия в обществе Пахомиевом, мы проследим судьбу их от вступления в монастырь до самой кончины.

О желающем вступить в монастырь извещают настоятеля. Настоятель поручает опыт-

---

[1] Praecep. Pach. 152. 153. 159. 168–170. 176. 181. 182. 190.

[2] Praecep. Pach. 156. 21.

[3] Reg. Pach. 39. 40.

ному старцу испытать его расположение и искренность желания. В продолжение десяти или более дней вне монастыря он должен повергаться на землю пред проходящими братиями, терпеть поношение, чтобы показать опыты смирения и терпения. Его учат в это время молитве Господней и Псалмам и тщательно испытывают, — не от беды ли какой идет он в монастырь, свободного ли он состояния, может ли оставить родителей, отречься от имущества? Пахомий не только не позволял приходящим в монастырь приносить с собою какое-либо имущество, но не принимал от них денег и на пользу монастыря, чтобы давший не гордился своим приношением или при выходе из монастыря не вздумал требовать их обратно. С вступающего в монастырь снимают мірскую одежду и облекают в монастырскую, давая разуметь, что для него чуждыми сделались все те вещи, которыми он владел, что он не должен иметь ничего своего, не должен заботиться о завтрашнем дне, возлюбить нищету Христову. Скинутая мірская одежда с новопоступившего хранится у эконома, и когда новопоступивший утвердится в правилах иноческих, то отдают её нуждающимся мірянам; а если заметят в нем ропот

и неповиновение, то возвращают мірскую одежду и высылают из монастыря[1].

Одежда иноков Пахомиевых состояла из льняного хитона без рукавов, сшитого вроде мешка, достававшего до колен, в знамение отчуждения от всего мірского и в знак того, что руки не должны быть готовы на обиду. На голове носили они шерстяные шапочки (*κουκούλιον*) без подвязки в знак того, что они должны жить чисто и непорочно, подобно детям, на которых надевают такие шапочки для прикрытия их головы. На кукулях делались кресты красного цвета, и еще, — когда увеличилось число монастырей под ведением Пахомия, — значки монастыря и дома, из которого был инок. Хитоны перепоясывались по чреслам поясом и перевязью (ἀναβολέυς). Это были два шнура шерстяных, которыми, накинув их за затылок и спустя под мышцы, опоясывали себя, дабы, сдерживая одежду, иметь более свободы в действии. Шею и плечи покрывали небольшою епанчею, внушая мысль, что надобно быть готовым для служения Богу и для подвигов. Сверх хитонов, по примеру Илии и Иоанна Крестителя, носили кожаную одежду —

[1] Cassiani de coenob. instit. lib. 4. cap. III. IV. V. VI. Regula Pach. apud. Hiron. XLIX.

милоть, чтобы, памятуя подвиги Пророка и Предтечи, мужественно противиться нечистым пожеланиям. Сапог иноки Тавеннские не имели, но, в случае холода или жара, обувались в сандалии; в руках носили жезлы. Волос иноки не стригли, но носили длинные распущенные по плечам. Инок не только выходить, но даже и спать должен в полной одежде. Для сна устроялись седалища с наклоненным задником и двумя загороженными стенками; единственная подстилка была рогожа, более ничего не позволялось подстилать. Тогда только как приступали к причащению, иноки разрешали поясы и скидали милоть[1].

Принятый в число братии и облеченный в иноческую одежду не прежде года был допускаем в общество братии. Его прежде всего знакомят с правилами монастырскими. Когда узнает их, назначают ему двадцать псалмов и два послания Апостольских для изучения. Но если он не знает грамоте, то в первый, третий и шестой час должен ходить к старцу, который читает ему Псалмы и послания. Потом начинают его учить азбуке, дабы

[1] Cass. de. coenob. instit. l. 1. Hieron. praef. ad. reg. Pach. n 4. Sozom H. E. 3, 14. *Палладий*. Лавсаик, гл. 24.

каждый в монастыре знал грамоту и мог сам читать, по крайней мере, Псалмы и Новый Завет. Новоначальный инок под надзором старца занимается сначала принятием странных и услужением им. Если он служит им безропотно, с терпением и смирением; то его допускают в общество братии[1].

Вступив в монастырь, новый инок вверяется старцу, который прежде всего старается приучить его побеждать свои желания. Для этого с намерением старец приказывает ему делать то, к чему у него нет расположения; ибо умерщвление своей воли есть источник всех добродетелей. Чтобы молодой подвижник лучше сохранял чистоту помыслов, заставляют его открывать помыслы тотчас, как они возникнут, и в суждении об их доброте или вреде основываться не на своем мнении, а на суде старца. Это лучшее средство оградить подвижника от обольщений дьявола[2]. К высшим подвигам допускаем он был не прежде трех лет[3].

Послушание старцу требуется безусловное, так что молодой инок не может без его

---

[1] Regula Pach. n. 139. 140.

[2] Cass. de coenob. instit. l. 4. n. 8. 9.

[3] *Палладий*. Лавсаик, гл. 34.

позволения ни сделать шагу, ни сказать слова, ни сорвать тростнику с земли, ни протянуть руку к пище прежде его.

Когда голос трубы призывает в церковное собрание, каждый немедленно выходит из своей келлии, так что занимающийся письмом бросает писать на том месте, где застает призыв, не смея окончить даже начатой буквы[1]. Никто не имел права уклоняться от общего собрания на молитву. Находившиеся в послушании, не позволявшем им присутствовать на молитве, или путешествовавшие в определенные часы должны были сами совершать молитву.

По уставу, данному Ангелом Св. Пахомию, иноки должны были совершать двенадцать молитв днем, двенадцать вечером и двенадцать ночью. Когда Пахомий сказал на это, что молитв мало, Ангел отвечал ему: я положил столько для того, чтобы и слабые удобно без отягощения могли выполнить правило; совершенные же не имеют нужды в уставе, ибо, пребывая наедине в келлии, они всю жизнь свою проводят в созерцании Бога[2].

---

[1] Cass. de coenob. instit. n. 10. 12. Regula et instituta Pach. apud Hieron.

[2] Bolland. vita Pach. c. 2. n. 27.

В монастырях Преподобного Пахомия общественное Богослужение не было продолжительно. Братия всего монастыря собирались в церковь только два раза в сутки — днем и ночью. В этих собраниях читалось двенадцать псалмов, с присовокуплением двух чтений — одного из Ветхого, другого из Нового Завета. В субботу и воскресные дни, равно как и в дни Пятидесятницы чтения бывали оба из Нового Завета, одно из Апостольских посланий, другое из Евангелия.

Псалмы прочитывали не вдруг, но, смотря по числу стихов, разделяли их на две или на три статьи, присовокупляя к каждой молитве. Читали неспешно, дабы было внятно, и не очень продолжительно, чтобы не показалось утомительным. Чтение двенадцати Псалмов разделяют между братиями так: если читающих бывает два брата, то каждый читает по шести Псалмов; — если три, то по четыре, а ежели четыре, то по три Псалма. Читающих меньше двух и более четырех никогда не бывало. Когда читают Псалмы, обыкновенно стоит один читающий, а прочие сидят на самых низких седалищах; потому что от постоянных дневных работ и поста очень изнемогают. По прочтении Псалма, когда читается молитва, все

встают и молятся и вслед за читающим преклоняются до земли, и потом вместе с ним поднимаются. Но с вечера субботнего до вечера воскресного, равно как и в дни Пятидесятницы не преклоняют колен и не постятся[1].

Поутру, равно как и повечеру перед сном молитвы совершались в каждом доме отдельно[2]. О вечерних молитвах из устава видно, что прочитывалось тут шесть молитв и Псалмов, вероятно, и поутру прочитывалось столько же. Иноки вставали от сна прежде пения петухов и продолжали бдение до разсвета, так что утренний свет находил их укрепленными и духовным размышлением[3]. В первый и последний день недели иноки причащались Святых Тайн. Они подходили к принятию Святых даров босыми ногами, без пояса и милоти[4]. Литургию обыкновенно совершали священники из соседних сел. Пахомий не хотел, чтобы кто-либо из братии принял степень священства, дабы не питать в них духа любочестия, желания преимущества,

---

[1] Cassiani de coenob. instit. Lib. 2. Reg. Pach. 9. 10.

[2] Regula Pach. 20. 115.

[3] Cass. de coenob. instit. L. 2.

[4] Ibid. lib. 3. n. 2. Reg. Pach. 14.

откуда, говорил Пахомий, происходят потом в монастырях распри, зависть и разделения[1].

Чтобы иноки Пахомия не соблазнялись тем, что в других монастырях принимали священство и постриженные, Пахомий внушал им видеть здесь одно только повиновение власти Епископа, возложившего на них руки. Но во всяком случае суд над ними принадлежит только Господу и Пастырям, от него поставленным. Не принял священства и сам Пахомий, хотя этого желал Серапион, Епископ Тентирийский. Не дозволяя своим инокам принимать степень священства, Пахомий, впрочем, не отказывался принимать в свои монастыри лица, имеющие степень священства, — только и от них требовалось подчинение обществу. Впрочем, впоследствии, как видно из послания Св. Кирилла Александрийского к Епископам Пентаполя, и приглашение посторонних священников для служения было причиною значительных безпорядков[2].

В уставе Пахомия назначались наказания на неисправных к Богослужению. Если кто днем приходил к Богослужению после

---

[1] Vita Pach. n. 18.

[2] S. Cyrill. op. Tom. 5. ep. p. 2. p. 211.

совершения первои молитвы, тот получал от настоятеля выговор и во время обеда должен простоять на ногах в трапезной[1]. Более снисходителен был устав к тем, кто опаздывал к ночному Богослужению; наказание налагаемо было на тех только, кто приходил после третьей молитвы[2]. Но строго взыскивалось за всякое неблагочиние в церкви. Иноки во время молитвы не должны разговаривать, смеяться или выходить из церкви, но даже не должны смотреть друг на друга. Если кто осмеливался говорить, смеяться или даже внутренние чувства выражать восклицаниями, того заставляли с его места выйти на средину церкви, снять свой пояс и простереться ниц пред алтарем. Там начальник определял ему наказание; то же повторялось во время трапезы братии. Если кто хотел выйти из церкви, то он должен был просить дозволения у настоятеля. Кто приходил из-за монастыря во время молитвы, тот не был обязан идти на нее, если был утомлен[3].

Кроме устной молитвы, монахи Тавеннские должны были совершать ещё молитву

---

[1] Regula Pach. n. 9. 31. 32. 121. 125. 126.

[2] Ibid. n. 10.

[3] Regul. n. 11. 187.

умную, с открытою головою, в знамение живого сознания присутствия Божия.

Непрестанное Богомыслие, кроме сего, было постоянно внушаемо инокам. Идут ли они в храм, или в трапезу, или находятся в пути, или занимаются рукоделием, всегда они должны в уме иметь какое-либо место из Св. Писания, на котором должна останавливаться мысль их. Таким образом, говорит Кассиан, и руки их не были праздны и ум их не оставался без благочестивого размышления. Упражняясь в одно и то же время умом и телом, они старались соединять благо одного с пользою другого, так что трудно различить, кто из двух занимал первое место. Обыкновенными предметами их размышления были основные истины веры — смерть, суд, муки ада, жизнь Господа Иисуса, суетность земного. Святой Пахомий в своих беседах преимущественно указывал на сии истины с тою целью, чтобы вдохнуть в своих монахов спасительный страх[1]. Так как устав Св. Пахомия требовал, чтобы иноки знали наизусть что-либо из Св. Писания, как-то: Псалмы, Новый Завет, то память всегда могла им пред-

[1] Reg. n. 28. 36. 37. 60. 59. 116.

ставлять какой-либо предмет для благочестивого размышления.

Духовное чтение было прямо назначено в Тавенне. В монастыре была библиотека[1], в которой книги были расположены в хорошем порядке, и которыми заведовал эконом и его помощник. Они каждый день раздавали монахам книги[2], в которых каждый имел нужду, и обратно брали их вечером, поелику никто без нужды не должен был держать книг в своей келлии. Было повелено иметь о них великое попечение до того, что правило запрещало оставлять в келлии открытую книгу, когда шли в трапезную или к Богослужению.

Главным учением их было изучение Св. Писания. Они размышляли о нем не только днем, но и большую часть ночи; поелику после полунощницы они не ложились, но дожидались Богослужения утреннего в работе, чтобы не предаться сну, и в умственном размышлении о каком-либо месте Св. Писания. Когда их затрудняло какое-нибудь трудное место, или не совсем хорошо понимали его, они обращались к начальнику монастыря или своей

---

[1] Boll. v. S. Pach. c. 5. n. 38.

[2] Regul. Pach. n. 100. 25.

общины для объяснения его. В жизни Св. Пахомия и в жизни Св. Феодора мы видим, что они часто объясняли их, и в учении Орсисия заповедано, чтобы начальники были в состоянии разрешать недоумения братии, когда они предложат их. Из сего видно, что начальники должны быть сведущи в Св. Писании и быть в состоянии объяснить неудобовразумительные места в Священных книгах.

Кроме книг Св. Писания, они читали также писания Св. Отцов или творения подвижнические, потому что как в уставе, так и в житии Св. Пахомия и Феодора часто внушается следовать наставлениям древних, под коими разумеются прежде бывшие святые. Но сколько хотел Св. Пахомий, чтобы духовное учение почерпали из православных церковных писателей, столько же запрещал он читать книги Оригена или других писателей, впавших в заблуждение, и он особенно заботился о том, чтобы удалить из своих монастырей все творения, которые могли бы повредить вере его монахов; он почитал всего опаснее для монашества допускать книги, наполненные ядом ереси или даже немного подозрительные.

Как в житии, так и в уставе Св. Пахомия часто говорится о духовных беседах. Настоя-

тель каждой общины три раза в неделю предлагал беседы своим монахам, которые слушали его сидя и стоя. Устав, предписывая беседы, говорит, чтобы братия после утренней молитвы не вдруг удалялись в свои келлии, но собирались бы вместе для наставления, которое дает им настоятель[1].

Кроме сих бесед настоятеля[2], начальник монастыря предлагал всем одну в субботу, а две в воскресенье в месте назначенном для сего. Все монахи монастыря присутствовали там, и каждая община занимала свое место, также, как каждый монах свое место в той общине, к какой принадлежал, так что каково бы ни было их число, замешательства не случалось. Это очень поразило Аммона. Он говорит, что когда он первый раз был в собрании братии, крайне удивился прекрасному порядку, который царствовал там. Св. Пахомий имел обычай беседовать каждый вечер[3]. Так он часто наставлял монахов после ночного Богослужения.

Беседа оканчивалась молитвою[4], чтобы испросить у Бога благодать успеть в Св. Его

---

[1] Reg. Pach. 20.

[2] Boll. v. Pach. c. 6. n. 49.

[3] S. Pach. paral. c. 1. n. 1.

[4] Boll. v. S. Pach. c. 5. n. 37.

слове. Каждый потом в молчании возвращался в свою келлию, чтобы подумать до вечернего богослужения о тех истинах, кои услыхали. После вечерни братия снова собиралась вместе, чтобы беседовать о поучении. Настоятель спрашивал у каждого, что он удержал из него[1].

В уставе сказано[2], что если монах, сидя во время поучения, дозволит себе заснуть, начальник или настоятель должны заставить его стоять, сколько времени почтут приличным. Такому же наказанию подвергался и тот, кто не приходил слушать поучение по первому зову.

Мы сказали, что было назначено время, когда они могли беседовать между собою о наставлении, какое слышали. Жизнеописатель Св. Пахомия[3] присовокупляет, что им не дозволяли говорить слов безполезных или разсуждать о делах временных; но что все их разговоры должны быть или о Св. Писании, или о средствах преуспеть в добродетели посредством совершенного исполнения воли Божией.

То же очень определенно предписано правилом[4]. Но и время, назначаемое для благоче-

---

[1] Reg. S. Pach. n. 122.

[2] Reg. S. Pach. n. 22.

[3] Boll. v. s. Pach. c. 5. n. 37.

[4] Regul. S. Pach. n. 69.

стивых бесед, было непродолжительно. Остальное время монахи Тавеннские должны были соблюдать строгое молчание. Они наблюдали его не только за трапезою, но и работая в хлебне, в кухне, моя левитоны[1] и проч., и если во время сих работ они хотели кому-нибудь сообщить нечто, объяснялись знаками. То же правило наблюдали они, когда были на суднах монастырских.

Запрещено было разсказывать в одном монастыре, что было узнано в другом; говорить в одной общине то, что слышали в другой; повторять в монастыре узнанное в поле и разсказывать в поле, что узнано в монастыре. Этот закон не только отсекал безполезные разговоры, но и подавлял суетное любопытство иноков, дабы, не развлекаясь посторонним, могли тем полнее устремлять свое внимание на очищение своей души. Тем, которые отправлялись в путешествие, запрещено было разсказывать в монастыре о том, что они видели вне его[2]. Устав Пахомия, доставляя все выгоды, хотел также, чтобы иноки пользовались и выгодами уединения. Потому заботился о том,

---

[1] Ibid. n. 33. 34. 58. 56. 60.

[2] 16 n. 57. 85. 86.

чтобы доставлять средства избегать шума общежития и каждому, живя в обществе, быть вместе уединенным. Для сего предписывалось, чтобы братия не входили один к другому в келлию, чтобы никто кроме настоятеля не входил в рабочие разных ремесленников[1].

Иноческая жизнь держится, главным образом, на двух добродетелях — на послушании и нестяжательности. Воспитать эти добродетели преимущественно заботился Пахомий.

Кассиан, говоря о послушании монахов Тавеннских, замечает: «Что хотя их было так много под руководством одного начальника, но они так покорны были ему в продолжение всей жизни, как и один здесь (т. е. на западе) не был бы в продолжение немногого времени». И немного после прибавляет он: «Что эта покорность и послушание таковы, что мы в своих монастырях не видывали никого, кто бы мог подражать им в течение только одного года»[2].

Мы уже заметили, что первое, к чему приучаемы были новопоступающие, было отсечение своей воли. И это потому, как замечает

---

[1] Ibid. n. 111. 89.

[2] Cass. instit. l. 4. c. 1.

Кассиан, что по многим опытам знали, что монахи никогда не могут потушить в себе пламени гнева, печали, нечистоты; не могут приобрести истинного смирения, не могут долго жить с братиею в мире твердом и постоянном; ни остаться, наконец, в монастыре, если не научатся прежде подчинять свою волю воле начальника. Следствиями воспитания столь спасительного и столь мудрого была совершенная покорность низших высшим и послушание малейшему их повелению столь совершенное, что нельзя читать без удивления разсказов о сем Кассиана.

Их зависимость от начальников простиралась и на малейшие действия. Мало того, что они не могли выйти из монастыря без их позволения; даже и в монастыре они не могли ни начать новой работы, перейти с одного места на другое, ни вымыть одежды, или что-либо иное, без позволения или приказания начальника[1].

Когда они шли вместе на работу или на какое-либо дело, настоятель или помощник шел впереди их. Запрещено было опережать его и на один шаг[2]. Каждый должен был

---

[1] Ibid. n. 84. 69. 74. 95. 123. 127. 157 и пр.

[2] Ibid. n. 58. 59.

держаться своего места, удаляясь от него разве на малость.

Можно сказать, что иноки ни одной минуты не были вне сей подчиненности; не смея сделать ни одного шага без ведома начальников, они почти всегда были пред глазами начальников. Поэтому-то каждый начальник имел помощника для того, чтобы в его отсутствие он занимал его место, то же было и у настоятелей каждой общины; и если тот и другой должны были удалиться на несколько времени, то призывали старшего монаха занять их место[1]. Подобным образом в путешествии по воде, или по земле, самый старший назначался начальником, и ему обязаны были повиноваться как начальнику монастыря[2].

Монахи должны были внимательно выслушивать приказания, которые им давали, чтобы запомнить их, и исполнить в точности. Им сказывали вечером, что они должны делать наутро[3].

Для приучения к послушанию употребляемы были наказания, добровольное подчине-

---

[1] Hieron. praef. ad. reg. Pach. n. 2. Reg. Pach. n. 70. 115. 182.

[2] Ibid. 189. 118.

[3] Regul. n. 25. 26.

ние которым есть уже свидетельство духа послушания.

Наказания одни определялись уставом, другие зависели от воли настоятелей.

Наказания, определяемые уставом, состояли в том, что виновных или заставляли публично принести раскаяние, или стоять на ногах во время поучения и трапезы, или в лишении трапезы, отделении от другой братии, заключении в келлии, потери своего чина, даже телесном наказании и пр. Неисправимых выгоняли из монастыря.

Начальники употребляли три средства для исправления своих монахов, в коих видели погрешность в исполнении своих обязанностей. Первым — была молитва и покаяние пред Богом, в уничижении пред Ним, в посте, умерщвлении тела, дабы на свое исправление привлечь Его Божественное благословение и благодать совершенного исправления виновных. Вторым — было обличение виновных и увещание их или с любовию, или с строгостию однажды и многократно по нужде, пользуясь всеми побуждениями, которые вера и благочестие могли внушить им, чтобы обратить их к исполнению своего долга. Третьим — был выговор и наказание, соразмерное вине и качеству мона-

ха, но особенно возрасту; ибо более было сострадания к юным, как не имеющим ещё суждения строгого и важного по слабости их, между тем достигшие совершенного возраста почитались менее заслуживающими извинения[1].

Начальникам всякого рода не было дозволено накладывать наказаний произвольных. Настоятели общин за своими монахами строго наблюдали за исполнением устава и благочиния, но их право касательно наказаний было очень ограничено; и когда какой-либо брат совершал проступок более важный, чем нарушение устава, настоятель обязан был уведомить о том начальника монастыря[2], который наказывал виновного судя по тому, что он сделал против установлений монастыря, или чего требовал случай, если в частности не было сего определено уставом. Если настоятель не доносил в подобных случаях начальнику, его наказывали за то, что своим молчанием и нерадением потворствовал злу[3].

Он подвергался также наказанию и тогда, когда злоупотреблял своею властию, обижая

---

[1] Præc. atque judicia Pach. 166–176.

[2] Reg. n. 133. 181.

[3] Reg. 154.

братию без законной причины, или когда нерадел о том, чтобы заставлять их наблюдать обычаи, утвержденные в общине, или когда он хотел бы ввести там по собственному произволу обычай, какой там не был утвержден. В сих случаях его монахи имели право относиться к начальнику монастыря, который наказывал настоятеля по мере важности его проступка. В случаях, не терпящих отлагательства, примирение разногласий между подчиненными и начальниками возлагалось на старцев.

Если бы начальник монастыря оказался нерадив или изменил истине, как говорит устав, по злобе ли или по заметному невниманию, должны собраться двадцать иноков, или десять, или по крайней мере пять, известных по благочестию всей братии, и они судили его и низводили с степени, если проступок заслуживал того[1].

Когда братия сознавались в вине своей, они снимали пояс, что было знаком уничижения, простирались ниц, смиренно выслушивали выговор начальника и обещали исправиться. Они исполняли потом в Церкви или в трапезной наказание, наложенное на них.

---

[1] Reg. n. 168–170. 176. 190. 191.

Кассиан[1] в одной главе вообще исчисляет проступки, за которые нужно было нести публичное покаяние. «Если монах случайно разобьет глиняный сосуд, для заглаждения проступка должен был нести публичное наказание. Когда братия соберутся в Церковь, он простирается ниц, испрашивая прощения, до тех пор, пока кончится Богослужение, в ожидании милости, когда начальник позволит ему встать»[2].

«То же самое наказание назначено тому, кто поздно приходит на работу или к Богослужению, кто делает какую-либо невольную ошибку при чтении Псалмов, кто сделает некстати ответ, или немного грубо и смело, кто нерадиво исполняет обязанность, какая возложена на него; кто падает с легким ропотом; кто предпочитает чтение работе или другому чему-либо, что назначено ему, и занимается сим с холодностию, кто, выходя от Богослужения, не тотчас идет в свою келлию; кто останавливается хотя бы на одно мгновение поговорить с другим; кто удаляется в какое-либо тайное место; кто берет брата за

[1] Cass. inst. l. 4. c. 16.

[2] Ср. Reg. Pach. n. 125.

руку; кто осмеливается беседовать с братом, живущим не в той же келлии; кто молится с братом, устраненным от общественной молитвы; кто видится с кем-либо из своих родителей или друзей и говорит с ним не в присутствии старца; кто получает письма и отвечает на них без дозволения начальника».

«Но гораздо строже наказывались более значительные, каковы: обиды, явное презрение, противоречие гордое, свобода, которою дозволяли себе идти куда угодно, обращение с женщинами, разглагольствия, жалобы, смелость сделать что-либо по своей воле, любовь к богатству, обладание какою-либо лишнею мебелью, которой нет у других; принятие пищи, сделанное тайно, и другие поступки подобного рода; их наказывали не простым выговором, но или каким-либо наказанием телесным, или высылкою из монастыря»[1].

После послушания Св. Авва в своем уставе всего более заповедует нищету иноческую. При жизни Святого Пахомия[2] один эконом монастырский берег у себя деньги и брату, назначенному для закупок внешних, давал сумму

---

[1] Præcep. atque judic. Pach. n. 160–176.

[2] Boll. v. s. Pach. c. 5. n. 3.

приблизительно достаточную на покупку, так что если у него останется что-нибудь по его возвращении, он обязан отдать эконому, не оставляя в своей келлии даже на одну ночь.

За исключением сих, другие братия не касались денег. Многие умирали, не зная, что такое деньги, когда вступали в монастырь в юности, ещё не видав их. Считалось важным преступлением, если кто-нибудь сберегал в своей келлии деньги, даже самую малую монету[1].

Целью Святого Пахомия в сем случае было удалить своих монахов от всякой привязанности к земному, освободить их от заботы о благах міра и всецело спасти от рабства сребролюбию и скупости, так чтобы, не воспящаемые ничем временным, они могли возвышаться к Богу сердцем чистым и свободным от попечений временных.

Таким образом, он хотел с одной стороны, чтобы монахи в отношении к их нуждам временным всецело полагались на нежную заботливость начальников монастыря и чтобы они не смущались заботою иметь одежду, инструменты или какую-либо нужную вещь, когда начальники сами заботились предусмотреть

---

[1] Cass. de coenob. inst. c. 4.

все; с другой стороны, он хотел, чтобы начальники и экономы были до того внимательны в доставлении братии назначенного уставом, что если бы пренебрегли сим, были бы наказаны, как виновные не только в нерадении о своей существенной должности, но и в недостатке любви и соблазне своих братий.

Никому из братии не дозволялось ничем распорядиться, хотя бы это была вещь самая незначительная[1]. Также им запрещено было давать взаймы, получать что-нибудь, сберегать в кладовой, как внутри, так и вне монастыря, без дозволения начальника. У инока нет своей собственности. Если он и по ошибке назовет своими книгу, письменные доски, грифель, одежду, которые выданы ему от обители, и за это он подвергается епитимьи[2]. Восемьдесят первый член устава повелевал всякому иметь в своей келлии только дозволенное законами монастырскими и отнимать у него, что найдется кроме сего.

«Они имели в своей келлии, — говорит Блаженный Иероним[3], — стул со спинкою,

---

[1] № 55. 58. 62. 104.

[2] Cass. de coenob. inst. Lib. 4, c. 13. 14.

[3] Hieron. praef. in Reg. S. Pach.

служивший им ложем, два левитона, и третий поношенный для одеяния во время сна, льняное покрывало и два кукуля, милоть, пояс льняной, сандалии и жезл для путешествия. Вот все их имущество. Они ничего не носили с собою, когда шли из одного монастыря в другой. Когда они мыли левитон, им не позволено было оставлять его на ночь в своей келлии, если он не был ещё сух; но они вечером отдавали его досушить назначенному для сего, который возвращал им его назавтра»[1]. Столь были они внимательны к тому, чтобы не беречь в келлии безполезного.

По тому же самому духу нищеты требовали от них, чтобы они весьма заботливы были о тех вещах, какие им давали и потребление коих им дозволяли. Приставники смотрели за целостью левитонов, милотей, покрывал, книг, инструментов каждого ремесла в особых комнатах, в которые, кроме них, никому не дозволялось входить[2]. К ним обращались, когда имели нужду в какой-либо из сих вещей[3]. Святой Пахомий подчинялся сему,

---

[1] Regul. Pach. n. 70. 71.

[2] Boll. v. s. Pach. c. 3. n. 38.

[3] Reg. s. Pach. n. 66.

частию по верности в исполнении устава, частию чтобы дать пример другим. По уставу было строго запрещено без дозволения приставника взять даже один пальмовый лист, из коих делали корзины[1].

Если монах терял кукуль, сандалию, пояс или что-либо подобное, ему данное, ему делали строгий выговор. Если какая-нибудь из сих вещей была в его употреблении, ему давали её только после трех недель покаяния. Тому, кто оставлял свою одежду развешанную на солнце три дня, делали выговор или за его забывчивость, или за нерадение. Он нес публичное покаяние в Церкви или стоял прямо в трапезной в продолжение трапезы. Если он разбивал сосуд или ломал инструмент, ему налагали такое же наказание[2].

Равным образом не оставляли без наказания нерадения приставников. Настоятель общины, если в продолжение трех дней не давал начальнику монастыря сведения о какой-нибудь вещи потерянной на поле или в доме, получал выговор от настоятеля монастыря и сам должен сделать выговор потерявшему[3].

---

[1] Reg. Pach. n. 74.

[2] Reg. Pach. n. 147. 148. 131.

[3] Ibid. n. 152.

Если монах брал какую-либо вещь, которая предназначена для употребления другого, то взятое он должен был носить на шее и таким образом исполнять публичное покаяние в Церкви и в трапезной, где он оставался стоя в продолжение трапезы[1].

Когда находили потерянную кем-либо вещь, её в продолжение трех дней вывешивали на месте собрания, чтобы потерявший мог узнать её[2].

Отдельно каждому монаху не позволяли зажигать огонь, чтобы согреться, но обогревались все вместе в каждой общине[3].

Для монахов Египетских и особенно для монахов Тавеннских рукоделие было одним из главных занятий. В своих монастырях они имели всякого рода ремесленников, нужных для содержания общества. Занятия их, говорит Палладий[4], вот в чем состоят: «Один возделывает землю, другой работает в саду, кто — на кузнице, на мельнице, в кожевне; иные идут в мастерскую плотничать; иные валяют сукна, другие плетут разного рода и величины корзины».

---

[1] Reg. Pach. n. 149.

[2] Ibid. n. 132.

[3] Ibid. n. 120.

[4] Лавсаик, гл. 35. V. pp. 1. 8. c. 39.

Занимавшихся одним ремеслом помещали вместе, так в одном доме жили сапожники, в другом слесаря и проч. и они образовали различные общины, из коих каждая имела своего настоятеля и его помощника[1]. Они заведывали ремеслом, назначали закупщику цену, которую нужно было просить за работу, когда он отправлялся в Александрию продавать их. Для перевозки товаров в Александрию и для привоза оттуда жизненных припасов у общества Тавеннского было своих два судна. Плетение циновок было общим рукоделием иноков. Даже те, которые заняты были особыми ремеслами, в свободное время плели циновки[2].

Кроме сих особых ремесел, начальник иногда водил некоторое число монахов на острова Нила и на гору, частью за тем, чтобы собирать тростник для делания циновок и корзин, частью рубить деревья, частью для запаса трав, кои солили для пищи иноков, и в таких трудах они проводили иногда восемь дней, а иногда пятнадцать[3].

Вот порядок, который они соблюдали, когда шли работать вне монастыря. Как скоро дан

---

[1] Hieron. præf. ad regul. Pach. n. 6.

[2] Reg. Pach. n. 25. 26. 27.

[3] Reg. Pach. n. 25.

знак для сего, они тотчас оставляли всякое другое занятие и выходили из келлии, никто не мог себя уволить от них, по крайней мере, кто не имел на то позволения, никто не смел взять своей мантии. Они разстанавливались по порядку, так же и шли в порядке, строго наблюдая молчание и скромность, имея впереди себя своего настоятеля. Они не могли спрашивать, куда их ведут, или на какую работу идут они. Для них достаточно было идти в след за настоятелем и потом исполнять его приказания. На пути они размышляли о каком-нибудь месте Св. Писания. Если на пути они встречали кого-нибудь, кто хотел говорить с кем-либо из них, настоятель отвечал за него[1].

В продолжение работы они размышляли о какой-нибудь истине Писания, или, по крайней мере, работали в молчании. Великим проступком почиталось разговаривать между собою о предметах мірских; в продолжение работы они не могли сесть без дозволения. Наконец, они относили назад в монастырь инструменты, коими работали[2].

Вечером назначали работы на следующий день и раздавали нужное для них. Если

---

[1] Ibid. n. 58. 59.

[2] Ibid. n. 60. 62–66.

какой-нибудь монах приходил из-за монастыря после того, как получено это распоряжение, его утром снабжали тем, что нужно для работы. Когда кончали работу, извещали настоятеля, чтобы получить от него другие[1].

Начальникам запрещено было обременять монахов работою. Они должны быть умеренны, назначая работу по силам каждого, чтобы они исполняли её без печали и ропота[2]. Но равно и монахам заповедано было не жаловаться без дела и работать с покорностью и любовью к Богу; совершенная любовь не почитает работы тягостною и напротив берется за нее с святою ревностью.

Если монах ропщет на то, что чрезмерно работает: снисходительно выслушивают его жалобы и удовлетворяют им, если они справедливы; но если это несправедливо, если видно, что это происходит от лености, праздности, худого нрава или недостатка добродетели, пять раз убеждают его сознаться, что он жалуется несправедливо; и если, несмотря на это снисхождение, он продолжает роптать, его кладут в больницу или, не заставляя ничего

---

[1] 25–27. 145. 146.

[2] 179.

делать, кормят как слабого до тех пор, пока стыд видеть себя праздным среди стольких трудолюбивых монахов приведет его в себя и сделает более покорным[1].

Кассиан[2], Руфин и Палладий говорят о монахах Тавеннских, как о людях строгого воздержания; но они сохраняли его неодинаково. Устав Ангела выражается о сем так: «Позволяй каждому есть и пить по потребности; назначай им труды по мере того, что они едят; не возбраняй ни поститься, ни есть; труды тяжелые налагай на тех, кои крепче силами и больше едят; а малые и легкие назначай слабым и постящимся».

В полдень обыкновенно приготовлялась общая трапеза, где иноки вместе принимали пищу[3]. В субботу и воскресенье была и вечерняя трапеза[4]. Но только дети и слабые старцы ходили за вечернюю трапезу. Всем, кто хотел, дозволялось соблюдать строгое воздержание. Не желающим быть за трапезою давали по два малых хлеба в келлии, но кроме

---

[1] Reg. Pach. n. 164.

[2] Cass. inst. l. 4. c. 11.

[3] Reg. Pach. n. 112.

[4] Cass. de coenob. inst. l. 3. c. 12.

соли и воды другой приправы для хлеба не позволялось употреблять; любители поста оставались два, три и четыре дня без пищи, особенно в пост. Иные, проведя весь день за работою, всю ночь стояли на молитве. Среда и пяток для всех иноков были днями поста[1], исключая времени Пятидесятницы.

За трапезою предлагали хлеб, маслины, сыр, овощи соленые или рубленные и приготовленные с уксусом и с маслом, смоквы и другие плоды сообразно с временем года. «Роскошью во время стола, — пишет Кассиан, — считались у Тавеннских монахов рубленый лук, дикая капуста, толченая соль, оливы, небольшие соленые рыбки»[2]. Но из жизни Св. Пахомия видно, что их ели только дети и старцы, хотя всем предлагали есть их. В самом деле Св. Пахомий хотел, чтобы их подавали для всех, предоставляя свободе каждого отказываться от них, дабы их самоумерщвление не было принужденное.

Он хотел также, чтобы братии давали все нужное, дабы они умерщвляли свое тело свободно и с большою заслугою пред Богом, пото-

---

[1] Reg. Pach. n. 80.

[2] Cass. de coenob. inst. l. 4. c. 22.

му что трудно определить точно нужду каждого. Но с другой стороны он не хотел, чтобы они с жадностью принимались за предлагаемые им кушанья. В этом он сам подавал им пример, ибо он никогда досыта не только не ел, но не пил и воды, и в одном путешествии, какое он совершал с некоторыми братиями по Нилу, видя, что они вечером ели все приготовленное для их трапезы, пролил несколько слез; и когда сии монахи спросили его о причине слез, он отвечал, что потому плачет, что видит в них так мало любви к самоумерщвлению, к коему они должны стремиться.

Каждый приходил к столу в назначенный ему час, под опасением подвергнуться покаянию. Они садились по порядку, и когда начальник приказывал переходить с одного стола на другой, они повиновались, не подавая ни малейшего знака неудовольствия[1]. Вкушая пищу, они опускали покрывала на лицо, так что не могли видеть ничего, кроме стола, ни по сторонам, что ели другие. Они соблюдали столь строгое молчание, что хотя бы их было очень великое число, каждый вел себя за трапезою так, как бы был один в своей келлии. И мог умерщ-

[1] Regul. Pach. n. 29. 30.

влять себя сколько мог вынести по своему усердию, не опасаясь, чтобы заметили сие братия, бывшие подле него[1]. Руфин и Палладий говорят: «За трапезу они садились только для вида, чтобы скрыть друг от друга свое постничество; брали два или три куска хлеба, и только дотрагивались до прочего, чтобы нельзя было сказать, что они ничего не ели»[2].

Когда имели нужду в чем-либо, тихо стучали, чтобы позвать кого-либо из служащих, притом почти всегда это делали настоятели общины. Если монах осмеливался смеяться или говорить, ему тотчас делали выговор, и он оставался на ногах до конца трапезы.

Не позволено было говорить, выходя из-за стола. Нужно было в молчании идти на то место, куда надлежало идти[3].

Когда иноки собирали плоды, они не могли съесть ничего, когда собирали с дерева; но после работы настоятель давал понемногу каждому на том же самом месте, где они собирали, по возвращении в монастырь им давали ещё долю равную с другими. Если в саду они

---

[1] Cass. de coenob. inst. L. 4. c. 17. Reg. Pach. n. 30–34.

[2] pp. l. 2. c. 3. et. l, 8. c. 48. Лавсаик, гл. 43.

[3] Reg. Pach. n. 34.

находили какой-либо плод на земле, то, не вкушая его, с покорностью клали его при корне дерева[1]. Они не могли хранить никакого плода в своей келлии. Каждому особо запрещено было рвать в саду даже травы, они должны были получать их из рук садовника[2].

Готовившие кушанье не могли вкушать его прежде братии[3], вино запрещено было пить всем, кроме больных, и между сими святыми иноками мы видим старцев шестидесяти и семидесяти лет, которые никогда ни здоровые, ни больные не пили вина[4].

Когда монах делался болен, настоятель общины, к которой он принадлежал, отводил его в больницу и поручал смотрителю над больными, так что уже не имел более за ним никакого надзора и никакого права вмешиваться в его дела, больной поступал в полную зависимость от больничного, которому он должен покоряться во всем и из рук коего должен принимать был все, в чем имел нужду, как в отношении к одежде, так и к пище и нужным лекарствам.

---

[1] Ibid. n. 78.

[2] Ibid. n. 72. 79.

[3] Reg. Pach. n. 76.

[4] Ibid. n. 45.

Никто без позволения не мог входить в больницу, чтобы навестить больного или послужить ему, хотя бы то был отец или брат. Больным давали все, в чем они имели нужду, и чтобы утешить и облегчить их, оказывали им нежность самую внимательную[1]. «Для того так было, — по словам Блаженного Иеронима, — затем у пустынножителей так обращались с больными, чтобы они не сожалели ни об удобствах города, ни о нежности своих матерей»[2].

Хотя монахи Тавеннские не ели мяса и не было обычая давать его больным, однако не отказывали, когда они его просили. При жизни Святого Пахомия случилось[3], что один из больных захотел мяса, но больничный отказался дать ему; когда узнал о сем Пахомий святой он много жалел о ревности больничного, в которой так мало любви, и сидя за трапезою он, не вкушая предложенного, подозвал больничного и строгим голосом сказал ему: «Скажи мне ты, лицемер, как забыл ты правило, повелевающее любить ближнего, как самого себя? Ты видишь, что этот брат болен, истощен силами и

---

[1] Reg. Pach. n. 42. 46. 47.

[2] Hieron. ep. 22.

[3] Boll. v. s. Pach. n. 34.

бледен, как мертвец; и вместо того, чтобы самому догадаться, что ему нужно есть мясо, ты напротив отказал, когда он желал есть его. Ты, может быть, будешь извиняться тем, что нет обычая предлагать его больным, но не нужно ли делать различие между болезнями и быть снисходительным к некоторым больным? Неужели не знаешь, что чистым все чисто? Если не мог решить сам, прилично ли это, почему не пришел спросить меня, что нужно делать?» Говоря сие, он не мог удержать слез, и все братия были так тронуты, что поспешно пошли купить мяса и приготовить его желавшему.

Эта любовь, которая заставляла Пахомия снисходить к немощи больных, отражается и в его уставе. В нем предустраняется все, что могло бы оскорбить любовь или хотя немного изменить её между братиею. Строгое молчание, которое наблюдали в монастыре, отдаляло повод нарушать её словом; но так как было время, когда они могли говорить вместе, то положены были наказания злословящим, недовольным, тем, кои легко предавались гневу, искажали истину, и вообще тем, кои могли возмутить доброе согласие в монастыре[1]. За-

[1] Reg. Pach. n. 160–174.

мечательно правило о людях вспыльчивых по природе. «Если кто-нибудь, — говорит устав, — горячего характера, легко возмущается малейшею вещею, нужно шесть раз кротко советовать ему умерять себя. В седьмой он лишается своего места и помещается на последнее, где продолжают увещевать его обуздывать свою вспыльчивость; а если он обещается исправиться и три брата поручатся за его исправление, возвратить ему прежнее место; но если не исправится, то потеряет его навсегда»[1]. Далее устав предписывал, чтобы иноки соблюдали между собою единение и мир, чтобы от доброго сердца покорялись поставленным начальствовать, и особенно будут ли они сидеть, или стоять, или идти, чтобы оспаривали друг у друга одно, как уступить другому в духе смирения[2].

Монахам повелено было строго соблюдать во всем иноческую скромность. Они обыкновенно ходили с покрывалом опущенным на глаза. Устав не позволял, чтобы они брали друг друга за руки, идя ли то, или сидя, и всегда были отдалены на один шаг друг от друга,

---

[1] Ibid. n. 161.

[2] Ibid. n. 179.

когда находятся вместе. Слова ласкательства или проблеск смеха, смешные телодвижения и все другое, противное строгости иноческой и духу сокрушения, были решительно не позволены в Тавенне[1].

Монахам Тавеннским было запрещено вступать в беседу с женщинами во время путешествия по воде ли то, или по земле; и их не принимали на судна монастырские, которые привозили товары для монастырей, без особого на то дозволения настоятеля[2].

Они редко выходили из монастыря для посещения, никогда не выходили без позволения, всегда по законным причинам и в сопровождении другого. Если приходили к воротам сказать, что отец монаха был болен и желал его видеть, привратник шел сказать о сем начальнику, который говорил настоятелю общины, в коей находился монах, и после общего совета, если удобно было позволить монаху идти повидаться с отцом, ему в спутники давали монаха благочестивого и испытанного более других, а настоятель давал ему все, нужное для пути[3].

---

[1] Ibid. n. 91–96. 166.

[2] Ibid. n. 109.

[3] Reg. Pach. n. 53–56. 108.

Если они должны быть более одного дня в пути, они не должны жить у родителей, но в монастыре православных монахов, — предосторожность, какую имеет устав потому, что тогда были монахи Арианские, и зараженные заблуждениями Оригена, — или, по крайней мере, останавливались бы в общественных гостиницах[1].

В домах родственников дозволялось есть только разрешаемое уставом монастырским[2]. Также они могли взять припасов, которые давали им на возвратный путь в монастырь; но если по возвращении они ещё оставались у них, то их не могли беречь, но отдавали в больницу, чтобы разделить больным.

В Тавенне строго наблюдали правила гостеприимства. Если приходили клирики или монахи, их принимали с уважением, обмывали им ноги и помещали их в домах, назначенных для сего подле ворот монастырских.

Если они желали присутствовать при Богослужении, начальник превратников извещал о сем настоятеля, и он им позволял, разве только они не были православные, что наблюдалось тщательно.

---

[1] Ibid. n. 54.

[2] Ibid.

Им не позволяли есть в трапезной с братиею и с трудом соглашались показывать им внутренность монастыря[1]. Святой Пресвитер и исповедник Дионисий, эконом Церкви Тентирийской и искренний друг Св. Пахомия, думал, что это противно правилам гостеприимства, и настойчиво просил Святого отменить сие[2]. Святой Пахомий выслушал его с особою любовью и смирением и отвечал ему, что сам он знает, как он не хотел никому сделать неприятности, что он почитает гостеприимство, как благое дело, заповеданное Господом нашим Иисусом Христом; и чтобы исполнять его по примеру Авраама, он принимает других монахов в покоях удобных и приличных, где они имеют совершенное спокойствие, и он доставляет им отдых, в коем они имеют нужду, что он позволяет приходить им на молитву с братиею, когда они того желают; а что он не вводит их во внутрь монастыря, — из опасения, чтобы они не узнали несовершенств новоначальных, из коих ещё многие новы в обычаях монастырских, и не увидели детей воспитывающихся в монастыре, которые были ещё очень подвержены ребячеству, по недостатку

---

[1] Ibid. n. 51.

[2] Boll. v. s. Pach. c. 4. n. 28.

разсудительности, свойственной сему возрасту. Дионисий удовлетворился сим ответом и не настаивал более.

Принимали также мірян и женщин. Для сего были различные комнаты по качеству лиц. В страхе Божием особенно заботились о женщинах, как более слабых. Так было повелено уставом; они были помещаемы в комнатах совершенно отдельно от мужских[1]. Эти различные помещения были подле ворот монастыря, но были так отдельны, что не было никакого сообщения между гостями и монахами. Для сих последних было правилом положено ни есть, ни спать с мірянами даже в путешествии[2].

В гостинице находились только назначенные для принятия гостей и доставления им кушанья. Когда отец монаха приходил побеседовать с ним, привратник уведомлял настоятеля, который говорил с начальником общины сего монаха, и ему давали спутника, с коим он выходил за ворота монастыря, и благочестиво разговаривал с отцом. Если сей последний приносил что-нибудь ему есть, ему

---

[1] Reg. Pach. n. 51.

[2] Ibid. n. 109.

не позволено было брать, но призывал привратника, который принимал то, и если это можно было есть только с хлебом, то относили сие больным в больницу[1].

Монахи с позволения начальника присутствовали иногда при погребении родителей, и родители также присутствовали иногда при погребении почивших монахов[2].

Святой Пахомий в продолжение пятнадцати лет спал только сидя на пне среди келлии, не прислоняясь к стене[3]. Было много учеников, желавших подражать ему в сем роде самоумерщвления. Но их обыкновенным ложем был стул с несколько наклонною спинкою, на который они клали изношенный левитон, служивший им постелью, и спали не снимая клобука, как заповедано сие в уставе Ангела[4].

Так как их было по трое в каждой келлии, устав запрещал им разговаривать, когда они садились на седалище, чтобы отдохнуть[5]. Если они просыпались ночью, должны были помыш-

---

[1] Ibid. n. 53. 54.

[2] 53.

[3] Boll. v. s. Pach. paral. c. 1. v. 5. et. 6.

[4] Regul. Pach. n. 87. 88.

[5] Ibid. n. 94.

лять о Боге, пока не заснут опять. Обыкновенные постели были только для больных, хотя были монахи, хотевшие умереть на своем стуле, продолжая самоумерщвление до последней минуты своей жизни.

Когда монах умирал, другие проводили ночь в молитвах подле его тела, переменяя друг друга. Потом шли они хоронить его в горе, на месте, определенно назначенном, поя псалмы и другие молитвы. Все братия присутствовали при погребальных проводах[1].

Пахомий принимал в свой монастырь и детей, с тою целью, чтобы дать им воспитание в духе Христианского благочестия[2], и этим подал прекрасный пример для последующих иноков, имевший такое благотворное следствие для Христианства. Он любил повторять, что дети по своему возрасту могут приобретать спасительный навык ходить пред лицем Господним и чрез благочестивые упражнения восходить по примеру Самуила на высоту нравственного совершенства, и сравнивал детей с землею, которая приносит или благие плоды, ужели с заботливостью возделывают

---

[1] Ibid. n. 127.

[2] Vita Pach. n. 19.

оную, или терние, если оставляют невозделанною и без надзора, хотя бы и брошены были в нее семена добрые. «Поэтому, говорит Преподобный, мы должны иметь особенное попечение о детях, как повелел нам Господь; тогда можем надеяться, что Он будет милостив и к нашим душам»[1].

Дети воспитывались в тех же правилах, как и взрослые; для них предлагалась та же и пища. Дух благочестия и сокрушенной молитвы внушаем им был прежде всего. Кроме чтения, они обучались рукоделиям. Наказания соразмерны были с виною и мудро приспособлены к исправлению детей. Если дети были склонны очень к играм и смеху, то их наказывали разными лишениями и даже розгами[2].

Таков был устав, данный Пахомием многочисленному обществу иноков, вверившихся его управлению. Если число иноков определять по числу домов, которых в каждом монастыре было от тридцати до сорока, то мы должны принять, что число иноков в девяти монастырях Пахомия простиралось свыше десяти

---

[1] Vita Pach. n. 32.

[2] Reg. Pach. n. 172. 173. Vita Pach. n. 28. 35. 55. Paralip. Pach. n. 25.

тысяч. В каждом доме было по двенадцати или тринадцати келлий, в каждой келлии жило по трое иноков, — потому мы должны положить меньшее число иноков в 1 200 человек. Блаженный Иероним пишет, что ко дню Пасхи собирались в главный монастырь до 50 000 иноков. Если мы вместо 50 будем считать 15, то это число близко подойдет к исчислению иноков, которое можно выводить из счета домов, потому что во времена блаженного Иеронима прибавилось ещё четыре монастыря. Палладий, бывший 16 лет спустя после блаженного Иеронима, насчитывает иноков в Тавеннских монастырях не более семи тысяч, говоря, что в меньших монастырях было по двести и по триста человек. Но он сам же говорит, что его друг Аммон управлял в одном главном монастыре тремя тысячами человек. И общество Тавеннское не славилось бы многолюдностью, если бы имело не более 7 000 иноков, потому у Серапиона Арсинойского было их десять тысяч.

Управление такою многочисленною братиею требовало многих трудов, и Пахомий был самым мудрым начальником иноков.

Его мудрость в управлении, его усердие и любовь и применение к нуждам иноков были

безпримерны. Не было добродетели, которой бы он не был примером; не было минуты, в которую бы он не пекся о их пользе; не было случая, который бы он опустил без назидания, не было труда и заботы, которых бы он добровольно не брал на себя в попечении о нуждах духовных и благе временном братии своей. Он имел все качества, нужные для наставника, и высшее призвание, и просвещение, и чрезвычайные дары благодати. Лучшим свидетельством о его способности быть наставником служат те плоды жизни, которые производил он в душах иноков.

Отличительной чертой его характера была кротость и снисходительность. Они дышат во всех наставлениях и советах братии[1]. Его беседа с учениками — была беседа отца с детьми. Приводим для примера одно наставление Пахомия[2].

«Почитай Бога, — так учил Пахомий, — и будешь благополучен. Помни скорби, которым подвергались святые. Мы должны быть единодушными и постоянными в том деле, на которое призваны. Должны более всего стараться

[1] Vita Pach. l. 4. n. 27. и след.

[2] Patrol. Curs. Compl. XXIII. Opera Hier. p. 85.

о том, чтобы строго провождать ту жизнь, которую избрали, и, совершив поприще её, сделаться угодными Богу. Не должны быть подобны тем людям, которые находят удовольствие в вещах суетных и скоропреходящих, чтобы сердце наше не совратилось с правого пути, не уклонилось в грех и не лишилось надежды вечных благ. Познание и исполнение воли Божией лучше всего. Человек, последующий истине, бывает выше всего. Но противиться воле Божией и исполнять свою волю — самое первое зло. Кто исполняет волю свою, тот не будет иметь познания о Боге. Кто следует воле своей, тот не может идти путем святых и в день последнего суда будет плакать и погибнет. Угождать Богу мы должны в настоящей жизни; потому, что спасение наше приобретается во время печали (Ис. 33, 2). Мы должны быть твердыми в вере не только во время радости, но и во время печали; потому что написано: аще обещаеши обет Богу, не умедли отдати его (Еккл. 5, 3). Посему в печали не ослабевай, но будь терпелив и приноси молитвы Богу. Он даст тебе крепость той веры, которую получили чрез Св. Духа Пророки и в которой были тверды Апостолы, получивши обещанные награды за перене-

сение гонений. Зная сие, мы не должны колебаться в вере и увлекаться в заблуждения, но пребывать в ней твердыми и непоколебимыми, и непостоянство тех мыслей, которые кипят подобно воде, охлаждать и утишать непрестанным воспоминанием о законе Божием. Так мы уничтожим в себе закон порочных желаний, будем исполнять то, что угодно Богу, и предохраним себя от житейских забот и всякой гордости, которая есть самое великое безумие и зло. Должны всегда иметь пред глазами Господа и воспоминать о Его крестном страдании и смерти, которою мы искуплены и оживлены. Должны ненавидеть мір и все, что находится в нем, ненавидеть всякое спокойствие телесное, отказаться от сей жизни и жить только для Бога. Возлюбленные, мы должны помнить звание свое, в котором обещались мы служить Богу. В день суда у нас спросят о сем. Посему должны терпеть голод, жажду, наготу, проводить ночное время в бдении, петь псалмы, заниматься молитвою, воздыхать из глубины сердца, проливать слезы, разсматривать себя и испытывать, есть ли что в нас достойное Бога и Его безконечной к нам милости. Несчастий мы не должны убегать. Таким образом, мы полу-

чим утешение от Господа и удостоимся блаженной и вечной жизни».

Когда наставления и увещания Пахомия не производили доброго действия, его любовь к несчастным разгоралась ещё более. С горячей молитвой повергался он пред Господом, умоляя Его о спасении заблудших. «Ты повелел, Господи, так молился он, любить ближнего как себя самого. Молю Тебя, помилуй сих слепцов! Воззри милостивым оком Твоего милосердия, чтобы они, проникнутые искренним раскаянием, страшились оскорблять Тебя и лучше помнили обязанности звания, которое они приняли на себя, и полагали в Тебе одном все свое счастье и всю свою надежду». Когда не мог склонить ничем заблудших к исполнению общих монастырских правил, назначал для них другие самые легкие, и только испытав все возможные меры, высылал из монастыря[1].

Дух управления Пахомия братиею выразился в его наставлении Феодору. Вверяя ему управление несколькими иноками, он сказал: «Нелегкое дело править другими. Если заметишь, что кто-либо из духовных детей твоих впадает в разслабление, призови его

---

[1] Vita Pach. n. 27.

наедине и увещевай с терпением обратиться к прежней ревности. Если он не исправится, оставь его на некоторое время, а сам молись Богу, чтобы Он обратил его сердце. Настоятелю кротостью и терпением должно врачевать братию. Если проступок будет важен, скажи мне, и я употреблю средства, какие внушит мне Бог. Пекись о больных, как о себе самом; своею любовью неси с ними их кресты и несчастия. Будь отцом для них, ибо его место ты для них занимаешь. Сам первый исполняй все предписанное для братии, чтобы быть ей примером»[1]. Даже умирая, он говорил другому Феодору, любимому ученику своему: «Заклинаю тебя, не оставляй заботы о ленивых в служении Господу, непрестанно увещевай их жить благочестиво»[2].

Но эта любовь Пахомия, эта снисходительность к немощным не была слабостью. Когда требовала слава Божия, сохранение порядка монастырского и благо братии, он являлся и строгим, Он заставил одного инока пять месяцев пробыть на хлебе и воде за то, что он, сделавши в день две циновки вместо

[1] Vita. Pach. n. 60.

[2] Ibid. n. 75.

одной, с тщеславием принес их к Пахомию[1]. В другой раз узнал, что повара в его монастыре вместо того, чтобы готовить пищу, плели циновки, — так как никто из старшей братии не ел варева, — велел пятьсот циновок, сплетенных ими, бросить в огонь[2]. Он лишил Христианского погребения под видом благочестия скрывавшего не иноческую жизнь[3]. Он любил пост так, что заплакал, когда увидел, что все братия с удовольствием ели предложенные на трапезе плоды; а когда ему подали овощи, приправленные маслом, то он до тех пор лил на них воду, пока не смыл масла; но подверг строгому наказанию инока за чрезмерное воздержание, когда им питалась гордость[4]. Он отрешил от должности эконома, который продал рукоделья братские дороже, нежели как назначил Пахомий[5]. Подверг покаянию иноков, которые во время голода согласились без денег принять хлеб для монастыря[6].

---

[1] Bolland. Pach. paralip. c. 4. n. 34.

[2] Bolland. Pach. paralip, c. 2. n. 25.

[3] Ibid. c. 1. n. 5. 6.

[4] Ibid. c. 6. n. 43.

[5] Ibid. c. 3. n. 23.

[6] Bolland. Pach. paralip. c. 3. n. 21. 22.

Пахомий часто посещал свои монастыри; он входил в келлии иноков, чтобы видеть, чем они занимаются, не нуждаются ли в чем-либо. Если видел, что им нужны наставления, он тотчас учил их, подкреплял слабых, объяснял Св. Писание, убеждал всех мужественно противиться наветам лукавого памятью присутствия Божия и силою Духа Святого. Когда сам не был в силах посещать монастыри, то посылал Феодора[1] или писал послания[2] к настоятелям о предметах необходимых. Владея даром прозорливости, он иногда посылал эконома сходить к какому-либо брату и обличить его в нерадении[3].

Сам Пахомий охотно принимал наставления от кого бы то ни было. Раз в Тавенне вместе с братией он плел циновки. Мальчик, тут бывший, сказал, что он не так делает. «Так покажи мне, дитя, сказал Пахомий, как надо делать». Тот указал, и Пахомий поблагодарил его[4]. Гордость и самолюбие были чужды его

---

[1] Vita Pach. n. 58.

[2] Между сочинениями блаж. Иеронима приводится XI писем Пахомия.

[3] Vita Pach. n. 47.

[4] Ibid. n. 55.

душе. Его смирение было глубоко и искренно. Украшаясь всеми добродетелями, он считал себя великим грешником. На свою власть начальническую он смотрел, как на обязанность служить всем[1]. Он не терпел никакого отличия для себя[2]. Ученик Пахомия Феодор подал ему больному воды умыть руки; он попросил Феодора, чтобы тот дал ему вымыть свои ноги. «Если я не умою ног твоих, то совесть будет мучить меня, почему я, обязанный служить другим, принимаю сам услуги?» Будучи главным начальником настоятелей монастырей, он подчинялся настоятелю того монастыря, в котором жил, и охотно принимал советы духовные, как бы несведущий в духовной жизни. Все необходимое для себя он брал от общего раздаятеля как милостыню, не смея ничем сам распоряжаться. Во всех работах монастырских он участвовал сам. «Для чего ты, — спрашивали его братия, — исполняешь сам все работы монастырские?» «Кто, — отвечал он, — откажется подставить ярем под бремя, когда увидит, что я не только не сетую на него, но и с радостью готов упасть

[1] Vita Pach. n. 62. 17.

[2] Ibid. n. 33.

под ним? Милосердый Бог, призирая на мое смирение, подаст и вам силу, или приведет других, которые охотно поднимут это бремя». Он не столько страшился вечных мук, говорит его жизнеописатель, сколько недостатка кротости и смирения[1].

Смирение всего более старался Пахомий внушить и своей братии. Он имел обычай по вечерам предлагать братии поучение о духовной жизни. Однажды вместо себя велел он говорить Феодору, которому не было тогда и двадцати лет. Старые иноки, оскорбившись тем, что их начинает учить молодой инок, оставили собрание и ушли в келлии. Когда кончилось собрание, Пахомий призвал ушедших иноков и сказал: «Почему вы оставили собрание во время духовной беседы?» «Ты назначил нам в наставники, отвечали они, новоначального, как будто мог он давать наставления всем братиям и даже старшим из них». При этих словах Пахомий, глубоко вздохнув, сказал: «Знаете ли вы, что гордость — начало всех зол в міре, что она низвергла Люцифера в бездну, а Навуходоносора сделала безсловесным? Разве вы не

[1] Vita Pach. n. 49. 71.

знаете слов Писания, что всякая гордость мерзка пред очами Божиими, и всякий возносящийся смирится? Забыв тяжесть греха, вы попустили демону лишить вас всего украшения добродетели; вы показали презрение не к Феодору, но к слову Божию; вы изгнали Духа Святого из своей души. О, как несчастны и как жалки вы! Бог, смиряя Себя, послушлив быв до смерти, смерти же крестной, а мы, жалкие и ничтожные твари, надмеваемся гордостью. Высший всех тварей по своему величию и могуществу спас мір смирением, тогда как мог уничтожить его одним мановением; а мы, жалкие, ничтожные создания, мы осмеливаемся возноситься гордостью, не опасаясь того, что этим делаемся презреннее? Дал ли я вам пример оставить собрание, когда начал говорить Феодор? Не слушал ли я его со вниманием? И я уверяю вас, что я много получил пользы. Не я ли приказал ему говорить, хотя бы только для пользы и утешения моей души? Итак, если я, которого вы считаете отцом и начальником своим, если я не считал для себя унижением слушать его, — ибо нуждаюсь в наставлении, — почему же вы стыдитесь делать это? Пред лицом Божиим говорю вам, если вы не

загладите своего поступка слезами и строгим покаянием, вы непременно погибнете»[1].

Он внушал также своим инокам, чтобы они береглись суетности, не искали ни украшения в одежде, ни изысканности в пище, ни пышности в строении, ни светских познаний в книгах. «Лучшее украшение верующего человека, — говорил он, — состоит в готовности хранить заповеди Божии»[2].

Никто так не отказывал себе во всяком виде удовольствия, как он. Лишь только ощущал он в себе какое-либо чувство суетной радости или тайное услаждение наполняло его сердце, он немедленно старался уничтожить его в себе. В монастыре Монхозине он выстроил весьма красивую Церковь с колоннами и другими украшениями. Вид её красоты наполнил его сердце радостью. Опасаясь, не суетным ли тщеславием порождена эта радость, он велел отломать колонны и все украшения, чтобы предотвратить тщеславие[3].

Всегда иметь страх Божий в сердце и открывать свои помыслы опытным старцам

---

[1] Vita Pach. n. 49.

[2] Ibid. n. 44.

[3] Paralip. Pach. n. 32.

внушал Пахомий ученикам своим, как два самые действительные средства в борьбе с искушениями.

Заботы Пахомия о своих детях духовных и его мудрая попечительность не могли не принести вожделенных плодов. На общество Тавеннское можно смотреть, как на образец, с которым должны сообразоваться духовные руководители, обязанные вести других к нравственному совершенству. Сам Пахомий с душевною радостью видел успехи своей братии; но эта не была радость самолюбия, но глубокое чувство благодарности милосердию Божию, не оставившему труд его безплодным.

Обители Пахомия имели множество благочестивых иноков, которых все старание устремлено было к тому, чтобы, отвергшись мира, носить сладкое иго Христово. Они заботились единственно о спасении души своей; они совсем забывали мір, и все их помыслы устремлены были к горнему; их утешение и радости заключались во внутреннем мире, превосходящем все наслаждения мира. Друг с другом они соединены были союзом самой чистой и святой любви; один другого побуждал к преуспеянию в духовной жизни; беседовали между собою только о средствах побеждать страс-

ти и дьявола и достигать высшеи святости. Хотя между ними большая часть была из простых поселян, необразованных и малограмотных, но они полны были мудрости Божественной, которую почерпали в слушании и исполнении Св. Писания и в небесном просвещении, неоскудно изливавшемся на них.

Чтобы ближе узнать и дух управления Преподобного Пахомия, и духовное состояние находящихся под управлением его, познакомимся с жизнью некоторых более известных учеников, каковы Петроний, Феодор, Пекузий, Корнелий и другие.

Петроний, который после избран был в преемника Пахомию, был муж высокой добродетели. С тех пор как он оставил мір и вступил в монастырь, нога его не переступала за порог родительского дома. Его отец Панеб все свое имущество отдал монастырям, и Св. Пахомий на месте, называемом Фебо или Февуй, построил на его деньги монастырь, дал ему устав свой. Братья Петрония и его рабы последовали его примеру и вступили в монастыри Тавеннские; его сестры постриглись в женском монастыре, управляемом сестрою Пахомия. Все это благочестивое семейство имело счастье остаться и умереть в том звании,

какое приняло. О Петронии сохранилось свидетельство, что он был весьма тверд в вере, кроток в обращении и совершен в разсудительности, с какою он устроял свое спасение. Он никогда не ослабевал в бдении над собою, даже во время болезни. Его любовь была полна кротости и снисхождения к недостаткам других[1].

Феодор, носящий наименование Освященного, был самым любимым учеником Св. Пахомия и великим украшением своего общества. Он происходил из семейства Христианского, богатого и весьма знаменитого в округе Латопольском, в верхней Фиваиде. Но этот блеск не ослепил его, а только дал ему лучше понять суету мира. С юных лет глубокое благочестие наполняло его душу. Вместо того, чтобы предаваться забавам, свойственным детскому возрасту, он помышлял только о вечном блаженстве, о жизни загробной. Ему было одиннадцать или двенадцать лет, когда, увидев в доме приготовления к празднованию дней Богоявления, проникнутый мыслию о суете земных радостей, скрылся в самом отдаленном углу дома и, там простершись ниц,

[1] Vita S. Pach. n. 10. Parall.

со слезами взывал ко Господу: «Боже мой! ничего на земле я не хочу... Я желаю только Тебя, Твоего милосердия!» И, несмотря на усиленные просьбы матери, он не пошел разделять общего веселья, а весь день провел один в молитве к Богу[1]. И в эти юные годы он мыслил о жизни монашеской. Несмотря на юность, он подражал монахам, вкушал пищу только однажды в день, а иногда пост свой простирал до вечера другого дня. До четырнадцатилетнего возраста он жил в доме, усердно ходил в школу и в учении отличался прилежанием и успехами. Четырнадцати лет с согласия родителей он удалился к пустынникам в округе Латопольском и в их обществе упражнялся в жизни иноческой.

Эти пустынники днем жили отдельно и каждый вечер собирались в одном месте, чтобы совершать общую молитву и беседовать между собою о Божественном Писании[2]. В одной из сих бесед услышав, что с великою похвалою говорят о Преподобном Пахомии и его новом учреждении, он почувствовал сильное желание вступить под управление сего

---

[1] Boll. vita. S. Pach. n. 23.

[2] n. 24.

великого Аввы. Целую ночь усердно молил он Господа, чтобы Он сподобил его жить под руководством сего святого мужа. Его молитва скоро была услышана. В то же утро заходит к Латопольским пустынникам Пекузий, один из достойнейших учеников Пахомия, бывший в Латополе по делам монастырским. Феодор, видя в сем прямое благословение Божие на свое намерение, упросил Пекузия взять его с собою[1].

В тот же день, когда Феодор должен был прийти, Св. Пахомий сказал своим ученикам, что Пекузий приведет к нему мальчика лет тринадцати или четырнадцати; но это — сосуд избрания, полный Духа Божия. Он принял Феодора с добротою отца[2] и смотрел на него, как на своего сына и своего любимого ученика.

Окруженный прекрасными примерами добродетели и будучи сильно воодушевлен наставлениями Св. Пахомия, Феодор стал подвизаться с такою ревностью, что, казалось, его ревность к преуспеянию не имеет границ. Свои усилия и старания употребил он на стяжание трех существенных добродетелей:

---

[1] п. 25.

[2] Сар. 17. п. 83.

чистоты сердца, строгого соблюдения молчания и точного и искреннего повиновения.

Он никому не уступал в точности сохранения устава, во всех трудах монастырских, в бдениях и молитве. Скоро он так много преуспел в жизни духовной, что, несмотря на молодость, мог давать наставления старцам и чудно утешал тех, которые находились в скорбях.

С духовною радостью Преподобный Пахомий видел быстрые успехи в духовной жизни пламенного ученика и предсказал тогда же, что Бог назначил его наследовать ему в попечении о душах братии.

Как совершенно Феодор отрекся от мира и всех его уз, показывает его отношение к матери и братьям. Мать Феодора[1], услыхав, что он в Тавенне, пришла туда с письмами от некоторых Епископов. Остановясь в женском монастыре, она послала письма к Преподобному Пахомию и сказала, что если её сын не захочет оставить монастыря, то, по крайней мере, он дал бы ей утешение видеть себя.

Пахомий тотчас призвал Феодора, сказал ему о желании Епископов, писавших к нему, и велел исполнить желание матери. Феодор

---

[1] Ibid. n. 26.

отвечал: «Прошу тебя, отче, уверить меня, что Бог в день суда не потребует от меня ответа в сем свидании. Не соблазню ли этим братию, которой я должен подать наставление в сем случае? Если дети Левитов в законе древнем любовью к родителям жертвовали исполнению закона Божия, не тем ли паче в законе Иисуса Христа должен я пожертвовать любовью к моей матери? Для меня уже не осталось ничего в міре с тех пор, как я отрекся от него; ибо преходит образ міра сего».

Сии-то именно расположения Св. Пахомий хотел найти в своем ученике. Он опасался оспаривать их и сказал ему: Я не спорю с твоим мнением, что Бога нужно любить более матери, Иисус Христос сказал: аще кто любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин. Думаю, что когда святые Епископы, наши Отцы, услышат о твоем решении, они вместо того, чтобы огорчиться, возрадуются, видя, что ты успел в добродетели. В самом деле нет преступления в том, что ты любишь своих родителей, только в Иисусе Христе, как Его члены.

Мать Феодора, узнав о его решении и не могши надеяться когда-либо видеть его, чтобы не лишиться надежды видеться с сыном, реши-

лась остаться в женском монастыре, который святой Пахомий основал на берегу реки, в надежде при случае видеть своего сына в обществе других иноков, а самой получить спасение своей души. Так люди, ревностные к добродетели, хотя по-видимому оскорбляют своею строгостью, но на деле привлекают только к Богу!

Когда брат Феодора, Пафнутий[1], вступил в монастырь, Феодор обращался с ним как с посторонним и только после приказания Пахомия, видевшего, что это огорчает Пафнутия, стал с ним ласковее. Феодор имел ещё старшего брата Макария, который по его примеру сделался монахом Тавеннским[2].

«Феодор, — говорит его жизнеописатель, — хотя был очень молод, но с пламенною ревностью питал свою душу чистыми и твердыми правилами Св. Писания; со дня на день он укреплялся благодатью Святого Духа. Он старался во всем подражать своему отцу святому Пахомию, и повиновался ему, как самому Богу. Если случалось, что святой Авва упрекал его, он никогда не оправдывался и принимал выговор с смиренным молчанием, хотя иногда

[1] Vita Pach. n. 40.

[2] Epist. Ammoni de vita Theodori n. 11.

был и невинен. Когда по забвению Пахомий давал ему противоречащие приказания, но Феодор говорил в своем сердце: это человек Божий, будучи иногда восхищен вне себя Духом Божиим, он приказывает противное воле моей, чтобы сделать меня лучшим, поелику я так несовершен: посему я должен стенать пред Богом, дабы он дал мне сердце правое и всегда готовое повиноваться воле Его Святых».

Эта безпрекословная готовность была тем более похвальна в Феодоре, что он имел ум образованный и просвещение выше своего возраста; и если его таланты возвысили его впоследствии до первого места в обществе, то можно сказать, что одною из добродетелей, которые сделали его достойным начальствования, была добродетель совершенного умения повиноваться.

Чтобы более дать способов приобретать Феодору опытность в духовной жизни, Пахомий возлагал на него обязанность утешать скорбящих, давать наставление неопытным. Ему было не более двадцати лет, когда Пахомий заставлял его вместо себя говорить братии поучения и нашел в его беседе много поучительного[1].

---

[1] Ibid. n. 41. 49.

Преподобный Пахомий сделал его экономом и начальником Тавенны, и хотя эта должность была не очень легка для монаха тридцати лет, каким был тогда Феодор[1], но он хотел, чтобы Феодор посещал и другие монастыри, предоставляя ему право распоряжаться вместо себя. Пахомий нередко приходившим к нему говорил, что он проходит должность вместе с Феодором.

Между тем, Феодор хотя занимал первое место в Тавенне[2], но вел себя так смиренно, как будто не имел никакой власти. Ум его всегда возвышен был к Богу, в его действиях всегда видна была его святая любовь; но это не препятствовало ему заботиться о своих братиях. С неутомимым вниманием он бодрствовал над всеми нуждами духовными и временными. Имея чудесный дар слова, производивший дивные действия в обществе иноков, Феодор почитал себя мало способным давать наставления; потому каждый день ходил из Тавенны в Пабау, где жил Святой Пахомий, чтобы слушать его наставления, которые потом он передавал своим инокам пред сном[3].

---

[1] Ibid. n. 58.

[2] Ibid. n. 50.

[3] Ibid. n. 56.

Его способность ободрять малодушных и утешать скорбных делала то, что во время посещений все монахи принимали его с радостью и необыкновенным чувством[1]. Тогда как Пахомий старался побуждать братию к покаянию представлением грозной участи грешников, Феодор старался пробуждать в душах более упование, нежели страх. Приведем один случай, показывающий, с какою кротостью Феодор разбирал спорные дела. Однажды привели брата, неправильно обвиненного в воровстве. По уставу следовало его выслать из монастыря. Виновный в краже, который считался исправным монахом, мучимый угрызениями совести, пошел к Феодору и наедине признался ему в преступлении. Видя раскаяние виновного, Феодор простил его и не решился открыть братии. Призвав невинно обвиненного, он сказал: знаю, что ты не виноват в воровстве. Если ты потерпел что-нибудь от братии, то думай, что ты заслужил это другими недостатками, потому тебе нужно более утверждаться в страхе Божием[2].

Хотя св. Пахомий вверил Феодору заботу о руководстве других, но не преставал бодр-

---

[1] Ibid. n. 58.

[2] Ibid. n. 82.

ствовать над его успехами в усовершенствовании и не забывал ничего, что почитал нужным или для того, чтобы утвердить его в добродетелях, которые он приобрел, или исправить, когда замечал в нем что-либо предосудительное, или возбудить его делать новые успехи.

Однажды, когда он страдал сильною головною болью, просил св. Пахомия испросить ему у Бога исцеление: но Святой, пользу его души предпочитая облегчению его тела, дал ему только увещание переносить болезнь с терпением, по примеру св. Иова.

Бог даровал Феодору благодать видений, и он, как скоро имел какое-либо видение, давал в том отчет своему духовному отцу Пр. Пахомию. Пахомий обыкновенно отвечал ему так, чтобы предостеречь его от суетной славы и держать его постоянно в пределах смирения. При одном из сих случаев он сказал ему, что Бог открывает ему истину только тем образом, каким он способен понимать её; в другом случае, что получивший десять талантов приобрел другие десять, что он должен применять к себе сию притчу и стараться достойными плодами воздавать за полученную благодать; сим Феодор так был тронут, что исполнился чувства сокрушения и великого смирения.

Но сей превосходный духовный отец в иной раз действовал в отношении к нему с большою строгостью, дабы очистить его от чувства тщеславия, и чтобы некоторым образом сделать его непоколебимым в совершенном смирении, и Феодор соответствовал его наставлениям так совершенно, что не знаешь, чему более удивляться, ревности ли и мудрости учителя, или понятливости ученика[1].

Преподобный Пахомий за два года до своей смерти сделался болен в Пабау, и главные ученики его собрались вокруг его, проникнутые печалью при опасении лишиться своего отца. Они стали придумывать, кто бы мог наследовать ему в его должности, и так как были убеждены, что Феодор был способнее других, просили его обещать им, что в случае смерти их блаженного отца он не будет отказываться принять на себя заботу о руководстве братии. Феодор сначала отказывался и даже много раз; но побужденный их настоятельными просьбами обещал исполнить их желание.

Вынудившие согласие Феодора весьма далеки были от той мысли, что он, давая его, сделал погрешность. Но не так судил об этом

---

[1] Ibid. n. 68.

Пахомий, желавший видеть в Феодоре более смирения, и в сем случае показал превосходство своего ведения пред знанием своих учеников в различении чувств самолюбия. Он видел, что в Феодоре кроется это чувство.

Чтобы подавить в нем семена сего и сделать его добродетель совершенною, св. Пахомий велел призвать его вместе с другими настоятелями, каковы были Сур, Исеноизий, Пафнутий и Корнилий, и велел каждому из них в его присутствии сказать о пороках, в коих чувствует себя виновным; прежде всех сказал он сам, дабы подать другим пример сего. Потом спросил Феодора, не имеет ли он упрекнуть себя в чем-либо. Тогда Феодор, со смирением исповедуя то, что происходило в его душе, сказал: «Уже семь лет, как ты разделяешь со мною должность управления братиями, и все это время я никогда не имел мысли наследовать тебе в управлении, но теперь на меня напало сие покушение, и я чувствую, что не борюсь с ним, как должно».

«Ты говоришь правду, сказал ему Пахомий, и я вижу, что ты не достиг ещё того, чтобы совсем подавить в себе худые наклонности природы. Тебе нужно жить в уединении и просить прощения у Бога». Он уволил

его от управления братиею и возвратил его в состояние простого монаха.

Феодор вышел из собрания с живою скорбью, не о том, что лишен был должности, но о том, что дозволил войти в свое сердце тщеславию и опечалил своего духовного отца; он удалился в келлию и там предался стенаниям и слезам, опасаясь, чтобы Бог не отверг его от Своего лица.

Два года находился он в этом состоянии покаяния[1], до самой смерти Пахомия, и в продолжение всего этого времени он с такою ревностью старался упражнять себя в смирении, что во всем вел себя, как новоначальный. Он так горько оплакивал свой проступок, что опасались, как бы обилие слез его не повредило его зрению[2]. Наконец он показал столько знаков глубокого смирения, что Пр. Пахомий не опасался сказать, что в течение сего времени Бог дал ему благодать преуспеть в совершенстве в семь раз более, нежели какое он имел прежде.

За несколько месяцев до смерти Пахомия[3] Закхей, казначей общества, отправляясь в Алек-

---

[1] Ibid. n. 69.

[2] Ibid. n. 78.

[3] Ibid. n. 70.

сандрию, выпросил у него, чтобы Феодор сопутствовал ему в сем путешествии. Феодор[1], по возвращении, нашел его в Пахнуме, куда он удалился после собора в Литополе, и разсказал ему о печальном состоянии Церкви Александрийской от дерзости Ариан; Св. Пахомий вскоре после сего впал в болезнь, и Феодор оставался при нем до его последнего вздоха.

Пред смертью Пахомий три раза заповедовал ему не оставлять тех из братий, коих он увидит нерадивыми в служении к Богу[2].

Пекуза юношей ещё был принят в монастырь. По причине молодости он не был ещё пострижен. Но и в юные годы так успел в духовной жизни, что Преп. Пахомий дал ему наименование слуги Божия. Его нашел св. Феодор в одном из монастырей пустынножителей, живущих на пути в Литополь. Пекуза пользовался доверием Пахомия и слышал от него о многих откровениях. Он владел и даром чудотворений, и славился в монастыре святостью своей жизни[3].

Корнелий также с юности посвятил себя на служение Богу. Постоянная собранность

---

[1] Ibid. n. 73.

[2] Ibid. n. 75.

[3] Amm. Epist. c. 2.

его духа, его благоговение к молитве сделала то, что во время Богослужения его дух не развлекался посторонними мыслями, он был весь в Боге[1]. Феодор Александрийский однажды жаловался Пахомию, что он не может совершать самой краткой молитвы без того, чтобы ум его не развлекался, тогда как Корнелий совершает самые долгие молитвы без развлечения. «Если раб, отвечал Пахомий, видит человека свободного, хотя и бедного, он хочет сделаться свободным. Если незнатный видит вельможу, он хочет сделаться подобным ему; вельможа видит царя, завидует его могуществу и желает царства. Корнелий по благодати Божией имеет то, что получил после долгой борьбы. Трудись, как делал он, и уповай, что Бог дарует нужное»[2]. Отправляясь основывать монастырь Панес, Пахомий взял с собою Корнелия. Один тамошний философ, желая беседовать с Пахомием, пришел в новый монастырь. Пахомий поручил Корнелию беседу с ним. «Ты, монах, сказал философ, пользуешься славою понимать предметы трудные, дай ответ на вопрос: что должно думать о том страннике,

[1] Boll. v. Pach. c. 9. n. 71.

[2] Ibid. n. 7. n. 51.

который пришел в Панес продавать маслины, где их большое изобилие[1]. Корнелий понял, на что намекает философ, и отвечал ему: Правда, много маслин в Панесе, но не достает в нем соли, — и эту-то соль мы принесли вам». Философ не стал более спрашивать и удалился. Однажды Пахомий, плывя в лодке по Нилу для осмотра монастырей, предложил провожавшим его инокам провести ночь в молитве. Один промолился всю ночь, другой, не имея сил провести ночь в молитве, лег спать. Пахомий прибыл в Монхоз, где Корнелий был экономом и настоятелем[2]. Узнав от брата, как он заснул во время молитвы, Корнелий сказал ему: ленивец! как ты юный летами допустил победить себя немощному старцу? Пахомий слышал эти слова и при наступлении ночи предложил Корнелию молиться вместе. Они продолжали свою молитву до утра, Корнелий утомился. Утром Пахомий предложил Корнелию идти к утреннему Богослужению. Корнелий признался, что он так ослабел, что не может более молиться. «Ах, Корнелий, сказал тогда Пахомий, так ли ты немощному старцу

---

[1] Ibid. c. 5. n. 38.

[2] Ibid. n. 39.

позволил победить себя?» Корнелий понял обличение Пахомия и исповедал, что он не имеет ещё полной любви к братии.

Был ещё в монастыре Монхозе инок Иона — садовник[1]. Он питался только сухими травами, никогда не вкушал он вареной пищи, не съедал плода с деревьев, за которыми ходил. Три овечьих кожи сшитые вместе составляли его одежду. Льняной хитон он надевал только тогда, как причащался Святых Таин. После непрерывных дневных трудов в саду, он садился посреди келлии своей на небольшом стуле, совершал полунощницу или занимался Богомыслием, плетя веревки из тростника. Если сон так овладел им, что он не мог бороться с ним, тогда предавался на короткое время дремоте, не выпуская, впрочем, своей работы из рук. Была среди монастыря смоковница, на которой было много плодов. Дети, воспитывавшиеся в монастыре, часто лазали на нее, соблазняясь плодами. Поэтому Св. Пахомий велел срубить её. Ионе жаль было этой смоковницы, и он упросил Пахомия оставить её. Пахомий согласился. Но на другой день Иона нашел, что смоковница засохла. Видя, что Бог чудесным образом сделал то, от исполнения

[1] Vita Pach. parall. c. 5. n. 28.

чего он отказывался; Иона пролил слезы сожаления, не о смоковнице, но о своем ослушании. Сделавшись болен, он не изменил своего образа жизни. Не будучи в силах работать в саду, он трудился в своей келлии. Он не хотел, чтобы его отвели в больницу. Наконец его нашли почившего сном смертным на стуле его, в руках он держал веревку из тростника, и его схоронили в его кожаной одежде; потому что не было сил снять её.

Тифой, бывший начальником братии больничной и потом после Эпониха заведовавший женским Тавеннским монастырем, был полон такой горячей ревности к самоумерщвлению, что готов был претерпеть мучение и смерть, только бы не отступить от правил умеренности. Всю свою жизнь он провел в совершенной чистоте и подвигах истинного монаха. Он достиг такой высоты в молитве, что едва возносил свои руки горе, как дух его восхищался. Он почитал за правило, что молитва и воздержание — самые сильные средства сохранить сердце в чистоте. Авва Матой говорил о нем, что он подобен золоту, в горниле искушенному[1].

---

[1] Vita Pach. c. 6. n. 50. Достопамятные сказания о подвижничестве... 274. Vit. Pach. c. 7. n. 53.

Кроме Феодора Освященного был у Пахомия другой ученик Феодор. Он был чтецом Александрийской Церкви и, будучи ещё в мире, проводил подвижническую жизнь. Услышав о св. Пахомии, он пришел к нему в Тавенну, дабы жить в совершенном отречении от міра. Пахомий отдал его под руководство знавшему язык Греческий, пока не выучится Египетскому. Скоро Феодор преуспел в добродетели. Около 335 года Пахомий отдал под его руководство всех Греков, дал ему правила для управления ими. Он тринадцать лет управлял небольшою вверенною ему братиею, которая под его руководством украшалась всеми добродетелями. Феодор служил переводчиком для Пахомия при беседах его с Греками и Латинянами, не понимавшими языка Египетского[1]. Когда под его руководством был Аммон, то всей братии у Феодора было двадцать человек. Помощником у него был Авзоний, впоследствии наследовавший Феодору Освященному в управлении монастырями[2].

Много было и других подвижников среди учеников Пахомия. Они хранили такое воздержание, что и в преклонных летах во время

---

[1] Vit. Boll. c. 10. n. 72 not. E. Epist. Aman. c. t. n. 3.

[2] Ibid. n. 3, 4.

болезни не употребляли вина, не ложились в постель, последняя минута их жизни заставала их сидящими. В числе их можно назвать Пафнутия, за добродетели названного Великим, бывшего великим экономом в Пабау[1]; его преемник в сей должности Псарфений[2], несмотря на преклонные лета, с терпением и успехом проходил сию должность. Таков же был Эпоних, настоятель женского монастыря, Талма, подражавший терпению Иова[3], и Афенадор. Пораженный проказою, Афенадор с таким спокойствием переносил свою болезнь, что для примера другим Пахомий заставлял его жить в разных монастырях. Он вкушал только сухой хлеб, каждый день срабатывал по циновке. Вечером перед сном избирал какое-либо место Св. Писания и размышлял о нем, пока не заснет. Однажды, по совету брата, вздумал было помазать лекарством исцарапанные тростником руки. Но, не получив облегчения, целый год оплакивал это дело, как малодушие и маловерие[4]. Одного инока во время молитвы укусил скорпион. Вместо того, чтобы оставить

---

[1] Boll. v. Pach. c. 6. n. 50. c. 9. n. 68.

[2] Ibid. c. 10. n. 79.

[3] Ibid. c. 7. n. 51.

[4] Vita Pach. c. 4. n. 35. c. 6. n. 36.

молитву, он стал ногою на скорпиона и так доканчивал свое правило, несмотря на то что болезнь уже развивалась в его теле. Св. Пахомий исцелил его своею молитвою[1].

Еще был в числе учеников Пахомия Силуан. Он был комедиантом, но на двадцатом году возраста он ушел к Пахомию. Пахомий указывал ему на трудность иноческой жизни, но Силуан изъявлял готовность переносить все труды. Действительно, несколько времени он вел себя истинным монахом, но скоро ослабел, стал разсеян, вспомнил прежние шутки и, служа посмешищем для других, подавал соблазн многим. Не раз Пахомий делал ему замечания, но, раскаиваясь на время, он не оставлял своей жизни. Наконец, старшая братия, видя, что Силуан служит соблазном для братии, настоятельно просили выгнать его из обители. Пахомий, обличив в целом собрании дурную жизнь, объявил ему, чтобы он оставил монастырь. Это потрясло Силуана. Схватясь за ноги Преподобного Пахомия, умолял его оставить в монастыре, обещаясь совершенно исправить жизнь. Но Пахомий, не раз обманутый уже Силуаном, не верил и

[1] Ibid. c. 9. n. 73. c. 10. n. 77. Parall. c. 3. n. 24.

теперь искренности обещаний. Петроний взял Силуана под свое поручительство и попечение. Силуан, действительно, стал другим человеком. Он почти не поднимал глаз на братию, говорил очень мало, был так послушен, что без позволения Аввы не дерзал сорвать листа травы. Его сокрушение было так велико, что он безпрестанно обливался слезами, так что не мог удержать слез и во время трапезы. Он любил проводить время бодрственно. Вечером, когда чувствовал утомление, он садился посреди келлии и проводил ночь в плетении циновок.

«Могу ли я не плакать, говорил он братии, когда святые иноки прислуживают мне, тогда как я должен лобызать самый прах, попираемый ими? Я из комедиантов принят в число подвижников, познал истину, и до того вознерадел о своем спасении, что едва не выгнали меня из сего монастыря. Я страшусь, чтобы не разверзлась подо мною земля и не пожрала меня. Я вижу неизмеримость грехов моих и готов отдать жизнь, только бы получить прощение».

Это смирение было так глубоко и искренно, что Пахомий не усомнился пред всеми засвидетельствовать его высоту. Восемь

лет прожил Силуан в подвиге покаяния, и когда скончался он, Преподобный Пахомий видел, как множество сил небесных сретало душу его и представило Господу, как жертву избранную[1].

Руководство таких душ по пути спасения как ни приятно, но вместе с тем требовало великого труда. С людьми, стоящими на высокой степени нравственного совершенства, бывают такие искушения и падения, от которых предохранить и которые уврачевать может только муж глубоко опытный в духовной жизни, просвещенный небесною благодатию. Таков был духоносный Пахомий. Он старался умерять стремление к особенным подвигам, нередко питающим тщеславие. Так, не одобрял желание мученичества за Христа, которое пробудилось в одном иноке. Но когда этот инок, при страхе мучения, отвергся Христа, — Пахомий не отверг его, обнадежив его упованием на безконечное милосердие Искупителя[2].

Особенно заботился он, чтобы чрезвычайные состояния облагодатствованных душ, сверхъестественные дары чудотворения и про-

---

[1] Boll. v. Pach. c. 8. n. 66. Et parall. c. 1. n. 2–4.

[2] Paralip. Pach. n. 10. 11.

зорливости не повредили смирению украшенных ими. Как избранный сосуд благодати Божией, владея даром чудотворения и прозорливости, Пахомий всегда сохранял смирение, и эти дары благодати не нарушали спокойного состояния его духа и не отвлекали от обыкновенных занятий. Если когда не исполнялась его молитва о чем-либо, он покорялся воле Божией. «Для нас всего полезнее то, говорил он, что дает Его милосердие, а наши просьбы, и с чистым намерением приносимые, может быть, Ему неприятны»[1]. Невидимое чудо исцеления души он учил предпочитать видимому чуду исцеления телесного. «Какое чудо выше, говорил он, исцелить ли слепого, или просветить помраченного тьмою идолослужения? Я не знаю высшего чуда, как удержать язык от празднословия, душу от гордости, лености и всех пороков, и заставить человека по милосердию Божию переменить жизнь, исправить худые привычки»[2].

Когда один из иноков просил его разсказать о каком-либо видении, Пахомий сказал: «Такому грешнику, как я, не позволено желать

---

[1] Vita Pach. n. 58.

[2] Ibid. n. 31.

иметь видения. Я возстал бы этим против воли Божией и впал бы в обольщение. Но вот самое чудесное видение: если ты увидишь лице человека, в котором отражается чистота и глубокое смирение сердца; ибо какое лучше видение, как видеть невидимого Бога обитающим в человеке, как в Своем храме?»[1] Пахомий предостерегал своих учеников от видений из опасения, чтобы ложные видения не совратили их с истинного пути. Он сам искушаем был от диавола чрез ложные видения; но его духовная опытность открыла ему ясный признак обманчивости в том смутном, тревожном ощущении, которое производили они. Видение от Бога должно производить мир и тишину в душе[2]. Однажды еретики — ариане для доказательства православия предлагали ему пройти по воде как посуху. «Все мое старание, сказал Пахомий, и все мои усилия устремлены к тому, чтобы избежать страшного суда Божия; как же я дерзну искушать Его подобными чудесами? При помощи демонов, сказал он, обратившись к ученикам своим, ариане могут сделать и это; но царствия Божия не получат». Усердно он предохранял учеников

---

[1] Ibid. n. 32.

[2] Vita Pach. n. 55.

от ересей арианских и от сочинений Оригена, которых не позволял им и читать[1].

Мудрость наставлений Пахомия привлекала к нему всех пустынников окрестных стран, находились ли они под его управлением или нет. В духовных своих нуждах они искали его помощи. Настоятели различных монастырей обращались к нему за советами в затруднительных случаях, как к человеку, получившему небесное просвещение. Даже епископы посылали к нему монахов на суд[2]. Не только из Египта, но из Армении и с Запада слава Пахомия приводила многих в монастырь его, чтобы вступить под его руководство. Из его монастыря немало иноков заняли епископские престолы.

Казалось, что благочестие обителей Пахомия, так прочно устроенное и так хорошо основанное, должно было сохраняться долго, долго. Но велика слабость человеческая. Хотя во времена бл. Иеронима, Руфина, Палладия и Кассиана, то есть около 50 лет спустя после смерти Пахомия, иноки Тавеннские были ещё строги; но немного спустя эти обители представляли только жалкие остатки прежнего духа.

---

[1] Ibid. n. 33. 20. 21. Paralip. Pach. n. 7.

[2] Ibid. n. 48.

Будущая горестная судьба Тавеннских обителей не сокрылась от прозорливого взора Пахомия. Господь, может быть, для большего смирения открыл ему упадок духовной жизни в основанных им монастырях. Однажды, во время молитвы, Пахомий, пришедши в восторг, видит, что одни из его братий окружены пламенем, из которого не могут выйти; другие так оплетены тернием, что оно колет их отовсюду; иные стоят на краю страшной пропасти и не могут отойти от нее. В другой раз, когда он молился о будущей судьбе своей обители, пред ним открылось другое видение. Пред его глазами был ров, наполненный иноками. Они хотят выйти из него, но не могут, и тогда как поднимаются к берегу, другие приходят и останавливают их. Только немногие с трудом выходят из рва, и их осиявает свет. С рыданием повергся на землю Преподобный. «Господи, взывал он, если такова судьба иноков; то зачем Ты восхотел, чтобы были киновии и монастыри? Помяни завет Твой, в котором Ты обещал до конца сохранить служащих Тебе. Ты знаешь, что с тех пор, как я принял на себя иноческий сан, я смирялся перед Тобою, не вкушал досыта хлеба и воды». Тогда он услышал голос: «Не хвались, слабый

человек, но проси прощения. Все держится Моим милосердием». Пахомий, повергшись на землю, умолял о прощении. Во время смиренной молитвы явился ему Господь Иисус и сказал: «Семя твое духовное не оскудеет до конца века. А из тех иноков, которые будут после тебя, многие выйдут из глубины мрачного рва и явятся высшими нынешних иноков; потому что без руководителей спасутся; иные спасутся через напасти и скорби и явятся равными великим святым». После сих слов Господь вознесся, и Пахомий вознес благодарные молитвы к Нему[1]. Верно слово Божие. Хотя в стране, где основал свою обитель Пахомий, нет почти и следа иноческих жилищ; но его правила, его наставления живы и в других странах руководят иноков к совершенству. Воздвигаются гонения на иноков, ослабляется иногда и духовная жизнь среди них: но всегда среди них есть души, огнем ли бедствия или самопроизвольными подвигами возвышающиеся над бездной погибели, воспаряющие к небу и озаряемые светом благодати Божественной, и верим, что духовное семя Пахомия не оскудеет вовек.

---

[1] Vita Pach. n. 43. Paralip. n. 17.

Пахомий скончался от заразительной язвы, которая явилась в его монастырях. В короткое время умерло от нее более ста иноков, — в числе их много главных подвижников, каковы: Сур, Корнилий, Пафнутий и другие. Пахомий сорок дней был тяжело болен, но постоянно сохранял веселое расположение духа. За два дня до смерти он созвал начальников и строителей всех монастырей своих и сказал им: «Чувствую, что конец мой приближается. Помните все, что я так часто вам внушал. Будьте бодры в молитвах и разсудительны во всех действиях. Не имейте общения с последователями Мелетия, Ария, Оригена; сближайтесь только с теми, которые боятся Бога и могут принести вам пользу своею беседою, доставляя душам вашим истинное утешение. Изберите между вами человека, который бы правил вами по духу Божию». По желанию братии он назначил в преемники себе Петрония. Любимому ученику своему Феодору поручил попечение о ленивых из братии. Оградившись знамением креста, он со светлым лицом предал дух свой Богу 9 мая 348 года, 57 лет от роду, 35 лет подвизавшись в монашестве[1].

[1] Vita Pach. n. 74. День кончины преп. Пахомия и лета его жизни мы определяем по разысканию Тиллемона. Т. 7. n. 25. p. 691.

ПРЕЕМНИКИ ПАХОМИЯ В УПРАВЛЕНИИ ТАВЕННСКИМИ МОНАСТЫРЯМИ

Пред своею кончиною Преподобный Пахомий назначил своим преемником Петрония. Он был начальником монастыря Тисмен, когда заразительная болезнь приблизила к смерти Св. Пахомия и многих других иноков. Он и сам был застигнут сею болезнью, когда Пахомий, приближаясь к смерти, послал к нему приглашение прибыть немедленно в Пабау. Слабый от болезни, он не замедлил повиноваться приказанию своего св. Аввы. Но прибыв в монастырь, нашел его уже умершим. Сам Петроний, предчувствуя свою кончину, собрал братию, чтобы узнать от них, кого они желают иметь преемником. Все просили, чтобы избрал он сам, так

же, как сделал Пахомий. Петроний указал на Орсисия, находившегося тут, и сам скончался тридцать дней спустя после смерти Пахомия[1]. Орсисий хотя не был из первых учеников Пахомия, но столько успел в добродетели, преимущественно в смирении, что Пахомий поставил его настоятелем монастыря Хенобоск. Когда Пахомию указали на молодость Орсисия, он сказал, что на Орсисия можно смотреть как на свечник, сияющий в доме Господнем[2]. Выбор Орсисия в настоятели приятен был всем, кроме самого избранного. Со слезами говорил он, что бремя, какое хотят наложить на него, выше его сил, но ни его просьбы, ни его слезы не могли отклонить избрания и он должен был подклонить свою выю под это иго[3].

Образцом в управлении монастырями он всегда ставил образ действий Пахомия. Своею кротостью в обращении, нисколько не ослаблявшею его ревности, бдительности, заботы о соблюдении устава, он привлекал к себе иноков. Частое посещение монастырей давало

---

[1] Bolland. v, Pach. n. 75.

[2] Bolland. v. Pach. n. 75. 76.

[3] Ibid. n. 76.

ему возможность близко знакомиться с духовным состоянием иноков. Владея даром мудро говорить о предметах духовных, он свою речь любил пополнять сравнениями и притчами, что делало более приятною его беседу.

«Вы знаете, говорил он однажды инокам, с каким глубоким знанием Св. Писания наш св. Отец Пахомий обыкновенно говорил нам о предметах небесных. Но я думаю, если человек с великим старанием и прилежанием не хранит свою душу, то легко забывает все, что слышал когда-либо полезного, и впадает в леность: так что наконец демон овладевает его душою, и без труда строит свои ковы».

«Это то же, продолжал он, как если кто, приготовив хорошо лампаду для употребления, не подливает в нее масла. Напрасно ждать, чтобы она светила; она скоро погаснет и оставит во тьме. Случается иногда и худшее: мышь, ходящая около, съедает самую светильну и часто опрокидывает самую лампаду, которая тотчас разбивается, если она из хрупкого вещества, но её снова можно приготовить и зажечь, если она из вещества твердого и не ломкого. То же самое можно сказать о душе, которая оставляет попечение о своем спасении. Дух Святой мало-помалу оставля-

ет её, пока она совсем не лишится Божественной теплоты. Тогда враг лишает душу всякой бодрости и тело поражает изнеможением. Но тот, кто утвердился духом своим в служении Богу, если временно и впадает в нерадение, то по милосердию Господь, пробуждая в душе его страх Свой и память вечных мук, возбуждает его и, охраняя его с великою заботливостью, удостоит его Своего обитания».

Так наставлял он своих иноков, пользуясь сравнениями, которые заставляли слушать его с удовольствием и всегда с пользою. Но впоследствии умел[1] и не прибегая к притчам говорить ясно и вразумительно. Всегда главным предметом его бесед было внушать соблюдение правил, утвержденных Св. Пахомием, и всех повелений, какие получают они от начальников.

Когда Св. Афанасий со славою утвердился на своем престоле в Александрии, по предсказанию Св. Пахомия, Орсисий послал к нему некоторых из своих иноков, во главе коих был Закхей, главный эконом монастырей[2]. Они, услыхав, что Св. Антоний находится во внеш-

---

[1] № 78.

[2] № 77.

ней горе, захотели воспользоваться столь благоприятным случаем, чтобы видеть его и испросить его благословение.

Как скоро святой старец услышал, что они пришли к нему, тотчас поднялся с места, на коем сидел, и, несмотря на свои девяносто восемь лет, вышел к ним с радостью и с участием спросил их о Св. Пахомии. На его вопрос они отвечали только слезами, кои давали понять, что их Аввы не было в живых. Утешив скорбных иноков похвалою их Авве, Антоний спросил их, кто был преемником Пахомия. Они сказали ему, что Пахомий назначил Петрония, но тот уже умер несколько лет назад, а на его место поставлен Орсисий. Потому ли, что слух об Орсисии достиг уже до Антония, или Бог открыл ему то сверхъестественным образом, он сказал им: не называйте его Орсисием, но лучше называйте его Израильтянином: и поелику вы идете к Епископу Афанасию, то скажите ему от меня: Антоний просит позаботиться о духовных детях Израильтянина. Он дал им письмо к Афанасию и преподал свое благословение.

Святой Афанасий принял их с любовью и впоследствии заботился о поддержании их монастырей.

Орсисий с своей стороны прилагал к тому все свое внимание[1], и в самом деле монастыри под его руководством несколько времени пребывали в том благочестии и единении, в каком оставил их Св. Пахомий. Этому много способствовали старцы, ученики Святого, коих пощадила заразительная язва; они были опорами иночества. Из числа этих старцев можно наименовать Псентезия, Пекузия, Корнелия, Павла, Иоанна, Пахомия. Но так как язва похитила многих начальников, то Орсисий имел обязанность восполнить их недостаток. Это было тем труднее, что между некоторыми монахами начал вкрадываться дух честолюбия, угрожавший разрушением мира, о сохранении коего Орсисий старался со всевозможною заботою.

«Я знаю, говорил он им, что некоторые между вами домогаются начальства. Этого не было при жизни вашего блаженного отца. Тогда всякий старался отличаться готовностью повиноваться, опасаясь только, чтобы не быть последним в Царстве Небесном. Вы сами знаете, каких слез и скорбей мне стоило решиться наследовать Петронию, когда он назначил меня

---

[1] № 79.

занять его место, при мысли, как опасно принять на себя бремя управления душ. Не я один, но и святые то же чувствовали. Первый пророк Моисей, посланный для освобождения и управления народом Израильским, умолял Господа с великим страхом, чтобы Он не гневался на него за управление, и тогда принял назначенное ему служение».

«Мы также, братие, слыша слова: всяк возносяй себе смирится, будем удаляться от всякого честолюбия. Не все могут достойно управлять душами, но только те, которые совершеннее других. Выслушайте сию притчу: если необожженный кирпич полагают в основание здания, построенного недалеко от реки, он не прослужит и одного дня; но если он хорошо обожжен, то будет крепок, как самый твердый камень. Так же бывает с людьми, мудрствующими ещё по плоти, если они прежде не воспламенятся огнем Божественных Писаний, при самом начале своих стремлений претерпят жалкую неудачу; ибо много искушений для тех, которые хотят управлять множеством людей. Но достоин похвалы тот, кто, сознавая свою немощь, старается скорее сложить возложенное на него бремя, чтобы не ввергнуться в большие опасности. А те, которые не колеб-

лются в вере, остаются твердыми и крепкими во всех обстоятельствах». Это тайное честолюбие некоторых, которое Орсисий старался уничтожить, было как бы предвестием смятения, происшедшего между иноками, причинившего много бед и безпокойств[1]. Число иноков значительно увеличилось; необходимость помещать их требовала приобретения земель и употребления других средств для их прокормления. Но заботы временные, коими занялись с ревностью и против духа устава, во многих начальниках, или подчиненных настоятелях, ослабили собранность и безстрастие сердца и ревность к благочестию.

Первый подал к сему повод Аполлоний — настоятель Монхоза. Тогда как по уставу Св. Пахомия монастыри должны иметь все общее, он захотел делать приобретения особые и даже излишние для его монастыря. Орсисий по своей обязанности сначала кротко обличал его, но потом сделал строгий выговор; но Аполлоний худо принял вразумление и, побуждаемый духом любочестия, вздумал отделиться от Орсисия и сделать свой монастырь независимым от братства Пахомиева.

---

[1] № 81.

Его пример тотчас нашел подражателей. Сколько ни прилагал Орсисий заботы, дабы удержать распространение зла, но имел несчастие видеть все свои усилия почти безполезными, по непреклонному упорству этих безпокойных и честолюбивых умов.

В сем опасном случае он придумал призвать к участию в управлении кого-либо из монахов, пользующихся особою доверенностью братии. Он желал, чтобы Сам Господь указал ему сотрудника.

Удалясь в пустынное место, там с сокрушением сердца обратился он к Богу с молитвою. «Господи, так он молился, раб твой Петроний умирая поручил мне управление братиями и попечение о их спасении; но кроме одной части, которая остается верною правилам, поставленным святым отцом нашим Пахомием, другие не хотят слушать моих наставлений и хотят лучше следовать желаниям своего сердца. Горько мне видеть такое смущение в монастырях и не по моей вине или нерадению. Ты ведаешь, Господи, что я никому не подавал повода к смятению. Не один только сей монастырь печалит меня, но я вижу, что зло проникло и в другие, и угрожает совсем нарушить тишину, и я боюсь, что впоследствии не

останется и следов того прекрасного единения, которое царствовало здесь прежде. Посему я, более не имея сил один поддерживать столь великое бремя, молю тебя, Господи, Сам укажи мне человека более твердого и мужественного, и я назову его им, дабы мне не сделаться виновным в погибели их душ».

В ту же самую ночь Бог открыл ему волю Свою в таинственном сновидении, которое ему нетрудно было изъяснить[1]. Он увидел два ложа, равно прекрасные и драгоценные; но одно из них было старо и ветхо, другое новое; следовательно, последнее было крепче и тверже первого. Он услышал сии слова: «Возляг на новое ложе». По своем пробуждении размышляя о сем видении, он понял, что Феодор, любимый ученик Пахомия, обозначался сим новым ложем. Эта мысль облегчила его горесть, — тем более что он нежно любил Феодора и не знал человека более его способного стать выше ропота других или примирить их кротостью своего смирения.

Наутро созвал он всех начальников различных монастырей, исключая Феодора, и видя, что все они собрались, сказал им: «Вы знаете,

[1] № 82.

какое смятение возникло в братстве. Я доселе терпел в надежде, что буря пройдет, случилось напротив, зло более увеличилось. Признаюсь вам, что не могу более один сносить столько забот и безпокойств, и надеюсь, вы не станете принуждать меня к тому, поелику вижу, что не могу помочь. Я думаю, что Феодор более меня способен в настоящем бедственном случае управлять монастырями, тем более что с давнего времени он заслужил уважение у всех иноков, так же как пользовался любовью и нашего Св. Отца».

Этот выбор всеми был принят с радостью, ибо всегда имели большую доверенность к Феодору. За ним послали, чтобы признать его главным Аввою; и между тем как дожидались его, Орсисий удалился в монастырь Хенобоск[1]. Феодор решительно отказался занять место Орсисия. Он сказал, что не вкусит пищи до тех пор, пока не увидится с Орсисием. Три дни пробыл он без пищи. Орсисий пришел и успел убедить Феодора принять главное начальство над монастырями; а сам опять удалился в Хенобоск, оттуда несколько времени спустя перешел на житье в Монхоз,

---

[1] № 83.

частью для того, чтобы показать, что не имеет никакого огорчения на братию сего монастыря, в коем началось зло, частью для того, чтобы вкушать там выгоды уединения и послушания в состоянии частной жизни.

Но не так смотрел на это Феодор; он почитал себя только его помощником в управлении, и хотя Монхоз гораздо далее, чем Хенобоск, отстоял от Пабау, где он утвердил свое пребывание, несмотря на то, он часто ходил в Монхоз, чтобы испрашивать у Орсисия наставления во всех делах. Он убедил его перейти жить в Пабау, дабы давать духовные наставления братии. Он хотел, чтобы Орсисий, как и он сам, посещал монастыри. Наконец Феодор хотел быть только викарием Орсисия, и их единение так было тесно, что было предметом удивления и утешения для братии. Орсисий говорил, что он управлял так же, как и тогда, как был один настоятелем, и называл Феодора поистине новым ложем, на коем Бог повелел ему почить.

После кончины Преподобного Пахомия Феодор вел себя, как простой монах. Когда Орсисий делал наставления монахам, он сидел среди братии и слушал так внимательно, как будто ничего не знал. Когда братия про-

сила у него наставлений или разсказа о видениях, который имел Пахомий, он отсылал их к Орсисию, как к такому лицу, к которому все должны обращаться[1]. Однажды Орсисий послал его в Пабау для надзора за монастырскими работами. Там увидал его Макарий, настоятель монастыря Пахнум, и просил его прибыть к нему для устроения пекарни, а в самом деле желал получить чрез него утешение для братии. Отправляясь водою, он так смиренно вел себя на лодке, что один монах, не знавший его, принял его за новоначального и дал ему наставления, сообразные сему степени иночества; скромность, с какою он выслушал советы, и смиренные ответы ещё более утвердили монаха в сей мысли. Как же изумился он, когда увидел почетный прием, с каким встретили его монахи!

Так как главною причиною, по которой Орсисий выбрал Феодора, была та, чтобы водворить мир и согласие между братией[2], посему об этом-то предмете и была первая беседа нового начальника; он сильно увещевал братию к взаимной любви. Он представлял пред

---

[1] № 78 и 83.

[2] № 84.

их очи, что утверждение иночества стоило их отцу Св. Пахомию великих трудов и борьбы с демонами, и как они были бы виновны, своим разделением разрушая столь великое дело. Он представлял им блаженное состояние, в котором они были во времена своего святого отца, и умолял их полным единодушием и всецелым отречением от земных вещей восстановить это состояние. «Немного прошло лет, говорил он им, как умер наш отец, а кажется мы уже забыли ту радость и спокойствие, коими наслаждались мы под его руководством. Тогда все наши мысли и все наши разговоры обращались около слова Божия, сладчайшего меда. Мы жили свободные от привязанностей к предметам земным, и наша мысль была более в небе, чем здесь на земле. Как озябший от стужи бежит изо всех сил своих, поелику чувствует удовольствие в том, что нагревается; так и мы искали Бога всею силою своих желаний, вкушали Его неизреченную благость и сладость Его присутствия, когда имели счастье находить Его. Но теперь в каком бедственном положении находимся мы? Не удалены ли мы от Бога? Возвратимся же к Нему и будем надеяться, что Он переменит наши сердца действием Своего великого милосердия».

Так говорил он им и был так проникнут предметом беседы, что не мог удержать слез, и извлек их из очей всех предстоящих.

Тотчас после сего он предпринял посетить монастыри, в сопровождении некоторых иноков, и пользовался всем, что внушала ему его любовь, дабы привести умы к общему единению; и это ему удалось так хорошо, что он убедил и Аполлония, виновника раздора, начальника Монхоза, — вступить в общество, от коего он отделил свой монастырь. Таким образом, доброе согласие было всецело утверждено.

Когда кротость и умеренность Феодора сделались известны во всех монастырях, то привлекли к нему такую доверенность со стороны сих иноков, что все они сходились к нему и без затруднения открывали пред ним тайные расположения сердца своего[1]. С своей стороны он их утешал, одушевлял, укреплял, указывал им могущественные средства противостоять искушениям дьявола и врачевал их внутренние раны со всем искусством и способностью врача духовного, опытного в искусстве руководить души.

---

[1] № 85.

Феодор умел сохранять терпение и чудную любовь в обращении с теми, которые были нерадивы о своем спасении; он не переставал увещевать их, чтобы тронуть их, предлагал размышления о суде страшном, о смерти, и особенно прибегал к молитве, чтобы Сам Господь совершил их исправление. Его побудило к этому неутомимому терпению убеждение, что если по причине трудности заставить нерадивых войти в самих себя, оставить без наставления; то Бог потребует у него отчета в погибели их и тех, коих может увлечь их худой пример. И этим он поддерживал себя в постоянной заботе о спасении всех, употреблял к тому все свое тщание и не жалел трудов.

«Страшно, говорил он, дать отчет за самого себя, но ещё более значит дать отчет за многих!» Между тем, несмотря на внимание, какое он прилагал к тому, на постоянный труд, которому он предавался, он, будучи в высшей степени смирен, не думал, что он достойно исполняет свою должность, уверяя всегда, что он далеко не имеет качеств хорошего начальника. В этом смиренном взгляде на свое недостоинство он утверждался особенно, когда сравнивал себя с своим блаженным отцом Св. Пахомием, и потому-то он непрестанно приводил

на память своим инокам добродетели и уроки сего святого Аввы, чтобы придать более веса своим наставлениям, которые он почитал малозначительными, если не подкрепить их авторитетом сего великого святого.

Его уважение к Епископам, коих почитал преемниками Апостолов и Святыми отцами в Иисусе Христе, показывает также его веру и смирение[1]. От Св. Пахомия также наследовал он глубокое уважение к Св. Афанасию и повторял своим монахам слова Пахомия, что Бог в их времена показал в Египте три чуда для утешения и пользы тех, кои находились в скорбях, — Св. Афанасия, как безтрепетного защитника веры И. Христовой, Св. Антония, как совершенный образец жизни отшельнической, — и общество Тавеннское, назначенное служить правилом для всех, кои захотят жить в иноческом общежитии.

Как утвержден только был Аввою[2], Феодор двоих из своих монахов, Феофила и Коприя, послал к Св. Афанасию, чтобы выразить свое уважение и послушание к нему. По возвращении оттуда они привели из Александрии юно-

---

[1] № 87.

[2] Epist. Ammon. c. 4. n. 1.

шу семнадцати лет по имени Аммона, который по обращении к вере, услышав в одной из бесед Афанасия похвалу иноческой жизни, решился посвятить себя этой жизни. Сначала он хотел отдаться под руководство одного монаха Фиваидского, бывшего тогда в Александрии, но один городской священник, с которым он советовался о своем намерении, сказал, что этот монах еретик, и лучше советовал ему вверить себя Феодору. Он воспользовался возвращением сих двух иноков, чтобы идти в Тавенну. Это тот самый Аммон, который был впоследствии Епископом и в письме к Феофилу Патриарху Александрийскому передал слышанное и виденное им о Св. Феодоре. Живым словом очевидца Аммон изображает пред нами и быт Тавеннских монахов и добродетели Св. Феодора. Он говорит, что когда дошел до Пабау, Св. Феодор встретил его в воротах монастыря, сделал ему несколько вопросов, одел его в иноческую одежду, ввел его в место, где братия были собраны в числе шестисот, и посадил его подле себя под финиковым деревом. Удивительный порядок господствовал в столь многочисленном собрании монахов. Братия один за другим вставали и подходили к Феодору, прося его пред всеми сказать, какие их

недостатки. Феодор говорил им какое-либо место из Св. Писания, приличное состоянию каждого, и сии монахи возвращались на свои места со слезами на глазах и с сокрушением сердца. Некоторые так сильно были тронуты, что проливали обильные слезы и извлекали их у сидевших рядом с ними. Между теми, которые подходили к Святому, чтобы просить его сказать их недостатки, Аммон заметил одного, по имени Ориона Пателлолия, коему Святой сказал сии слова Апостола: друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов, но объявил потом братиям, что сей монах весьма страшен для злых духов.

Не по одному только опытному познанию нравов своих иноков Феодор был в состоянии каждому из них в особенности давать столь справедливые применения из Писания, но более по сверхъестественному ведению, которое Бог сообщал ему о их душе[1]. Опыты этой духовной прозорливости открывались в предсказаниях о будущей судьбе Церкви. Один монах подошел к нему, как делали это другие, когда увидели, что Феодор вдруг замолчал, стал смотреть на небо и потом поднялся с

[1] Epist. Ammon. n. 3.

своего места. Все братия поднялись также и образовали около него круг, понимая, что он должен дать им важные наставления. Тогда он сказал им: «Я знаю, что люди живущие по плоти не примут моих слов. Но поелику Господь повелел мне сказать оные, то я буду говорить. Некоторые люди из нашего рода воздвигнут гонение на Церковь Божию. Оно будет иметь великий успех и подвергнет многих бедствиям. Когда гонение усилится, то неожиданно на царский престол вступит язычник, который будет стараться увлечь Христиан в заблуждение. Но Христос посрамит коварное намерение его. Мы должны усердно взывать к Богу, чтобы Он продлил милость Свою к Церквам, чтобы не погибли многие».

Елурион, один из братьев, слышавших сие, пожелал знать, когда случится сие, и просил Аммона спросить у Феодора. Едва Аммон открыл уста, Феодор дал уже ему ответ, что сие исполнится скоро, что Бог, наконец, умилосердится над своею Церковью; что сначала прекратится гонение язычников, потом прекратится гонение Ариан, и Аммон сам увидит исполнение сих предсказаний.

Скоро это предсказание оправдалось изгнанием Св. Афанасия, господством Ариан,

восшествием на престол Римский Иулиана, и потом смертью его, и вступлением на престол Иовиана, давшего мир Церкви.

Сим предсказанием окончилась первая духовная беседа Феодора, которой свидетелем был Аммон. После беседы сотворили молитву, и Феодор, отпустив братию, отдал Аммона на руки Феодору Александрийскому. Святой Авва повелел ему поспешить наставить Аммона в Св. Писании, поелику он недолго должен был оставаться в монастыре, но назначен служить Церкви в клире, как открыл сие ему Бог[1].

Аммон сначала едва верил, чтобы Святой мог узнавать тайны сердца, и с недоумением спрашивал Авзония, может ли быть, чтобы Бог давал людям такую благодать, и есть ли на то доказательства в священных книгах? Но скоро разрушились все его недоумения. Однажды ночью Аммон вышел из своей келлии, вдруг слышит он, что зовет его Феодор. Хотя Аммон был в одном только литоне, но он пошел на голос Аввы. Феодор делал выговор одному брату за то, что уступает внушениям дьявола. Феодор так ясно излагал помыслы

---

[1] Epist. Ammon. n. 4.

искушаемого брата, что тот, пораженный его прозорливостью пал к его ногам, и умолял испросить ему от Бога прощение. Чрез четыре месяца этот брат ушел в мір, но вскоре скончался, не прожив и году[1].

Аммон потом вместе со Святым пошел в Тавенну, где Феодор исцелил отравившуюся ядом женщину[2].

Несколько времени спустя св. Феодор возвратился в Пабау, где взял с собою около ста двадцати иноков, чтобы идти на остров Нила собирать тростник, из коего плели рогожи. Он оставался там много дней и по вечерам не оставлял предлагать им духовную беседу, как делал сие в монастыре. В среду, в то время, как он произносил сию беседу, две ехидны ползали у его ног. Не прерывая беседы, Феодор стал на них ногою и держал так их до конца беседы, после сего он велел их убить. Потом он сказал братии, что ему явился Ангел и открыл, что одного инока в Пабау нужно выслать из монастыря за худую жизнь. Силуан, начальник общины из двадцати двух братьев, имевший своим помощником Линуфона и Макария брата Фео-

---

[1] Ibid. n. 8 и 9.

[2] Ibid. n. 10.

дора одним из своих подчиненных, принял эти слова за тщеславие; но вследствие страшного явления тотчас же поражен был параличом и только молитвами Феодора Александрийского, Пекузия, Псамфия, Псенфаисия, Елуриона и Исидора, иноков, преуспевших в добродетели и уважаемых в монастыре, возвращен был к жизни[1].

Немного спустя[2] пришел в Пабау Св. Феодор, и поговорив с братиями, он просил их подождать его несколько на том месте, где они были, а сам с двумя братиями пошел в трапезную. Там остановил он молодого монаха, которого Ангел повелел ему выгнать из монастыря. После тщетного убеждения признаться во грехах Феодор разоблачил все тайные изгибы души сего инока. Пристыженный обличением инок сам ушел из монастыря.

Других иноков он обличал наедине и так тронул их, что они готовы были пред всеми исповедать грехи свои; но сей мудрый Авва не согласился на это из опасения соблазнить юных и слабых и удовольствовался тем, чтобы они признались в них Пекузию и Псенфаисию.

---

[1] Ibid. n. 11. 12.

[2] Epist. Amm. n. 12. c. 3.

«Это было, — говорил Аммон, — во время четыредесятницы. Во вторник пред Пасхою монахи других монастырей общества собрались в Пабау, дабы вместе праздновать святые дни, как обыкновенно они делали каждый год. Феодор всем, кои приходили советоваться с ним о различных местах Писания, объяснил все, что они не хорошо понимали; после чего он обличил одного брата в тайноядении. Никто не должен, сказал он в заключение, принуждать себя поститься сверх сил своих. Слабые могут есть каждый день ввечеру, кроме пятка. Виновный в тайноядении, видя, что его грех открыт Феодору, бросился к его ногам, дабы принести покаяние; но Феодор прикрыл его лицо своею мантиею, дабы не сделать его известным для других».

Другой проступок, который сделали монахи и который людям, недостаточно понимающим совершенство иноческое, может показаться совершенно незначительным, подал Святому случай дать братии прекрасное наставление.

Взяв с собою сорок своих монахов, Феодор пошел на гору рубить лес, и в тот же день сорок других послал в другое место, и в руководители дал им монаха Исидора, че-

ловека полного кротости и Евангельской мудрости. На первый день к вечеру Феодор вместе с своими на коленях совершал вечернюю молитву, и Бог ему открыл, что четверо из общества Исидорова, впрочем хорошие монахи, работая вдали от других, занимались смехом и шутками. Молитва окончилась, он сделал духовное увещание и, наконец, сказал своим монахам, что почитает нужным быть в монастыре в субботу. Двоих из своих монахов он послал к Исидору сказать ему, чтобы и он вместе с братиями, бывшими с ним, был там же.

Когда все пришли в Пабау, Феодор собрал их на то место, где предлагал им беседы, и сказал им так: «Вы знаете, братия, что жизнь монахов и дев, посвятивших себя на служение Богу, превышая обыкновенную жизнь людей, есть жизнь Ангельская. Люди, вступающие в монашеское звание, умирают для обыкновенной жизни человеческой, живут для Того, Кто умер за них и воскрес; отрекаются жить для самих себя и распинают себя со Христом. Поелику каждый из вас избрал таковую жизнь, оставил родителей своих и пришел сюда, то и должен уже жить, как жил Христос, и иметь Его образцом и руководителем на пути жизни,

которой мы посвятили себя. Бог, чтобы ввести нас в Царство Свое, открыл нам два пути к тому — Святое Писание и пример жизни рабов своих, которою обыкновенно утверждается вера во Христа. Но некоторые из них, хорошо проходившие доселе поприще жизни своей, поколебались, если не пали совершенно на пути своем. Четыре брата, посланные вместе с другими на гору, будучи там в отдалении от них, начали разговаривать между собою о непристойных предметах, смеяться и хохотать так, что нужно, чтобы они очистили себя слезами и покаянием. Имели ли для всей братии какую-нибудь силу слова Пророка Иеремии: Господи Боже сил не седох в сонмище их играющих, но бояхся от лица руки Твоея: на едине седях, яко горести исполнихся (Иер. 15, 17). Почему вы не вспомнили слов Иова: Аще ходих с посмеятели, печаль ко мне приходит? (Иов. 31, 5). Неужели не знаете, что Бог для спасения рабов своих наказывает не только великие, но и малые грехи их? Разве вы не слышали, что сказал Соломон: яко же глас терния под котлом, тако смех безумных? (Еккл. 7, 7) и еще: смеху рекох: погрешение (Еккл. 2, 2), блага ярость паче смеха (Еккл. 7, 4)? Обратите внимание

на себя и послушайте, что говорит Апостол: смех ваш да обратится в плач и радость в печаль (Иак. 4, 9). Опасайтесь, чтобы и к вам не относились строгие слова Спасителя: горе вам смеющиеся ныне, яко восплачите и возрыдаете (Лк. 6, 25). Плачьте и рыдайте лучше теперь в кратковременной жизни сей, чтобы против воли не плакать и не рыдать вам во всю вечность. Каждый из нас должен говорить Богу: яко аз на раны готов (Пс. 37, 18)».

Таково было спасительное наставление, которое Феодор дал сим четырем инокам, кои находились в толпе братий, но отделились от них, начали плакать и рыдать и пали ниц, признаваясь в своем грехе, и просили братию молить за них, что извлекло слезы у всего собрания, и сии четыре инока так исправились, что для всех живущих в монастыре служили образцом и примером в деле спасения[1].

Не такова судьба была другого монаха, по имени Моисея, который заслужил, чтобы тело его предано было дьяволу за то, что он предал душу свою ему, своим упорством во грехе. Св. Феодор, пославший его вместе с другими братиями на один остров Нила для собира-

---

[1] Ibid. n. 14. 16.

ния трав, кои солили на пищу братии, по истечении пяти дней послал сказать ему, чтобы он возвратился в монастырь. Он отвечал, что воротится вместе с другими, когда кончит свое дело, но его принудили повиноваться.

По возвращении он нашел Феодора плачущим,—при нем стояли Псенфаисий и Исидор. Феодор, посмотрев на него, сказал: «Для чего мне объявлено о смерти души твоей, а не тела, что было бы гораздо лучше? Сидя с тобою в келлии твоей, не говорил ли я тебе день и ночь, что душа твоя занимается худыми предметами и что порочные твои желания хуже всякого греха? Худые мысли многих погубили. Ты говорил мне тогда, что злые духи внушают тебе сии порочные мысли, а я тебе отвечал, что злым духам не позволено нападать на тебя, но что ты сам подкладываешь дрова под себя, сам даешь пищу нечистым духам и привлекаешь их к себе нечистыми мыслями. До чего наконец довела тебя худая жизнь твоя?»

Моисей, слепой и упорный в своей злобе, хотел снова извинить себя и прикрыть свой проступок; но Святой указал ему место и время, когда он охотно беседовал с мыслями, за кои он упрекал его; и когда тот ещё хотел отвечать, что это только было наваждением

дьявола, в коем он не принимал участия, Феодор сказал ему: «Доселе злой дух не имел власти над тобою: теперь, поелику ты принял в сердце свое худые мысли и сделался жилищем злых духов, напрасно живешь здесь в монастыре; мне приказано изгнать тебя отсюда». В то же время самое он приказал четырем молодым и сильным братиям вывести его вон из монастыря и проводить его до деревни, из коей он был родом; но едва только вышел он из монастыря, как им овладел дьявол; и он побежал в свое селение. Там четыре монаха связали его[1].

Если Феодор имел случай оплакивать погибель сего инока, то Бог вознаградил его за сие уверением о спасении другого. Однажды Феодор был на вечернем собрании братии, лицо его вдруг просияло радостью, и он сказал им: «Объявляю вам, братия, о милости, какую Бог дал брату нашему Каруру, находящемуся в Птолемаиде. Бог сейчас освободил душу его от тела и с великою славою вознес его на небо; потому что Карур старался строго следовать церковным догматам, сохранил чистоту тела своего и имел другие добродетели, а грехи

[1] Ibid. n. 16.

свои он очистил различными болезнями, которым был подвержен». Восемь дней спустя пришли два брата из Птолемаидского монастыря и сказали, что Карур умер в тот самый день и час, когда сказал Освященный.

Угрожая вечным судом нераскаянным грешникам, Феодор всегда старался подкреплять веру в спасение у тех, которые слезами покаяния омывали свои грехи. В Ноябре месяце того же года Феодор с братиями отправился на остров Нила собирать дрова. Братии собралось до трех сот. Феодор, собравши всех, стал говорить: «Я теперь намерен сказать вам то, что Бог давно открыл мне и теперь повелел вам объявить: почти во всяком месте, где только проповедано имя Христово, были люди, которые, сделавши много грехов после святого крещения, плакали об них и приносили Богу искреннее раскаяние в них; и Бог прощал их, если они только твердо сохраняли Апостольскую веру. Итак, если кто из вас истинно оплакал грехи свои, тот должен быть уверен, что он получил от Бога прощение в них». Как бы в подтверждение истинности слов Феодора Феофил и Коприй прибыли в это время из Александрии с письмом от Великого Антония, в котором сей подвижник писал тоже, что

«Истинно покланявшиеся Христу и сердечно оплакавшие грехи свои, сделанные ими после крещения, и искренно раскаявшиеся в них, опять приняты Богом и Он простил им грехи их, и всем подобным людям прощает грехи даже до сего дни». Феодор велел прочитать это письмо пред всею братиею.

Выслушавши письмо великого старца, братия пали на землю и так плакали пред Богом, что когда бывший с ними Священник кончил молитву, Феодор сказал: «Поверьте мне, что все небесные разумные твари возрадовались о сем плаче вашем. Бог принял молитву вашу и простил грехи некоторым монахам, которые теперь здесь так горько плакали»[1].

Много опытов сверхъестественной прозорливости Феодора слышал Аммон от Авзония и Елуриона. Для нас замечательно и назидательно суждение самого Феодора об откровениях.

«Велик дар видений, как дар Святого Духа; но велика должна быть при сем и осторожность. Да не мыслит о себе такой человек много, будучи сам ничто, и да не увлекается желанием владеть более даром видений, дабы

---

[1] Ibid. n. 19. 20.

все его благочестие и вера не обратились в дым и тень, что со многими случалось. Это говорю не тем только, которые не достигли высшей степени совершенства, но и тем, которые стоят на нем, дабы все мы о себе и своих делах думали смиренно и молились о том, чтобы избежать вечных мучений. Об этом молились Богу и самые святые, — Давид не говорит ли: сохрани душу мою и избави мя (Пс. 24, 20). Св. Павел не говорит ли также: и избавлен бых от уст львовых (2 Тим. 4, 17)».

«Поистине мы имеем дело со врагом тонким и хитрым, который часто заблуждение и ложь прикрывает видом истины так, что, не имея особого дара различения, мы всегда в опасности обмануться. Но тот не будет прельщен, кто во всем без исключения повинуется Богу и его рабам. Наблюдая сие, братия, каждый да хранит данную ему меру благодати, пастырь ли он душ или овца. Но все будем молиться, дабы быть в числе овец. Ибо один только есть истинный Пастырь — это Тот, Кто сказал о Себе: Аз есмь пастырь добрый. Но после того, как Господь Бог явился, после того как и Слово Божие приняло образ и подобие человека и по особой милости, чрез познание истинной веры поставило нас на путь спасе-

ния; потом восходя на небо поставило преемниками себе Апостолов, мы и теперь имеем нужду в пастырях, чтобы пастись в Господе. Знаем, что Апостолам в достоинстве отцов преемствовали Епископы. Те, которые в их голосе слышат голос Иисуса Христа, суть истинно сыны Божии, хотя бы не были из клира и не имели степеней Церковных».

Таким образом, сей святой человек, коего опытность в благодати видений и откровений не могла быть большею, научает нас судить о них только по сообразности с решениями Церкви и суждение Епископов, назначенных для наставления, предпочитать всем частным откровениям.

Аммон прожил при Феодоре около трех лет[1]. Узнав, что отец искал его по разным монастырям и уже считал умершим, что мать была безутешна, не имея возможности узнать, куда он девался; он просил св. Феодора дать ему двоих иноков, с коими бы мог сходить утешить её и возвратиться потом в монастырь. Но Феодор сказал ему: «А мать твоя приняла Христианскую веру? Ты должен отсюда переселиться в страну, которая ближе к

[1] Bolland. v. Pach. c. 11. n. 87.

месту твоего рождения. Посему я советую тебе поселиться в горе Нитрийской, там много святых и Богоугодных мужей». Со слезами простился Аммон с Феодором, поручая себя молитвам Освященного. Посетив своих родителей, он удалился в Нитрийскую гору.

Спустя шесть месяцев после удаления Аммона в Нитрию начало исполняться все, что св. Феодор предсказал о гонении Ариан, Иулиане отступнике, о возвышении Иовиана, давшего мир Церкви. Аммон вспомнил предсказания Феодора и утешал пустынников предсказанием о прекращении бедствий Церкви. Почти в то же время сам Феодор прислал к Нитрийским монахам письмо, в котором утешал подвижников предсказанием о прекращении гонения.

«Утешайте, братия, писал он инокам, тех, которые в вашей стране терпят гонение от Ариан, чтобы не ослабела вера их. Ибо грехи Ариан не достигли ещё полноты своей». Это письмо, прочитанное в субботу в общем собрании иноков, было для них радостною вестью[1].

Между тем как еретики напрягали все усилия к тому, чтобы сузить, так сказать, пре-

[1] Epist. Ammoni n. 21. 22.

делы Царства Иисус Христова в душах, распространяя свои заблуждения, св. Феодор старался расширить их, умножая число монастырей, где служили Богу с такою же верностью, с каким неверием нечестивые оскорбляли Его.

В жизни Св. Пахомия мы видели, что он основал девять монастырей, Феодор прибавил к ним десятый в первый же год, как сделался Аввою, при Птолемаиде в верхней Фиваиде, весьма недалеко от Пабау. Он основал ещё три, из коих два, именуемые Каис и Оби, по совету Орсисия, основаны были недалеко от великого Ермиполя, на северном пределе нижней Фиваиды, и третий при Ермутисе или между Латополем и Фивами в верхней Фиваиде. И наконец, он основал женский монастырь в Беаре, на разстоянии от Пабау в полумиле; это был другой женский монастырь в сем обществе[1].

Он посещал сии монастыри (около 361 года), и находился подле Каиса, когда встретил на Ниле военачальника Артемия, имевшего от Императора повеление найти св. Афанасия и задержать его; он направлялся в Пабау, думая, что Афанасий скрылся между монахами Та-

[1] Bolland. v. Pach. annot. c. 81.

веннскими, поелику всем известно было, что он весьма любил их. Артемий думал найти Афанасия в главном монастыре Тавеннском Пабау. Приплыв к нему рекою, окружил его воинами, допросил иноков, обыскал монастырь и ничего не нашел. Иноки пришли было в сильное смущение, но Пезукий успокоил их. Безтрепетно они называли Афанасия святого своим отцем достоуважаемым. По заповеди своего отца Феодора они отказались молиться с Артемием; потому что он имеет общение с Арианами, и Артемий один молился в храме. Во время гонения Иулиана на св. Афанасия, он удалился к инокам в верхний Египет. Для них ничего не стоило и потерпеть за своего Архипастыря какие бы то ни было страдания: они считали это гораздо богоугоднее и выше продолжительных постов, возлежания на голой земле и других подвигов самоумерщвления. Святой Афанасий прибыл в Антиной к Авве Пиаммону. Сюда явился к нему и Феодор Освященный, имевший на противоположном берегу Нила близ Гермополя монастырь. Святой Афанасий хотел плыть далее. Феодор дал ему крытую лодку и иноков для управления, и вместе с Пиаммоном старался утешить его. «Поверьте, — говорил Святой Афанасий спут-

никам своим, — мое сердце не бывает столько полно упования во дни мира, сколько во время гонения. Ибо я уверен, что страдая за Христа, и укрепляемый Его благодатью, если и буду умерщвлен, обрету ещё большую милость у Него». Но на этот раз прозорливые старцы могли возвестить нечто более обыкновенных утешений. В одно время оба они получили откровение. «В настоящий час Иулиан пал в Персии», — сказал Феодор. И вместе предрек, что преемник его будет Христианин, но не долго будет царствовать и потому советовал святому Афанасию тайно поспешить ко двору нового государя: «Ты встретишь его на пути, прибавил Феодор, будешь принят им с любовью и возвратишься в свою Церковь»[1].

Несколько времени спустя после того, как Св. Феодор предсказал сие Афанасию, между монахами распространилась смертность, и не было ни одного дня, чтобы не умирал один или двое из них[2]. Так как имели обыкновение погребать их в горе, а Нил тогда начал наводняться и воды его не были ещё высоки для того, чтобы плавать на судне, то затруднялись,

---

[1] Epist. Amm. n. 23. Theodor. hist. L. 3. c. 5.

[2] Bolland. vit. Pach. n. 90.

как перенести первого умершего, и спрашивали о том Святого. Он отвечал им, что Бог призрит на их веру и остановит течение зла; как он предсказал, так и случилось, ни один из монахов не умер в продолжение наводнения.

Столь многие опыты прозорливости св. Феодора могли подать повод думать об нем очень высоко. Чтобы избежать сей славы, он нередко говорил об искушениях, которым подвергался, прибавляя, что боится пасть в них и быть отверженным от Бога, будучи постоянно обеспокоиваем врагом спасения, который не дает ему ни одной минуты отдыха. «Если видим, говорил он, что пали Ангелы; если видим падения между Пророками и Апостолами, учениками Св. Павла, как нам не бояться того же?»

Продолжая далее свою беседу, он говорил им об опасностях сей жизни, о страхе и осмотрительности, с какою мы должны вести её. «Представьте, говорил он, гору, поднявшуюся до облаков, простирающуюся от востока до запада; на сей горе вообразите одну дорожку в четыре фута ширины, с одной стороны её возвышаются скалы, а с другой находятся пропасти. Подумайте, что человек, возрожденный в крещении, принявший звание иноческое, вооруженный знамением креста, идет по сему

пути к востоку. Он безопасен, когда разсматривает, как тесен путь и как обрывисты бездны; если же удалится от прямого пути, подвергается опасности погибнуть».

«Пропасть налево — это нечистые пожелания плоти, утесы направо — это гордость человеческая. Но кто заботливо, со страхом Божиим твердыми шагами идет к востоку, тот, достигнув конца пути, узрит Спасителя міра, сидящего на высоком престоле, окруженного со всех сторон многими легионами Ангелов, и получит неувядаемые венцы, уготованные тем, кои прямо прошли по пути».

«Но скажут, поэтому, если человеку случится однажды пасть в грех, то он совершенно погиб, и нет уже для него места покаянию? На это скажу в ответ, что не может быть, чтобы Господь допустил совершенно погибнуть человеку, истинно кающемуся, если он постоянно пребывает в истинном исповедании веры и соблюдении Божественных заповедей, хотя бы и несколько ослабел в первоначальной своей ревности. Ибо писано: мои же вмале не подвижастеся нозе (Пс. 72, 2). Побуждаемый болезнями, скорбями или самым стыдом греха, такой человек при помощи Божией возвращается на средину тесного пути, пока не научится

проходить его непреткновенною стопою. Если и после сего кто падает с пути, уподобляет себя Иуде предателю, который, будучи свидетелем стольких чудес и участником высоких даров, пренебрег благодеяниями Божиими и низвергнулся в вечную погибель. Напротив, люди, проводящие право жизнь, хотя по человеческой немощи иногда и забывают нужное для спасения, но очищаясь искушениями, как золото огнем, мало-помалу истребляют в себе порочные наклонности».

Феодор в своей беседе указал и на средство, как истреблять в себе худые наклонности и приобретать противоположные им добродетели. «Если человек хочет, например, освободиться от гнева, то слыша насмешки, пусть говорит к душе своей: вот я приобрел серебренник в свою пользу; если нанесут обиду, пусть считает её высшим приобретением, тогда он не будет гневаться. Если он приучит себя так переносить обиды, то сладким для него покажется и поношение. Ибо заповеди Божии истинно вожделенны паче злата и камени честна и сладши паче меда и сота. И если мало их желаем мы или мало об них заботимся, то причиной наше помышление, устремленное к плоти и чувствам». Далее

Феодор указал на пример мучеников, которые не только мужественно терпели страдания, но и молились за своих мучителей. Свою беседу он заключил следующими словами, способными воодушевить всякого к терпению.

«Но скажи мне, человек, что ты сделал равного тому наследству, какое уготовал тебе Бог? Потерпел ли ты гонение или смерть за имя Иисус Христово? Не достаточно ли был бы ты награжден одною людскою похвалою, если награда должна быть соразмерна с делом? Ибо кто не воздает похвалы тем, кои верно служили Богу, и особенно святым мученикам? Истинно велика и безконечна благость Божия. Бог поступает в отношении к тебе так же, как человек, который сказал бы: принесите мне глиняные сосуды, которые вы имеете, предоставьте мне свободу распоряжаться ими, и разбить, если захочу я; вместо их я дам вам сосуды золотые, украшенные драгоценными камнями. Но верно сбывается над нами слово Писания: человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным (Пс. 48, 13)».

После того, как дал он сии дивные наставления своим монахам, он взял с собою более уважаемых в братстве и имеющих лучший

голос в пении и пошел навстречу святому Афанасию, который, пользуясь миром Церкви, посещал Египет и в то время по Нилу плыл в Фиваиду. Он встретил его повыше округа Ермипольского. По обоим берегам реки было безчисленное множество народа, среди коего находились Епископы, великое число клириков и множество иноков, кои стеклись туда из всех соседних мест[1].

Святой Афанасий, увидав Феодора с иноками, сказал словами Пророка: кии суть, иже яко облацы летят и яко голуби со птенцами ко мне? (Ис. 60, 8). Он с любовью приветствовал Феодора и с отеческим участием спрашивал о состоянии его обителей.

Святой Афанасий, выйдя на берег, сел на осла, которого святой Феодор, взяв за узду, провел чрез толпу народа, шедшего с горящими факелами, при пении иноками псалмов и священных песней. Афанасий, видя смирение Феодора и ту радость, с какою он совершал свое дело, сказал окружающим слова, свидетельствующие о смирении как Феодора, так и самого Афанасия. «Смотрите, с какою ревностью идет впереди нас сей начальник множе-

[1] Bolland. vit. Pach. n. 90. 91. 92.

ства иноков. Вот истинные отцы, более заслуживающие носить сие имя, чем мы, по своему смирению и покорности ради любви Божией. Как блаженны и достойны уважения те, кои постоянно носят крест своего Спасителя, славу свою полагают в уничижении, покой в труде до тех пор, пока воспримут венец из рук их Владыки».

Посетив города Антиной и Ермиполь, Афанасий пришел в монастыри Коис и Оби, основанные Феодором, бывшие недалеко оттуда. Снова с истинною радостью сердца видел он, как искренна и достоуважительна любовь братии, с какою они приняли его, и прославил за сие Господа. Он хотел видеть Церковь, трапезную, келлии и вообще все, находящееся в монастыре, и все это нашел в столь хорошем положении, что сказал святому Авве: «Феодор! ты делаешь поистине великое дело, так наставляя души. Я слышал, что с похвалою говорили о твоем монастырском уставе, и нахожу, что он совершен. Кажется, ты наследовал благодать блаженного отца своего Пахомия, и видя тебя верю, что вижу в тебе истинного раба Иисуса Христа».

Приближался праздник Пасхи, Феодор, по обыкновению братства, должен был праздно-

вать его в Пабау вместе с братиями. Святой Афанасий, знавший о сем, не хотел удерживать его более и дал ему письмо к Орсисию и другим братиям. В сем письме он выражал радость, что видел Феодора и иноков, живших под его руководством, и видел в нем блаженного Пахомия. Феодор, прощаясь с ним, просил вспомнить о нем, и Святой Патриарх отвечал сими словами Псалма: аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе (Пс. 136, 6–7). Между тем Феодор в полное распоряжение Архиепископа предоставил судно с монахами, кои должны сопровождать его.

Письмо Святого Афанасия доставило Орсисию великое утешение среди скорби, какую причиняло ему нерадивое поведение некоторых братий. Ибо хотя в братстве много было ревностных иноков, тем не менее было в нем много и таких, для коих забота о вещах временных была ещё камнем преткновения, и эта забота уменьшала в них попечение о духовном. Об них скорбел Орсисий. Святой Феодор, вызвав из монастыря Монхоза в Пабау, старался утешить его, но и сам глубоко скорбел. Он у Господа просил указания средства к исцелению сего недуга. Он постился весьма строго,

носил власяницу и проливал горячие слезы, часто также удалялся от братий на гору, где была могила Святого Пахомия и других братьев, и там-то с большою ревностью изливал сердце пред Богом, дабы привлечь Его благословение на свои попечения, и особенно просил о перемене тех иноков, коих нерадение было причиною стольких скорбей для него.

Однажды один из братии, любопытствуя знать, зачем он ходит на гору, последовал за ним издалека и увидел, что он взошел на могилу святого Пахомия, и, приблизясь более, услышал, как он молился так: «Господи Боже отца нашего Пахомия, на могиле коего нахожусь я теперь, накажи меня, если хочешь; ибо мера нашего нерадения исполнилась, и нет среди нас живущих право. Но, Господи, не оставь твоих рабов, и хотя мы леностно служим тебе, но возбуди нас живым страхом вечных мук и даруй нам бодрственно идти твоим благим и спасительным путем. Ибо ты, Господи, создал нас и не пощадил единородного Сына Твоего, но предал его на смерть для спасения всех»[1].

Но близко было уже совершенное освобождение Феодора от всех скорбей и забот.

---

[1] Ibid. n. 93.

По возвращении в монастырь, в великую субботу вечером, закрыв глаза одному из своих иноков Герону, он сказал присутствовавшим, что за этою смертью последует другая, которой они не ожидали.

Наутро в праздник Пасхи были похоронены Герона; после праздника Святой Феодор говорил поучение братиям, собравшимся из всех монастырей на праздник, и с особою силою увещевал их в добродетели, чувствуя, что в последний раз дает им свои наставления; затем он начал чувствовать припадки болезни, от коей и умер[1].

Орсисий, присутствовавший при его болезни, с крайнею горестью видел, что не остается иной надежды, кроме молитвы. Он собрал всех иноков в Церковь молиться за него, и просил Господа, чтобы он лучше взял из мира его самого, чем Феодора; но Бог уже услышал желания сего последнего, и он приближался к кончине. Прежде смерти при всех он спросил Орсисия, не оскорбил ли его чем-нибудь. Орсисий не мог говорить, потому что слезы и рыдания препятствовали ему говорить; и святой Авва прибавил: «Моя совесть не упрекает меня, чтобы я чем-либо оскорбил

[1] Boll. v. Pach. n. 94.

тебя, или кого-либо из братий, и Бог видит, что, сколько возможно было, я не был нерадив ни о своем спасении, ни о спасении других. Но это было делом одного милосердия Божия». Окончив сии слова, он испустил дух. Это было 27 апреля 367 или 368 г. на 53 году его жизни[1].

С слезами и воплями иноки окружали смертный одр Феодора и долго не могли успокоиться при мысли о лишении своего отца. Многие упрекали себя в том, что своим нерадением о спасении они заставили его молить Бога о том, чтобы он взял его от мира сего. Феодора похоронили на горе вместе с другими иноками; но когда сошли в долину, старец Нафарс, занимавший второе место в Пабау, возвратился на нее вместе с некоторыми из братий и перенес его тело к могиле Святого Пахомия[2].

Заключим жизнь Святого Феодора словами Святого Афанасия, который после смерти его писал к Орсисию[3]. «Афанасий Авве Орсисию, отцу монахов, и всем тем, кои с ним держат исповедание истинной веры и жизни

---

[1] Bolland. v. Pach. prol. § 2. n. 17. p. 291. et annot. p. 334.

[2] Tillem. T. 7. p. 497. et. not. 7. p. 671. vit. Pach. n. 95.

[3] Bolland. v. Pach. n. 96. p. 333.

пустынножительской, возлюбленным братиям, спасение о Господе».

«Без крайней печали не мог я слышать о смерти блаженного Феодора, зная, как он был вам полезен и даже необходим. Если бы умер не Феодор, я имел бы нужду предложить вам долгое размышление и смешать мои слезы с вашими для вашего утешения, помышляя, как должно страшиться суда Божия, оставляя сию жизнь; но когда нужно говорить о Феодоре, которого вы знаете и которого я знаю сам так хорошо, что ничего не могу более сказать, разве только то, что блажен, который не ходил по пути грешных! В самом деле, если мы называем блаженным того, кто боится Бога, как не назвать таким того, коего спасение несомненно? О если бы некогда и мы были участниками в его блаженстве! О если бы и мы окончили свое течение так, как он окончил его! О если бы и мы, ещё плавающие по житейскому морю, так же благополучно привели свое судно в блаженную пристань, где соединясь с нашими отцами могли бы сказать вместе с ними: вот покой, который я избрал и где буду обитать вечно!»

«Посему, возлюбленные братия мои, не плачьте о смерти Феодора. Никто при мысли

о нем да не проливает слез. Позаботимся лучше подражать его добродетелям. Совсем не должно печалиться об участи того, кто счастливо достиг убежища, избежав всех скорбей: сие вообще заповедаю вам».

«А тебя, Орсисий возлюбленный, прошу принять на себя всю заботу и попечение о братии вместо почившего мирно Феодора. Вспоминай то, что когда он жил, вы действовали в согласии и в тесном единении, когда одного не было, другой восполнял его отсутствие. Живя вместе, вы как бы одними устами говорили возлюбленным своим о спасении. Делай и теперь то же, и уведомляй меня, в каком состоянии будешь находиться ты и твои монахи. Моли Господа, чтобы Он подал Церкви своей продолжительный мир. Теперь же мы имеем утешение праздновать праздник Пасхи и пятидесятницы в спокойствии, что доставляет нам немалую радость. Приветствуй от нас всех, кои имеют истинный страх Господень. Находящиеся со мною приветствуют тебя. Желаю, чтобы Господь сохранил вас невредимыми, возлюбленная братия»[1].

С смертью Феодора Орсисий опять остался один править монастырями Тавеннскими.

---

[1] Ibid. n. 96.

В Феодоре он лишился лучшего для себя помощника в управлении братией. Он так скорбел об этой потере, что желал сам умереть вместе с ним.

«Вот Господи, так взывал он в слезной молитве, простершись на земле, Ты взял от нас нашего отца, которому дал прекрасную способность утешать сердца, возмущаемые различными искушениями. Кому теперь доверишь ты попечение о наших душах? Возьми меня лучше из сего міра и даруй братиям того, кто более меня способен руководить их к совершенству».

Он ещё долгое время управлял всем обществом в счастливой тишине. Господь в подкрепление даровал ему новую силу и большую способность разуметь Писание. Дошло до нас одно сочинение Орсисия, состоящее из собрания изречений Священного Писания с изъяснением их и приложением к жизни иноческой[1].

В этом сочинении Орсисий сначала предостерегает иноков, чтобы они за их неверность не были лишены небесного отечества и не были преданы жестокому рабству дьявола,

---

[1] Tillem. T. 8. n. 8. vit. s. Theod. p 761. Biblioth. Patr. T. 4. p. 92. Holst. reg. mon. Tom. I.

как Израильтяне за свои грехи были изгнаны из своей страны и отведены пленными в чужую землю. Потом внушает, что иноки должны помышлять, что Бог, хотя не всегда наказывает за грех, в то время, когда совершают его, но тем строже грешники будут наказаны после смерти.

«Поэтому, — продолжает Орсисий, — рассмотрим, каковы пути, по которым мы идем. Исследуем внимательно наши поступки, дабы видеть, правы ли они. Не будем предаваться гибельному нерадению. С мужеством и терпением предпримем труды покаяния и исполнения добродетелей иноческих и будем стараться идти по следам Святых, и особенно Господа Иисуса Христа, нашего Начальника и Вождя, пребывая постоянно в том святом звании, в какое мы вступили».

Он обращается потом к начальникам монастырей и дает им превосходные наставления, как руководить души, вверенные им. Он хочет, чтобы они сами и их монахи постоянно ожидали пришествия Спасителя и были всегда готовы к борьбе, как воины под оружием. «Начальники не должны, — пишет он, — так сильно прилепляться к временному, чтобы оставлять в нерадении духовное, или столько предаваться

духовному, чтобы своих подчиненных заставлять терпеть нужду во временном. Они должны предусматривать их нужды, как душевные, так и телесные, из опасения, как бы не подать инокам повода впасть в разслабление».

«Начальники не должны смотреть на подчиненных им иноков, как на рабов, но скорее, как на своих братьев и своих учеников, с которыми они разделяют скорби и утешения. Они не должны воображать, что исполнили уже все заповеди Божии, заботясь только о своем спасении, а не устрояя спасения подчиненных, потому что они подвергаются праведному осуждению, которое один Пророк сделал пастырям Израильским, довольствовавшимся тем, чтобы напитать самих себя, не думая о прокормлении их стада. Нужно, чтобы они так внимательно бодрствовали над душами, чтобы не оставить без вразумления ни одной из них; они должны непрестанно наставлять её, учить, увещевать, воодушевлять и подавать ей добрый пример».

«Начальники не должны любить одних и удаляться от других потому, что они могут полюбить того, кто менее приятен Богу, и возненавидеть другого, кого любит Бог». Это правило Орсисий почитал столь важным для

начальников, что возвращается к нему не раз, дабы глубже напечатлеть его в памяти. «Я буду говорить о сем часто, — присовокупляет он, — и не престану повторять сие. Не нужно любить одних и ненавидеть других; о тех иметь попечение, о сих нерадеть. Вы погубите мзду ваших трудов; и тогда, когда будете надеяться достигнуть пристани спасения, вы потерпите гибельное кораблекрушение за свою несправедливость; потому что великий Судья, не имеющий ни к кому лицеприятия, в день суда поступит с вами так же, как вы поступали с вашими братиями».

Привязанность, которую начальники имеют к кому-нибудь из своих подчиненных, не должна простираться до того, чтобы прикрывать их недостатки, и нерасположение не должно побуждать их делать вред кому-нибудь. Если какой-нибудь подчиненный будет нерадив, не будет следовать внушениям их, они не должны говорить в своем сердце: пусть он идет своим путем, его вина — если он погибнет, — это язык ненависти и гнева. Они должны быть более тронуты греховным состоянием своего брата, нежели обидою, которую получили от него.

Начальники должны вести себя во всем так, чтобы всегда иметь в виду тот день, когда

мы явимся пред судилище Иисуса Христа, и размышлять, что если страшно отдать там отчет и за себя самого, то им нужно ещё более бояться, поелику они обязаны отвечать и за других. Пусть не думают, что там забудут о каком-либо из их действий. Там не будет недостатка в свидетелях, они будут иметь своими судьями не только закон и пророков, но и отца нашего Пахомия. «Итак, — говорит Орсисий, — вы управляющие монастырями должны постоянно заботиться о пользе братии в правоте и страхе Господнем. Не злоупотребляйте из гордости своею властью, но с кротостью будьте образцами для других, как делал сие наш Спаситель и Святой Павел, коего попечение простиралось на всех, который сам плакал с скорбящими и применялся к нуждам каждого в особенности».

«Остерегайтесь еще, — продолжал он, — чтобы никто из вверенных вам не соблазнился вами и не пал ради ваших грехов. Не презирайте ничьей души из опасения, чтобы она не погибла ради вашего невнимания, что не преставал нам заповедать святой отец наш Пахомий».

«Начальники различных общин должны быть всегда готовы отвечать на различные воп-

росы, которые предложат им монахи касательно спасения души своей. Нужно, чтобы они учили тех, кои имеют в том нужду, помогали малодушным, укрепляли слабых, поступали в отношении ко всем с кротостью и терпением и были внимательны к сему наставлению Апостола: отцы не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господнем (Еф. 6, 4), зная, что более взыщется с того, кому более дано и кому доверены более важные предметы (Кол. 3). Кроме того, они должны обращать внимание не на то, что им прилично, но на то, что полезно их братиям. Если случится какое-либо зло в общинах по нерадению начальников, сии должны думать, что не одни подчиненные, но и они сами виновны пред Богом, потому что по недостатку их бдительности соделан грех; и о сем-то наш блаженный отец обыкновенно напоминал нам так часто».

Помощники в каждой общине должны стараться быть смиренными и искренними и точно следовать правилам старцев. Они должны сообразоваться с общею жизнью и бодрствовать над соблюдением всего, дабы спасти свою душу.

После того, как Орсисий показал начальникам, каковы их обязанности, он обращает

слово свое к монахам простым и с силою многими местами Писания убеждает их трудиться над своим спасением. «Будьте, — говорит он, — как верные рабы, которые ожидают своего господина, имея чресла препоясанными и светильники в руках. Продолжительность труда да не утомляет вас, когда вы станете помышлять, что некогда введены будете на праздник небесный. Служите Господу с радостью, будьте покорны своим начальникам; удаляйтесь ропота и суетных разсуждений; занимайтесь своими обязанностями с простотою, дабы украшенные добродетелями и страхом Божиим вы соделались достойными усыновления, которым Бог почтил вас».

«Помните, что вы храм Божий. Он погубит вас, если вы имеете несчастие оскорбить Его. Не опечаливайте Духа Святого в себе; живите в великой чистоте, дабы можно было сказать о вас, что вы сад заключенный и источник запечатленный. Отказывайтесь от всех суетных удовольствий земных и старайтесь о том только, чтобы исполнять волю Господа».

Потом Орсисий представляет им превосходство и выгоды их призвания и сильные средства, какие они имеют к тому, чтобы всецело быть в Боге. «Подумайте, — говорит он, —

какова благодать, которую Бог чрез святого отца нашего Пахомия дал нам, дабы отречься от міра и всех попечений мірских. Какой повод и какой предлог представим мы к тому, чтобы занимать дух наш заботами временными? Мы имеем начальников, которые заботятся о нас, которые пекутся о нашем содержании, о нашей одежде и пище, как во время болезни, так во время и здоровья. Но будучи облегчены от всего тяжкого ига, остережемся наложить его на нас снова своим желанием иметь какие-либо вещи или страхом потерять их. Это значило бы возвратиться на свою блевотину».

«Зачем, на самом деле, иметь нам излишнюю одежду, пищу более изысканную, ложе спокойное, когда мы должны заботиться о единообразии с братиями и когда нет ничего лучше креста Христова?».

«Вспомним, что посредством законов, которые дали нам отцы наши, они утвердили нас на непоколебимых основаниях Апостолов и Пророков, на учении Евангельском, и особенно на краеугольном камне, который есть Иисус Христос. Последуя сему божественному Учителю, мы от гордости, причиняющей смерть, перешли к смирению, руководствующему к жизни; оставили богатства, чтобы

прилепиться к нищете, переменили опасные удовольствия на жизнь воздержную и самоумерщвленную».

«Умоляю вас, — говорил он также, — постоянно сохранять себя в той решимости, какую вы приняли, вступая в звание иноческое. Смотрите на устав отца нашего, как на таинственную лестницу восхождения на небо. Не желайте того, что вы попрали ногами. Довольствуйтесь необходимым для нужд вашей жизни и не ищите излишнего. Два левитона, малая мантия, два наглавника, пояс, милоть, жезл для тех, кои находятся в должностях внешних, — вот все нужное: вам должно остерегаться желания владеть какою-либо из сих вещей, как собственностью; ибо это великое преступление и даже святотатство».

«Добрые иноки со смирением и самоумерщвлением, подвергшиеся игу иноческой нищеты, — сей блаженной нищеты, которая обогащает их, убожа временно; сии добрые иноки, покидая ветхое облачение — тело, получат счастье быть причисленными к Патриархам, Пророкам и Апостолам и успокоятся, как Лазарь в лоне Авраама; но о тех, кои осмелятся присвоить себе в монастырях то, что служит к общему употреблению всех братий, скажут по

выходе из сего міра, как и о богатом Евангельском, что они обладали благами в сей жизни; тогда как их братия жили в труде, посте, самоумерщвлении и отречении от всего; посему справедливо, чтобы сии наслаждались блаженством в вечности, поелику для него они отреклись от выгод земных: но те, кои не хотели сообразоваться с Евангелием, заслуживают только мучения и страшные скорби ада».

Орсисий дает из сего видеть, как он заботился о сохранении нищеты иноческой; её внушает он всего более. Он советует не беречь ничего безполезного; но только то, что позволено уставом — и самое необходимое. Он говорит, что если кто-нибудь присваивает себе какую-либо утварь и бережет её у себя, или дает на сбережение другому брату, тогда виновны и тот и другой, и их нужно почитать не в числе братьев, но более в числе мздоимцев, людей посторонних, соблазнителей и разрушителей благочиния иноческого.

Он присовокупляет, что если кто-нибудь, приходя из мира, дабы вступить в общество, захочет сохранить что-либо из того, чем он владел в міре, и не оставит того до смерти, даже в угождение братиям; он был бы не смыслен, обольщен дьяволом; и с его стороны

было бы сумасбродством желать быть монахом и в то же самое время пользоваться сбереженным. «Посему, — говорит он, —отречемся от міра, чтобы как люди совершенные могли следовать за Иисусом Христом, образцом совершенства. Те, кои допускают овладеть собою любостяжанию, смотрят на нищету Иисуса Христа, как на безумие; но в сем они последуют гнусной страсти жадных Фарисеев, которые с насмешками слушали проповедь об отречении от благ земных».

«Монахи, — говорит он еще, — по заботливости начальников общин не имея недостатка ни в какой вещи, какую только дозволяет употреблять устав, ничего не должны принимать от своих родителей и друзей, даже левитона, или малой мантии. Если бы случилось, что у кого-либо из них недостает чего-либо, чем устав велит снабжать их, то в сем виноват будет настоятель общины и должен подвергнуться наказанию».

Вот более замечательные наставления в аскетическом сочинении Орсисия. Остальное есть увещание к любви, самоумерщвлению, подражанию Святым отцам и соблюдению правил Святого Пахомия, на которого он указывал часто.

Хотя он весьма заповедует любовь и единение, но не одобряет тех человеческих, естественных дружеств, кои противны общей любви и образуют частные привязанности. Особенно он возстает против того, чтобы в то время, когда начальник делает выговор одному, другой под предлогом дружбы или любви осмелился принимать на себя защиту его и брать его сторону против начальника. «Ибо, говорит он, — того воздвигают, а ты повергаешь его на землю. Его возвращают от заблуждения, а ты заставляешь его блуждать ещё более. Горе тебе, таким образом ослабляющему своего брата, поднося ему питье, которое возмущает его ум. Горе тебе, который совращаешь слепца с пути. Ты внушаешь горделивую независимость тому, кто был покорен; ты наполняешь его сердце горечью, тогда как он вкушает сладость любви; ты возмущаешь его, когда он покорен уставу, ты раздражаешь против того, кто имеет целью только наставление в заповедях Божиих!»

Так оканчивает свое наставление старец Орсисий, как видно уже близкий к смерти: «Вот последнее слово мое, возлюбленные чада мои. С тех пор как Господь возложил на меня заботу о вашем поведении, я не преставал

давать наставления каждому из вас в особенности и со слезами увещевать быть угодными Богу. Меня нельзя упрекнуть в том, чтобы я скрыл от вас что-либо из того, что почитал полезным для спасения вашей души. Теперь я препоручаю вас Господу и желаю, чтобы благодать укрепляла вас и научала достигнуть небесного наследия. Будьте бодрственны, трудитесь с ревностью; не теряйте никогда из виду цели, предположенной вами, и выполняйте в точности обеты, которые вы дали».

«Что касается до меня, я чувствую, что отхожу и что время моего разлучения с вами приближается. Я подвигом добрым подвизался; течение скончал, веру соблюл. Остается получить венец правды, который Бог, как Праведный Судья, соблюдает для меня в день оный, а также и для всех тех, кои возлюбили правду и соблюдают заповеди нашего отца. Окончу сими словами, кои заключают в себе все, что только я могу сказать вам: Бога бойтесь; храните заповеди Его; ибо на Суде своем Он испытает все дела людей и добрые и злые».

Судьба Тавеннских обителей после смерти Орсисия мало известна. Но есть свидетельство о том, что жизнь иноческая до половины

пятого века была в цветущем состоянии. Петроний, посещавший Египетские монастыри ещё в конце четвертого века, разсказывает, что он видел в Фиваиде Аммона, отца около трех тысяч монахов Тавеннских. «Они, — продолжает Петроний, — соблюдали великий устав Пахомиев, носили милоти, пищу принимали с лицом покрытым, опустив глаза вниз, чтобы не видеть, как ест близсидящий брат; и все хранили такое строгое молчание, что казалось находишься в пустыне. За трапезой они, вернее сказать, только касались пищи, а не принимали её, так что и за столом были, и пост соблюдали. А это большее воздержание — не есть тогда, как пред глазами и в руках пища». Здесь же Петроний удивлялся кротости старца Вина. Он никогда не божился, не лгал, никто не видал его гневным, никто не слыхал от него праздного слова, жизнь его проходила в великом безмолвии, нравом был тих, смирение его было безпредельное, он считал себя пред всеми за ничто. После долгой просьбы, чтобы он сказал что-нибудь в назидание, он едва сказал несколько слов о кротости. За сие Бог прославил его даром чудотворений[1].

[1] *Rufin.* Hist. Mon. c. 111. IV.

Палладий, несколько лет спустя после Петрония посещавший Египет, пишет, что главный монастырь имеет около тысячи трехсот человек. В других живет по двести и по триста человек. Между монахами Пахомиева монастыря об Афонии своем друге, экономе монастырском, пишет Палладий: «Его, как недоступного соблазнам, обыкновенно посылают в Александрию по монастырским нуждам, как-то — для продажи рукоделий и для покупки припасов». Палладий описывает Тавеннский монастырь в Панесе. «В нем было, — пишет он,— триста человек братии. Здесь занимаются всяким ремеслом и остатки от вырученного употребляют на содержание женских монастырей и на подаяния в темницы. Вставши рано утром, все принимаются за свои ежедневные работы; одни трудятся в поварне, другие готовят трапезу. Ставят столы, раскладывают по столам хлеб. За стол приходят не в одно время, каждый разряд знает свой час. Занятия их состоят вот в чем: один возделывает землю, другой работает в саду, кто на кузнице, на мельнице, на кожевне, иные идут в мастерскую плотничать, иные валяют сукна, другие плетут корзины и все за работою читают наизусть Св. Писание»[1].

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 35.

Ученый египетский монах за перепиской книг

Кассиан, бывший в Египте в первой половине пятого века, также с отличною похвалою отзывается о Тавеннских монастырях.

«Тавеннские монахи, — пишет он, — имеют в Фиваиде многочисленное и строгое общежитие. В нем один Авва управляет более, нежели пятью тысячами братий, кои всегда так послушны старцу, что у нас так покоряться не

могут и на краткое время». Он говорит о постоянном их пребывании в монастыре, о смирении и покорности и о тех правилах, коими они образуются так, что до преклонной старости остаются в общежитии. «И если достигают они, — замечает Кассиан, — высших степеней совершенства, то это потому, что такое имеют постоянство с самого начала отречения, какого никто в наших монастырях и в продолжение года не сохранял».

«Что касается до послушания, то младшие без ведома и позволения старца не только не дерзают выходить из келлий, но и не смеют самопроизвольно удовлетворять общей нужды. Поэтому все, что приказывает старец, они без замедления и прекословия исполняют, как божеское повеление, так что иногда без сомнения принимаются за исполнение невозможных приказаний».

«Не буду я говорить о том трудном и высоком воздержании, которого мы не можем сохранить ни по климату, ни по нашей немощи; ибо они считают величайшим наслаждением, если на трапезе братии предложена вареная капуста дикая, приправленная солью; но скажу о том, сохранению чего не может нам воспрепятствовать ни немощь плоти, ни

климат. Так, когда, сидя в своих кельях за рукоделием или размышлением, они слышат призыв на молитву или к какому делу; то каждый тотчас выходит из своей кельи, так что занимавшийся письмом бросает писать на том месте, где застанет призыв, не смея даже докончить начатой буквы; потому что они не столько пекутся о совершении дела и своей пользы, сколько о том, чтобы доказать свое послушание, которое они предпочитают не только рукоделию, чтению, молчанию, покою, но даже всем добродетелям, так что они готовы претерпеть все невзгоды для того, чтобы не оказаться преслушными».

«Они живут в такой скудости, что кроме левитона, небольшой епанечки, сандалий, милоти и рогожи ничего не имеют. Тавеннские монахи так молчаливы, что когда братия сидят за столом, то, кроме старца, начальствующего над десятью, никто не смеет слова вымолвить; но и тот, если что нужно подать на стол или взять со стола, дает знать более стучанием, нежели голосом; они почитают святотатством не только вкушать, но и дотрагиваться до того, что не предлагается всем открыто и не приготовляется экономом чрез братий же». Кассиан разсказывает о пресвитере Пинуфии, подви-

завшемся в Тавеннских монастырях. Будучи Аввою одного Фиваидского монастыря, он, желая избежать славы человеческой, решился удалиться в общежитие Тавеннское, зная, что и по обширности страны, и по множеству братий он легко мог тут остаться неузнанным. Его долго не впускали в монастырь, думая, что по глубокой старости он не может переменить привычек, которые приобрел живя в мире. И когда приняли его, то как неспособного к тяжким работам приставили к саду и отдали под надзор одному из младших братьев. Он с радостью упражнялся в вожделенном смирении и повиновался своему приставнику с такою ревностью, что не только усердно смотрел за садом, но ещё делал все дела, за которые другие или боялись или стыдились приняться, почему весьма многое делал тайно ночью, так что не знали, кто это делал. Три года провел он в неизвестности, в смиренных трудах, пока один из его иноков не признал в нем своего Авву. Тогда Пинуфий плакал, что по зависти дьявола лишился возможности упражняться в смирении и окончить жизнь в послушании, доказать которое он, после долгого искания, обрел было самый лучший случай. Его увели в монастырь, но он опять скрылся и уже́ не в

Египет, но в Палестину. Ревнители благочестивой жизни нашли его и здесь и сохранили для памяти потомства драгоценное наставление его брату, недавно принятому в общежитие.

«Наконец, так говорил Пинуфий, после многодневных испытаний ты принят, но тебе должно знать, почему ты с таким затруднением допущен, ибо на том пути, на который вступить желаешь, ты много можешь получить пользы, если, надлежащим образом узнав оный, будешь исправлять служение Христово постепенно и как должно».

«Как тем, кои верно служат Богу и питают к нему такую любовь, какая требуется нашими правилами, обещается безконечная слава; так и тем, кои небрегут о том, чтоб приносить обещанные плоды святости, уготованы вечные казни; ибо, по словам Писания, лучше не обещать, нежели обещав не исполнить; и проклят всяк творяй дело Божие с небрежением. Посему мы долго тебя не принимали не потому, что неприятно было твое или чье-либо спасение, и чтобы мы не хотели споспешествовать тем, кои хотят обратиться ко Христу; но потому, чтобы, приняв тебя без разсуждения, самим не сделаться виновными в легкомыслии, а тебя не подвергнуть тягчайшему наказанию, если бы,

быв принят тогда, как ещё не разумел важности нашего звания, впоследствии или охладел, или не устоял в обете. Итак, помни сущность твоего отречения и из оной научайся тому, что тебе должно делать».

«Отречение есть не что иное, как доказательство того, что мы распялись миру и умерли. Итак, знай, что ты сегодня умер для мира, дел и похотей его, или по Апостолу, распялся ему, а он — тебе. Держи же в уме крест, под знамением коего ты должен жить, ибо не ты уже живешь, но живет в тебе Распявшийся за тебя; и как Он за нас висел на крестном древе, так и мы, пригвоздивши ко страху Господню плоть, волю и все желания наши, не должны служить страстям нашим, но постоянно умерщвлять их, дабы таким образом исполнить заповедь Господню: иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин. Но, может быть, скажешь: как можно человеку непрестанно носить крест свой, или как распятый может жить? Послушай краткое объяснение сего».

«Крест наш состоит в страхе Господнем; почему, как распятый не может двигать членов своих, или обращать их, как бы ему хотелось, так и мы должны хотеть не того, что

приятно нам и что льстит нашим похотям, но того, чего от нас требует закон Божий; и как пригвожденный ко кресту не думает о настоящем и предметах своей страсти, не заботится о будущем, не желает владений, не гордится, не спорит, не ревнует, не скорбит о настоящих, не помнит прошедших обид, но думает только о том, куда он пойдет чрез несколько минут: так и мы, пригвоздившись ко страху Господню, должны умереть всему и обратить все внимание туда, куда можем каждую минуту переселиться; ибо таким образом мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти».

«Итак, остерегайся тех вещей, коих ты уже отрекся, и вопреки повелению Господню не возвращайся с села делания Евангельского, дабы взять, одежду, которой ты совлекся, т. е. не обращайся к земным похотям и занятиям, и с кровли совершенства не сходи за тем, что ты бросил; остерегайся вспоминать о родителях, о прежнем пристрастии, не вдавайся в мірские заботы, дабы, обратившись вспять, тогда как ты взялся за рало, не лишиться царствия небесного; смотри, чтобы та гордость, которую ты ныне попрал верою и смирением, не стала пробуждаться в тебе, когда будешь заниматься псалмопением и усовершенствоваться в ныне при-

нятом тобою звании; но паче старайся пребыть до конца жизни в той нищете, которую обещал пред Богом и Ангелами Его. Того смирения и терпения, с коими ты в продолжение десяти дней просил, стоя за монастырскими воротами, чтобы тебя приняли сюда, ты не только не оставляй, но ещё в нем усовершайся и возрастай; ибо большее бедствие угрожает тому, кто после такого начала, вместо того, чтобы восходить к совершенству, делается несовершеннейшим; потому что только сохраняющий сии добродетели до конца спасен будет».

«Так как хитрейший змий не престает блюсти пяту, т. е. полагает нам преткновения, и до конца жизни нашей старается нас уязвить; то ты не получишь пользы от того, что хорошо только начнешь и покажешь ревность только при начале вступления в монастырь, а впоследствии не принесешь надлежащего плода и не сохранишь до конца жизни нищеты и смирения Христова, согласно обещанию своему. А чтобы тебе сохранить их, ты всегда блюди главу змия, т. е. первые помыслы, внушаемые им, и немедля открывай старцу своему; ибо если ты не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его».

«Итак, решившись служить Богу, пребывай в страхе Божием и приготовь душу твою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям, ибо скорбями подобает внити в царство Божие, потому что путь и врата, вводящие в царствие небесное, тесны; почему немногие их обретают. Знай, что ты в числе немногих избранных, и смотря на пример немногих, не охладевай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе царствия небесного; ибо много званных, а мало избранных, и мало то стадо, которому Отец благоизволит дать царство. Знай, что тяжко грешит тот, кто, обещавшись быть совершенным, делается несовершеннейшим. К совершенству же восходят по следующим степеням».

«Начало и ограждение нашего спасения есть страх Господень, посредством коего наставляемые на путь совершенства обращаются от грехов, очищаются от пороков и утверждаются в добродетели. Сей страх, проникая душу человеческую, производит отвращение к мірским вещам и заставляет забыть родителей и весь мір; а отвращение от стяжаний производит смирение, которое сопровождается тем, что человек, имеющий его, во-первых,

умерщвляет волю свою; во-вторых, не только дела, но и помыслы свои открывает старцу своему; в-третьих, все делает по суду старца, и ничего по своему; в-четвертых, постоянно послушен, кроток и терпелив; в-пятых, не только не обижает никого, но и своих обид не ищет; в-шестых, ничего не делает такого, что несогласно с общим уставом, или не одобряется примером большей части; в-седьмых, доволен всяким состоянием, как бы оно ни было низко, и все повелеваемое ему исполняет рабски; в-восьмых, почитает себя не только словом, но и делом худшим всех; в-девятых, удерживает свой язык и не говорит громко; в-десятых, не смеется. Вот в каких признаках обнаруживается истинное смирение; и оно-то скоро доведет тебя до любви, чуждой страха, воодушевившись коею ты то самое, что прежде исполнял из-за страха наказания, будешь исполнять единственно по чувству любви к добродетели».

«Чтобы достичь сего, живя в обществе, ты должен избрать себе в пример подражание немногим, а лучше одному или двум. Кроме того, что немного можно найти совершенных в жизни, это полезно потому, что если ты будешь подражать одному и образовать себя

по одному образцу; то тогда усерднее займешься сим делом».

«А чтобы тебе быть в постоянном подчинении сему правилу; то, живя в обществе, ты должен соблюдать три правила, кои соблюдал и Псалмопевец, который, по собственному его признанию, как глухой не слыхал, как немой не отверзал уст своих и был, как человек, неслышай и неимый во устех своих обличения. Точно так и ты будь слепым, глухим и немым; — слепым, дабы тебе, подобно слепому, не смотреть, кроме избранного тобою для подражания, на неслужащее к назиданию, чтобы, соблазнившись, не избрать худшего; — глухим — дабы не внимать, подобно глухому, тем словам, кои произносят непокорные, преслушники и пустословы и пересудчики, кои очень легко могут своим примером развратить; — немым, по примеру Псалмопевца, который говорит: рех: сохраню путь мой, еже не согрешати ми языком; положих устом моим хранило, внегда востати грешному пред мною: онемех и смирихся и умолчах от благ, дабы быть тебе неподвижным, когда ты слышишь злословия, когда наносят тебе обиды. К сим правилам надобно присовокупить четвертое, которое требует того, чтобы ты, по учению

Апостола, был буй в мире сем, дабы соделаться тебе премудрым, т. е. не разсуждай о том, что тебе приказано будет, но в простоте сердца и с верою неси послушание, почитая святым, полезным и мудрым только то, что тебе повелевает закон Божий, или старец. Когда ты будешь утвержден в сих правилах; то постоянно пребудешь в сем учении и, вопреки всем искушениям и козням врага, не выйдешь из общежития».

«Не думай, что ты приучишься к терпению тогда, когда никто тебя не будет огорчать, (что, впрочем, не в твоей власти); но его породят в тебе твое смирение и долготерпение, кои в твоей власти».

«Дабы тебе удобнее принять сердцем все заключающееся в сей пространной речи, я сокращу её, дабы ты легче мог удержать в памяти сокращенное. Итак, вот каким образом безпрепятственно восходят к высшему совершенству: по словам Писания, начало нашего спасения и премудрости есть страх Господень; от страха Господня рождается спасительное сокрушение сердечное, а от сего — отвращение от всех стяжаний, — корень смирения; от смирения же происходит умерщвление воли, а умерщвление воли истребляет

все пороки, кои, если истребятся, то добродетели плодятся и растут так, что производят чистоту сердечную, коею приобретается совершенство любви Апостольской»[1].

Этим прекрасным наставлением мы должны окончить историю Тавеннских монастырей, потому что нет дальнейших об них известий.

[1] Cass. de coenob. instit. Lib. 4.

НАЧАЛО ЖЕНСКИХ ИНОЧЕСКИХ ОБИТЕЛЕЙ В ЕГИПТЕ

Египет, в котором началась и приняла определенный вид и устав иноческая жизнь мужей, представляет и первые примеры правильного устройства иноческой жизни жен. «В стране Египетской, — пишет Святой Златоуст, — можно видеть Христово воинство, и чудное общество и образ жизни, свойственный горним силам. И это открыто можно видеть не только на мужах, но и на женщинах. Ибо и они любомудрствуют не менее мужей. Они не берут щитов, не садятся на коней, как повелевают славные греческие законодатели и философы, но вступают в иную, гораздо труднейшую брань. Ибо они, как и мужи, вступают в брань с дьяволом и властями тьмы; и в сей брани естественная слабость пола вовсе не служит им препят-

ствием; ибо нужно судить о таковых бранях не по естеству тел, но по произволению души. Посему и жены часто превосходили подвигами своими мужей и воздвигали славнейшие знамения победы»[1]. О Христе Иисусе, говорит св. Апостол Павел, несть пол мужской, ни женский (Гал. 3, 28). Как все призываются в царство благодати Иисуса Христа, так всем же даруются благодатные силы; а потому все добродетели и подвиги, какими просияли святые, мужи можно находить и в святых женах. Не обладая крепостью сил и воли мужа, жены, одаренные более живым чувством и восприимчивостью, прилеплялись всем сердцем к жизни иноческой и, пламенея любовью к Господу Иисусу, решались на все лишения ради царствия небесного. Их живое чувство, их безпредельная любовь к Господу давала им силу проходить путь подвижничества столь же строгий, как и путь подвижнический мужей. Мы удивляемся строгому воздержанию, смирению, самоумерщвлению, нестяжательности и величайшему терпению св. мужей, обитавших в пустынях, горах и вертепах; но не более ли должно

[1] Беседа 4-я на Матфея.

удивляться точно таким же подвигам в немощных по естеству святых женах?

Жен — подвижниц мы находим в Египте ещё в то время, как великий Антоний только что начинал свою иноческую жизнь. Решившись проходить отшельническую жизнь, он отдал свою сестру на попечение девственницам. В первый раз пришедши с горы Колзим посетить свой монастырь Писпер, он нашел свою сестру начальницею и учительницею многих дев. Конечно, его пример и наставления руководили это первое общество женского иночества. В поучениях святого Антония к инокам мы находим наставления и для дев. В послании о девстве, после похвалы девству, Великий Антоний делает обращение к девам: «Девственница, — пишет он, — не должна в себе питать чувств, приличных женам. Она должна удаляться нечистых мыслей, гордости и всего, что приятно дьяволу. Должна любить всех людей, убегать славы мірской, быть преданною Богу, обуздывать язык и строго хранить пост. Если все сие будет она исполнять, соделается чистою и Богоугодною жертвою. Если же девственница будет заботиться о роскошной пище и тщеславиться девством, то, вместо славы, подверг-

Образ Божией Матери Скороуслышной

нется стыду. Если не будет обуздывать своего языка, то тщетно будет её девство»[1]. Таким образом можно сказать, что отшельническое женское иночество началось в Египте с Антонием так же, как и начало женскому иноческому общежитию положил великий Пахомий, основатель сего рода жизни для мужей.

Святые жены, подвизавшиеся в молчании кроткого и терпеливого духа, оставили немного сведений о себе. Мы соберем сведения прежде о женах, подвизавшихся в отшельничестве, потом скажем об учреждении женского иноческого общежития.

В Александрии и её окрестностях было много девственниц, из которых одни жили вместе, другие в отдельных келлиях. Исидор странноприимец имел сестер, с которыми жили в одной обители семьдесят дев[2]. Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий имели также сестер, которые, устроив монастырь, жили в пустыни в значительном разстоянии от монастыря Аммония и там подвизались[3]. Палла-

---

[1] Слова Антония к монахам, 7-е. Христианское чтение, ч. 20. С. 323.

[2] *Палладий*. Лавсаик, гл. 1.

[3] Там же, гл. 12.

дий говорит, что в его время в церкви Александрийской было много не только мужей, но и жен, совершенных в добродетели и достойных наследовать землю кротких. Знаменитый писатель Дидим разсказывал ему об одной служанке Александре. Узнав о сильной страсти к ней одного человека, она, не желая ни огорчать его, ни безчестить себя, решилась лучше заключить себя в гробнице, нежели соблазнять его душу. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала пищу чрез отверстие, а сама не показывалась ни мужчинам, ни женщинам лет около десяти. С первого часа утра до девятого она молилась, потом около часу пряла лен, в остальные часы припоминала себе сведения о вере святых отцов и патриархов и подвигах блаженных Апостолов, пророков и мучеников. Когда наступал вечер, она, принесши славословие Богу, ела хлеб, а ночь проводила в молитве, ожидая конца своей жизни. Она сама себя приготовляла к погребению. Прислуживавшие ей женщины, подошедши по обычаю к отверстию и не получив ответа, увидели, что она почила.

Палладий говорит также, что Афанасий Великий шесть лет укрывался у одной девственницы в Александрии: она сама умывала

ноги его, служила во всем, добывала книги и доставляла нужное. Недалеко от места жительства Палладия, близ Антиноя, жила девственница, которая не выходила из келлии с тех пор, как отреклась от мира, шестьдесят лет провела в подвижничестве. Перед кончиною ей явился мученик Коллуф, предсказал время её отшествия и блаженную участь[1].

В писаниях Исидора Пелусиота есть послание к инокиням Александрийским (σανδαλάριας)[2]. Он пишет: «Природа не знает просьбы о пощаде. Женский пол не имеет права на снисхождение; ибо может мужественно противостоять обольщению и отражать нападения пожеланий. Учит этому славная Сусанна и дочь Иеффая и достойная удивления Иудифь, — одна победившая в юности наглость старцев, другая мужественно приявшая смерть и отшедшая с песнями сопутствуемая девством, а третья в награду за целомудрие получила от Бога силу убить тирана. А глава женских побед и трофеев всехвальная Фекла, стоявшая вечным столпом девства, как огонь возгоравшись из среды волн страстей, приплыла в безопасную пристань. Если

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 20. 120. 123.

[2] Они названы так вероятно потому, что носили сандалии.

желаете быть таковыми, сохраняйте неугасимыми лампады; ибо скоро придет жених. И да не усыпит вас какой-либо сон сладострастия, который сонливых и нерадивых оставляет за дверями брачного чертога»[1].

В другом послании Исидор обличает инокинь, ходящих часто в город. «Вы не заботитесь о чести пола и своем подвижничестве; не устрашились обольщений, какие представляет город и для взора и для слуха; не убоялись будущей за сие угрозы, часто ходя в город. Если опять будете посещать его, то и не желая подвергнетесь искушению; бегите брани шума мірского, которая страшными стрелами поражает подвижничество»[2].

Павел Фермейский разсказывал Макарию Александрийскому, что в одном селении живет девственница, которая подвизается уже тридцатый год. Кроме субботы и воскресенья, она не вкушала пищи и каждый день совершала по семи сот молитв.

Около Александрии была одна девственница, престарелая летами, она ещё более была возрастна по добродетелям. Один старец спросил её, как она достигла такой степени святости.

---

[1] Oper. Isid. Pel. Lib. 1. Epist. 87.

[2] Lib. 11. Epist. 367.

Сначала она отвечала одними стенаниями и вздохами. Потом разсказала, что у ней был отец весьма благочестивый, тихий, терпеливый, скромный и так уединенный в своем семействе, что почти не знал, что происходило в его деревне. Он обрабатывал свое поле и плоды с него приносил домой на содержание своего семейства. Будучи слаб здоровьем, он часто хворал. Болезнь свою он переносил с таким терпением, что не только не слыхали от него жалобы, но даже слова об ней. Таким образом жизнь его проходила в труде и страдании. Когда он умер после долгой и мучительной болезни, сделалась такая сильная буря, сопровождаемая громом, молнией и дождем, что три дня нельзя было вынести его тела из дому для погребения. Жители селения смотрели на это событие, как на свидетельство, что жизнь его столь же неугодна Богу, как и он мало любил людей. Наконец дождь кончился, его отнесли в могилу без всякой погребальной церемонии.

Жена его была совершенно противоположного характера. Она была зла, разсеянна и вела себя дурно после мужа, но всегда пользовалась добрым здоровьем и была любима соседями, и когда умерла, все провожали её гроб. Это различие конца мужа благочестивого и

несчастливого и жены злой и счастливой поразило юную девицу. Что пользы, говорила она в душе своей, от благочестия отца? Он всю жизнь терпел скорби и болезни, и конец его был безчестен, а мать пользовалась всеми временными удовольствиями в жизни, и когда умерла, ей оказали уважение все её знавшие. Не благоразумнее ли идти по следам матери, нежели отца, пользуясь лучше верным, чем дожидаться неизвестного?

Когда она волновалась этими мыслями, ей в сонном видении открыта была блаженная участь отца и страшные мучения матери; не колеблясь ни минуты, она посвятила себя подвижнической жизни[1].

Жена Аммона Нитрийского, после удаления своего мужа в пустыню Нитрийскую, в своем доме собрала до семидесяти девственниц и в посте и молитве подвизалась с ними. Два раза в год она посещала своего мужа, чтобы пользоваться его советами и наставлениями.

В области Александрийской была подвижница Сарра. Она шестьдесят лет прожила в келье на берегу Нила и ни разу не наклони-

[1] Rosweid. vita PP. Lib. 1 n. 15.

лась, чтобы посмотреться в воде[1]. Тринадцать лет мужественно она боролась с вожделениями плоти и никогда не молилась о прекращении сей брани, но только взывала: Боже, дай мне силу! Однажды, когда враг спасения её сильно возбудил нечистые движения, представляя ей суетные предметы міра, она, вооружась страхом Божиим и строгим постом, усердно молилась на верху своего дома и победила силою Господа Иисуса Христа нечистые движения.

Её посещали и великие подвижники. Однажды пришли к ней пустынники. Она предложила им корзинку с плодами. Оставляя хорошие плоды, они ели только гнилые. Сарра сказала им: истинно вы пустынники. В другой раз пришли к ней два старца, великие отшельники Пелузские, и, отходя, решились дать ей урок в смирении. Смотри, не превозносись умом твоим и не говори: вот и отшельники ходят ко мне, женщине, «Я женщина по телу, а не по уму», — отвечала она. Не тщеславие скрывалось в сих словах, но сознание, что слабость пола женского не препятствует подражать мужам в подвигах духовных. Она

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 268.

говорила: «Если я буду просить Бога, чтобы все люди были мною довольны, то должна буду стоять у дверей каждого. Но лучше буду молиться Богу, чтобы сердце мое было чисто перед всеми».

Всегдашняя мысль её была мысль о смерти. «Когда я поднимаю ногу, чтобы взойти на лестницу, я представляю себе пред очами смерть и потом всхожу на лестницу». «Хорошо подавать милостыню, — говорила она, — и для людей; ибо хотя она подается и по человекоугодию, но после может послужить к умилостивлению Бога».

Была другая знаменитая отшельница, вблизи Александрии, Феодора, жившая во время Архиепископа Феофила. Её наставления также дышат высокою мудростью. «Старайтесь, — говорила она, — входить тесными вратами. Ибо как дерева не могут приносить плодов, если не вытерпят зимних бурь и дождей, так и для нас сей век есть зима, и мы не иначе можем сделаться наследниками Царства Небесного, как чрез многие скорби и искушения». Она говорила еще: «Истинное безмолвие — великое дело для девственницы или для монаха, особенно для молодых. Но как скоро начинает кто-либо безмолвствовать, тот-

час душа отягчается унынием, малодушием и помыслами, а тело болезнями, усталостью, расслаблением; но если будем мы бодрствовать, все это исчезнет». В подтверждение слов своих она указывала на пример одного отшельника, который, пришедши на правило, почувствовал себя больным. Но монах сказал: «Вот я теперь болен, и может быть скоро умру; встану же перед смертью и совершу молитву». Он стал молиться, и болезнь его прошла. Решившись подвизаться в одном месте, не должно переменять его, ибо от себя не уйдешь. «Не спасет нас, — говорила она также, — ни подвижничество, ни бдение, ни другой труд, если мы не будем иметь смирения»[1].

Палладий ещё разсказывает о девственнице Камуне, которая всю жизнь провела с своею матерью и с нею наедине принимала пищу вечером, а днем пряла лен. Она удостоилась дара пророческого и дара чудотворения[2].

Были жены, которые подвизались среди мужей. Таковы была: Евфросиния, Феодора. Евфросиния, дочь знатного гражданина, получила прекрасное воспитание, и отец готовил

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 292.

[2] *Палладий*. Лавсаик, гл. 33.

её в супружество достойному. Но желание посвятить свою жизнь единственно Господу Иисусу увлекло её из дому родительского. Опасаясь, чтобы отец не нашел её в женском монастыре, она оделась мужчиною и под именем Смарагда принята была в мужской монастырь Аввы Феодосия, в котором подвизались триста пятьдесят иноков. Ей было 18 лет, когда она вступила в монастырь, и в уединенной келлии провела она тридцать восемь лет в подвигах, только в день смерти открывшись своему отцу[1].

Феодора, мучимая раскаянием за неверность, сделанную мужу, оставила свой дом и сначала вступила в женский монастырь. Но опасаясь, чтобы здесь не нашел её муж, она, под видом евнуха, вступила в мужской монастырь, бывший в шести поприщах от города. Авва сначала не принимал её, и она целую ночь провела за воротами. На другой день настоятель, видя её терпение, принял в монастырь, обязавши её быть в совершенном повиновении всем инокам. На нее возложена была обязанность смотреть за садом и носить воду, где она понадобится, мести дом и другие тяже-

[1] Act. S. Bollant. febr. 11.

лые работы, не оставляя поста, бдений, молитвы и Божественной службы. Все это Феодора охотно исполняла, и ей казалось этого мало для заглаждения её преступления, она хотела увеличить свой труд, принимала пищу однажды в неделю, за свои подвиги и смирение она сподобилась дара чудотворения. Чтобы показать в ней образец совершенного терпения, Бог попустил ей искуситься клеветою.

Одна девица оклеветала её в своей беременности. Феодора не стала оправдываться; с терпением перенесла безчестие и изгнание из монастыря и поселилась в хижине недалеко от него, воспитывая дитя — мнимый плод её связи с девицею. Там подвизалась она семь лет. Потом иноки соседнего монастыря позволили ей вступить в их монастырь, где она прожила два года. Только при смерти узнали, кто она; изумились её терпению и смирению.

Приближенная к Императору Юстиниану, Анастасия возбудила зависть в Феодоре. Избегая её зависти и вместе проникнутая чувством суетности всего земного, взявши с собою сколько могла денег, Анастасия удалилась в Египет и там, недалеко от Александрии, выстроила женский монастырь. Здесь она оставалась до смерти Феодоры. Но когда до-

шел до нее слух, что Император ищет её, она решилась оставить окрестности города и удалиться в пустыню. Ночью она оставила свой монастырь и пошла в пустыню Скитскую, чтобы там искать безопасного убежища. Здесь нашла она Авву Даниила и, открывшись пред ним, просила его дать ей приют. Он облек её в одежду инока и велел жить ей в пещере неподалеку от своего жилища, предписавши ей правила для жизни. Между прочим она не могла сделать шагу за порог своей келлии, ни впускать кого-либо в свою келлию. Его ученик носил ей каждую неделю сосуд воды и ставил у её келлии, не говоря с ней ни слова.

Двадцать восемь лет провела Анастасия в постоянном посте и молитве. Много борьбы вынесла она от дьявола, но силою Божией вышла победительницею. Она предузнала день своей кончины, который открыт был также и Авве Даниилу. Он пришел к ней с своим учеником в последний день её, причастил её Святых Таин, принял её последний вздох. Её келлия была для ней гробом. Вот примеры подвигов женщин в образе мужчин. Но эти примеры только исключительные. Такая жизнь предпринималась только по особому указанию Промысла и не могла служить образцом.

Собор Гангрский (правило 13-е) запретил подобные случаи.

Еще раньше Анастасии, в пустыне Скитской, около Ликополя, в пещере, подвизалась одна женщина. Авва Дула с своим учителем Виссарионом, идя по пустыне, пришли к одной пещере и там нашли брата, который сидел и делал веревку. Он не взглянул на них, не приветствовал их и не хотел говорить. Виссарион сказал ученику своему: пойдем отсюда, может быть старцу не угодно говорить с нами. Возвращаясь из Ликополя, Виссарион опять проходил мимо пещеры и, зашедши в нее, нашел брата уже умершим[1]. Когда они стали приготовлять его к погребению, увидали, что это была женщина. «Вот как и женщины побеждают сатану», — сказал Виссарион.

Дочь Императора Анфима (467–471) Аполлинария, воспламененная любовью к иноческой жизни, посетив святые места и приплыв в Александрию, пришла к гробу св. Мины. Отсюда отправилась к отцам Скитским, где остановилась подле озера на источнике, который после назывался источником Аполлинарии, и тогда как спали её провожатые,

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 51, 52.

облеклась в иноческую мужскую одежду и скрылась в пустыни. Много лет провела она здесь в борьбе с дьяволом. Тело её, изъеденное комарами, покрылось как бы чешуею. Потом вышла из болота и назвалась Евнухом Дорофеем.

С нею в пустыне встретился Макарий Египетский. Преподав друг другу благословение, Дорофей спросил Макария, кто ты? Я Макарий, отвечал старец. Сделай милость, сказал Дорофей, позволь мне обитать с братиями. Макарий дал новому брату тотчас же келлию. Здесь Аполлинария в строгом подвиге проводила жизнь свою, дни и ночи совершая молитвы. Вскоре посетил её Макарий и спросил её об имени. Имя мое Дорофей, отвечала она; услышав о добродетелях живущих здесь иноков я пожелал здесь подвизаться с ними. Какое ты знаешь рукоделье, спросил её Макарий? Что ты повелишь, отвечал Дорофей, то и буду делать. Макарий велел плести веревки. В это время другая дочь Императора Анфима сделалась бесноватою и говорила, что если не пошлете меня в пустыню, то я не буду здорова. Император отправил её к Скитским отцам, и Макарий поручил Дорофею молиться о её исцелении. Я грешный, слабый человек, сказал

Дорофей, оставь меня оплакивать грехи, которых так много. Много отцов, сказал Макарий, которые могут это сделать, но тебе я поручаю дело. Дорофей принял свою сестру в келлию и исцелил её молитвою. Возвращенная к родителям сестра Дорофея вскоре опять подверглась беснованию, и бес обвинял Дорофея в растлении девицы. Дорофей, призванный ко двору, вторично исцелил свою сестру. Возвратившись в Скит, Дорофей узнал свое отшествие к Богу и, призвав Макария, просил его, чтобы монахи не хоронили его. Как это может быть? сказал Макарий. По смерти мнимого евнуха иноки пришли погребсти его и тут только узнали, что это была женщина. В изумлении воззвали иноки: слава Тебе, Христе, имеющему многих сокровенных рабов. После уже Макарию открыто было в видении, кто была эта подвижница. Её погребли с восточной стороны церкви в пещере Преп. Макария, и много чудес совершилось от её гроба[1].

Авва Серапион возбудил раскаяние в одной блуднице, повел её в женский монастырь и поручил матери настоятельнице, сказав ей: прими сию сестру и не налагай на

[1] Act. SS. Bollant. Tom. I. Jan. p. 260. 261.

нее заповеди, как на других сестер, подавай, чего она захочет. По прошествии немногих дней сия женщина сказала: я желаю вкушать пищу через два дни. Ещё несколько дней спустя она сказала: много грехов у меня, и я желаю поститься по сорока дней. Наконец ещё чрез несколько дней она упрашивала настоятельницу так: сильно оскорбила я Бога моими беззакониями, сделай же милость, отведи меня в келлию, запри её и подавай мне в окно немного хлеба и рукоделье. Мать исполнила её просьбу, и бывшая блудница в остальное время своей жизни благоугождала Богу[1].

Другую подобную женщину обратил к богоугодной жизни Авва Тимофей, и она вела в монастыре строгую жизнь[2].

Между сочинениями Афанасия Великого сохранилось письмо о девстве, писанное к деве, которое может познакомить с уставом жизни девственниц, проводивших жизнь иноческую, но не вступивших в монастыри. Наставления о прохождении девственной жизни, заключающиеся в сем, обнимают не только внешний

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 265.

[2] Там же. С. 275, 276.

порядок жизни девственниц, но объясняют и внутренний дух прохождения сей жизни. Может быть, быстрое и обширное распространение жизни девственной заставило написать сие послание как устав для жизни дев, не имевших руководства в своих домашних благочестивых упражнениях, а потому нередко и при благочестивых намерениях уклонявшихся от истинного пути.

«Горе, — пишется в послании, — деве, не подчиненной никакому правилу: в сем случае она подобна не имеющему кормчего кораблю, который, по сокрушении кормила, не имея правителя, несется в ту и другую сторону, пока не погибнет, разбившись о камень. В таком же состоянии находится дева без руководителя, внушающего ей страх. Блаженна та дева, которая подчинена правилам. Она подобна плодоносному винограду, растущему в вертограде. Делатель оного, пришедши к нему, очищает ветви его, напояет его и исторгает растущие около него безполезные травы, и виноград приносит благовременно прекрасный плод».

Руководимый сими мыслями Афанасий дает для девственниц правила жизни.

«По словам блаженного Павла, — пишет Афанасий, — тайна велика есть то, что всяк

прилепляющийся к жене бывает с нею едино тело. Так точно всякий муж или жена, прилеплющиеся к Богу, становятся един дух с Ним (1 Кор. 6, 17). Если прилепляющиеся к миру оставляют отца и матерь и соединяются с человеками смертными, то дева целомудренная не паче ли обязана оставить все земное и прилепиться к Единому Господу? Всякая дева или вдовица целомудренная если печется о мірском, то сие попечение бывает ей вместо мужа; заботится ли она о богатстве или о других вещах, — сия забота оскверняет её душу. Мирские образы оскверняют душу и тело целомудренной — и она уже не бывает свята по телу и по духу. А та, которая печется о деле Божием, имеет женихом своим Христа и творит волю Жениха своего. Воля же Христова состоит в том, чтобы прилепляющийся к Нему совершенно ни к чему не имел пристрастия, что принадлежит веку сему, и нисколько не пекся бы о земном, а только бы нес крест Распятого за него, день и ночь имел бы попечение и заботу о том, дабы прославлять Его неумолкаемыми песнями и славословиями, иметь просвещенное око ума, знать волю Его и творить оную, иметь простое сердце и ум чистый, быть милосердым, подражая Его милосер-

дию, — быть кротким, тихим и терпеливым, никому не воздавать злом за зло, терпеливо сносить множество оскорблений. Смирение есть также великое средство к спасению. Сатана свержен с небес не за блуд, или прелюбодеяние, или хищение, но гордость низринула его в преисподнюю. Бог есть Бог смиренных. Пламенною любовью возлюбим пост; ибо пост есть великая твердыня, равно как и молитва и милостыня, поелику они избавляют человека от смерти. Как Адам за ядение и преслушание изгнан из рая; так тот, кто желает паки войти в рай, входит в оный постом и послушанием. Сею-то добродетелью, дева, украшай тело свое, — и угодна будешь Небесному Жениху. Если же некоторые придут и скажут тебе: не постись часто, чтобы не ослабеть тебе, то не верь им и не слушай их, ибо таковых подсылает враг. Смотри, что делает пост: он врачует болезни, изсушает кровоточивые потоки, изгоняет демонов, прогоняет злые помыслы, просвещает ум, делает сердце чистым, освящает тело и поставляет человека пред престолом Божиим. Пост есть жизнь Ангелов, и кто пребывает в нем, тот причисляется к лику Ангелов. Но не подумай, возлюбленная, что пост состоит только в телесном воздержании. Тот не постится

должным образом, кто воздерживается только брашен: истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от всякого злого дела. Если ты постишься и не воздерживаешься от слов лукавых, от гнева, лжи, клятвы, осуждения ближнего, от сребролюбия, то пост ничего не пользует, напротив губит весь труд. Не постись неумеренно, чтобы не сделать тела немощным, но проведши девять часов дня в песнопениях и молитвах, вкуси хлеба с плодами, приправленными елеем. Перед трапезой своей так благодари Господа: благословен Бог, милующий и питающий нас от нашей юности и дающий пищу всякой плоти, — исполни радостью и весельем сердца наши, дабы мы всегда, имея всякое довольство, богаты были для всякого дела благого, во Иисусе Христе Господе нашем, с Которым Тебе подобает слава, держава, честь и поклонение со Святым Духом во веки веков. Аминь. Когда сядешь за стол и начнешь раздроблять хлеб, то, ознаменовавши оный трижды знамением креста, благодари таким образом: благодарим Тебя, Отче наш, за святое воскресение Твое; ибо ты явил оное нам чрез отрока Твоего Иисуса, и как хлеб сей, лежащий на трапезе, некогда состоявший в различных зернах, будучи совокуплен,

сделался едино: так да соберется Церковь Твоя от конец земли в царство Твое, потому что Твоя есть сила и слава во веки веков. Аминь. Когда же, раздробив хлеб, положишь его на стол и хочешь сесть за трапезу, тогда прочти всю молитву: Отче наш. Когда встаешь из-за стола, то опять произнеси молитву: благословен Бог и трижды повтори: щедр и милостив Господь: пищу даде боящимся Его; Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. После сего славословия продолжай молиться так: Бог Вседержитель и Господь наш Иисус Христос, Имя, высшее всякого имени! Благодарим и хвалим Тебя, что Ты удостоил нас насладиться Своими благами, телесною пищею; — молим и взываем к Тебе, Господи, даруй нам и небесную пищу; даруй нам боятися страшного и честного имени Твоего и не преступать заповедей Твоих; закон Твой и оправдания Твоя вложи в сердца наши, освяти наш дух, душу и тело чрез возлюбленного Твоего Сына Иисуса Христа и Господа нашего, с Которым Тебе подобает слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь».

«Не садись вкушать пищу с женами нерадивыми и любящими смеяться. Девы благочестивые и боголюбивые да едят с тобою. Не вече-

ряй с гордыми. Когда сидит с тобой за столом жена богатая и ты увидишь бедную, то пригласи её к пище и не стыдись сего пред богатою».

«Одежды твои не должны быть из драгоценной материи. Верхняя твоя одежда должна быть черною некрашенною; головное покрывало такого же цвета без бахромы; рукава должны быть шерстяные, покрывающие руки до перстов; волосы на голове подрезаны кругом; головная повязка шерстяная, кукуль и надшейная одежда без бахромы. Если встретишься с мужчиною, покрой лице твое и не обращай его к человеку, но только к Богу. Когда ты станешь на молитву, то надевай на ноги сандалии. Не раздевайся до наготы, чтобы не только другая женщина, но и ты сама не видала своей наготы. Без нужды не погружай тела в воду, но умывай только лицо, руки и ноги и то одною водою. Не намащай тела своего мазью и одежд своих ароматами».

«Все время жизни своей проводи в постах, молитвах и милостынях. Да будет всегдашним занятием твоим упражнение в Священном Писании. Имей Псалтирь и учи Псалмы».

«Восходящее солнце да видит в руках твоих книгу и по третьем часе посещай церковные собрания. В церкви соблюдай молчание,

ничего не говори, но только внимай чтению. В шестом часу совершай молитвы с псалмами, плачем и прошением: ибо в сей час Сын Божий был повешен на кресте. В девятом часу в пениях и славословии умоляй Бога: ибо в сей час Господь, вися на кресте, предал дух свой Богу. А когда наступит двенадцатый час, то должно умножить и усугубить хваление; ибо в оный час Господь наш сошел во ад. Посему в оный час мы должны обращать внимание на себя и со слезами ночью призывать Господа: ибо слезы составляют великую и превосходную добродетель; слезами омываются весьма тяжкие грехи и беззакония. Вставай в полночь и воспевай Господа Бога твоего, ибо в оный час Господь наш возстал из мертвых и воспел Отца; посему и нам заповедано воспевать Бога в сей час. Вставши, сначала прочти следующий стих: полунощи возстах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея (Пс. 118, 62). Потом помолись и начни читать 50 псалом до конца. Исполняй это каждый день и читай псалмов, сколько можешь прочесть стоя; каждый псалом заключай молитвой и коленопреклонением, исповедуя пред Господом грехи своя и умоляя Его о прощении оных. После трех псалмов говори: Аллилуия.

Если же будут с тобою девы, то и они должны петь псалмы и одна после другой совершайте молитву. Поутру же читайте сей псалом: Боже, Боже мой к тебе утреннюю: возжада Тебе душа моя (Пс. 62), а пред разсветом: благословите вся дела Господня Господа (Дан. 3, 57); также: Слава в вышних Богу и на земли мир в человецех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя и проч.».

«Таким образом, раба Христова, встаешь ли или сидишь, занимаешься ли чем или принимаешь пищу, отходишь ли ко сну или пробуждаешься, непрестанно воспевай песнь Богу».

«Не унывай, когда случится с тобою какое-либо несчастие; не печалься, когда причиняют тебе вред или обиду; ибо печаль міра сего производит смерть. Сокрушайся только о грехах своих и ни о чем другом не скорби. Никому не отвечай со гневом; ибо раба Господня не должна раздражаться. Да не исходит из уст твоих проклятие, ниже обида, ниже злословие; ибо уста твои освящены хвалебными Богу песнями и славословиями. Сколько возможно, люби уединение. Не забывай рабов Божиих. Если святой муж внидет в дом твой, то прими его, как Сына Божия; ибо Господь наш Иисус Христос говорит: иже вас приемлет, Мене прием-

лет (Мф. 10, 40). Если же придет к тебе муж праведный, со страхом и трепетом встреть его и поклонись к ногам его до земли; ибо ты не ему будешь кланяться, но Богу, пославшему его; потом возьми воды и умой ноги его, и со всяким благоговением слушай слова его. Не полагайся много на свое целомудрие, дабы не пасть, но опасайся сего: ибо доколе ты будешь бояться, дотоле не подвергнешься падению. Для воздержной весьма полезно в уединении вкушать хлеб свой. Если же ты сидишь за трапезой с девами, то вкушай с ними все предлагаемое. Ибо когда ты не будешь есть, то они будут думать, что ты их осуждаешь. Даже если они пьют и вино, для них ты должна выпить немного. Если же с тобою находятся старицы и будут принуждать тебя выпить более, ты скажи им: «Вы провели юность вашу в великом воздержании, а я ещё не достигла и первой степени». Поступай так, чтобы никто не знал о твоем подвижничестве, даже из самых близких твоих родственников. Но если что делаешь, делай втайне — и Отец твой Небесный, видяй втайне, воздаст тебе яве (Мф. 6, 4). Если же откроешь жизнь свою, то от сего родится в тебе тщеславие и ты потерпишь вред. Тщательно избегай тщеславия и надменности.

Если тебе придет на мысль, что ты, успевши в добродетели, соделалась великою и славною, то не верь сему. Ибо это враг опутывает тебя и внушает тщеславие. Если же тебе представится мысль, что ты можешь спастись и не изнуряя себя столь тяжкими трудами, то не слушай оной. Ибо это враг возбуждает тебя к безпечности и нерадению, дабы отвлечь от добродетельной жизни. Не принимай похвал человеческих и не презирай невоздержных. Если найдешь душу, которая согласна с твоею и так же работает Богу, как и ты, то ей открой свою жизнь. Ты получишь великую награду, если чрез тебя спасется какая-либо душа. Если тебе придет мысль что-либо сделать, не решайся без разсуждения, чтобы не посмеялся над тобою враг твой; но все предпринимай с совета старших. Сохраняй любовь, которая выше всего. Сколько бы ни трудился человек, но если он не имеет любви к ближнему, то вотще будет трудиться. И так оказывай любовь к ближнему не на словах только, но и на делах. Не удерживай в сердце своем зла, причиненного тебе другими, иначе молитва твоя не будет чиста пред Богом. Имей кротость, терпение, великодушие и младенческую простоту. Никогда не должен оскудевать елей в лампаде твоей, дабы

не погасла она прежде пришествия Жениха: ты не знаешь, когда он придет в первый сон или поутру. Посему всегда будь готова встретить Его с мудрыми девами, имея в своей лампаде елей, т. е. благие дела. Всегда помни, исход свой; каждодневно имей пред глазами смерть: помни, пред Кем ты должна предстать».

Такими правилами должна руководствоваться девственница. Но если тяжелой представляется отшельническая жизнь для мужей, то тем тяжелее она для жен, которые более требуют нужды в поддержании и защите. Посему учреждение общежития иноческого для жен, ревнующих о жизни для Господа, не может не считаться великим благодеянием.

Господу угодно было, чтобы Пахомий, учредитель общежития для иноков, был учредителем его и для инокинь.

У Преподобного Пахомия осталась в міре сестра. Желание видеть Пахомия и лично убедиться в тех чудесах, которые об нем рассказывали, привели её в Тавенну. Отрекшись от мира и связей родственных, Пахомий всегда избегал беседы с женщинами. Когда привратник сказал ему, что сестра желает его видеть, Пахомий велел сказать, что с нее довольно знать, что он жив, и чтобы она возвра-

тилась домой, отказавшись от надежды видеть его. Но, не желая совершенно лишить её спасительного совета, он предложил ей, не хочет ли она подражать его роду жизни; Бог по её примеру, может быть, привлечет других к святой жизни, и если ей угодно, то он поручит братии выстроить ей монастырь. Огорченная сначала приемом Пахомия, она с радостию приняла его предложение.

Пахомий поблагодарил Бога за такую скорую готовность его сестры. Он приказал более почтенным из братий устроить для сестры его монастырь на месте Мин недалеко от Тавеннского монастыря на другой стороне Нила. Живя здесь в страхе Божием, она вскоре собрала около себя лик женщин, вверившихся её руководству. Она учила их и делами, и словами, забывая все земное, прилепляться к одному небесному.

Пахомий ввел в её монастыре те же самые правила, как и в мужеских; у них была та же и одежда, только они не носили милоти. Волосы они стригли и покрывали голову клобуком, прикрывавшим голову и плечи. Ручным рукодельем их была обделка льна и шерсти, который закупал для них главный эконом Тавенсти, равно как и все для них потребное.

Никто из монахов Пахомиевых монастырей без особенного позволения не мог войти в женский монастырь. Если у кого была в монастыре сестра или мать, то только в сопровождении старца испытанной добродетели он мог войти туда. Он сначала спрашивал настоятельницу, которая призывала инокиню в сопровождении старицы, и в присутствии её он мог разговаривать скромно и чинно. Он не мог ни дарить что-либо, ни сам получать; потому что ни тот ни другой не имели собственности, которую могли бы дать. Новости мира не имели места в их разговоре, они говорили только о предметах благочестия и утешались одною надеждою веселиться в блаженной вечности[1].

Когда инокини имели нужду в присутствии братий для постройки или для другого подобного дела, те, коим назначено было оказать эту помощь, приводимы были самым почтенным иноком и с любовью и страхом Божиим совершали свой труд. Они не могли ни пить, ни есть у инокинь, но в час, назначенный для отдыха, возвращались в монастырь.

Священник и дьякон, назначенные им для служения, приходили только по воскресеньям.

---

[1] De puellarum disciplina. Regul. S. Pach. Holsten. cod. regul. Tom. II. p. 50.

Первый правитель монастыря, инок Петр, муж престарелый и высокий по жизни, умертвил в себе страсти.

По его смерти Феодор, бывший настоятелем Тавеннских монастырей, назначил правителем женского монастыря Мин и монастыря Бехре Епониха, человека святого и престарелого[1]. Ему преемствовал Тифой. Чрез него главный эконом раздавал инокиням лен и шерсть для работы[2]. В этом монастыре были и девицы и вдовы. Здесь постриглись сестры Петрония, одного из первых учеников Пахомия, его преемника в управлении Тавеннскими монастырями. Здесь же в иночестве подвизались мать и сестра Феодора Освященного, любимого ученика Преподобного Пахомия[3]. Когда скончается одна инокиня, другие, приготовив её к погребению, выносят и полагают на берегу реки. Иноки, переплывши реку, переносят умершую на свой берег, держа в руках пальмовые и оливковые ветви и поя псалмы, и погребают в своих гробницах[4]. Палладий говорит, что в его время было в монастыре

---

[1] Boll. v. Pach. n. 86. n. 50.

[2] Ibid. c. 11. n. 86.

[3] Ibid. c. 3. n. 26. Rufin. v. pp. L. 3. n. 34.

[4] *Палладий*. Лавсаик, гл. 35.

Мин 400 сестер[1]. Палладий разсказывает об одной великой подвижнице из сего монастыря Исидоре, которая по редкому смирению и уничижению показывала себя юродивой и безумной. Служа в поварне, она исполняла всякое послушание для всех сестер; не носила куколь, а покрывалась ветхой повязкой. За трапезу никогда не садилась, никогда не брала себе и ломтя хлеба. Никто из сестер не видал, чтобы она ела; она питалась крошками, собираемыми со стола, и остатками в сосудах, которые мыла. Обуви никогда не носила. Как над безумной — над ней нередко издевались, но она никогда не обижалась и ни полсловом не показывала ропота. Святость сей подвижницы открыта была святому отшельнику Питириму. Его объяли однажды помыслы тщеславия. «Для чего превозносишься своими подвигами? — сказал ему представший пред ним Ангел. — Ступай в женский Тавеннский монастырь и найдешь там женщину в повязке, она лучше тебя, ибо подвизается среди многолюдства, служит всем, и, хотя все её осмеивают, она сердцем никогда не отступала от Бога. А ты, сидя здесь и никогда не живши в міре, блуждаешь мыслию по городам». Пи-

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 36.

тирим из Порфирита пошел в Тавеннский монастырь и пожелал видеть всех инокинь. Собрались все, но он не видел той, которую искал. Питирим просил привести всех, и когда ему отвечали: мы все здесь, кроме безумной, которая в поварне: Питирим велел привести и её. Насильно привели Исидору, ибо она не хотела идти. Увидев её, Питирим пал ей в ноги и сказал: благослови меня, мать. Она, упав ему в ноги, просила его благословения. Авва! не срами себя, она безумная, сказали инокини. Вы безумные, отвечал Святой старец, она лучше и вас, и меня, она мать наша, и я молюсь, чтобы оказаться равным ей в день суда. Услышав это, инокини с плачем поверглись на землю, прося простить их за оскорбления, нанесенные святой. Спустя немного после удаления Питирима Святая Исидора, не терпя славы, чести, которые стали оказывать ей, тайно удалилась из монастыря, и никто не знал, куда она скрылась и где кончила свою жизнь[1].

Блаженный Иероним говорит, что Маркелла заимствовала образ жизни иноческой у Тавеннских монахинь[2].

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 37, 38.

[2] Epist. 16 ad princ. vig. c. 4.

Блаженный Августин говорит, что инокини служили Богу с великою ревностью и чистотою. Отдаленные друг от друга, они соединены были взаимною любовью и подражанием добродетелям. Молодым инокам не позволялось близко подходить к монастырю. Даже старцы, доставлявшие все нужное, только входили в сени, а не в дом инокинь[1].

Кроме монастырей Тавеннских, много ещё монастырей женских воздвигнуто было в верхней и нижней Фиваиде. В городе Оксиринте было до 20 000 инокинь. Палладий говорит, что в городе Антиной было двенадцать женских обителей, в которых вели жизнь богоугодную. Он видел там старицу Аматалиду, восемьдесят лет пребывающую в подвижничестве. С ней жило шестьдесят отроковиц, которые, под руководством Аматалиды, свято проходили поприще подвижничества; все они любили её и безвыходно удерживаемы были в монастыре безмерною к ней любовью и святыми её наставлениями усовершаясь в целомудрии. В том же монастыре уже тридцать лет жила девственница Таора, ученица Аматалиды. Она никогда не хотела взять ни новой

[1] August. de mor. Eccles. L. 1. c. 31.

одежды, ни нарамника, ни обуви, говоря: я в этом не нуждаюсь. Она безвыходно в своем рубище сидела в келлии. Она рубищем скрывала свою красоту, своею скромностью приводя в стыд и страх самое безстыдное око[1].

В царствование Феодосия Великого посещала женские монастыри в Фиваиде вдова богатого сенатора Антигона, бывшего в родстве с Феодосием, Евпраксия с дочерью, носившею то же имя. Они нашли здесь монастырь, в котором жило более ста инокинь. Жизнь в этом монастыре была столь строгая, что инокини не ели плодов, не употребляли ни вина, ни масла, а питались только травами и бобами без всякой приправы. Менее строгие из них принимали пищу только раз в день и то повечеру. Многие по два, по три дни не ели ничего. Они не мыли не только тело, даже и ног.

Постелью для них служила власяница из лошадиного волоса, очень короткая и узкая, постланная на голую землю: одеждою их была тоже власяница, простирающаяся до ног. Они не выходили из монастыря и трудилась по мере сил. Если какая сестра делалась больна, они не прибегали к лекарствам, а предостав-

---

[1] *Палладий*. Лавсаик. С. 282, 283.

ляли больную воле Божией, которая могла исцелить её, если то было угодно. Строгая жизнь угодниц имела благодетельное влияние на всю область в исправлении нравов и в помощи в скорбях — душевных и телесных.

Евпраксии так понравилась эта обитель, что она считала для себя лучшим наслаждением ходить в нее и брала с собою свою юную дочь, которой было не более семи лет. Она желала поделиться с обителью своим богатством, но любовь к нищете инокинь не хотела приношений. Евпраксия предложила сумму в двадцать или тридцать фунтов золота настоятельнице. Нам не нужно денег, отвечала она, мы отреклись от богатства мірского и всех благ его, чтобы удостоиться сокровищ и радостей вечных. Единое приношение, которое принимали они, были благовония для курения в церкви, свечи для освещения и масло для лампады.

Настоятельница нередко беседовала с юной Евпраксией, в которой усматривала раннее расположение к благочестию, и однажды спросила её, любит ли она монастырь и всех сестер, которые в нем. Да, отвечала она с сердечным чувством. Но если ты нас любишь, останься у нас. Я этого очень желала б, если бы это не огорчило матери.

Когда нужно было выходить из монастыря, юная Евпраксия не хотела оставить его. Принимая это не более, как за каприз дитяти, мать оставила её на ночь. Но и на другой день повторилось то же. Евпраксия не хотела оставить монастыря и изъявляла желание совсем остаться в нем. Благочестивая мать вместе с настоятельницею, усматривая здесь особенное призвание благодати, оставили её в обители. Немного спустя юная Евпраксия в храме облечена была в иноческую одежду, которую она с радостью приняла, как дар небесного жениха. Мать жила подле монастыря, помогая ему имуществом и проводя жизнь, подобную подвижницам; она не употребляла ни вина, ни масла, ни рыбы и только повечеру вкушала немного овощей. Чрез несколько лет ей открыто было в видении, что наступает время её кончины. Она, привыкшая считать землю только местом изгнания и всегда своими желаниями переноситься к Небу, с радостью готовилась к переходу в лучшую жизнь. Юная Евпраксия предалась сначала сильной горести при мысли, что она останется сиротою, но мать утешила её, говоря, что ей нечего бояться, когда у ней — Отцем и Женихом Христос Иисус, а место матери займет насто-

ятельница. Последнее наставление её Евпраксии было такое: «Старайся исполнить то, что ты обещала Богу. Бойся Бога и люби сестер. Не мысли в себе, что ты царского рода и они должны тебе служить, но служи всем со смирением. Будь бедною на земле, чтобы получить богатство на небе. Тебе принадлежит все мое имение, отдай его монастырю и молись за твоего отца и за меня, чтобы мы удостоились милосердия у Господа». Это было последнее наставление матери; скоро она скончалась и была погребена в монастыре. Евпраксии было не более 12-ти лет, когда скончалась её мать. Но она старалась подвизаться подобно взрослым. Сначала она вкушала пищу раз в день, но потом принимала её чрез два или чрез три дня, а наконец только раз в неделю. Она исправляла со смирением и охотою самые низкие работы в монастыре, никогда она не скорбела на множество труда; забывала и свои лета и свое происхождение, а служила как будто с юности предназначенная к самым низким работам. Различные помыслы, внушаемые духами злобы, она разсеивала немедленным признанием пред настоятельницею и выходила победительницею из этой трудной борьбы. Всегда стоя на страже своих помыслов, полная смирения и

преданности воле Божией, она безбоязненно выносила самые сильные нападения врага. Зная, что послушание и отсечение своей воли есть лучшее средство к победе над врагами спасения, настоятельница, бдительно следившая за духовною жизнью Евпраксии, старалась преимущественно упражнять её в послушании. Желая испытать её послушание, настоятельница раз велела перенести с одного места на другое кучу камней, которые с трудом могли сворачивать с места две сестры. Евпраксии не пришло и на мысль, что ей дают дело, высшее сил, — она спешила исполнить приказание и сделала это. Много раз ещё настоятельница заставляла её перетаскивать эти камни с места на место. Она всегда с готовностью исполняла её приказания.

После этого опыта настоятельница велела ей смесить хлебы, испечь и разрезать, чтобы они готовы были сестрам в тот же вечер. Она исполнила и это. Стоя по целым часам пред монахинями, приготовляла кушанье, служила за столом, мела монастырь, колола и носила дрова в поварне, месила и пекла хлебы для всех сестер — таковы были её ежедневные занятия днем, но и ночью она не оставляла псалмопения. Но во всех низких служ-

бах — при всем её смирении видна была печать какого-то величия, которое свидетельствовало о её высоком происхождении. Тяжкие работы не изнуряли её тела. В двадцать лет она выше всех сестер была ростом, сильнее и крепче их, и красота нисколько не утратилась, но получила более прелести.

Любимая и уважаемая всеми сестрами, она умела сохранять любовь и к тем, которые делали ей неприятности. Одна сестра стала её упрекать в лицемерии и честолюбии за её великий рост и труды; когда настоятельница, узнавши это, хотела наказать сестру, Евпраксия первая была ходатаицей за нее и упросила и других старших инокинь просить за нее, и виноватая была прощена. Много перенесла она искушений и от дьявола, но всегда мужественная, всегда полная надежды на Бога, она не страшилась его нападений. Сестры видели особенно почивающую в ней благодать Божию, которая вскоре обнаружилась даром чудотворений. Одна женщина принесла в монастырь своего ребенка глухого и немого, прося молитв о исцелении. Настоятельница велела Евпраксии взять дитя у ворот монастыря и принести к ней. Увидев дитя в таком жалком положении, Евпраксия, проникнутая

жалостью, сказала ему, ознаменовав крестным знамением: Сотворивший тебя исцелит тебя. Потом она хотела взять его на руки, чтобы нести к настоятельнице, но лишь только взяла его, как увидела, что он совсем здоров. В другой раз привели бесноватую женщину, и настоятельница велела Евпраксии попросить у Бога ей исцеление: смиренная Евпраксия пришла в трепет от этого приказания. Посыпав голову пеплом и упав на землю в чувстве собственного недостоинства, она восклицала: увы мне! кто я ничтожная, чтобы дерзнуть мне изгнать беса, которого не могли осилить молитвы всех сестер? Но не смея прекословить воле настоятельницы, с горячею молитвой она поверглась в церкви, и бес оставил женщину. Эти опыты чудотворения только увеличивали в Евпраксии чувство смирения. В немногие годы Евпраксия достигла меры возраста совершенных, и Господь в сонном видении открыл настоятельнице, что Пресвятая Дева введет Евпраксию в жилище небесное и это случится чрез десять дней. С трепетом приняла это известие Евпраксия; зная одни свои немощи, с горькими слезами поверглась она к ногам настоятельницы и молила её испросить ей у Господа ещё год жизни,

чтобы плакать, видя себя лишенною добродетелей и имеющею нужду в покаянии. Настоятельница подняла её и внушала ей твердость и преданность воле Божией. Между тем у Евпраксии открылась горячка, настоятельница велела отнести её в церковь, — там весь день сидели при ней сестры, ночью сменила их настоятельница с сестрою Юлией, более близкой к Евпраксии. Евпраксия сильно изнемогала; сестры собрались к ней, простилась с нею и Юлия. Евпраксия на тридцатом году своей жизни скончалась. Сестра Юлия, бывшая наставницей у Евпраксии и молившая её перед смертью взять с собою, чрез пять дней после смерти Евпраксии тоже отошла в блаженную вечность. Не более тридцати дней прожила после смерти Юлии и настоятельница монастыря. Ей открыта была блаженная участь Евпраксии и Юлии и обещано ей то же упокоение. Собрав сестер и испросив их молитв, она просила их избрать вместо себя настоятельницу. Сестры выбрали Феогнию. «Сестры избрали тебя, сказала ей настоятельница, чтобы ты управляла ими по закону Божию и по правилам монастырским. Заклинаю тебя именем Пресвятой Троицы не искать имуществ и богатств мірских, не допускать сестер до забот

земных, пусть они презирают блага временные, чтобы быть достойными благ небесных. Потом, обратясь к сестрам, сказала: любезные мои сестры, помните о том, как жила среди вас Евпраксия, старайтесь идти по её следам, если хотите получить её блаженную участь». Давши наставление, она затворилась в молитвенной храмине. На другой день нашли её здесь уснувшую вечным сном праведных. По её желанию она похоронена была вместе с Евпраксией и Юлией[1].

В ряду подвижниц Египта одно из первых мест занимает Синклитикия. Чем для иноков был Антоний, тем для инокинь Синклитикия. Её высокая подвижническая жизнь и глубокая опытная мудрость с древних времен заслуживали особенное внимание. Если и не самим Великим Афанасием описана была жизнь её, то по крайней мере составление её принадлежит к временам, недалеким от Афанасия[2].

Родители Синклитикии были знатного и богатого рода Македонского и переселились в Александрию по усердию к Христианству.

---

[1] Acta. SS. Bolland. 13 Martii. Память Евпраксии Греческая Церковь празднует 25 июля, а Римская 13 марта.

[2] Жизнь Синклитикии помещена в переводе в Христианском чтении, ч. 3. 1821.

Она имела сестру и двух братьев. Один из братьев скончался в юности, другой достигший двадцати лет, принуждаемый вступить в брак, незадолго до дня брака переселился в небесное жилище. Будучи еще в доме родителей, Синклитикия более всего любила Бога. Непорочная душою была прекрасна и телом. Несмотря на многие предложения о супружестве, она желала соединения с одним Небесным Женихом и всегда избегала обращения с мужчинами, удалялась от всех увеселений, вредных и худых разговоров; любила пост, и принятие пищи ранее вечера делало её больною. По смерти родителей она взяла с собою сестру, лишенную зрения, и поселилась в могильном памятнике своего родственника. Распродавши свое имение и раздавши нищим, она призвала пресвитера и остригла власы. Благодеяние иноческого сана она считала столь великим, что не знала, чем возблагодарить за него Бога, ущедрившего её. В первые годы подвижнической жизни она превзошла многих, но скрывала свои подвиги. Она не только вкушала мало хлеба и скудную меру воды, но хлеб у ней был отрубяной. Пост она увеличивала, смотря по тому, если воздвигалась против нее брань врага, увеличивала тогда и молитву. Но в мир-

ные минуты она давала ослабу своему телу. «Во всю жизнь, говорила она, сохраняй умеренное правило поста. Не постись четыре или пять дней с тем, чтобы потом разрешить его на множество яств. Неумеренность всегда вредна». Её жизнь была Апостольская, в вере и убожестве сосредоточенная.

Слава о её подвигах привлекала к ней многих жен, которые просили у ней назидания. Долго она одним молчанием отвечала на их просьбы, отрекаясь давать наставления: «Зачем, говорила она, вы столько думаете обо мне грешнице, как будто бы я делала и говорила что- либо доброе? Мы имеем одного Учителя — Господа. Из одних и тех же источников почерпаем духовные воды, — из одних и тех же сосцев — Ветхого и Нового Завета питаемся млеком». Но неотступная просьба, желание доставить пользу заставили её давать наставления уже многим подвижницам, которые собрались вокруг нее и составили общежитие.

«Дети, — говорила она, — мы все знаем, как спастись, но по собственному нерадению оставляем свое спасение. Прежде всего нужно сохранять сию заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею и искреннего твоего, яко сам себе (Мф. 22, 37. 39). В сих

заповедях лежит основание закона и в них же живет полнота благодати. Хотя изречение кратко по словам, но велика и неизследима сила, заключающаяся в нем. Все душеполезное есть следствие сих заповедей. Это свидетельствует и Павел, когда говорит, что любовь есть конец закона. И так все относящееся к лепоте духовной, при содействии благодати Духа, о чем бы ни сказали люди, проистекает из любви и в нее возвращается. И потому вот где спасение — в двоякой любви».

«Много трудов и подвигов предстоит приходящим к Богу, но потом ожидает их неизглаголанная радость. Желающие развести огонь сперва задыхаются от дыма и плачут, а потом достигают, чего ищут: так и мы должны воспламенять в себе божественный огонь со слезами и трудами. Наше звание есть не что иное как отречение от жизни и помышление о смерти. Как мирские вельможи поручают слугам различные должности: иных отсылают в деревни для возделывания земель и распространения своего рода, а детей их, если найдут хорошими, переводят в собственные дома для служения себе; так и Господь вступивших в честный брак поставляет в стране мира; а лучших детей, которые удостоились

особенно счастливого избрания, поставляет на служение себе. Они свободны от всех мирских занятий, поелику удостоились Господней трапезы. Не заботятся об одеянии, ибо облеклись во Христа. Над сими двумя состояниями один Господин — Христос. От одного Господа происходят как честно живущие в мире, так и избравшие отшельническую жизнь. Обручаясь с Небесным Женихом, мы возьмем за образец мірской брак. Если мирские жены, сочетаваясь с мужем, много заботятся о умовениях, о благовонных мазях и различном убранстве, чтобы сделать себя более привлекательными, то тем более мы, обрученные небесному Жениху, должны превосходить их в старании, должны омыть скверну грехов многотрудным подвижничеством и одежды телесные переменить на духовные. Они украшают тело земными цветами, а мы украсим добродетелями душу свою и, вместо многоценных камней, возложим на главу тройственный венец — веру, надежду и любовь. А шею перевяжем для красоты драгоценным ожерельем — смиренномудрием. Вместо пояса перепояшемся целомудрием. Убожество да будет у нас светлыми тканными одеждами. На пире предложим нетленные пищи

молитвы и пения. Нам должно стараться об украшении души не наружном, но внутреннем. Мы остригли власы, т. е. мирское украшение, честь, славу, имение, блистательные наряды, омовения, сладкие яства, снимем с себя и нагноения, покрывшие голову, то есть объявшие душу нашу худые помыслы. Остригши власы, мы сделали их видимыми. Так в девственнице или монахе приметны самомалейшие грехи, как в чисто выметенной комнате заметна бывает малая нечистота».

«Ты живешь в монастыре. Не переменяй места, иначе это сделает тебе большой вред. Птица если часто слезает с яиц, то они делаются болтунами; так монах или девственница, если часто переменяют место, охладевают и умирают для веры».

«Живя в монастыре, мы должны предпочитать послушание подвижничеству, ибо последнее научает высокомерию, а первое смиренномудрию».

«Каждый по собственному расположению должен назидать себя. Одним прилично жить в монастыре, другим полезно удаляться в уединение. Так, как из растений — одни цветут лучше на мокрых местах, а другие целее на сухих местах; равно и из людей — одни

успевают на высоких местах, а другие безопаснее в местах низших. Многие спаслись и в городе, живя по пустынному, а многие и на горе погубили себя, делая людское. Ибо можно, обращаясь со многими, уединяться мыслию и будучи в уединении, мыслию обращаться со многими».

«Известна вам притча Евангельская о приносящих плод во сто, шестьдесят и тридцать крат. Сторичное число есть наше звание, число шестьдесятеричное знаменует полк воздержных, а число тридцатиричное живущих в брачной чистоте. Хорошо от тридцати переходить к шестидесяти; ибо хорошо от меньшего переходить к большему. Но от больших благ переходить к меньшим небезопасно. Однажды преклонившийся на худшее не может остановиться на первых ступенях, но стремится как бы в бездну погибели».

«Мы, принявшие на себя такой обет, должны сохранять целомудрие совершеннейшее. И у мірян есть целомудрие, но вместе есть и нецеломудрие; потому что они грешат всеми прочими чувствами, они смотрят нескромно и смеются безчинно».

«Пути к сохранению истинного целомудрия—это ограждение внешних чувств от не-

приличных зрелищ и слов, постоянное бдение над собою, строгое подвижничество и чистая молитва — это лучшие средства во всяком вредном помысле. Как острые лекарства врачуют жестокие болезни; так молитва с постом прогоняет злые помыслы. Как может не зачерниться внутренность дома, когда он извне окружен дымом и когда отворены окна? Посему нам должно воздерживаться от выхода на публичные места. Ибо не предосудительно ли смотреть на улицах до непристойности обнаженных и нескромные слова произносящих? От сего рождаются представления безпокойные и вредные. Если ты победила любодеяние грубое, то старайся, чтобы враг не вложил любодеяния в чувства твои. Он часто воздвигает внутреннюю брань, он припоминает отшельницам красивые лица, непристойные одежды, нескромные разговоры. Не должно сдружаться с такими представлениями, ибо они пролагают путь к греху. В людях, любящих Христа, дьявол часто и братскую любовь обращает в соблазн. Он многих девиц обольстил, прикрывшись благочестивой одеждой и братской наружностью. Это дело врага — одеваться в чужое платье и держать оружие под покровом. Если возникает в твоей мысли образ красивого лица, пред-

ставь обезображенным, мертвым трупом, — и порочное желание оставит душу».

Спросили однажды блаженную Синклитикию: произвольная нищета есть ли совершенное благо? Она отвечала: «Она совершенное благо для имеющих силу пребывать в ней. Живущие в нищете хотя и имеют скорбь по плоти, но спокойны душею. Как твердое платье, если его вымыть и крепко выжимать, становится чистым и белым; так и твердая душа от произвольного убожества более и более утверждается. Но чтобы оно принесло пользу, нужно прежде отречься от привычек роскоши, усовершиться в начальных добродетелях. Так Господь тогда только повелел юноше продать имение и раздать нищим, когда тот сказал, что он исполнил все добродетели (Мф. 19, 17). Не приобретшие навыка в добродетели скорбят об убожестве. Но добродетельные, раздав имения, свободнее прилепляются к Богу, на Него Одного возлагая надежду; их не мучит забота о земном богатстве, — с отъятием имения они освободились от большей части печалей и забот, и врагу нечем искушать их».

«Сколько велико убожество, столько сребролюбие низко и гнусно. Справедливо сказал

Апостол, что оно причина всех зол. Не только Бог наказывает сребролюбцев, но они сами себя погубляют. Ненасытимые в желаниях, они всегда жалуются на бедность. Сребролюбие всегда носит с собою зависть, которая изможлает своего господина, прежде нежели он станет изнурять подобных себе, подобно ехиднам, которые умерщвляют своих матерей прежде, нежели наносят вред другим».

«Душа подобна кораблю, который иногда от внешних волн потопляется, иногда от внутреннего повреждения погружается на дно. И мы иногда погибаем со стороны внешней от грехов делом, а иногда от внутренних помышлений. Посему мы должны примечать и за внешними порывами ветров, и изгонять извнутри себя нечистые помыслы. Враг нападает сперва объядением, негою и любодеянием. Эти ветры большею частью дуют на юношеский возраст. За ними следуют сребролюбие, любостяжание и сему подобное. Но когда душа воздержала чрево, победила чистотою чувственные удовольствия, тогда враг возбуждает в ней гордость. Он показывает подвижнику, будто он познал то, что для многих остается тайною, приводит ему множество заслуг его, а все согрешения предает забвению, зани-

мает ум мыслию о первенстве, учении, даровании, исцелении, и обольщенная душа тлеет и погибает».

«Отшельница, если придут к ней такие помышления, пусть идет в киновию. Пусть она принудит себя есть по дважды в день, если чрезмерное подвижничество подвергло её сей болезни. Искусные земледельцы, когда заметят, что растение прежде времени обременилось сучьями, лишние сучья отрезывают: так и великое подвижничество, объятое огнем гордости, нужно переносить в прохладные места и обрезывать лишние сучья. Сестры должны укорить и поносить возгордившуюся, как ничего не сделавшую доброго. Она должна исполнять все службы. Ей должно разсказывать жития Святых, и сестры сами должны на несколько дней усугубить труды подвижничества своего, дабы она, видя высоту добродетелей, менее о себе думала. Пусть говорят о такой: чем ты надмеваешься? Ты не ешь мяса, другие в глаза не видят и рыбы. Ты не пьешь вина, другие не употребляют и масла. Ты постишься до вечера, другие по три дня не едят ничего. Ты не моешься, другие и по болезни не умывали тела. Ты спишь на рогоже, другие на голом полу. Иные камни

клали под себя, а некоторые привешивали себя на целую ночь. Но если ты и все это делаешь, и то нечем гордиться. Демоны ни едят, ни пьют, ни посягают, ни спят. Так как с гордостью всегда неразлучно непослушание, то чрез послушание можно исцелить гордость. Как невозможно корабля устроить без кормила, так невозможно устроить спасения без смиренномудрия; оно должно быть началом и концом всех добродетелей. Как живем мы в киновии, то не надобно нам приобретать собственности и не надобно служить собственной воле, но во всем должно повиноваться отцу духовному (матери) по вере. Мы сослали себя в ссылку, т. е. стали вне пределов міра».

«Должно прилагать все старание о том, чтобы скрывать свои успехи. Ибо как открытое сокровище уменьшается, так и добродетель, если она открывается и обнародуется, — упраздняется. И как воск тает от лица огня, так душа растаивает от похвал и лишается твердости».

«Иначе должно врачевать нерадивых. И малые добрые дела их должно выхвалять, указывать на примеры великих грешников, которые чрез покаяние достигли царства небесного, чтобы нерадивые не впали в отчаяние».

«Хорошо не гневаться. Но если бы сие и случилось, то не позволено тебе и дня оставаться в этой болезни. Солнце да не зайдет в гневе вашем (Еф. 4, 26). Зачем ты ненавидишь оскорбившего тебя человека? Не он оскорбил тебя, но дьявол; гневайся на болезнь, а не на больного. Но гнев есть меньшее зло, а злопомнение тягчайшее из зол. Гнев на короткое время, встревожив душу, проходит; а злопомнение делает её лютее зверей. Любодеяние, любостяжание, убийство исцелялись от спасительного лекарства покаяния; но гордость, злопомнение, злословие, почитаемые за небольшие стрелы, многих умертвили. Они умерщвляют не силою удара, но нерадением получивших рану. Так как они ни во что вменяли злословие и другие пороки, то вскоре от них и погибли. Не слушай речей злословия, чтобы не быть вместилищем чужих пороков. Если примешь в себя нечистые речи, то положишь пятно на твою молитву. Наслушавшись худых отзывов, на всех будешь смотреть косо и ненавидеть без всякой причины. Люби врагов, не презирай безпечных и нерадивых. Истинно добродетельные, подражая Господу, Который ел с мытарями и грешниками, заботятся о спасении грешников и употребляют все средства,

чтобы наставить их на путь спасения. Впрочем, тому, кто сам не испытал деятельной жизни, опасно приниматься за научение. Если бы кто, имея дом, близкий к падению, принял странных, то падением дома причинил бы им погибель. Подобно сему и не устроившие прежде себя вместе с собою погубили бы и тех, которые пришли к ним. Словами они призывали ко спасению, но нечистою жизнью более повредили живущим с ними. Слова без дел подобны картинам, писанным линючими красками; от ветра и дождя они стираются. Но учения, соединенного с деятельностью, не может изгладить целый век. Такое слово, вырезывая камень души, представляет очам истинное изображение Христа».

«Не отказывайся от поста под предлогом болезни; ибо и непостящиеся часто подвергались таким болезням. Начал ты доброе дело? не отступай назад. Пусть враг силится воспрепятствовать тебе, но он падет пред твоим терпением. Предпринимающие плавание сперва пользуются попутным ветром, а потом, распустив паруса, встречают и противный ветер. Но несмотря на противный ветер, плаватели не разгружают корабля, а или останавливаются на короткое время, или вступают в борьбу с бу-

рею и продолжают плавание. Так и мы, когда враждебный дух станет нападать на нас, распростремся крест вместо паруса и будем безопасно совершать наше плавание. Чем более успевают подвижники, тем с сильнейшим врагом вступают в сражение. Дух уныния должно прогонять молитвою и псалмопением».

«Много у дьявола сетей коварных. Не успев поколебать душу бедностью, он уязвляет её богатством. Не одолел её оскорблениями и поношениями, вооружается на нее похвалами и славою. Не возмог обольстить душу удовольствиями, — он покушается сокрушить её невольными трудами. Если человек побеждает дьявола крепостью телесною, дьявол насылает на нее болезни, чтобы люди малодушные ослабели в любви к Богу. Если ты грешник, то, страдая в болезнях, воспоминай о будущем наказании, о вечном огне, о мучениях после суда, не малодушествуй в настоящих страданиях, но радуйся, что Бог посетил тебя, и повторяй сие прекрасное изречение: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя (Пс. 117, 18). Ты железо, — и огонь очистит твою ржавчину. Если ты праведен, то чрез сие от великого переходишь к большему. Ты золото, — и чрез огонь делаешься

чище. Плоти твоей дадеся ангел (2 Кор. 12, 7), торжествуй; смотри; смотри, кому уподобился? Ты удостоился чести Павловой. Ты искушаешься горячкою, наказуешься простудою? Но Писание говорит: проидохом сквозь огнь и воду, и извел еси ны в покой (Пс. 65, 12). Достиг ты первого, ожидай и второго. Успевая в добродетели, повторяй слова праведника: нищь и боляй есмь аз (Пс. 68, 30). Сия двоякая скорбь соделает тебя совершенным. Ибо Псалмопевец говорит: в скорби распространил мя еси (Пс. 4, 2). В сих училищах нужд и страданий будешь образовывать свою душу подвигами».

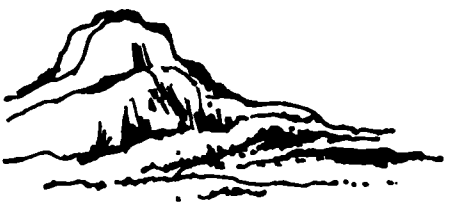
«Когда болезнь тяготит нас, не надобно скорбеть, что от боли и язв мы не можем воспевать Псалмы устами. Ибо болезни и раны служат к истреблению похотей; а и пост и земные поклоны предписаны нам для побеждения страстей. Если же и болезни исторгают сии страсти, то не о чем заботиться. Великий подвиг — терпеливо переносить болезни и среди них возсылать благодарственные песни Богу. Мы лишились очей. Не будем печалиться; внутренними очами мы можем созерцать славу Божию. Лишились слуха. Будем благодарить за то, что вовсе не

будем слушать пустых речей. Не действуют руки. Но у нас есть внутренние длани, готовые на брань со врагами. Все тело страждет болезнью, но чрез сие умножается здравие внутреннего человека».

В себе самой Синклитикия показала высокий пример терпения болезни подобно Иову. Ей было восемьдесят лет, когда её посетила изнурительная лихорадка и три года с половиною изнуряла её. Потом от загнившего коренного зуба начали у ней гнить десны, гноение перешло на уста и всю щеку. После сорока дней страдания в больных местах образовались черви, которые стали выходить наружу, самые кости заразились, гнилость и зловоние распространились по всему телу так, что с трудом могли быть при ней прислужницы. Блаженная страдалица отказывалась от всякого человеческого пособия. И только согласилась на употребление мази для уничтожения зловония. Три месяца страдала она, не принимая никакой пищи и не зная сна. За три дня до кончины она сподобилась небесного видения, в котором открыто было время её кончины, и она мирно почила в назначенный ей день.

Так подвизались святые жены в Египте. Пастыри церкви особое попечение прилага-

ли об их благосостоянии. Когда возникло гонение Ариан в Александрии, злоба сих врагов имени Христова пала и на девственниц. Ариане подвергали их поруганиям, ранам, смерти и не позволяли даже погребать умерших. Св. Афанасий писал к ним несколько утешительных посланий[1].



[1] *Феодорит*. Церковная история. Кн. 2, гл. 14.

Содержание

Архимандрит Августин (Никитин)
ПРОФЕССОР П. С. КАЗАНСКИЙ 5

Часть первая
ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ
(Монашество в Египте)

Предисловие 31
Происхождение жизни монашеской 59

Антоний Великий, основатель иноческого отшельнического жития; Пахомий Великий, учредитель общежития иноческого; женские иноческие обители в Египте

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ, ОСНОВАТЕЛЬ МОНАШЕСТВА 93

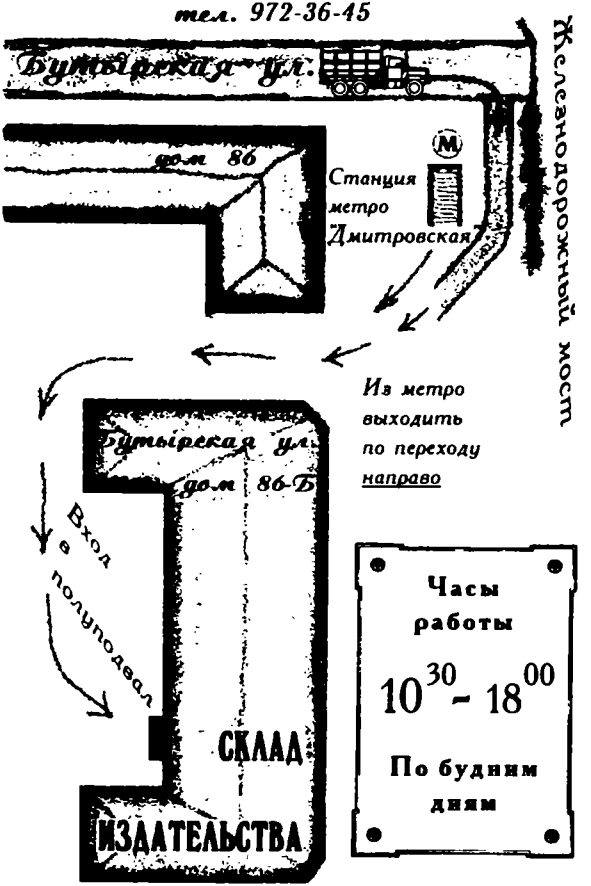
СВЯТОЙ СИСОЙ, ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ ГОРЫ СВЯТОГО АНТОНИЯ 194

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБЩЕЖИТИЯ
ИНОЧЕСКОГО ПАХОМИЕМ
ВЕЛИКИМ 213

ПРЕЕМНИКИ ПАХОМИЯ
В УПРАВЛЕНИИ ТАВЕННСКИМИ
МОНАСТЫРЯМИ 321

НАЧАЛО ЖЕНСКИХ
ИНОЧЕСКИХ ОБИТЕЛЕЙ
В ЕГИПТЕ 398

Оптовая торговля издательства
"ПАЛОМНИКЪ"
тел. 972-36-45



П. С. Казанский

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

Часть первая

Директор издательства «Паломникъ»
П. Н. Роговой

Главный редактор издательства «Воскресеніе»
М. Б. Данилушкин

Научный консультант
Н. В. Алексеева

Редактор
А. Н. Сыщикова

Корректор
Е. Ю. Дорман

Оформление
Е. Б. Калинина

Верстка
Д. А. Зимин

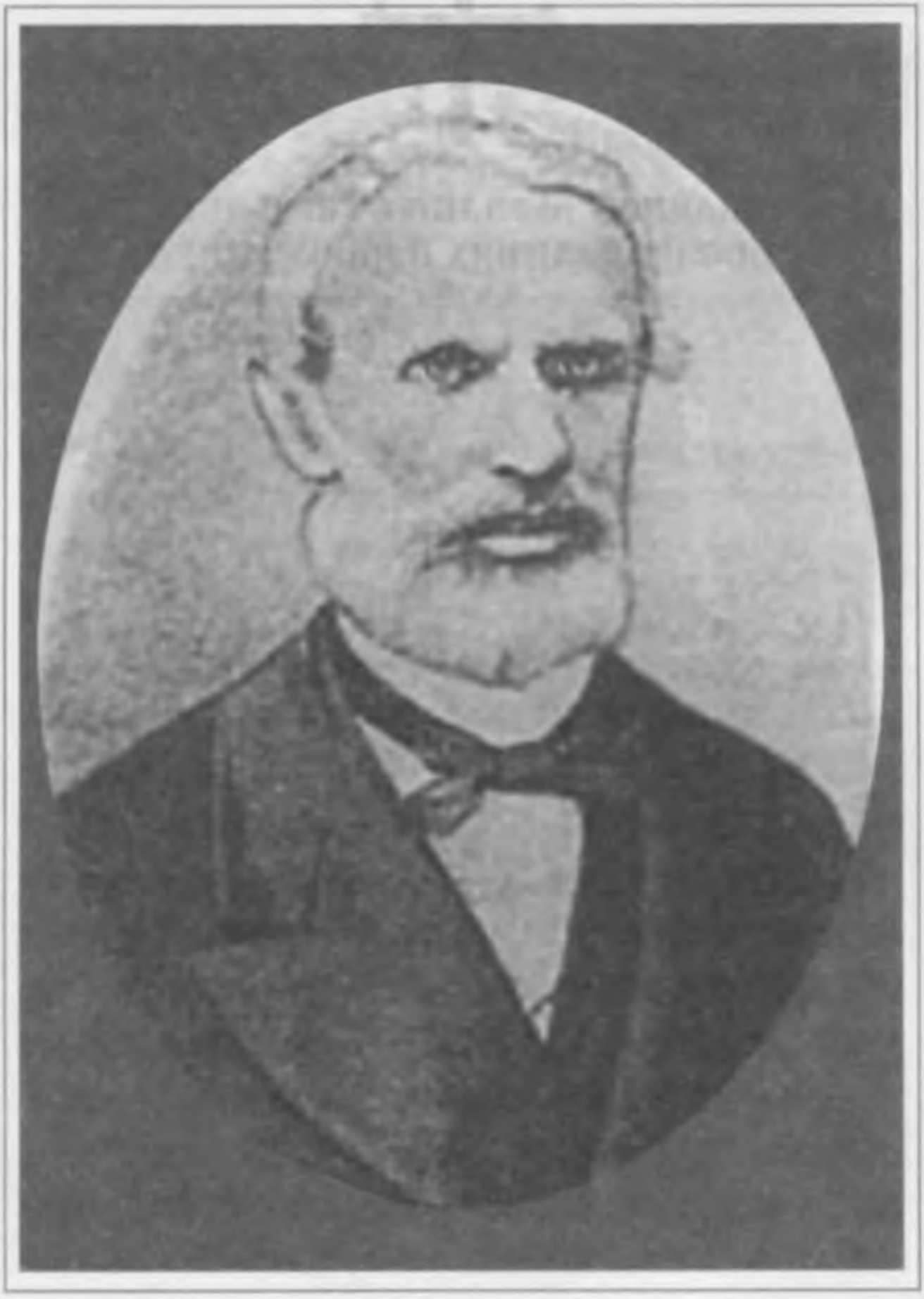
ЛР 066242 от 25.12.98.
Издательство «Паломникъ»,
Подписано в печать 15.09.2000.
Формат 70x100$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Объем 14,5 п.л. Тираж 4 000 экз. Заказ 27261
Адрес издательства «Паломникъ»:
103030, Москва, Сущевская, 21.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии АО «Молодая гвардия».
Адрес АО «Молодая гвардия»:
103030, Москва, Сущевская, 21.

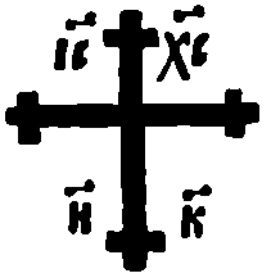
ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО И АСКЕТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПАМЯТНИКАХ

П. С. Казанский

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

II





ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО И АСКЕТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПАМЯТНИКАХ

ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО И АСКЕТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПАМЯТНИКАХ

П. С. Казанский

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

Сочинение
Экстраординарного Профессора
Московской Духовной Академии
Петра Казанского

10316

Научная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:
Иерей Андрей Лобашинский
Сидоров А. И.
Роговой П. Н.

Капитальный труд профессора Московской Духовной академии Петра Симоновича Казанского (1819–1878) «История православного монашества на Востоке», изданный всего один раз, в середине XIXвека, и долгое время бывший библиографической редкостью, ныне вновь выходит в свет, причем в дополненном виде, становясь наконец доступным широкому кругу православных читателей. Эта книга — незаменимое руководство к познанию жизни и подвигов иноков первых веков христианства, написана на основе большого числа достоверных источников. Автор известен также как выдающийся духовный писатель и православный педагог, оставивший заметный след в истории Русской Православной Церкви.

ISBN 5-87468-087-X

© «Паломникъ», 2000
© Карта, подбор иллюстраций: Издательство «Воскресеніе», 2000
© Архимандрит Августин (Никитин), вступит. статья, приложение, 2000
© Храм Покрова Божией Матери

Часть вторая

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА

НА

ВОСТОКѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Экстраординарнаго Профессора Московской Духовной Академіи,

Петра Казанскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО В ГОРЕ НИТРИЙСКОЙ

Тогда как Антоний, собрав среди Египта, на берегу Нила, сонмы иноков, сам удалился на восток к пустынным берегам Чермного моря, а Пахомий основал общежитие Тавенское в верхнем Египте, на западном краю среднего Египта, начиная с горы Нитрийской до отдаленных пустынь Скита, учреждался новый приют для пустынно-любивых иноков. Почти в одно время Аммон стал собирать иноков в горе Нитрийской, основывать пустыню Келлий, а Макарий Египетский привлекать ревнующих о высшей жизни в пустыню Скита.

Гора, или пустыня Нитрийская, которую блаженный Иероним называет градом Божиим[1], по святости пустынножителей, обитавших в ней,

[1] Hier. Epis. 27.

была обширная пустыня[1], на юг от озера Мареотского, граничившая к востоку с пустынею Скитскою, с другой стороны с Ливиею и землею Мазиков, и простиралась до Ефиопии. Она получила название от соседней горы, где в озерах было большое количество селитры (нитра). Это подало повод Иерониму и Руфину сказать, что там грехи людей часто омывались селитрою добродетелей[2].

Еще во времена Филона на берегу Мареотского озера искали себе уединенного убежища Иудеи. Сократ[3] и Палладий[4] говорят, что ещё до прихода Аммона в гору Нитрийскую жили уже здесь подвижники. По некоторым сказаниям, ещё во втором веке положено начало отшельнической жизни на горе Нитрийской[5]. Но писатель жизни Св. Пахомия говорит, что Аммон первый обитал в пустыне Нитрийской[6]. Руфин и Евагрий также называют Аммона основателем иноческой жизни в горе Нитрийской.

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 7.

[2] *Hieron*. Elog. Pavlae. Они указывали на слова Иеремии, 2, 22.

[3] *Сократ*. Церковная история. Кн. 4, гл. 23.

[4] *Палладий*. Лавсаик, гл. 8, с. 26.

[5] Rosw. vitae PP. lib. 1. p. 184. Acta S. Frontoni Revar. de vita Monast. L. 4. § 1. n. 1.

[6] Vita Sanc. Pach. Bolland. Maji. 14.

Аммон был родом египтянин, сын благородных и богатых родителей[1]. На двадцать втором году от рождения он лишился отца и матери и не думал оставаться в мире, будучи, по словам св. Афанасия, с малолетства посвящен Богу ревностью по благочестию. Но, не желая оскорбить родных, а особенно дядю, принуждавших его вступить в брак, он решился обвенчаться, положив твердое намерение хранить девство и после брака. Удалясь с молодою женою после брачного пира в особую комнату, он сказал молодой супруге своей: «Я хочу побеседовать с тобой, сестра моя! В браке нашем нет ничего особенно хорошего. Лучше мы сделаем, если сохраним девство неприкосновенным. Этим мы угодим Христу». Потом, вынув Новый Завет, прочел из него все, что Спаситель и Апостол Павел сказали о девстве, и присовокупил и свои размышления. Жена его, мало знавшая Св. Писание, была тронута и согласилась на девственную жизнь, но не решилась жить отдельно, как желал Аммон. Она просила жить вместе, как брат с сестрою, чтобы под покровом брака скрывать от глаз людей сокровище своего дев-

[1] Сведения об Аммоне Нитрийском встречаются у Сократа. Церковная история. Кн. 4, гл. 23. *Созомен*. Кн. I, гл. 14. Kacciod. Histor. trip. lib. 1 c. 11. *Палладий*. Лавсаик, гл. 8.

ства. Около осмнадцати лет так прожил Аммон с своею женою. Каждый день ходил он в сад возделывать землю и плодоносные деревья, а вечером, пришед домой и после молитвы вкусив пищи вместе с женою, удалялся в особую комнату и большую часть ночи проводил в молитве и песнопении. После краткого сна он вновь принимался за свою работу. Его супруга с неменьшею ревностью упражнялась в подвигах благочестия. Соединенные святою ревностью о благочестии и любовью к добродетели, они связаны были союзом, гораздо теснейшим, нежели союз плоти и крови, и достигли великого безстрастия и внутреннего мира, который Бог дает вкушать верно служащим Ему.

Сделавшись свободнее по смерти родных, жена, до сего времени удерживавшая при себе Аммона, почла долгом дать ему свободу посвятить себя на служение другим. «Несправедливо было бы, сказала она, лишать других примера добродетели и спасительных наставлений, коими я пользовалась столько времени». Об этом давно молился Аммон; этого слова давно желал он от жены своей. Он тогда же уступил ей свой дом, и жена в скором времени собрала в нем общество дев. Сам Аммон, нашедший пустыню на южной стороне Мареотского озера за Нитрийскою горою, основал там свое жилище и стал

подвизаться. Он не вкушал масла, не пил пива, сухой хлеб и вода составляли его пищу, и эту скудную пищу он принимал дня чрез два и даже реже. Два раза в год посещала его жена, чтобы пользоваться его советами и наставлениями. Недолго оставался неизвестным Аммон; скоро стали собираться к нему ученики, о спасении коих он прилагал неусыпное попечение.

Сознавая, что одного усердия и ревности не всегда достаточно для безопасного прохождения добродетельной жизни, Аммон искал наставлений для себя у людей, более его опытных в духовной жизни. «Иной человек, говорил Аммон, всю жизнь свою ходит с секирою и не может срубить дерева, а другой искусный в рубке и немногими ударами сваливает дерево». Секирою он называл рассудительность. «Иной человек, говорил он ещё, сто лет живет в келлии, а не может научиться, как жить в келлии». Поэтому-то он искал наставлений у отца иноков, Великого Антония. Он часто ходил к великому пустыннику. Сохранилось сведение и об одном посещении Антонием горы Нитрийской. «Вот молитвами твоими, сказал Аммон Антонию, умножилась братия и некоторые из них желают построить себе келлии в отдалении. В каком разстоянии отселе велишь ты построить келлии?» Антоний сказал: «Вкусим пищи в час девятый и пойдем, походим по

пустыне и посмотрим место». Они шли по пустыне, пока не зашло солнце. Тогда Антоний сказал: «Сотворим молитву и поставим здесь крест, чтобы желающие жить особо здесь строили келлии». Это место было более, чем в десяти тысячах шагах от монастыря. «Тамошние, сказал Антоний, если захотят посетить здешних, пусть приходят сюда, съевши свой хлеб в девятый час, и здешние пусть то же делают, отходя туда. Тогда они не будут развлекаться взаимными посещениями». Так, благословением Антония Великого образовалась пустыня Келлий. Не сохранилось нам сведений о том, как управлял иноками Аммон, но дух его управления можно усматривать в том наставлении, которое дошло до нас под его именем. Дух смирения, терпения, страха Божия, преданности воли Божией, кротости дышит в его наставлениях.

«Помышляй, возлюбленный, так пишет Аммон, что Господь наш Иисус Христос, и имея неизреченную славу и величие, образ дал нам, да последуем стопам Его. Приняв зрак раба, Он терпел всякие скорби, переносил оскорбления и уничижение, яко овча на заколение ведеся и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзал уст Своих (Пс. 53, 7). Во смирении суд Его взятся, и со многим безчестием Он подвергся смерти за нас. Все это для того, чтобы и мы,

если подвергаемся скорбям, поношению, мучениям и самой смерти, не унывали, но без ропота переносили находящие на нас бедствия».

«Веруй, что весьма полезно и спасительно для души переносить поношения, безчестие и унижение, нанесенные ради Господа. Посему охотно и твердо переноси их, помышляя, что ты большего заслуживаешь за свои грехи. Почитай благодеянием, что ты удостоился потерпеть нечто ради Господа и соделался хотя на одну минуту участником страданий Господа твоего. И всякий раз, как вспомнишь о нанесших тебе оскорбление, от всего сердца искренно молись за них, как за своих благодетелей, и не мысли ничего против них. Если же кто будет воздавать тебе честь и хвалить тебя, скорби и молись, чтобы освободиться от этого бремени. Проси Господа, чтобы Он избавил от всякой славы, считая себя недостойным её и немощным. Старайся избрать себе жизнь скромную и проводи её смиренно без гордости, как близкий к смерти и уже мертвый для мира, считая себя худшим всех и обремененным тяжкими грехами. Это доставит душе твоей большую пользу».

«Заботливо внемли себе, чтобы всякое любочестие и искание суетной славы ненавидеть, как гибель души своей, и отвращаться всякой чести и похвалы от людей, не почитать себя луч-

шим, даже равным кому-либо; отвращайся всякого гнусного вожделения и плотского удовольствия даже самого малого, берегись вожделения очей, слуха, языка. Пусть очи твои будут устремлены только на дело; остерегайся без всякой необходимости и смотреть на человека. Не давай ушам своим слышать хулы или праздные разговоры. Полагай постоянное хранение устам твоим. Опасно блюди себя в малом, чтобы не подвергнуться тебе великим искушениям».

«Всеми силами старайся стяжать спасение души и Царство Небесное. Всячески подвизайся, чтобы мыслию, словом, делом, одеждою и образом жизни смирять себя, почитать себя землею и прахом, последним из всех и рабом всех, худшим всякого христианина. Так помышляй в себе и говори: я в сравнении с другими христианами прах, и правда моя яко порт нечистый (Ис. 64, 6). И если по великому долготерпению Божию не получу милосердия Божия, то достоин буду не жизни, а вечного наказания. Так постоянное сохраняя смирение и скорбь в душе и ожидая ежедневно смерти, взывай непрестанно к Господу, чтобы Он по многому Своему милосердию право устроил твою душу и явил на тебе милосердие, дабы в сердце твоем всегда были скорбь и воздыхание, а всякое веселье и смех были бы удалены, да превратит-

ся смех в плач и радость в скорбь. Всегда с сокрушенным сердцем и лицом говори: *смятеся сердце мое* (Пс. 37, 11)».

«Сокрушайся, воздыхай и непрестанно храни глубокое молчание и помышляй о тьме вечной — об осужденных в оную и страдающих в ней. Помышляй, что и ты заслуживаешь их участи. Пока есть время покаяния, в которое ты можешь освободиться от этих страшных мучений, непрестанно плачь, скорби, болезнуй и сетуй. Возлагай на себя согласно с волею Божиею труды и удручения плоти, крови и духа и непрестанно упражняйся в них за грехи твои. Тело твое по мере сил изнуряй рукодельем, постом и другими трудами. Душу твою непрестанно упражняй в размышлении о Св. Писании; во время размышления воздыхай и молись более. Будь всегда собран, как будто ты предстоишь пред св. престолом, дабы демоны не нашли случая вложить в сердце твое худые мысли».

«Помышляй, что если Иисус Христос умер за нас и воскрес, и Своею кровью искупил нас, то и мы должны жить не для себя, но для Господа. Представляй, что ты всегда ходишь пред Его лицом, что ты уже умер, оставил сей мир и всегда уже предстоишь пред Господом. Потому ты не должен следовать своей воле, своему желанию и думать, что от тебя зависит что-либо.

Но ты раб Господа и Его только покоряйся воле. Как раб со страхом и трепетом и с многим смирением следует за своим господином и всегда готов исполнять его волю, так и ты стоишь ли, сидишь ли, один ли бываешь или с кем другим, веди себя так, как бы ты был пред лицом Божиим, трепещи духом и телом. Сколько возможно, сохраняй ум свой чистым от помыслов неправых и со всяким смирением, кротостью, благоговением и благоразумием веди себя пред очами Всевидящего, не дерзая по грехам своим возводить очей на небо».

«Как всегда находящийся пред лицом Божиим будь готов к повиновению Его воле со всем усердием и верою, хотя бы предлежали тебе всегда страшные искушения или самые тяжкие скорби, мучения и даже смерть».

«Что бы ни случилось с тобою, — ни в слове, ни в деле, ни в помышлении, ни в мысли, не ищи своей воли и спокойствия, но тщательно твори волю Божию, хотя бы пришлось тебе потерпеть скорбь и даже смерть. Ибо заповедь Божия — живот вечный (Ин. 12, 50). Ешь ли, пьешь ли, спишь ли или выходишь куда-либо и что хочешь сделать, прежде всего размысли, согласно ли это с волею Божиею и Его учением».

«Помни слова Писания: *раби неключимие есмы, еже должни бехом сотворити, сотвори-*

хом (Лк. 17, 10). Если что делаешь, не жди награды, но совершай с великим смирением, как должник и неключимый раб. Что бы ни сделал, думай, что ты далек от исполнения своего долга, своим нерадением увеличивая только грехи: *ибо ведущему добро творити и нетворящему грех ему есть* (Иак. 4,17). Посему всегда с плачем и сокрушением молись, чтобы Господь, по неизреченному Своему милосердию, простил тебе грехи твои».

«Если ты, оскорбленный кем-либо, чувствуешь, что скорбь и гнев объяли тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанною молитвой не умирится твое сердце, и тогда можешь говорить с братом. Если тебе нужно будет вразумить брата и ты видишь, что он возмущен гневом или смущением, не говори ему ничего, чтобы он более не раздражался гневом. Только тогда, когда увидишь, что ты и он спокойны, говори с ним, но не укоряя, а со смирением и кротостью напоминая ему, чтобы гневного слова не было на устах твоих. Подвизайся так всегда, чтобы мысль о присутствии Божием была пред тобою. Страшись и трепещи потому, что в сравнении с величием Бога ты персть и прах».

«Помышляй, что ты всегда находишься пред лицом Господа, не надейся ни на кого, кроме Его

одного. Если желаешь чего, то моли Бога, чтобы Он по Своей воле исполнил твое желание. И если случится что с тобою доброе, благодари Бога; ибо это Им даровано. Когда нуждаешься в чем, не возлагай надежды на человека, не скорби и не ропщи, но охотно терпи, помышляя, что за свои грехи ты достоин многих скорбей. И если Богу угодно будет помиловать тебя, то Он может восполнить недостатки твои и в малом и в великом».

«Не бери того, о чем не знаешь, Бог ли дает тебе это. Принимай то, что есть плод правды и исходит с любовью и миром. А что дается ссорою, коварством, то брось от себя, ибо лучше малая часть со страхом, нежели стяжание многое с неправдою (Притч. 15, 29)».

«Как великое сокровище храни всегдашнее молчание. Если бы нужно было тебе что-нибудь сказать, прежде разсуди с собою, требует ли того необходимость, или воля Божия, и тогда только говори; ибо в это время лучше говорить, чем молчать, потому что исполняешь волю Божию. Отверзай уста свои для слова Божия и с знатным ли, или с бедным говоришь — говори со всяким смирением и кротостью. С речью скромной и степенной и взор и мысль твоя должны быть скромны. Если встретишься с кем, приветствуй с любовью одним или двумя слова-

ми и потом замолчи. Если нужно тебе предложить вопрос, выслушай ответ и ни слова более[1]».

Преподобный Аммон украшен был даром чудотворений и прозорливости. Но древние пустынножители любили лучше подражать добродетелям святых, нежели описывать чудеса, и потому о немногих чудесах Аммона сохранилась память. Сам Аммон любил скрывать свои духовные дарования. Несмотря на славу, которою он пользовался за свои подвиги и чудеса, св. Афанасий поставляет его в числе тех, заслуги коих более сияли пред Богом, нежели известны были людям. Желая дать понятие о скромности и чудодейственной силе Аммона, Афанасий разсказывает следующее событие. Однажды Аммону нужно было переправиться чрез реку Ликон[2]; он велел бывшему с ним ученику Феодору немного отойти, чтобы тот не видал, как он будет раздеваться. Феодор отошел и в другом месте

---

[1] Поучения преп. Аммона Нитрийского часто встречаются в славянских рукописях. Латинский перевод их издал Воссий в приложении ко второму тому сочинений Ефрема Сирина. Colonid Agrip. 1675 an. pag. 499–503. Под заглавием: Sancti Abbatis Ammoni capita paraenetica decem et novem. Воссий не находит никакого сомнения приписать ему их.

[2] Ликон есть глубокий рукав Нила. Палладий говорит, что ему и в лодке было страшно переправиться чрез него. *Лавсаик*. Гл. 8. С. 28.

переправился на ту сторону, где нашел уже Аммона, невидимою силою перенесенного на другой берег, вследствие его желания не видеть себя обнаженного.

Аммон скончался шестидесяти двух лет, из коих сорок провел в мире, а двадцать два года в пустыне. В самый час его смерти св. Антоний видел, как его душа восходила на небо. Антоний сидел на своей горе, пишет св. Афанасий, и, подняв вдруг взоры к небу, увидел, что некто восходит в воздухе и множество Ангелов сретает его с великою радостью. Антоний вопросил Господа, что это за видение? В то же время он услышал глас, что это душа Аммона, пустынножителя Нитрийского. И Антоний возвестил бывшим с ним, что Аммон почил в мире. Чрез тридцать дней братия пришли из пустыни, и от них узнали, что Аммон скончался именно в тот день и час, когда видел Антоний его душу восходящею на небо[1].

Иноки пустыни Нитрийской в своих духовных подвигах особенно воодушевлялись примером и наставлениями Великого Антония. Как основатель иноческого здесь жития Аммон пользовался советами и руководством Антония,

---

[1] Афанасий в жизни Антония Великого. Отсюда видно, что Аммон скончался прежде Антония. Тильмон полагает его кончину между 340 и 345 гг. Том. 7, с. 158.

так и сподвижники его, первые жители пустыни, были ученики Антония. Таковы были: Пиор, Памво, Ориген ученик его, который так живо повествовал об Антонии, что как бы представлял его живым. Видели св. Антония Иераск, Иаков Беотийский, Кроний. Кроний служил переводчиком у Антония, любил повествовать о добродетелях его и много лет был пресвитером в горе Нитрийской.

Были знаменитые иноки, образовавшиеся и под руководством самого св. Аммона, как то известны были: Феодор, Елурион, Агиос, Путувист, Орсисий. Современные писатели именуют их столпами монашества, святыми, обладавшими даром чудотворения.

Феодор Освященный, настоятель Тавенский, посылая Аммона в гору Нитрийскую, сказал ему: «Там много святых и благоугодных мужей». Св. Феодор, замечает Аммон, разумел Феодора, жившего с Амуном, Елуриона и Аммония, которые спустя несколько времени скончались, также Пиора и Памво, которые получили от Бога дар исцелений, и других мужей[1].

Видно, что вскоре после смерти Аммона возникла необходимость установить некоторые правила иноческой жизни для монахов, обитавших

---

[1] Epist. Ammon ad Theoph. p. 21.

в горе и ее окрестностях. Главные старцы горы Нитрийской и Скита, Серапион, двое Макариев — нитрийский и скитский и Пафнутий, собрались вместе для установления правил иноческой жизни. Свое разсуждение начали они, как начинали и всякое дело, усердной молитвой к Богу, дабы Дух Святый вразумил их.

Серапион, указав на умножение иноков, на опасность пребывания для них в пустыне отдельно и на то, что Писание говорит: *се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1), и что Бог вселяет единомысленные в дом, для утверждения этого единения между братиями почитает нужным принять следующие правила:

Один да будет начальник у всей братии; от его совета и повеления никто да не уклоняется, но с радостью да повинуется ему как Самому Богу, по слову Писания: *повинуйтеся наставником вашим: тии бо бдят о душах ваших* (Евр. 13, 17). и ещё: *послушания хощу, лучше жертвы* (Мф. 9, 13). Помыслите, что чрез послушание Авраам угодил Богу, и *друг Божий наречеся* (Иак. 2, 23). Чрез послушание сами Апостолы удостоились быть свидетелями Божиими между племенами и народами. Сам Господь наш с горних сходя к дольним говорит: *не приидох творити волю Мою, но волю пославшаго*

Мя (Ин. 6, 33). При таких примерах и побуждениях да хранится более всего послушание.

Макарий с своей стороны обратил внимание на обязанности начальников:

Вы же отцы начальники образ будете верным (1 Тим. 4, 12), то есть то кротостью, то строгостью возвышайте души братии от земного к небесному, по слову Апостола: *обличи, умоли, запрети* (2 Тим. 4, 2). Начальник должен уметь и оказывать любовь ко всем, и требовать сохранения устава, помня слова Господа: *в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2). В церковном собрании без повеления настоятеля никто не может начать пения псалмов. Если настоятель замедлит, то известить его и поступать по его приказанию.

От вступающего в монастырь прежде всего должно требовать отречения от богатств земных, и паче всего от гордости, которая бывает достоянием и бедных. Прежде всего со смирением должно слушать, чтобы никто из вас, братия, не творил своей воли — это великая и приятная Богу жертва. Будьте готовы на всякое доброе дело; что ни случится с вами, будьте в скорби терпеливы, в делах честны. Никому не платите злом за зло, а старайтесь делать добро для всех человеков. Имеющие такие расположения пусть приходят в монастырь и целую

седмицу пусть лежат пред вратами монастырскими. Братия не должны входить с ними в общение, и они должны испытывать только огорчения. Если он останется верен своему желанию, то настоятель не возбраняет ему входа и, принимая его, объясняет ему устав иноческой жизни. Если это человек богатый, то пусть прежде всего идет, продаст имение свое и отдаст нищим. При себе пусть оставит только крест Христов, да приимет его и грядет вслед Господа. А истинное несение креста состоит в том, чтобы творить волю не свою, а другого. Приходящий может, если хочет, часть своего имущества отдать монастырю. Если он приведет с собою рабов, то они в монастыре будут не рабы его, а братия.

Странников встречает и дает им ответ один заведывающий странноприимною. Ни один брат не должен молиться с ними, ни давать им лобзания мира, прежде нежели увидит их настоятель. Только настоятель или те, кому он прикажет, могут разговаривать с ними. Никто из братии не должен спрашивать: откуда они пришли, зачем пришли и куда идут. Пусть слышится только беседа Божественная, почерпнутая из Св. Писания и слова настоятеля. Для этого хорошо, чтобы странников не вводить в общую трапезу, но они вкушали бы пищу с одним настоятелем.

Пафнутий предложил потом свои дополнения:

«Помня слова Писания: *Петр и Иоанн восхождаста во святилище на молитву в час девятый* (Деян. 3, 1), нужно положить, чтобы братия подкреплялись не ближе девятого часа, исключая воскресных дней и времени Пятидесятницы. В воскресные же дни братия пусть всецело предаются упражнениям духовным, не занимаясь ничем другим, под каким бы то ни было предлогом. Пусть сей святой день всецело посвящают на прославление Господа в молитве, псалмопении и духовных песнях. С первого часа дня до третьего братия должны посвящать Богу. С третьего часа до девятого исполнять без всякого прекословия и ропота то, что повелит настоятель чрез брата, которому вверено заведывание работами.

Если кто от поста или трудов сделается болен, настоятель должен приложить об нем попечение. Нужно только наблюдать, чтобы никто своей воли не творил.

Если общество иноков велико, то настоятель должен избрать чередных для каждой недели и установить порядок их службы, как они должны преемствовать один другому; он должен определить также, как должен вести себя келарь, заведывающий имуществом братии. Должно избирать такого, который бы мог удерживаться от всякого

чревоугодия и по-Евангельски раздавать братии нужное, который бы страшился части Иуды, бывшего татем. Да знают братия, что все находящееся в монастыре — сосуды, орудия и прочее — священно. И кто будет нерадиво обращаться с сими вещами, будет иметь часть с тем царем, который пил с своими наложницами из сосудов, посвященных дому Божию, и за то подвергся такому страшному отмщению.

Другой Макарий предложил свои мысли о взаимном отношении монастырей:

Не должно быть позволяемо без воли настоятеля принимать братию из другого монастыря. Если кто пожелает перейти в другой монастырь, то должен просить своего настоятеля, чтобы он просил настоятеля другого монастыря принять его. Если же какой-нибудь настоятель примет брата без согласия того настоятеля, у которого он жил, то он подвергнется суду епископов или своих братий настоятелей и тогда только может быть допущен к должности, когда испросит прощение. Новопоступивший брат, какое бы место ни занимал в прежнем монастыре, здесь должен считаться младшим. Без дозволения настоятеля во время собраний и собеседований о Свящ. Писании он не имеет права говорить. С собою ни имущества, ни книг ему не должно быть дозволено вносить в монастырь.

Приходящие клирики должны быть принимаемы со всяким уважением как служители олтаря и им должно предоставлять честь начинать молитвы во время Богослужения, будет ли то простой клирик или служитель олтаря. Но если клирик виновен в каком-либо преступлении, и это доказано; то ни при настоятеле, ни при его помощнике ему не должно быть дозволено начинать молитву. Но не должно клириков принимать в монастырь на жительство, разве только обличенные в преступлении придут они в монастырь, чтобы подвигом унижения принести покаяние. Что касается до исправления братий, подпавших какой-либо вине, то нужно, смотря по свойству вины, отлучать их.

Если кто, например, будет обличен в пустых разговорах, то на три дня да отлучится от собрания братии, и да наложено будет на него молчание. Если кто замечен будет в непристойном смехе, тот в продолжении двух седмиц да подвергнется уничижительным трудам для исправления. Посему и сказал Апостол: *аще и впадет человек в некое прегрешение; вы духовнии исправляйте таковаго духом кротости* (Гал. 6, 1). Нужно, чтобы чрез наказание брат не погиб в своем состоянии, но исправился бы.

Наконец, начальники не должны иметь к кому-либо лицеприятие, но питать ко всем рав-

ную любовь, поелику справедливое уравнение приятно Богу, по слову Пророка: *аще воистину правду глаголете, правая судите, сынове человечестии* (Пс. 57, 2). Да будет известно вам, что не исправляющий согрешающего отдаст отчет Богу. Будьте верными и добрыми учителями для всех, укрощайте умы неспокойные, подкрепите немощных, будьте терпеливы ко всем и сколько братьев вы приобретете для Бога, столько венцов вам соблюдется от Бога[1].

Св. жизнь иноков горы Нитрийской, начало которой положил Аммон, была предметом благоговейного удивления для современников. Руфин, свидетель их подвигов, пишет, что великие подвижники преимущественно обитали в горе Нитрийской, что они по жизни и действиям более сходны были с Ангелами, нежели с прочими смертными[2]. К концу четвертого века в горе Нитрийской жило около пяти тысяч иноков, разделенных на 50 монастырей, частью общежительных, частью отшельнических. Общим местом собрания был для них один храм, куда они собирались в субботу и воскресенье для общих молитв, проводя остальные дни седмицы в подвигах благочестия в своих монастырях.

---

[1] Lucae Holsten. Cod. Reg. Tom. I. p. 11–14.

[2] *Rufin*. Hist. Eccl. Lib. 2. c. 28.

В горе Нитрийской было восемь пресвитеров, но только один из них совершал Литургию, решал недоумения и предлагал советы братии, пока был жив. Без его дозволения никто не мог предлагать общих наставлений[1].

Руфин, Палладий и блаженный Иероним[2] знакомят нас с образом жизни Нитрийских подвижников.

Первою обязанностью иноков было повиновение старшим. Общим правилом пустынников было то, что отсечение своей воли есть самый безопасный и надежный путь к духовному совершенству. Чтобы приучить к отречению от своей воли, давали часто приказания трудные и не представляющие ясной цели. Это для того, чтобы приучить не разсуждая делать то, что приказано. Ничто более сего не могло смирить и покорить закону святого самоотвержения, того самоотвержения, которое творит истинного монаха и без которого он никогда не достигнет высшего совершенства. Старцы, которым новоначальные отдавали себя в послушание, любили передавать своим послушникам советы, как завет отцов, прежде живших, которых изречения и советы и примеры они хранили в своей

---

[1] *Rufin*. Hist. monach. c. XXI. *Созомен*. VI, 3.

[2] Epist. 22. ad Evstoch. p. 33–37.

памяти. Они хотели вести их на поприще иноческих подвигов тем путем, которым сами шли. Таким образом сохранялся дух первых подвижников и преемственно передавался от одного поколения другому. Они понимали, и опыт подтвердил, что иноческая жизнь тогда ослабевала, когда стали уклоняться от преданий старцев и вводить новые обычаи. Потому Феодор Фермейский с грустью обличал даже то уклонение от обычая предков, что монахи за трапезою, принимая чашу для питья, не говорят по древнему обычаю: благослови, отче!

Для удобнейшего надзора и подчинения жившие в горе Нитрийской разделялись на десятки и сотни. Старший инок был начальником над девятью своими собратиями, и у каждой сотни был свой начальник, заботившийся о телесных и духовных нуждах подчиненных. Но все сии начальники зависели от главного начальника, которому отдавали отчет в своем управлении.

Пустынники жили или по одному в келлии, или по двое и по трое, иные в большом числе образуя значительное общество, которое в общей совокупности можно назвать монастырем. Все сии иноки жили под управлением начальников; иные отходили далее как анахореты, поселялись вдали в келлии и даже в пещере. Общим правилом для жизни было то, что до девя-

того часа дня, или до трех часов пополудни, иноки проводили время в молчании, прилежа богомыслию, молитве, чтению, рукоделию. Никто не мог ходить в келлию другого, кроме начальника. Он посещал иноков, чтобы видеть их подвиги, давать нужные наставления, укреплять их в искушениях, утешать в скорбях.

В девятом часу они собирались петь псалмы и читать Св. Писание в молельнях, которые были при каждом монастыре. При наступлении вечера, пишет Палладий о нитрийских монахах, можно стать и слышать в каждой келлии хвалебные псалмы и песни, воспеваемые Христу, и молитвы, возсылаемые на небеса; иной подумал бы, что он восхищен и перешел в рай сладости.

После молитвы, когда они сходятся, настоятель предлагает им поучение. Это поучение обыкновенно следовало за чтением Св. Писания и имело предметом объяснение и приложение прочитанного чтения. Блаженный Иероним описывает благоговение, с каким слушали наставление. Все сидят в молчании; никто не смеет плюнуть, или поднять глаза. Свое одобрение они свидетельствуют только слезами, которые проливают в молчании, заглушая вздохи, извлекаемые сокрушением. Но когда Авва начал беседовать о Царстве Небесном, о будущем блаженстве, они поднимали взоры к небу, во глубине

души говоря: *кто даст ми крыле яко голубине и полещу и почию* (Пс. 54, 7). Выслушав поучение, иноки расходятся и каждые десять братий садятся за стол с своим начальником. За столом каждый из братии служил по очереди в течение недели. Во время стола сохраняли полное молчание. Пищею их был хлеб, овощи и травы, для которых единственной приправой была соль. Во дни великой четыредесятницы они вкушали только хлеб и воду. С Пасхи до Пятидесятницы они имели трапезу в полдень. Это было некоторым облегчением поста, ради радости Воскресения Христова. Только старцы употребляли вино и имели иногда ужин; прочие вкушали пищу, однажды в день. Эконом обязан отведывать пищу приготовленную для братии. После трапезы, принесши благодарение Господу, расходятся по своим кельям и до вечера беседуют с братией одного десятка. Предметом беседы были только назидательные истины. «Заметил ли ты, говорили они, сколько благодати небесной получил такой-то? как молчалив такой-то? какой у него вид важный и скромный?» Таким образом, их разговор имел предметом добродетели, какие они усматривали у других, а не их недостатки. Всякое злословие, даже шутка были удалены из их разговоров; они утешали немощных, побуждали друг друга к больше-

му преспеянию в добродетелях. Потому после беседы расходились по кельям не с обремененною грехами языка совестью, но с сердцем, проникнутым желанием высших подвигов.

Хотя правила не требовали от иноков нитрийских, чтобы проводили большую часть ночи в молитве, но, по свидетельству блаженного Иеронима, уходя в свои кельи, они любили проводить большую часть ночи в молитве. Для их сердца, жаждущего единения с Богом в молитве, всегда кратким казалось время беседы с Богом, и они у сна столько отнимали времени для богомыслия, сколько позволяла немощь плоти. Если начальник заметит, что кто-либо из братии не часто упражняется в келейной молитве, он не дает выговоров, но примером иноков и представлением сладости и благодатных действий молитвы старается пробудить любовь к ней.

Каждый день иноки выучивали что-либо из Св. Писания, которое было для них духовною пищею, они вместе с тем старались сообразовать с ним свою жизнь. Такое, пишет Руфин о нитрийских монахах, видали мы у них упражнение в Св. Писании, разумение и углубление в божественные истины, что каждый из них мог быть проповедником божественной мудрости[1].

---

[1] Hist. monach. c. XXI.

Иноки горы Нитрийской, где монашество насаждено и руководствуемо было Великим Антонием, ревностным защитником православия, верность свою православному исповеданию Господа Иисуса Христа, во время гонения Лукиева при Валенте, запечатлели своею кровью. Лукий, арианский епископ в Александрии, думал, что гонением успеет склонить их к арианству и чрез них увлечь народ, который, не любя спорить о догматах, следовал их учению, руководствуясь тою мыслью, что истина известна тем, которые добродетель свою показывают делом. Прибыв в Нитрийскую гору, Лукий хватал подвижников в то время, когда они врачевали недуги, изгоняли бесов. Руфин пишет: когда иноки ждали нападения от воинов, к ним принесен был из среды народа кто-то с изсохшими членами так, что не мог стоять на ногах. Помазав его елеем, они велели ему во имя Христа, гонимого Лукием, встать и идти домой. Больной сделался здоров. Но это не вразумило Лукия. Иноки были подвергаемы посмеянию, побоям, обнажению, ввергаемы в узы, умерщвляемы, ссылаемы в изгнание. Преследуемые лжеепископом Лукием, они погибали целыми толпами или скрывались в глубочайшие пустыни, унося с собою и в мрак могилы и в дикую пустыню отрадную и светлую веру в Сына Божия. Все неистовство ариан должно было уступить

этой непоколебимости веры и ограничиться одним изгнанием начальников пустынников Макария Египетского, Макария Александрийского, Памво, Гераклида, Исидора и других[1]. И это послужило только к прославлению имени Господа Иисуса Христа. Лукий, выведши из пещерного убежища, пишет Феодорит, сих настоятелей божественных сонмов, сослал их на один остров, населенный людьми нечестивыми и не видавший в своих пределах ни одного учителя благочестия. Когда судно подплывало к острову, чтимый тамошними жителями демон оставил идола, который долго ему служил жилищем, вселился в дочь жреца и беснующуюся привел к берегу, к которому гребцы направляли судно. Пользуясь языком девицы, как орудием, он произносил следующее: «Уж это могущество ваше, служители Христовы! Отвсюду изгоняли вы нас — из городов и сел, с гор и холмов, и даже из необитаемой никем пустыни. Живя на этом острове, мы надеялись избежать ваших стрел, но обманулись в надежде. Гонители сослали вас сюда не для того, чтобы причинить вам скорбь, а для того, чтобы вашею силою изгнать отсюда нас. Мы уходим и с этого острова, потому что изгоняемся лучами вашей доб-

[1] *Rufin.* Hist. Eccl. Lib. II. c. IV. *Сократ.* Церковная история. Кн. 4, гл. 24. *Созомен.* Церковная история. Кн. 6, гл. 20.

родетели». Сказав это, демоны повергли девицу на землю, а сами исчезли. Между тем божественный этот сонм подвижников, помолившись, воздвиг девицу и отдал её отцу смыслящею и здравою. Очевидцы этого чуда, упав к ногам тех святых, умоляли их дать им средства к спасению, разрушили идольское капище и, озарившись лучами учения, сподобились благодати всесвятого крещения. Как скоро весть о сем распространилась в Александрии, все собрались и порицали Лукия, говоря, что им угрожает гнев Божий, если тот божественный сонм не будет возвращен. Посему, боясь возбудить в городе волнение, Лукий позволил святым мужам возвратиться в пещеры[1].

Несколько позднее на некоторых из монахов нитрийских пало обвинение в привязанности к ложным мнениям Оригена. Труды Оригена в критическом исследовании текста Св. Писания и его переводов возбудили общее внимание Церкви с самого своего появления. Таинственное изъяснение в толкованиях Оригена давало обильную пищу для духовных созерцаний. Потому труды Оригена были с любовью принимаемы иноками. Но пастыри Церкви опасались, что при неразсудительном чтении писаний Оригена

[1] *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 21.

распространятся и те заблуждения, которые встречаются в его сочинениях.

Замечая, что многие из простых христиан имели человекообразные представления о Божестве, Феофил Архиепископ Александрийский в одном из своих пасхальных посланий старался раскрыть неправильность такого понятия о Божестве. Это послание возбудило сильное волнение между многими иноками египетскими. В большом числе пришли они в Александрию, готовые в порыве неразумной ревности убить Феофила, как нечестивого. Феофил встретил их словами: «Видя вас, я вижу как будто лицо Божие». Эти слова усмирили иноков. «Если ты в самом деле так исповедуешь, то осуди книги Оригена; ибо читающие их приводятся к противным сему мыслям». «Но у меня это давно положено, сказал Феофил; ибо столько же как вы порицаю последователей Оригена». Это успокоило иноков, и вопрос этот был бы, вероятно, забыт, если бы не примешалась к сему личная неприязнь Феофила к Исидору, начальнику странноприимной в Александрии, и к братьям Аммону, Диоскору, Евсевию и Евфимию, называемым по высокому росту своему долгими[1]. Они пользовались сначала уваже-

[1] Так объясняют это дело Сократ (Кн. 4, гл. 7), Созомен (Кн. 8, гл. 11–19), Исидор Пелусиот (Lib. 1. с. 152).

нием Феофила. Против воли троих из них он извлек из пустыни; Диоскора сделал Епископом Гермополиса; двое других проходили должность экономов при Александрийской церкви. Видя несправедливость Феофила в употреблении церковных имуществ, они оставили город и удалились опять в Нитрийскую гору. К ним по тому же побуждению перешел и Исидор. Феофил возбудил против них, как упорных оригенистов, множество простых иноков, так что открылось возмущение. Тогда Феофил с войском прибыл в Нитрийскую гору, чтобы разорить келлии гонимых. Преследуемые своим Архиепископом, братья далее решились искать защиты у Константинопольского Архиепископа Иоанна. Уже то, что сей учитель вселенский не согласился на осуждение иноков нитрийских и ходатайствовал за них пред Феофилом, свидетельствует, что он не считал их зараженными ложными мнениями Оригена. Св. Епифаний, сначала возставший против них, после личного объяснения мирно простился с ними[1].

Сам Феофил свидетельствует, что заблуждения Оригена не были распространены в горе Нитрийской. В письме к блаженному Иерониму он пишет: Феодор видел все монастыри нитрийские

---

[1] *Созомен*. Церковная история. Кн. 8, гл. 15.

и может свидетельствовать о воздержании и кротости монахов, как по удалении последователей Оригена мир возвратился в Церковь и сохраняется учение Господне[1].

Кроме подвигов молитвенных и чтения Св. Писания вменялось инокам в обязанность заниматься по келлиям рукоделием. Все монастыри египетские, пишет Иероним[2], обязывают каждого вступающего заниматься рукоделием не для того только, чтобы снискивать пропитание, но для спасения души, дабы ум не увлекался гибельными помыслами. На каждый день, исключая воскресного, в который они занимались только чтением и молитвою, назначалась известная работа, которую принимал вечером начальник десяти братий и ежемесячно сам давал отчет эконому. Рукоделие было самое простое: плетение рогож, корзин и другие занятия, которые можно делать сидя в келлии. Праздность правила иноческие преследовали как самый опасный порок. Трудясь единственно в пользу обители, иноки получали и все нужное от обители. Но как ограничены были их нужды! Одна власяница, одна мантия для одеяния и рогожа для спанья — вот все имущество инока. Что было сверх сего, то было изли-

---

[1] Curs. Patr. Compl. T. 22. p. 756, ep. 89.

[2] Epist. ad Rust. monach. 125. n. 14.

шеством. Если казались иноку ветхи его власяница, мантия, рогожа, он не имел права просить новых. Наблюдать за нуждами иноков поручено было эконому, чтобы никакая забота земная не отвлекла сердца их от заботы о своем спасении. Всякое стяжание считалось тяжким грехом. У одного отшельника нашли после смерти сто златниц, которые добыл он, прядя лен. По суду старцев, он лишен был погребения. Были иноки, которые не знали совсем цены денег. Таков был Альбин; он не носил сандалий, в течение всей жизни в горе Нитрийской носил кожаную одежду. Совершенную нищету, как избавляющую от всех забот, считал он высшим благом. Жить в совершенной нищете, говорил он, значит быть царем. Если кто-либо из братии делался болен, то его переносили в более обширную келлию и там окружали попечениями, так что, по словам блаженного Иеронима, ему не оставалось желать ни попечений матери, ни удобств города. Пресвитер нитрийский Исаак выстроил для больных иноков и для приходящих большую больницу, где находили они себе успокоение. У них были искусные в врачевании иноки, которые помогали не только своим инокам, но и посетителям. Если любовь к умерщвлению плоти заставляла иноков и во время их болезни отрекаться от услуг других,

то с другой стороны любовь начальников спешила предложить им все нужные пособия.

С полною же любовью принимали иноки приходящих к ним. Подле церкви, пишет Палладий, есть странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его на горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему дозволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни дают ему дело или в саду, или в пекарне, или на поварне; если же странник человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать с ним никому не дозволяют до шестого часа дня. Руфин так описывает прием, какой ему сделали иноки нитрийские. Лишь только мы приблизились, где могли увидеть нас иноки, как тотчас же они вышли из келлий и поспешили к нам навстречу, многие из них несли мехи с водою и хлебы. Встретив, они ввели нас с псалмопением в церковь, омыли нам ноги и отерли своими мантиями, будто облегчая тяжесть пути, но на самом деле таинственными наставлениями омывая скорби земные. Что скажу о их приветливости, услугах и любви, когда они все наперерыв спешили принять в свои келлии? Не только они предлагали с радостью то, чего требовал долг гостеприимства, но старались поделиться с нами сокровищем, каким сами владели, уча нас

смирению, кротости и другим добродетелям, какие сами имели. Никогда не видел я, чтобы с такою любовью, с таким горячим участием исполняемо было дело гостеприимства. Когда Иероним с Павлою, в 383 г., посещали Нитрийскую гору, называемую Иеронимом градом Божиим, все иноки вышли навстречу путникам. «В чью келлию, пишет Иероним о Павле[1], она ни входила, к чьим ногам ни припадала, в каждом монахе она верила видеть Христа, и то, что принесла с собою для них, верила, что принесла для Самого Бога. Забывая пол и слабость, она хотела бы поселиться навсегда между иноками».

Изложив вообще образ жизни нитрийских подвижников, познакомимся с некоторыми из более замечательных, каковы Пиор, Памво, о которых Аммон говорит, что они особенно сияли добродетелями вместе с Аммоном Нитрийским, Ор и Афре ученик его.

Пиор, уроженец египетский, ещё в юных летах оставил дом своих родителей и показал такую твердую решимость проводить иноческую жизнь, что тогда же дал обет убегать случаев к свиданию с родителями на земле. Он отдался под руководство Великому Антонию. Пример и наставления великого любителя безмолвия про-

[1] Epist. 108.

будили в душе его желание совершенного отшельничества. Имея двадцать пять лет от роду, он пожелал подвизаться один в пустыне. «Иди, сказал ему Антоний. когда Пиор открыл ему свое желание, пребывай, где хочешь, и когда Бог внушит тебе, приди посетить меня». Пиор поселился в пустыне около горы Нитрийской. Он выкопал колодезь, и хотя вода была очень горька, но он не оставлял своего места. Многие из великих подвижников хотели жить на месте его, но не могли прожить и одного года, потому что вода была очень горька и место дико, лишено всех удобств жизни. Не раз братия убеждала его оставить это место. Он отвечал им на их убеждения: если мы будем избегать горести и труда и воздержания и захотим иметь в сем мире покой, то после исхода из сей жизни не получим вечных благ и не насладимся безконечною райскою радостью. Для своего пропитания, подобно другим отшельникам, Пиор ходил жать к земледельцам. Однажды, окончив жатву, он напомнил хозяину поля о плате. Тот отложил плату до времени, и Пиор, работая и другой год, возвратился, не получа платы. То же было и на третий год. Но когда Господь благословил изобилием поселянина, он, взявши деньги, пошел отыскивать инока, работавшего у него. Когда нашел Пиора, упав к ногам его, сказал:

Господь ущедрил меня, возьми. Пиор велел отдать деньги пресвитеру.

Пиор ел только шесть унций хлеба и пять маслин, и то принимал пищу ходя. Когда его спросили, почему он так делает, Пиор отвечал: не хочу заниматься пищею, как делом, и потому ем между делом и вместе для того, чтобы душа не ощущала телесного удовольствия. Любя сам труды и само умерщвление, он любил облегчать труды других. Посещая других иноков, Пиор, чтобы не быть им в тягость, приносил с собою хлеб. Довольствуясь сам горькою водою, он силою молитвы своей помог инокам, трудившимся в ископании колодца, достать свежей воды. Стараясь облегчить немощи телесные ближних, он был снисходителен и к немощам душевным. Однажды в скиту было собрание по поводу падения одного брата. Отцы говорили, но Пиор молчал. Потом встал, вышел, взял суму, наполнил её песком и носил на плечах своих. Насыпал также песку в другую корзину, которую надел напереди. Отцы спросили его, что это значит? Он отвечал: «Сума, в которой много песку, — это мои грехи, много их, но я оставил назади, чтобы не плакать об них: а вот это немногие грехи брата моего; они напереди у меня, и я разсуждаю об них и осуждаю брата моего. А не должно бы так делать!

Лучше бы мне свои грехи носить напереди, скорбеть об них и просить Бога о помиловании». Отцы, выслушав его, сказали: вот истинный путь спасения!

В течение долгой своей жизни Пиор сохранял обет не видеть своих родителей. Так прошло тридцать и более лет. Сестра его, оставшаяся вдовою, послала двоих своих детей отыскать Пиора в пустыне. Они нашли наконец его и сказали ему: мы дети твоей сестры, но Пиор не принял их. Тогда они обратились к Антонию и просили его убедить посетить их мать. Антоний призвал к себе Пиора. «Почему ты, брат, столько времени не приходил ко мне?» «Ты велел мне, святой отец, придти тогда, как Бог внушит мне, но я доселе не имел повеления Божия о сем». «Поди, сказал ему Антоний, и посети сестру». Взяв с собою монаха, Пиор пришел к дому сестры и, закрыв глаза, стал около крыльца, чтобы не видеть сестры. «Вот я Пиор твой брат. Смотри на меня, если хочешь», и тотчас же возвратился в свою пустыню. Пиор владел даром чудотворений и скончался в глубокой старости[1].

Все, упоминавшие о св. Памво, представляют его как друга Божия, который учил тому, чему сам научился от Господа Иисуса Христа, — как

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 11, 74. 75. *Созомен*. Кн. VI. 29.

одного из тех небесных людей, которые по чистоте и святости более подобны безплотным, нежели простым людям, — как учителя, свыше просвещенного в путях Божиих и получившего дары чудотворений.

Оставив мир, Памво обратился к одному пустыннику и просил его выучить некоторым псалмам на память; ибо не знал грамоте. Первые слова он услышал: *рех сохраню пути моя, еже не согрешати языком* (Пс. 38, 2). С меня довольно этого, сказал он отшельнику. Через полгода пустынник встретил Памво и спросил его: почему он не является? Я не выучил ещё и первого урока, сказал Памво. Прошли двадцать девять лет: один из друзей Памво спросил его, выучил ли он урок. С трудом только начинаю знать его, отвечал Памво. Этот урок такое глубокое впечатление оставил в душе Памво, что любовь к молчанию была одною из главных его добродетелей. Три превосходные добродетели особенно заметны в Памво, говорит Пимен, ежедневный пост, строгое молчание и любовь к рукоделию. Молчанию учил Авву Памво и Великий Антоний, к которому ходил он учиться иночеству. Эта любовь к молчанию согласовалась и с духом его, всегда собранным и полным страха Божия. Собранность духа заставляла любить молчание, а молчание сохраняло собранность духа. Феофил,

Архиепископ Александрийский, пришел однажды в скит. Пустынники просили Памво сказать что-нибудь для его назидания. Если мое молчание, говорил Памво, не будет для него назидательно, то и слова мои не произведут сего. Один брат спросил, хорошо ли хвалить других. Памво отвечал: ещё лучше молчать. Это и было причиною, что он всегда был степенен и важен и никогда не смеялся. При конце жизни своей он мог с дерзновением сказать: я не раскаиваюсь ни в одном слове, которое сказал.

Но эта степенность Памво не была следствием жесткости характера. Чаще всего приходившим к нему за наставлениями Памво внушал милосердие и любовь к ближним. Один пустынник спросил его: почему злые духи препятствуют мне делать добро другим? Он отвечал: не говори так; скажи лучше: я сам не хочу быть милосердым. Также, когда Феодор Фермейский просил у него назидания, Памво сказал ему: ступай и будь ко всем милосерд. Сам он охотно готов был всегда терпеть великую нужду, только бы успокоить другого. Он всякий день занимался рукодельем и в течение жизни не съел куска хлеба, который получил бы даром. Он носил всегда ветхую одежду, покрытую многими заплатами, и братии советовал носить такую одежду, чтобы никто не поднял её, если бы она

выкинута была дня на три. Палладий пишет, что венцом совершенства Памвы было презрение к золоту и серебру. Блаженная Мелания так рассказывала о своем свидании с Памвою[1]. Вскоре после прибытия из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора о добродетельном житии Памвы, я отправилась к нему в пустыню. Принесла я с собою ящик с тремя стами литр серебра и просила его принять это приношение от моего имущества. Он сидел и плел из ветвей корзину и, не оставив своей работы, сказал: Бог наградит тебя. Потом сказал Оригену: возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам. Сии монастыри скуднее прочих; а из живущих в Египте братий он не велел никому давать: ибо страна сия, говорил он, плодороднее других. Я стояла и ждала, чтобы он почтил меня, или хотя слово сказал бы мне за такое приношение. Ничего не слыша от него, я сказала: господин мой, да будет тебе известно, что здесь триста литр. Он, не взглянув на ящик, сказал: «Дочь моя! кому принесла ты это, тому не нужно сказывать, сколько тут весу. Он взвесил, — горы и холмы поставил весом; тем паче знает он вес твоего серебра. Если бы ты отдала это мне, то хорошо было бы

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 10.

сказать и о его количестве. Но если ты это принесла Богу, Который не отвергнул и двух лепт, но оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна». Немного спустя, желая наградить усердие, он, призвав её в то время, как приближалось время его кончины, вплел последний прут в корзину, которую работал и сказал Мелании: возьми эту корзину из моих рук на память обо мне, другого ничего не могу оставить тебе. Эту корзину Мелания берегла до своей кончины. Высокая жизнь Памвы и его внимательность к словам и великая осмотрительность в ответах делали то, что его наставления принимали с особенным благоговением, как изречения Самого Бога[1]. Осмотрительностью в слове, пишет Палладий, Памво превосходил даже Антония Великого, — он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что ещё не нашел ответа. Часто проходило месяца три и он не давал ответа, говоря, что ещё не знает, что отвечать. Собственным своим недоумениям в разрешении вопроса он искал озарения в молитве. Два пустынника пришли к нему однажды за наставлениями. Один из них сказал: Авва! обыкновенно я пощусь два дня и потом съедаю два малых хлеба, как ты думаешь, спасусь ли я,

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 10.

поступая так? Другой сказал: а я, Авва, каждый день за рукоделье получаю две малых монеты, из них на одну достаю пищу себе, а другую отдаю бедным: спасусь ли я, поступая так? Четыре дня они не получали ответа от Памвы. Наконец, они пришли проститься к нему. Увидев их, Памво сказал им в назидание, как бы говоря о себе: Памво постится два дня сряду и потом съедает два малых хлеба; монах ли он поэтому? Нет! Памво каждый день получает за свое рукоделие две монеты, коих часть отдает в милостыню; монах ли он поэтому? Нет! Все это хорошо, но если совесть твоя будет безукоризненна пред ближними, то спасешься. Пришли ещё однажды к нему из скита четыре брата. Один из них постился много, другой был нестяжателен, третий стяжал великую любовь, четвертый двадцать два года прожил в повиновении старцу. Памво сказал, что добродетель последнего выше всех, первые стяжали добродетели по своей воле, а сей, отвергшись своей воли, исполняет волю другого. Такие люди подобны исповедникам, если до конца пребудут в послушании. Были в пустыне Нитрийской два брата Паисий и Исаия, дети богатого испанского купца. Разделив богатое имение, они пошли в монахи. Один из них раздал все имение по монастырям, церквам и темницам и, ремеслом добывая себе пропитание, по-

святил себя подвижничеству и молитве. Другой построил монастырь для небольшого числа братии, принимал странных, лечил больных, покоил престарелых, подавал милостыни всякому бедному, два раза в неделю кормил неимущих. Оба они были совершенны. После кончины их братия пришли в недоумение, чья жизнь была выше. Для разрешения сего недоумения пришли к Памво; Памво сказал: оба они равно совершенны пред Богом. Тот, который принимал всякого и покоил, совершал дело Авраама, а другой для благоугождения Богу возлюбил ревность Пророка Илии. Когда братия все ещё изъявляли сомнения, Памво вновь сказал, что они равны пред Богом. Один последовал Господу ежедневным несением креста, другой служением своим ближним. Небесное откровение подтвердило справедливость суждения Памвы. Он видел обоих братьев стоящими вместе в раю.

Сам Великий Антоний говорил о Памво, что Дух Божий почил в его сердце. Подвижники египетские почитали верхом совершенства достигнуть высоты добродетели Антония и Памво. Хотя Памво три года молил Бога, чтобы Он не дал ему славы на земле; но Бог так прославил его, что никто не мог смотреть на лицо его по причине блеска, сиявшего на нем. Но ничто не могло ослабить в нем чувства глубокого сми-

рения. Предсмертным словом его было: я отхожу к Богу так, как бы ещё не начинал служить. Св. Афанасий, вероятно, для обличения ариан вызывал Памво в Александрию. Он скончался тихо 70-ти лет от роду. Мелания имела утешение служить ему при его погребении[1].

Авва Ор, нитрийский пустынник, жил сперва вместе с Сисоем в Скиту. Но когда Скит сделался многолюднее, они оставили его, и тогда как Сисой удалился на гору св. Антония, Ор поселился в горе Нитрийской. Пустынники, знавшие Ора, говорили, что он не только никогда не лгал и не обижался, но и не говорил без крайней нужды, и даже не хотел слышать праздных речей. «Смотри, — говорил он своему ученику Павлу, — никогда не приноси чужих речей в эту келлию». Конечно потому, что это отвлекает ум от предметов небесных и безценное время теряется в пустых словах.

В то время, как его руки заняты были работою, он сердце свое питал благочестивыми размышлениями. Однажды с Аввою Феодором они поправляли свою келлию. Вдруг пришла им мысль: что мы будем делать, если Господь возовет нас к Себе? Эта мысль так поразила их, что они залились слезами, оставили работу и

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 226–229. Лавсаик, гл. 10–15. *Сократ*. Кн. 6, гл. 23.

ушли в келлию оплакивать свои грехи. Авва Ор и Авва Феодор, что бы ни случалось с ними, всегда благодарили Господа.

Авва Ор в основание своего совершенства положил смирение. Заповедь о добродетели смирения была первая, которую дал Ор своему ученику Сисою. Смирение было главною его добродетелью, и он называет смиренномудрие венцом инока, а о помысле гордости говорил, что он все разрушает. Этот опасный помысл, когда он вторгается в душу, он учил отсекать строгим испытанием своей совести: все ли ты исполнил заповеди? любишь ли врагов своих? соболезнуешь ли об их несчастиях и почитаешь ли себя рабом непотребным, грешнейшим из всех? Не помышляй в сердце своем; я живу воздержнее брата и строже его; но покорись благодати Христовой в духе нищеты и нелицемерной любви, дабы не пасть тебе от тщеславия и не погубить трудов своих. *Мняйся стояти, да блюдется да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Для утверждения в смирении он советовал удаляться от похвал людских. Кого хвалят или почитают не по достоинству, тот терпит великий вред, а кто не получает никаких похвал от людей, тот прославится на небесах. Для этого советовал скрываться от мира и людей, представляя себя безумным во многих случаях. Сам Ор

избегал всякой славы от людей. Вельможа Лонгин, очень усердный к инокам, желал видеть его; постарайся, сказал Ор брату, высказавшему желание Лонгина, чтобы он не переходил этой долины, дабы видеть меня.

Глубокое смирение Ора заставляло его во всех скорбях и искушениях не жаловаться ни на кого, а говорить, что это «случилось по моим грехам».

Человек столь смиренный должен естественно удаляться всего, что оскорбляет других. Так Ор отвращался злословия, называя его смертью души. Чтобы избежать сего порока, он советовал, раз провинившись в нем, идти к брату и в ногах его молить о прощении, обещая впредь не злословить.

Для большего очищения Ора Господь посетил его продолжительною болезнью. Осмнадцать лет он был болен. Неразлучным учеником, с которым тесно соединен был он духом, в последнее время был Афре. Как Ор отличался смирением, так Афре послушанием. Однажды, когда Сисой посещал Ора, кто-то принес болящему Ору небольшую рыбу. Афре стал её резать, его позвал Ор. Не докончив дела, Афре в ту же минуту пошел к старцу. Сисой подивился послушанию и спросил, где он научился ему? «Это послушание старца, а не мое, сказал Афре. По-

смотри, каково его послушание». Афре, сварив немного рыбы и нарочно испортив варево, подал его старцу. Старец ел, не говоря ни слова. Хорошо ли, старец, спросил Афре? Очень хорошо, отвечал старец. Потом Афре принес ему несколько рыбы, хорошо приготовленной, сказал: прости, старец, я её испортил. Да, немного испортил, отвечал старец. Видишь, сказал Афре, что старец у меня в послушании[1].

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 183–185, 229.

Пустыня Келлий

Пустыня Келлий отстояла от горы Нитрийской на десять тысяч шагов к юго-востоку. Это была обширная пустыня, в которой, в таком расстоянии, чтобы нельзя было ни видеть, ни слышать друг друга, разсеяны были келлии отшельников. Основанные здесь, по благословению Великого Антония, Аммоном Нитрийским келлии так умножились, что живущих в них было до шести сот человек. Иноки пустыни Келлий соединены были в своем управлении с инокаами Нитрийскими. Сюда удалялись обыкновенно любители уединения из горы Нитрийской, после того как уже утвердились в жизни иноческой. Здесь они проводили жизнь более безмолвную; потому и их келлии так удалены были друг от друга, чтобы ни взор, ни слух не развлекался близким сожитием других братий. Потому и поставлено было правилом не ходить одному в келлию другого, чтобы не нарушать безмолвия. Только по субботам и воскресеньям они собирались в храм для общего богослужения и

тут, как бы восхищенные на небо, изливали свою душу в пламенных молитвах к Богу. Если замечали, что кто-либо из братий не приходил к общему богослужению, это было знаком, что он или болен, или скончался, тогда каждый спешил к его келлии и нес, что имел, дабы или облегчить страдания больного, или воздать последний долг усопшему. Если приходил кто-либо к ним, каждый готов был отдать ему свою келлию. Пустыня Келлий управлялась пресвитером, кажется начальником и в горе Нитрийской[1].

Между подвижниками и пресвитерами пустыни Келлий первое место занимает Макарий Александрийский. После Антония Великого Макарий Александрийский вместе с Макарием Египетским пользовались особенною славою и уважением в Египте; они превосходили других своим подвижничеством, образом жизни и качествами сердца. Оба они, по словам Сократа и Созомена, были удивительны по своим пророчествам и высокому любомудрию, оба страшны для демонов, оба произвели много чудес и исцелений, оба были столпами Церкви, возлюбленными Богу, великими, блаженными[2].

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 7. Rufini Hist. mon. c. XXI.

[2] *Сократ*. Церковная история. Кн. 4, гл. 13. *Созомен*. Кн. 3, гл. 14. Hier. ep. 108.

Макарий, пресвитер Келлий, получил название Александрийского, потому что родился в Александрии. В молодости он занимался мелочною торговлею, но и тогда он отличался кротостью и скромностью и знал наизусть писания Ветхого и Нового Завета. Родившись в 295 году, 40 лет от роду, он принял св. крещение и, вероятно, тогда же избрал отшельнический образ жизни и поселился в пустыне Нитрийской. У него было в этой пустыне три келлии — одна в Ските, другая в пустыне Келлий, третья в горе Нитрийской. Но эти келлии были устроены не для удобства жизни, но для большего самоумерщвления. Келлия в пустыне Скита была без окон. Там он обыкновенно проводил великую четыредесятницу, чтобы, не развлекаясь и видом природы, посвящать себя на служение Богу. В пустыне Келлий его жилище было так тесно, что он не мог в ней протянуться во весь рост; более обширна была его келлия в горе Нитрийской, где он принимал приходивших к нему для духовной беседы. Он так прославился своим подвижничеством, что слава о нем распространилась по всему Египту. Несколько после того, как Макарий Египетский поставлен был пресвитером Скита (в 340 г.), Макарий Александрийский посвящен был во пресвитера пустыни Келлий[1]. Макарий Александрий-

[1] *Созомен*. Кн. 3, гл. 14.

ский отличался особенно своею любовью к уединению и молитве и строгим покаянием. Не было подвига самоумерщвления между другими подвижниками, которого бы он не старался исполнить, и притом в высшей степени. Услышав, что один пустынник ест только по одному фунту в день, он разломил хлеб свой на малые куски, положил их в глиняный сосуд с узким горлом и решился есть в день столько, сколько может взять рукой. В продолжение трех лет он съедал в один раз не более 5 унций хлеба. Вот, с улыбкою рассказывал он инокам, возьму бывало побольше кусков, а узкое горло не дает мне их вынуть, мой кувшин совсем мне не давал есть. Соответственно с сим и воды пил он мало, масла в целый год употреблял он по половине кружки. С течением времени он все увеличивал подвиги воздержания. Обыкновенным его правилом было вкушать однажды в неделю, хотя он много работал. Однажды он пошел к пустынникам резать пальмовые ветви для корзин, какие они плели: братия в первый день просили его есть с ними, он уступил их просьбе. Но когда на другой день опять стали предлагать ему пищу, он отказался, говоря, что может обойтись без пищи.

Ему сказали, что в Тавенне ученики Пахомия в продолжение великого поста не едят ничего вареного. Макарий в подражание сему подви-

гу, в течение 7 лет питался только сырыми овощами, размоченными в холодной воде. Слух о высокой жизни тавеннских иноков возбудил в нем желание лично узнать устав Пахомия, и поучиться иночеству у него, и вместе с тем, может быть, укрыться от уважения, каким он пользовался в пустыне Нитрийской. Пятнадцать дней шел он по этим пустыням до Фиваиды. Пришедши к воротам монастыря, он смиренно просил принять его в число иноков. «В таких престарелых летах, сказал ему Пахомий, как ты можешь подвизаться? Здесь братия подвизаются с самой юности, и переносят изнурительные труды, потому что привыкли: а ты в таком возрасте не можешь переносить испытаний подвижничества; ты станешь роптать, а потом уйдешь из обители и будешь нас злословить». Семь дней Пахомий не принимал Макария, и все это время он оставался без пищи; наконец Макарий сказал Пахомию: «Авва, прими меня, если я не стану поститься, как они, и не буду делать, что они делают, тогда вели меня выгнать из обители». Макария приняли в обитель. Вскоре наступила великая четыредесятница. Монахи приняли на себя различные подвиги: один вкушал пищу через день, другой чрез пять дней, иной всю ночь стоял на молитве, а днем сидел за рукодельем. Макарий, наготовивши себе пальмовых ветвей, стал в углу и в продолжение

всей четыредесятницы до самой Пасхи не принимал хлеба, не пил воды, не садился, не ложился; только по воскресеньям съедал несколько листьев сырой капусты, и то для того, чтобы видели, что он ест. Все занятие его состояло в молитве сердечной и в плетении ветвей; в течение всей четыредесятницы он не сказал ни слова и в безмолвии стоял в углу. Узнав о подвигах нового инока, Пахомий молил Бога открыть ему, кто он такой? И ему открыто было, что это Макарий, которого имя и дела известны были всему Египту. Тогда Пахомий взял Макария за руку и, приведши в молитвенный дом, облобызал его и сказал: а подойди сюда, честный старче! Ты Макарий, и скрывал это от меня. Много лет желал я видеть тебя; потому что слышал о делах твоих. Благодарю тебя; ты смирил чад моих; пусть они не превозносятся подвигами своими: теперь возвратись в свою пустыню; ты довольно научил нас; молись за нас». Два великие старца назидали друг друга и духовной беседой. До нас дошел один вопрос из сей духовной беседы. Пахомий спросил Макария: если братия не соблюдает порядка, хорошо ли учить их? Макарий отвечал ему: учи и строго суди своих подчиненных, а из посторонних никого не суди, ибо сказано: *не внутренних ли вы судите, внешних же Бог судит* (1 Кор. 5, 12–13).

Не довольствуясь всеми сими подвигами самоумерщвления, Макарий хотел победить сон. «Целые двадцать суток, так он рассказывал о себе, не входил я под кровлю, чтобы победить сон. Днем палил меня зной, а ночью знобил холод; мозг так у меня высох, что я наконец приходил в исступление. По крайней мере, сколько зависело от меня, я одолел сон, но уступал ему, как требованию самой природы».

Однажды, когда Макарий занимался рукоделием, комар укусил ногу Макарию. В порыве нетерпения он задавил его. Потом, раскаявшись в своей нетерпеливости, осудил себя на шесть месяцев сидеть нагим при скитском болоте. Здесь он так был изъеден комарами, что некоторые думали, не в проказе ли он, и когда он возвратился в келлию, только по голосу узнали, что это Макарий; подобному же наказанию подверг он себя, когда Макарий Египетский признал излишне строгим его суд над одним братом. Нет нужды говорить, что человек, подвергший себя такому самоумерщвлению, отрекался от всего, что могло доставить удовольствие чувствам. О таком отречении ревновал не один Макарий, но и все скитские подвижники, как показывает событие, рассказанное Палладием. Однажды Макарию прислали кисть свежего винограда. Хотя ему и хотелось тогда есть; но он отослал её

брату больному, желавшему винограда. Брат этот, ревнуя о воздержании, отослал виноград к другому; и тот поступил так же. Виноград перебывал в руках у многих, но никто не хотел его вкушать. Наконец один из них, получив эту кисть, отослал её, как дорогой подарок, Макарию. Усердно благодарил, Макарий Господа за такое воздержание братий; но и сам не хотел съесть кисти винограда. Подвигами самоумерщвления подавляя всякое вожделение чувств Макарий и духовные помыслы подавлял тем же оружием. Однажды начали Макария безпокоить тщеславные помыслы, внушавшие ему отправиться в Рим для исцеления больных. Долго противился он им. Наконец, когда они объяли его сильнее, Макарий упал на порог своей келлии и, выставив ноги наружу, говорил демонам тщеславия: влеките меня, если можете; своими ногами я не пойду в другое место. Так он лежал до вечера. Ночью помыслы стали опять безпокоить его. Тогда он взял корзину, насыпал в нее две меры песку и, положив на плечо, ходил с нею в пустыне. Здесь встретился с ним инок Феосовий и просил его не изнурять себя, а отдать ношу ему. Макарий отвечал: я изнуряю того, кто меня изнуряет; мне, не любящему трудиться, он внушает охоту к странствованию. Изнурив тело свое, он возвратился домой. От строгого воздержания у Мака-

рия не было волос на бороде. Он был согбен и сухощав. Более других отцов Макария Александрийского называют любителем пустыни. Он проникал в самые отдаленные пустыни. Однажды, ходя по пустыне, он нашел весьма удобное для жительства иноков место, полное плодовитых деревьев; там обитали два инока. Макарий просил у них позволения привести сюда для жительства несколько иноков, ибо место изобиловало всем нужным для жизни. Отшельники сказали, что это место полно страхований бесовских. Когда Макарий, возвратясь домой, рассказал о найденном им месте, многие молодые иноки пожелали туда удалиться. Но старцы на это возразили: если для удобств жизни переходят на другое место, то чего же мы можем ждать в будущем, наслаждаясь сими удобствами? — и этим остановили молодых иноков.

Строгому порядку Макарий подчинил свою жизнь. У него были во дни определенные часы для молитвы, он совершал не менее ста молитв. Были пустынники, которые совершали по триста и по семи сот молитв. Но Макарий хотел созерцательную жизнь соединить с деятельною. Потому, другая часть дня у него назначаема была для рукоделья, а третья для служения братиям, которые получали от него советы и наставления. Впрочем, занимался ли он рукоделием или

служил нуждам братии, он старался чтобы ум его всегда был устремлен к Богу. В последние годы своей подвижнической жизни однажды он пожелал, чтобы ум его в продолжение пяти дней непрерывно был устремлен к Богу так, чтобы никакая посторонняя мысль не отвлекала его от мысли о Боге. Заперши свою келлию, чтобы никто не потревожил его в этом занятии, он два дня и две ночи погружен был в созерцание Бога; но на третий день не мог продолжать своего подвига. Вследствие искушения дьявола ему показалось, что вся комната была объята пламенем; устрашенный сим, он не мог сохранить ума своего неразвлеченным. Бог попустил это, говорил сам Макарий, для того, чтобы я не впал в гордость.

Великие подвиги самоумерщвления, постоянная чистота сердца и приближение к Богу в молитве даровали Макарию силу над демонами, духовную прозорливость и дар чудотворений. По свидетельству Руфина и Палладия, он безтрепетно встречал все нападения врага, исцелял одержимых нечистыми духами и имел благодать от Бога тайные приражения к инокам врагов спасения, пленение и рассеяние их мыслей усматривать в видимых образах. Чудотворений он совершил, по словам современных писателей, так много, что трудно их и перечислить. Он врачевал больных возложением рук: так он исцелил

пресвитера, пораженного тяжкою болезнью за то, что, будучи в смертном грехе, совершал таинство Евхаристии. Он исцелил его, взявши с него обещание впредь не священнодействовать. Иногда врачевал он, помазывая благословенным елеем: так исцелил он одну знатную девицу из Фессалоники и одного отрока. Один слепой получил прозрение, умывшись водою, в которой развел глину, взятую из той стены, у которой почивал Макарий. Лютые звери и змии не были страшны Макарию. Увидав однажды слепого детеныша гиенны, он молитвою дал ему зрение. На другой день мать сего детеныша принесла Макарию кожу большой овцы. Мелания видела у Макария этот дар гиенны, который Макарий после смерти своей оставил Афанасию Великому. В другое время Макария ужалил аспид; св. Макарий, взявши его за обе челюсти и растерзав его, сказал: как ты осмелился приблизиться ко мне, когда не посылал тебя Господь мой? Дивиться ли, так заключает о сих чудесах Палладий свое сказание, что людям, распявшимся миру, и гиенна, ими облагодетельствованная, приносит дары во славу Бога и в честь его рабов? Тот, Кто укротил пред Даниилом Пророком львов, дал смысл и этой гиенне.

Как пресвитер и посему начальник келлий, Макарий составил правило духовное для управ-

ляемой им братии[1]. Иночество, говорится в сем правиле, есть святое воинство. Сколько иноков, столько воинов у Иисуса Христа, которые под Его знаменем для Его славы сражаются, против дьявола, мира и самих себя.

Ко вступающему в монастырь Макарий был кроток и приветлив и своею ласкою располагал к подвижнической жизни. Приходящих в монастырь он заставлял прежде всего знакомиться с монастырским уставом, и когда узнают, что требуется от инока, от них берут твердое обещание исполнять предписываемое уставом, если они хотят оставаться в монастыре. Новопоступившие должны все, что имеют, отдать братии во время трапезы, и их имущество употребляется на пользу общую. Прежде всего им внушают, что не только какою-либо вещью, но и собою они не могут располагать: все должно быть посвящено на служение общее.

С особою ревностью монахи должны подвизаться в отречении своей воли и послушании: на приказания старцев иноки должны смотреть, как на слова спасения, и никогда не отрекаться от исполнения их. Начальника должно уважать, как Господа, любить его, как отца. Иноки должны быть

---

[1] Правила св. Макария Александрийского для иноков приводятся у Венедикта Апианского. Holst. Cod. Regul. Tom. 1. p. 11–14.

мирны, кротки, чужды всякой гордости и тщеславия. Не должны никому делать обиды или роптать на кого, хотя бы втайне, смеяться или пререкословить, но говорить только доброе и назидательное и стараться быть угодными единому Господу Иисусу, а не заботиться о человекоугождении. Иноки должны быть точны в исполнении всех обязанностей, на них возложенных, всегда быть готовы к молитве, не ослабевать в бедствиях и посте. Первою добродетелью инока должно быть смирение; он должен считать себя ниже и хуже всех, ни перед кем не превозноситься, ибо *всяк возносяйся смирится, и смиряяй себе вознесется* (Лк. 14, 11). Не должно считать себя способным для совершения великих дел, хвалиться каким-либо делом, дарами природы или благодати, или радоваться о стяжании или сетовать о утрате чего-либо для обители, но в духе смирения веселиться только о Боге Спасителе нашем. Если обижают, должно терпеть в молчании и не воздавать злом за зло, не внимать злым советам, но подкреплять себя терпением и упованием на Господа. Взаимная любовь должна связывать всех иноков, как братьев о Христе, вместе с нами соучастников вечного блаженства. Но должно остерегаться всякого постороннего знакомства, даже с людьми благочестивыми. Инок не должен выходить за монастырь один, но в со-

провождении одного или двух братий и вне обители вести себя так, чтобы поведение инока вне обители служило свидетельством о внутреннем благочинии обители.

Домашнее рукоделье должно быть обязанностью каждого инока. Без скорби и ропота должны братия совершать свою работу и скорее жаловаться на время отдыха, чем на время труда и предаваться покою столько, сколько требует естественная потребность. Начальник должен назначать только такую работу, которая нужна и полезна для общества иноков и может быть совершена братией. Неукоснительное присутствование при богослужении заповедуется более, чем всякое послушание. Иноки должны были с охотою и любовью спешить к богослужению с той мыслью, что чем чаще они будут молиться, тем более низведут на душу милость Божию. Иноки имели такое благоговение к святой церкви, что некоторые брали из кадильницы пепел и посыпали им свой хлеб.

Совершив утреннее богослужение, они должны до второго часа дня заниматься умною молитвою, если не назначено будет особое послушание. По окончании молитвы каждый инок должен заниматься работою, назначенною ему, до девятого часу. На ночные молитвы братия должны собираться в определенный час, каж-

дый должен хранить глубокое молчание и внимать слышанному.

Гостеприимство должно быть обязанностью каждого инока; они должны принимать странников и пришельцев из опасения, чтобы, отвергая их, не отвергнуть Господа Иисуса Христа, Который может принять вид странника. Бедного не должно отпускать без того, чтобы не дать ему что-либо.

В наказаниях, какие определяются братии за разные проступки, милость и правда, можно сказать, сретаются. Цель наказания не оскорбить виновного, но побудить его к исправлению.

1. Если брат по первому призыву к молитве не оставляет своей работы, то его не впускают в общее собрание, чтобы лишением сего духовного блага возбудить в нем раскаяние. 2. Если брат ропщет, спорит или отказывается от исполнения предписанного ему, то его Авва налагает наказание соразмерно с тяжестью вины. Упреки и выговоры инок должен принимать молча, кротко. Наказывали низшим местом в ряду братий, наложением поста, а иногда заставляли просить прощения у всей братии. Кто не исправляется после многих обличений, того после обличения среди всей братии отлучают от общения, и не удерживают строптивых, если они хотят оставить общество.

Таковы были правила иноческого устава, дошедшего до нас, вероятно, не в полном виде.

Для надзора за исполнением братиею иноческих уставов Макарий посещал келлии, и, вероятно, очень часто. Так, сохранилось о нем предание, что в продолжение четырех месяцев он ежедневно посещал одного брата и всегда заставал его за молитвою. Удивившись этому, Макарий сказал: вот земной Ангел.

Слава Макария свидетельствует, что он умел руководствовать иноков на пути спасения. Как просты были его наставления, свидетельствует случай, рассказываемый Палладием о себе. Однажды, говорит он, я впал в великую тоску и, пришедши к сему святому, сказал ему: Авва Макарий, что мне делать? смущают меня помыслы, говоря мне: ты ничего не делаешь здесь, ступай отселе. Святой отец отвечал мне: скажи твоим помыслам: для Христа я стерегу стены.

Но если братия подвергалась тяжким немощам, Макарий употреблял и сильные врачевания. Был в пустыне Келлий инок Валент, проводивший строгую подвижническую жизнь, но, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие так, что сделался игралищем бесов. В самообольщении он стал мечтать, что с ним беседуют Ангелы и всегда служат ему. В упоении гордости он до того мечтал

о себе, что перестал уважать Святые Тайны Христовы. Однажды Макарий, получивши от странников плодов для братий, разослал их по келлиям, по горсти каждому брату, в том числе и Валенту. Получив плоды, Валент обругал принесшего, велел сказать Макарию: я не хуже тебя, что ты мне присылаешь на благословение. Услышав это, Макарий уверился, что он в самообольщении, и пошел увещевать его. Но Валент не хотел слушать увещания Макария. Со скорбью удалился от него Макарий. Между тем Валент явления бесовские принимал за явления Спасителя и не хотел уже приобщиться Св. Таин. Тогда отцы, связав его цепями, врачевали его от самообольщения молитвами, разнообразным унижением и суровою жизнью.

В подвигах покаяния и самоумерщвления, в пустыне провел Макарий шестьдесят лет. И тогда как другие считали его выше человека, он до конца жизни укорял себя в невоздержании. Последние дни своей жизни Макарий проводил в покое, сложив с себя бремя управления братиею.

В 395 году он окончил свою жизнь святую и полную чудес, оставив по себе память одного из самых великих пустынников[1].

---

[1] Сведения о жизни Макария Александрийского находятся у Палладия в Лавсаике, гл. 19, 20. *Rufin.* Hist. mon. C. XXIX. *Сократ.* Кн. 4. гл. 23. *Созомен.* Кн. 3, гл. 14. Достопамятные

Строгость жизни Макария Александрийского и его добродетели находили себе подражателей между современными ему и последующими ему подвижниками Келлий. Таков был, по словам Палладия, Дорофей. Шестьдесят лет уже провел он в пустыне в самой строгой и суровой жизни, когда посетил его Палладий. Он жил в пещере и постоянно, несмотря даже на старость, собирал камни, из которых строил келлии для приходящих. В каждый год он выстраивал по келлии для приходящих. В твои лета, сказал ему Палладий, не должно изнурять тела своего такою тяжкою работою. Он отвечал: я умерщвляю умерщвляющего меня. Он съедал только по шести унций в день хлеба и пил мало воды, никогда не ложился для сна[1].

Иноки Келлий, ходя на жатву, получали в плату по сосуду масла, но, при наступлении новой жатвы, большая часть из них приносили в храм сосуды с маслом совершенно нетронутыми. Авва Елладий двадцать лет прожил в пусты-

---

сказания о подвижничестве... 175. Макарию Александрийскому приписывалось слово о исходе души, но в лучших списках оно встречается с таким надписанием: Τοῦ ἁγίου Ἀλεξάνδρου τοῦ ἀσκήτου λόγος, περι ἐξόδου ψυχῆς, или ἔκ τῶν ερωτησὲων τον Μακαρίου Ἀλεξὰνδρου πρὸς τῶν ἐυσέβων Ἀλεξανδρίας. Flossi Macar. epist. 1830. Bonud. p. 242–244. Следовательно, сие слово принадлежит не Макарию, но Александру.

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 9. *Созомен*. Кн. 6, гл. 29.

не Келлий, питаясь только хлебом с солью, но и этот род жизни показался ему не довольно строгим, когда узнал он, что и прочие иноки во дни четыредесятницы не знают другой пищи, и он увеличил свой пост[1]. Иные отличались таким терпением, что, посещаемые тяжкою болезнью, желали не прекращения её, но продолжения. Так, Бог посетил Авву Исаака, который был пресвитером келлий, тяжкою болезнью. Брат, служивший ему, предложил ему чечевицу, в которую прибавил несколько слив, потому что это могло принести пользу больному. На все убеждения брата принять эту пищу Исаак отвечал: дай Бог, чтобы я тридцать лет мог оставаться в этой болезни; я желаю сего от всего моего сердца.

Но эта строгость к себе самим не ослабляла в них снисходительной любви к немощным из братий. Один молодой пустынник, пламенный душою и сильно ревновавший о спасении души своей, подвергся сильным искушениям плоти. Он обратился к одному старцу, чтобы в его молитвах и наставлениях найти себе врачевание и утешение. Со всею откровенностью раскрыл он пред ним скорбь своей души и свою немощь. Суровый старец осыпал его упреками и объявил ему, что он недостоин оставаться с пустынниками.

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 77.

С отчаяньем в душе и с мыслию оставить пустыню пошел молодой подвижник в свою келлию. В этом состоянии встретил его Авва Аполлон и по выражению тяжкой грусти на лице узнал, что он находится в искушении. Со всем жаром любви умолял его Аполлон открыть ему скорбь. Долго молодой инок не отвечал ни слова. Наконец, уступая искреннему участию, рассказал, что с ним было и какой ответ дал ему старец. Аполлон утешал его, увещевал и умолял хотя на один день остаться ещё в келлии: может быть, Господь пошлет Свою благодать к умилению его души. Инок повиновался. Тогда Аполлон пошел к старцу, который был так строг, и, остановясь перед дверьми его келлии, молил Господа, чтобы он на краткое время наслал на старца то искушение, каким объято сердце молодого инока. Едва кончил он молитву, как видит, что старец вышел из своей келлии, пошел потом опять в нее и после вышел снова, и, не могши стоять на одном месте, бегал туда и сюда, как помешанный, и наконец пошел по той дороге, по которой ушел от него молодой пустынник. Аполлон понял, что Бог услышал его молитву: «Отче! куда ты идешь так скоро, сказал Аполлон старцу, выходя ему навстречу, иль ты забыл преклонность своих лет, что бежишь, как дитя? Старец не говорил ни слова. Возвратись, старец, в свою келлию и узнай свою

немощь. По твоим подвигам тебе надлежало бы стоять выше всех искушений врага. Но вот он пустил в тебя одну стрелу, и ты не имеешь сил выдержать нападения даже на один день. Бог попустил сие для того, чтобы ты своим опытом научился, как нужно быть снисходительным к немощам других. Один пустынник, обуреваемый искушением, пришел к тебе за советом, наставлением и утешением; ты своими словами довел его до отчаяния, так что он мог погубить свою душу. Враг не стал бы нападать на него так сильно, как и на тебя, если бы не завидовал доброй жизни и не предвидел больших успехов впереди. Да послужит это тебе уроком быть снисходительным к искушаемым. Не увеличивай их скорби своими упреками, которые могут довести до отчаяния. Следуй слову Премудрого: *избави ведомыя на смерть и искупи убиваемых* (Притч. 24, 11). Подражай примеру Спасителя, о Котором сказано: *тростию сокрушенну не преломит и льна внемшася не угасит* (Мф. 12, 20). Если Господь по Своей благости не подкрепит нас в борьбе с искушением, никто не может выдержать нападений врага и угасить пламень вожделений плоти, находящий обильную пищу в нашей растленной природе. Итак, отче, поелику Бог освободил юного подвижника от искушения и послал его на тебя для твоего вразумления, то вознесем наши мо-

литвы к Нему, чтобы он освободил и тебя от искушения». Вместе стали старцы на молитву, и Бог так же скоро избавил от искушения, как скоро и допустил его[1].

К подвижникам нитрийским должно отнести Паисия Великого. Он жил сначала в скиту под руководством Аввы Памво, потом удалился в пустыню нитрийскую и там около него собралось много учеников. Паисий дружен был с преп. Павлом. Он не любил, чтобы известны были его добрые дела. Когда его спросили, какая добродетель выше, он отвечал: совершаемая тайно. Когда в другой раз предложили такой же вопрос, он отвечал: повиноваться другим, а не своей воле. Собирая внутри сокровища духовные, он любил хранить их в молчании. Всячески избегал он, чтобы в общине монастырской были ведомы его добрые дела. Если какой-либо подвиг его привлекал на него славу, он немедленно оставлял его и начинал другой. Когда его спрашивали, зачем он так делает, он отвечал: для того, чтобы не погубить похвалою дело и оставить его неприкосновенным. Ибо великий вред приносит похвала людская, и кто трудится из-за нее, мало получает пользы. Потому Господь сказал: *да не увесть шуйца, что творит десница.*

---

[1] Cass. Collat. 2. c. 13.

Паисий преставился в глубокой старости, за ним последовал Павел.

Исидор Пелусиот перенес тела преп. Паисия и Павла в Пелузию, и там над ними устроил прекрасную церковь[1].

[1] Житие Паисия Великого в рукописи славян.

Гора Ферма

К югу от горы Нитрийской находилась гора Ферма, чрез которую пролегал путь в Скит. Здесь, по словам Палладия, жило до 500 подвижников. Знатнейшими из них считались Павел и Феодор.

Павел никогда не принимался ни за работу, ни за какое мирское дело и ничего ни от кого не брал, кроме пищи. Его подвижничество состояло в постоянной молитве. У него положено было совершать каждый день триста молитв. Чтобы не ошибаться в счете, он клал в пазуху триста камешков и по окончании каждой молитвы вынимал по одному. Но и эти молитвы казались ему малыми. Пришедши однажды к Макарию Александрийскому для духовной беседы, он сказал ему: «Авва Макарий! я нахожусь в великой скорби. В одном селении живет девственница, которая каждый день совершает по пяти сот молитв, принимая пищу только два раза в неделю». Св. Макарий отвечал: я вот уже шестьдесятый год совершаю только по сто мо-

литв, зарабатываю нужное для питания своими руками; по долгу своему не отказываю братии в беседе, и, однако ж, совесть не упрекает меня в нерадении. Если ты, совершая и по триста молитв, осуждаешься совестью, то или с нечистым сердцем молишься, или можешь больше молиться — и, однако ж, не молишься[1]. Авва Феодор жил сначала в Скиту, но когда варвары опустошили Скит, то он перешел на гору Ферму и там оставался до глубокой старости. Бог поставил его здесь, как зажженный светильник, который можно видеть издали. Отвсюду сходились к нему за наставлениями или утешениями в скорбях душевных и различных искушениях. Хотя Феодор с добротою принимал приходивших к нему, но его душа, любившая безмолвие и удаление от людей, часто сильно скорбела от молвы приходящих к нему. Не отказывая в беседе искавшим у него пользы душевной, он отпускал без ответа, как скоро замечал, что приходили к нему из суетного любопытства, чтобы выслушивать изречения знаменитых подвижников и потом повторять их как свои. Он не любил также, чтобы молодые пустынники говорили о таких предметах, которых сами не испытали. Когда один брат завел речь о предметах подобного рода, Фе-

[1] *Лавсаик*, гл. 22.

одор сказал ему: «Брат мой! ты ещё не взошел на корабль, не положил на него своего небольшого груза, а хочешь уже казаться достигшим желаемой пристани. Тогда только ты будешь в состоянии говорить о том, о чем беседуешь, когда поболее будешь иметь опытности, нежели сколько имеешь».

Тремя добродетелями особенно отличался Феодор: произвольною нищетою, самоумерщвлением и отречением от всего мирского, или любовью к уединению и молчанию.

Его нестяжательность обнаруживалась самым ясным образом. Однажды в его келлию вошли три вора. Двое держали его, а третий все забирал. Феодор ничего не говорил. Но когда вор взял и левитон, в котором он ходил в церковь и приобщался Св. Таин, Феодор просил оставить его. Получив отказ в просьбе, Феодор, будучи очень силен, толкнул державших так сильно, что они упали на землю. Воры пришли в страх, но Феодор кротко сказал им: разделите все на четыре части, три возьмите себе, а остальную оставьте мне и в том числе мой левитон. Они сделали так, и он уступил им, что они взяли. Может быть, это событие возбудило в нем желание совершенного нестяжания. У него были три книги, которые он сам читал и которые давал другим братиям читать для пользы душевной. Ему пришло недо-

умение, что лучше — иметь ли эти книги, и чрез них доставлять пользу, или совсем не иметь. Для разрешения своего сомнения пошел он к Макарию Египетскому и, следуя совету Макария, что лучше ничего не иметь, продал книги и деньги раздал нуждающимся.

Феодор поставлял истинное совершенство в нестяжательности. Один брат сказал ему: я хочу исполнить все, что заповедует нам Бог. Феодор на это отвечал: Авва Феона хотел достигнуть того же, и вот что сделал он. Он пришел в пекарню, испек свои хлебы, положил в корзины. В это время пришли бедные и попросили у него хлеба, он разделил им весь хлеб. Потом пришли ещё, он, не имея хлеба, отдал им корзины и платье, так что возвратился в келлию в малой мантии, которой обвил свое тело, и сделав это дело любви, упрекал себя, что не совершенно исполнил заповеданное Богом.

Прежде чем преклонные лета и немощи не принудили его умерить несколько свою строгость, он многие дни проводил, не вкушая куска хлеба. Имея при себе учеников, Феодор никогда не заставлял их делать что-либо, но старался сам все делать. Исаак рассказывал, что когда он жил с Феодором, то Феодор сам приготовлял трапезу и говорил ему: брат! ежели хочешь, иди — ешь. Я пришел от тебя получить пользу,

отвечал ему Исаак, почему же ты ничего не приказываешь мне. Старец всегда молчал. Когда предложили ему такой же вопрос старцы, Феодор отвечал: разве я начальник общежития, чтобы мне приказывать. Пусть делает то, что я делаю при его глазах. Феодор все делал молча, и у него научился молчанию Исаак.

Свою любовь к самоумерщвлению не оставлял Феодор и во время болезни. Когда в преклонных летах он сделался болен, братия приносили ему пищу. По мере того, как первый приносивший уходил, он отдавал приносимое другому, довольствуясь для своей трапезы тем, что приносил последний.

Он смотрел на настоящую жизнь, как на время терпения и самоумерщвления, а не время покоя. Многие, говорил он, ищут покоя, прежде нежели Бог хочет дать его. Когда один инок ни в уединении, ни в общежитии не находил покоя от помыслов и просил совета у Феодора, Феодор спросил его: сколько времени он носил одежду инока? Восемь лет, отвечал инок. А я, сказал старец, уже семдесять лет ношу, а и ни одного дня не провел в покое, а ты хочешь иметь покой, проживши только восемь лет иноком.

Он любил безмолвное пребывание в своей келлии и находил в этом душевное удовольствие. Он говорил, что вкусивший сладость кел-

лии охотно убегает людей, не презирая никого. Он выходил из келлии только по крайней надобности. Авва Иосиф, с которым он был связан узами христианской дружбы, сделавшись тяжко болен, послал уведомить его, что он приближается к смерти и желает проститься с ним. Феодор послал сказать ему, что придет к нему в субботу, если будет жив (в этот день пустынники собирались в церковь). Но если он умрет, то увидятся в вечности. Его сердце часто скорбело о том, что он принужден заниматься нуждами житейскими, и он со вздохом говорил: пока я не освобожусь от сих скорбей, чувствую, что они служат препятствием к моему совершенству. Представление опасностей, которым подвергается душа на земле, иногда тревожило его. Один инок жаловался ему, что боится погибнуть, и просил его наставлений; он отвечал ему со скорбию: «Увы, сын мой! я и сам боюсь, как бы не погибнуть мне, что же сказать мне тебе?»

Он занимался рукоделием, но не одобрял, когда занимались им в ущерб духовным обязанностям. «Когда я жил прежде в сей пустыне, сказал однажды Феодор, то главным занятием нашим было попечение о душе, и на рукоделье мы смотрели, как на прибавление к делу: а ныне попечение о душе сделалось как бы прибавлением к делу, а прибавление самым делом. Вместо

того, чтобы посетить больного или помочь брату и таким образом исполнить заповедь Господню, мы занимаемся рукоделием».

Зная слабость природы человеческой, он снисходительно смотрел на немощи братии. Однажды старец пришел к Феодору и сказал, что один брат возвратился в мир. Феодор отвечал: не дивись этому; но подивись лучше, когда услышишь о ком-либо, что он возмог избежать врага. Он говорил: превосходнейшая из добродетелей добродетель — никого не презирать. Посему он дал совет одному пустыннику: если твой друг впадет в искушение плотское, подай ему руку и подними его, если можешь. Но он велел скорее удаляться, если он впадет в ересь и не примет наставления, чтобы самому не заразиться его ядом.

Феодор достиг глубокой старости; только в пустыне он прожил более семидесяти лет. При конце жизни Бог посетил его продолжительною болезнью. Он скончался уже после обоих Макариев[1].

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 281–288.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ ЕГИПЕТСКИЙ, ОСНОВАТЕЛЬ ИНОЧЕСТВА В СКИТСКОЙ ПУСТЫНИ

Макарий, в отличие от другого соименного и современного ему подвижника, родившегося в Александрии, названный Египетским, а за свою святость и мудрость Великим, родился в 300 г. Время юности провел он в доме родителей и был пастухом стад отца своего[1]. Не сохранилось известия, чтобы Макарий получил образование в каком-либо училище, но из его описаний видно, что он не чужд был и книжного образования[2]. Но то несомненно, что нравствен-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 150. 30. 36.

[2] Он упоминает о мнениях мирских мудрецов (Беседы 14, 7); знает Аристотеля, Платона, Сократа (42, 1); знает о грамматиках, риторах, стихотворцах, софистах (45, 2); в беседе 15 показывает, в каком порядке следовали предметы учения в училищах: чтение, латинский язык, грамматика, правоведение (40). Множество уподоблений, за-

ное его образование началось рано. Как в самых молодых летах он заботился о правоте своих действий, показывает один случай в его детстве, рассказанный им самим. Однажды сверстники его пошли в чужой сад за смоквами и, когда бежали назад, уронили одну из них. Макарий поднял её и съел. Эта погрешность так тяжело легла на его чистую совесть, что осталась навсегда памятною, и во всю жизнь его, как говорил сам Макарий, он не мог вспомнить об ней без слез[1].

Сильное стремление к подвижнической жизни, в начале четвертого века пробужденное в Египте примером Великого Антония и увлекавшее в пустыни многочисленные толпы верующих, и действие Божественной благодати, особыми таинственными путями приводящей избранных на путь, им предназначенный, расположили Макария, оставив все земные заботы, посвятить себя единственно попечению о спасении своей души.

имствуемых из области природы и художеств, свидетельствуют, по-видимому, о знакомстве его с науками естественными и условиями жизни общественной. Самое знание греческого языка, на котором дошли до нас его писания, также указывает на то, что он не чужд был научного образования.

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 153. 36.

Решась оставить мир, Макарий не вдруг поселился в пустыне, но, желая испытать себя, может ли переносить труды пустынного подвижничества, сначала поселился в келлии, вблизи селения. Так начал свою подвижническую жизнь и Антоний Великий. Так подвизались и прежде Антония многие ревнители благочестивой жизни.

Молитва, псалмопение, богомыслие были главным занятием Макария в его келлии. Для снискания пропитания он плел корзины. Один из его знакомых приходил к нему, брал у него рукоделье, продавал и на вырученные деньги доставлял ему пищу. Добродетельная жизнь Макария, его благочестивые, мудрые наставления обратили на него общее внимание, и жители одного близлежащего селения пришли и сделали его против его воли у себя клириком. Но Макарий, по любви к уединению, ушел в другое, более отдаленное место, где прежний знакомец нашел его и доставлял ему все нужное.

Недолго и здесь Макарий наслаждался ненарушимым безмолвием, которого сильно желало его сердце. Скоро стали собираться к нему ищущие наставлений. Кроме того, здесь постигло его искушение, которое мог выдержать так, как он выдержал, только муж, подкрепляемый силою Духа Святого. В близлежащем селении одна девица сделалась беременною и оклеветала

Макария, как виновника ее греха. Кротко, без ропота перенес Макарий безчестие и удары, которым подвергли его жители селения. Он принял даже на себя обязанность доставлять пропитание девице, а для сего изнурял себя усиленными трудами. Но Промысл чудесным образом обнаружил невинность святого подвижника. Когда наступило время родить несчастной, она подверглась страшным мучениям и не могла разрешиться от бремени, пока пред всеми не объявила невинности Макария и не назвала действительного виновника ее греха. Мучимые раскаянием за оскорбление, без вины нанесенное отшельнику, жители селения собрались к нему просить прощения. Услышав это, Макарий скрылся в дальнейшую пустыню — Скитскую[1].

В пустыне Ливийской, недалеко от обильных озер (Нитрийских), доселе существуют четыре монастыря. Один из них называется монастырем Святого Макария, а прочие три — Абу-Макар (то есть Отца Макария), и вся страна Макариевой пустыней. Развалины стен и зданий показывают, что здесь прежде много было обителей[45]. Без сомнения, это есть то место, куда удалился Макарий Египетский. Пустыня Скит-

---

[1] Достопамятные сказания о Макарии Египетском, 1.

[2] Constantin. Fischendorf. Reise in den, Orient 1846. T. 1. p. 110.

ская на целые сутки пути была далее пустыни Келлий. Это была дикая, песчаная пустыня, где изредка только встречались ключи с едва сносною для питья водою. Сюда не было и проложенной дороги; путь направляли по течению звезд.

Но вскоре после того, как поселился здесь Макарий, сюда собралось много ревнителей благочестия, которые вверяли себя руководству сего подвижника, скитские иноки славились между всеми по совершенству жизни и по своей мудрости. Чем страшнее была пустыня Скитская, тем более требовалось мужества, чтобы селиться в ней[1]. Таких только и принимал Макарий к себе. Несмотря на свое благочестие, пишет Сократ, Макарий Египетский был суров к приходящим[2].

Макарию было тридцать лет, когда он поселился в пустыни Скитской. Но уже в первые годы его подвижнической жизни называли его отроком-старцем. Так как братия, собравшиеся к Макарию, не имели пресвитера, то Епископ Египетский рукоположил Макария на 40-м году его жизни в пресвитера, когда он имел уже дар чудотворений и пророчества[3]. Когда число братий умножилось, Макарий воздвиг для них че-

---

[1] Rufin. Histor. monach. c. 29. Cassian. Collat. 10. c. 2.

[2] *Сократ*. Церковная история. Кн. 4, гл. 23, с. 354.

[3] Pallad. Hist. Laus. cap. 19, 1. Sosom. Lib. 3. cap. 14.

тыре храма, которые имели особых пресвитеров. Все отшельники жили в особых келлиях, отделенных одна от другой. Сам Макарий жил также отдельно в глубокой пустыне и имел при себе только двух учеников; один принимал приходящих, другой жил подле него в особой келлии. От келлии своей Макарий прокопал подземный ход, длиною в полстадии, и на конце его небольшую пещеру. Когда приходящие безпокоили его, он удалялся этим ходом в свою пещеру, и никто не знал, куда он уходил. Один из учеников его, знавший об этом ходе, рассказывал, что Макарий прочитывал 24 молитвы, идя в пещеру, и столько же на обратном пути[1].

Немного дошло до нас сведений о жизни Великого Макария; и эти немногие сведения суть только отрывочные сказания, которые мало могут познакомить нас с его внутренней жизнью[2].

---

[1] *Pallad.* Hist. Laus. c. 19, 7. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 140. 2.

[2] Сведения о Макарии Египетском встречаются у Палладия (Hist. Laus), Руфина, Кассиана, Сократа, Созомена и в Патерике Скитском. Тщательно собраны все сведения о Макарии Египетском Флоссом: Macarii Aegiptii epistolae, homiliarum loci, praeces, ad fidem Vaticani. Vindobonensium, Beroli-Bonnae Bruxellis. В рукописях коптских (Egypte sous les Pharaons descript. geographique Tom. 2. p. 160). и в славянских встречается житие Макария Египетского, составленное Серапионом, который именуется учеником

Жизнь его, сокровенная во Христе, осталась сокрытою и для нас. Лучшим источником для познания его внутренней жизни могут служить собственные его писания. В своих писаниях, исполненных глубокой мудрости, он высказывает тайны духовной жизни не по умозрению, а по опыту; передает то, что изведал сам. Потому в тех чертах, в которых он представляет жизнь внутреннего человека, мы можем находить черты его собственной жизни. Конечно, их недостаточно для истинного представления о постепенном восхождении Макария по степеням духовного совершенства, но для нас довольно и того, если мы узнаем хотя немногие черты его внутренней жизни.

Человек, говорит Макарий, по природе имеет предначинание или наклонность к добродетели, и его-то взыскует Бог и поэтому повелевает, чтобы человек сперва понял её, поняв, возлюбил и предначал волею[1]. Душевные помыслы, со времени Адамова преступления, отторгшись от любви Божией, рассеялись в веке сем и смеша-

---

Антония Великого. Хотя оно и содержит некоторые новые сведения в сравнении с упомянутыми нами источниками и составлено, как видно, в Египте, но гораздо позднее, чем как показывает надписание, и во многом не согласуется с более верными известиями.

[1] Беседа 37, 10.

лись с помыслами вещественными и земными[1]. Посему, как резвых детей, душа да соберет и умирит грехом рассеянные помыслы; пусть введет их в дом тела своего, непрестанно в посте и с любовью ожидая Господа. Если не обленимся и не дадим у себя пажитей порочным помыслам, но волею своею привлечем ум, понуждая помыслы устремиться ко Господу; то, без сомнения, Господь Своею волею придет к нам и действительно соберет нас к Себе; потому что благоугождение и служение зависит от помышлений. В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Бога, в такой и ещё в большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостью придти к тебе и успокоить тебя. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, назирает, как ищешь Его, от всей ли души твоей, не с леностью ли, не с нерадением ли. И когда увидит рачительность твою в искании Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою и уготовит тебе победу, избавляя тебя от врагов твоих[2]. Пока человек не отрешится от пристрастия к земному, до тех пор он не может знать, что в сердце есть иная борьба, иное тайное противле-

---

[1] Беседа 24, § 2.

[2] Беседа 31, § 2–4.

ние, иная брань помыслов от лукавых духов, и что принадлежит ему иной подвиг. Тот только, кто освободится от пристрастия к земным вещам и прилепится к Богу, один он в состоянии познать внутри водворяющуюся борьбу страстей, и внутреннюю брань, и лукавые помыслы[1]. На дне ума, в глубине помыслов, в так называемых тайниках души нашей гнездится змий, убийственно уязвляющий главные члены души нашей. Умертвить этого змия, достигнуть полной чистоты можно только посредством одного Иисуса Христа[2]. Не вдруг душа достигает чистоты. Наперед должна она испытать скорби, потерпеть унижение, тесноту[3]. Если бы человек без труда мог преуспевать в добре; то Христианство не было бы камнем преткновения и камнем соблазна, не было бы ни веры, ни неверия, не было бы ни подвигов, ни случаев к брани. Слушающий слово Божие приходит в сокрушение, и потом, поелику благодать, по Божию смотрению, к пользе человека удаляется от него, начинает он упражняться и поучаться в брани[4]. Скорби и несчастия должны быть принимаемы

---

[1] Беседа 21, § 3–4.

[2] Слово о возвыш. ума, § 21.

[3] Беседа 23, § 3.

[4] Бесед 27, § 20. 21.

с радостью, ибо они свидетельствуют, что Бог с нами. Встречая несчастия в мире, ты начинаешь размышлять: несчастлив я в мире, — пойду, отрекусь от мира, буду служить Богу. Дошедши до этой мысли, слышишь заповедь, которая говорит: *продаждь имение твое* (Мф. 19, 27), возненавидь плотское общение и служи Богу. Тогда начинаешь благодарить за свое несчастие в мире, за то, что по сему поводу оказываешься послушным Христовой заповеди. Как скоро удалишься от мира и начнешь искать Бога, — должен будешь бороться с своею природою, с прежними нравами и с тем навыком, который тебе прирожден. А во время борьбы с сим навыком найдешь противящиеся тебе помыслы и борющиеся с умом твоим; и помыслы сии повлекут тебя и станут кружить тебя в видимом, чего хотел ты избежать. Тогда-то начнешь борение и брань, восставляя помыслы против помыслов, ум против ума, душу против души, дух против духа[1]. Когда душа начнет удаляться от грехов, забывать свои обычаи мирские, — дьявол преследует её скорбями, искушениями и невидимыми бранями. Здесь-то искушается, здесь-то испытывается, здесь-то делается явною любовь души к Изведшему её из греховного Египта. Усматри-

[1] Беседа 32, § 7. 9.

вает душа, что сила вражия готова на нее напасть и умертвить её; видит также и перед собою море горести, скорби и отчаяния, но не в силах она ни идти назад, видя готовых врагов, ни простираться вперед, потому что боязнь смерти и окружающие страшные и различные скорби заставляют видеть перед собою смерть. Когда видит Бог, что душа падает от боязни смертной и что враг готов поглотить её; тогда подает ей малую помощь, медленно действуя на душу и испытывая её, тверда ли она в вере, имеет ли любовь к Нему. Ибо Богом определено, чтобы таков был путь, вводящий в жизнь, — со скорбью, с теснотою, со многими испытаниями, с самыми горькими искушениями. И если здесь ещё душа совершит сей путь в безмерной скорби, имея пред глазами смерть, тогда уже рукою крепкою и мышцею высокою, озарением Святого Духа расторгает она силу тьмы, минует страшные места, преходит море тьмы и всепоядающего огня[1]. Иным, хотя удалились они из мира, отреклись, по Евангелию, от века сего и с великим терпением преуспевают в молитве, в посте, в рачительности и в других добродетелях, Бог не скоро дает благодать и успокоение и духовное радование, но медлит и удерживает дар — для

[1] Беседа 47, § 12. 13.

испытания свободной воли, чтобы видеть, точно ли верным и истинным почитают Бога, обетовавшего давать просящим и отверзать дверь жизни ударяющим в нее[1]. Всякая добродетель есть уже дар Божий. Невозможно, не по силам человеку искоренить грех собственною своею силою. Бороться с ним, противиться, носить и принимать язвы — в твоих это силах; а искоренить — Божие дело[2]. Душа доблестная присозидается к Церкви не потому, что сделала, но потому, что возжелала. Ибо спасает человека не собственное его дело, но Даровавший силу[3]. Собственно твое, что сам ты делаешь, хотя и хорошо и Богу благоприятно, однако же нечисто. Например, любишь Бога, но несовершенно. Молитва твоя естественно бывает соединена с парением ума и с разными помыслами. А Бог дарует тебе молитву чистую, совершаемую духом и истиною. Сам Дух Святый вспомоществует немощи человеческой, и Господь влагает в землю сердца небесное семя и возделывает её. Хотя нравственная порча пребывает в самом естестве, однако же преобладает там только, где находит себе пажить. Нежные стебли пшеницы могут

---

[1] Беседа 29, § 2.

[2] Беседа 3, § 4.

[3] Беседаы 37, § 9.

быть заглушены плевелами: но когда, с наступлением лета, растения сделаются сухи, тогда плевелы нимало не вредят пшенице. Так и в благодати: когда дар Божий и благодать приумножаются в человеке и богатеет он в Господа; тогда порок, хотя отчасти и остается в человеке, не может вредить ему[1]. Христиане, если и нападет на них враг, имеют прибежище в Божестве; они облеклись в силу и упокоение свыше, и нимало не тревожит их брань. Нелегкое дело — приобрести чистое сердце; много нужно человеку борений и труда, чтобы чистыми иметь совесть и сердце, и всецело искоренить в себе зло. Бывает и то, что в ином есть благодать, а сердце ещё нечисто. Потому и падали падавшие; они не верили, что с благодатью пребывает в них дым и грех[2]. Некоторые, оградив себя при сильном в них действии благодати Божией, находили свои члены столько освященными, что заключили о себе, будто бы в Христианстве нет места уже похоти, но приобретается ум целомудренный и чистый, и что внутренний человек парит уже в Божественном и небесном. Но когда несомненно думает такой человек, что он достиг в совершенную меру, и почитает себя всту-

[1] Беседа 26, § 21. 22.

[2] Беседа 26, § 14. 24. 25.

пившим в безопасную пристань, — восстают на него волны, и опять видит он себя среди моря, увлеченным туда, где только вода и небо, и готовая смерть. Но снова сподобившись таковые некоей благодати и как бы, так сказать, из целой морской глубины прияв малую некую каплю, в сем самом находят ежечасно и ежедневно совершающееся чудо. Ум приходит в затруднение, почему бывает сие так и опять иначе. Потому что ненавистник добра — сатана — преуспевающим в добродетели внушает лукавое и старается развратить их[1].

Так св. Макарий представляет духовную борьбу, изображая в своих словах различные состояния духа, конечно, испытанные им самим. Подвигами, которые кажутся превышающими силы человека, он утверждал себя в добродетели. И не столь строгие монахи, в пустыни Скитской, не имели там пресыщения и не искали лакомой пищи[2]. Но Макарий удовлетворял своим естественным потребностям не более, чем сколько нужно для поддержания жизни. Однажды ученик его Евагрий, томимый жаждою, просил позволения напиться воды. «Будь доволен и тем, — сказал Макарий, — что находишься под тенью;

---

[1] Бесед. 38, § 4.

[2] Pall. Hist. Laus. cap. 19.

многие лишены и этой отрады. Уже двадцать лет, как я ем, пью и сплю не более, как сколько нужно для поддержания жизни»[1]. Св. Макарий вкушал пищу только раз в неделю[2]. Но сухость его тела была столько же следствием страха Божия, сколько его пощения и воздержания. «От чего это, — спросили некоторые из отцов Макария, — ешь ли ты, или постишься, тело твое всегда сухо?» Макарий отвечал: палка, которою ворочают горящие дрова, безпрестанно снедается огнем; то же бывает и с человеком, если он очищает ум свой страхом Божиим: самый страх Божий снедает его тело[3]. Случалось ему бывать за трапезой вместе с пустынниками, и, когда здесь предлагали ему вино, он не отказывался, но после за одну чашу вина целый день не пил воды. Ученик его, заметив это, умолял братию не угощать его более вином, потому что, желая дать ему утешение, они подавали случаи к новым изнурениям[4].

Обуздание чрева и языка, пребывание в своей келлии и плач о грехах Макарий почитал особенно необходимыми для инока. Один брат

---

[1] *Socrat.* lib. 4. cap. 23.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... 146. 21.

[3] Там же, 145. 12.

[4] Там же, 144. 10.

спросил Макария, как ему спастись. Старец отвечал: «Бегай людей, сиди в келлии и плачь о своих грехах, а паче обуздывай язык и чрево»[1]. Распуская однажды в Скиту собрание, Макарий сказал братии: бегите, братия! Один из братий сказал: куда нам бежать из пустыни? Макарий, положив перст на уста, сказал: сего бегите. Потом вошел в келлию свою и заключил за собою дверь[2].

Произвольную нищету и нестяжательность Макарий почитал для инока выше многих других добродетелей. Однажды Авва Феодор Фермейский, имевший три книги, пришел к нему и говорит: вот у меня три книги, и сам я получаю от них пользу и братия, употребив их, получают назидание; что мне полезнее сделать: оставить ли их у себя для собственной пользы и для пользы братий или продать их и полученное раздать нищим? Старец отвечал: первое хорошо, но нестяжательность всего лучше[3]. Два раза Макарий заставал в своей келлии воров и не только не задерживал их, но и сам, как бы по-

---

[1]Vit. Patr. Rosv. L 111. cap. 189, p. 528. Подобные наставления даны им Авве Исаие и Авве Аио. Достопамятные сказания о подвижничестве... 146. 26 и 153. 40.

[2]Там же, 146, 16.

[3]Там же, 281.

сторонний, помогал им выносить вещи из своей келлии[1].

С преспеянием в духовном совершенстве Макарий все глубже старался утвердить в себе чувство смирения. Он никак не хотел, чтобы его отличили от других. Когда приходил какой-либо брат к нему, как к святому и великому старцу, он ничего не говорил с ним; но если кто обращался к нему с укоризнами, хотя и несправедливыми, такого принимал с удовольствием[2]. Сам искуситель напрасно старался возбудить в Макарии дух гордости и наконец принужден был признать в нем высоту смирения. Макарий! сказал он служителю Божию: Все, что ты делаешь и я делаю, ты постишься, а я совсем не ем, ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним ты побеждаешь меня — смирением[3].

Смиренный дух Макария всегда находил случаи смиряться и ставить других выше себя по нравственному совершенству. «Я ещё не монах, но видал монахов», — говорил Макарий в назидание братии нитрийской, — и потом рассказывал им о двух иноках в пустыне, которые жили вдали от всех людей, окруженные зверями, пита-

---

[1]Там же, 146. 18, и 153. 39.

[2]Там же, 149.

[3]Там же, 144. 11 и 153. 34.

ясь одною пищею с безсловесными. Во взаимной любви провели они 40 лет вместе, занимаясь единственно богомыслием. Этих двух мужей Макарий спросил: что должно мне делать, чтобы быть монахом? Они сказали: если не можешь отречься от всего мирского, как мы, то иди в свою келлию и оплакивай свои грехи. Вспоминая о сих подвижниках, Макарий повторял так: «Я ещё не монах, а только видал монахов»[1]. В другой раз Промысл Божий, для утверждения Макария в смирении, указал ему на двух женщин, живших в мире с своими мужьями в городе, но высших его по нравственному совершенству. И старец не обленился из пустыни придти в город и расспросить сих жен, как они живут. По просьбе Макария они рассказали, что пятнадцать уже лет, как они вышли замуж за двух братьев, и в течение сего времени жили во взаимной любви и согласии, всегда исполняли волю мужей; имели желание поступить в монастырь, но, по несогласию на то мужей, решились остаться в мире, под условием обета бдеть над своим сердцем и не произносить ни одного праздного слова. И Макарий смиренно просил Бога, чтобы Он сподобил его жить в пустыне так, как они жили в мире[2].

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 132. 2.

[2] Rosveid. Vit. Patr. L. III. p. 513. L. VI. p. 651.

Св. Макарий ходил учиться иночеству и у отца иноков Антония. Сначала Антоний, искушая его терпение, не допустил его в свое жилище, но потом отворил ему дверь и, приветствуя, сказал: я давно желал видеть тебя. С любовью принял его и упокоил. Плетя корзины из пальмовых ветвей, провели они вечер в беседе о спасении души[1]. Смирение пред людьми утверждается на смирении в отношении к Богу, которое преп. Макарий во всяком облагодатствованном человеке признавал самым естественным чувством. Человек облагодатствованный, — говорит он в одной из своих бесед, — почитает себя уничиженным паче всех грешников. И такой помысл насажден в нем, как естественный, и чем глубже входит он в познание Бога, тем больше почитает себя невеждою, и чем более учится, тем паче признает себя ничего не знающим. Сие производит благодать в душе, как нечто естественное»[2]. «Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, — говорит он в другой беседе, — хотя бы совершила тысячи праведных дел по ненасытному стремлению своему к Господу, думает о себе, будто бы ничего ещё она не сделала. Хотя бы изнурила тело свое постами и бдениями, при таких остается чувствова-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 142. 2.

[2] Беседа 16, § 12.

ниях, будто бы не начинала ещё трудиться для добродетелей. Хотя бы сподобилась достигнуть различных духовных дарований или откровений и небесных тайн, по безмерной и ненасытной любви своей ко Господу, — сама в себе находит, будто бы ничего ещё не приобрела. А напротив того, ежедневно алкая и жаждая, с верою и любовью пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроением себя ко всякой добродетели»[1]. Это чувство смирения, при обилии даров благодати, объясняет Макарий прекрасным сравнением. «Если царь, говорит он, положит свое сокровище у какого-нибудь нищего, то принявший на сохранение не считает сего сокровища своею собственностью, но везде признается в своей нищете, не смея расточать чуждого сокровища; потому что всегда рассуждает сам с собою: это сокровище не только у меня чужое, но ещё положено ко мне сильным царем, и он, когда захочет, возьмет его у меня. Так и имеющие благодать Божию должны о себе думать. Если они превознесутся и станут надмеваться сердца их, то Господь отъемлет у них благодать Свою, и остаются они такими, какими были до приятия благодати от Господа»[2].

---

[1] Беседа 10, § 4.

[2] Беседа 15, § 23.

Смирение Макария обнаруживалось особенно в снисходительности к немощам других. Он был, по свидетельству скитских старцев, как бы бог земной; потому что, — говорила они, — как Бог покрывает мир, так Макарий покрывал согрешения, которые он, видя, как бы не видел, и слыша, как бы не слышал[1]. Раз он увидал брата, совершающего тяжкий грех. Если Бог Творец его, — сказал он, — терпит грех, когда мог бы сожечь огнем; то кто я, чтобы мог осуждать его? — Христиане, — говорил он, — не должны никого осуждать, ни явную блудницу, ни грешников, ни людей безчинных, но взирать на всех с простодушием и чистым оком. В том и состоит чистота сердца, чтобы, видя грешников или немощных, иметь к ним сострадание и быть милосердым[2].

Кротко управлял Макарий своею братиею, внушая им прежде всего взаимную любовь друг к другу[3], и в обращении с ними вообще отличался особенно простотою. Некоторые говорили ему; зачем ты так себя ведешь? Макарий сказал: двенадцать лет служил я Господу моему, чтобы Он даровал мне благодать сию; а вы со-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 150. 31.

[2] Беседа 15, § 8.

[3] См. наставление его братии в беседе 3-й.

ветуете мне оставить её[1]. Макарий готов был служить каждому. Пришел он некогда к одному отшельнику, и, нашедши его больным, спросил, не хочет ли он съесть чего-нибудь. Больной сказал: хочу пастилы. Старец не поленился сходить в Александрию, чтобы достать больному то, чего он просил[2].

Свои обличения братии Макарий старался растворять любовью. Если ты, — говорил он, — делая кому-либо выговор, приходишь в раздражение, то удовлетворяешь своей страсти. Таким образом, не спасая других, причиняешь вред и себе[3]. Своею мудростью, любовью и кроткою снисходительностью он скорее обращал заблуждающих на путь истины, нежели другие своею строгостью. В Скиту два брата впали в грех, и Макарий Городский отлучил их. Когда узнал об этом Макарий Египетский, то сказал: не братия отлучены, а Макарий отлучен. Приняв это слово за отлучение, Макарий Городский удалился к озеру, где самая природа представляла удобнейшее место для очищения кающимся. К нему пришел Макарий Великий и, увидев его всего искусанного комарами, сказал: ты отлучил братий, и

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 144. 8.

[2] Там же.

[3] Там же, 146. 17.

вот они хотели уйти в село; я отлучил тебя, и ты убежал сюда, как девица в свою внутреннюю горницу. Впрочем, я призывал к себе падших братий, расспрашивал их, и они говорили: ничего такого не было. Смотри же и ты, брат, не посмеялись ли над тобою демоны? Ты сам ничего не видал. Проси прощения в своем согрешении. — Макарий отвечал: если хочешь, наложи на меня епитимию. Старец сказал: иди и постись три недели, принимая пищу только раз в неделю[1].

Узнав от самого искусителя об искушении, которому подвергся один брат, Макарий сам пришел к сему брату в келлию, и, когда тот стыдился исповедать свои нечистые помыслы и даже говорил, что его не искушают они, Макарий смирением расположил его к откровенности. Вот сколько лет я подвизаюсь, — сказал Макарий, — а и меня старика безпокоит дух блуда. Тогда брат сказал: поверь, Авва, и меня также безпокоит. Старец говорил и о других помыслах, будто его искушают, и таким образом доводил брата до сознания. Тогда, преподав наставление, оставил его, и с того времени сей брат подвизался более других[2].

---

[1]Там же, 147. 21.

[2]Там же, 140. 21.

Своею кротостью Макарий обратил ко Христу одного идольского жреца, встретившегося ему на пути в гору Нитрийскую. Сего жреца встретил прежде ученик Макария, но был им избит до полусмерти за то, что назвал его демоном. Но когда Макарий, встретившись с ним, ласково приветствовал его, жрец, пораженный сим, сказал: Я вижу, что ты человек Божий, и, ухватившись за ноги его, сказал: не отпущу тебя, пока не сделаешь меня монахом. И он принят был Отцом в число братии, а чрез него и многие язычники сделались христианами. Указывая на этот случай, Макарий говаривал: худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми[1].

Многие, слыша о мудрости и святости Макария, приходили к нему из далеких стран за советами. Наставления Макария, отличаясь кротостью, полны были глубокой опытной мудрости. Их целью было внушать наставляемым внимание к себе, богомыслие, молитву, смирение, короче: добродетели, которыми сам он обладал в высшей степени. Как мне спастись? — спросил однажды юноша, желавший быть иноком. Макарий послал его на кладбище сначала бранить, а потом хвалить мертвых. Когда юноша исполнил

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 154. 38.

это, Макарий спросил его, что отвечали ему мертвые. — Они были безмолвны и к похвале и к порицанию.—Так и ты, сказал старец, не думай ни об обидах от людей, ни о славе людской[1]. Если для тебя поношение как похвала, бедность как богатство, недостаток как изобилие,—ты не умрешь[2]. Другому ученику, просившему у него наставления, Макарий сказал: никого не осуждай, никого не обижай; соблюдай сие и спасешься[3]. Если мы будем помнить о зле, — говаривал Макарий, — какое сделали нам люди, — в нас ослабеет памятование о Боге; ежели же будем помнить о зле, наносимом демонами, — будем безопасны от стрел их[4].

Когда спросили Макария, как молиться, — он отвечал: Довольно, если вы будете часто повторять от всего сердца: Господи, как Тебе угодно и как знаешь, помилуй меня. Если же нападет искушение: Господи, помоги[5].

Там, где естественные способы делать другим добро оказывались недостаточными, Макарий обращался к дару чудотворений. Так, од-

---

[1] Там же, 148. 23.

[2] Там же, 147. 20.

[3] Там же, 141. 27.

[4] Там же, 153. 35.

[5] Там же, 146. 19.

нажды воскресил он мертвого, чтобы доказать безсмертие души еретикам. В другой раз он воскресил мертвого, дабы узнать, точно ли был виновником его смерти обвиняемый, и спас чрез сие жизнь несправедливо обвиняемого, которого мертвый ясным голосом из гроба признал невинным. Раз ещё Макарий, отправившись жать с семью братиями, увидал, что одна женщина, собирая за ними колосья, непрестанно плакала. От владельца поля, у которого Макарий, вероятно, нанимался жать, он узнал, что муж сей женщины взял у кого-то поклажу и нечаянно умер, не сказав, где положил оную. Макарий вопросил умершего, который и сказал ему, где спрятана была поклажа, и этим избавил вдову и детей ее от рабства[1]. Вообще Макарий творил очень много чудес. Столь много исцелил он больных, — говорит Сократ, — столь многих освободил от злых духов, что для описания того нужна целая книга[2].

Шестьдесят лет провел Макарий в пустыни Скитской, как странник на этой земле, мертвый для мира, непрестанно заботясь о своем спасении и о спасении вверившихся его руковод-

---

[1] *Rufin.* Vit. Patr. c. 18. *Sozom.* Lib. 3. cap. 14. *Pallad.* Hist. Laus. c. 19. Достопамятные сказания о подвижничестве... 143. 7.

[2] *Socrat.* Hist. Eccl. L. 4. cap. 24.

ству братий. Он больше проводил времени в беседе с Богом, нежели в земных занятиях, и часто бывал в состоянии духовного восхищения[1]. В писаниях его сохранились для нас драгоценные изображения сих особенных состояний души облагодатствованной. Живое их изображение показывает, что Макарий описывает то, что испытал сам[2]. И, пользуясь его сравнением, скажем: как взрослый носит младенца, куда хочет, так и благодать, действуя во глубине сердца, носила душу его, возносила на небеса, в мир совершенный, в вечный покой[3]. Незадолго перед своей кончиной Макарий посетил пустынников горы Нитрийской, по их просьбе. Драгоценно было для братий его посещение, и они просили дать им наставление. Макарий, выслушав просьбу, сказал: восплачем, братия; очи наши да проливают слезы, прежде нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела наши. И все зарыдали, пали на лица свои и сказали: Отче! помолись о нас[4]. Макарий любил проливать слезы. «Видения дивных и блаженных образов горне-

---

[1] *Pallad.* Laus. cap. 19.

[2] Описание таких состояний можно видеть в беседе 18, 7 и след.

[3] Беседа 16, § 12.

[4] Достопамятные сказания о подвижничестве... 152. 33.

го Иерусалима, — говорил он, — ты не иначе сподобишься, как разве день и ночь будешь проливать слезы, по примеру сказавшего: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Слеза, проливаемая от великой скорби и сердечной тесноты, есть пища души, подаваемая от небесного хлеба»[1].

Св. Макарий отошел в жизнь блаженную в 390 году, девяноста лет от роду[2].

---

[1] Беседа 25, § 7. 8.

[2] Время кончины св. Макария Египетского определяется на основании слов Палладия. Он пишет о Макарии: я не видел сего святого; ибо за год до моего прихода в пустыню почил этот победитель безумных страстей (*Палладий*. Лавсаик. С. II. Б. 1850, с. 55). Палладий пришел в Александрию во второе консульство Феодосия Великого (*Палладий*. Лавсаик, гл. 1, с. 7), то есть в 388 году (L'art certif. des dates 11 Part. T. IV. p. 161.), пробыл у пустынника, вблизи Александрии, около трех лет (Лавсаик, гл. 7, с. 21) и отправился в гору Нитрийскую. Вероятно, этот приход свой в гору Нитрийскую и в пустыню Келлий, лежавших подле нее, разумеет Палладий, когда говорит, что Макарий Египетский за год до его прихода в пустыню Келлий скончался. Посему кончину Макария Египетского мы должны отнести к 390 г. генваря 17, когда празднуется его память.

Писания
Св. Макария Египетского

Как драгоценное наследие духовной мудрости Макария остались нам 50 его бесед, писанных на греческом языке. В сих беседах он призывает души верующих к единению с Богом как высшему благу человека и для сего раскрывает, что сие единение было первоначальною целью при сотворении человека, показывает гибельные следствия первородного греха, удалившего человека от Бога, и вместе с тем объясняет восстановление союза человека с Богом чрез Иисуса Христа; указывает пути, которые приводят к сему единению, и препятствия, противопоставляемые человеку поврежденною природою и коварством духа злобы. Раскрывая трудность внутренней борьбы, от сего происходящей, он возбуждает чувство нужды в Божественной благодати для освящения нашей природы и для укрепления нашей воли. В живых чертах изображает таинственные действия благодати в душе, вступившей в единение с Богом. Свои беседы часто

прерывает он молитвою. Предлагая в своих беседах тайны высшей духовной жизни, сокрытые от не озаренного светом Христовым разума и известные душам облагодатствованным, он говорит только то, что изведал своим опытом. От того, несмотря на глубину и таинственность предмета, наставления опытного учителя ясны и вразумительны. То, что было бы темно по своей возвышенности, у Макария приближается к уразумению сравнениями и образами, которые всегда просты[1].

---

[1] Первое издание бесед Макария было в Париже в 1559 году. Лучшим считается издание Прициево 1714, хотя оно и требует еще исправлений. Котельер, сличив только некоторые места бесед Макария с лучшими списками, указывает некоторые чтения более исправные (в примеч. ко тт. 2 и 3 его издания: Eccles. graec. monum.). Флосс (Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci et caet. Henr. Josephus Floss. Coloniae 1850), сличив Прицием изданные беседы Макария с списками Ватиканской, Венской, Берлинской и других библиотек, нашел также много неисправностей в печатном тексте и напечатал довольно обширное, доселе неизданное, место из 5-й беседы Макария и конец 50-й беседы. Из бесед Макария 3-я «о том, что братия между собою должны жить искренно», и 48-я «о совершенной вере» встречаются также между сочинениями Ефрема Сирина (по русс. перев. ч. 5. с. 13. Слово 115, и ч. 3. с. 115. Слово 15); только беседа Макария о вере составляет половину Слова Ефремова. Есть предание, что Ефрем был в горе Нитрийской и беседовал с пустынниками (см. прибавление к Творениям св. Отцев в русс.

Самое содержание бесед Св. Макария указывает на их глубокую древность. Писатель их в беседе 27 §15 представляется современным Исповедникам. Кроме того, он имеет в виду еретиков, которые говорили, что «материя не имеет начала, что она есть сила равная Богу». Но такие еретики жили прежде 4-го века и в 4-м веке. Преп. Исаак Сирин говорит о Св. Мака-

---

перев. 1848 г. Ч. II. С. 64–67); поэтому и он мог принести с собою поучения Макария, и его поучения могли остаться в Египте и войти в число бесед Макария. Так и находящееся в 8-й беседе Макария, по некоторым рукописям греческим, приписывается преп. Марку подвижнику (см. Восторгнутые класы в пищу души 1849, с. 159). Беседа 37 о рае и законе духовном также приписывается Марку. В сирских рукописях встречается еще между сочинениями сего подвижника слово, сходное с 5 беседою Макария (Assem. Biblioth. Orient. Tom. III. p. 44). Беседы св. Макария в древних славянских рукописях вполне не встречаются. Но из них приводят уже некоторые места Пр. Нил Сорский в своем уставе (гл. 2. с. 50 и сл. 10 с. 136. М., 1849) и Иосиф Волоколамский в духовной грамоте (гл. 6.). Перевод бесед Макария на славянском языке издан в печати в первый раз в Вильне в 1627 г. и перепечатан в 1634 г. в Киеве. Новый перевод сделан был при Славяно-Греко-Латинской Академии иеромонахом Моисеем (после Епископом) в 1782 г. Сей же перевод без изменения перепечатан в 1839 г. Москв. Син. Тип. В Христианском чтении переведено на русский язык 30 бесед с 1821–1837 г. В 1855 г. при Московской Духовной Академии издан новый перевод слов и бесед преп. Макария Египетского.

рии, как о муже, писавшем с великою прозорливостью, и приводит места из его писаний, которые очевидно заимствованы из бесед Макария[1]. Фома Маргский, живший в начале IX века, в своей «Истории монахов»[2] приводит места из писаний Макария Египетского. Иоанн, Патриарх Антиохийский (XI в.), в своем сочинении «О монастырях», перечисляя душеспасительные писания Пастырей Церкви и Отцов пустынных, одобренные Церковью для общего употребления, помещает между ними книги св. Макария, подвижника Скитского[3]. Притом беседы Макария во всех списках греческих и в переводах арабском и сирском, по рукописям IX и даже VIII в, приписываются Макарию Египетскому[4].

Кроме 50 бесед известны семь подвижнических Слов Макария Египетского, по содержанию своему сходных с его беседами[5].

---

[1] Слово 46 по славянскому переводу, 49-е по греческому изданию: об истинном ведении и «об искушениях».

[2] Assem. Biblioth. orient. Tom. III. p. 501.

[3] Cotel. monum. graec. Eccles. Tom. I. p. 11. 333.

[4] Barb. Biblioth. Tom. 8. p. 363. Maii. Collect. Veter. Auctor. Tom. 4. p. 191, 192. 1831. Romae.

[5] В первый раз сем Слов Макария изданы Поссаром (1683 г. Filosae); их внес потом в свое издание Прициий и поместил Голланд в Библ. древних Отцов. На славянский они переведены Германом (С. П. Б. 1775 г.). Четыре слова,

Кроме бесед и слов Макария, давно уже известных, недавно изданы Флоссом два послания

именно: 1, о возношении ума, 2, о любви, 3, о свободе ума, 4, о хранении сердца, в 1821 г. переведены на русский язык в Христ. чтении. Из самого содержания сих Слов видно, что они выбраны из бесед Макария. В одном из списков Венской Библиотеки встречаются главы Макария с следующим надписанием: κεφάλια τοῦ ἁγίου Μακαρίου μεταφρασθέντα παρά Συμεὼν του Λογοθετου, 109. О них упоминает Лев Алляций, исчисляя ученые труды Симеона Метафраста. Из сих глав Макария приводили свидетельство Отцы Собора, бывшего против Варлаама и Акиндина, для опровержения их ереси (Leo Allat. diatr. de Symeon. p. 132. et. Lamb. Comment. V, 121 и дал.). Флосс, рассматривавший эту рукопись, нашел, что упомянутые 150 глав из бесед Макария заключают именно те слова, которые изданы Поссином, исключая слово «о хранении сердца» (Floss. p. 236.). Но и это слово очевидно также выбрано из бесед Макария, стоит только сравнить сего слова гл. I. II. VI. X. XII. XIII. XIV, с беседами XVII. 15, XV. 39, VII. 8, XL. 12, XVI. 2, XXXVII. 10, XIX. Если немногие места из сих слов не находятся в беседах, можно отыскивать в посланиях Макария. Глика в своей летописи приводит такие слова «из писем» (ἐν ἐπιζολαῖς) Макария Великого, которые читаются во 2-й гл. 4-го слова (Fabr. Bibl. gr. Tom. 8. p. 363). В списке церковных писателей Авдиуса Митрополита Низивийского Макарию Египетскому приписываются три книги о подвижничестве (Assem. Bibl. orient. Tom. III. p. 14). Неизвестно, что должно разуметь под сими книгами. На сирском языке встречаются в рукописи три слова Макария и восемь писем, а в другом пять слов и десять писем. В арабских рукописях есть сборник, содержащий 26 писем и слов Макария к инокам и его слово о молитве и письмо кы инокам (Assem. Bibl. orient. Tom. III. p. 44).

Макария[1], одно на греческом языке, другое в латинском переводе. Последнее давно было известно по рукописям. О нем упоминает Геннадий в сочинении «О писателях церковных»[2]. Он говорит, что Макарий Египетский написал послание к инокам, в котором поучает, что человек может совершать истинное служение тогда только, когда, познав самого себя, добровольно будет нести все труды, мужественно борясь со страстями и призывая помощь Божию, будет стремиться к достижению первоначальной чистоты. Кажется, сие самое письмо было известно и Св. Исааку Сирину[3]. Он пишет: «А то, на ка-

---

Судя по приведенным Анжело Майо первым словам сих бесед, мы находим в сем арабском списке следующие греческие беседы: 1–5. 7. 8. 10. 11. 12. 15. 17. 18. 19. 40. Прочих одиннадцати бесед по начальным словам не усматривается между изданиями греческими (Maii Collect. Ver. Auct. Tom. 4. p. 191. 192).

[1] Первое послание напечатано на латинском языке. Оглавляется оно так: incipit epistola sancti Macarii ad filios Dei. Напечатано оно по трем спискам — Ватиканскому XIII в., Тревизскому XV в. и библиотеки Гимназии XV в. Другое послание имеет надписание: τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Μακαρίου Ἐπιστολὴ μεγάλη καὶ πάνυ ὠφελίμος. Оно напечатано по рукописи Берлинской XII или XIII века (Floss. Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci et caet. 1850. Colon. p. 191–220).

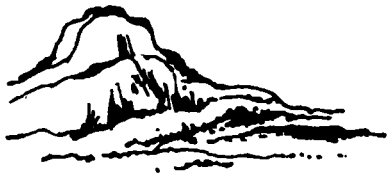
[2] De scriptor. Eccl. cap. 10.

[3] Исаака Сирина слово 46-е по славянскому переводу.

кой высокой степени и сколь великим искушениям подвергаются святые, ты можешь узнать, если хочешь, из одного письма того же Макария. Письмо же это следующего содержания: Авва Макарий пишет всем своим чадам возлюбленным, где ясно научает, каким образом Бог устрояет спасение то искушениями, то благодатным заступлением. Именно, что Божией премудрости благоугодно приучать святых к добродетели во всю жизнь их не иначе, как посредством борьбы против греха, дабы они во всякое время возвышали свой взор к Нему и, непрестанно обращая взор к Нему, возрастали в святой любви к Нему; потому что, будучи угнетаемы страстями и страхом падения, они непрестанно будут прибегать к Нему и преуспевать в вере, надежде и любви к Нему».

Св. Макарию Египетскому ещё принадлежат некоторые молитвы, вошедшие в церковное употребление. Его именем из молитв «на сон грядущим» надписываются молитва первая: *Боже вечный и Царю всякого создания,* и молитва четвертая: *что Ти принесу, или что Ти воздам, велико-даровитый, безсмертный Царю,* и проч. Из утренних молитв его именем надписываются молитва первая: *Боже, очисти мя грешнаго, яко николиже сотворих благое пред Тобою,* — молитва вторая: *от сна востав, полунощную песнь*

приношу Ти, Спасе, — молитва третья: *к Тебе, Владыко человеколюбче, от сна востав прибегаю,* и молитва четвертая: *Господи, Иже многою Твоею благостию и великими щедротами Твоими, дал еси мне рабу Твоему* и проч. По греческим рукописям приписывается Макарию Египетскому и девятая утренняя молитва Ангелу Хранителю: *Святый Ангеле, предстояй окаянной моей души.*



Учение Св. Макария о благодати

Главный и самый обыкновенный предмет наставлений Макария — благодать Божия, спасительная всем человекам. В каждой почти беседе, в каждом почти слове он говорит о благодати: - то показывает необходимость ее, то указывает на средства к ее приобретению, то изображает ее действия.

Благодать, как её понимает Макарий согласно с словом Божиим, есть сила Божественная, даруемая человеку для того, чтобы он мог познать Бога, исполнять заповеди Его и получить вечное блаженство.

Очень часто и очень сильно говорит Св. Макарий о необходимости благодати Божественной для человека. Необходимость её для человека он доказывает свойством самой природы человеческой, которая, по своей ограниченности, не может поддержать сама себя, но все нужное

для себя должна получить отвне. «Бог, совершив сие (земное) тело, назначил ему не из собственного естества его получать жизнь, пищу, питие, одежду, и обувь; но все нужное для поддержания жизни определил ему заимствовать отвне, так что тело, сотворенное нагим, само по себе, без внешних пособий, т. е. без пищи, пития и одежды, жить не может, и если бы оно оставлено было само по себе, без всякого внешнего подкрепления, то скоро разрушилось бы и погибло: так точно и душа, не имея в себе Божественного света, но будучи сотворена по образу Божию, не из собственного существа заимствует себе пищу и питие духовное и небесную одежду, т. е. истинную жизнь свою, но от Бога, от Духа Его и от света Его. Ибо естество Божие имеет в Себе и хлеб жизни, Рекшаго: *Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6, 51), *и воду живую, и вино веселящее сердце человека* (Ин. 4, 10. Пс. 103, 15), и елей радости, и многоразличную пищу духовную, и небесную одежду света, от самого Бога происходящего. В сем состоит вечная жизнь души. Горе телу, когда оно ограничивается одним собственным его существом! Оно разрушается и умирает. Горе и душе, если она остается только при одной себе, надеется только на дела свои и не имеет общения с Духом Божиим! Она умирает, не сподобясь вечной Божественной жизни»[1].

«Как земля, говорит Макарий в другом месте[2], оставленная самой себе, ежели не будет к ней приложено старание земледельца и если она не будет напояема дождями и согреваема солнцем, будет пуста и безплодна; и как всякий дом имеет нужду в свете, который не одного с ним естества и без которого он был бы темен и к обитанию неудобен; так и человеческое естество, будучи не в состоянии само по себе производить совершенные плоды добродетели, имеет нужду в духовном делателе душ наших, т. е. в Духе Христовом, Который также не одного с нами естества, ибо мы творение, а Он несотворенный». Из приведенных мест видно, что св. Макарий признавал благодать Божию, или высшую помощь Божественную, всегда необходимою для человека, в каком бы состоянии он ни был; тем более необходима благодать Божия для человека в настоящем разстроенном его состоянии.

Человек чрез падение так глубоко ниспал в бездну зла, что собственными силами никак не может освободиться от него: «Злой начальник темного царства, пленив человека вначале, не оставил в нем ни одной части свободною от своей власти, но осквернил и пленил всего чело-

---

[1] Беседа 1 § 10. 11.

[2] Слово о любви §12.

века — и помышления, и ум, и тело, и всего облек в ветхого человека, скверного, нечистого, враждебного Богу и Божию закону непокорного, облек его в самый грех, чтобы человек не мог уже смотреть так, как бы ему хотелось, но чтобы и видел худо, и слышал худо, чтобы и ноги имел скорые к злодеянию, и руки творящие беззаконие, и сердце занятое злыми помыслами. При столь глубоком повреждении человеческого естества один только Бог может отнять от нас грех; поелику враги, которые пленили нас и держат в своем царстве, сильнее нас»[1]. Никто не может наступать на аспида и василиска и попирать льва и дракона, если не будет укреплен Тем, Кто сказал Апостолам: *се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19). Ибо если бы природа человеческая без помощи всеоружия Духа Святого могла устоять против козней дьявольских, то Апостол не сказал бы: *Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша вскоре* (Рим. 16, 20)[2]. Безсилие природы человеческой, лишенной благодати Духа Святого, св. Макарий представляет в различных образах. «Как если бы кто смесил муку с водою, но не положил бы

---

[1] Беседа 11, § 1.

[2] Беседа XXV, § 12.

закваски, то сколько бы ни трудился, сколько бы ни месил, тесто не будет кисло и не годится в пищу, но когда положена будет закваска, то она соединяет все тесто и делает все оное кислым; или как если мясо не будет осолено, то загнивает и делается так смрадно, что все отвращаются от него по причине худого запаха, черви ползают по загнившему мясу, питаются им и гнездятся в нем; но когда в него будет положена соль, то гнездившиеся в нем черви умирают, истребляются, и отвратительный запах исчезает; таким же образом, говорит св. Макарий, представляй себе и все человечество, т. е. как мясо неосоленное или тесто безквасное, а соль и квас представляй из другого века (εψξ εψτεφρε αιψω̂νοή), т. е. Божественное существо Духа Святого. Ежели из оного века и оного естества в униженное естество человеческое не будет примешана небесная закваска Духа, святая и благая соль Божества; то душа не избавится от зловония порока и не вскиснет по тяжести и безквасию лукавства. Ибо весьма заблуждает душа, которая, надеясь только на свою силу, по-видимому, сама собою делает, трудится и успевает, думая, что и без помощи Духа, сама собою может достигнуть полного совершенства. Нет! если Господь не вдохнет свыше в душу человека жизнь Божественную, он не будет иметь истин-

ной жизни, не истрезвится от пьянства греховного; свет духа не возсияет в душе помраченной, и она не возбудится от глубочайшего сна неведения, дабы таким образом, силою Божиею и действием благодати, истинно познать Бога»[1].

Прекрасно изображает св. Макарий и крайнее безсилие падшего человека, и сохранившиеся остатки добра сравнением его с младенцем, ищущим матери. «Не правда, говорит он, то, что некоторые говорят, будто человек совершенно мертв и никак не может сделать ничего доброго. Младенец, хотя ничего не может сделать, и сам придти к матери; но он движется и плачет, ища матери; мать над ним сжаливается и радуется, что он ищет её с таким усилием и плачем, и хотя дитя не может дойти до нее, но зато она сама подходит к нему, побуждаясь любовью к дитяти, берет его на руки, прижимает к груди и кормит *с* великою нежностью: так делает и человеколюбивый Бог с приступающею к Нему и ищущею Его душею»[2].

Как приобресть благодать? Первым и необходимым условием для приобретения благодати подвижнику благочестия св. Макарий поставляет веру. «Веруя всемогущему Богу простым

---

[1] Беседа 1, § 5. Беседа XXIV, § 4. 5.

[2] Беседа XLVI.

и непытливым сердцем, приступим к Тому, Который дарует всем причастие Духа Святого по мере веры, а не по уподоблению дел вере; ибо сказано: *не от дел закона Духа приясте, но от слуха веры.* (Гал. 3, 2)[1]. За неверие наше, за недостаток усердия в нас, за то, что мы не любим Бога от всего сердца и не истинно ему веруем, мы не получили ещё духовного исцеления и спасения. Итак, чтобы Он скоро даровал нам истинное исцеление, приступим к Нему с истинною верою: ибо Он обещал дать просящим у Него Духа Святого, *толкущим отверзать, ищущим обрестися*[2]. Если кто лишен Божественной и небесной одежды, которую составляет сила Духа, как сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9), тот плач и взывай ко Господу, чтобы получить свыше сию духовную одежду и оною облечь душу, обнаженную Божественной силы»[3].

Сознавая вполне необходимость молитвы для получения благодати, св. Макарий очень часто в своих беседах побуждает обращаться к Богу с молитвою о благодати. «Помолимся и

---

[1] Беседа XXXVII, § 7, ср.: Беседа XLIV, § 5. XLI, § 2. Слово о свободе ума § 24. Слово о хранении сердца.

[2] Беседа XX, § 8.

[3] Беседа XX, § 1.

мы Христу, чтобы нам Его силою быть закланными и умереть для злого и темного мира, чтобы в нас был истреблен грех, чтобы нам получить небесного Духа и облечься Им[1]. Помолимся, да совлечет с нас ветхого человека[2]. Помолимся, да даст нам криле голубине Святого Духа, да возлетим к Нему и почием»[3]. Впрочем, одна молитва, без попечения об исправлении себя, без посильного упражнения в добродетели, не приведет ещё к желаемой цели. Если по молитве благодать и будет дана. то без упражнения она скоро может быть и опять потеряна. «Кто принуждает себя к одной только молитве, а к смирению, любви, кротости и к прочим добродетелям не принуждает и не подвизается в них, тому дается иногда, по его прошению, благодать Божия; поелику Бог, будучи благ, человеколюбиво подает просящему просимое; но поелику такой человек не упражнялся в добродетелях, не приучил себя к исполнению их, то или впадая в гордость, лишается благодати, которую получил, или не приобретает в ней ничего более и не возрастает в ней. Ибо, можно сказать, жилище

---

[1] Беседа 1, § 9.

[2] Беседа 11, § 2.

[3] Беседа 11, § 3. Ср.: Беседа XX, § 3. и др. Слово о хранении сердца § 14.

и покой Святого Духа есть смирение, любовь и кротость и прочие Христовы заповеди»[1].

Итак, желающий истинно благоугодить Богу и принять от Него небесную благодать Духа должен принуждать себя ко всякому делу благому, хотя бы сердце его от него отвращалось. Но со всем этим всегда должно быть соединено смирение, чтобы принять и сохранить в себе благодать. «Если царь поручит какому-нибудь нищему свое сокровище; то принявший оное на сохранение не считает его своим, но всегда признает свою нищету, не смея расточать чужого сокровища; ибо всегда думает, что не только это сокровище чужое, но и поручил мне оное державный государь, и, когда ему угодно, может взять его от меня: так должны думать о себе самих и те, которые имеют благодать Божию;—они должны смиряться и признавать свою нищету. Ибо как нищий, принявший от царя для сбережения сокровище, если, понадеясь на сие чужое сокровище, как на собственное богатство, возгордится, и сердце его исполнится надмения, то царь берет у него обратно свое сокровище, и получивший оное на сохранение остается по прежнему нищим: так и те, которые имеют благодать, если возгордятся, и если надменением исполнится сердце

[1] Слово о свободе ума § 19. Беседа XIX, § 6.

их; то Господь отъемлет у них благодать Свою, и они остаются таковыми же, каковыми были прежде получения благодати от Господа»[1].

Изложив учение св. Макария о необходимости благодати и о средствах к получению ее, теперь изложим его мысли о том, как сообщается благодать человеку и какие действия она производит в нем.

«Двояким образом, говорит св. Макарий, благодать сообщается человеку. Ибо иные, как скоро приступят к Богу с верою и молитвою, пока ещё живут в мире, без их трудов, потов и изнурений получают дары Святого Духа. А иным, хотя они и удалились от мира и отреклись от сего века по заповедям евангельским, и непрестанно упражняются в молитвах, посте и других добродетелях, нескоро Бог дает благодать, успокоение и духовную радость, но медлит и удерживает дары Свои». Цель такого разнообразного действия Божия в сообщении даров благодати есть та, чтобы испытать расположение человека. Одним дается благодать скоро, дабы испытать, «будут ли они чувствовать благодеяние, милость и благость Божию, соразмерно благодати, дарованной им без всякого труда, которой удостоившиеся должны показать плод люб-

[1] Беседа XV, § 25.

ви своей от своей воли и сердечного расположения». Иным медлит Бог сообщать благодать Свою, «дабы увидеть, почитают ли они верным и истинным Бога, Который обещал дать просящим, а потому останутся ли в твердом уповании на Него». Самым медлением в сообщении даров Он более воспламеняет желание небесных благ, заставляет ежедневно прилагать большее старание, труд, подвиг, упражнение во всех добродетелях, алчбу и жажду[1].

Благодать, сообщенная человеку, не вдруг очищает его, но постепенно, мало-помалу. «Посадивший виноградную лозу вдруг ли получает виноград и выделывает из него вино? Сеющий семена тотчас ли жнет и собирает плоды? Дитя вдруг ли после рождения приходит в мужеский возраст совершенный? Воин, поступивший в военную службу, тотчас ли получает отличия? Прежде надобно потрудиться и побывать на войне и после того уже можно получить победные венки[2]. Так и в деле благодатного преспеяния. Когда действие благодати Божественной приосенит душу, по мере веры ее, и подаст ей силу свыше, то приосенит её только некоторою частью. Не думай, чтобы кто вдруг просветился всею

[1] Беседа XXIX. § 1. 2. 3. и др.

[2] Слово о хранении сердца, § 11.

душею. Нет! много ещё и после того в нем остается пищи греху, и человек должен употребить много труда и старания, чтобы соответствовать благодати, в нем находящейся. Конечно, благодать Божия могла бы в одно мгновение очистить человека и сделать совершенным; но она совершает сие понемногу для того, чтобы испытать расположение человека, сохранит ли он всецело любовь к Богу, не приобщаясь ни в чем к злу, но предав всего себя благодати Божией. И таким образом душа, испытанная в течение времени и не оскорбившая ничем благодати, постепенно воспринимает от нее силу. И благодать в такой душе находит себе пищу и простирает свои корни в самые глубочайшие ея части и мысли, — говорю о душе уже искушенной многими случаями и найденной готовою к принятию благодати»[1].

Какие действия благодать производит в человеке?

1) Благодать, вселяясь в человека, умерщвляет живущий в нем грех. «Когда выйдет из тела душа, говорит св. Макарий, то оно остается мертво и не живет уже тою жизнью, которою прежде жило, не слышит и не ходит: так, когда небесный Первосвященник Христос благодатною

[1] Беседа XLI, § 1. 3.

Своею силою убиет и умертвит нашу душу для мира; тогда она умирает для нечестивой жизни, которою дотоле жила, и более не обращается к греховной тьме; потому что действием благодати выходят из нее злые страсти, которые составляют как бы душу ея»[1].

2) Удостоившиеся получить благодать легко исполняют все заповеди. «Кто нашел и у себя имеет небесное сокровище Духа, тот исполняет всякую правду, предписанную в заповедях, и всякую добродетель, не только в чистоте и непорочности, но и без труда и принуждения, чего прежде и при больших трудах не было возможности сделать»[2]. Человек, получивший благодать, украшается всеми добродетелями. «Облек их (возрожденных) Господь, говорит св. Макарий, одеждою неизреченного царственного света, одеждою веры, надежды, любви, радости, мира, благости и человеколюбия и всеми прочими одеяниями Божественными света, жизни и неизреченного упокоения, дабы, как сам Бог есть любовь, радость, мир, благость, таковым был и новый человек, по действию благодати Божией»[3].

---

[1] Беседа 1, § 6.

[2] Беседа XVIII, § 29.

[3] Беседа II, § 5.

3) Облагодатствованная душа освобождается и от всякой привязанности к миру «Душа, удостоившаяся быть жилищем вышней силы и проникнутая от Святого Духа небесною любовью, совершенно отрешается от всякой любви к миру и освобождается от уз ея. Ибо, если любовь к плотскому, брачному союзу отделяет от отца, матери и братьев, так что если кто и любит кого из сих, то любит немного, всем же расположением и всею любовью предан живущей с ним жене; то предавшиеся оной безстрастной любви могут ли быть обладаемы какою-либо любовью мира»[1]? Для человека, имеющего благодать в сердце своем, ничто в веке сем не бывает привлекательно. «Ибо он стоит выше всего мирского, хотя бы ты говорил ему о золоте, хотя о серебре, хотя бы о честях и славе, хотя бы о величии и похвалах: ничто не может прельстить его. Ибо он познал опытно иное богатство, иную честь и иную славу, и питает душу нетленною радостью и ощущает и вполне наслаждается оною, чрез общение с Духом»[2]. «Христиане, говорит в другом месте Макарий, истинно приобщившиеся благодати, могут разуметь, что весь земной мир, и царские сокровища, и богатство, и

[1] Слово о возвышении ума, ср.: Беседа IV, §13. 14.

[2] Слово о любви § 22.

слава, и науки (σοφιφαή λοφγοι) призрачны и не имеют прочного основания, но скоро преходят, и потому все, что есть под небом, они легко презирают»[1].

4) Души, утвердившиеся в благодати, достигают самого тесного единения с Богом. «Ежели душа прилепляется к Господу, то и Господь, милосердием и любовью подвигнутый, приходит и прилепляется к ней, и таким образом душа и Господь делаются одним духом, единым растворением и единым умом. И хотя ее тело находится на земле, но ум весь и всецело обитает в небесном Иерусалиме, восходит до третьего неба, соединяется с Господом и служит там Ему; Господь соделывается наследием души, а душа наследием Господа»[2].

5) Душа, удостоившаяся быть жилищем Духа Святого, наконец, так очищается и просветляется, что вся становится светом. Объясняя иносказательно видение Пророка Иезекииля (Иез. гл. 1. ст. 1. и др.), св. Макарий говорит[3], что «Пророк видел тайну души, долженствующей принять Господа своего и соделаться для Него престолом славы; ибо душа, которую Дух, уготовляю-

---

[1] Беседа XV, § 40.

[2] Беседа XLVI, § 34.

[3] Беседа 1, § 2.

щий её Себе в престол и жилище, удостоит приобщиться Его света и осияет красотою неизреченной Его славы, становится вся светом, вся лицом, вся оком; не остается в ней ни одной части, которая бы не была исполнена духовных очей света, то есть не остается в ней ничего темного, но вся она делается светом и духом, и вся исполняется очей... Как солнце со всех сторон одинаково, и не имеет в себе ни одной части, которая бы, в отношении к другим частям, могла назваться последнею, или несовершенною, но все это без изъятия сияет светом, и все есть свет; или как огонь, то есть самый свет огня, во всем сам себе подобен и не имеет в себе ничего такого, что бы можно было назвать передним или задним, большим или меньшим: так и душа, совершенно осиянная неизреченною красотою света лица Христова, пришедшая в совершенное общение с Духом (Христовым) Святым и удостоившаяся быть жилищем и престолом Божиим, бывает вся око, вся свет, вся лице, вся слава, вся дух». «Когда кто достигнет духовного совершенства, говорит в другом месте св. Макарий, очистившись от всех совершенно страстей и всецело с Духом Утешителем соединившись неизреченным общением, когда и сама душа, сочетавшись с Духом, удостоивается быть духом; тогда она бывает вся светом, вся радостью, вся покоем, вся вос-

торгом, вся любовью, вся состраданием, вся благостью, вся милостью и как бы погружается в совершенство благого Духа, подобно как камень в бездне морской объемлется со всех сторон водою. Таким образом люди, всецело соединенные с Духом Божиим, делаются подобными самому Христу, сохраняя в себе постоянно силы Духа и являя для всех духовные плоды: ибо когда Духом они соделаны внутри чистыми и непорочными; то невозможно, чтобы вне себя приносили они плоды злые, но всегда во всем являются у них плоды Духа»[1].

Таковы действия благодати в душе человека! Кроме общих наставлений о действиях благодати в душе человека, святой Макарий в некоторых местах своих бесед описывает ещё особенные, более частные и временные состояния душ облагодатствованных, и его описание таких состояний для нас драгоценно. «Удостоившиеся быть чадами Божиими, — говорит он, — и от Духа Святого родиться свыше, различно водятся Духом Святым. Мы возьмем примеры от наслаждений, встречающихся в мире, и по частям изобразим чрез них действия благодати в душе. Возбуждаемые благодатью иногда, подобно находящимся на царском пире, радуются и

[1] Слово о любви § 7.

веселятся наслаждением неизреченным. Иногда они, подобно невесте, наслаждающейся с женихом своим, наслаждаются Божественною сладостью. Иногда, как безтелесные Ангелы, они бывают весьма легки и свободны, находясь ещё в теле. Иногда, как упившиеся от вина, они веселятся, упоенные Духом, т. е. питием Божественных и духовных таин. А иногда они плачут и рыдают о роде человеческом, и моляся за весь род Адама, по любви духовной к человечеству, проливают слезы. Иногда Дух Святый исполняет их таким восторгом и любовью, что, если бы можно было, они желали бы принять в свои недра всякого человека, не разсуждая, хорош ли он или худ. А иногда, по смиренномудрию духовному, они так себя унижают, что почитают себя всего хуже и презреннее. Иногда Дух Святый держит их в неизреченной радости. Иногда, как сильный ратник, облекшись в царское всеоружие и вышедши на брань, мужественно сражается с врагами и побеждает их: так и духовный человек их, приняв небесное оружие Духа, выходит против врагов, сражается и повергает их к ногам своим. Иногда душа успокаивается в великой тишине и мире, находясь в духовной радости, неизреченном покое и безопасности. Иногда она научается от благодати знанию и непостижимой премудрости и разумению тех

вещей, которых никакой язык пересказать не может. Иногда она бывает такова же, каков и всякий человек. Иногда благодать так умиротворяет все члены и сердце, что душа от великой радости является как дитя незлобивое, и в сем состоянии уже не осуждает человек ни еллинов, ни иудеев, ни грешника, ни миролюбца; но внутренний человек смотрит на всех чистым оком, радуется о всем мире и совершенно расположен почитать и любить еллинов и иудеев. Иногда он, как сын царев, имеет дерзновение к Сыну Божию, как к Отцу; ему отверзаются двери, и он входит внутрь многих обителей, и по той мере, как входит, ему отверзаются новые обители, например, после сотни обителей другие сто. Он богатеет, и по той мере, как богатеет, ему отверзаются ещё новые чудеса. Как сыну и наследнику, ему вверяются такие вещи, которых человеческие уста изречь и изъяснить не могут[1]. Иногда бывает, что человек, в целый день занятый делами, становится на молитву на один только час, и в это время внутренний человек его с такою сладостью погружается в молитву и в безпредельную глубину оного века, что весь ум переселяется в горняя. В сие время забывает он все земные попечения и заботы, потому что

[1] Беседа VIII, § 6.

ум его бывает наполнен и пленен Божественными, небесными, безпредельными, непостижимыми и чудными предметами, коих человеческим словом изречь невозможно, так что в тот же час человек желает и говорит: о, если бы и душа моя туда ушла вместе с молитвой!» Такие состояния духовного восторга не могут быть продолжительными. Они по временам только посещают душу. «Хотя благодать, говорит св. Макарий, непрестанно сопребывает, укореняется и действует как закваска в человеке с юного возраста, и сие сопребывающее в человеке делается чем-то как бы природным и неотделимым, как бы единою с ним сущностью: однако же, как ей угодно, различно видоизменяет она свои действия в человеке к его пользе. И огонь иногда возгорается и бывает сильнее, а иногда слабее и тише; и свет временем сияет и светит сильнее, а временем сокращается и меркнет. Равным образом и сия свеща, т. е. благодать, всегда горящая и светящая, иногда горит ярко, и тогда душа возгорается сильнее от упоения любви Божией; но потом издает свет умереннее, хотя и это, остающееся в душе, есть свет только слабейший. Иногда от сего самого света, возгорающегося в сердце, открывается внутреннейший, глубочайший и со-

---

[1] Беседа VIII, § 1.

кровенный свет, так что человек, весь погрузясь в сладостное созерцание, не владеет более собою и становится буиим и странным для мира сего, по преизобилию любви и услаждения и по сокровенным тайнам, им созерцаемым; высвободившись на то время, он спешит достигнуть в меру совершенства, чтобы быть чистым и свободным от греха. Но потом благодать умаляется, и простирается покрывало противной силы; в сем случае благодать является уже только отчасти, и человек тогда бывает на низшей степени совершенства. Положим, что человек должен пройти двенадцать степеней, чтобы достигнуть совершенства. Если кто достиг последний степени, то достиг и совершенства. Но благодать опять умаляется, и человек сходит на одну степень ниже и стоит на одиннадцатой». Для чего же это допускается? Почему благодать иногда умеряет свет и силу свою в человеке, и человек от сего должен низойти с высшей степени на низшую? Ответ св. Макария такой: «Если бы чудные состояния, в которые благодать иногда поставляет человека, всегда находились при нем, — то он не мог бы ни принять на себя служение слова, ни понести каких-либо трудов, ни попещись о нужном для себя самого, ни о завтрашнем дне, а сидел бы только в углу, в восхищении и упоении. Поэтому и не дано че-

ловеку стоять на степени совершенства, чтобы он мог иметь попечение о братиях и упражняться в служении слова»[1].

Св. Макарий не допускает того, чтобы ещё здесь на земле человек мог решительно достигнуть полного совершенства. «Я ещё не видал, говорит он, ни одного христианина совершенного или свободного от греха. Ибо хотя иной успокаивается благодатью, получает таинственные откровения и вкушает сладость благодати, но при всем том и грех ещё находится в нем»[2]. «Нередко мы видели между братиями, говорит св. Макарий в другом месте, толико богатую получивших благодать, что в продолжение пяти или шести лет, как говорили они, похоть в них совершенно погасала, но потом, когда они думали, что достигли пристани и тишины, зло как бы из скрытой засады делало на них столь сильное и жестокое нападение, что приводило их в ужас и недоумение. Посему никто из благоразумных людей не смеет сказать: так как благодать со мною, то я уже свободен от греха. Ибо в одном и том же уме действуют два духа, (т. е. благодать и похоть)». В объяснение того, как совмещаются действия благодати и греха в одной и

---

[1] Беседа VIII, § 2. 3. Ср. слово о любви § 9. 10.

[2] Беседа VIII, § 5.

той же душе, св. Макарий говорит, что и в мире, где повсюду присутствует Бог, как вездесущий, существует и сатана; так и грех бывает в душе вместе с благодатью. От такого сожителя благодать нисколько не терпит. «Если солнце, будучи тело и создание, освещая смрадные и нечистые места, нимало не повреждается и не помрачается; то тем более Дух Святый, соединяясь с душою, ещё волнуемою грехом, нисколько не может от него осквернить; ибо *свет во тьме светит, и тьма его не объят* (Ин. 1, 5). Мне кажется, в сем случае бывает таким образом: как во время чистого сияния солнца нечаянно находит мрачный пар или облако и потемняет прекрасный свет; подобное сему случается и с теми, которые получили благодать Божию, но ещё не очищены до совершенства»[1].

Отношение благодати к свободе человека.

Св. Макарий учил, что человек тогда только получает благодать, когда пожелает и будет искать её, что он может обратиться к добру из самой глубины зла, что самая благодать не может действовать одна, но требуется содействие человека. На самой высшей степени причастия благодати человек может пасть и лишиться бла-

---

[1] Слово о возвышении ума § 14. ср.: Беседа XXXVIII, § 4. Беседа XVII, § 4. Беседа XVI, § 4. 6.

годати; но и после самого падения может опять возстать и снова получить дар благодати.

«Природа человеческая, — говорит св. Макарий, — способна к принятию и добра и зла, Божественной благодати и противной силы, но принуждена к тому быть не может»[1]. Природа человека такова, что он, находясь в бездне зла и работая греху, может обратиться к добру; равно как и получивший благодать Духа Святого и преисполненный небесными дарами имеет возможность обратиться к злу[2].

Человек от природы получает расположение к добру, которое он не должен подавлять в себе, но более и более усиливать и раскрывать. «Бог повелевает, чтобы человек сначала познал добро умом, познав, возлюбил его, и волею совершал добро. Но мысль привести в действие, перенести труд и совершить дело — это дарует благодать возжелавшему и уверовавшему. Без согласия воли человеческой сам Бог ничего не производит в человеке, хотя и мог бы, по причине свободы, которою одарен человек»[3]. Когда Господь увидит кого-либо, что он удерживает себя от развлечений мира, решился служить ему

---

[1] Беседа XV, § 54.

[2] Беседа XV, § 40.

[3] Беседа XXXVII, § 10.

со страхом, то подает ему деятельную помощь от Своей благодати. Но что делать Ему с тем, кто добровольно предает себя миру, идет вслед его похоти?[1] Поелику Господь, обращаясь к Иерусалиму, сказал: *колькраты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте* (Лк. 13, 34); то мы должны веровать, что Он сам нас собирает к Себе и требует от нас одного расположения (следовать за Ним). Но чем доказать сие расположение, если не произвольными трудами?[2] Человек должен приучать себя ко всякой добродетели; тогда он удостоится и помощи от благодати[3].

Но и тогда, как человек удостоится благодати, свобода его не стесняется. «Дабы и по принятии благодати видно было, к чему воля человека стремится и на что соглашается, для сего природа остается такою же; и человеку суровому оставляется его суровость, а легкому его легкость. Случается, что человек простой, духовно возродившись, делается мудрым, и ему открываются сокровенные тайны, но по природе своей он остается простым. Иной, будучи суров от природы, предает волю свою на угождение Богу, и Бог приемлет его; но природа его остается в

---

[1] Слово о возвышении ума, § 3.

[2] Беседа XXXII, § 10.

[3] Слово о свободе ума, § 19. Беседа XIX, § 6.

своей суровости, хотя и благоволит к нему Бог. Другой добронравный, смиренный, добрый предает себя Богу, и Господь приемлет его: но если постоянно не пребывает в добрых делах, то Бог не благоволит к нему»[1]. Человек должен содействовать благодати, иначе она останется безплодною в нем, или совсем удалится. «Как богачи земные, — говорит св. Макарий, — хотя и много плодов соберут в житницы свои, однако ежедневно снова трудятся, чтобы не обнищать, а более разбогатеть; ибо, если понадеются на богатство, лежащее в житницах, и не будут стараться приумножать его, но станут расточать собранное, то скоро впадут в бедность и нищету; посему, несмотря на свои приобретения и приращения, должны ещё трудиться и собирать, чтобы не обнищать: так должно быть и в христианстве с теми, кто вкусит благодати Христовой. Но ежели душа будет неисправна в своем служении и ежели не станет угождать Богу и повиноваться Его воле и не будет содействовать благодати Духа, тогда с срамом и поношением изгоняется, как безчестная, и отлучается от жизни, как непотребная и неспособная к соединению с Царем Небесным»[2]. «Вкусившие Божественной благодати и сделав-

[1] Беседа XXVI, § 5.

[2] Беседа XV, § 18. § 2.

шиеся причастниками Духа, если не будут беречься, то всего лишатся и сделаются хуже, нежели каковы были прежде, не потому, чтобы Бог был изменяем и безсилен или чтобы Дух угасал, но поелику люди сами не согласуются с благодатью, потому они и отвергаются от нее, и впадают в безчисленные пороки»[1].

Свобода остается так неприкосновенною в человеке, что хотя бы кто и преисполнен был благодати, всегда может пасть[2]. «Самим Апостолам, совершенным в благодати, благодать не воспретила бы делать что-либо по своему желанию, если бы они пожелали и неугодного благодати; впрочем, они грешить не могли, потому что не возносились, будучи озарены таким светом и удостоены такой благодати[3]. Несмотря на то, что они были совершенны, свобода произвола была и у них, и несправедливо некоторые несмысленно говорят, что, получив благодать, душа освобождается от заботы. Ибо и от совершенных Господь требует воли души на служение Духу, так чтобы воля и благодать согласовались между собою. Ибо говорит Апостол: *Духа не угашайте*» (1 Сол. 5, 19)»[4].

---

[1] Беседа XV, § 34.

[2] Беседа XV, § 14.

[3] Беседа XXVII, § 10. 11.

[4] Слово о возвышении ума, § 16. Беседа XVII.

Благодать не оставляет совсем человека и по его падении, но возбуждает его к раскаянию. «Падшего человека, — говорит Св. Макарий, — Бог желает снова привесть к жизни и потому побуждает его к плачу и раскаянию. Если и пребывает в нем благодать, то для того, чтобы располагать его к плачу и раскаянию о прежних грехах»[1]. «Благодать Божия с любовью приемлет человека кающегося, и дары посылаемые по благодати, не измеряются по сравнению с прежнею немощью; потому что благодать тогда уже не была бы благодатью»[2].

Вот учение Св. Макария о благодати! Изложим кратко главные его мысли.

1) Благодать есть Божественная сила, сообщаемая человеку ради заслуг Христовых.

2) Она необходима человеку, потому что без нее человек не может познать Бога, освободиться от власти дьявола, творить доброе и получить вечное блаженство.

3) Благодать, водворившись в человеке, освобождает его от привязанности к земному, умерщвляет в нем грех, дарует ему легко и удобно исполнять все заповеди и наконец делает наследником Царства Небесного.

---

[1] Беседа XV, § 17.

[2] Беседа XXXVII, § 7.

4) Для получения благодати от человека требуются вера, молитва, упражнение в добре и смирение.

5) Благодать не исключает свободы человека. Она сообщается по свободному желанию и исканию человека, и когда сообщается, тогда требуется свободное содействие ей от человека.

ПУСТЫННОЖИТЕЛИ СКИТА[1]

Хотя Скит был отдален от горы Нитрийской на 24 часа пути, но главные старцы обеих пустынь имели частые между собою сношения. Некоторые из старцев нитрийских, как, например, Макарий, Серапион, Памво, Агафон и другие, имели келлии в Скиту, куда удалялись по временам для большего безмолвия. Из жизни Макария Египетского также видно, что он нередко навещал нитрийских иноков, содействовал им в их духовном делании своими советами и наставлениями. При этом близком общении главные старцы нитрийские собирались иногда вместе с старцами Скита, чтобы согласиться в принятии общих мер для блага управляемых ими иноков или разрешить недоумения, возникавшие по особенным случаям. Посему правила, которыми руководствовались в жизни своей иноки скитские, были сходны с правилами иноков нитрий-

[1] Скит, на коптском языке Schiet, значит пространная равнина.

ских. На это указывает и дошедший до нас устав иноческой жизни, составленный в общем собрании старцев: Серапиона, Макария, Пафнутия и другого Макария[1].

Монахи Скита не имели одного общего начальника, но подчинены были собранию старцев. В истории скитских подвижников часто упоминается об этих собраниях. Собрания бывали обыкновенно в церкви, и чаще в субботу и воскресенье, когда иноки собирались для присутствования при Богослужении. В особенных случаях они заранее назначались пресвитером, совершавшим службу, и происходили под его председательством. В этих собраниях разсуждали или о духовных предметах, или об общих для всех пустынников делах, или судились важные проступки братии, или выбирались лица для церковных должностей. Если возникали в сих собраниях разсуждения о предметах, не относящихся к назиданию, но более питающих любопытство, то мудрые отцы останавливали такие разсуждения. Так, однажды скитские отцы собрались разсуждать о Мельхиседеке. Авва Коприй воскликнул: «Горе тебе, Коприй! ты оставил делать то, что заповедует тебе Бог, а испытуешь то, чего Он от тебя не требует». Братия, услышав это, оставив собрание, разо-

[1]Lucae. Holst. Cod. Red. Tom. 1. p. 11.

шлись по келлиям[1]. Хотя решение важных дел зависело от собрания старцев, но пресвитеры четырех церквей Скитской пустыни не были лишены духовной власти над теми иноками, которые причислялись к их церкви. Они, как духовные отцы, наставляли, руководили иноков и иногда сами налагали наказания. Как духовными нуждами братий заведывали пресвитеры: так для заведывания потребностями житейскими был избираем эконом. Кассиан говорит[2], что в должность эконома никто не вступал по своей воле, но в нее возводили по выбору старцев, общим согласием утверждавших в сем звании достоуважаемых и по возрасту, и по силе веры, и по святости жизни. Хотя в Скиту не было общежития иноческого, но подвижники Скита, живя в отдельных келлиях по одному или с несколькими учениками, содержались трудами рук своих; но потребность поддержания церквей, при которых кроме того были больницы для престарелых или больных иноков, заставляли принимать от усердствующих приношения. Многие благочестивые люди считали долгом приносить инокам начатки и десятины плодов своих полей. Эти приношения разсылались от эконома инокам по келлиям,

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 121.

[2] Collat. c. XXI. c. 1.

и самые великие старцы огорчались, если их обходили в этом дележе. Так, однажды прислано было в Скит несколько мелких смокв, и их, как ничего не стоящих, не послали к Авве Арсению. Старец, услышав об этом, не пошел в церковь и сказал: вы отлучили меня, лишив благословения, которое Бог послал братиям и которого я не удостоился получить. Всех тронуло смирение старца. Пресвитер пошел, отнес ему смокв и с радостью привел его в церковь[1]. В случае значительного приношения устроялись для братии общие вечери[2].

Пустынники Скита были самыми строгими по подвигу воздержания. Они разрешали себе только одно сухоядение. Считалось грехом чревоугодия, если кто вкушал варево в простые дни кроме воскресенья. Авва Ахила сделал выговор Авве Исаии за то, что тот подлил несколько воды в соль, которую ел с хлебом, потому, что от трудов во время жары у него пересохло горло и он не мог иначе проглотить куска. Посмотрите, сказал Ахила, на Исаию, как он хлебает похлебку в Скиту. Если хочешь хлебать похлебку, то ступай в Египет[3]. Иоанн Колов гово-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 15.

[2] Там же, 194. 22.

[3] Там же, 39.

рил: «Отцы скитские вкушали хлеб с солью и говорили: не должно нам обременять себя хлебом и солью. Потому они и сильны были в деле Божием»[1]. Многие принимали пищу только раз в неделю. Строгость поста ослаблялась только для гостей. У скитских иноков было такое правило: в какое бы время кто ни пришел, всякий должен был сотворить молитву, а они во время этой молитвы занимались приготовлением трапезы и потом вместе вкушали пищу. Некоторые иноки тогда только и вкушали, когда кто-нибудь к ним приходил. Зная это правило Феодор Александрийский, живший в Теренуфе, ходил каждую субботу к Аммонию, чтобы заставить его вкусить пищу[2].

Впрочем, мудрые отцы, изнуряя себя подвигами воздержания, считали пост только средством к обузданию страстей. «Мы учились, говорил Пимен Исааку, умерщвлять не тело, а страсти»[3]. Отцы тщательно заботились, чтобы излишнее воздержание не питало в неопытных подвижниках помыслов тщеславия. — «Если подвизаетесь в посте, говорил пресвитер скитский Исидор, не гордитесь. Если же тщеславитесь сим, то лучше

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 106.

[2] Луг духовный, гл. 53.

[3] Там же, с. 225.

есть мясо. Ибо не так вредно для человека есть мясо, как гордиться и надмеваться»[1]. Потому признавали лучшим, чтобы подвижники каждый день понемногу принимали пищи и даже подбавляли в нее каплю елея не для вкуса, ибо её нельзя и ощутить, но для того, чтобы предохранить себя от превозношения строгим воздержанием. «Неумеренность в посте и неумеренность в пище, говорил подвижник Скита Моисей, приводят к одному концу. Ибо ослабевший от излишнего воздержания приходит в то же состояние, в каком находится нерадивый от безпечности. Так что мы часто видели, что те, которые не могли быть прельщены чревоугодием, были низложены неумеренностью постов; и неумеренные бдения и нощные стояния низложили тех, которых не мог побудить сон. Итак, руководствуясь рассуждением, должно вести себя так, чтобы не уклоняться от стези воздержания и не пасть от гибельного послабления гортани и чреву». Отцы скитские, разсматривая различные виды воздержания, когда иные постоянно питались бобами, другие только травою, иные плодами, — предпочли всему этому вкушение хлеба, которого точнейшую меру определили двумя небольшими хлебцами, имевшими весу едва один фунт. Если не

[1] Там же, с. 96.

вкушать при этом ничего вареного, то этого очень довольно для строгого поста. Впрочем, главная мера воздержания состоит в том, чтобы всякий, смотря по требованию сил или тела или возраста, принимал пищи столько, сколько требует поддержание плоти, а не желание насыщения[1]. Так же отвечал Пимен на вопрос Иосифа, как должно поститься. «Надобно, сказал Пимен, есть каждый день, но есть не много, не до сыта. Как же ты, Авва, спросил его Иосиф, в юности своей постился по два дня? Точно постился я и по три дня, и по четыре и по неделе, но отцы, испытавшие все это, нашли, что лучше есть каждый день понемногу, и показали нам путь царский: ибо он удобнее для нас[2]. Опытные старцы осуждали тех, которые вместо того, чтобы есть каждый день по два хлебца, чрез два съедали четыре хлеба: потому что это могло произвести отягчение. Так как закон любви требовал, чтобы иноки с посетителями разделяли трапезу, то дабы не нарушить правила поста, сохраняя закон любви, старцы давали правило съедать в девятый час один хлебец, а другой оставлять до вечера с тем, чтобы, если придут гости, то с ними съесть другой хлебец. Они дозволяли, если не будет гостей, съесть ввечеру остав-

---

[1] Cass. Coll. 2. c. 17–22.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... 196.

шийся хлебец, когда сильно чувство голода. Кассиан описывает образец роскошного стола в Скиту. Он с Германом пришел к Авве Серену. В воскресенье после Богослужения вместо разсола, который с каплею елея прибавлялся к ежедневной пище, он примешал к ней немного взвару и влил елея несколько более обыкновенного. Потом предложил три маслины вареные с солью, принес блюдо вареного гороху и сливы. Мы взяли, разсказывает Кассиан, по пяти зерен гороху, по две сливы, по одной маслине. Брать больше этого считались в Скиту грешным[1]. Как чуждались иноки всего излишнего, видно из двух примеров. Один больной брат захотел мягкого хлеба. Во всем Скиту не нашли его. Другому брату больному нужен был уксус. В четырех лаврах Скита искали его и не нашли. А там отцев было около трех тысяч пяти сот[2]. Строгим постом изнуряя тело свое, иноки скитские старались лишать себя всякого успокоения телесного в жилищах, в одежде. Келлии иноков были так просты, что они выстраивали их в один день. В них кроме необходимого для работы ничего не было. Одежды носили они ветхие, изорванные, сшитые из пальмовых листьев, и тех более двух не имели. Отцы

---

[1] Cass. Coll. 8. c. 1.

[2] Луг духовный, гл. 112.

египетские имели обыкновение сберегать до смерти своей левитон и куколь, в которых приняли монашеский образ, и в них погребаться; в продолжение жизни надевали их только по воскресным дням для приобщения Св. Таин и тотчас после скидали[1]. Спали обыкновенно на полу на циновках: подкладывали под голову связки из тростника, которые служили и седалищем[2].

Как были иноки нестяжательны, показывает следующий пример. Один знатный человек принес в Скит значительную сумму денег и просил пресвитера разделить их между иноками. Они не имеют нужды в деньгах, сказал пресвитер. Но когда этот человек сильно настаивал на исполнении своей просьбы, пресвитер поставил ящик с деньгами при дверях церкви и сказал братии, что имеющие нужду могут брать, сколько им угодно. Ни один из иноков не дотронулся до денег. Многие прошли мимо, и не взглянув на них. Тогда пресвитер, возвращая деньги принесшему, сказал: Бог принял твое приношение; возьми деньги и раздай их нищим[3]. Ещё один Христолюбец принес деньги к старцу, бывшему в проказе: ты стар и болен, сказал он,

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 277.

[2] Cass. Coll. 1. c. 23.

[3] Rosweid. Oct. P. P p. 584. n. 19.

возьми это, чтобы облегчить себя в нуждах. «Увы! отвечал старец, вот уже шестьдесят лет я болен, и Бог по Своей благости пекся о моем содержании, а ты хочешь лишить меня попечений Его промысла, делая себя моим кормильцем». И старец не взял денег[1].

Живя трудами рук своих, иноки вырабатывали только то, что необходимо было для пропитания. Отцы определили, что все, превышающее нужду насущного пропитания и неизбежное требование плоти, относится к печали и заботе житейской. Например, это забота житейская, когда, имея возможность удовлетворить нуждам нашего тела одним динарием, мы работаем и трудимся, чтобы приобрести два или три, и когда для одеяния достаточно двух одежд, мы хотим приобрести три или четыре; — когда для жительства достаточно одной келлии, мы строим их несколько и притом пространнее и изысканнее отделанных[2]. Рукоделье иноков Скита было самое простое — плетение рогож, корзин из тростника, вязание сетей и подобное. Такие рукоделья имели то преимущество, что они от людей, изнуренных постом, не требовали усильного труда, совершались в келлии и, по просто-

---

[1] Ibid. n. 20.

[2] Cass. Coll. 9. c. 5.

те своей не развлекая мысли иноков, давали уму свободу устремляться к Богу. Во время жатвы иноки нанимались у поселян жать хлеб. О плате они не договаривались; ждали молча, как бы долго её ни откладывали. Без позволения хозяина они не осмеливались сорвать и колоса для себя. Случалось, что, если во время работы один брат заболевал, другие, сделав за него дело, принуждали его взять часть платы, как бы он сам работал[1]. Даже не имея нужды в работе, иноки трудились, чтобы не быть в праздности. Пришли однажды к Авве Ахиле иноки за назиданием и увидали, что он ночью плел большую веревку. «С вечера и до сих пор, сказал Ахила, я свил двадцать лактей, а не имею нужды в них. Но как бы не прогневался на меня Бог и не осудил меня за то, что, будучи в силах работать, не работаю; потому тружусь и делаю по силам своим»[2]. Другой подвижник, Павел, живший в Каламе, находя в плодах пальмы и небольшого сада все нужное для жизни и не имея возможности работать для продажи, потому что провоз его работы стоил бы более, нежели за сколько она могла быть продана, — несмотря на это поставил себе непременным правилом каждый день

[1] Rosw. p. 634 n. 20.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... 40.

делать известное число корзин. Потрудившись целый год, когда пещера его была полна корзин, он сжигал их. И это делал он потому, что иноку трудно очистить свое сердце, дать постоянство своим мыслям, победить леность и полюбить пребывание в своей келлии, если не будет занят работою[1]. Посему опытные старцы осуждали монахов, так называемых Евхитов, которые, под предлогом непрестанной молитвы, отказывались от рукоделья. Пришли однажды Евхиты к Лукию. Старец спросил их: какое у вас рукоделье? Мы не занимаемся рукодельем, отвечали они, но непрестанно молимся, как заповедует Апостол. Ужели вы и не едите и не спите, спросил старец. Едим и спим, отвечали они. Кто же молится за вас, когда вы едите и спите? Они не знали, что отвечать. Тогда Лукий сказал им: простите мне, вы не делаете, как говорите. А я вам покажу, что, и занимаясь своим рукодельем, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, с Богом сажусь я и плету из них веревку, а между тем читаю: помилуй мя Боже по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти мя (Пс. 50, 1–3). Не молитва ли это? Проводя целый день в работе и молитве, я зарабатываю около 16 монет. Две из них подаю ни-

[1] Cass. inst. L 10 c. 24.

щим, а остальные употребляю на пищу. Кто примет от меня две монеты, молится за меня, когда я ем и сплю; и таким образом по милости Божией исполняю непрестанную молитву[1]. Один брат, пришедший к Силуану, увидав, что братия работают, сказал старцу: делайте не брашно гиблющее (Ин. 6, 7). Мария же благую часть избра (Лк. 16, 22). Старец велел ученику своему отвести пришедшего в пустую комнату и дать ему книгу. Наступил девятый час — время трапезы иноков, брат ждет, не позовут ли его обедать. Но зову не было. Он пошел к старцу и говорит: неужели братия не ели? ели, отвечал старец. Почему же не позвали меня? Ты человек духовный, избрал благую часть, читая целый день; и не имеешь нужды в такой пище, а мы, как плотские, хотим есть и потому работаем. Вразумленный брат просил прощения у старца. Тогда Силуан сказал: так и Мария имеет нужду в Марфе; ибо и Мария похваляется из-за Марфы[2].

Обязанность молитвы действительно составляла важнейшую обязанность иноков. «Цель всякого монаха и совершенство, говорил Исаак, заключаются в постоянной и непрерывной молитве, сколько возможно для немощи челове-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 134.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... 260.

ческой. Для достижения сего мы употребляем все труды и все сокрушение сердца. Ибо между добродетелями и молитвою есть взаимная и нерасторгаемая связь. Ибо как без добродетелей не может быть приобретена и доведена до полноты непрерывная и постоянная молитва; так и добродетели, которые приготовляют её, не будут тверды и прочны, если не будут связаны молитвою, и совершенством молитвы завершается все здание добродетелей».

Посему опытные старцы бдительно наблюдали, чтобы нерадение, разсеяние мыслей или разслабление сердца не ослабили в юных отшельниках духа молитвенного. «Чтобы молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, говорит тот же опытный подвижник, необходимо всякую заботу о земных вещах отсечь, отстранить не только попечение о чем-нибудь, но и самое воспоминание. Осуждение, суесловие или многоглаголание, шутки должны быть также отсечены, возмущение гнева или печали, или похоти должно быть исторгнуто с корнем. После такого предварительного очищения, которое довершается чистотою простоты и невинности, должно положить непоколебимое основание смирения». Засим, раскрывая ту мысль, что душа должна быть удерживаема от всякого развлечения, что-

бы она мало-помалу возвышалась к созерцанию Бога и духовному видению, Исаак говорит: чем занята будет душа наша пред часом молитвы, то по внушению воспоминания необходимо представится нам и во время молитвы. Посему каковыми хотим быть во время молитвы, таковыми должны устроить себя до молитвы. Ибо ум во время молитвы получает настроение от предыдущего состояния; образ прежних действий, также слов или чувствований, носясь пред нами, заставит нас или гневаться, или печалиться, или перебирать случаи вожделений, или возмущаться каким-нибудь словом или поступком и носиться в прежних развлечениях. Потому мы должны прежде молитвы изгнать из глубины сердца то, чего не хотим, чтобы вкрадывалось в нас во время молитвы. Если хотим, чтобы молитвы наши проникали не только небо, но и превыше небес, будем стараться, очистив ум наш от всех земных пороков и от всех скверн страстей, возводить его на высоту, чтобы молитва ничем не обремененная постепенно восходила к Богу[1].

Для стяжания непрестанного памятования о Боге отцы Скита советовали инокам иметь в уме одну краткую молитву, и для сего они из-

[1] Cass. Coll. L. 9. 3.

брали стих Псалма: Боже в помощь мою вонми. Господи помощи мне потщися (Пс. 69, 1).

Подвижники Скита, воспитанные под руководством Духоносного Макария, который жил более в Боге и часто погружался в духовный восторг, во время молитвы испытывали и высшие состояния молитвенного восторга. Вот что говорит об этой молитве один из подвижников Скита:

«Высшая молитва, не многим известная и понятная, даже неизреченная, превосходя всякое человеческое разумение, не выражается раздельно звуком голоса или движением языка и произношением слов. Ум, озаренный излиянием небесного света, не человеческими изречениями высказывает её, но, преисполненный чувствами, обильно изливает их как бы из многоводного источника и в неизреченном воздыхании возносит к Господу, в краткое время выражая более, нежели сколько ум, пришедши в себя, может пересказать или припомнить... Каким образом внутренние душевные чувства проявляются вовне, это определить также трудно. Ибо часто чувство молитвенное обнаруживается в неизъяснимой радости и веселии духа так, что от безмерной радости оно невольно проторгается в некоторых восклицаниях. А иногда ум с таким безмолвием сокрывается в тайных глубинах молчания, что восторг от внезапного озарения удерживает вся-

кий звук голоса и изумленный дух все чувства или содержит внутри, или возносит к Богу, и изливает пред Ним свои желания в воздыханиях неизглаголанных. А иногда он исполняется таким глубоким сокрушением и такою печалью, что невольно выражает оное излиянием слез»[1].

Отцы любили в уединенных молитвах своих проливать слезы. Кто хочет, говорил Пимен, очистить себя от грехов своих, очищает себя слезами; и желающий стяжать добродетели стяжавает их слезами. Ибо плач есть путь, указанный нам Писанием и отцами нашими, которые говорили: плачьте, кроме сего нет другого пути[2]. Но отцы дают мудрый совет не вынуждать течения слез и не слишком домогаться плача внешнего человека, который, хотя и будет возбужден, но никогда не достигнет обилия слез, льющихся добровольно. Ибо такие слезы, развлекая дух молящегося, ослабят его и погрузят долу и низвергнут с той небесной высоты, на которой восторженный ум молящегося должен утверждаться непоколебимо, и, ослабив молитвенное настроение, принудят его болезновать для безплодных и вынужденных капель слезных[3].

---

[1] Cass. Coll. 9. c. 25. 27.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... 214. 219.

[3] Cass. Coll. L. 9. c. 30.

Чем яснее в писаниях св. Макария Египетского, первого пустынножителя и руководителя иноков скитских, обнаружилось стремление к духовному созерцанию Бога; тем удивительнее встретить между скитскими иноками распространение человекообразных представлений о Боге. Заметив сие заблуждение, Феофил Архиепископ Александрийский в одном из пасхальных посланий своих старался опровергнуть его. Иноки Скита так были вооружены против сего послания, что из четырех пресвитеров, управлявших церковью, один Пафнутий решился прочитать его в собрании. В числе разделявших человекообразное представление о Боге был состарившийся в духовных подвигах инок Серапион. Тщетно пресвитер Пафнутий старался вразумить его. В это время для посещения Скита пришел из Каппадокии дьякон Фотин, муж весьма ученый и сведущий в Священном Писании. Пафнутий просил его показать скитским инокам, как православная Церковь принимает слова Писания: сотворим человека по образу Нашему и по подобию. В пространном слове Фотин показал, что эти слова не должно принимать буквально, что неизмеримому, непостижимому и невидимому величию Божию не может быть приписано что-либо такое, что бы могло быть определено устройством и подобием человека, потому что Он

есть природа безтелесная, простая и для чувств непостижимая. Эти убеждения заставили старца присоединиться к вере православной. И тогда как все, полные радости о том, что Бог не попустил такому святому старцу заблуждаться по невежественной простоте, приносили благодарственные молитвы Богу, старец, чувствуя, что тот образ Божества, который он привык представлять себе в молитве, изгладился из сердца его, так смешался в мыслях своих, что, повергшись на землю, проливая горькие слезы, с рыданием взывал: «Взяли у меня Бога моего. К кому мне теперь обращаться? — не имею. Кому мне теперь молиться и кого призывать?»[1].

Должно думать, что мудрые руководители скитских иноков успели уврачевать заблуждение, происходившее от недоразумения.

Заповедь о непрестанной молитве в келлии не служила к ущербу общественных молитв.

В субботу и воскресенье иноки обыкновенно выходили из своих пустынь и собирались в церковь для общих молитв и для причащения Св. Таин. Авва Пимен говорил: в Писании сказано: им же образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе Боже (Пс. 41, 2). Как олени в пустыне, мучимые внут-

[1] Cass. Coll. 10. c. 2. 3.

ренним жаром, быстро бегут к воде, и когда напьются, то воспаление внутреннее проходит; так и монахов, живущих в пустыни, жжет яд злых демонов, и они с нетерпением ждут субботы и воскресенья, чтобы идти на источники водные, то есть приступить к телу и крови Христовой, дабы очиститься от скверн лукавого[1]. В церкви иноки являлись в полном одеянии, и каждый из них имел свое определенное место.

Для многих из пустынников выход в церковь был почти единственным выходом из келлий. Опытные старцы советовали юным подвижникам пребывать в келлии. Один пустынник просил у Аввы Моисея наставления. «Сиди в своей келлии, сказал ему Моисей, она научит тебя всему, что тебе должно делать»[2]. Другой молодой пустынник пришел однажды к Авве Арсению и сказал: «Отче! ум мой смущается, видя, что я не могу ни поститься, ни работать. Буду посещать хоть больных: ибо и это дело любви». «Иди в свою келлию, сказал ему Арсений, ешь, пей и спи и не работай, только не выходи из келлии». И это потому, что постоянное пребывание в келлии утвердит инока в исполнении его обязанностей[3].

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 196.

[2] Там же, с. 158.

[3] Достопамятные сказания о подвижничестве... 14.

Напротив, замечает один подвижник, всякий раз, как кто выйдет из келлии, при возвращении будет колебаться и возмущаться, как бы новичок и только начинающий жить в ней. Ибо то настроение духа, какое приобрел, сидя в келлии, если оно будет ослаблено, может возвратить не без труда и не без болезни и чрез то, будучи отведен назад, он уже не будет думать об упущенном успехе, который мог бы вновь приобресть, если бы не выходил из келлии, но будет более радоваться, если увидит, что возвратился в прежнее состояние, из которого выступил[1].

Поставляя одною из главных обязанностей постоянное пребывание в келлии, опытные старцы, впрочем, требовали, чтобы юные иноки жили в келлиях не по своему произволу, но под руководством старцев. Случилось однажды, что молодой человек, оставив мир и надев иноческое платье, хотел заключиться в своей келлии, говоря: я хочу быть отшельником. Но старцы, жившие в соседних келлиях, услышав о сем, велели ему выйти из келлии и обойти все келлии других братий, говоря каждому: прости меня. я знаю, что я ещё не пустынник, а только новоначальный инок[2].

---

[1] Cass. Coll. L. 6. c. 15.

[2] Rosw. p. 608.

Потому новопоступающие иноки обыкновенно отдаваемы были в послушание старцам, которые испытывали их уничижением, осмеянием их разсуждения, и все для того, чтобы приучить их без разсуждения подклонять свою волю под иго послушания. Они большею частью не оставляли своих духовных отцов до самой смерти, служили им в старости с уважением и вниманием, заслуживающими удивления. Приученные с юных лет к строгому послушанию иноки могли руководить и других по сему пути. Потому история монашества часто представляет последовательный ряд учителей и их учеников. Так, Арсений, имея духовным отцом своим Иоанна Колова, в свою очередь имел у себя учеников.

Путь послушания опытные отцы признавали безопасным путем для инока. Оно скорее всего способствует к приобретению дара разсуждения — того дара, который Антоний Великий назвал высшею из добродетелей. «Были примеры, так разсуждал один опытный подвижник скитский, что некоторые, соблюдая строжайшие посты и бдения, чудно уединяясь в пустынях, терпя лишение всего до того, что не позволяли у себя оставаться лишней пище даже на один день и ни одного лишнего динария, и исполняя со всею любовью дела милосердия, вдруг были так обмануты, что начатого дела не могли кон-

чить с желаемым успехом, и их пламенное рвение и похвальная бдительность имели печальный конец. Иные после жития монашеского увлеклись блеском слова и уклонились к ложным понятиям еретическим. Иных лукавый помысл убеждает под видом благочестия принимать на себя ходатайство за других и делать посещения, чтобы изгнать из духовных затворов монастыря и из уединения вожделенного покоя внушением заботы о благочестивых и сиротствующих женах, чтобы, такими сетями неразрешимо опутав монаха, развлечь его суетными попечениями. Иногда даже побуждает искать сана священства, под предлогом назидания многих и по любви к духовной пользе, чтобы отторгнуть нас от смиренного нашего жития. Все это, будучи прикрыто покровом милосердия и благочестия, сначала кажется полезным и необходимым, но после вредит твердости иноческой жизни. Это те пути, о которых сказано в притчах: *суть путие мнящиеся прави быти мужу, обаче последняя их зрят на дно адово* (Притч. 14, 12. 16. 25). И это оттого происходит, что, не быв утверждены вполне от старцев, неопытные иноки не могли приобрести дара разсуждения. Разсуждение же тогда приобретается, когда монах не только все, что должно делать, но и что бывает в помыслах, представляет на суд старшим и,

не доверяя ни в чем своему разуму, во всем следует их определениям. Это руководство не только научит юного монаха идти прямою стезею к истинному пути разсуждения, но и сохранит невредимым от всех обманов и хитростей врага. Ибо никто не может быть обманут, если живет не по своему разуму, но по указанию старцев. Дьявол ни одним пороком так стремительно не увлекает монаха и не приводит к смерти, как когда убедит его, презрев советы старцев, положиться на свое мнение и знание. Между тем хитрый враг не может поругаться над неведением того, кто не умеет скрывать ни одного помысла, рождающегося в сердце, но все помыслы отвергает или допускает по зрелому суду старцев. Ибо злой помысл, как только будет открыт, тотчас слабеет, и прежде нежели произнесен будет суд разсуждения, гнуснейший оный змей, как бы из мрачной и подземной пещеры извлеченный на свет силою исповеди и некоторым образом обличенный и поруганный, удаляется. Ибо пагубные внушения его дотоле господствуют в нас, доколе скрываются в сердце. Авва Серапион разсказывал о себе, что, когда он был отроком и жил с Аввою Феоною, получил привычку после принятия пищи в девятом часу со старцем прятать за пазуху один сухарь, который вечером съедал тихонько от старца. Как ни

сильно мучила его за это совесть, но он не имел силы отстать от привычки или признаться старцу. Однажды пришли к Феоне братья. Беседа шла о чревоугодии и скрываемых помыслах. Серапиону показалось, что старец, по откровению, узнав о его грехе, против него направляет беседу. Сначала он стал вздыхать, потом заплакал и вынул сухарь, который оставил себе после обеда; пал к ногам старца, исповедал свой грех и просил прощения. Дерзай чадо, сказал ему старец, тебя разрешила от греховной привычки твоя исповедь. И действительно, по слову старца, после и на мысль Серапиону не приходило желание утаивать кусок хлеба после трапезы. Этот пример показывает, как смиренное признание в своих грехах пред теми, которые приняли на себя попечение о нашей душе, не смотря на стыд, который терпит от сего наша гордость, способствует к освобождению от них и получению прощения. Бог по Своему милосердию преклоняется к душе, исповедующей грех свой со смирением, и дает смущенному сердцу мир»[1]. Посему отцы требовали, чтобы ученики их открывали все свои помыслы, говорили о своей вине и смиренно несли наказания, за них полагаемые. Старцы с смирением также принимали выговоры от

[1] Cass. Coll. 2.

пресвитеров или епископов. Получая замечания, они падали на землю и просили прощения. Они смирялись так и тогда, как не сознавали своей вины. Заповедуя смирение и искреннее сознание своих грехов, отцы не одобряли тех, которые умели только делать низкие поклоны и смиренны были лишь на словах. Так, один пустынник с видом великого смирения пришел к Серапиону. Серапион по обычаю предложил ему совершить молитву. Пустынник отвечал, что он не смеет молиться с ним по причине множества грехов, что он недостоин даже дышать одним воздухом с ним. Серапион предложил ему сесть, он отказался. Тем более не позволил он, чтобы старец омыл ему ноги. Когда встали из-за трапезы, Серапион с кротостью начал говорить пустыннику, что по его молодости и крепости сил лучше сидеть в келлии и заниматься работою, а не ходить по обителям и питаться чужим хлебом. Эти слова так глубоко огорчили пустынника, что он не мог скрыть своего неудовольствия. Сын мой, сказал ему мудрый старец, ты называл себя самым тяжким грешником и не боялся дать о себе дурное мнение, — отчего же от простого наставления моего, которое дано по любви к тебе и желанию пользы, ты так раздражился, что не можешь скрыть своего негодования? или ты хочешь, чтобы я тебе сказал:

праведник себе самаго оглагольник в пословии (Притч. 18, 17)?[1]

Связанные союзом любви иноки Скита всегда готовы были помогать друг другу советами и наставлением. Был в Скиту один старец, труженик по телесным подвигам, но не искусный в помыслах. Он пришел однажды к Иоанну Колову просить совета противу забывчивости. Выслушав его наставление, воротился в свою келлию и забыл, что говорил ему Иоанн. Он пошел к нему опять и опять, не дойдя до келлии, забыл его слова. Много раз он ходил к нему и все забывал данное наставление. Наконец, не желая безпокоить Иоанна, он перестал ходить к нему. Встретившись после сего с Иоанном, он сказал: Авва, я забыл, что ты говорил, но не хотел тебя безпокоить. Тогда Иоанн говорит ему: поди, зажги свечу. Он зажег. Зажги от нее другие свечи. Он сделал это. «Ведь не перестала гореть свеча, сказал Иоанн, оттого, что ты зажег ею другие; так не угаснет и Иоанн, хотя бы весь Скит ходил ко мне. Потому приходи ко мне, когда хочешь». И за терпение обоих Бог освободил старца от забывчивости. Таковы были дела отцов, живших в Скиту, пишет собиратель достопамятных сказаний об отцах, они ободряли искушае-

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 265.

мых и делали себе принуждение, чтобы взаимно одним других усовершать в добре[1]. Если случалось кому по немощи впасть в искушение, братья принимали участие в скорби его и сами обливались слезами. Спасительными наставлениями и предостережениями они старались возбудить к покаянию, предостеречь от новых падений и поддержать мужество, ослабленное скорбью и унынием. Когда старцы принуждены были для уврачевания иноков прибегнуть к строгим мерам, ни прихоть, ни страсть не вмешивались в их суд. Если кто заходил слишком далеко в своем суде, опытные старцы мудрыми советами тотчас же умеряли излишнюю строгость. Один брат в Скиту пал в грех, братия собралась судить его и послали за Аввою Моисеем, но он не хотел идти. Пресвитер опять послал звать его: иди, тебя ожидает собрание. Моисей, взяв корзину и наполнив её песком, пошел и понес с собою. Братья, вышедшие к нему навстречу, спрашивают его: что это такое, отец? Это грехи мои, отвечал Моисей, сыплются позади меня, но я не смотрю на них и пришел теперь судить чужие грехи. Братья немедленно простили согрешившего, не сделав ему и выговора. Так же поступил и Авва Пиор[2].

---

[1]Там же, 104.

[2]Там же, 156. 231.

Главная цель наказаний была привести виновных к раскаянию в своем заблуждении. Тогда только, как истощены были все средства любви и кротости, упорных в грехе отсекали от общества, как гнилые члены, дабы они не заразили и других. Но если был хотя малый луч надежды исправления, отцы не преставали врачевать недугующих душою.

Врачуя душевные болезни, отцы Скита усердно пеклись и о впавших в телесные болезни. Находившиеся в церковной больнице пользовались услугами больничных братьев. Жившие в отдаленных пустынях если не переносились в отдаленную больницу, то попеременно были посещаемы братьями, которые употребляли все, чтобы облегчить их болезнь, и старались исполнять их желание. Так, одному больному старцу захотелось мягкого хлеба. Во всем Скиту не нашлось его, потому что иноки готовили его себе на несколько месяцев. Один из братьев завернул в мантию сухие хлебы, пошел в Египет, обменял их на мягкий хлеб и принес больному. Старец представил труды, каких стоил этот хлеб брату, ибо разстояние было далеко, и не хотел было есть. Это кровь моего брата, сказал он. Но другие иноки убедили его почтить любовь брата и съесть этот хлеб[1]. Если приближалось вре-

[1] Rosw. p. 634.

мя смерти брата, отцы сбирались к умирающему, чтобы в великую минуту разлучения души с телом подкрепить его дух молитвою.

Пустыня Скит, славная своими подвижниками, привлекала к себе и простых земледельцев и мужей из Царских чертогов; в ней обитали люди, с юных лет посвятившие себя иноческой жизни; не были отвергаемы и те, которые после безпорядочной жизни в молодых годах приходили сюда, чтобы остаток дней своих провести в покаянии.

Знаменитыми пресвитерами, которые разделяли ещё с Макарием Великим бремя управления скитскими иноками, были Исидор и Пафнутий. Исидор до 373 г. подвизался в горе Нитрийской. Первою заботою его при вступлении в звание иноческое было утвердить себя в постоянном пребывании в келлии, чтобы удобнее сохранять ум свой в молитвенном единении с Богом. Он не определял времени для молитвы, но день и ночь проходили у него в молитве. Но вместе с тем и в самую глубокую старость он не оставлял рукоделья, целые ночи проводя в плетении пальмовых корзин. Когда братья говорили ему: отдохни немного, ты уже стар; Исидор отвечал им: если бы сожгли Исидора и развеяли прах его по ветру; и тогда я не заслуживал бы ещё никакой милости, ибо для нас сходил

на землю Сын Божий. Когда возникали в душе его помыслы гордости, он говорил себе самому: неужели я подобен Авве Антонию? Ужели я угоден Богу, как Авва Памво? Это смиренное размышление прогоняло искушение и водворяло тишину в его душе. Иногда лукавый враг силился ввергнуть его в уныние мыслью, что и после столь многих трудов он будет ввергнут в муку. «Если я и буду ввержен в ад, говорил смиренный Исидор искусителю, и там найду тебя под моими ногами».

С тех пор, как сделался монахом, Исидор старался подавлять в себе движения гнева в самом их начале. И в течение 40 лет, хотя и ощущал иногда греховные помыслы, но никогда не предавался ни пожеланиям плоти, ни гневу, и избегал всякого повода к гневу. Так, однажды, пришедши на рынок продавать кошницы и почувствовав в сердце своем движения гнева, он оставил свои кошницы на месте и удалился. При великой своей кротости он умел обращать к Богу души самых упорных грешников. Если кто имел у себя брата слабого или нерадивого или ругателя и хотел прогнать его от себя, то Исидор приказывал привести его к себе и своим терпением возвращал его на путь спасения. В своих наставлениях он советовал особенно не поблажать своим помыслам. Не так страш-

ны все демоны, говорил он, как следование своему сердцу. Потому внушал юным подвижникам любовь и уважение к их наставникам: «Ученики должны и любить своих истинных учителей как отцов, и бояться как начальников. Ни любовь не должна изгонять страха, ни страх не должен погашать любви». Когда обуреваемые нечистыми вожделениями обращались к нему за советами, он внушал прежде всего прибегать к молитве, с терпением бороться с нападениями врага. «Прибегнем к молитве, говорил он, и враг удалится. Мысль о Боге доставит победу. Терпение в добре доставит нам торжество. Будем сражаться и будем увенчаны». На путь терпения и самоотвержения призывал он всех подвижников. «Не за тем ли, говорил он однажды скитским инокам, пришли мы в сие место, чтобы терпеть труды и скорби? Между тем мы не терпим ничего. Если это ещё продолжится, я возьму свою милоть и поищу места, где бы можно терпеть что-либо для укрепления моего духа. Преданный сластолюбию и сребролюбию, говорил он, не может жить богоугодно. Если желаешь наследовать Царство Небесное, презирай богатство и ищи воздаяния у Бога».

Сам Исидор старался отказывать себе во всем. Один брат пришел звать его на вечерю. Старец отказался, говоря: Адам прельстился сне-

дью и был изгнан из рая. Брат сказал ему: ты боишься даже выйти из своей келлии. Точно боюсь, сын мой; ибо дьявол яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Пет. 5, 8). Если и случалось ему оставлять свою келлию, то он старался ни на что постороннее не обращать внимания. Однажды он ходил в Александрию к Архиепископу Феофилу. По возвращении братия спросили его: каков город? Истинно, братия, сказал он, я не видал лица человеческого. Не опустел ли город? — спросили его иноки. Нет, — отвечал он; но помысл не увлек меня взглянуть на кого-либо. Это постоянное внимание к себе, эта чистота сердца сделали Исидора сосудом благодати. Он был так страшен для демонов, что одержимые злыми духами получали исцеление, едва только касались порога его келлии[1]. Исидор скончался вероятно около 396 года.

Другой знаменитый пресвитер Скита, который подобно Исидору прежде подвизался в горе Нитрийской, был Пафнутий. Он был в числе самых достоуважаемых мужей горы Нитрийской и Скита. Вместе с Макариями и Серапионом он составлял устав для иноков и как один из столпов православия среди иноков подвергся гонению Валента.

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 90, 91. 96. Cass. Coll. L. 10. c. 2 L. 18. c. 15.

Еще в юных летах, увлеченный примером Антония Великого, вступил он в иночество в одном из его монастырей. С такою ревностью исполнял он святые наставления, какие давали ему, что скоро сделался сосудом добродетелей, преимущественно отличаясь смирением и послушанием. Упражнение в сих двух добродетелях дало ему средство умертвить свою волю и погасить в себе все неправильные пожелания. Глубокое смирение Пафнутия и высокая степень его совершенства открылись при искушении, какому подвергла его зависть одного брата. Пафнутия оклеветали в воровстве. Вместо того, чтобы оправдываться, он без прекословия смиренно подчинился наказанию, которое назначено было ему. Две недели подвергался он строгому унижению. С раннего утра в субботу и воскресенье приходил он в церковь и там, повергшись у порога церковного, умолял о прощении. Чем глубже смирял он себя, тем яснее милосердие Божие открыло его невинность. Злой дух вселился в клеветника, и только молитва Пафнутия — его одного из сонма подвижников скитских — могла исцелить несчастного брата.

Утвердившись в послушании иноческом и ревнуя о более совершенной жизни, он оставил монастырь и удалился в пустыню, и там жил так уединенно, что редко видели его. Два раза в

месяц ходил он к старцам, открывая свои помыслы, хотя он жил от них за двенадцать тысяч шагов и всегда слышал от них одно наставление: в какое бы ты место ни пришел, считай себя последним из всех, и ты найдешь покой своей душе.

Совершенный в добродетелях, Пафнутий, хотя и любивший жить уединенно в беседе с одним Богом, избран был в пресвитера Скитской церкви, чтобы и другим сообщить богатство своих добродетелей. Ещё Великий Антоний дал свидетельство о Пафнутии, как о муже способном врачевать немощи других. Одного брата оклеветали в грехе и привели его для суда к Антонию. Тут был Пафнутий. Слыша, как настойчиво обвиняли приведшие брата, он сказал притчу: на берегу реки видел я одного человека, который увяз по колена в грязи. Некоторые пришли подать ему помощь и по самую шею погрузили его. Антоний сказал о Пафнутий: вот истинно такой человек, который может врачевать и спасать души. Этот дух христианской любви и снисходительности к немощам происходил из его глубокого смирения и побуждал при виде немощей ближнего не к осуждению его, но к оплакиванию своих грехов. Однажды шел он мимо селения и услышал безстыдный разговор. Остановившись, начал он молиться о

своих грехах. И вот явился ему Ангел с мечом в руках и сказал: Пафнутий! все, осуждающие братий своих, погибнут от меча сего. Но ты не осудил, а смирился пред Богом. Посему имя твое вписано в книгу живота. Он был уже девяноста лет, когда Кассиан видел его в Ските. В лике святых, пишет он, которые, как светлые звёзды, блистали в нощи мира сего, видели мы святого Пафнутия, подобно великому светилу сияющего светлостию ведения. Удрученный летами, он из своей келлии, отстоявшей на пять тысяч шагов от церкви, ходил в субботу и воскресенье в церковь и, возвращаясь оттуда, приносил на выи своей сосуд воды, которую употреблял в продолжение седмицы. И будучи более девяноста лет, не дозволял, чтобы младшие иноки приносили ему воду. Из беседы Пафнутия с Кассианом открывается, какое высокое понимание иночества проникало его сердце. Иночество, говорил он, состоит не в отречении только от имущества, не в одном отречении от пороков, но в отречении от всего земного, от себя самих, от веры в свою праведность, в надежде на одного Господа, спасающего нас[1]. По словам Палладия, Бог даровал Пафнутию высокое разумение Священного Писания так, что он мог изъяс-

[1] Cass. Coll. L. 3.

нять весь Ветхий и Новый Завет. Приобретя сие разумение деятельным исполнением закона Божия, Пафнутий предостерегал от той мудрости, которая не сопровождается добрыми делами. Ибо если истине слова не сопутствует добрая жизнь, то это хлеб без соли, по слову блаженного Иова. Но снестся ли хлеб без соли? или кий вкус в тщих словах (Иов. 6, 6)? Посему в Писании сказано: грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя и восприемлеши завет Мой усты твоими (Пс. 99, 16)[1].

Сам в трудах и самоотвержении проведши жизнь свою, так что никогда не имел более двух срачиц, Пафнутий и другим внушал то же. Три старца пришли к нему просить наставления. Он сказал им: любите труд и скорбь более покоя, смирение более славы, любите лучше давать, чем принимать[2]. Приближаясь к старости, Пафнутий желал видеть преемником своего пресвитерства Даниила, хотя младшего многих по возрасту, но сравнявшегося по чистоте жизни, кротости и смирению с самыми старшими подвижниками. Возведенный ещё при жизни Пафнутия в сан пресвитера, Даниил не дерзал приступать к совершению таин при жизни св. Пафнутия. И так как

---

[1] Лавсаик, гл. 80.

[2] Достопамятные сказания о подвижничестве... 235.

он скончался прежде Пафнутия, то ни разу не совершал Литургии.

Неудивительно, что сии мужи, с юных лет воспитанные в благочестии, сделались посредством постоянного упражнения в добродетелях и очищения ума своего молитвою светильниками иночествующих. Удивительнее видеть, как Моисей ефиоплянин, бывший ужасом своей страны, так же черный душою, как был черен телом, из начальника разбойников сделался великим подвижником и пресвитером Скита. Его пример служит живым свидетельством, что всецелое обращение на путь спасения возможно для самых великих грешников. Раб одного гражданина, или, как говорят, судьи, Моисей отличался беспорядочным поведением и готовностью на всякое худое дело. Ни увещания, ни наказания не могли его исправить, и господин выгнал его из дому.

Его душевные склонности не указали ему иного пристанища и занятия, как вступить в шайку разбойников. Его высокий рост, необычайная сила и без сомнения дерзость на злодеяния, доставили ему звание начальника. С неслыханной жестокостью производил он везде грабительства и наводил ужас своим именем. Однажды, чтобы отмстить одному поселянину, он, взяв меч в зубы, одежду на голову, переплыл Нил, когда он был в

разливе и простирался на шесть тысяч шагов. Не найдя поселянина, который от страха убежал и скрылся в пещеру, Моисей свое мщение излил на его стадо. Он убил четырех лучших баранов, связал их и с ними опять переплыл реку и разделил свою добычу с товарищами.

Нужно было испытать такому человеку сильное потрясение, чтобы в душе его пробудилось чувство раскаяния. Наконец, это чувство пробудилось в нем. Он пришел в монастырь в разодранной одежде, с лицом, омоченным слезами, со всеми признаками глубокого сокрушения и просил принять его в число иноков. Долго иноки не хотели принимать его, но он неотступно молил их, раскрыл пред всеми свою совесть, исповедуя не столько преступления свои, сколько сокровенные мысли свои. Много дней пробыл он у ворот монастыря. Наконец, видя постоянство Моисея в его желании вступить в монастырь и искренность раскаяния, настоятель облек его в иноческую одежду и, дав правила для жизни, принял в число братства. Моисею было тогда около 30 лет. С великим усердием и точностью Моисей исполнял все, что ему ни предписывали. Он питался только хлебом и водою, иногда дня по три и по четыре не вкушал пищи. Часто целые ночи проводил в молитве, непрестанно воздыхая и проливая потоки слез о своей

прежней жизни. Пример его обратил на путь покаяния одного из его сообщников и ещё четверых разбойников, которые напали на него в келлии. Связавши их, он принес их в Церковь. Узнав, что это был Моисей, они решились последовать его примеру и сделались добрыми иноками. В начале своей подвижнической жизни Моисей ощущал внутреннее спокойствие, и из обители он решился перейти в Скит в уединенную келлию. Но здесь он должен был испытать тяжкую борьбу. Любовь Божия тем, которые только что вступили на служение ей, обыкновенно дает вкусить сладость благочестия и руководит их как детей ещё слабых. Часто в самом начале обращения человек не чувствует борьбы страстей, он как бы носится на крилах благодати. Но скоро наступает время искушений, дабы добрые желания, искушенные опытом, укоренились в душе и обратились в постоянный навык. Это испытал на себе Моисей.

В уединенной келлии, когда соблазны для внешних чувств удалены были, с силою возникали в душе его образы прежней нечистой жизни и возбуждали вожделения плоти так, что, как сам он признавался, если бы ещё немного усилилось искушение, то он оставил бы пустыню. Во время этой борьбы он пришел к пресвитеру Исидору за советом. Не унывай, сказал ему

Исидор, — это ещё следы твоей прежней греховной жизни. Возложи на себя строгий пост, чтобы похоть плоти чрез чревоугодие не нашла к тебе доступа. С этого времени Моисей стал изнурять себя постом. Он стал много работать, каждый день совершал по пятидесяти поклонов и в сутки съедал только по 12 унций хлеба, не употребляя другой пищи. Но и это не дало ему покоя. Он пошел к одному опытному иноку. Что мне делать, Авва? сказал Моисей. Сновидения омрачают мой ум, потому что душа по прежней привычке соуслаждается ими. Старец велел ему провести несколько времени без сна и молиться усердно. Моисей, выслушав наставление, дал слово не спать ночью и не преклонять даже колен для молитвы, чтобы не предаться сну. Так провел он шесть лет в келлии, по целым ночам стоя среди келлии и непрестанно молясь Богу. Но борьба не прекращалась. Желая более изнурить свое крепкое тело, Моисей по ночам обходил келлии тех монахов, которые, состарившись в трудах подвижничества, уже не в силах были носить воду для себя, так как нужно ходить за несколько верст, брал их водоносы и наполнял водою так, что они не знали, кто это делал. В одну из таких ночей, по злобе дьявола, он так был поражен палицею, что без чувств упал подле колодца. На другой день его нашли тут и пере-

несли в монастырь. Целый год Моисей был тяжко болен. Исидор советовал умерить свое подвижничество. Не престану, сказал Моисей Исидору, бороться с демонами, пока не оставят меня сонные мечтания. Тогда Исидор сказал ему: во имя Господа нашего Иисуса Христа ты не будешь иметь нечистых сновидений. Действительно, по молитве св. Исидора он освободился от искушения. И это для того, чтобы он не тщеславился, будто собственными силами победил вожделения плоти, и не пал от надмения. Это чувство необходимости помощи Божией во всяком добром деле глубоко сознавал Моисей. Один брат спросил Моисея: что помогает человеку во всяком труде его? Старец отвечал: Бог помогает; ибо написано: *Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело* (Пс. 45, 2). Но для чего же, спросил брат, соблюдаются посты и бдения? Все это, отвечал старец, смиряет душу нашу. Ибо написано: *виждь смирение и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Если душа принесет плоды сии, Бог за это являет к ней милосердие Свое. И если нападает на кого искушение, человек должен со слезами умолять благость Божию о помощи, и он скоро успокоится, если будет просить разумно. А разумная молитва состоит в том, если дела будут в согласии с молитвою. Когда человек

отвергнет свои пожелания, тогда Бог принимает его молитву.

Победив все искушения, воздвигаемые дьяволом, Моисей получил такую власть над ним, что, по словам Палладия[1], они трепетали его; он презирал демонов так, как мы не боимся зимою мух. Украшенный благодатью Христовою так, что сподобился дара прозорливости и пророчества, Моисей всегда помнил, из какой бездны погибели воззван он милосердием Божиим. Вполне сознавая, что это есть дело безпредельной милости Божией, он не давал и возникнуть помыслу тщеславия, охотно принимая знаки унижения. Успехи в добродетели и дары благодати поставили его в ряду первых подвижников Скита. Он удостоен был сана священства и сделан был пресвитером пустынножителей. Когда Архиепископ Александрийский (вероятно Феофил ок. 385 г.) сделал его клириком и, облачив в белую одежду, сказал: вот Моисей, ты теперь весь сделался бел. «Снаружи я действительно таков, — сказал Моисей, — дай Бог, чтобы я был таким внутри». Желая испытать Моисея, Архиепископ велел клирикам, когда Моисей взойдет в алтарь, выгнать его оттуда. Исполняя волю Архиепископа, клирики сказа-

[1] Лавсаик, гл. 21.

ли: выдь отсюда, ефиоп. Моисей вышел, говоря сам с собою: ты заслужил это; ибо ты не человек, а осмелился мешаться с людьми. Подобному же испытанию подвергли однажды Моисея и отцы Скита во время собрания. Когда он пришел туда, отцы с видом презрения сказали; зачем этот ефиоп ходит к нам? Моисей не сказал ни слова. После спросили его, был ли смущен этими словами? Моисей отвечал словами Псалма: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

Правитель области, слыша много о добродетели Моисея, пожелал посетить его. Недалеко от келлии Моисея встретил правитель инока и спросил его: где келлия Моисея? За чем ты отыскиваешь его? — сказал инок, — это человек глупый. Изумленный ответом, правитель пошел в церковь и там разсказал братии. Те огорчились, что среди их нашелся человек, который поносит великого подвижника, всеми уважаемого. Но каков был инок, тебе встретившийся? спросили монахи правителя. Это был высокого роста, черный лицом, в ветхой одежде. Тут они поняли, что это был сам Моисей.

Так во всех действиях Моисея мы усматриваем глубокое смирение. Душам смиренным свойственно быть любвеобильными и снисходительными к слабостям других. «Первое дело для нас, говорил он, не осуждать ближнего. Кто чув-

ствует тяжесть грехов своих, тот не смотрит на грехи ближнего. Ибо это безумие — оставлять своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего».

«Не делай зла никому и ни против кого не мысли зла в сердце своем, не презирай того, кто делает худо; не входи в сообщество с человеком, который вредит своему ближнему; и не радуйся с тем, кто делает зло другому; не укоряй никого, но говори: Бог знает каждого; не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием, но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего. Вот что значит не осуждать, по Писанию: не судите, да не судимы будете (Мф. 7, 1). Не имей вражды ни с кем и не питай вражды в сердце твоем. Не должен ты ненавидеть и того, кто враждует на ближнего своего. В этом и состоит мир». Моисей обыкновенно с великою любовью принимал всех приходивших к нему; много беседовал с ними о предметах Божественных. Строгий постник и точный исполнитель уставов скитских, Моисей любовь к ближним ставил выше своего поста и заповедей Скита. Однажды в Скиту назначено было поститься всю седмицу. В это время пришли посетить Моисея братья из Египта: Моисей приготовил для них варево. Соседние пустынники, видя, что дым выходит из его келлии, уведомили о сем

пресвитера. Когда в субботу Моисей пришел в церковь, пресвитер сказал: «Отче! ты нарушил заповедь человеческую, но исполнил заповедь Божию». Этою любовью прикрывал Моисей и недостатки ближних; мы видели уже, что братиям, собравшимся судить проступок одного инока, он дал урок неосуждения.

Такова была, скажем словами Палладия, святая иноческая жизнь, которую проводил сей непобедимый воин Христов и за которую он заслужил быть причтенным к лику Святых. Он умер, имея семьдесят пять лет от рождения и оставив после себя семьдесят пять учеников. Есть ещё предание, что Моисей претерпел мученическую кончину от Мазиков, от которой не уклонился, да исполнятся над ним слова Писания: вси приемшии нож, ножем и погибнут (Мф. 26, 56)[1].

Если поучителен пример Моисея, из начальника разбойников сделавшегося подвижником скитским, то ещё более поразителен пример св. Арсения, который равно был славен в древнем Риме, где он родился, и в новом Риме, куда он вызван был Императором. Все, что философия греческая представляла глубокого в своем

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 156–162. Лавсаик, гл. 21. Ч. II.

учении, он усвоил себе со всем жаром души, не опустив, впрочем, и философии более возвышенной и более святой — философии откровенной. Около 383 г. Император Феодосий искал для своего шестилетнего сына Аркадия наставника, который бы мог своим поведением и своим красноречием внушить чувствования, достойные наследника престола, и христианское благочестие, которое на все полезно. Выбор его, по указанию Папы Дамаса, пал на Арсения.

С великим уважением принят был Арсений при дворе. Его возвели в сенаторы, и после князей он занимал первое место в государстве, пользуясь титлом отца Императоров. Любил ли он пышность или желал поддержать внешним блеском свое достоинство, только при дворе он блистал великолепием. Тысяча рабов служила ему, он одевался самым пышным образом, любил умащаться благовониями.

Но пышность мирской жизни и богатства внешние не заглушили в нем чувства бедности духовной природы. Нередко входя в себя, он помышлял, что слава его и богатство исчезнут вместе с жизнью его и с ним останутся одни дела. Опасение лишиться вечного спасения потрясало его душу. По временам повергался он пред Богом и изливал пред ним слезные молитвы, прося его открыть, что ему нужно делать для

своего спасения. Молитва его была услышана. Во время молитвы своей он слышит голос: Арсений! беги людей и ты спасешься. Арсений, которого сердце, по словам Феодора Студита, страхом Божиим было уже приготовлено к жертве, презрев все суетное величие мира, нимало не медля, сел тайно на корабль, плывший в Александрию, и оттуда пришел в Скит, чтобы здесь посвятить себя отшельнической жизни.

Это было в 392 году. Ещё при жизни Феодосия, Арсению было тогда сорок лет. Он пришел в церковь Скита и смиренно просил принять его в число иноков и научить его пути спасения. По виду и словам пришельца старцы усмотрели, что это был человек не простого звания. Но на вопросы их, кто он и откуда, Арсений долго давал уклончивые ответы и только повторял, что он странник, ищущий спасения. Наконец, открыл им все. Пустынники затруднялись, кого назначить наставником для наставника детей царских. В общем совете решено было отдать его в послушание Иоанну Колову. Это был подвижник, воспитанный в строгом послушании и преуспевший во внутренней жизни. Когда он пришел в Скит, старец, которому отдан он под послушание, требовал от него совершенного отвержения своей воли. Воткнув сухую палку в землю, он велел Иоанну каждый день поливать

её, пока она не принесет плода. Три года Иоанн исполнял это приказание, и палка зазеленела и принесла плод, который старец назвал плодом послушания. Пламенея любовью к Богу, он жаждал, отринув все земное, посвятить себя единственно молитве Богу. Для этого он ушел в пустыню, чтобы жить жизнью Ангелов, но скоро вразумился, что земной человек не может жить как Ангел. Строгий пост и труды считал он необходимыми для монаха. Что такое монах? — спросил его один брат. Труд, отвечал он; ибо монах во всяком деле трудится. С любовью и терпением переносил он все обиды, не давая никогда возникнуть в душе своей чувству гнева. Перенесение оскорблений, говорил он, отверзает нам врата небесные. Прежние отцы вошли в град Божий для наслаждения радостями небесными только смирением и перенесением уничижений и обид. Он не любил никаких разговоров мирских, никакого праздного слова. И если до слуха его доходили подобные слова, он спешил укрыться в свою келлию, заботясь ещё, не переступая порог келлии, забыть все слышанное вне её. Часто ум его так был устремлен к Богу, что он забывал и свою работу, и все окружающее. Но, несмотря на эту собранность духа, он готов был помогать всем, имеющим нужду в наставлении, не только в Скиту, но не отказался идти

в мир, чтобы спасти от пути погибели заблудшую Паисию. И это происходило от глубокого убеждения, что основание спасения нашего полагается в делах любви к ближним. Он говорил: нельзя выстроить дома сверху вниз, но надобно строить с основания. Его спросили, что это значит? Основание есть ближний; его ты должен приобретать и с него начинать. Он пользовался таким уважением в Скиту, что об нем говорили, что по смирению своему он руководил весь Скит как бы одним пальцем. Этому старцу вверен был Арсений. Когда братия привели к нему Арсения, Иоанн приготовил для пришедших трапезу, но Арсения он не пригласил сесть. Он должен был стоять. Это было первое испытание для человека, разделявшего трапезу Царей и теперь лишенного права разделить трапезу с безвестными иноками. Но это испытание было только преддверием к другому, более тяжелому. Взяв хлеб со стола, Иоанн бросил его на средину келлии и сказал, обратясь к Арсению: ешь, если хочешь. Арсений стал есть хлеб. Увидев этот опыт смирения Арсения, Иоанн сказал: можете, братия мои, с Богом идти отсюда. Молитесь за нас. Вижу, что он способен к жизни иноческой.

После первого опыта Иоанн не почел нужным подвергать новым испытаниям готовность

Арсения к иноческому смирению. Он с утешением усматривал его успехи в духовной жизни. Забыв все свое образование, Арсений со всем усердием предался изучению высокой подвижнической жизни своим постоянством в подвигах самоумерщвления и покаяния, мужеством в борьбе и особенно глубоким смирением он сравнялся с опытными подвижниками. Его духовный отец, видя в нем обилие благодати, позволил жить одному в особой келлии. Получив полную свободу всецело предаться своей ревности к служению Богу, он просил Его открыть, что ему делать для достижения спасения. И снова слышит голос: «Арсений! бегай людей, молчи и сохраняй безмолвие, ибо в этом корни св. жизни». Это наставление послужило для него правилом всей его жизни.

Он ушел в пустыню, отстоящую от церкви на 32 мили, чтобы более уединиться. Сколько мог, он старался отклонить от себя прием посетителей. Однажды пришел видеться с ним Архиепископ Александрийский Феофил с каким-то начальником и просил что-нибудь сказать в назидание. Исполните ли, что скажу вам? — помолчав несколько, спросил их Арсений. Они обещались исполнить. Тогда старец сказал им: «Если услышите, что где-либо Арсений, то не ходите к нему».

В другой раз Архиепископ послал наперед спросить Арсения: отворит ли он ему дверь келлии. Если придет, то отворю, а когда отворю для тебя, то отворю для всех и тогда не останусь здесь. Архиепископ решился не безпокоить его. Так он поступал с большею частью посетителей, чтобы не отвращать ума своего от беседы с Богом. Иоанн Лествичник указывал на Арсения, как на пример безмолвия. «Образом безмолвия да будет для тебя великий и равноангельный безмолвник Арсений. Вспоминай в уединении своем сего равноангельного безмолвника и смотри, как часто он отсылал от себя приходивших к нему, чтобы не утратить важнейшего». Не недостаток любви, но постоянное стремление сердца его к Богу заставляло его удаляться. «Бог знает, сказал он одному пустыннику, как я люблю вас, но я не могу в одно время быть с Ним и с людьми». И тогда как Арсений приходил в церковь, он обыкновенно становился за столпом, чтобы не видать никого. Он так привык к тишине уединения, что и шум тростника его безпокоил. Если кто пребывает в безмолвии, сказал он, услышав шум тростника, и услышит голос воробья, то сердце его уже не имеет прежнего покоя, кольми паче трудно его иметь, слыша шум сего тростника. Степ. 27, 64.

Другой причиной его удаления от бесед было то, что он опасался, как бы не впасть в грех.

«Часто я раскаивался, говорил Арсений, о сказанном, но никогда о том, что молчал». Так трудно среди беседы сохранить себя чистым от всякого прегрешения в слове.

Одному пустыннику Бог открыл, что молчание Арсения выше поучительных слов других иноков. Привлеченный славою, сей пустынник, сам высокий по жизни, пришел в Скит и просил, чтобы его проводили к Арсению. Во все время, пока сидел пустынник, Арсений сохранял строгое молчание. Не получив назидания, пустынник просил проводить себя к Моисею. Тот принял со всею приветливостью. Когда это сделалось известным, один старец просил Бога открыть, кто лучше поступил — Арсений или Моисей? И вот видит он, две лодки плывут по Нилу, в одной был Авва Арсений в великом безмолвии. Св. Дух правит его ладьею; в другой был Моисей; Ангелы Божии управляли его ладьею и наполняли уста его медом. Впрочем, никто с таким помазанием не мог говорить о предметах духовных, как Арсений. В самой собранности своей его слово почерпало свою силу. Он не любил только вступать в разсуждения продолжительные, или в объяснения трудных мест Св. Писания. Все внимание его устремлено было к тому, чтобы скрывать себя, жить в неизвестности от людей, втайне, перед лицом только Бо-

жиим проходить свое служение. Для этого оставил он двор Царя и пришел в пустыню, и потому часто напоминал себе самому: Арсений! для чего ты оставил мир?

Преданный безмолвию и уединению, Арсений посвящал себя всецело молитве. Молитва составляла все его утешение. В ней его сердце, свободное от всего земного, стремилось как бы погрузиться в бездну любви Божественной. Одному брату открыт пламень его молитвы в виде огня, которым весь окружен был Арсений, когда совершал молитву. Целые ночи проводил Арсений в молитве. Становясь в субботу вечером на молитву с лицом, обращенным к востоку, он продолжал её до тех пор, пока солнце не восходило пред его глазами. Для сна он себе отделял один только час. «Для истинного подвижника, говорил он, довольно уснуть один час». Когда, изнуренный усталостью, чувствовал нужду в отдохновении, он говорил сну: иди, злой раб, — и заснув несколько сидя, тотчас вставал.

Избегая обязанности учить других, Арсений сам охотно слушал и принимал наставления. Когда один брат, узнав, что Арсений просит наставлений о помыслах у пустынника преклонных уже лет, но малообразованного, с удивлением сказал ему: «Как ты, изучивши науки греческие и римские, просишь наставления у этого

старца простого и неученого?» Римские и греческие науки я знаю, отвечал Арсений, но азбуки сего простолюдина ещё не выучил. И это потому, как сказал Арсений Евагрию, что светское образование не дает добродетелей, а сии простолюдины приобрели её своими трудами.

Как не любил он отличий и уважения, оказываемых его добродетели, так старался смиряться по наружности. Как при дворе он всех превосходил пышностью одежды, так в Скитской пустыни никто не был беднее его одет. Было время, когда он не имел средства купить себе хитона для перемены, и когда ему дали другие, он сказал: «Благодарю Тебя, Боже, что Ты удостоил меня принять милостыню во имя Твое». Когда усилилась его болезнь, пресвитер перенес его в церковную больницу, положил его на постель и под голову его небольшую подушку. Один старец пришел навестить Арсения и, увидев его на постели, сказал: это ли Авва Арсений? Вот на чем он почивает. Пресвитер, отведя его в сторону, спросил его: Из какого ты города? Я не городской житель, — отвечал старец. Чем же ты занимался в своей деревне? — Я был пастухом. Где ты спал? — На поле. Имел ли ты постель под собою? — Какая на поле постель? Я спал на земле. — Какую пищу ты имел в поле и какое вино? — Ел сухой хлеб с малым количеством

соли если удавалось найти её, и пил воду. Великий же ты труд нес, сказал пресвитер. Имел ли ты баню? — Нет! но когда хотел, я купался в реке. А теперь как ты живешь? — Я живу теперь гораздо покойнее. Тогда пресвитер сказал ему: Видишь ли ты сего Авву Арсения? В мире он был отцом Царей. Он оставил город и пришел в сию пустыню. Имел у себя великолепные чертоги и великое богатство. Презрев все это, пришел в эту малую келлию. У него были кровати из чистого золота с драгоценными покрывалами, и теперь вместо их служит сия рогожа с кожею. У него были дорогие одежды, вместо их он носит сие бедное одеяние. Тысячи слуг служили ему, а теперь вот эти старцы прислуживают ему. На стол его издерживалось много золота, а теперь он употребляет несколько овощей и немного вина. Вместо музыки и пения прочитывает двенадцать Псалмов днем и столько же ночью. Ты, будучи пастухом, не имел такого покоя, какой имеешь теперь, а Арсений имел в мире все удовольствия, а теперь их не имеет. Итак, кто же более терпит нужды? Услышав это, старец пришел в сокрушение и, поклонившись, сказал: Авва! согрешил я. Истинно Арсений смиряется, а я покоюсь.

Если во время болезни Арсений позволял себе некоторое ослабление в подвигах самоумер-

щвления, то когда позволяли силы телесные, он не уступал никому из скитских подвижников в строгости жизни. Так, разсказывают об нем, что целый год не переменял он воды, в которой мочил пальмовые ветви. Когда ему сказали, что вода издает дурной запах, он отвечал: за благовония и масти, которыми я наслаждался в мире, надобно мне терпеть это зловоние.

Пост Арсения был такой, что ученики не знали, чем он питался. На целый год он брал себе одну меру муки. И из этой меры он кормил учеников, когда они приходили к нему. Плодов он не ел, кроме того времени, как в первый раз созреют они.

Сколько ни любил он молитву, но не оставлял рукоделия до шестого часу. Впрочем, его работа не прерывала его внутреннего единения с Богом. Он так был проникнут страхом и любовью к Богу, что от постоянного сокрушения сердца слезы непрестанно лились из глаз его, так что он всегда держал платок на груди. От сильного плача выпали его ресницы. Непрестанною мыслью его была память смертная. Феофил Архиепископ Александрийский, умирая, говорил: блажен ты, Авва Арсений, что всегда имел в уме своем сию страшную минуту. Постоянно готовясь к ответу на страшном суде, Арсений два раза в день, утром и вечером, испытывал себя,

сохранил ли он волю Божию, не следовал ли в чем своей воле, и таким образом всю жизнь свою проводил в подвиге постоянно строгого суда над собою и постоянного покаяния. И это самоиспытание приводило его только к большему смирению. Часто в своей молитве к Богу он взывал: Боже! не оставь меня; я не сделал пред тобою ничего доброго, но даруй мне по милости Твоей положить начало.

Сорок лет прожил Арсений в Скиту, потом по причине разорения Скита варварами десять лет в Трое близ Мемфиса и три года в Канопе Александрийском. Последние два года своей жизни опять провел он в Трое. Приближаясь к смерти, он сказал ученикам: «Не заботьтесь делать по мне вечерю любви. Ибо если я приготовил для себя сию вечерю, то найду её. Я буду судиться с вами на страшном суде, если вы отдадите кому-либо останки мои. — Как же хоронить тебя, спросили ученики? — Неужели не знаете, отвечал старец, как привязать к ноге моей веревку и тащить меня в гору? Между тем старец плакал. Правда ли, отец, спросили ученики, что и ты страшишься. Он отвечал им: правда, настоящий мой страх всегда был со мною с того времени, как я сделался монахом». И Арсений скончался. Своему близкому ученику Даниилу Арсений оставил кожаный хитон, жесткую вла-

сяницу и пальмовые сандалии; и я недостойный, говорил о себе Даниил, носил все это, дабы получить благословение[1].

Тогда как Арсений сиял между пустынниками Скита совершенным отречением от всего земного, любовью к уединению и безмолвию, другие иноки, как например Агафон и Пимен, славились любовью к ближним. Агафон никогда не ложился спать, имея что-либо против другого, и, сколько мог, не допускал также, чтобы кто-нибудь отходил ко сну, имея что-нибудь против него. И это потому, что он был убежден, что гневливый человек, хотя бы воскресил мертвого, не может быть угоден Богу. Какое ни видел он дело в других, не позволял себе осуждать ближнего. Помысл осуждения он останавливал словами: Агафон! не сделай сам этого. Агафон так был полон любви к ближним, что, если бы можно было, готов был отдать прокаженному тело свое, а его взять себе. Пришедши однажды в Александрию для продажи рукоделья своего, он нашел на улице лежащего больного странника, о котором никто не заботился. Старец нанял для него небольшой покой, три месяца сам оставался при нем и рукодельем добывал нужное для его содержания, пока он не выздоровел.

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 12–27.

В другой раз, отправляясь в город, он находит на дороге прокаженного, который спросил его, куда он идет. Я иду в город, отвечал Агафон, и несу продавать сосуды.

— Сделай милость! снеси и меня туда.

Старец отнес его в город и положил по просьбе больного там, где продавал свои сосуды. Когда Агафон продал один сосуд, прокаженный спросил его: За сколько ты продал? — Старец сказал. — Купи мне на эти деньги пирог. Старец купил. Когда он продал другой сосуд, прокаженный опять просил его купить пирог. Старец исполнил и это. Продав все сосуды, старец хотел идти.

— Ты идешь? — спросил прокаженный; сделай милость, отнеси меня туда, где взял. Старец отнес его на прежнее место. Благословен ты, сказал прокаженный Агафону, от Господа на небе и на земле! Агафон посмотрел, но уже никого не видел. Нестяжательный сам, Агафон кроме своего рукоделья, которым добывал дневное пропитание, не имел чем делиться с другими. Часто он менял место жительства своего, оставляя келлии, выстроенные им, чтобы не привязываться и к месту жительства. Все имущество его состояло в ножике, которым он работал. Но когда один брат похвалил его ножик, он не выпустил его из келлии, пока тот не взял ножа. С одним только со-

кровищем не хотел он разстаться — это с православием. Однажды братия, желая испытать его, стали называть его блудником и гордецом; он не защищался. Называли его пустословом и клеветником; он брал на себя и это обвинение. Но когда сказали ему: ты еретик, он отверг это обвинение. Почему же, спросили его братия, ты принимал на себя первые вины, а не принял последней? Потому, отвечал Агафон, что быть еретиком значит быть в отлучении от Бога, но быть отлученным от Бога я не хочу.

Авва Агафон всегда старался делать добро, какое мог. «Никогда, говорил он о себе, не устроял я вечери любви, но подавать и принимать советы было для меня вечерею любви. Ибо думаю, что польза брата заменяет приношение плодов». Это происходило из того убеждения, что внутреннее душевное благо лучше внешнего. Его спросили однажды: что важнее — телесный труд или хранение сердца? Агафон отвечал: человек подобен дереву; труд телесный — листья, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию, всяко древо, еже не творит плод добр, посекаемо бывает и во огнь вметаемо (Мф. 3, 10); то очевидно, что должно иметь все попечение о плоде, то есть о хранении сердца. Впрочем, для нас нужно и лиственное одеяние и украшение, то есть труд телесный.

Как поучительна была жизнь Агафона, так была назидательна и его кончина по тому глубокому смирению, которое он обнаружил и которое было плодом его постоянного размышления о страшном суде Божием, по ненадеянию на себя, соединенному с живою верою в милосердие Божие, и по тихой радости, с какою он предал душу свою Богу. Три дня пред своей кончиной Агафон пробыл без движения с отверстыми очами. Братья, желая пробудить его, спросили: где ты, Авва? «Я пред судилищем Божиим». Неужели ты, Авва, боишься сего суда? «Сколько мог, я трудился в исполнении заповедей Божиих, но я человек, почему мне знать, угодны ли были мои дела Богу?» И ты не уверен, что дела твои были угодны Богу? «Не имею дерзновения, пока не предстану Богу; ибо иное суд человеческий, а иное суд Божий». Братья хотели ещё спросить его, но он сказал: прошу вас, не говорите больше со мною, мне несвободно, — и тотчас скончался. Он отходил с таким радостным видом, с каким иной приветствует своих друзей и возлюбленных[1].

Авва Пимен, украшенный всеми добродетелями и дарами благодати Божией, отличался и особою снисходительностью к немощам других.

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 27–35.

У Аввы Нистероя был нерадивый ученик. Братия спросили Пимена: как Нистерой мог терпеть ученика своего? Если бы я был на его месте, отвечал Пимен, то и подушку клал бы под его голову. Что же бы ты стал отвечать Богу? — спросил его Анувий. Я скажу Ему: Ты Сам повелел: изми первее бервно из очесе своего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Мф. 7, 5). Когда мы покроем падение брата нашего, Бог покроет наше падение. Если ты для доброго брата делаешь немного добра, то для падшего сделай вдвое более, ибо он слаб[1]. Если мы увидим братьев дремлющих во время службы, спросили братья Авву Пимена, позволишь ли толкать их, чтобы они проснулись и бдели? Если я увижу брата дремлющего, отвечал Пимен, то положу голову его на колени мои и упокою его. В другой раз отцы спросили Пимена: позволишь ли нам обличать брата, когда мы увидим, что он грешит? Пимен отвечал: я, когда мне нужно бывает идти чрез то место и вижу брата во грехе, прохожу мимо и не обличаю его. Легко вы можете и обмануться; советую не говорить даже о том, что осяжите своими руками. Пимена спросили: как может человек достигнуть того, чтобы не говорить худо о

[1] Достопамятные сказания об авве Пимене, 131. 64.

ближнем? Мы и братья, отвечал Пимен, как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате он видит совершенства, а когда он сам себе кажется совершенным, то, сравнивая с собою брата, видит его худым. Если человек достигает того состояния, о котором сказал Апостол: вся чиста чистым (Тит. 1, 15), то увидит, что он сам хуже всякой твари. Но как же я могу думать, спросил Пимена один брат, что я хуже убийцы? Человек, достигший такого состояния, сказал Пимен, когда увидит сделавшего убийство, скажет: он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день.

Этот дух снисходительности дышит во всех его советах. Если человек грешит, говорил он, и будет отрекаться, говоря: я не грешен, не обличай его, иначе погасишь в нем всю ревность к добру. Если же скажешь ему: не унывай, брат, но остерегайся вперед, — чрез это возбудишь душу его к покаянию. Он всегда хотел надеждою на милосердие Божие возбуждать грешников к покаянию. Один брат жаловался ему, что у него много помыслов и он от них в опасности. Пимен вывел его на воздух и сказал: раскрой свою грудь и не впускай ветра. Не могу этого сделать, отвечал брат. — Так ты не можешь остановить и прилива помыслов, но твое дело противостоять им.

Одного брата смущали хульные помыслы. Желая получить наставление от опытных старцев, он ходил к ним, но всегда стыдился открыться. С этою целью ходил он часто к Пимену. Тот видел, что у брата лежит что-то на душе, чего он не может открыть. Отозвав брата, Пимен сказал ему: вот сколько времени ты ходишь сюда, желая открыть свои помыслы, но опять уходишь, не открыв их, мучимый ими попрежнему. Скажи мне, сын мой, что у тебя на сердце? Тот разсказал о своих хульных помыслах. Не скорби, сын мой, сказал Пимен, но когда придет тебе такой помысл, говори: я не виноват; хула твоя да падет на тебя, сатана. Душа моя не хочет сего, а все, чего душа не хочет, скоро проходит. — Брат успокоился.

Один брат пришел к Пимену и говорит ему: я сделал великий грех и хочу каяться три года. Много, сказал Пимен. — Или хотя один год. — И то много. — Бывшие тут старцы спросили: не довольно ли сорока дней? — И это много. Думаю, что если человек покается от всего сердца и более уже не будет грешить; то и в три дня Бог его примет. Он старался смягчать строгость суда и других. Пресвитер Пелусиотский, узнав о разсеянной жизни некоторых иноков, снял с них в собрании монашескую одежду. Но после, волнуемый помыслами, пришел к Пи-

мену и просил его мнения о своем поступке. Пимен спросил его: «Совлекся ли ты ветхого человека? Не осталось ли в тебе чего-либо от него?» И во мне есть ещё ветхий человек, отвечал пресвитер. «Вот и ты, сказал ему Пимен, таков, как и братья. Если есть в тебе хотя немного ветхого человека, то и ты подлежишь суду». Пресвитер пошел в свой монастырь, созвал братьев и, испросив у них прощения, облек их в иноческие одежды.

Один отшельник присоветовал Авве киновии выгнать из монастыря брата, падшего в грех. Слыша о скорби согрешившего, Пимен, обласкав его, пригласил к себе отшельника и сказал ему: в одном месте были два человека и оба имели у себя по мертвецу. Один из них оставил своего мертвеца и пошел плакать над мертвецом другого. Пустынник понял указание на свой суд и сказал: Пимен высоко, высоко на небе, а я низко, низко на земле.

Все эти советы о любви и снисходительности были плодом той глубокой любви к ближним, которой преисполнено было сердце Пимена. Он считал лицемерием учить ближнего тому, до чего сам не достиг. Того, кто учит других, а сам не делает того, чему учит, уподоблял источнику, который всех напояет и омывает, а сам себя не может очистить. Он никогда не хотел

давать наставления своего после другого старца; но обыкновенно хвалил давшего наставления. Сам он любил в своих наставлениях приводить слова других, а не от себя говорить. Чем выше и святее была его собственная жизнь, тем поучительнее для всех его снисходительная любовь[1].

Иной пример подвижничества представляет Виссарион. Этот муж, по словам Палладия, вел такую чудную и неукоризненную жизнь, что будто земной Ангел свято шел путем небесным. Он, как птица небесная, жил без забот и смущения. Ни жажда удовольствий, ни жажда приобретений не волновала его душу. Совершенно свободный от мирских забот, он питался одною надеждою будущего. Как пленник терпел он то здесь, то там, сносил холод и наготу, опаляем был зноем солнечным, всегда находясь на открытом воздухе. Он любил носиться по обширной и необитаемой песчаной стране, как бы по морю, по временам укрываясь в скалах пустынных. Иногда приходя ко вратам какой-нибудь киновии, плакал и рыдал, как бы пловец после кораблекрушения, выброшенный на берег. Если кто из братьев, увидав, что он как нищий сидит у ворот, спрашивал его: о чем ты плачешь? Раздели с нами трапе-

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 186–225.

зу; мы поможем тебе по мере способов. Не могу быть под кровлею, отвечал Виссарион, пока не найду своего имущества. Много я вытерпел бед. Меня грабили морские разбойники, я претерпел кораблекрушение, лишился славы своего рода, из знатных сделался незнатным. Если брат, прослезившись при его словах, подавая ему кусок хлеба, говорил: Бог возвратит тебе отечество, славу рода и богатство, — старец начинал более плакать. «Не знаю, рыдая говорил он, потеряв, могу ли я найти то, что ищу? Я могу потерять более, ежедневно находясь в смертной опасности; ибо мне надобно совершить течение жизни среди непрерывного блуждания». Сорок лет не ложился он на бок, а спал или сидя или стоя. Все имущество его состояло в одной срачице, малой мантии на плечах и книге Евангелия. Но, увидев мертвеца, лишенного одежды, он прикрыл его своей мантией, потом, встретив нищего, страждущего от холода, отдал ему свою срачицу, встретив ещё бедного он продал Евангелие и отдал деньги нищему, исполняя слова, заключающиеся в нем: продаждь имение твое и даждь нищим. Несмотря на обилие благодати Божией, почивавшей на нем и обнаружившейся в чудесах, он был так смирен, что, когда пресвитер Скита велел одному монаху за соделанный им грех выйти из церк-

ви, Виссарион вышел вместе с братом, говоря: и я также грешник[1].

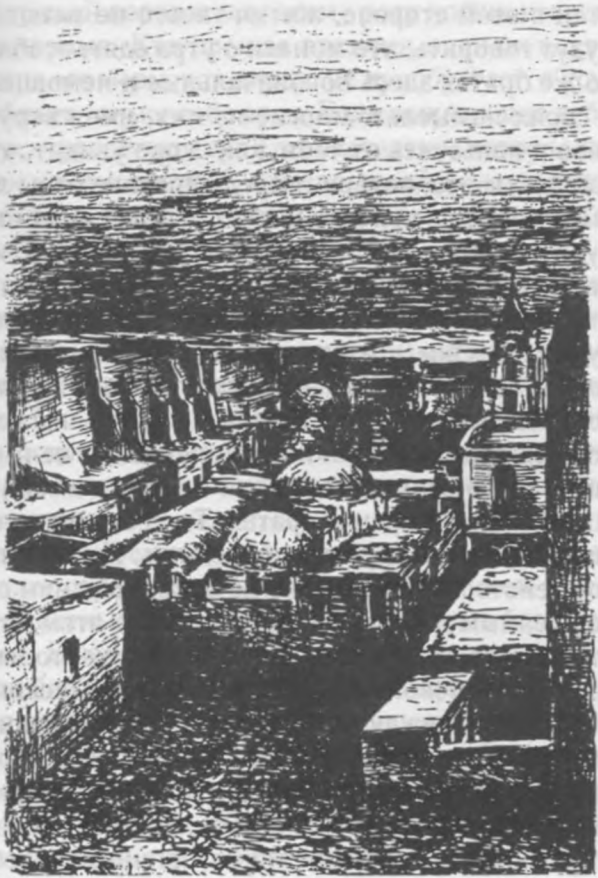
В жизни Виссариона усматриваются черты того рода подвижничества, которое сделалось известно под именем юродства. Вот как определяет этот род жизни Евагрий. «Между иноками были и такие, которые, чрез добродетель достигнув безстрастия, возвращаются в мир и среди шума, притворяясь помешанными, таким образом попирают тщеславие, по словам языческого мудреца Платона — последнюю обыкновенно снимаемую с души одежду. Любомудрие научило их есть без чувства и в харчевнях и в мелочных лавках, не стыдясь ни места, ни лица, вообще ничего. Нередко посещают они бани, и там бывают и моются большею частью с женщинами, покорив страсти так, что имеют полную власть над своею природою и не склоняются на ее требования ни взглядом, ни прикосновением, ни даже объятиями девы. С мужчинами они мужчины, с женщинами женщины, и хотят иметь не одну, но обе природы. Кратко сказать, в доблестной и богоносной их жизни добродетель противодействует законам природы и предписывает ей собственные законы. Житие их на самых точных весах взвешивается так, что по мере вос-

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 51–54. Лавсаик, гл. 101.

хождения их в противоположную сторону тяготение становится неощутимым; ибо как в них смешаны противоположности, то благодать Божия, соединившая несмесимое, предметы соединения снова разделяет так, что и жизнь и смерть, противоположные по предмету и действиям, обитают в них совместно. Отсюда, если действует в них страсть, — им надобно быть мертвыми, а когда пробуждается молитва к Богу, они должны проявлять крепость тела и бодрость сил, хотя бы уже вышли из возраста. Обе жизни их сплетены между собою так, что, пусть они вовсе оставили плоть, все продолжают жить и сообщаются с живущими, врачуя немощи других, перенося к Богу глас молящихся»[1].

Такой род подвижничества, конечно, был предпринимаем только по особенному призванию благодати. Опытные старцы удерживали от него подвижников. Исаак Сирин пишет о себе: пришел я однажды к опытному старцу и сказал ему: пришел мне, отче, помысл пойти в воскресный день на церковную паперть, сесть там и рано утром есть, чтобы всякий входящий и выходящий, увидев меня, уничижил. Старец отвечал на это: «Писано, что всякий, кто делает соблазн мирянам, не узрит света. А ты никому не изве-

[1] *Евагрий*. Церковная история. Кн. 1, гл. 21.



Древний монастырь Сирийцев в Пустыне Скита. В IV веке в нем подвизался преп. Ефрем Сирин

стен в этой стороне, жития твоего не знают, а будут говорить, что монахи с утра едят; особливо же братья здесь новоначальные и немощные в своих помыслах; многие из них, имея веру к тебе и пользуясь от тебя, как скоро увидят, что сделал ты это, потерпят вред. Древние отцы делывали так, по причине многих совершенных ими чудотворений и по причине оказываемой им чести и прославления их имени, и делали это, чтобы подвергнуть себя безчестию, скрыть славу жития своего и удалить от себя причины к гордости. А тебя что заставляет поступить подобным сему образом? Не знаешь разве, что всякому житию свой чин и свое время? Ты не имеешь такого отличного жития и такого имени и живешь, как и прочие братья. Ты себе не принесешь пользы, а другому повредишь. Притом такое действование полезно не всем, но одним совершенным и великим; потому что в этом есть отрешение от чувств. Достигшим же только средины и новоначальным оно вредно; потому что имеют нужду в большей предосторожности и в подчинении чувств. Старцы уже пережили время осторожности и извлекают пользу, из чего только захотят. Ибо неопытные купцы в больших оборотах великие причиняют себе убытки, а в маловажных оборотах скоро идут с успехом вперед. И опять, как сказал я, всякому

делу свой порядок и всякому роду жизни известное время. Кто прежде времени начинает, что сверх его меры, тот ничего не приобретает, а усугубляет только себе вред. Если вожделенно тебе это, с радостью терпи то безчестие, которое по Божию смотрению, а не по твоей воле постигнет тебя, и не смущайся, не питай ненависти к тому, кто безчестит тебя»[1].

Из подвижников Египетских более замечательный пример жизни юродивой представил Серапион, прозванный Синдонитом, потому что ничего не носил кроме синдона, т. е. льняной одежды. С юности упражняясь в Священном Писании, он читал все Св. Писание наизусть. Ревнуя о приобретении совершенной нестяжательности, он не хотел иметь и кельи, чтобы не привязаться к чему-либо земному, но проводил жизнь в постоянном странствовании и с усовершением в нестяжательности приобрел совершенное безстрастие. Всю жизнь свою посвятил он на спасение душ ближних. В одном городе он продал себя за двадцать монет комедиантам-язычникам и пробыл у них, питаясь только хлебом и водою и непрестанно проповедуя слово Божие, до тех пор, пока не обратил их к Христианству и не заставил оставить театр. Утвержденный его наставле-

[1] Исаака Сирина Сл. II. С. 62. 63.

ниями в благочестивой жизни со всем семейством, комедиант хотел отпустить его на свободу. Тогда Серапион открыл им тайну своего намерения и возвратил им в целости деньги, которые хранил запечатанными. Напрасно просили его раздать эти деньги бедным, как залог спасения. Серапион отвечал: деньги ваши, я не раздаю нищим чужих денег. Однажды в Афинах, куда он зашел во время странствования, три дня ему никто не подал хлеба, и он оставался без пищи. Наступил четвертый день, и он сильно взалкал. Став на одном холме города, он начал взывать: «Афиняне, помогите! Я впал в руки трех заимодавцев. Из них двое оставили меня, потому что получили долг, а третий не отстает, и мне нечем удовлетворить его». Кто же эти заимодавцы? — спрашивают Серапиона любопытные Афиняне. «От юности моей, отвечал Серапион, мучили меня сребролюбие, плотское вожделение и чревоугодие. От двух я освободился — от сребролюбия и вожделения, ибо у меня нет ни золота, ни другого какого-либо имущества, я не наслаждаюсь и удовольствиями, которые поддерживают этот недуг. Но от чревоугодия я не могу освободиться. Вот теперь уже четвертый день я без пищи, и чрево мучит меня, требуя обычного долга и не позволяя мне жить, если я не заплачу ему». Ему дали златницу. Серапион отнес её в хлебную

лавку, взял хлеб и удалился навсегда из города. Пришедши в Лакедемон, он узнал, что здесь один благочестивый муж заражен был ересью Манихейскою. Серапион продал себя ему и в два года успел своими наставлениями отклонить от ереси его самого и его жену со всем домом его и присоединить их к Церкви. Наставив их в благочестии, он отдал им деньги, а сам сел на корабль, плывший в Рим. Прибыв в Рим, он узнал об одной деве, пребывающей в безмолвии, которая двадцать пять лет жила, заключившись в своей кельи, и ни с кем никогда не виделась. Серапион пришел в дом, где она жила, и сказал прислуживавшей ей старице: скажи девице, что один монах непременно желает с нею видеться. Старица отвечала ему: «Затворница много лет никого не видит». Серапион повторил: поди, скажи, что я должен с нею видеться, ибо меня послал к ней Бог. Но и тут она не послушалась. Только чрез три дня Серапион получил доступ к затворнице. Что ты сидишь здесь? — сказал он, увидав её. — Я не сижу, отвечала она, но иду. — Куда же ты идешь? спросил Серапион. К Богу моему, отвечала девица. — Жива ты или умерла? — Верую Богу моему, отвечала она, что умерла для мира; ибо кто живет по плоти, тот не пойдет к Богу. — Если хочешь уверить меня в том, что ты умерла для мира, сказал на это Серапион, сделай то, что я

делаю. — Приказывай, отвечала она, но только возможное, и я сделаю. — Для мертвого, подобного тебе, сказал Серапион, все возможно кроме нечестия, — сойди вниз и пройдись. — Я не выхожу двадцать пять лет, возразила девица, как же теперь пойду? — Вот, сказал Серапион, не говорила ли ты: я умерла для мира? Очевидно поэтому, что и мир для тебя не существует. А если так, то мертвый ничего не чувствует, и для тебя должно быть все равно — выйти или не выйти. — Девица пошла. Когда она дошла до одной церкви, Серапион сказал ей: если хочешь меня уверить, что ты умерла и не живешь для людей, то сними с себя все платье, как вот я, положи его на плечи и ступай по городу; а я пойду вперед тебя в таком же виде. — Но если, отвечала она, я сделаю это, то многих соблазню таким безстыдством, и кто-нибудь скажет, что это сумасшедшая или беснующаяся. — А тебе что за дело, если это скажут, отвечал блаженный Серапион. Ведь ты говоришь, что умерла для людей; а мертвецу нет никакой нужды до того, бранит ли кто его или смеется над ним, потому что он не чувствителен ко всему. — Тогда девица сказала: прикажи мне сделать другой подвиг; теперь я ещё не дошла, а только молюсь о том, чтобы дойти до такой степени. — Смотри же, сестра, сказал ей Серапион, не величайся, будто ты святее всех, и не хвались, что умерла для сего мира. Вот ты узнала,

что жива ещё и угождаешь людям. Я могу быть более мертвым, нежели ты, и что я умер для мира, могу доказать делом, — именно тем, что равнодушно взираю на него: ибо, не стыдясь и не соблазняясь, могу сделать то, что приказываю тебе. — Урок блаженного Серапиона научил девицу большему смиренномудрию и тем возвел её к большему совершенству. Серапион скончался на шестидесятом году своей жизни, возвратившись в пустыни Египетские[1].

История Серапиона показывает, что юродство для мира есть высокая мудрость пред очами Божиими. Юродивые произвольно делают себя презренными по суду мира, дабы воздать Господу славу более чистую и более свободную от всякой собственной выгоды. Добродетели их остаются сокрытыми от взоров человеческих, пока сам Бог не прославляет сих святых. Какому же тяжкому суду должны подвергнуться те, которые принимают вид юродивых не для того, чтобы подвергнуться презрению мира, но чтобы привлечь славу мира, не для того, чтобы скрыть свою добродетель, но чтобы заставить думать о себе более, нежели сколько имеют внутри себя.

Так в пустынниках скитских мы усматриваем примеры самых разнообразных подвигов

---

[1] Лавсаик, гл. 69–72.

и добродетелей. Долго было бы исчислять всех знаменитых пустынников Скита. Никогда, пишет Лествичник, у преподобных Тавенисиотов не было столько светильников, как у скитских[1]. Число иночествующих в Скиту было многочисленно ещё около времени кончины Антония Великого (в 355 г.), так что многолюдность Скита заставила Сисоя из Скита уйти в гору Антония. В начале пятого века число иночествующих в Скитской пустыни простиралось до трех тысяч пятисот[2]. Самая многочисленность иноков, среди которых начали поселяться и очень молодые, служила к ослаблению жизни иноческой. Ещё Великий Макарий говорил ученикам своим: когда увидите келью, построенную близ озера, то знайте, что близко запустение Скита. Когда увидите дерево, то оно у дверей. Когда увидите отроков, то берите милоти и удаляйтесь[3]. Авва Моисей говорил: если мы будем исполнять заповеди отцов, варвары не придут сюда, а если не станем, то место сие опустошено будет[4]. Но уже Авва Пимен говорил: с третьего скитского поколения и со времени Аввы Моисея бра-

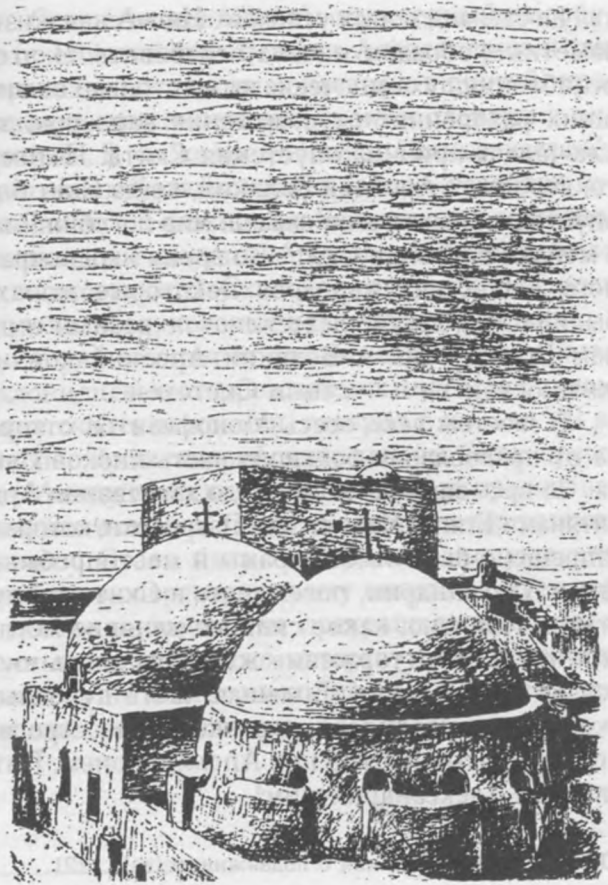
---

[1] Ст. 27, с. 32.

[2] Луг духовный, гл. 112.

[3] Достопамятные сказания о подвижничестве... 142.

[4] Там же, 155.



Купола монастыря Сирийцев в Пустыне Скита

тья не сделали новых успехов[1]. Иноческая жизнь заметным образом начала ослабевать. В этом ослаблении духа иноческого, не столько во внешних разорениях от вторжения варваров, заключалась причина опустения Скита. Потому-то, вероятно, Арсений Великий, когда Скит был опустошен варварами, сказал: мир погубил Рим, а монахи погубили Скит[2]. Во время неоднократного нашествия варваров некоторые монахи были убиты, другие разсеялись по разным странам Египта. Так и Великий Арсений кончил жизнь свою не в пустыни Скитской.

В шестом веке ересь Монофизитов отторгла от православия большую часть иноков Скита. Со времени Юстина 1-го до завоевания Аравитянами Египта Яковитские Патриархи, которым запрещено было иметь храмы и местопребывание в Александрии, поселились в Скитской пустыни. Понятно, какое сильное влияние могли они иметь на отторжение живущих здесь иноков от православия. Большая часть духовных яковитских удалилась туда же после строгих мер, принятых против них Аполлинарием, Патриархом Александрийским[3].

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 221.

[2] Там же, 16.

[3] *Renaudot*. Hist. Patriarch. Alex. p. 122. 134.

Север Антиохийский, осужденный на соборе при Юстиниане, бежал в Александрию и там переходил из одного монастыря в другой, проповедуя свое лжеучение своими словами и писаниями. В то же время Юлиан Галикарнасский, противник Халкидонского собора, разослал послания во все монастыри Египетские, где проповедовал свое лжеучение, которое и принято было с жадностью. В Скитской пустыни осталось семь человек, которые не согласились с ним[1].

С уклонением от православия иноки Скита уклонились и от прежней жизни. «Не таковы ныне скитские монахи, говорил в начале VII в. Феодор Александрийский, каковы были прежде. Между скитскими иноками была прежде величайшая любовь, подвижничество и дар разсуждения». Стало быть, он не находил уже сих свойств в современных ему иноках[2]. С тех пор и доселе иночество не прекращалось совсем в пустыни Скитской, но, отторгнутое от православия, оно не может иметь места в истории Православного монашества.

---

[1] Ibid. p. 132.

[2] Луг духовный, гл. 53.

ЛИКОПОЛЬ

Обозрев главные места иноческой жизни в Египте в обителях Антония и Пахомия, в горе Нитрийской и пустыни Скит, мы проследим приюты иноков среди Египта, известные в христианском мире под именем уединений Фиваидских, начиная с северного предела Тавеннских обителей и спускаясь вниз по течению Нила, дабы изображением иноческой жизни в нижнем Египте заключить историю монашества в Египте. Здесь по берегам Нила от развалин Фив до самого Миниета продолжаются те древние каменоломни и гробницы, которые столь долгое время служили убежищем умерших для мира св. отшельников. Там, где в плодоносной долине у подошвы Ливийских гор верхнего Египта расположен главный город Сиют или Осиют, находился древний Ликополь. Горы, прилегающие к Сиюту и ограждающие его своими каменными громадами от песков пустыни, изрыты погребальными пещерами Египтян. Спасительное зна-

мение креста, начертанное на многих местах этих пещер, свидетельствует и теперь о пребывании здесь в прежнее время христианских подвижников. Коптские христиане показывают семь пещер, где, по их преданиям, был женский монастырь. Не сохранилось памяти о подвижницах, посвятивших жизнь свою Богу. Но то известно, что в IV в. в Ликополе был свой Епископ и процветали иноческие обители. Великою славою у современников пользовался затворник в Ликополе Иоанн, получивший наименование пророка по дару чудес и предвидения будущего, которым он был украшен.

Сын бедного ремесленника Ликопольского, Иоанн до 25-летнего возраста занимался плотничеством. Но, увлекаемый пламенным желанием посвятить себя на служение Богу, он оставил город и удалился в пустыню. Хотя блага, оставленные им в мире, были незначительны, но можно сказать, что он оставил многое; потому что не сохранил в сердце своем никакой привязанности к миру.

Эту первую жертву он возвысил ещё важнейшею жертвою — совершенным отречением от своей воли. Он отдал себя в послушание одному пустынножителю и проходил это послушание с такою ревностью, что, не позволяя себе никакого суждения о приказаниях старца, спе-

шил исполнять их. Так, однажды старец велел ему перетащить в келью камень, который с трудом могли сдвинуть с места несколько человек. Иоанн бросился немедленно к делу и употреблял все усилия, чтобы исполнить волю старца, думая, что если приказал старец, то должно быть исполнено. Около двенадцати лет Иоанн был в послушании у сего старца. После его кончины он прожил около пяти лет в монастыре, усовершаясь в иноческих добродетелях, и потом удалился в пустыню, чтобы жить там совершенным отшельником.

Местом для своего пребывания он избрал гору в четырех верстах от города. На самой вершине горы он построил келью из двух комнат; в одной он молился, в другой работал и принимал пищу; он был сорока лет, когда вступил в свое жилище, и прожил здесь до девяноста лет, никого не впуская к себе. Прислужник чрез окно подавал ему пищу, которая состояла из сырых плодов. С первого года затворнической жизни и до самой кончины ничего вареного, даже и хлеба, он не употреблял в пищу. От строгого поста волосы не росли на его бороде. Непрестанно он упражнялся в молитве и созерцании. Его сердце, свободное от всех земных попечений, возносилось к Богу со всецелою свободою, и, по мере его отчуждения от всего, Бог

соединялся с его душою и исполнял её светом и благодатью.

Жизнь затворническая хотя и ограждает от искушений внешних чувств, но тем сильнее возникает для подвижника борьба внутренняя духовная. То являются образы удовольствий мира, то возникают помыслы гордости, то низлагают душу помыслы уныния. К борьбе разнообразных помыслов, которые тем сильнее воюют на душу, чем менее для нее внешнего развлечения, присоединяются самые сильные искушения духов злобы. Потребно постоянное бодрствование над собою, сохранение духа молитвенного, ограждение себя смирением, чтобы не ослабеть среди тяжкой борьбы. Без сомнения, много вытерпел и блаженный Иоанн в первые годы своей затворнической жизни. После тридцатилетних подвигов самоочищения он получил от Бога дар прозорливости. Посему современные писатели церковные называли его пророком.

Толпами стекались к нему посетители из стран близких и отдаленных. Иоанн, когда считал это нужным, обнаруживал пред ними все, что они почитали сокрытым во глубине своего сердца. Тайные грехи он обличал наедине с ревностью и кротостью, чтобы возбудить грешников к покаянию и исправлению. Иногда предсказывал естественные бедствия и указывал на пре-

ступления, которые были причиною гнева Божия. Не раз приходили к нему военачальники просить его благословения и наставления на борьбу со врагами. И если он предсказывал победу, то его слово всегда исполнялось. Император Феодосий двукратно обращался к нему за благословением, выступая в поход против Максима и против Евгения, и, по пророчению святого, получил над ними победу. И Император чтил его, как пророка. Иоанн имел и дар чудотворений, но прямо не совершал исцелений, а благословлял елей, который давал больным для помазания, и они получали исцеление.

Женщинам он никогда не позволял приближаться к своей келье. И когда жена одного трибуна выражала неотступное желание видеть Иоанна, побежденный ее усердием, он явился ей во сне, но не позволил ей подходить к пещере.

Чтобы многочисленные посетители не нарушали тишины уединения, Иоанн беседовал с приходящими только по субботам и воскресеньям, а для успокоения приходящих при подошве горы устроена была гостиница. Впоследствии при самой келье Иоанна устроены были пространные сени, в которых могло помещаться более ста человек. Сюда входили посетители по субботам и воскресеньям. Сюда в последние уже годы подвижнической жизни Иоанна при-

ходил Палладий, которому Иоанн предсказал, что если он оставит пустыню, то будет Епископом. Возбужденные разсказом Палладия, отправились из горы Нитрийской Евагрий, Альбин, Аммоний и другие, чтобы видеть этого чудного мужа: при первом свидании он обнаружил и дар прозорливости, и дар чудотворения. Среди пришедших он назвал одного дьяконом, хотя тот скрывал это от всех; другой, страдавший горячкою, исцелился, помазавшись елеем, благословенным от Иоанна. Сии посетители передали беседу с ними Иоанна. Удивляюсь, говорил им Иоанн, вашему усердию, как вы, презревши столько опасностей, пришли ради назидания к нам, тогда как мы по лености не хотим выйти из своей пещеры. Но сделав это доброе дело, не думайте, что вы все сделали, и не тщеславьтесь тем, что вы видели то, о чем другие только слышали. Тяжек грех гордости и весьма гибелен; он свергает души с самой высоты совершенства. Посему его более всего должно остерегаться. Два вида гордости. Иные, в самом начале своего подвижничества показав малое воздержание или истратив несколько денег на бедных, думают, что победили все препятствия, и считают себя лучшими тех, кому давали. Иные, достигнув верха добродетели, приписывают это не одному Богу, но и своим трудам и усилиям, и ища славы от людей, теря-

ют славу от Бога. Посему, чада, убегайте гордости, чтобы не подпасть осуждению дьявола.

Потребно также внимательное бдение над своим сердцем и помыслами. Надобно тщательно наблюдать, чтобы какая-нибудь страсть, какая-нибудь злая склонность, какое-нибудь суетное похотение и все, что не по Богу, не пустило корней в нашем сердце. Из таких корней постоянно произрастают суетные и безполезные помыслы, и эти помыслы так мучительны, что не оставляют нас во время молитвы, не исчезают из души тогда, как мы предстоим пред лицом Божиим и приносим мольбы о своем спасении; они пленяют наш ум и тогда, как телом мы повидимому стоим на молитве, чувством и мыслью мы блуждаем и носимся по разным предметам. Тот не отвергся мира и дел дьявола, кто устами только отвергается благ и дел века сего, а не отвергся своих пороков, не оставил безполезных и суетных удовольствий. Это те *похоти многи и вреждающыя,* которые, по слову Апостола, *погружают человеки во всегубительство и погибель* (1 Тим. 6, 9). Отвергнуться сих похотей значит отвергнуться дьявола и дел его. Ибо чрез порок дьявол получает доступ в наше сердце, поелику пороки его область, тогда как добродетели от Бога. Потому пороки, когда является дьявол, дают ему вход, как своему винов-

нику, и вводят его, как бы в собственное владение. Такое сердце никогда не знает мира и покоя, оно то объемлется суетною радостью, то утесняется безполезною печалью. Напротив, ум, который истинно отрекся мира, то есть удалил от себя всякий порок, укрощает гнев, обуздывает ярость, бегает лжи, отвращается ненависти и не только не позволяет себе выдумывать, даже мыслить и подозревать злое о ближнем, который радость ближнего считает своею, и скорбь его разделяет, как свою скорбь: такой ум отверзает вход к себе Святому Духу, и в нем являются плоды Святого Духа (Гал. 5, 22).

Есть люди, которые, по-видимому, отвергшись мира, не заботятся об очищении сердца, об истреблении пороков и страстей в душе своей, но только стараются увидеть кого-либо из святых Отцов и послушать их беседы, чтобы разсказывать другим, хваляся тем, что слышали от того или другого. И узнав только по слуху, хотят быть учителями, и учат не тому, что сами делали, но только что слышали, и этим обольщают многих. Желают вступить в клир, домогаются священства, не зная, что менее достоин осуждения тот, кто, будучи силен в добродетели, не дерзает учить других, нежели тот, кто, сам обремененный страстями, берется других учить добродетели. Не то хочу я сказать, чтобы нужно было

непременно избегать причисления к клиру или степени священства, но то, что всего важнее истребить в себе пороки и приобрести добродетели. Суду Божию должно представить избрать кого Ему угодно на служение Себе в священном сане. *Не хваляй бо себе сей искусен, но егоже Бог восхваляет* (2 Кор. 10, 18).

Главное дело монаха состоит в том, чтобы приносить Богу чистую молитву, не имея в совести своей никакой вражды, как и Господь говорит в Евангелии (Мф. 6. Мк. 11). Если бы мы предстояли пред Богом с чистым сердцем и свободны были от пороков и страстей, то могли бы, сколько это возможно, видеть Бога, и во время молитвы возводить к Нему око сердца своего и видеть Невидимого, видеть не чувственно, но мысленно, знанием, а не взором телесным. Никто да не мыслит, что он может созерцать самое Божественное существо, представляя в уме своем образ, подобный какому-либо телесному виду. Бог не имеет ни формы, ни ограничения; только чувством и умом можно возноситься к Нему, но не постигать Его. Посему к Богу должно приступать с благоговением и страхом, и так устремлять к Нему взор ума, чтобы считать Его выше всего, что ум может представить себе великого и славного. Кто ищет Бога, у того сердце должно быть свободно от всего по-

стороннего, по Писанию: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Когда же познает он Бога, сколько это возможно для человека, тогда получит ведение и о прочих предметах и узнает тайны Божии, и чем чище будет его ум, тем более открывает ему Бог и показывает сокровенное. Ибо он делается уже другом Божиим, как те, о которых говорит Спаситель: *не к тому вас глаголю рабы, но други* (Ин. 15, 15), и все, что ни попросит, как другу возлюбленному дает ему Бог. Самые силы Ангельские, как други Божии, любят его и исполняют его прошения. Такого не отлучат от любви Божией, яже во Христе Иисусе, ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начальства, ни власти, ни другая какая тварь (Рим. 8, 38). Посему, возлюбленные, если вы хотите быть угодными Богу, отрекитесь от всякой гордости, от всякого порока, от всех удовольствий телесных. Для подвижника все, что он употребит с жадностью, есть удовольствие. Если он ест хлеб и пьет воду не для того, чтобы удовлетворить требованию телесному, но по желанию, — это уже для него порочное удовольствие. Это уже широкий путь, когда удовлетворяются желания; тесный путь состоит в отвержении своего желания. Много сему способствует уединенная и отшельническая жизнь; ибо частым обращением с братиею ослабляется узда воздержания.

Посему Давид и сказал: *се удалихся бегая и водворихся в пустыни, Чаях Бога спасающаго мя от малодушия и от бури* (Пс. 54, 8–9).

Преподав наставления, Иоанн для назидания пришедших, чтобы показать, как опасна гордость, разсказал историю падения одного высокого по жизни подвижника, вследствие обольщения дьявола, и искреннее покаяние одного грешника, смирением получившего прощение во грехах. Более назидателен третий пример, разсказываемый Иоанном: «Был монах, который жил в дальней пустыне, так повествовал Иоанн, и много лет подвизался в добродетели. Он любил безмолвие и, проводя дни в молитвах, песнопениях и созерцании, имел несколько Божественных видений и в бодрственном состоянии, и во сне. Забыв все земное, он все желание устремлял к Богу, в ожидании часа, когда воззван будет из сего мира. С тех пор, как из мира перешел в пустыню, полный упования на Бога, он не заботился о пропитании телесном. Но всякий раз, как, ощутив в себе потребность пищи, входил в свою пещеру, он находил хлеб, который посылал ему Бог в пищу. После молитвы к Богу подкрепив себя пищею, он опять услаждался песнопениями. Молитва и созерцание были постоянным его занятием. Так он с каждым днем совершенствовался и, подвизаясь в настоящем,

постоянно ближе становился к ожидаемому будущему, и почти уверен был в лучшем жребии своем, как бы имея уже его в руках своих. Это и было причиною, что он едва не пал от постигшего его искушения. Когда дошел он до уверенности в своем спасении, в сердце его неприметно вкралась мысль, что он выше других. В таких мыслях он стал уже полагаться на себя. Следствием самонадеянности была безпечность. Он уже не с такою бодростью вставал от сна для песнопений, ленивее стал к молитве, и пение его не было так продолжительно; душа захотела покоиться: ум ниспустился долу, и помыслы стали блуждать. Беспечность втайне была уже любима, и только прежний навык, как оплот, несколько останавливал подвижника в этом направлении и охранял его до времени. Входя по вечерам после обычных молитв в пещеру, он находил ещё на столе хлеб, посланный ему от Бога, и питался им; но не изгонял из ума вредных мыслей, и не думал, что невнимательность губит труды, и не старался о уврачевании зла. Небольшое уклонение от обязанностей казалось ему маловажным. И вот похоть страстная, овладев его мыслями, стала увлекать его в мир. Но он ещё противился. Следующий день провел он в обычных подвигах и, после молитвы и песнопения, вошедши в пещеру, по-прежнему нашел

хлеб, впрочем не так чистый, как прежде. Он удивился и несколько опечалился, однако съел его. Настала третья ночь и зло утроилось. Ум его скоро предался любострастным помыслам и воображение представляло ему нечистые мечты так живо, как бы они сбывались на самом деле. Несмотря на то, ещё и на третий день он продолжал свои подвиги — молился и пел псалмы, но уже не с чистым расположением и часто оборачивался и смотрел по сторонам. Доброе дело его прерывали разные мысли. Вечером, почувствовав потребность в пище, взошел он в пещеру и хотя нашел хлеб на столе, но как бы изъеденный мышами. Тогда он начал стенать и плакать. Но покаяние его не было так глубоко, чтобы истребило нечистую похоть. Вкусивши хлеба, он хотел отдохнуть. Тут помыслы с неотразимой силой возстали на него, победили его ум, и, забыв все, он ночью оставил пустыню и пошел в селение. Настал день, а до селения было ещё далеко. Инок, палимый зноем, изнемог и начал смотреть вокруг себя, нет ли где монастыря, в котором бы можно было ему отдохнуть. Вблизи действительно был монастырь. Благочестивые братья приняли его как родного отца, омыли ему лицо и ноги и после молитвы предложили ему трапезу. После трапезы братья просили его преподать им

слово спасения: как избегать сетей дьявола и как побуждать нечистые помыслы? Беседуя с ними, как отец с детьми, он поучал их быть мужественными в трудах, уверяя, что они скоро для них обратятся в великое наслаждение. Много и ещё говорил им старец поучительного и назидательного. По окончании наставления он невольно подумал о себе самом и стал разсуждать, как он, вразумляя других, сам оставался невразумленным. Тогда он увидел свое поражение и немедленно возвратился в пустыню оплакивать свое падение. *Аще не Господь помогл бы ми,* говорил он, *вмале вселилась бы во ад душа моя* (Пс. 92, 17), — совсем было погряз во зле и *вмале не скончаша мене на земли* (Пс. 118, 87). С того времени он во всю жизнь плакал и, не получая более от Бога пищи, своими трудами доставал себе пропитание. Заключившись в пещере и постлав на полу вретище, он повергся на землю и до тех пор с плачем и рыданием молился Богу, пока не услышал от явившегося ему Ангела: «Бог принял твое покаяние и помиловал тебя, только смотри не обольщайся».

Разсказав сей назидательный пример, Иоанн прибавил, что все это должно убедить нас в том, как гибельна гордость и как спасительно смирение. Посему и Спаситель наш, прежде всего,

блаженство обещает смиренным: *блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3).

Три дня назидал своею беседою Иоанн пришельцев и потом, преподав благословение, отпустил их с миром.

Спустя несколько дней по возвращении своем в пустыню Руфин услышал от братьев, ходивших посетить Иоанна Ликопольского, что он почил с миром. Три дня он провел, не показываясь никому, и, на коленах преклоненный для молитвы, предал дух свой Богу. Кончина Иоанна последовала, вероятно, в марте 395 года[1].

[1] Tillem. T. 10. n. 5 p. 720. Сведение об Иоанне Ликопольском у Палладия в Лавсаике гл. 39–42. Rufin. Hist. Mon. с. 1. *Созомен.* Церковная история. Кн. 6, гл. 28. Кн. 7, гл. 22.

ГЕРМОПОЛЬ И АНТИНОЭ

Спускаясь от Сиюта вниз по течению Нила, путешественник встречает остатки и развалины древних монастырей. Так за три часа разстоянием от Ом-ель-Кусура есть два монастыря, один из них Арабы называют Дейр Магарак, т. е. сожженный монастырь, другой Абиссинским. Перед мысом ель-Амарне, на восточном берегу против селения Мазарны, виден близ нескольких хижин Коптский монастырь, называемый Деир Коссеир. Повсюду обитали здесь в первые времена иночества святые отшельники. Но главный приют иноков был здесь в окрестностях Гермополя и Антиноэ, которые в первые века Христианства составляли одно Епископство. Города разрушились, но пещеры в скалах, окружающих эти города, остались. В них начертано на многих стенах знамение креста, свидетельствующее о существовании здесь церквей и обителей иноков; подземные

галереи, где устроены были кельи, идут на далекое пространство. Несколько выше Атмумейка существует доселе у подошвы Ливийского хребта древний Коптский монастырь, называемый Крестным. Все стены этого монастыря покрыты разноцветными изображениями крестов. На большом кресте, который находился на своде алтаря, написано по-гречески: древо жизни.

Из писаний св. Афанасия мы видим, что в половине IV века в Антиноэ было многочисленное общество иноков под начальством мужа прозорливого, который, вместе с Федором Освященным, открыл Афанасию, что погиб в Персии его гонитель Юлиан. Св. Афанасий по сему случаю замечает: думаю, что многие, благоугождающие Богу в монашестве, по большей части остаются в сокровенности; потому что не знают их люди, — таков был маститый старец Паммон[1].

Руфин и Палладий, посещавшие Гермополь и Антиноэ в конце IV века, нашли здесь многих великих подвижников.

В окрестностях Гермополя на месте, где, по преданию, слышанному ещё Руфином, провела несколько времени Богоматерь с Своим Божественным младенцем во время бегства своего в Египет, в пещере Ливийских гор подвизался

[1]Творения Св. Отец в русском переводе 1853 г. Ч. 1. С. 413.

Аполлос. Ещё пятнадцати лет удалился он в пустыню с старшим братом своим, подвижником высокой жизни. После сорока лет, проведенных в трудах и самоумерщвлении, Аполлос услышал голос, призывающий к служению для спасения других. Считая непременною обязанностью повиноваться высшему призванию, он вместе с тем молил Господа охранять его от помыслов гордости и тщеславия.

Поселившись около Гермополя, он, по уединении и молчании, ожидал, когда Господь будет чрез него устроять спасение других. Он носил левитон из грубого льна и ещё кукуль на голове; питался одними овощами и не употреблял в пищу ни хлеба, ни бобов, ни плодов древесных и ничего вареного, и эту пищу принимал он только в воскресный день. Главным упражнением его было — стоя на коленах возносить молитву к Богу, сто молитв совершал он днем и сто ночью.

Скоро строгая жизнь и дары благодати сделали славным имя Аполлоса. Все монахи, жившие в окружности по разным местам, стали приходить к нему и вверять его управлению свои души: иных он призывал к созерцанию, других убеждал преимущественно совершать деятельную добродетель. Аполлос учил их, чтобы они ежедневно украшались добродетелями и коварные действия дьявола на помыслы отражали тот-

час при самом их начале. Когда, говорил он, у змея сокрушена глава, то и все тело его мертво. Господь заповедует нам сокрушать главу змея. Это обязывает нас к тому, чтобы мы не только исторгали из ума своего постыдные мечтания, но и вначале не допускали в душу свою худых и нечистых помыслов. Он учил также, чтобы братья старались превосходить друг друга в добродетелях, дабы никто не показался ниже другого по совершенствам. Свидетельством успеха нашего в добродетелях, говорил он, да будет приобретение безстрастия и воздержания от пищи, потому что это есть начало даров Божиих. А когда кто получит от Бога силу творить чудеса, не гордись, как бы имеющий уже всего довольно; не надмевайся мыслью, будто ты выше других, и не показывай всем, что получил такую благодать, в противном случае ты обольщаешь себя и, уловленный помыслами, лишишься благодати. Собственно учеников у Аполлоса было только пять. Но его духовная мудрость и святая жизнь привлекли к нему многих монахов, а его беседы и учение убедили многих и мирян, отрекшись от мира, предать себя его руководству. Таким образом, у него в горе составилось общество до пяти сот братьев, имевших и общежитие и общую трапезу. Казалось, пишет Руфин, это был стройный полк Ангелов, облечен-

ных во все доспехи. Они имели, по слову Апостола, одно сердце и одну душу (Деян. 1, 32). Братья, жившие с Аполлосом, не прежде принимали пищу, как приобщившись Евхаристии Христовой. Это делали они в девятом часу дня. По принятии пищи они садились слушать его, и он поучал их всем заповедям до сумерек. После того одни из них удалялись в пустыню и там целую ночь читали наизусть Священное Писание, другие оставались в монастыре, непрестанно восхваляя Бога песнопениями до наступления дня. Руфин пишет: я сам своими глазами видел, как они начинали с вечера свое песнопение и не переставали петь даже до утра. А многие из них только в девятом часу сходили с горы и, приняв Евхаристию, опять восходили на гору, довольствуясь одною духовною пищею до девятого часа другого дня. Так поступали многие из них в течение многих дней. При всем том они, как можно было видеть, радовались, живя в пустыне; никто не укажет здесь на земле подобной радости и веселья телесного. Между ними никого не было скучного и печального. Если бы кто и показался печальным, того Аполлос тотчас же спрашивал о причине скорби и, открывая то, что таилось в душе, старался возбудить душу его к духовному веселью. Не должно, говорил он, на пути спасения скорбеть тем, кото-

рые имеют наследовать Царство Небесное; пусть стенают язычники, пусть плачут иудеи, пусть скорбят грешники, а праведники должны радоваться. И если помышляющие о земном в земном находят радость, как же нам, удостоенным толикой надежды, не радоваться непрестанно, когда и Апостол побуждает нас всегда радоваться, непрестанно молиться, о всем благодарить (1 Сол. 5, 18).

Часто наедине беседуя с Руфином и его спутниками о подвижничестве, он увлекал их сладостью своих речей. Он говорил им: монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Св. Таин потому, что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя; ибо сам Спаситель говорит: ядый Мою плоть, и пияй мою кровь во мне пребывает и аз в нем (Ин. 6, 36). Итак, полезно монахам постоянно воспоминать спасительное страдание и ежедневно быть готовыми удостоиться принятия Святых и Небесных Таин; поелику чрез сие мы удостоиваемся отпущения грехов. Также говорил он: непозволительно без крайней нужды нарушать общие посты: ибо в среду Спаситель предан, а в пяток распят. Посему кто нарушает пост, тот вместе с врагами предает и распинает Спасителя. Если в пост придет к тебе

брат, имеющий нужду в успокоении, предложи ему трапезу одному, если же ему не угодно, не принуждай, ибо все мы имеем общее предание о посте. Приходящих братьев Аполлос повелевал принимать со всею любовью, кланяться им. Ибо, говорил он, ты кланяешься не им, а Богу, видя брата твоего, ты видишь Господа Бога твоего, — и это приняли мы от Авраама. Приходящих должно усиленно приглашать к успокоению; сему мы научились у Лота, который *принуди* Ангелов (Быт. гл. 19). В силу сей заповеди, когда Руфин с братиею приближались к монастырю Аполлоса, иноки, слышавшие от Аполлоса о приходе братии, вышли ему навстречу с пением (так они принимали всех монахов), поклонившись лицом до земли, облобызали их. И одни шли впереди пришельцев, другие за ними и все пели, пока не пришли к Аполлосу. Аполлос вышел навстречу и первый поклонился путникам до земли и облобызал их. Потом ввел к себе, помолился и, своими руками омывши ноги, просил отдохнуть. Так он поступал с всеми странниками.

Не довольствуясь назиданием братий, Аполлос старался слово Евангелия распространять и между окрестными жителями, из которых многие были язычники. То силою чудес, то благодеяниями, то увещаниями он успел сокрушить ос-

татки язычества. Аполлос скончался в 395 году[1]. Монастырь Аввы Аполлоса процветал ещё и в VI веке[2].

Неподалеку от монастыря Аполлоса пресвитер Копрей имел монастырь, где жило пятьдесят братий. Он славился и высокою жизнию и даром чудес. И своими чудесами способствовал к распространению Христовой веры между язычниками. Сам он был учеником Мусия или Патернуфия, который, по словам Руфина, первый обитал в пустыне к югу от Гермополя. Он рассказывал, что здесь были и другие великие подвижники: Сурус, Исаия, Павел, Анувий, Еллин. Здесь же подвизались Аполлос, Иоанн и Диоскор, имевший в управлении своем сто братий[3]. Вблизи Гермополя в монастыре Ериши, может быть, у Аввы Диоскора, получил начало иноческой жизни Онуфрий Великий. Вот как разсказывал Онуфрий свою жизнь Пафнутию. Юность свою провел я в благочестивом монастыре Ериши близ Гермополя в Фиваиде. Там обитают сто

---

[1] *Rufin.* Hist. monach. cap. 7. *Палладий.* Лавсаик, гл. 47. *Созомен.* Церковная история. Кн. 6, гл. 29. *Никифор.* Кн. 6, гл. 34.

[2] Луг духовный, гл. 182.

[3] Лавсаик, гл. 49–57. *Rufin.* Hist. mon. c. X. XV. XVI. *Созомен.* Кн. 6, гл. 28, 31. *Никифор.* Кн. 6, гл. 34. *Кассиод.* Hist. l. L. VIII. c. 1.

братий, как едина душа, согласных в великой любви к Господу Иисусу. Там одежда общая, пища общая и безмолвие нарушается только славословием Богу. Там я, ещё почти дитя, изучал уставы монашеской жизни и от св. Отцов назидался в вере и любви к Богу. Там часто слушал я Отцов, беседовавших о св. Илии и св. Иоанне Предтече, подобного которому не было между людьми. Что же, спросил я, живущие в пустыне в совершенном одиночестве больше ли вас пред Богом? Ей, сын наш, отвечали Отцы, они больше нас! Мы каждый день видимся друг с другом; каждый день церковное пение совершаем соборно; если взалчем, находим готовый хлеб; если возжаждем, у нас готова вода; занеможет кто — есть кому утешить. Ибо мы живем вместе, один другому помогаем и служим из любви Христовой. Но живущие в пустыне всего этого лишены. Случится какая печаль, кто его утешит? Заболит — кто послужит ему? Найдет брань от сатаны — кто даст ему совет? И где у него пища? Где вода? Где кров от зноя полуденного? Где риза от холода ночного? Там, о сын наш, там несравненно больше трудов и подвигов, чем в общежитии. Только Бог един видит отшельников и посылает им Ангелов на помощь. И сбываются на них слова Пророка Исаии: *терпящии Господа, окрылатеют, аки орли потекут, не утрудятся* (40, 31).

Душа моя горела неведомым дотоле священным огнем, когда я слушал Отцов. Я думал, что нахожусь в другом мире, и я возжелал пустыни. Встал ночью и пошел. Только, что вступил в пустыню, я увидел луч света, сияющий предо мною. Ужас объял меня, и я хотел возвратиться в монастырь. Но то был Ангел хранитель мой, в виде света указующий мне путь и сказавший: не бойся, я веду тебя. — Провождая меня от шести до семи миль, луч светоносный остановился у одной пещеры и был невидим. Приблизившись к дверям пещеры, я воззвал по обычаю иноческому: благослови. Ко мне вышел муж престарелый, вид его был достопочтенный и священнолепный; на лице и во взорах сияли великая благодать и духовное веселье. — Ты ли это, брат Онуфрий? — сказал старец, поднимая меня и лобзая. — Войди в мою обитель, сын мой, и Бог тебе помощник. Несколько дней провел я с святым отцом — старцем, который показывал мне уставы пустынной жизни, научал подвигам добродетели, открывал способ бороться с темными силами. Однажды он сказал: встань, сын мой, я поведу тебя в другую пещеру, чтобы ты жил там один, ибо для того и послал тебя Господь. Мы шли четыре дня и четыре ночи; на пятый день пришли к уединенному вертепу, и тогда престарелый вождь мой сказал: вот твое место, которое Бог приготовил тебе в

жилище. — Старец пробыл со мною тридцать дней, уча меня святой жизни; потом, поручив меня Господу, возвратился в свою келью. Ежегодно посещал он меня единожды; а там пришел и скончался у меня. Я много плакал над телом умершего, похоронил близ моего вертепа и остался один в целом мире.

Сначала я подвергался таким искушениям, что многократно отчаявался в жизни своей. Изнемогал от голода и жажды; ибо сначала у меня совершенно не было, что есть и пить, — разве где найду, бывало, немного зелия пустынного или соберу несколько капель росы небесной. Был палим зноем солнечным во дни; дрожал от холода в ночи; часто промокала вся плоть моя от росы полуночной. О! сколько я вытерпел! Каких трудов не переносил я в этой непроходимой пустыне! — Но для чего объявлять людям то, что человек должен совершить наедине из любви к Богу? — Благий же Бог, видя, что я весь предался пустынническим подвигам и соделал душу мою готовою терпеть алчбу и жажду, повелел святому Ангелу пещись о мне и приносить каждый день понемногу хлеба и воды для подкрепления немощной плоти моей. Тридцать лет питался я от Ангела. Потом Бог, на утешение мне, уготовил пропитание ещё обильнее прежнего. Подле моего вертепа потек

небольшой источник чистой и прохладной воды: выросло финиковое дерево о 12 ветвях, и каждая ветвь приносит мне плоды ежемесячно. Вкушаю финики, пью воду из моего источника, иногда ем хлеб, приносимый Ангелом, — и все делаю во славу Божию. А всего более насыщаю себя и напоеваю сладостью слова Божию: верую и ежедневно по опыту знаю, что *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе исходящем из уст Божиих* (Мф. 4, 4).

После беседы, укрепившей дух и тело мое, пишет Пафнутий, и после трапезы от плодов и от хлеба Ангельского мы провели всю ночь в молитве. К утру лицо праведника изменилось так, что я ужаснулся. «Брат Пафнутий, сказал мне Онуфрий, не бойся; в нынешний день я оканчиваю временную жизнь и отхожу к моему Христу. Бог, милосердый для всех, послал тебя ко мне за тем, чтобы ты предал тело мое погребению». Я пал к ногам святого и плакал и говорил: благослови меня, отец честнейший, и молись, чтобы Господь удостоил меня видеть тебя в будущем веке, как удостоил зреть твою святыню в сей жизни. — Онуфрий поднял меня и сказал: «Сын мой Пафнутий, не опечалит тебя Бог, но исполнит твое прошение; благословит же и утвердит тебя в любви Своей и просветит умные очи твои к Боговедению и избавит тебя

от всякого падения и сетей лукавого, и сохранят тебя Ангелы Его во всех путях твоих». После сего дал он мне последнее целование о Господе; начал молиться со многими слезами и воздыханием; преклонив колена, молился довольно, потом возлег на земле и последнее слово сказал: в руце Твои, Боже, предаю дух мой! Тогда осиял великого старца дивный свет небесный, в воздухе послышался глас Ангелов, поющих и благословящих Бога, — и душа праведника вознеслась на небо: мне осталось только тело святое, над которым я рыдал неутешно, пел надгробные Псалмы и похоронил в каменном гробе. Это было в двенадцатый день июня. Вертеп Онуфрия пред моими глазами обрушился; финик упал и источник мгновенно исчез[1].

Палладий, проживший четыре года против Гермополя в Антиноэ, пишет, что здесь было до двух тысяч монахов и все они с великою ревностью упражнялись в обязанностях своего звания, доставая себе пропитание рукоделием. Одни из них жили вместе, другие заключили себя в горных пещерах[2].

Соломон, Дорофей, Диокл и Капитон были знаменитейшими из отшельников. Соломон от-

---

[1] Veter. Patr. Analecta nova. Venet. 1781 p. 122–127.

[2] *Палладий.* Лавсаик, гл. 81.

личался кротостью и терпением. Пятьдесят лет прожил он в одной пещере, с величайшим терпением перенося все скорби отшельнической жизни. Он знал наизусть все Священное Писание и жил своими трудами. Дорофей за свою неукоризненную жизнь и доброту возведен был на степень священства. Он священнодействовал для братьев, живущих в пещерах. Однажды младшая Меланья прислала этому безсребреннику пятьсот златниц и просила его раздать тамошним братьям. Но он взял три златницы; остальные отослал к Диоклу отшельнику, сказав: брат Диокл умнее меня и с пользою может распорядиться ими, потому что лучше меня знает, кому действительно нужно оказать помощь, а мне довольно и этих.

Сей Диокл в юности учился грамматике, потом философии. На двадцать осмом году оставив мирские науки, предался небесному Христову учению и сделался отшельником. Более тридцати пяти лет провел он в пещере, занимаясь размышлением о Божественных истинах. Он говорил: ум, переставши созерцать Бога, становится или демоном или скотом; потому что или подпадает власти демона похоти, который влечет его к распутству, или злого духа раздражительности, от которого рождаются безумные порывы. В каждой мысли и в каждом деле уча-

ствует душа, но с Богом она бывает только тогда, когда благочестно и благоговейно разсуждает о Нем.

Недалеко от Диокла в четырех милях от Антиноэ жил Капитон, из разбойников сделавшийся опытнейшим монахом. Он пятьдесят лет прожил в пещере и не выходил из нее даже к реке Нилу, говоря, что не может встречаться с людьми, ибо враг доселе противодействует[1].

В той же пустыне был старец Илия. Он был ста десяти лет, когда Руфин посещал его пустыню. Он жил в пещере, на которую страшно было и смотреть. К ней вела тропинка узкая и каменистая. Пещера была закрыта терновыми кустарниками так, что трудно было проникнуть в нее. Здесь-то более семидесяти лет прожил этот старец, вкушая по вечеру три унции хлеба и три маслины. Но и это было для него облегчением в сравнении с первыми его постами; ибо прежде он проводил без пищи целые седмицы. Он получил от Бога дар врачевать всякие болезни[2].

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 82. 83. 84.

[2] *Rufin*. Hist. mon. c. XII. *Sozom*. L. VI. c. 28. *Niceph*. L. II. c. 34. *Cassiod*. Hist. Trip. L. c. 1.

ОКСИРИНХ

Оксиринх Руфин представляет более монастырем, чем городом. Он считает в нем до десяти тысяч иноков и до двадцати тысяч дев[1]. Древние публичные здания и храмы, посвященные прежде ложным божествам, были теперь обращены в обители иноческие. В нем было более монастырей, чем частных домов. В нем не было, пишет Руфин, ни одной площади, ни одного переулка, который бы не был обитаем монахами. Они день и ночь во всех сторонах, воспевая хвалы Богу, делали из сего великого города один храм, посвященный Его Божественному величию.

Кроме особых храмов монастырских в нем было двенадцать церквей, где собирались для молитвы миряне. Благочестие иноков имело благодетельное влияние и на жителей. Они име-

---

[1] *Rufin*. Hist. mon. c. V. Aegypt. monach. Hist. in Eccles. graecae monument. Tom. III. p. 173. Оксиринх теперь почти совершенно засыпан песками. Description. de l'Egypte publiee par Panekoveke Tom. IV. p. 391.

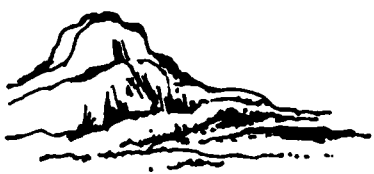
ли такую любовь к гостеприимству, что высылали рабов к воротам города смотреть, не пойдет ли какой-либо странник, и завидовали тому, кто приводил их в свой дом. Если же странник был из иноков, они бежали навстречу ему. Каждый влек его к себе; хватались за мантию, за плечи, только бы иметь счастье успокоить его.

Руфин пишет, что в его время в этом городе не было ни одного язычника, ни одного еретика, так что Епископ с такою же свободою мог проповедовать на площадях, как и в церквах. Но во время гонения Ариан при Георгие Феодор Епископ Оксиринха пристал к партии Ариан и увлек за собою часть паствы. Православные отделились от общения с ним, и церковь Оксиринхская несколько времени управлялась пресвитерами. Более других ревности в защищении Божества Сына Божия показал пустынник Павел. Он своими советами и примером утверждал народ в православии. Из слов Руфина видно, что православие одержало совершенную победу над ересью.

Между Епископами Оксиринха был монах Афф. До возведения в сан Епископа он проходил самую строгую жизнь. Но, сделавшись Епископом,ы не чувствовал уже в себе сил совершать те же подвиги самоумерщвления. Повергшись на землю, он изливал пред Богом свою

скорбь, что не может подвизаться так, как прежде, и в молитве вопрошал Бога: не ужели по причине Епископства благодать Божия оставила его? И он услышал голос, что благодать Божия с ним, но теперь служение пользе ближних восполняет недостаточность его подвигов[1].

Руфин пишет, что не только в городе Оксиринхе, но в окрестностях его было много иноков, и многие из них украшены различными дарованиями, одни даром назидания и учения, другие подвигами покаяния, иные силою творить чудеса.



[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 47. Rosv. opp. Lib. 5. c. 15. n. 13.

ГЕРАКЛЕОПОЛЬ

Около Гераклеи был монастырь Пафнутия. Жизнь сего подвижника была так свята, что на него смотрели, как на Ангела Божия. Палладий и Руфин рассказывают об нем, что после продолжительного подвижничества он молил Бога открыть ему, кому бы он из современных по святости был подобен. Ангел явился ему и сказал: ты подобен такому-то флейщику, который живет в городе. Поспешно отправился к нему Пафнутий и спросил его об образе его жизни. Флейщик сказал ему, что он человек грешный, нетвердый и развратный и недавно перестал разбойничать. Но нет ли у тебя добрых дел? — спросил старец. Флейщик разсказал, что когда он был разбойником, то избавил от насилия разбойников одну христианскую девицу и проводил до селения. В другой раз женщине, у которой муж заключен был в тюрьму, а трое детей проданы в рабство за долги, он дал триста златниц для выкупа их. Тогда Пафнутий сказал ему:

Бог открыл мне о тебе, что ты нисколько не ниже меня по добрым делам. Посему когда Бог так печется о душе твоей, не оставляй её в небрежении. Флейщик бросил из рук флейту и, променяв благозвучие музыкальной песни на духовное сладкопение, пошел за Пафнутием в пустыню. Три года подвизался он, проводя жизнь в пении псалмов и молитве, и почил о Господе.

После новых подвигов Пафнутий услышал голос, что он подобен старшине одного селения. Сей старшина тридцатый год, как разлучился с своею женою, прожив с нею только три года и прижив от нее трех сыновей. Никогда он не оставлял страннолюбия, не отпускал странников с пустыми руками; бедным и удрученным подавал утешение, был нелицеприятен на суде, не восхищал себе чужого, старался примирять враждующих. Во всю жизнь никого не осуждал и не огорчал, воспитывал детей в страхе Божием. Пафнутий его привлек к иноческой жизни.

После ему ещё указан был муж совершенный в добродетели — это был купец Александрийский. Все свои прибытки от торговли он раздавал бедным и монахам. Что же, сказал ему Пафнутий, ты не примешь нашего имени? Доколе ты будешь заниматься земною торговлею и не примешься за небесную куплю? Я давно этого желаю, отвечал купец, — и нисколько не отлагая, он

отдал сыновьям имение и сам удалился в гору, где скоро и преставился. Немного спустя после него перешел к вечной жизни и Пафнутий[1].

В сих же пределах был монастырь Исидора, имевший тысячу иноков. Он был окружен большою каменною стеною. Никто из монахов не выходил за ворота монастырские, и в него пускали только тех, которые желали оставаться в монастыре до самой смерти. Внутри монастыря были и колодцы и сады и все нужное для жизни. Два только старца, заведовавшие всеми делами братии, выходили за ворота и приносили, если что нужно было для обители. При вратах был приставлен старец, который принимал и угощал странников в небольшой гостинице и, поутру преподав благословение, отпускал с миром. Привратник говорил Руфину, что живущие в обители так святы, что почти все могут совершать знамения[2].

---

[1] *Rufin.* Hist. mon. c. XVI. *Палладий.* Лавсаик, гл. 57.

[2] *Rufin.* Hist. mon. c. XVII.

АРСИНОЭ[1]

Обители иноческие в Арсиноэ современны были Великому Антонию. Сохранилось послание Антония Великого к Арсинойским монахам, которое так назидательно, что мы решаемся привести его вполне.

«Антоний возлюбленным детям своим, живущим в Арсинойских монастырях, и всем, кои обратились к Богу всем сердцем своим, желает спасения от Господа.

Дети мои, вы истинные Израильтяне. Благодать, действующая в вас, показывает вам путь к вечному блаженству. Но для получения сего блаженства вы должны непрестанно противиться силе греха, уменьшать и истреблять в себе оную, должны уготовлять себя в жертву чистую и святую Богу, чтобы соделаться достойными милосердия Божия, коим посетил вас Восток свыше (Лк. 1, 78). Духовная природа наша с высо-

---

[1] Древний Крокодилаполис, ныне Фигом. L'Egypte sous les Pharaon, tom. 1, p. 233–327.

ты славы и достоинства своего ниспала в бездну безславия и унижения: но милосердый Бог посетил её благостью Своею, дав нам спасительные законы посредством раба своего Моисея и прочих пророков. Особенным и яснейшим образом Бог открыл нам благость Свою в Единородном Сыне Своем, которого Он послал к нам на землю. Сей вечный Сын Божий есть истинный Первосвященник, истинный Врач, который может исцелить все болезни наши. Он облекся в тело наше и за грехи наши предал себя в жертву Богу. Наша немощь была причиною того, что Он принял на Себя образ немощи; наша нищета побудила Его облечься в образ нищеты; наша мертвенность подвергла Его поносной смерти. Он претерпел за нас жестокие мучения, и Его смерть оживила нас. Итак, мы всеми силами должны стараться, чтобы все святые радовались о нас на небе, да и сеяй вкупе радуется, и жняй (Ин. 4, 36). Когда мы бываем безпечны, святые печалятся о нас и возсылают к Богу молитвы о спасении нашем.

Дети мои, я нахожусь в великом безпокойстве по причине вас. Я знаю, что и святые на небе принимают великое участие в вас. Они непрестанно со слезами возсылают молитвы к Богу, чтобы Он укрепил вас в подвигах благочестия. Итак, старайтесь подражать их земной

жизни. Святые видели, что в непостижимом воплощении Сына Божия Бог открыл безконечное милосердие Свое к человечеству, видели все труды, которые подъял Сын Божий для спасения нашего, знали также и все усилия и коварства духовного врага нашего, которые он употребляет к погибели нашей, и потому непрестанною молитвою, бдением и постоянным исполнением заповедей Божиих старались сделаться достойными любви Божией. И вас прошу я, возлюбленные дети мои, разсуждайте о великих благодеяниях, дарованных нам Спасителем нашим. По причине склонности нашей ко греху и согласия нашего с волею врага Божия, отца лжи, мы из существ разумных сделались неразумными; но благодать Божия возставила нас от падения нашего и открыла нам источник мудрости в Духе Божием.

Дети мои, вы должны знать, что злые духи многочисленными и многообразными способами стараются совратить нас с пути добродетели. Но если они видят, что мы уже знаем опасность, проистекающую от греха, не позволяем господствовать над собою страстям своим, предостерегаем себя от тех порочных дел, к которым они стараются привлечь нас, и вообще отвергаем все их гибельные внушения; то оставляют нас и не осмеливаются более приступать

к нам. Злые духи знают, что когда Бог попускает им искушать преданного Ему человека, чрез то уготовляет им большое наказание. Они уже уверены, что их мучение неизбежно, что их отпадение от Бога и вражда против Него необходимо соделали их наследниками ада. Возлюбленные дети мои, я и днем и ночью молю о вас Господа, чтобы он отверз очи сердца вашего, чтобы вы могли видеть все коварства злых духов и всю их ненависть к вам, чтобы укрепил сердце ваше в духовном бдении, дал вам дух мудрости и научил вас приносить себя Ему в жертву живую, чистую и святую и во всякое время предохранять себя от обольщения и гибельных внушений злых духов. Они различным образом стараются привлечь нас ко греху. Они скрывают как ненависть свою к нам, так и враждебные действия против нас, внушают нам богохульные мысли, побуждают сомневаться в истинах веры, чтобы привесть нас к неверию, потемняют разум наш, рождают в сердце нашем порочные желания, повергают нас в уныние и отчаяние, возбуждают в нас гнев, рождают и укрепляют в нас склонность осуждать других, но всегда оправдывать самих себя, научают нас злословить ближних наших, ласково и дружелюбно говорить с теми, к коим мы, по их же внушению, питаем сильную ненависть, показывают нам

внешние недостатки ближнего, но скрывают от нас внутреннее наше развращение, производят между нами распри и несогласия, когда мы, по их внушению, почитаем себя лучше других. Сверх сего они побуждают нас предпринимать такие дела, которые превышают наши силы, и отклоняют нас от исполнения того, что для нас и полезно и нужно. Когда мы должны плакать, они побуждают нас смеяться; когда мы должны радоваться, они производят в сердце нашем печаль. Словом, они всегда стараются совратить нас с пути правды и покорить своей власти. Много потребно времени, чтобы исчислить все пороки и все грехи, к которым они стараются привлечь нас; скажу только, что если мы и немного попустим им возобладать над нами, то семя зла, которое они посеют в сердце нашем, укоренится, возрастет и умножится, и мы соделаемся добычею их и приуготовим себе страшное наказание. Итак, мы должны непрестанно прибегать с молитвою к благости небесного Отца нашего, чтобы Он укрепил нас Своею силою и Своею Божественною помощью содействовал нам во всех наших делах. Ибо злые духи все силы свои употребляют к тому, чтобы погубить нас.

Дети мои, человек, который, видя в себе некоторые совершенства, гордится ими и старает-

ся оправдать себя делами своими, далек от Бога. Тщеславие, самонадеянность и самодовольство соделывают человека жилищем духа злобы, который и наполняет его душу порочными мыслями и желаниями и употребляет тело его в орудие греха. Страсти господствуют над гордым человеком, потому что он не отдалил от себя смирением духов злобы, которые возбуждают страсти. Итак, мы должны приобретать познание о враждебных действиях злых духов против нас и при помощи Божией отклонять или уничтожать оные. Искушения, проистекающие от оных духов, тем опаснее для нас, что духи невидимы и действуют не телесным, но духовным образом. Мы не можем видеть их, как видим тело наше, но они видят нас. Когда они всевают в душу нашу богопротивные мысли, то чрез то как бы вселяются в нас и делаются видимыми в теле нашем. Дети мои, не давайте им места в себе и не позволяйте им приступать к вам, чтобы не навлечь гнева Божия на себя и не подать им случая к радости и осмеянию вас. Будьте внимательны к наставлениям моим. Злые духи знают, что взаимное наставление подкрепляет верующих в борьбе с ними. Но искушения от злых духов неизбежны. Ибо мы до совершенного отрешения от тела не можем быть совершенно свободны от склонности ко греху. При-

том, когда злые духи хотят обольстить нас, мы не можем видеть их перед собою, как видим человека, стоящего пред нами, и потому не можем удаляться от них. Злые духи видимы бывают только в наших грехах. Они существа духовные, но существа, удалившиеся от Бога и получившие различные имена, сообразно беззаконным свойствам и делам их. Имена сии суть следующие: сатана, дьявол, веельзевул, князь власти воздушной, и прочие подобные сим. Но имена небесных Сил следующие: Архангелы, Престолы, Господства, Власти, Херувимы, Серафимы и проч. Имена сии даны сим последним за постоянное и верное исполнение воли Творца их. Подобным образом и люди, которые, телом живя на земле, духом жили на небе, известны под именем Патриархов, Царей, Священников, Судей и Апостолов. Имена сии даны людям за их благочестивые дела и исполнение заповедей Божиих. Но все сии святые люди произошли от одного и того же Адама и имели такое же тело и душу по сущности своей, какие имеем и мы.

Дети мои, все люди произошли от одного начала, и потому кто грешит против ближнего своего, тот грешит против самого себя, кто делает зло ближнему своему, тот делает зло душе своей. Сколько бы велики ни были грехи беззла-

конного человека, они нимало не нарушают блаженства Божия. Они всегда делают несчастным человека. Также сколь бы велики ни были добродетели человека, они нимало не увеличивают блаженства Божия. Да и могут ли быть столь велики добродетели человека, чтобы он прославлял ими Бога, соответственно безконечному Его величию, чтобы приносил Ему почтение и служение, достойное Его святости и благости? Бренность тела нашего препятствует нам служить Богу достойным Его образом. Итак, мы должны все силы свои употреблять к тому, чтобы добрыми делами и любовью друг к другу умножать в себе благодать Божию. Мы не должны любить только самих себя, чтобы не сделаться добычею врага. Мы должны, прежде всего, стараться познать самих себя. Кто имеет правильное познание о самом себе, тот имеет правильное познание и о тварях, которые Бог произвел из ничего; тот знает также и достоинства умного и безсмертного духа человеческого, заключенного на время в бренное тело, дабы в нем усовершать себя в добродетели. Кто ж знает сие, тот знает, что должно любить Бога, а кто любит Бога, тот любит всех. Возлюбленные дети мои, любите друг друга искренно. Тело, в которое вы облечены, соделывайте жертвенником, возлагайте на сей жертвенник все нечистые мыс-

ли и, возвысив сердце и ум свой к Богу, просите Его, чтобы Он ниспослал вам свыше свой невещественный огонь и пожег оным все положенное вами на жертвеннике тела вашего. Тогда священники Вааловы побегут от лица вашего, как побегли они некогда от пророка Ильи. Тогда отверзется для вас и небесный Божественный источник, из которого прольется на вас духовный дождь — благодать Утешителя Духа. Когда же вы получите Божественные дары Духа, то не думайте, что приобрели оные собственными своими делами: ибо небесные Силы всегда вспомоществуют вам в ваших благочестивых подвигах.

Дети мои, я прошу вас, не ослабевайте в трудах спасения вашего, чтобы и святые на небе и я, недостойный раб Божий, радовался о вас; ибо и вы, и я, и святые произошли от одного и того же Адама и сотворены одним и тем же Виновником всех тварей. Кто знает самого себя, тот знает, что душа человеческая безсмертна, что Господь наш Иисус Христос есть истинный образ Бога Отца, что по подобию сего вечного образа Божия сотворены все духовные разумные существа. Поелику Иисус Христос есть глава тела, глава церкви, как говорит Апостол Павел (Кол. 1, 12), то все мы порознь члены и все вместе составляем одно тело во Иисусе Христе. *Не может,* говорит тот же Апостол, *око рещи*

руце: не требе ми еси: или паки глава ногам: не требе ми есте. Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли славится един уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 21. 26). Посему мы, как члены одного тела, должны друг друга любить. Но кто любит брата своего, тот любит и Бога (1 Ин. 4, 21), а кто любит Бога, тот любит самого себя.

Дети мои, Бог одарил нас свободною волею; посему Он и попускает злым духам искушать нас, чтобы мы сами могли отражать и побеждать их. Но вы должны помнить, что в Псалме (33, 8) написано: *ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их*. Если же человек не боится Бога и не хочет исполнять закона Божия, то злые духи весьма легко покоряют его власти своей, и он, по словам Писания, делается сыном дьявола. Дьявол, будучи низвергнут с неба в ад за гордость свою, всегда ищет погибели тех, кои пребывают верными Господу своему, и старается погубить их таким же образом, как сам погиб, то есть гордостью и славолюбием. Злые духи знают, что кто любит брата своего, тот любит и Бога. Посему они возбуждают в сердцах людей взаимную ненависть друг ко другу, так что человек иногда не может терпеть и присутствия другого человека и не может сказать ему ни одного слова.

Дети мои, сказываю вам, что из людей, посвятивших себя служению Богу, были многие, которые уже далеко прошли на пути духовного совершенства, но по своему неблагоразумию пали и погибли. Это не должно быть для вас удивительным, потому что если и вы возгордитесь и будете думать, что добродетели и святость ваша уже великую цену имеют пред Богом, если вы по самопрельщению будете ослабевать в исполнении добрых дел; то впадете в дьявольскую болезнь — в гордость и забвение самих себя; вы будете думать, что вы близки к Богу и находитесь во свете Его, между тем как вы будете находиться во мраке греховном. Дети мои, что как не смирение побудило Господа нашего Иисуса Христа встать с вечери, снять с Себя верхнюю одежду, взять полотенце и препоясаться им, влить воду в умывальницу и умыть ноги ученикам Своим? Смирение есть добродетель, необходимая для всякого, желающего приблизиться к Богу. Ибо гордость первая породила грех. Она низвергла дьявола с неба и изгнала Адама из рая. Если человек не возлюбит смирения всем сердцем, всеми мыслями, всем духом и всею душою, если не будет выражать смирения во всех делах своих, не наследует Царствия Небесного.

Возлюбленные дети мои, я и днем и ночью молю Творца моего, чтобы Он просветил очи

сердца вашего, чтобы познали мою любовь к вам и уверились в необходимости святой жизни ко спасению. Кто имеет правильное познание о самом себе и чувствует нужду в исправлении и усовершении себя, тот стремится к приобретению небесной славы. Кто знает свою греховную мертвенность, тот стремится к жизни вечной. Дети мои, я опасаюсь, чтобы на пути к небесным сокровищам не ослабили вас труды покаяния и не истребили в вас надежды к достижению вечных благ. Я желал бы видеть вас и здесь на земле в бренном теле моем, но я уже ожидаю переселения в те блаженные обители, где нет ни печали, ни стенания, но где все святые непрестанно радуются. Там я надеюсь видеть вас. Ещё о многом хотел бы написать вам, возлюбленные дети мои; но время уже окончить письмо мое и пожелать всем вам спасения от Господа нашего Иисуса Христа. Ему должно быть приносимо славословие во веки веков. Аминь».

Из сего послания видно, что Арсинойские монахи пользовались наставлениями отца иночествующих и его любовью; что может служить свидетельством о цветущем состоянии сих обителей.

Во время посещения Египта Руфином и Палладием в пределах Арсиноэ было много мона-

стырей и до десяти тысяч иноков. Начальником их был благочестивый муж Серапион. Он чрез братию собирал множество хозяйственных припасов; потому что, нанимаясь жать, иноки, которым за труды платили плодами земли, приносили все к нему. Все это он употреблял на вспомоществование бедным, так что никто из окрестных жителей не терпел нужды; хлеб отсылаем был даже бедным в Александрию[1].

Около Мемфиса и Вавилона, или старого Каира, Руфин видел также безчисленное множество монахов, украшенных различными добродетелями и дарованиями духовными.

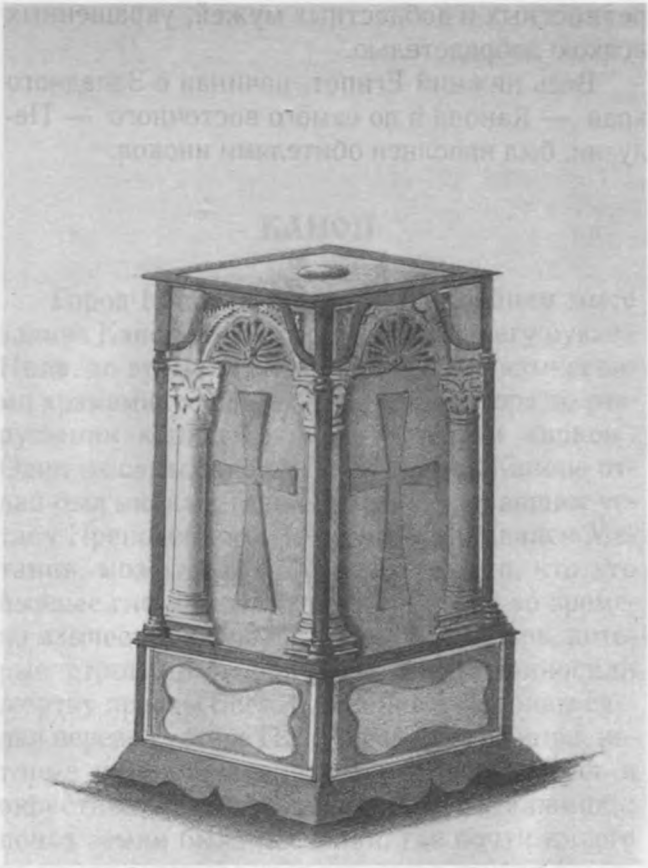
Часто в Трою Вавилонскую и в Теренуф (ныне же Теранне) удалялись после нападения Мазиков на Скит подвижники этой пустыни. Теперь на месте старого Каира, или малого Вавилона, есть два Христианских храма, очень древние. В первом главная церковь в память Успения Богоматери, а другая св. Сергия. Чрез подъемную дверь, сделанную в полу церкви, входят в подземную церковь, образованную сводом пещеры, который поддержан девятью колоннами грубой работы. В это сумрачное святилище стекаются с особенным благоговением христиане, по верованию, что эта пещера служила несколь-

[1] *Rufin.* Hist. mon. c. XVIII. *Палладий.* Лавсаик, гл. 67.

ко времени убежищем Пресвятой Богородицы с младенцем Иисусом во время их пребывания в Египте. Над скромным алтарем есть образ, изображающий бегство святого семейства в Египет. Алтарь устроен в нише, который называют колыбелью Божественного младенца: предание прибавляет, что святое уединение Богоматери вскоре привлекло к ней благочестивых еврейских жен, которые впоследствии в память Пресвятой Девы основали здесь женский монастырь с церковью во имя Богоматери. Развалины этой церкви видны ещё и доныне. Женский монастырь существовал ещё в начале прошедшего столетия. В греческом монастыре, довольно огромном, главная церковь посвящена Великомученику Георгию.

АЛЕКСАНДРИЯ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

Первые отшельники в Александрии, как видно из жизни Антония Великого, жили задолго до него. Среди них начал свою отшельническую подвижническую жизнь Антоний. Но число их тогда было ещё невелико. Когда Великий Антоний из глубины своей пустыни просиял своими добродетелями и дарами благодати, иночество развилось и усилилось и здесь, как в других местах Египта. Св. Афанасий Великий, сам проходивший подвижническую жизнь до своего Епископства, был покровителем и распространителем иночества. Двое друзей Афанасия, Драконтий Ермопольский и Серапион Тмуитский, были добрыми настоятелями великого числа иноков. Палладий в конце IV-го века, проживший три года в монастырях около Александрии, пишет, что он видел здесь до двух тысяч великих, весьма



Мраморный налой
в монастыре св. Саввы в Александрии

ревностных и доблестных мужей, украшенных всякою добродетелью.

Весь нижний Египет, начиная с Западного края — Канопа и до самого восточного — Пелузии, был наполнен обителями иноков.

КАНОП

Город Каноп, лежавший на крайнем мысе залива Канопского, на западном берегу рукава Нила, до времен Феодосия славный языческими храмами, со времен сего Императора по разрушении капищ сделался приютом иноков[1]. Один из самых знаменитых храмов Канопа отдан был инокам Тавеннским, следовавшим уставу Преподобного Пахомия, и назывался Метания, может быть в означение того, что это бывшее гнездо разврата и нечистоты во времена язычества сделалось приютом иноков, которые строгими подвигами своими приносили жертву правды Богу. Блаженный Иероним сделал перевод устава Пахомиева для Латинян, которые приняли иночество в Канопе. Здесь в окрестных местах жили строгие подвижники; почва земли была песчаная, где почти ничего не могло родиться, кое-где росла грубая трава.

---

[1] Eonap. in aedes. p. 73. 75.

Хижины иноков поделаны были из древесных ветвей; таковы же были и храмы, где собирались; совершенное нестяжание и послушание господствовали между ними[2].

[2] Sulp. Sever. dial. 1. n. 2. 5, 15.

ПАНЕФИС

Панефис был прежде одною из плодороднейших стран Египта. Но вследствие землетрясения море разорвало берега свои, разлилось по всем селениям и плодоносную страну обратило в болото[1]. Небольшие селения[2], оставшиеся на высоких местах подобно островам, по причине соленой воды и вредных испарений были оставлены жителями. Эти места, не имеющие удобств для жизни, избраны были отшельниками, искавшими прискорбной жизни для подвигов покаяния. В сей области, когда посещали её Кассиан и Герман, был Епископом Архебий. Тридцать лет до своего Епископства провел он отшельником в сей пустыни, сияя между иноками святостью жизни. Поставленный в Епископа, он сохранил любовь к уединению. Он жил в пустынной келлии, как инок, не оставляя управления монастырем, в котором он был насто-

---

[1] Cass. Coll. 11. c. 3.

[2] Ptol. geogr. 1, 4.

ятелем. Возвышение на степень, можно сказать, усугубило в нем чувство смирения. Он думал, что его поставили Епископом не потому, что считали достойным сего сана, но что его, как недостойного, лишили уединенной жизни. И он плакал, что, проживши 30 лет в пустыни, не мог достигнуть чистоты, какой требует сие святое звание. Предлагая Кассиану с Германом посетить отшельников, с чувством глубокого смирения сказал: «Я поведу вас к пустынникам. Они научат вас тому, чему не могу я научить. Они наставят вас на путь благочестия, о котором у меня осталось только воспоминание и вседневная печаль о потере его. Они более примером и делами, чем словами научат вас пути спасения. А я, бедный, могу указать вам только, где найти многоценный бисер Евангельский, которого я не имею и которого вы ищете».

Первый пустынник, которого посетили они, был Херемон — столетний уже старец. Глубокая старость и постоянные наклонения в молитве так сгорбили его спину, что он мог ходить только как младенец, подпираясь руками. Все было в нем немощно, кроме ума. Первые годы своей жизни он провел в Скиту. Несмотря на то, что все тело его высохло, он не переставал соблюдать строгость прежнего своего воздержания. Несмотря на то, что Херемон состарился

в подвигах, он так был смирен, что считал себя неспособным давать наставления. Когда Кассиан стал просить у него наставления, Херемон сказал: «Что могу я сказать вам, чада мои, когда старость, препятствующая мне соблюдать обычную строгость нашей жизни, в то же время отнимает у меня дерзновение говорить об ней другим? Как дерзну я учить тому, что не исполняю сам? Могу ли я побудить кого быть мужественным и пламенным в подвигах, когда сам так слаб и ленив? Посему-то я никогда не решился дозволять жить подле меня юным подвижникам, чтобы пример моего разслабления не ослабил ревности и строгости других. Ибо слово без дел не поучительно». Но, убежденный смиренною просьбою странников, Херемон предложил им наставление о совершенстве. Он поставляет сие совершенство в сыновней любви к Богу, по которой мы любим Его ради Его Самого, подобно тому, как сын любит отца и по любви к нему боится огорчить его. Первою ступенью к сему совершенству, по словам Херемона, служит чувство страха адских мучений. Страшась вечных мучений, человек удерживается от греха. Это страх рабский; второю ступенью служит желание благ вечных. Переставая быть рабом, человек становится наемником потому, что ожидает награды. Потом уже переходит к той сыновней

любви, которая с полною доверенностью ожидает всего от благости своего отца. Находящийся на первых ступенях нередко по разслаблению духа или увлекаемый удовольствиями мира теряет из виду высшую цель. Но достигшего третьей ступени никакие обольщения чувств, никакие сокровенные помыслы не отвлекут от любви к Богу. Воин, как бы ни был храбр и силен, но пока сражается, не может быть безопасен от ран. Но тот, кто уже выше нападения греха, остается неуязвленным под сенью любви Божией.

Авва Херемон беседовал с Кассианом о чистоте. Средствами к приобретению сей добродетели он поставил: 1) то, чтобы желаниям земным и привязанностям низким противопоставлять желания чистые и привязанности святые. Изгоним, говорил он, из сердца желания плотские и утвердим на место их привязанности духовные, дабы ум наш, будучи наполнен ими, с презрением отвергал приманки худых удовольствий ради удовольствия святого и позволенного; 2) Терпение. Ибо чем более человек усовершает себя в кротости и внутреннем терпении, тем более успевает он в чистоте и делается тверже в сей добродетели по той мере, как удаляется от страха раздражения. Только постоянным самоумерщвлением, заботливым отвлечени-

ем ума и сердца от предметов земных, кротостью и терпением и особенно искренним убеждением в том, что без помощи Божией мы никогда не сохраним сей великой добродетели, мы можем при помощи Божией возвыситься до такой степени, чтобы питать отвращение к нечистым наслаждениям и полагать свою радость в жизни чистой Ангельской.

Старец Херемон окончил многотрудную жизнь свою без болезни и мучений. Сидя на своем седалище с работою в руках, он предал дух свой Богу[1].

Другой инок, которого посетили Кассиан с Германом, был Нистерой. Он был другом Великого Антония и за свои великие подвиги в добродетели и глубокое знание Св. Писания получил название Великого. Но тем не менее старался избегать всякого повода к тщеславию. Идя с братом в пустыню, он, увидев крокодила, побежал от него. И ты, отец, боишься? — спросил его брат. Нет, сын! — отвечал Нистерой, — я не боюсь, но польза требовала, чтобы я бежал, иначе мне не убежать бы от духа тщеславия. По таковому духу смирения он подвиги отшельников не ставил выше добродетели людей мирских. Один брат спросил его: какое бы доброе дело делать

---

[1] Cass. Coll. 11.

мне? Нистерой отвечал: «Не все ли дела равны? Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним; Илья любил безмолвие, и Бог был с ним; Давид был кроток, и Бог был с ним. Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то и делай и блюди сердце твое». Нистерой, отличаясь подвигами отшельничества, старался о стяжании и других добродетелей. Один брат спросил его: если нищий попросит у тебя одежды, какую ты ему дашь? Лучшую, — сказал старец. А если он попросит у тебя другой? — Отдам половину другой. — Если ещё попросит? — Раздеру остальное, дам ему половину, из другой сделаю себе опоясание. — Если кто попросит и опоясание? — Отдам, а сам буду дожидаться, пока Бог пошлет мне одежду, а у другого не попрошу.

В беседе с Кассианом о деятельности и созерцании первым путем к истинному ведению Нистерой поставляет безмолвие. Научись тому, чего сам не изведал. Приобретая духовные познания, нужно приводить их в исполнение, иначе родится пагубное самомнение. Смирение должно быть положено в основание просвещения. Очевидный признак ума холодного и гордого, если он отвращается истин спасения, потому что они часто повторяются. Душа благочестивая с жадностью принимает всякое слово, как бы часто оно ни повторялось. Открывать приобре-

тенные ученьем или опытом истины нужно только душам кающимся, чтобы не была поругана истина, и не из тщеславия[2].

В шести милях от Нистероя жил Авва Иосиф. Он происходил из знатной Египетской фамилии и считался первым в своем городе Фуивис. Он знал язык Греческий так, что свободно на нем беседовал. Но, презирая земную славу, он ещё в юности удалился в один монастырь, находившийся под управлением Антония Великого. Там как собственным учением, так особенно из наставлений старцев приобрел он глубокое познание Св. Писания. Потом он удалился в уединение. Там около него собралось несколько учеников. Он требовал от них безпрекословного повиновения. Чтобы приучить их повиноваться без всякого разсуждения, он давал им иногда странные приказания. Так, одному из своих учеников он приказал в пятницу влезть на смоковницу и есть плоды. Так как это был день поста, то ученик не исполнил приказания Аввы и спросил его, зачем он дает такое приказание. Отцы, отвечал Иосиф, тогда только начинают руководить юных, когда увидят, что они во всем послушны. Обращая внимание на внут-

[2] Cass. Coll. 15. Достопамятные сказания о подвижничестве... 177, 178.

реннее состояние учеников, он так мало хотел знать внешние обстоятельства, что не знал имени ученика, который жил у него уже два года.

Однажды его спросили, как принимать приходящих. Должно ли беседовать с ними свободно? — В рубище ли ты одет или в обыкновенную одежду, ты все тот же; так мы не изменимся, если будем принимать с радушием странников. А когда остаемся одни, будем плакать и плакать постоянно.

Один брат спросил Иосифа, как мне сделаться монахом? Иосиф отвечал: если хочешь найти покой, то говори себе при всяком деле: кто я? и не осуждай никого. Один брат спросил Иосифа: что мне делать? я не могу ни переносить оскорблений, ни работать, ни подавать милостыню. Старец отвечал ему: если все это тебе не по силам, по крайней мере храни совесть свою от всякого зла в отношении к ближним. Так он снисходил к немощным, но когда видел кого-либо ревностным, то побуждал ещё более стремиться к совершенству. Авва Лот, будучи у Иосифа, сказал ему: я по силам исполняю свое малое правило, соблюдая небольшой мой пост, молюсь, размышляю и безмолвствую, и по силе очищаю мои помыслы. Что ещё остается мне делать? Старец встал, простер руки свои к небу, и сделались персты его, как десять огненных светильников. Тогда он

сказал Авве Лоту: если хочешь, будь весь, как огонь. Так его советы всегда были приспособлены к внутреннему состоянию людей, которые просили их у него. Так, Авва Пимен спросил Иосифа: «Что мне делать, когда ко мне приступают страсти, противиться им или дозволить войти? «Иосиф отвечал: дозволь им войти и потом борись с ними. Когда спросил Иосифа другой брат о том же предмете, он сказал ему: не дозволяй входить страстям, но тотчас же отсекай. Отчего, — спросил Пимен Иосифа, — ты мне дал одно наставление, а другому брату совершенно иное? Когда войдут в тебя страсти сказал Иосиф, и ты дашь им место и потом будешь бороться с ними, то чрез это делаешься искуснее. Но есть люди, для которых полезно, чтобы и не приступали к ним страсти; таким нужно отсекать их. Строгий подвижник, Иосиф любил скрывать свои добродетели. Евлогий — пресвитер Александрийский, строгий постник, так что часто по неделе не вкушал пищи, — хотел посмотреть на образ жизни Иосифа. С несколькими учениками своими он пришел к Иосифу в монастырь, Иосиф приготовил для его угощения все, что было у него лучшего. Ученики Евлогия сказали Иосифу, что их учитель ест только хлеб с солью, Иосиф показал вид, что не слышит этого, и ел все предложенное. Три дня провели гос-

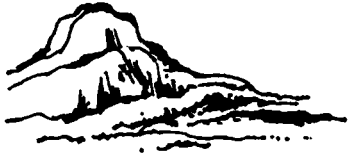
ти в монастыре, и ученики Евлогия не видали, чтобы ученики Иосифа пели псалмы или молились. Они тайно совершали свое правило. Не получив назидания, Евлогий возвращался домой. Но Бог, видяй втайне, благоволил сделать явным сокровенное подвижничество. Сильный туман совершенно скрыл дорогу, и Евлогий возвратился в монастырь. У ворот монастыря он услышал пение псалмов. Долго оно продолжалось. Когда кончилось пение, Евлогий постучался и был принят, с прежнею любовью. Евлогий утомился, и ученики предложили ему воды, но она оказалась соленою так, что Евлогий не мог пить. Отчего это, отче, — спросил Евлогий Иосифа, — при нас вы не пели псалмов, а без нас поете, и вода нам подавалась свежая, а теперь мы находим соленую? Брат, вероятно, по ошибке подал воду, — отвечал Иосиф. Но Евлогий хотел прямого ответа, и Иосиф тогда сказал: научись, брат, что лучше скрывать свои подвиги, чем выставлять их на вид.

С Кассианом Иосиф беседовал о христианской дружбе. Основание дружбы полагает Иосиф в сходстве добрых нравов и стремлении к добродетели. Она бывает возможна только тогда, когда души друзей не имеют привязанности ни к чему в мире, отреклись от своей воли, умеют любви и миру жертвовать всем, что считают по-

лезным и необходимым, и твердо помнят, что им нужно умереть прежде, нежели кончится их дружба.

Одобряя христианскую дружбу, Иосиф более всего предостерегает от вражды и гнева. Средством к избежанию вражды и гнева он поставляет — не привязываться к своим мыслям предпочтительно пред мыслями других. Люди самые умные могут ошибаться в своих суждениях и потому должны поверять свои мысли мыслями других. Мало того, чтобы в молчании сносить противоречия и обиды, нужно, чтобы при этом и в глубине сердца оставался мир.

Сам Иосиф, скончавшийся уже в глубокой старости, достиг такого безстрастия, что мог уже пред другими исповедать, что он воцарился над страстями[1].



[1] Cass. Coll. 16. Достопамятные сказания о подвижничестве... с. 112–115.

ДИОЛК

Невдалеке от пустыни Панефис, близ одного из семи рукавов Нила, было небольшое селение Диолк. Здесь обитало множество пустынников. Одни из них жили в монастырях по уставу общежительному; другие, усовершившись в подвигах иночества общежительного, удалялись для совершеннейшей жизни в уединение и там проводили жизнь более небесную, чем земную.

Пустыня Диолк была как бы остров, окруженный с одной стороны Нилом, с другой Парфенейским морем. Грунт земли был песчаный и безплодный. Свежую воду нужно было привозить верст за десять путем трудным и гористым; только подвижники, ради спасения души готовые на все лишения, могли решиться обитать здесь. Старший и знаменитый из пустынников, здесь обитавших, саном пресвитер и настоятель иноков был Пиаммон. Кассиан сравнивает его с городом, который не может укрыться,

стоя вверху горы. Он разсказывает один поступок, свидетельствующий о скромности и смирении сего подвижника. Один брат принес ему гроздь винограду и вино. Пиаммон, 25 лет не бравший в рот вина, предпочел лучше нарушить свое воздержание, нежели дать знать о своем подвижничестве, и выпил принесенное вино. Руфин говорит об нем, что он был удивительный пресвитер, которого смирение и доброта были чрезвычайны, и что Дух Святый открывал ему тайны сердец. Во время гонения Арианского, когда многие пустынножители Египта осуждены были на рудокопные работы в Понте и Армении, Пиаммон посылаем был от верующих Египта с милостынею к ним[1].

Пиаммон беседовал с Кассианом о различных видах иноческой жизни. Первый вид иноческой жизни представляют киновиты, живущие в монастырях под руководством настоятеля, второй вид представляют отшельники, удаляющиеся в пустыню по пламенному желанию усовершенствовать себя в добродетели Начало жизни киновитской Пиаммон находит в Церкви Апостольской, в Иерусалиме.

Разслабление, мало-помалу проникшее в совершенное состояние иночества, породило

[1]Coll. 18. c. 1.

ложный вид иночества, который Египтяне называют Сарабаитами. Это люди, не имея искреннего благочестия, хотят только казаться ревнителями чистоты. Не желая отречься от своей воли послушанием уставу и благочинию монастырскому, не исполняя воли старцев, они удаляются в особые кельи, и всякий принимает на себя заботы о себе самом. Потому их иночество состоит только в одежде и внешнем отречении.

Пиаммон, конечно, не осуждает тех отшельников, которые жили в пустыне; потому что они подчинены были уставу, утвержденному в пустыне, жили под надзором старцев и пресвитера своей церкви, вместе составляли как бы общее собрание и соблюдали крайнюю нищету. Не осуждает он и тех отшельников, которые, после многих подвигов общежития, удалялись в уединение, чтобы жить в большем безмолвии и одним пребывать с единым Богом. Опаснее всего для юных пустынников следовать своей воле и своему разсуждению. С глубоким смирением нужно исполнять наставления старцев. Нужды нет, что иногда непонятною кажется причина их поведения или правил. Тот, кто без разсуждения следует воле и примеру старцев, находит просвещение в самом опыте и исполнении добродетелей.

Постоянный и истинный мир души, говорил Пиаммон, приобретается и сохраняется только

глубоким смирением. Для этого нет нужды в отдельной келье или уединении пустыни; ибо он не имеет нужды в помощи и поддержке чем-либо внешним, когда извнутри поддерживается добродетелью смирения, которая производит и сохраняет его. Если мы подвергаемся смущению, когда нападают на нас, очевидно, что основания смирения не утвердились в нашем сердце, и малейшего волнения достаточно, чтобы потрясти все здание нашей души. Невелико терпение быть покойным, когда нет нападений. Но истинное терпение является тогда, когда среди сильных искушений сохраняется мир души. Чем более по-видимому он уступает злу, тем более укрепляется и возвышается, и что по-видимому должно ослабить его, то удваивает его силу[1].

Невдалеке от Диолка был ещё монастырь Павла, в котором жило 200 иноков, высоких по добродетелям, проводивших жизнь общежительную. В числе сих иноков Кассиан указывает Иоанна, полного глубокого смирения, который затем и удалился в сей монастырь, чтобы жить в совершенном отречении от самого себя и всецелой зависимости от других. Первые тридцать лет после своего удаления от мира он провел в монастыре; потом с позволения своего Аввы

[1] Cass. Coll. 18.

удалился в пустыню, где провел двадцать лет, и потом опять возвратился в монастырь[1]. Отчего, — спросили его Герман и Кассиан, — отчего, отец, оставил ты высокую жизнь отшельника и захотел опять подчиниться правилам общежительной жизни? «Оттого, отвечал Иоанн, что почел себя неспособным к жизни отшельнической, недостойным высокого совершенства, и потому возвратился в училище юнейших. Немного испытанная мною чистота отшельнической жизни была возмущаема заботою о земных вещах, посему мне показалось лучшим возвратиться в киновию, чтобы удобнее исполнить легкое возложенное на себя дело, нежели подвергаться опасности быть неисправным в совершении высшего подвига. Ибо лучше быть исправным в низших званиях, нежели, проходя высшее звание, быть неисправным. Я испытал сладость отшельнической жизни. Если были люди, которые, усладившись безмолвием пустыни, забывали всякую связь с людьми и могли сказать с Пророком Иеремиею: *и дне человека не пожелах: ты веси* (Иер. 17, 16), то и я по дару благодати достиг или по крайней мере трудился достигнуть сего. Помню, по благодати Господа Иисуса, часто я приходил в такое восторженное состо-

[1] Cass. Coll. 19. cap. I–VI.

яние, что забывал, что я облечен бременем немощной плоти. И ум мой, оставляя внешние чувства, совершенно удалялся от всего вещественного. Тогда ни глаза мои, ни уши не видели и не слышали ничего, и дух мой так исполнялся Божественными размышлениями и духовными созерцаниями, что часто повечеру не знал я, принимал ли пищу, и на другой день вовсе забывал, разрешен ли пост или нет, — разве взгляд на корзину с хлебами, данными мне на неделю, напомнит об этом. Пока мало было отшельников в пустыни, мы свободно могли предаваться духовным созерцаниям без всяких забот. Но когда пустыня начала населяться братьями, от множества посещений и необходимо связанной с сим заботы о гостеприимстве охладел огонь Божественного созерцания, ум связался плотскими попечениями. Тогда я решился лучше оставить эту жизнь, нежели, проходя высокое звание, волноваться попечением о плотских нуждах. Если теперь нет у меня прежней свободы и духовных восторгов, то, чуждый попечения о завтрашнем дне, я утешаюсь тем, что исполняю заповедь Божию, и то, что отнимается у меня от высоты созерцательной, вознаграждается исполнением заповеди послушания. Ибо жалкое дело знать какое-либо искусство и не достигать в нем совершенства. Между тем в общежитии я

имел свои удобства для спасения. Тут нет забот о дневной пище, я не разжизался продажею и куплею, не заботился о годовом запасе хлеба, чтобы приготовить необходимое не только для себя, но и для приходящих. А сколько забот встречать, угощать, провожать приходящих, выслушивать беседы часто пустые, а душе не остается покоя. Наконец, нет превозношения похвалою от человеков, которая нередко уничтожает великие труды пустыни. Живя в общежитии, если я и утрачу сколько-нибудь чистоту сердца, то исполню заповедь Евангелия — не думать о завтрашнем дне, и повинуясь до конца жизни настоятелю, подражаю в некоторой степени Тому, о Ком сказано: *смирил себе, послушлив быв даже до смерти* (Флп. 2, 8); и могу смиренно сказать Его слово: *яко снидох, не да творю волю мою, но волю пославшаго мя Отца* (Ин. 6, 38) Цель пребывающего в киновии есть та, чтобы умертвить и распять все свои желания и, по спасительной заповеди о Евангельском совершенстве, не помышлять о завтрашнем дне. Этого никто не может достигнуть кроме пребывающего в общежитии. А совершенство отшельника состоит в том, чтобы иметь ум отвлеченный от всего земного и, сколько позволяет человеческая немощь, соединиться со Христом».

Редко одно и то же лицо достигает совершенства в обоих родах жизни. Но это не безпримерно — это мы видим в Моисее, в Святом Пафнутии, в двух Макариях. Сии великие пустынники, сохраняя безмолвие пустыни, вместе с сим с полною любовью принимали всех приходящих, так что трудно решить — величие их духа более ли высказывалось в созерцательной жизни в пустыни, или в подвигах жизни киновитской.

Во всяком случае неочистившемуся от пороков послушанием монастырским опасно удаляться в пустыню. Будучи несовершенны и слабы, они преклоняются туда, куда склоняют обстоятельства. Не имея терпения, досадуют на братьев, прерывающих их занятия, и, находясь в уединении, не сносят пустоты того самого безмолвия, которого ищут; потому что не знают даже и того, для чего должно искать уединения пустыни, и думают, что существенное достоинство сей жизни состоит в том, чтобы, уклоняясь от общества братьев, убегать людей и не видеть их. Если мы уходим в уединение, не уврачевав ещё грехов, то подавляется только их действие, но не истребляется страсть. Ибо ещё кроется в нас и даже разрастается неисторгнутый корень всех грехов. Так, если посещение брата и малейшее замедление его у нас мы принимаем с ка-

ким-то безпокойством встревоженного сердца, это дает узнать, что в нас есть огонь нетерпения. Если, ожидая прихода брата, мы досадуем на его замедление, и ум наш возмущается заботою ожидания, — это знак, что пороки гнева и печали остаются в сердце нашем. Если кто попросит у нас книгу или какую-либо вещь, и эта просьба опечалит нас, то очевидно, что в нас есть ещё страсти скупости или сребролюбия. Если нечаянная мысль или чтение Писания приведут на память чувственные представления, и мы ощутим себя в волнении, — это знак, что в нас не погас ещё пламень плотской похоти. Если при сравнении нашей более строгой жизни с слабою жизнью других хотя малейшее возношение коснется нашего ума, нет сомнения, что мы заражены язвою гордости. Хотя в другое время мы и не ощущаем движения сих страстей, но сии опыты должны убедить нас, что в нас нет страсти, а только действия греха. Страсти сии, если придется быть с людьми, вдруг выступая из пещеры чувств, доказывают, что они не рождаются тогда, как проторгаются, а только обнаруживают себя, быв долгое время сокрыты.

Святой инок указывает и способы врачевания себя от искушений пустынного жития — такие способы, которые с пользою могут служить всем, желающим исправлять свои недо-

статки. Бог, говорит он, никогда не откажется врачевать душу, если она ищет врачевства от своих немощей и если, не оставляя заботы о своем спасении, открывает ему свои тайные язвы, охотно подчиняется покаянию и если, обращаясь к Нему с своими слабостями и пороками, соделанными по неведению, заблуждению или как бы по несчастной необходимости, всего ожидает от небесного Врача, к Которому прибегает со смирением.

При готовности к исправлению, усматривая в себе какие-либо пороки, мы должны упражняться в добродетели противоположной. Так, чувствующий себя подверженным гневу должен сначала часто представлять себе обиды, потери и оскорбления, какие могли бы встретиться с ним со стороны людей, как будто бы они действительно с ним случились, и, мало-помалу приучая свой ум к сим неприятностям, пусть помыслит, с какою кротостью, терпением и смирением должен он решиться все переносить. Потом пусть обратит взор свой на все заушения и мучения, какие терпели святые и Сам Спаситель, и, признаваясь, что страдания их несравненно более его скорбей, пусть приготовит сердце свое ко всем печалям и бедствиям, какие могут случиться. Когда после сего он приметит, что при легком оскорблении возникло в душе его не-

большое волнение, пусть тогда строго и неумолимо судит себя; пусть оживит в памяти своей те обиды, которыми он научал себя к терпению. И, воспоминая о сем, пусть с упреком спрашивает себя: я ли это так слаб и ленив? Я ли это, который в тишине моего уединения обещался мужественно терпеть все скорби? Куда же делось это непобедимое терпение, когда я не мог перенесть и легкой насмешки? Каким образом душа моя, по-видимому столь решительная и столь хорошо приготовленная к борьбе, положила оружие при малейшем приближении врага или тени его? Полезно будет после сего безпорядочного движения духа нанести наказание телу. Пусть отшельник укрощает его более строгим постом, продолжительными бдениями и сими подвигами в уединении пустыни восполнит то, что должен был очистить, когда жил ещё в монастыре. Наконец, пусть твердо помнит, что закон Божий не только запрещает мстить за обиды, но и вспоминать об них и никак не гневаться за оскорбление.

Но в случае возникновения нечистых плотских представлений безопаснее тотчас изгонять из ума нечистые образы и всем сердцем отрицаться от них. Ибо может быть вред для души, если мы будем оставаться на таких представлениях, хотя бы под предлогом борьбы.

Таким образом, в совете опытного старца можем усмотреть мы следующие средства к очищению наших пороков: 1) прибегать к Богу с искренним сердцем и справедливым упованием на Его безконечную благость. И Он, видя наше желание исправиться, поможет нам Своею благодатью; 2) сознавать наши грехи, не ослабевая и не впадая в уныние; 3) возбуждать себя к исполнению добродетели, противоположной нашим слабостям, и противиться порокам; 4) внимательно бдеть над собою, и если мы погрешаем, требовать у самих себя отчета, упрекать себя в слабости и наказывать свою леность подвигами телесного покаяния по наставлениям мудрого руководителя. Поступая так, можно скоро успеть в исправлении своих немощей и утвердиться в противоположных им добродетелях[1].

Вблизи Диолка в пустыни обитали старцы Макет и Авраам. Ненавидя пустые беседы, Макет испросил себе у Бога дар засыпать тогда, когда начнутся пустые разговоры, и не знать сна во время бесед духовных. Демон, говорил он, ненавидит духовные беседы. Но он чужд был порока осуждения других. Некогда он осуждал братьев за то, что они прибегают к врачам во время болезни, покрываются одеялом и благо-

[1] Cass. Coll. 19.

словляют елей для мирян. Но, по устроению Промысла, подвергнувшись и сам всему этому, научился не осуждать ни в чем.

Авраам, прозванный младенцем за свою простоту и незлобие, строгий подвижник пустыни, был украшен даром чудотворения. Как он понимал обязанности инока, показывает его беседа с Кассианом.

Для инока мало, говорил он, однажды в начале своего обращения отречься от всех вещей, если не будет тверд в сем расположении. До последней минуты нашей жизни мы должны говорить с пророком: *дне человека не возжелах: ты веси* (Иер. 17, 16), и Спаситель в Евангелии заповедует желающим последовать Ему постоянно нести крест Свой. Вот почему для желающего приобрести чистоту сердца весьма важно выбрать такое место, которое бы не искушало его желанием выходить из своей кельи, дабы прекрасные виды природы не развлекали сосредоточенности его мыслей, не совратили прямого направления его мыслей и не заставили его потерять из виду той цели, которую он всегда должен представлять себе. При всем внимании и бодрствовании нельзя избежать сего, если только не заключены будут душа и тело в стенах кельи, дабы инок, наслаждаясь неземным покоем, упражняясь в рукоделии, мог бдеть над

своим сердцем, отвергать худые помыслы и питать добрые. Постоянно пребывающий на сей страже помыслов исполняет сказанное пророком Аввакумом: на страже моей стану и взыду на камень и *посмотрю еже видити, что возглаголет ко мне и что отвещаю на обличение мое* (2, 1). Правда, это трудно, как свидетельствуют. Но сильно обманываются те, которые в то время, когда леность и малодушие воюют на них в кельях, думают облегчить свои скорби, уходя в поле. То, от чего они ожидают врачевства, делается для них причиною большей болезни. Они подобны больным горячкою, которые стаканом воды думают утишить внутренний жар. Но после минутного облегчения болезнь только усиливается. Инок все свои помыслы должен соединять в Боге. Как желающий устроить свод по вернейшему правилу и по науке строения определяет равенство круглоты; так и ум наш, если не будет около единой любви Божией как неподвижно утвержденного средоточия, обводя по всем моментам наших дел и предначинаний верным, скажу так, циркулем любви каждый помысл по его качеству, или замыкать в круг или оставлять вне его; то не совершит благоискусно строения духовного здания[1]. Не ду-

[1] Coll. 24. c. VI.

майте, чтобы труден был путь добродетели. *Иго Мое благо и бремя Мое легко есть,* сказал Спаситель (Мф. 11, 30). Опыт достаточно дает нам познать истину сего изречения, если мы как должно и по заповеди Спасителя вступим на путь совершенства. Мы испытываем эту благость и легкость ига Христова, умерщвляя наши желания, отсекая нашу поврежденную волю, отрекаясь не только от благ мира, но и от самих себя. Ибо что может быть трудным и тяжким для того, кто всем сердцем принял на себя иго Иисуса Христа, кто утвердился в совершенном смирении и, помышляя всегда о злостраданиях своего Спасителя, утешается поношениями, какие терпит по примеру Его? Подобно Апостолу Павлу, он радуется среди немощей, обид, нужд, преследований. Какое лишение может огорчить того, кто, не считая ничего своим, с тем же Апостолом говорит: ничтоже принесохом в мир сей, яве, яко ничтоже изнести можем? Какая нищета может ослабить того, кто не имеет ни лишней одежды, ни имущества и славу свою полагает в том, чтобы переносить и холод и голод? Какое приказание начальника может возмутить спокойствие того сердца, которое не имеет своей воли, повинуясь не только с терпением, но и с радостью, что бы ни приказали ему? Если иго Христово кажется нам тяжким, то потому, что

не покорны воле Божией и имеем свои желания. Усеявая сами желаниями, как бы камнями, путь наш, мы делаем тяжким стези Спасителя, которые ровны. Мы оставляем царский путь, уравненный стопами Спасителя и Его святых, и ищем путей кривых, полных терний и волцев, где мы раздираем брачную одежду, которую получили от Спасителя, когда посвятили себя на служение Ему.

Наконец, если хотите сравнить благоухание девства и цвет чистоты с тиною нечистых страстей; — тот чуждый заботы покой, которым наслаждается пустынник, с опасностями и безпокойствами, коими терзаются люди мирские; — мир, коим сопровождается наша бедность, с безпокойством, какое сопровождает богатство; — вы поймете, что благо иго Христово и легко бремя Его[1].

[1] Cass. instit. L. V. Collat. 24

ПУСТЫНЯ КАЛАМ, ИЛИ ПОРФИРИОН

К городу Панефизу прилежала пустыня Калам. Кассиан пишет, что живущие в пустыне Калам отстояли далее от жилищ человеческих, нежели обитатели пустыни Скитской: потому что они, пройдя семь или восемь дней пути чрез степь, достигали своих жилищ. Иноки не могли добывать здесь себе пропитания плетением корзин, потому что за провоз их дороже просили, нежели чего они стоили. Потому они занимались земледелием и садоводством.

В числе подвижников Калама Кассиан упоминает об Авве Павле. Живя среди уединения и безмолвия, он, ревнуя о чистоте сердца, не желал смотреть не только на лица, но и на одежды женские. Конечно, забота о чистоте сердца была в основании сего удаления, но вместе с тем его отвращение доходило до излишнего. Потому Господь особыми путями исцелил его от его заблуждения. Однажды вместе с Аввою Архивием,

обитателем той же пустыни, он пошел в келью одного старца. На пути им встретилась женщина. Авва Павел бросился назад в свою келью и остался там. Но здесь его разбил паралич так, что он не мог двинуться ни одним членом. Необходимость заставила отдать его в киновию жен, чтобы они ходили за ним. Четыре года до самой смерти его они пеклись об нем. Присутствие благодати Божией открылось в нем так, что больные, мазавшиеся елеем, который касался почти бездушного тела, получали исцеление[1].

[1] Cass. Coll. XXIV. c. 4. De coenob. inst. Lib. X. c. 24. Coll. III. c. 5. Collat. VII. e. 26.

СВЯТОЙ ИСИДОР ПЕЛУСИОТ

Между подвижниками, которые в четвертом и пятом веке украшали Александрийскую церковь, особенным характером и образом деятельности отличался преподобный Исидор Пелусиот.

Несмотря на то, что слава Исидора, по свидетельству Евагрия, повсюду распространена была его словами и делами[1] и на его обширную известность у современников указывают его письма, писанные более нежели к пятистам шестидесяти различным лицам, сведений об его жизни сохранилось весьма мало. Его письма знакомят с духом его, но не с обстоятельствами его жизни.

Исидор был уроженец Александрийский и происходил из фамилии благородной и богатой, бывшей в родстве с Патриархами Феофилом и Кириллом[2].

---

[1] Ruf. Hist. mon. c. XII. Sozom. L. VI. c. 28. Niceph. L. II. c. 34. Cassiod Hist. Trip. L. c. 1.

[2] Hist. Eccl. L. 1. c. 15.

Воспитание, полученное им, соответствовало его рождению. Из самых творений Исидора видно, что он был тщательно образован в философии греческой, основательно знал историю, классических ораторов и поэтов. Но не в сем заключалась образованность, его прославившая[1].

Если из писем Исидора видно его знакомство с греческой литературой, то ещё более видно, что главным предметом его упражнения было Священное Писание. Он осуждал сам, побуждал и других всеми силами противодействовать объявшей всех в его время страсти к изучению исключительно языческой словесности. Сильная страсть к изучению словесности, писал он к Епископу Елафию, объяла в наше время души людей; разумею словесность не ту, которая уцеломудривает, но которая забавляет слушателей, не духовную, но софистическую, не Апостольскую, но демонскую, не пророческую, но любопрительную, не

---

[1] Историк Никифор называет Исидора Пелусиота учеником святого Иоанна Златоустого, вероятно потому что Исидор усердно изучал творения сего вселенского учителя, от чего в истолковательных письмах Исидора встречаются не только мысли, но и выражения, сходные с Златоустовыми; а может быть и потому, что Исидор лично слышал несколько поучений и наставлений св. Иоанна или в церкви, или в домашних беседах. В сем последнем смысле и блажен. Иероним называл себя учеником св. Григория Богослова.

ту, которая может возбуждать душу, но которая обыкновенно ласкает слух, не живую, одушевленную делами говорящего, но принимаемую ради сладкозвучия мертвым слухом[1]. Не пренебрегая мирскою образованностью, Исидор глубоко сознавал безконечное превосходство мудрости христианской[2]. Не холодным умом, но живым чувством веры он старался усвоить истины веры.

Изучение Священного Писания и деятельное упражнение в заповедях его скоро убедили Исидора в суете всех земных благ. Это убеждение так часто и так живо высказывается в его письмах, что без сомнения оно было глубоко усвоено его сердцем. Непрочно то богатство, на котором нет благословения Божия. Оно часто теряется и погибает вместе с его обладателями, как безплодное полевое растение, вредное для соседственных с ним деревьев. И мудрость мирская, если не украшается мудростью Божественною, не полезна, как ничем не обузданная. Все непостоянно для тех, которые сами непостоянны для Бога[3]. Ни богатство, ни красота, ни крепость сил, ни красноречие, ни даже самое блистательное достоинство не делают почтенными людей так, как доброде-

---

[1]Lib. V. ep. 201.

[2]Lib. IV. ep. 114. 122. 140.

[3]Lib. 5. ep. 172

тель и любомудрие[1]. Они скоро увядают и исчезают подобно дыму; не безумие ли чем-либо из сего хвалиться и тщеславиться? Всего этого человек лишается и в сей жизни, непременно все это оставит, когда умрет. Хвалиться сим то же, что хвалиться тенями и пустыми сновидениями[2]. Люди, жадные к деньгам и хищению, подобны малым детям, которые небрегут о том, чего действительно надобно бояться, — так что иногда влагают руки в огонь, а пустых призраков ужасаются и трепещут. Ибо бедности, которая ничего в себе не имеет страшного, а ещё учит смиренномудрию, боятся, напротив богатство неправедное весьма много почитают, — богатство, которого бояться должно больше, нежели огня[3]. Отчего мы враждуем между собою? Оттого что богатству, славе и другим благам настоящей жизни приписываем великую цену. Ибо если бы мы научились почитать их за ничто и презирать, то не объявляли бы один другому непримиримой вражды и войны, а хранили бы между собою мир и любовь, коими прекращаются всякие несогласия и брани[4].

---

[1] Lib. III. ep. 251.

[2] Lib. 5. ep. 3.

[3] Lib. 2. ep. 257.

[4] Хотя в письме к Тавмазию (Lib. 1. ep. 402.) Исидор упоминает о своем уединении (ἀναχωρησις) и отсюда по

Зная цену истинной мудрости и суету всего земного, Исидор решился посвятить себя Богу. Оставив дом своих родителей и богатое свое наследие, он удалился в северные пределы Нижнего Египта и поступил в монашество. Местом для своего подвижничества он избрал гору, находящуюся близ города Пелузии при восточном устье Нила, где обитало уже много пустынников[1]. Это та пустыня Лихной, которую после смерти Антония Великого посещал Иларион[2].

Здесь с ревностью Исидор предался подвигам иноческой жизни и добродетели. Он так изнурял плоть свою трудами и так утучнял душу возвышенными помыслами, пишет Евагрий, что на земле приобщался жизни Ангельской и постоянно был живым памятником монашеского жития и Богосозерцания[1]. Он решился в своей пустыне следовать строгой жизни Иоанна Крес-

---

видимому можно заключать бы, что он был отшельник, но в письме к Коллиопию прямо говорит, что, оставив городскую жизнь, он вступил в монастырь (Lib. 1. ep. 191), и убеждает Кратина подражать сей жизни (Lib. 1. ep. 266).

[1] Hieron vita Hilarion. Что Исидор жил не в самом городе Пелузии, видно из письма его к Евсевию, Пелузийскому Епископу (Lib. 1. ep. 39), где Исидор пишет: ты строил, как сказывают, церковь в Пелузии.

[2] *Evagr.* H, E. Lib. 1. c. 15.

[3] *Evagr.* Lib. 1. c. 15.

тителя. В самом деле он одет был одеждою из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Все его имущество состояло в одной этой одежде, и он был столько доволен своею нищетою, что, когда один из друзей его Зенон прислал ему новую одежду, прося его молитв, он, отсылая ему старую, благодарил его за то, что он доставил ему средство защититься от холода и что исполнил совет Иоанна Крестителя: *имеяй две ризы да подаст не имущему*[1].

Сначала он, сколько возможно было, удалялся от сношений с людьми, чтобы тем ощутительнее вкушать сладость созерцательной жизни. Этому строгому уединению, как сам он признавался, он обязан познанием предметов Божественных[2].

Строгая жизнь Исидора обратила на него внимание братьев, привлекла их доверенность, и он избран был настоятелем обители и рукоположен был во пресвитера[3]. Как настоятель мо-

---

[1] Lib. 1. ep. 216. 475.

[2] Lib. 1. ep. 402.

[3] В письме к Теразию Исидор называет себя учителем Церкви, поставленным от Самого Бога (Lib. 1. ep. 388). Архимандриту Луке пишет о монахе, который из монастыря Луки пришел в его монастырь (Lib. 1. ep. 318). Лампедию он пишет, что если он будет держаться ереси Манеса, то никто из его монастыря (ημετέρας μανδρας,) не

настыря он возставал против обычая иноков ходить в город для покупки вещей необходимых, — обычая, по словам Исидора, опаснейшего для подвижников[1]. Он не допускал в свой монастырь людей бродящих, которых только привлекала необходимость, а не любовь к отшельничеству, и изгонял из него порочных, которые не подавали надежды исправления[2]. Скромность в одежде уединенное подвижничество, добродетель безстрастия, соблюдение безмолвия, скудость в пище, благотворительность к бедным и успокоение странников — вот сокращение правил, которые Преподобный Исидор внушал своей братии, и в исполнении которых сам всегда служил живым примером. «Изорванная одежда,

---

разделит с ним трапезы (Lib. 1. ep. 52). В письме Дидиму пишет, что клеветников он будет отлучать от общества (Lib. 11. ep. 182). Все это показывает, что он был настоятель монастыря. Никифор называет его Престоятелем (καθηγησάριενος) горы Пелузийской. У древних писателей он называется пресвитером и настоятелем (Sermondus ad. facundi. trium. cap. definsi Lib. 2. c. 4. opp. vol. 11. p. 458. Var. patr. epp. edita a Christiano fupo. Cap. VI, p. 22). Правда, что в письме 121-м кн. 1-й Исидор упоминает о настоятеле монастыря Пелузийского отличном от него, но это было вероятно в то время, как Исидор от гонений удалился в пустыню, или писал это письмо тогда, как сам не был в обители.

[1] Lib. 1. ep. 220.

[2] Lib. 1. ep. 262, Lib. 11. ep. 182.

писал он Пелузийским монахам, не есть, братья, истинный знак подвижничества. Пребывание в городском шуме не показывает любви к отшельничеству. Никто, сам завязнувший в терниях сладострастия, не проводит бразды Христовой. Не может успеть в мудрости занимающийся словопрением. Кто ищет сладких и приятных яств, тот не способен к воздержанию. Итак, если мы хотим подвизаться должным образом, то будем совершать подвиг добрый скромною одеждою, уединенным бдением, добродетелью безстрастия, соблюдением безмолвия и скудостью пищи»[1].

Однажды Исидор, услышав, что некоторые братья часто бывают в городе, ходят в баню и ведут себя безпечно, пришел в собрание и снял с них монашеские одежды. Но после больно стало сердцу его, и он раскаялся. Волнуемый помыслами пришел он к Авве Пимену, неся с собою и левитоны братьев, и разсказал старцу о деле. Старец спросил его: нет ли и в тебе чего-нибудь от ветхого человека? Совлекся ли ты его? Пресвитер отвечал: и во мне есть ветхий человек. Старец сказал ему: вот и ты таков же, как и братья. Если и немного имеешь ветхости, уже подлежишь греху. Тогда пресвитер пошел от старца и, призвав к себе братьев, просил у них

[1] Lib. 1. ep. 220.

прощения (их было одиннадцать), облек их в монашеские одежды и отпустил[1].

С неутомимою деятельностью занимаясь устроением внутреннего порядка в обители, преподобный Исидор столь же ревностно подвизался для славы и благосостояния всей вообще православной Церкви. От чтеца до епископа, от простого воина до Императора не было ни одного состояния, из которого кто-нибудь не слышал бы его наставления. Ко всем он писал поучительные письма. Одним подавал советы, как друг; иных учил, как отец; одних обличал, как строгий судья; других укреплял словом Божиим, как Ангел Утешитель.

Горестное состояние Церкви и общества были причиною того, что св. Исидор во многих письмах дозволял себе строгие и дерзновенные обличения. Догматы веры были извращаемы различными ересями. Тогда, как последователи Монтана, Новата, Ария, Македония, Фотина ещё находили себе многих приверженцев, явилась

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 230. 11. Хотя Пресвитер Пелузийский и не назван по имени, но, соображая современность пребывания Пимена в Нижнем Египте с настоятельством в монастыре Пелузийском преп. Исидора: и то, что он в письмах своих восставал против указанных здесь обычаев, и принимая во внимание, что сей Пресвитер, по-видимому, пользовался великим уважением, можем признать вероятным, что это был Исидор.

ересь Нестория, много смущения произведшая в церкви Александрийской, ещё волнуемой спорами оригенистов и антропоморфистов и враждою некоторых в Александрии против Иоанна Златоустого. Сильное волнение, возбужденное против ереси Нестория, увлекло некоторых противников его в другую крайность и приготовляло почву, на которой быстро должны были возрасти плевелы лжеучения Евтихия. Египет опять под владычеством Фараона, писал Исидор к Епископу Гермогену, не на пришлых сынов Иакова налагает он труды построения городов, но от всех сильных требует подати ересей[1]. В то же время в Церкви явились безпорядки другого рода. Многие за деньги достигали степеней священства и своею жизнью позорили свой сан. Справедливо пишешь ты, говорит Исидор в письме к Епископу Леонтию, что много появилось ныне безпорядков в Церкви. Ибо там, где слышится имя мира, совершаются дела брани. Это произошло оттого, что люди, облеченные достоинством учителей, сами подвержены многочисленным порокам. Я не буду подробно перечислять сих пороков, упомяну только об одном препохвальном, великом и важном деле, которое Апостолов соделало светильниками вселенной

[1]Lib. 1. ep. 419.

и пренебрежение коего произвело столько беспорядков в Церкви. Во времена Апостольские на степень священства возводимы были любители добродетели, а ныне получают оное сребролюбцы. Тогда избираемы были люди, уклонявшиеся сего сана по великой высоте начальства, с ним сопряженного, а ныне домогающиеся его для приобретения способов роскошной жизни; тогда те, которые поставляли себе в честь произвольную нищету, а ныне те, которые, совершенно предавшись любостяжанию, стараются обогатить себя; тогда те, которые непрестанно имели пред очами суд Божий, а ныне те, которые вовсе не помышляют о нем; тогда те, которые охотно переносили всякие оскорбления, а ныне те, кои сами готовы обижать других. Но что много говорить? Очевидно, что ныне звание священное сделалось средством к преобладанию, от смирения перешло к гордости, от воздержания к роскоши, от кроткого попечения о доме к самовластию. Ибо ныне священники не хотят управлять, как домостроители, но распоряжаются всем как полновластные владыки. Впрочем, и ныне есть такие священнослужители, которые живут по примеру Апостолов, но не смеют открыть уст своих, а потому и они заслуживают укоризну за то, что, боясь толпы развратных, вопреки своему долгу нерадят об исправлении столь великого

зла[1]. Церковь, пишет в другом письме Исидор, подобна жене, лишившейся своего прежнего благосостояния и имеющей ещё памятники его. Одни дерзают продавать священство, другие покупать. Одни делают то, о чем говорить не смею; другие говорят то, что и думать непозволительно. Посему справедливо Господь и Жених церкви угрожает им: *приидет господин раба того, и растешет его и часть его с неверными положит* (Лк. 12, 46). Но они считают эту угрозу за басню, хотя мир уже приближается к концу и готов родить наказание[2]. В таком жалком положении была и Пелузийская церковь, к которой принадлежал Исидор. Во главе её стоял тогда Епископ Евсевий, который своею порочною жизнью произвел крайние безпорядки в Церкви[3]. Украшая по тщеславию храмы, лишал Церковь лучшего ея украшения — мужей достойных и принимал порочных[4]. В наше время, писал по этому случаю Исидор, храмы украшаются сверх потребности, а над церковью шутят. Что касается до меня, то я лучше желал бы быть в те

---

[1] Lib. 5. ep. 21.

[2] Lib. 3. ep. 408.

[3] Lib. 1. ep. 28. 29. Лекен называет Евсевия еретиком. Oriens christ. T. II. p. 533.

[4] Lib. 1. ep. 177.

времена, когда храмы не были так украшаемы, а церковь была преисполнена Божественных и небесных даров[1].

Из клира Евсевия были те люди, против которых так сильно возставал Исидор, именно: Зосима, Марон, Мартиниан, Пансофий, Лукий, Херемон, Евстафий, Палладий[2]. Одни из них получили сан симониею, другие продавали посвящение[3]. Были между ними и такие, которые по своим преступлениям подлежали наказанию по гражданским законам[4]. Худой выбор лиц священных наполнил Пелузийскую церковь такими безпорядками, что даже верующие отдалялись от Церкви, не желая из рук нечистых принимать святыню. Но все эти безпорядки происходили в глазах язычников и Иудеев — врагов христианства. Тогда как язычники, и из числа их особенно знаменитая Ипатия, дочь философа Феона, старались очистить нравственность языческую, чтобы противопоставить свое неоплатоническое учение христианству, и, указывая на безпорядки христиан, удерживали многих в язычестве; Иудеи, так мало умевшие скрывать свою ненависть к хрис-

---

[1] Lib. 2. ep. 246.

[2] Lib. 1. ep. 121.

[3] Lib. 3. ep. 30. 177. 331.

[4] Lib. 2. ep. 37. 127.

тианству, что в открытом возмущении пытались истребить всех христиан в Александрии, с злобною радостью смотрели на пороки в обществе христианском, за усиление которых св. Исидор упрекал лица священные. Он писал к Нилу схоластику: призванные к тому, чтобы сражаться за Почтившего их честью, делают то, что служит к Его оскорблению. Можно ли не обвинять тех, которые оружие священства вооружают против вооружившего их и тем отверзают неверным уста к злословию?[1]

Недоставало благочиния и в жизни иноческвующих. Одни, не занимаясь рукодельем, проводили время в праздности[2], другие переходили с места на место, ища не назидания, но изысканной пищи, или ходили без нужды в селения[3], иные дозволяли себе щегольство в одежде[4].

Много безпорядков было и в гражданском обществе. Правители, присылаемые в провинции, смотрели на свою должность, как на средство к обогащению.

В частности, правитель Кирений, принимая доносы, не только не позволял оправдываться

---

[1] Lib. 5. ep. 272.

[2] Lib. 1. ep. 49. 298.

[3] Lib. 1. ep. 41. 173. 314.

[4] Lib. 1. ep. 498.

обвиненным, но и лишил Пелузийцев права убежища в церкви[1]. Он обременял тяжкими поборами поселян, так что очень многие из них бросили свою страну и бежали из отечества; не только отнимал имущества у частных лиц, но посягал на имения церквей и благотворительных заведений, раскапывал гробы, покушался расторгать союзы супружеские[2]. Много зла причинил Пелузии и Квестор Аспиан, сам воспитанный в Пелузии. Он наклеветал, по словам Исидора, на граждан в уши юного и весьма доверчивого Императора[3].

Такое состояние Церкви и общества служит самым лучшим объяснением тех резких обличений, которые встречаются в письмах Исидора. Ревность по славе Божией изощряла перо его и поражала пороки без лицеприятия. Все соединилось, чтобы дать ему власть над умами современников: его благородное происхождение, богатства им оставленные, путь самоотвержения, на который он вступил, строгость его жизни, ученость им приобретенная, редкий дар пользоваться ею с силою и его пламенная любовь к Богу и ближним, которая побуждала его изобличать

---

[1] Lib. 1. ep. 174.

[2] Lib. 1. ep. 487. 490.

[3] Lib. 1. ep. 275.

грехи в знатных и незнатных людях, в высшем и низшем клире, в правителях и начальниках, равно как и в простом народе.

Он писал к Императору Феодосию, убеждая его к кротости и щедрости[1]. Писал и к Антиоху, столь могущественному Евнуху Феодосия. Тебе, постоянно упражняющемуся, как слышу, в чтении Священного Писания, должна быть известна история дивного Даниила, что он среди волн заблуждения не только не сделался пленником страсти, даже не прикоснулся общих брашен, которые не вредили вкушавшим их. Поелику ты не только министр царства, но и управляешь им, как хочешь, то постарайся укрепить справедливость, находящуюся в изнеможении или лучше при смерти, дабы обрести себе благоприятным судилище праведное, хотя теперь ты, может быть, и не часто помышляешь об нем, ослепленный скоропреходящим блеском[2].

Узнав, что Кирений лишил Пелузийцев права убежища в церкви и не позволял обвиненным от доносчиков оправдываться, Исидор писал к нему: это не только несправедливо, даже нечестиво. Если ты не позволяешь оправдываться и не дозволяешь искать убежища в церкви,

---

[1] Lib. 1. ep. 35.

[2] Lib. 1. ep. 36.

то этим поощряются клеветники и умножается число несправедливостей. Как ты сам узнаешь правду? Как спасешь обиженного, который, чтобы не быть жертвою сильного, когда недоступен судья, прибегал к безопасному убежищу церковному? Извиняешься тем, что это служит предлогом к продаже правосудия. Уменьши жестокость, и будет мало продажи[1]. Кирений, оскорбленный письмом, вероятно, советовал Исидору не вмешиваться в его дела. Но это не остановило ревности. И знаю свою меру, писал он Кирению, ещё и призван обличать лукавых. Если ты не хочешь, чтобы говорили о том, что ты делаешь, перестань делать, и не будут говорить. Ибо кто не стыдится делать, не должен огорчаться, когда дело называют по имени. Если одно название считается обидой, то не тем ли более обида самое дело?[2] Когда внушения Исидора остались безплодными, он обратился с ходатайством к Руфину, правителю Империи при Аркадии. Грехи ли Пелузийцев или важные дела Римлян, которыми занимаешься, были причиною, что тебе, милостивому благодетелю, осталось неизвестно, как Кирений достиг власти и как жестоко управляет. Ибо взятки тяжкие; бедность великая, несправедливости частые; церковь не может по-

[1] Lib. 1. ep 174.

[2] Lib. 1. ep. 175.

мочь; исчезла справедливость; закон неведом. Или лиши его власти, или вы вместе будете отвечать пред судом Божиим[1].

Ходатайство Исидора вероятно имело успех. Он с радостью приветствует Пелузийцев с новым правителем. Бог ещё печется о Пелузийцах; семя благочестия ещё действует в них, ещё предстательствуют о несчастном городе покровители — мученики. Идет дивный Симплиций принять над вами начальство. Я благовествую вам другую жизнь. Примите с радостью мужа, откройте ему чистосердечно все скорби. Он имеет и ум мудрый и сердце благочестивое и облегчит ваши труды. Ибо Богом силен он, у него просит и силу сделать добро для многих[2].

Прежде назначения Симплиция разнёсся было слух, что в Египет назначается правителем опять Кыирений, Исидор писал к Синезию, Селевку, Исидору, Флоренцию Архонтию, Катиллиану и Руфину, сильным и знаменитым мужам того времени, чтобы они избавили страну от несчастия иметь такого правителя[3].

Более чем к сорока высшим лицам гражданским обращены письма Исидора, то содержащие обличение, то наставление в управлении,

---

[1] Lib. 1. ep. 178.

[2] Lib. 1. ep. 226.

[3] Lib. 1. ep. 483. 484. 485. 486. 487. 489. 490.

то научение в истинах веры и нравственности. Претору Диофанту писал он: кратковременна не только власть твоя, но и самая жизнь. Зачем же ты грешишь без конца, в малые часы приготовляя себе вечное наказание? Узнав всю многомятущуюся и скоропреходящую неверность вещей, старайся лучше славиться добрыми делами, за которые и здесь бывает похвала, и будущие награды не пропадают[1].

В письмах к Префекту Тавру Исидор внушал, что честь начальника состоит в том, чтобы заботиться не о своей пользе, но о пользе подчиненных; чтобы он избирал себе в помощники таких, которые бы любили истину и не жадны были к деньгам, чтобы во время суда тщательно исследовал дело, выслушивал оправдание и полагал наказание, соответствующее вине[2].

Но более гражданских дел занимала Исидора судьба Церкви. Опровергая во многих письмах заблуждения язычества и Иудейства, Исидор особенно старался о водворении мира в церкви. По случаю низложения св. Иоанна Златоустого с престола Константинопольского преподобный Исидор сильно обличал Феофила, Архиепископа Александрийского, в несправедливом гонении на

---

[1] Lib. 1. ep. 31.

[2] Lib. 3. ep. 194. 365. Lib. 5. ep. 40.

сего святого[1]. По смерти Феофила Исидор с большим успехом писал о Златоустом к св. Кириллу Александрийскому. Получив от Кирилла Александрийского письмо, в котором он называл Исидора отцом своим, Исидор, делая применение к сему, отвечал: Меня устрашают примеры Божественного Писания; я по необходимости пишу к тебе то, что нужно. Если я отец твой, как ты сам говоришь, то боюсь казни, какой подвергся Илий за то, что не вразумлял порочных детей. Если же я сын твой, каковым я всегда признаю себя (ибо ты носишь на себе образ великого Марка), страшусь участи Ионафана, не воспрепятствовавшего отцу, когда сей искал чреволшебницы, имея возможность предотвратить преступление; он пал на сражении прежде самого преступника (1 Цар. гл. 28 и 31). Прекрати раздоры, дабы и мне не подпасть обвинению и на тебе не отяготел суд Божий[2]. Вообще Исидор был ревностным защитником Златоустого. Не иначе как с восторгом он отзывается о его писаниях. Писания Иоанна, так он говорит в одном из своих писем, сего несравненно мудрого мужа, распространились повсюду. Слава их проникла во все страны даже до пределов земли. Ибо кто остался бы нетрону-

[1] Lib. 1. ep. 152.

[2] Lib. 1. ep. 370.

тым при чтении их? Кто из родившихся после него не почитал своим долгом благодарить Божественное Провидение за то, что родился в такое время, когда мог ими пользоваться? Кто не испытал силы этой Божественной лиры, превосходящей баснословную лиру Орфея? Ибо не бессловесных зверей пленял он своею музыкою, но укрощал людей с зверскими нравами, переменяя их зверство в кротость, простоту и согласие[1]. Говоря о Златоустовой книге о Священстве, он выражается так: Всякий при чтении её проникается любовью к Богу. Он не только дает понять все величие и достоинство священства и то, как трудно сделаться достойным его, но показывает ещё, сколь святу должно быть, чтобы желать его. Все пресвитеры могут найти в сем сочинении и добродетели, какие им нужно исполнять, и пороки, которых нужно избегнуть[2]. Говоря о толковании Златоустого на послание Апостола Павла к Римлянам, Исидор замечает, что это толкование преимущественно обогащено мудростью премудрого Иоанна[3]. Убеждения Исидора так подействовали на св. Кирилла, что он включил имя Златоустого в диптихи церковные.

---

[1] Lib. 4. ep. 224.

[2] Lib. 1. ep. 150.

[3] Lib. 5. ep. 32.

Когда Кириллу Александрийскому надлежало отправиться в Ефес на собор Вселенский, созванный Императором Феодосием по случаю возникшей ереси Нестория, Исидор в кратком письме к св. Кириллу изложил сущность догмата, о котором надлежало разсуждать на соборе, то есть что соединение двух естеств во Христе должно признавать со времени Его воплощения, и одобрил ему в руководство при совещаниях труды св. Афанасия[1]. По сему же случаю писал Исидор и к Императору, прося его или лично присутствовать на соборе для сохранения порядка в оном, или предписать, чтобы чиновники его не вмешивались в разсуждения о догматах[2].

Не против одной ереси Нестория вооружался Исидор. Все, писал он, к Божественному учению Апостолов примешивающие свои догматы, как-то: Манесы, Симоны, Монтаны, Новаты, Арии, Македонии, Фотины и другие подобные, суть *корчемницы,* по словам Исаии (1, 22), *мешающие вино с водою* и чрез это делающие его худшим[3]. Христос придет во славе, чтобы заградить им уста[4]. Посему как врагов спасения, как вра-

---

[1] Lib. 1. ep. 323.

[2] Lib. 1. ep. 311.

[3] Lib. 1. ep. 162.

[4] Lib. III. ep. 168.

гов Божиих Исидор сильно обличал Ариан[1], Савеллиан и Монтанистов[2], Манихеев и Маркионитов[3]. Новатиан[4] и других еретиков.

Виновных в преступлениях против нравственности, если порок их был гласен для всех, Исидор обличал прямо и сильно. Свои побуждения к обличению преступлений он так объяснял в письме к Епископу Исидору:

«Часто я предлагаю сам себе такой совет: Исидор! поелику преступления важные обыкновенно наказываются великими бедствиями, то говори против них с приличным дерзновением. Может быть, те, которые не знают стыда в то время, как грешат, устыдятся твоих слов, и, может быть, ты на них сколько-нибудь подействуешь. Если же и потерпишь от сего какие-либо неприятности, то потерпишь так же, как терпели Пророки, Апостолы и другие святые мужи, к которым тебе, одному из малейших, должно стараться приблизиться, по крайней мере по терпению. Но как ты будешь говорить с дерзновением? Так ли, что при сем будешь пользоваться полною свободою, или будешь умерять оную бла-

---

[1] Lib.1. ep. 422. Lib. III. ep. 51. 6. 8. 149. 354. 355. 51. 33. 4. 3.

[2] Lib. 1. ep. 67. 138. 242. 245. 409. 500. Lib. III. ep. 149.

[3] Lib. 1. ep. 52. 102. 133. 245. 371. 413.

[4] Lib. 1. ep. 100. 338. 339.

горазумием? Ибо я знаю, что некоторые строгим обличением были исправлены, другие же, напротив, чрез сие ожесточились и предались большему нечестию, а некоторые, наконец, смеялись над умеренным, не строгим обличением и считали оное за ничто. Я сказал на это самому себе, что и тебе теперь говорю: если бы только твой труд над исправлением был напрасен, то мог бы ты уклониться от сей обязанности. И Моисей и Илия и Иоанн не всех своими увещаниями и обличениями уврачевали; но своих трудов не оставляли. Твоя обязанность — свободу речи растворять кротостью; а дело Божией десницы — подавать исцеление. Злое все люди почти сами собою узнают, доброму же, напротив, и слыша оное от других, не хотят учиться»[1]. «Мы равно виновны, — писал Исидор к Епископу Феоне, — и тогда, когда хотим мстить за наши собственные обиды, и когда не трогаемся оскорблениями, наносимыми Богу. Когда обижают нас, мы должны сносить с кротостью и терпением, а когда оскорбляют Бога, беззаконно сносить это равнодушно; нужно высказывать неудовольствие. Мы так раздражительны, что не хотим простить нашим врагам, а между тем кротки с теми, кои возстают против Бога. Моисей поступал не так.

[1] Lib. 3. ep. 397.

Хотя он был самым кротким из людей, но предался гневу против евреев, когда они слили тельца; и его гнев в этом случае был святее всякой кротости. Илия возстал против идолослужителей, Иоанн Креститель против Ирода, а св. Павел против Елимы (Деян. 13, 8–11). И это они делали, мстя за оскорбление, нанесенное Богу, перенося терпеливо обиды личные. Правда, всемогущий Бог может отмстить за Себя, но Он хочет, чтобы и добрые люди гнушались греха и других заставляли гнушаться им. В сем святые поставляли свою добродетель и любомудрие»[1].

Бесплодность обличений не останавливала ревности Исидора. Обливаясь слезами о нераскаянности виновного, он продолжал свои обличения. «Узнав, — так писал Исидор к Пресвитеру Зосиме, — что тогда, как тебе должно прибегнуть к раскаянию, ты умножаешь прежние беззакония и стремишься к новым преступлениям, я наконец заплакал и сказал сам себе: О Исидор! Что ты напрасно трудишься, сея на камнях? Что стараешься излечить того, кто не хочет лечиться, и неусыпно бодрствуешь, когда тот, для коего прилагается неусыпное бдение, делает тщетным оное, не исполняя внушаемого? Перестань напрасно трудиться убелять эфиопа,

---

[1] Lib. 5. ep. 237.

разсекать огонь и варить камень! Когда я сильно жаловался самому себе, опять родилась во мне приятная надежда и снова против воли заставила меня писать сии строки»[1].

Надобно заметить, что Исидор употреблял резкие обличения только против людей упорных во грехе. «С людьми добрыми, — писал он, — нужно поступать кротко, а против дерзких строже. Первые почитают кротость добродетелью, потому и нужно употребить её для вразумления их. Но последние уважают только силу и смелость, потому нужно показывать твердость, чтобы сокрушить их гордость. Таким благородным обращением поддерживаются одни и смиряются другие. Одними и теми же средствами не приобретем всех; одними и теми же лекарствами не врачуют все болезни; но сколько различных болезней, столько же и различных лекарств[2]».

Этим объясняется, почему некоторые из друзей замечали в Преподобном Исидоре снисходительность, тогда как другие находили его обличения слишком резкими[3]. Но Исидор, руководствуясь только свидетельством своей совести, не хотел умерять своих обличений из угождения

---

[1] Lib. 1. ep. 67.

[2] Lib. 5. ep. 251.

[3] Lib. 2. ep. 21. Lib. 5. ep. 358. 379. 466.

одним и по страху гонения от других. «Не думай, — писал он к софисту Асклепию, — чтобы я изменил себя и сделался низким ласкателем. Нужно или тебе перестать ко мне относиться с такими советами, или мне исключить тебя из числа друзей»[1]. Когда один правитель сетовал на Исидора за строгость его обличений, Исидор отвечал, что ему нужно осуждать собственные свои действия, а не слова, в которых они названы такими, каковы на самом деле[2].

Но он сам не одобрял тех, которые неблагоприятно отзывались о других без всякого основания или слишком строго судили ближних. «Ты слишком уже строг в суждении о жизни монахов и священников, — писал Исидор к Агафодемону, — когда требуешь, чтобы они были непричастны никакому греху. Безгрешность свойственна только одному Богу, и из людей ни один не может достигнуть оной. Если ты хочешь знать, что сообразно с силами нашей природы; то, скажу тебе, это состоит в том, чтобы не делать намеренно ничего преступного, чтобы как можно реже впадать в грехи непроизвольные; и наконец, чтобы не коснеть в прегрешениях. Это состояние хотя несравненно ниже двух первых, но

---

[1] Lib. 3. ep. 23.

[2] Lib. 1. ep. 175.

зато доступно для многих»[1]. Военачальнику Леонтию, дурно отзывавшемуся о пресвитере Зосиме, он писал: «Сказанное тобою справедливо и никто тебя не упрекает в клевете. Но не нужно, чтобы твой язык — орган истины осквернялся такими словами. Человек почтенный и украшенный многими добродетелями, подобно тебе, должен к своему венцу прибавить славу терпения»[2].

Цель обличений Исидора была та, чтобы побудить грешников к раскаянию. Писав обличения, он сам скорбел, плакал втайне о их грехах и всею силою своих молитв старался ускорить их обращение и ввести в сердце их те высокие истины, которые излагал в письмах. Он сам уверял тех, к кому писал письма, что он более пролил слез о них пред Богом, нежели сколько написал слов[3].

Высшее свое счастье он поставлял в том, если ему удавалось спасти какую-либо погибающую душу. В одном из своих писем он говорит, что, не дерзая сравнивать себя с Моисеем или Павлом, он желал бы употребить все свои силы для спасения каждого ближнего[4].

---

[1] Lib. 1. ep. 435.

[2] Lib. 3. ep. 229.

[3] Lib. 5. ep. 569.

[4] Lib. 3. ep. 273.

Богу угодно было, писал он к одному Епископу, чтобы ты был здесь, дабы участвовать в наших трудах и нашем венце, в похвалах и благословениях, какие воздают нам. Леность и нерадение разслабили вашего друга и ослабили его любовь к небесной философии. Мы возвратили его на правый путь нашими советами и увещаниями, а ещё более помощью благодати Божией. Теперь мы празднуем и воспеваем песни радости о сей победе и друзьям нашим приготовили духовное пиршество[1].

Если некоторые, внимая наставлениям Исидора, обратились от пути греховного на путь добродетели; зато со стороны клириков Пелузийских он подвергся открытому преследованию и даже изгнанию. Но вместо того, чтобы огорчаться сим, Исидор радовался, что пострадал за имя Христово. «Ты против своей воли, — писал он главному виновнику своего изгнания, — увенчал меня, и теперь я могу сказать, что Бог дал мне благодать не только веровать в Него, но и пострадать за Него»[2]. Впрочем, притеснение не остановило его ревности. «Я лучше желаю терпеть гонения, делая добро, — писал он к одному своему другу, — нежели получать похвалу, делая зло.

---

[1] Lib. 3. ep. 366.

[2] Lib. 5. ep. 131.

Ибо, не говоря о наградах, соблюдаемых добродетели в другой жизни, и о наказаниях, назначенных за нечестие и порок, мне кажется, что добродетель носит с собою награду свою, а грехи наказание. Какие бы клеветы ни возносили на добродетель и какие бы похвалы ни придавали пороку, они не принудят меня оставить первую и последовать второму. Я всегда буду любить добродетель, хотя бы и обремененную поношениями, буду гнушаться порока, хотя бы он и увенчан был славою»[1]. «Я совершенно знаю, пишет Исидор к Феоне пресвитеру, что терпеть обиды для меня славно в сем мире, и ещё большая ожидает за то слава в будущей жизни, и что нужно благодарить оскорбляющего и обижающего, потому что он возводит к высшему любомудрию особенно, когда часто делая это хвалится сим. Но чувствую, что, хотя я могу сносить обиды и оскорбления, но не укрепился до того, чтобы благодарить оскорбляющих и совершенно чисто молиться за злословящих, особенно, когда они не только не хотят раскаяться, но и смеются над теми, кто за них молится. Таков я. Ибо я (не скрою своей немощи), часто молясь о сделавшихся мне врагами случайно, когда хочу молиться о тех, которые враждовали

[1] Lib. 5. ep. 223.

против меня намеренно и злостно, чувствую, что это делаю одними устами. Не думай, что я не верю достигшим такой добродетели, но сорадуюсь им и желал бы достигнуть такой меры. Ибо не страдаю болезнью многих, которые, не могши сами достигнуть какой-либо добродетели, или не верят достигшим её, меряя других по себе, или, стыдясь признаться в слабости, приписывают себе то, чего не имеют»[1]. Хотя Исидор сетовал, что не может искренно молиться за неисправимых врагов своих, но старался смотреть на них как на своих благодетелей. «Злословие, — писал он, — часто врачевало болезнь души, которой или не примечали, или врачевать не старались. Посему добрым нужны или искренние друзья, или злые враги. Те советом, а сии злословием предотвращают падение. Но поелику дружество в нынешнее время любит выражаться утонченно, или лучше, остается безгласным для искренних разговоров, неумолкаемо в празднословии и немо для увещания и обличения, то от врагов только можно услышать истину и упрек к исправлению[2]».

Исидор старался призывать всех к согреянию в сердце своем любви как высшей добродетели. «Для Бога нет ничего вожделеннее люб-

---

[1] Lib. 5. ep. 398.

[2] Lib. 3. ep. 280.

ви, — писал он к пресвитеру Евсевию. — Из любви Он и человеком сделался и послушным даже до смерти. Посему и первозванные ученики Его были два брата. Чрез это премудрый Спаситель показал, что Он желает, чтобы все Его ученики были соединены братскою любовью. Итак, мы ничего не должны почитать драгоценнее любви, которая все связывает и содержит в единении и согласии»[1].

Вообще письма Исидора, даже обличительные, содержат в себе много прекрасных нравственных правил и наставлений о должностях различных званий.

Отвращая от порока, он представляет превосходство добродетели и ее легкость для исполнения. «Одна добродетель, — пишет он, — имеет блистательную и безсмертную славу. Добродетель не проходит со временем, не подлежит забвению, но всегда удерживает свое достоинство в красоте, цвете и силе. Ее-то преимущественно люди должны приобретать»[2]. «Добродетель гораздо легче нежели порок, — пишет он в другом письме. — Умолчу о том, что добродетель есть дело Божественнейшее, благороднейшее и с природой чтителей ея сообразней-

---

[1] Lib. 1. ep. 10.

[2] Lib. 2. ep. 286.

шее; не буду говорить, что она составляет для них украшение и славу, — в этом согласны все, — я коснусь только того, что показывает легкость добродетели. Что труднее — искать ли несметных сокровищ или довольствоваться тем, что имеешь? Днем и ночью вычислять гнусные прибытки и насильственные проценты или наслаждаться довольством и любовью к ближним? Что труднее — обижать ли всех, или помогать обиженным? Страдать от мучительной болезни сребролюбия или быть свободным от ея свирепства? Сплетать обманы или обращаться с другими честно? Возмущаться против правителей или жить спокойно? Похищать чужое имущество или дарить и собственное? Вмешиваться в чужие дела и злодеяния или не быть причастну таким делам и страху? Что труднее — заботиться ли о многом и несбыточном или одну иметь заботу, как бы не изменить добродетели? Без нужды подвергать себя трудам или наслаждаться покоем? Никогда не знать сытости или не любить того, что возбуждает непрестанно большую алчность? Плавать по морям и терпеть кораблекрушения или оставаться в пристани и спасать погибающих? — Роскошь и сладострастие обольщают многих, будто они легки и приятны: покажу несправедливость и сего. Умолчу о суде, угрожающем роскоши и сладострас-

тию. — Скажу только, что ежели роскошь производит болезнь в ногах и головокружение, и сумасшествие, и разслабление в нервах и другие подобные болезни, от которых и сама притупляется, или лучше сказать исчезает; то как назвать удовольствием страсть, которая есть мать и кормилица столь многих скорбей? Сладострастие есть корень и стыда, и непримиримой вражды, и опасностей, и смертей, и других неисчислимых зол. Можно ли после сего называть удовольствием такую страсть? Если же не остается никакого сомнения в том, что добродетель и легче, и приятнее, и сообразнее с природою человека; то прилепимся к ней всеми силами и всею душою, прилепимся к той, которая и в настоящей и в будущей жизни ревнителям своим доставляет славу»[1].

Направляя свои обличения преимущественно против недостойной жизни облеченных саном священства, Исидор предложил много наставлений о должностях сих лиц. «Не все, но очень немногие, — так пишет он к Палладию дьякону, искавшему сана Епископа, — могут принять на себя сию власть, и именно те только, кои столько же, если не более превосходят во всем своих подчиненных, сколько пастухи своих овец. Каковы

[1] Lib. 2. ep. 240.

же те, которые ищут власти превосходящей их силы? Ведут ли они жизнь незазорную? Соблюдают ли такую трезвенность, чтобы душевное око их всегда бодрствовало? Просияли ли таким целомудрием, чтобы не только собственные помышления их были чисты, но чтобы они, не употребляя даже словесных увещаний, возвращали к целомудренной жизни и тех, кои с пламенным порывом стремятся к беззаконным вожделениям? Имеют ли они столько степенности, чтобы взирающие на них боялись самой поступи, взора и голоса их (ибо получившие епископство везде должны представлять собою образец всякого любомудрия)? Столько ли страннолюбивы, что и незнакомых им бедных приглашают в свои домы и насыщают их? Потщились ли сделать беседу свою назидательною так, чтобы открывалась в ней великая благодать и от языка их истекали потоки словес духовных? Отличаются ли они такою кротостью, что уже никогда и никого не раздражают? Столько ли несребролюбивы, что и благоприобретенное имущество свое раздают неимущим? Столько ли терпеливы, что переносят напрасные обиды и поношения? Имеют ли наконец и прочие качества, которые исчислил Апостол Павел, изображая совершенного Пастыря (1 Тим. 3, 2–6)? Апостол сказал: аще кто Епископства хощет, но не сказал: пусть всякий ищет Епис-

копства, не заповедал этого, не повелел, не вменил в обязанность. Ибо он видел, что многие, нимало не заботясь о стяжании добродетели, в упоении любоначалия, будут домогаться только власти и не захотят даже и подумать о тех изнурениях, трудах и опасностях, о тех заботах и бдениях, которые соединены со властью Епископа. На Епископе лежит долг попечения о всех нуждах подчиненных. В чем же состоит сей долг? В том, чтобы испытывать посвящаемых на служение Богу, питать алчущих, одевать нагих, защищать обидимых, пещись о тех, кои оплакивают свое сиротство, покровительствовать вдовицам, преследовать судом правды притеснителей, обличать тех, кои употребляют беззаконные средства для получения начальства, врачевать больных, возстановлять падающих во время искушений, пещись о содержимых в узах, утешать несчастных, вразумлять согрешающих. Итак, забывая сии и ещё другие многочисленнейшие подвиги, некоторые в епископском сане видят только права власти, свободы и наслаждения и, не испытав сил своих, нисколько не размыслив о важности начальства, домогаются оного. Должность Епископа есть труд, а не отдохновение, забота, а не наслаждение; служение многоответственное, а не начальство, никакому истязанию не подлежащее; попечение отеческое, а не жес-

токое самоуправство, первенство свойственное управителю, приставленному к дому господина, а не власть безотчетная. Что касается до самой должности Епископа, я хвалю её как Божественную, но не одобряю искательства, как вещи опасной. По моему мнению, и люди опытнейшие не должны питать в душе своей пристрастия к сему сану, но всемерно должны истреблять оное. Посмотри на Апостола, который испытал сей подвиг: он изнурен был безчисленными трудами, терпел раны, удары, клеветы и многократно подвергался опасности жизни для того единственно, чтобы никто из вверенных ему не погиб. Он как бы так говорит: кто желает Епископства, тот пусть воззрит на труды, пусть подумает о том, в состоянии ли он понесть их; — пусть обратит внимание на опасности (ибо против облеченных властью Епископства часто ополчаются и невидимые и видимые враги), а не воображает себе одни только почести; — пусть размыслит о бедствиях жизни, а не об удовольствиях; пусть содержит в уме многоразличные искушения и заботы, а не думает только о спокойствии; пусть ведает, что если кто возводится на престол Епископский, то для того, чтобы законно подвизаться, а не безпечно предаваться наслаждениям. Ибо кто пользуется только честью и нерадит об исполнении обязанностей Епископского сана, тот и здесь подвер-

гается безчисленным нареканиям и может даже и вовсе быть лишен высокого достоинства своего, а там, на страшном оном судилище, пред лицом неумытного Судьи, услышит вопли осуждения; тогда алчущие возопиют: «Мы в крайней нужде не имели пищи, а он, предавшись роскоши и любостяжанию, все приносил в жертву своему тщеславию»; нагие скажут: «Этот человек был для нас суровее самой зимы»; немощные скажут: «Он был для нас лютее болезни»; сирые скажут: «Мы не получили от него никакого пособия»; вдовицы скажут: «Нам не произнес он ни одного утешительного слова»; узники скажут: «Для нас не пролил он ни одной слезы сострадания»; несчастные скажут: «К нам не простер он руки помощи». Кратко, все те, для блага коих он был поставлен Епископом, тогда будут свидетельствовать против него»[1]. Епископ, пишет Исидор в другом письме, из самого названия своего может видеть, в чем состоит его обязанность. Он должен надзирать, и его надзору подлежат: нападения врагов тайных и сокровенных, неразумие паствы, нерадение монахов, нечестие развращенных людей, бедствия вдов, бедность сирот, худые нравы служащих, пороки юных, худые советы старцев. Он должен быть оком, на все

[1] Lib. 3. ep. 216.

смотрящим и ничего не опускающим[1]. Тяжек грех частного человека, ещё тяжелее грех облеченного саном священства, но несравненно тяжелее грех, соделанный людьми, возведенными на степень Архиерейства. Ибо чем более кто-либо возвышается пред другими своим достоинством, тем более увеличивается и тяжесть грехов его, так что хотя бы он согрешил и в том же самом, в чем грешат и другие, но его грех тяжелее других, потому что должен быть ценим не по существу своему только, но и по достоинству согрешившего. Законодатель грех первосвященника поставил наравне с грехом целого народа и повелел ему приносить за свой грех такую жертву, какая требуется за согрешение всего народа. Конечно, если бы не равно опасна была язва, то не нужно бы предписывать и равносильное лекарство[2].

В высоких чертах представляет Исидор и обязанности священника. «Бог возжигает Священника, как некий светильник, и поставляет его на свещнице своей светоносной кафедры, дабы он в церкви изливал сияние учения и дел, чуждых мрака, и дабы народ, видя лучи животворного света, руководствовался ими и прославлял Отца

---

[1] Lib. 1. ep. 149.

[2] Lib. 3. ep. 13.

светов[1]. Для священника вместо богатства служит украшение добродетели, вместо удовольствия чистота, вместо наслаждения умеренность, его радости составляет успех вверенных ему. Кто поступает иначе и между тем тщеславится именем священства, тот не духовный и сана своего недостоин»[2]. Ты назван образом стада и светильником церкви, писал Исидор одному пресвитеру, и будь таким. На пастве твоей необходимо отпечатлеваются твои нравы, как на воске печать. Посему, если хочешь ты быть светом, возненавидь легкомыслие и смехотворство, чтобы не научить многих безпорядочной жизни. Ибо священник есть Ангел Господа Вседержителя. Ангел не знает смеха, со страхом служа Богу[3]. К людям, возведенным на степень священства, Бог взывает сими словами: *священницы, глаголете в сердце Иерусалиму* (Ис. 40, 2). Те, кои учат других только словом, часто обременяют слушателей своим многоречием и нередко делаются даже смешными в глазах их, когда поступают вопреки своему учению. Вот почему Бог требует от учителей добрых дел, пример коих действует на самую душу слушателей. Священник должен заботиться о свя-

---

[1] Lib. 1. ep. 32.

[2] Lib. 3. ep. 354.

[3] Lib. 1. ep. 319.

тости своей; ибо преступно священнодействовать нечистому[1]. Доброе древо, приносящее обильные плоды и вместе украшенное листьями, и земледельца радует, и зрителей увеселяет, и путникам доставляет отдохновение. Равным образом поставленный на кафедре для проповедания слова Божия, когда украшен добродетелью и вместе блистает красноречием, бывает и Богу угоден и людям полезен. Если же он не будет иметь какого-либо из сих совершенств, то немного принесет пользы внимающим его учению. Честная жизнь необходима для посрамления клеветников, а дар слова потребен для обличения еретиков.

Если, впрочем, могущество красноречия побеждает противников, но с другой стороны безчестная жизнь помрачает славу победы, слушатели не удостоят своего доверия такого учителя, который сам не исполняет закона. Итак, надобно сиять и словом и жизнью: *иже сотворит и научит*, говорит Писание, *сей велий наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5, 19). Если бы дела заменяли собою и учение, как некоторые думают, то Писание, сказав о первых, не упомянуло бы о последнем[2].

---

[1] Lib. 2. ep. 130.

[2] Lib. 2. ep. 235. Lib. 2. ep. 251. 275.

В наставлениях инокам Исидор показывает, в чем состоит иночество и чего должно избегать инокам. Святые основатели и руководители иноческой жизни, писал он к Нилу монаху, сообразно с своими трудами и подвигами оставили нам названия, соответствующие самому делу, оставление всего мирского назвав отшельничеством (αναχωρησις) и готовность к повиновению послушанием (ὑποταγὴ). Научаемые их примером, мы должны исполнять то, что читаем в их деяниях[1]. В другом письме в пример для жизни иноков указывает он на св. Иоанна Крестителя, советуя одеваться власяницею и питаться зельем. Если же это покажется выше сил, то пусть инок заботится о своем преуспеянии, сообразуясь с наставлениями настоятеля[2]. Иноческая жизнь есть исполнение всех заповедей Божиих и как бы вместилище оных. Она должна быть чужда гнева, гордости, сребролюбия, самолюбия, удалена от попечений о теле; уста инока всегда готовы к благодарению Господа и молитве о полезном, неподвижны на злословие[3].

Жизнь иноческая, писал Исидор к Пахомию, есть Царство Небесное. Она не знает никакой

---

[1] Lib. 1. ep. 1.

[2] Lib. 1. ep. 5.

[3] Lib. 1. ep. 278.

страсти. Мыслит о горнем и творит небесное. Посему внимай, чтобы какое-нибудь падение не сделало тебя рабом и не извергло из царских чертогов. Трудно испадшему из них опять быть призванным туда. Но Бог, отверзающий дверь и именующий Себя дверью, чрез которую входят во спасение, да даст тебе ум твердый и слово чистое, благодатью растворенное, посредством коих и настоящая жизнь будет для тебя благополучна, и в будущей ты получишь спасение[1]. Любомудрие, писал Исидор к иноку Фоме, отвращается шума, и иноческое подвижничество совершается вне смятения. Сим-то средством, как бы таинственною лествицею, которая возвышает нас к совершенству смирения, мы, освободившись от безпокойств мира и опасных случаев, часто встречающихся в обращении с миром, достигаем до забвения о предметах земных и вкушаем духовную сладость нашего уединения. Но если мы думаем, что для последования Ангельскому житью достаточно иметь мантию, носить бороду и жезл, а между тем будем обращаться в толпе народной, слушать беседы мирские: это будет означать, что мы хвалимся победными знаками, уклонившись брани и борьбы, которою приобретается победа[2]. Ту же мысль ещё силь-

[1] Lib.1. ep. 129.

[2] Lib. 1. ep. 92.

нее высказывает Исидор в письме к Нилу монаху: одежды из овечьих кож как знаки умерщвления весьма приличествуют тем, которые умертвили плоть свою. А кто угождает страстям и между тем является во оружии, которое носит умерщвляющий страсти, тот подобен лицедеям, которые представляют на зрелищах чужие лица: зрители смеются над ними, как над такими людьми, кои совсем не то, чем кажутся по виду[1].

Исидор поучал, что для инока мало одного удаления от внешнего шума мирского; а нужно, чтобы и внутри души соблюдалась тишина помыслов. Что тебе пользы, писал он к Кириллу монаху, от Иоаннова удаления в пустыню, которому ты прежде со тщанием поревновал, если ты ныне не подражаешь Иоанну, но опять предаешься влечению собственных своих помыслов, если живешь в пустыне, как среди мирского шума, и в уединении, как среди народной толпы? Ибо когда душа при внешней тишине возмущается мятежными помыслами и вожделениями; то такое состояние и в чувствах производит омрачение и совершенные уже подвиги покрывает безславием, а страстям облегчает победу над духом и вооруженного на битву ратника делает робким беглецом[2].

---

[1] Lib. 1. ep. 427.

[2] Lib. 1. ep. 25.

Пост и бдение также необходимыми признавал Исидор для инока. Пресыщение, писал он монаху Иоанну, не умеет бодрствовать, гордость не может жить в покое; бдения и кротости требует подвижничество. Если не обуздываешь чрева, то для чего и место занимаешь понапрасну и подаешь соблазн подвижникам[1].

Но для преуспеяния в подвижничестве должно соединять с ним смиренномудрие. Ибо если мы, совершая подвиг послушания, будем прерывать оный надменными помыслами, то это значит, что мы, желая достигнуть спасения, не хотим делать того, что ведет к оному[2]. Кто не назовет тебя безразсудным, писал Исидор к иноку Петру, за то, что ты, сделав отречение от богатства, от своего рода и суетных почестей века сего и указав многим путь к смирению, ныне поработился гордости, забыв Божественный закон, повелевающий унизить себя тому, кто желает возвыситься (Лк. 14, 11)? Итак, если ты не весь погрузился в волны высокоумия, то воспрянь, дабы исполнить свои обеты[3]. Исидор не советует инокам предаваться заботе о внешней образованности. Ты имеешь расположение, пи-

---

[1] Lib. 1. ep. 130.

[2] Lib 1. ep. 468.

[3] Lib. 1. ep. 15.

сал он к Патриму монаху, учиться тщательно и говорить изысканно. Но путь духовной жизни благошествуется преимущественно деянием, а не искусством говорить. Посему если желаешь вечной награды, то красную речь не за великое считай, а упражняйся в делах благих[1]. Он делает ещё сильные упреки монаху Фалалею за то, что тот увлекся чтением языческих писателей. Кто не пожалеет о тебе, писал к нему Исидор, что ты, пребывая в тихом любомудрии учеников Господних, увлекаешься шумом и суетою языческих писателей и поэтов? Скажи мне, что предпочтительного у них пред тем, что есть у нас? Не преисполнено ли ложного и смешного то, чем так усердно они занимались? Не обожание ли у них страстей? Бегай чтения постыдного, чтобы в твоем сердце не раскрылись раны, уже закрывавшиеся, и в твою душу не возвратился враг и не внес в нее гибели страшнейшей и ужаснейшей прежнего нерадения или неведения[2]. Сильно Исидор порицает иноков, часто меняющих свое место. Непостоянные и тебе подобные легкомысленные, писал он к одному монаху, уподобляются праху, возметаемому от лица земли (Пс. 1). Ты часто ходишь по домам

[1]Lib. 1. ep. 14.

[2]Lib. 1. ep. 63.

не для назидания, но для изысканной пищи. Кто достойно оплачет тебя, когда ты и себя губишь, и вредишь многим, особенно тем, которых юность делает наклонными к соблазну?[1]

Делая сильные обличения тем, которые, утвердившись в иноческой жизни, начинали колебаться в ней, Исидор с участием следит за новопостриженными. Ты, не испытавший доселе ига, писал он к новопостриженному Луке, подчинился тяжкому игу. Опасаюсь, чтобы не ослабел под ярмом плуга Господня и не явился подобным оному, взявшемуся строить дом, не разсчитав наперед своих сил. Если хочешь быть истинным монахом, не угождай своей воле и своему желанию, но подчини свой ум тем, которые и жизнью и временем и трудом возделали Божественный виноград: от них ты легко научишься деланию. Ибо если житейские искусства узнаются при помощи учителей, то не безразсудно ли за Божественное любомудрие, как за нечто легкое, браться самим[2]?

Петру, настоятелю одного монастыря, он давал такие правила касательно новопостриженных: новопостриженных как с одной стороны не должно чрезмерно обременять игом устава, дабы

---

[1]Lib. 1. ep. 173.

[2]Lib. 1. ep. 260.

тотчас, в самом начале, они не ослабели, так с другой стороны не должно оставлять их без упражнения и труда, дабы они не впали в леность. Надобно постепенно содействовать их преуспеянию[1]. Для утверждения в жизни иноческой Исидор советует вспоминать об обетах, данных при пострижении, и постоянно бдеть над собою, чтобы избегнуть козней дьявольских. Когда ты приступал к горе высокой жизни, пишет он иноку Лампедию, и, очистив одежду и чувства, приуготовил сердце свое к слушанию Божественного учения; тогда ты решился забыть все дольнее, дабы достигнуть высоты добродетелей. Исполни же обеты, данные тобою Богу, и прилежно возделывай виноград Его. В руке Его мзда, которую каждый получит по мере труда своего[2]. В письме Стратегию монаху Исидор, изъявляя радость о мужестве, с каким он подвизается против дьявола, пишет: враг безстыден и дерзок; враждебная злоба и хитрость его заменяют для него все оружия. Он нападает во всякое время, не страшась того, что будет побежден, но всегда мечтая одержать победу. Хитрость врага многообразна. Когда он бывает побежден силою целомудрия, то старается уловить сребролюбием. Если и при сем

[1] Lib. 1. ep. 258.

[2] Lib. 1. ep. 13.

нападении будет поражен, тогда вооружается наветами зависти. Когда же увидит разрушенными и эти ковы, тогда возжигает брань между друзьями, враг ополчает на человека домочадцев его. Когда же и после сего человек остается непобедим, тогда враг поселяет в него леность. Если же побеждает леность, то враг внушает ему памятозлобие. Но для чего исчислять все стрелы лукавого? Не распространяясь более об них, я скажу тебе одно увещание: мужайся и будь бдителен, потому что враг нападает со всех сторон и направляет стрелы свои особенно в те места, где раны более опасны[1].

Так поучал Исидор клир и иночествующих, не оставляя без назидания и мирян всякого звания. Всем внушает он любовь к правде, ревность по добродетели, благоговение пред Богом.

Время кончины преподобного Исидора с точностью трудно определить, Евагрий пишет, что Исидор процветал в царствование Феодосия Младшего (408–450)[2]. Из писем Исидора видно, что он пользовался известностью и при Аркадии. Есть два его письма к Руфину, префекту преторианскому[3] († 395 г.). Он жив был, когда

---

[1] Lib. 3. ep. 228.

[2] Lib. 1. c. 95.

[3] Lib. 1. ep. 176, 489.

Кирилл отправлялся на собор, созванный Феодосием в 431 году, как видно из письма Исидора к Кириллу[1]. Из некоторых писем Исидора, повидимому, можно заключить, что они направлены против монофизитской ереси, распространившейся при покровительстве Диоскора в Египте. Так, Епископу Гермогену пишет Исидор: опять Египет подпадает власти Фараонов; не на пришлых сынов Иакова налагает он труд построения городов, но от всех сильных требует подати ересей, — смотрите, чтобы кто не обольстил вас, но стойте, как твердое основание. Ибо вочеловечивыйся Бог не претерпел ни изменения, ни слияния, ни разделения, но есть единый безначальный и вечный Сын и прежде вочеловечения и после вочеловечения, так от нас покланяемый[2]. В письме к Константину осуждает его так: ты неистово преследуешь благочестиво чтущих Божество, уча какому-то слиянию и смешению и изменению Слова Божия в плоть или изменяя Божественное естество в плоть и кости, или отвергая истинность плоти[3]. В письме к Тимофею чтецу Исидор пишет: остерегайся признавать во Христе после воплощения одно естество.

---

[1]Lib 1. ep. 310.

[2]Lib. 1. ep. 419.

[3]Lib. 1. ep. 498.

Ибо признающий одно естество уничтожает то и другое или изменяя Божественное, или уничтожая наше[1]. В письме Кириллу пишет: что Истинный и Бог всяческих соделался воистину человеком, не изменившись, чем был, и принял то, чем не был, в двух естествах будучи единый Сын безначальный и безконечный, присносущный и вечный, не усумнись в сем[2]. К дьякону Феодосию Исидор пишет: хотя Слово соделалось истинною плотию, но Христос не соделался простым человеком, но воплотившись пребывает Сыном Божиим в обоих естествах[3]. Очевидно, что все эти места могут быть употреблены для опровержения ереси Евтихия, как и поступил Леонтий Византийский в своем сочинении против Нестория и Евтихия[4]. Но едва ли можно заключать отсюда, что Исидор имел в виду ересь Евтихия. И прежде Евтихия мнение его встречалось у некоторых писателей. Евтихий уже в старости, именно в 448 году, начал проповедовать свое лжеучение о едином естестве воплотившегося Бога Слова. Уже поэтому в письме к Кириллу, который скончался в 444 году, Исидор

---

[1] Lib. 1. 192.

[2] Lib. 1. ep. 323.

[3] Lib. 1. ep. 403.

[4] Maxima Bibl. VV. PP. Tom. IX. p. 681–683.

не мог иметь в виду ереси Евтихия. Все эти письма, вероятно, относятся к тому времени, когда приверженцы Нестория распространяли свои клеветы против св. Кирилла и говорили, что он проповедует лжеучение Аполлинария. Жалоба Исидора в письме к Гермогену на распространение ереси в Египте не может относиться к Евтихию; потому что Гермоген не дожил до Собора 449, на котором присутствовал уже преемник его Зенон. Если в письме Исидора к Гермогену видеть указание на Диоскора, то Исидор недолго пережил своего друга. В письме к Зенону он успел воздать честь усопшему Епископу, восхваляя его добродетели и убеждая последовать примеру своего предшественника[1]. Но он не дожил до утверждения в Египте лжеучения Евтихия после Собора 449 г. Ибо ни в одном из своих писем он не обличает нечестивых определений епископов, благоприятствовавших Евтихию. Таким образом, милосердый Бог избавил сего ревнителя чистоты веры и нравственности от скорби, какою должно бы терзаться его сердце при распространении ереси Евтихия после принятия Диоскором его лжеучения на Соборе 449 г. Он смотрел на смерть как на сладкий покой — конец скорбей[1], тихое

[1] Lib. 5. ep. 468.

пристанище от бурь житейских. Мне приключилась болезнь, писал он однажды Квинциану, постепенно освобождающая меня от бурь и волнений. Но поелику Бог опять попустил мне оставаться среди волн, то помоги молитвами моему плаванию, чтобы не потерпеть чего-либо противного тишине[2]. Он всегда желал лучше умереть, только бы не впасть в грех, нежели совершив грех избегнуть смерти[3]. Он успокоился наконец в Боге, перешедши в лучшую жизнь. Враги Православия хотели было нарушить его вечный покой. Север, последователь Евтихия, находя в писаниях Исидора обличение своей ереси, думал обвинить его в 513 году в оригенизме, но так чиста была память Исидора, что он должен был отказаться от своего намерения[4].

---

[1] Lib. III. ep. 311.

[2] Lib. I. ep. 224.

[3] Lib. IV. ep. 52.

[4] Phot. Bibl. cod. 232. Память Преподобного Исидора Пелусиота празднуется Церковию 4 февраля.

ПИСАНИЯ СВЯТОГО ИСИДОРА ПЕЛУСИОТА

Евагрий пишет об Исидоре Пелусиоте, что он много писал весьма полезного[1]. Но из писаний Исидора до нас дошли только его письма, которых в полном собрании его сочинений считается 2012[2]. Такое же число писем Исидора упоминают и современный ему писатель Приней

---

[1] Hist. Eccl. L. 1. c. 15.

[2] Полное собрание писем Исидора состоит из пяти книг. В первой книге содержится 500 писем, во второй 300, в третьей 413, в четвертой 230, в пятой 569. Три известны издания полного собрания писем Исидора Пелусиота: Парижское 1638 г., Римское 1670 г., Венецианское 1745 г. Мы пользовались первым изданием. Из помещенных здесь писем Исидора некоторые разделены на два; напр. Lib. IV. ep. 206 и 207 и Lib. 1. ep. 271 и 272. Некоторые приводятся по два раза; так, Lib. V. ep. 239 и Lib. VI. ep. 56 одно и то же письмо. То же должно сказать о письмах Lib. V. ep. 91. и Lib. IV. ep. 147; Lib. V. ep. 138 и Lib. IV. ep. 190; Lib V. ep. 43. и Lib. IV. ep. 199. Lib. V. ep. 139. и Lib. IV. ep. 122; Lib. V. ep. 187. и Lib. IV. ep. 124; Lib. V. ep. 324, и Lib. 1. ep. 233. Lib. V. ep. 116. и Lib. II. ep. 162; Lib. V. ep. 24. и 567;

Тирский[1], и писатель VI века Факунд Епископ Гермианский (в Африке)[2]. Свида пишет, что Исидор пресвитер Пелусиот, муж знаменитый, философ и ритор, написал 3000 писем, в которых объяснял Священное Писание, и некоторые другие сочинения[3]. Никифор Каллист пишет, что Исидор написал много исполненного всякой пользы, особенно письма, полные всякой благодати, числом 10 000, в которых объясняет Священное Писание и делает всем назидательное наставление[4]. Сам Исидор упоминает о книге своей против Еллинов. Когда комит Гермин

Lib. V. ep. 374. и Lib. II. ep. 116; Lib. II. ep. 1. и 39. Lib. 1. ep. 29. и Lib. IV. ep. 188; Lib. 1. ep. 303. и ep. 271 и 272; Lib. IV. ep. 180 и Lib. II. ep. 185; Lib. 1. ep. 4. и Lib. IV. ep. 195. Lib. V. ep. 221. и Lib. III. ep. 203. Все эти письма или буквально сходны между собою, или не многим различаются. Посему число писем Исидора, дошедших до нас, сокращается до 1997.

[1] Varia Patr. Epist. per. Christ. Lupum Isprens. editae Lovanii 1682. cap. VI. p. 22. «Has omnes beati Isidori, presbyteri et abbatis Pelusiotae excerpsi et transtuli ex epistolis ejus duobus millibus, quae sunt per quingentinae distributae in Acoemetensis monasterii codicibus quatuor. Ср.: Balusii Nova Collect. Consil. T. 1. p. 693.

[2] Isidorus presbyter Aegyptius Pelusiota. quem duo millia epistolarum ad edificationem Ecclesiae multi scripsisse noverunt. Sirmond. op. Tom. II. p. 336.

[3] Svida sub voce **Ἰσίδωρος**.

[4] Hist. Eccl. Lib. XV. c. 53.

спрашивал его: почему бывает, что люди нечестивые и порочные бывают счастливы, а благочестивые подвергаются великим бедствиям? — Исидор отвечает, что этот вопрос он разрешил в слове, написанном против Еллинов[1]. В той же книге, как видно из письма к Гарпократу Софисту, он писал о прорицалищах языческих[2]. Итак, видно, что он написал книгу против язычников. В письме к Гермину комиту он ещё упоминает о книге своей против судьбы. «Поелику ты написал, — пишет Исидор, — что я недавно составил книжку о судьбе, которая от некоторых превозносится похвалами, и просишь прислать её, то я посылаю тебе»[3]. Из сих слов видно, что это сочинение прежде было неизвестно Гермину, между тем о сочинении против язычников он говорит, как об известном. Между письмами Исидора Пелусиота к Гермину есть одно, в котором он опровергает бытие судьбы[4]. Принимая во внимание, что письмо свое к Евлогию он называет (λογίδιον)[5], так же как он называет и сочинение свое о судьбе, можем

---

[1] Lib. II. ep. 137.

[2] Lib. II. ep. 228.

[3] Lib. III. ep. 253.

[4] Lib. III. ep. 154.

[5] Lib. IV. ep. 163.

думать, что это и есть сочинение Исидора, которое просил у него Гермин[1].

Нет достаточных оснований сомневаться в подлинности писем Св. Исидора. Правда, в большей части их нет определенного указания на время их написания, на отношение их к веку Исидора, многие письма по содержанию своему сходны с мыслями других Отцов и потому представляются как бы извлечениями из них. Но все письма представляют замечательное сходство по языку и по духу. Они отличаются сжатостью слога и полнотою мысли, в них много остроты и живости, без изысканности. Исидор следовал тому правилу, которое он изложил в одном письме: слог писем не должен быть чужд изящества, но без утонченности. Первое полезно, а второе не годится. Умеренное украшение достаточно и для пользы и для приятности[2].

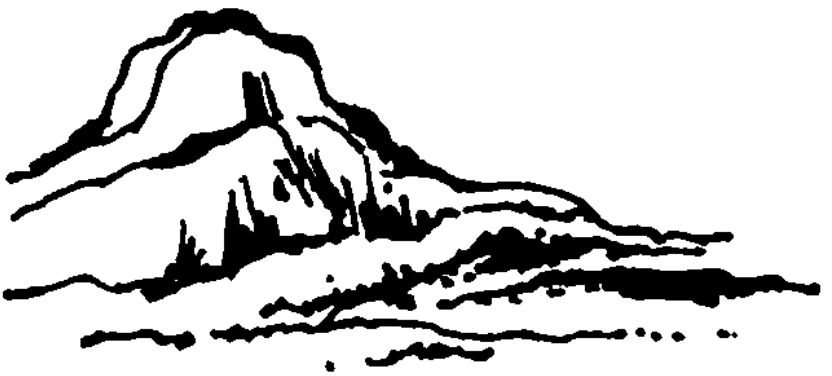
---

[1] Упоминаемые Евагрием сочинения Исидора Пелусиота к Кириллу без сомнения означают письма его. Гардт в своем каталоге рукописей Баварской библиотеки указывает на неизданное сочинение Исидора Ἰσιδώρου του Πηλουσιῶιου ερoτήσεις και απoκρὶσιες. Но это вероятно извлечения из писем Исидора.

[2] Lib. V. ep. 133. Фотий называет образцовыми письма Исидора, о котором он отзывается так: ἡμετὲρας αυλῆς Μοῦσα Ισίδωρος, ὗς ὥςπερ λὸγων ὗτω δὲ καὶ ἱερατικῆς καὶ ἀσκητικῆς πολιτὲιας κανών ἐστι χρηματίζειν αξιόχρεως. Ep. 207 ad Ampiloch.

Обличительные письма Исидора, кроме частых указаний в них на современность, доказывающих их подлинность, все сходны по тому смелому голосу истины, каким говорил, можно сказать, один Исидор Пелусиот. В письмах догматического содержания он везде верен Символу Никейскому; в письмах нравственного содержания, он свои наставления основывает на Священном Писании и всегда дает прямые убедительные советы. Письма Исидора до нас дошли не в первоначальном виде, что можно заключить уже из отсутствия приветствий в начале и конце писем. То, что касалось частных его отношений к известным лицам, могло быть исключено, а оставлены только мысли, назидательные для каждого читателя.

В своих письмах Исидор является 1) как защитник христианской веры против Иудеев и язычников; 2) как истолкователь Священного Писания и 3) как учитель православной веры.



Защищение христианской веры

Знакомство с классическою литературою Греции способствовало Исидору бороться с язычниками при защищении Божественности христианской веры: «Ты Еллин, — писал Исидор к схоластику Касию, — и уважаешь писание Еллинов, и потому надобно состязаться с тобою тем же оружием»[1]. И Исидор превосходно пользуется этим оружием. Из нелепости и безнравственности мифологических сказаний Исидор выводит прямое заключение, что боги язычников не стоют никакого почтения[2]. Он разсказывает, к каким обманам прибегают язычники, чтобы придать вид высшего происхождения своим идолам. Так, один из Птоломеев, купив у художника статую Дианы, стал уверять, что она сошла с неба, а дабы сделавший её не обличил его во лжи, коварно погубил его. Зло-

---

[1] Lib. II. ep. 146.

[2] Lib. II. ep. 92. Lib. IV. ep. 194.

деяние это сделалось всем известно[1]. Самые книги язычников, разсуждающие о религии, содержат басни, достойные презрения. Между тем Священное Писание исполнено истин высоких, внушающих глубокое уважение, так что стоит только сравнить священные книги христиан с книгами язычников, дабы убедиться, что вера Христианская есть истинная[2].

Доказывая язычнику Проэсхию безсмертие души, Исидор, в опровержение приводимого им мнения Галена, приводит мнения Пифагора, Платона, Гомера, Еврипида[3]. Касия схоластика он опровергает словами Исократа, Аристида, Епаминонда, Кратеса, Фокиона, Платона и других знаменитых язычников[4].

Допуская, что у языческих мудрецов есть много доброго и потому признавая полезным знать языческую мудрость[5], Исидор, впрочем, показывает нетвердость их в решении самых существенных вопросов нравственности: языческие мудрецы, пишет он, хотели решить, что такое справедливое, что приличное, что закон-

---

[1] Lib. IV. ep. 207.

[2] Lib. 1. ep. 54.

[3] Lib. IV. ep. 125.

[4] Lib. II. ep. 146.

[5] Lib. II. ep. 3. Lib. III. ep. 37.

ное и что честное? Но длинными противоречащими суждениями своими водят как бы в лабиринте читателей своих и оставляют их ещё в больших недоумениях[1]. Сколько ученнейший Платон написал разговоров, стараясь объяснить, что такое справедливость? Однако же не только не убедил никого, но даже сам, лишенный свободы, кончил жизнь. Сколько написал Аристотель против Платона, обращая в шутку мысли его? Но и сам не принес пользы, а только увеличил словопрение. Как много писали Стоики, опровергая Аристотеля, но и их учение пало. Пусть считающиеся мудрыми сравнят со всем этим ясность Божественных словес, и да перестанут пустословить, и да примут учение Божественное, имеющее целью не удовлетворение тщеславию, но пользу слушателей[2].

Против язычников, отвергавших христианскую веру, потому что Иисус Христос предлагал новый образ жизни и вероучения, Исидор говорил, что, не уча новому, никто не может изменить худых, застарелых обычаев и новость полезная не может быть осуждаема[3]. Против тех, которые отвергали Божественность учения

---

[1] Lib. IV. ep. 127. Lib. V. ep. 28.

[2] Lib. IV. ep. 91.

[3] Lib. II. ep. 46.

Апостолов по причине простоты их речи, Исидор указывает на суждение Сократа, приводимое Платоном, что украшенная речь недостойна философа, и на слова Гомера, который говорит, что учителям Божественных вещей нет нужды знать человеческую мудрость[1].

Исидор пользуется и историческими доказательствами Божественности христианского учения. Греческая религия, защищаемая учеными, давно существующая, поддерживаемая силою и оружием, более и более упадает; а вера христианская, проповедуемая простыми и бедными людьми, в короткое время распространилась и покорила себе многих язычников. Причина та, что учение Апостолов состоит из небесных истин, а религия языческая сцеплена из ложных басен[2]. Поэтому не себя ли осмеивают те, которые дерзают смеяться над христианством? Уничижая крест, они сами подвергают себя осмеянию, потому что побеждены крестом. Упрекая в неучености Апостолов, они полагают упрек на мудрейших из своих собратий, которые низложены неучеными мужами. Глумясь над достопоклоняемым гробом Спасителя, они тем яснее делают смешными свои храмы, которые ус-

---

[1] Lib. IV. ep. 30.

[2] Lib. 1. ep. 270.

тупили место осмеянному гробу. Пренебрегая Евангелие, унижают все, что у них почиталось важным; поелику все это покорилось тому, что они почитали неважным[1].

Защищая учение христианское о Божественном Промысле, Исидор показывает, к каким нелепостям приводит язычников верование в судьбу. Верующие в судьбу одними своими предположениями изощряют язык свой против Божественного Промысла и бросают стрелы в самое небо, другими — изгоняют все, что на земле есть хорошего: философию, медицину и все науки и искусства, упражнение в добродетели и обуздание порока. Ибо если судьба, при самом рождении определенная от тех, коим они преступно воздают Божеские почести (они самые звезды почитают за богов), если, говорю, судьба управляет состоянием человека, то не нужны ни философы, ни законодательство, ни судопроизводство, не нужно лечить больных, ни стараться о науке и художестве, ни размышлять, ни упражняться в добродетели, ни удаляться порока. Все сие ниспровергается мнением о судьбе. Снесет ли это кто-нибудь, если не совсем ещё лишен ума и благоразумия? Кто прельстится сею мечтою и вверит свою участь так называемому

[1] Lib. IV. ep. 76. 27.

случаю, — случаю, коего суетность желая открыть, писатели и живописцы не довольствовались представить его в образе женщины, но дали ещё ему кормило в руки, подложили под ноги шар и выкололи глаза, дабы чрез это доказать его безумие, безчувственность, слепоту и непостоянство? Кто же, пренебрегши всеуправляющую Десницу, вверит себя слепому, непостоянному и безумному вымыслу? Но говорят: отчего же некоторые обогащаются нечаянно? Отчего некоторые наказываются неправедно? Я спрошу: отчего одни обогащаются законно, а другие наказываются праведно? А нечестивые, хотя бы в сей жизни избегли наказания, в будущей непременно получат оное. Промысл знает причину всего случающегося с нами и каждому разделяет дары свои так, чтобы и богатый мог испытывать волю свою, и бедный, как злато в горниле искушенный бедностью, удостоился венца[1].

В борьбе с Иудеями Исидор пользуется не только книгами Ветхого Завета, из которого он объясняет пророчества, относящиеся к Иисусу Христу, но и сочинениями самих Иудеев — Иосифа Флавия и Филона. Из сочинений первого приводит он свидетельство об Иисусе Христе, а у второго находит учение о Слове. Примером

---

[1] Lib. III. ep. 154.

их он также доказывает справедливость прообразовательного истолкования Ветхозаветного Писания[1].

Для примера приведем, как Исидор опровергает Иудея, утверждавшего, что пророчество Моисея: *Пророка от братии твоея, якоже мене, возставит тебе Господь Бог твой* (Втор. 18, 15), относится к Иисусу Навину. 1) Моисей. будучи объят Духом Святым, изрек сии слова уже после избрания Иисуса Навина. 2) Если бы сын Навинов превзошел Моисея, то мнение сие было бы несколько вероятнее. Но поелику он был гораздо ниже Моисея, то и мнение сие не имеет силы. 3) Иисус Навин ничего не прибавил к закону, но сам поступал по его велению. 4) Если бы к нему относилось упомянутое пророчество, то надлежало бы сказать — не воздвигнет, но воздвигнул, и далее надлежало бы сказать: будет всяка душа, яже аще не послушает пророка сего, а здесь сказано: того. В подтверждение своего объяснения Исидор указывает на верование Иудеев, что под Пророком, о котором предсказывал Моисей, разумеется Мессия. «Почему Иудеи посылали к Иоанну, родившемуся спустя несколько веков, спросить: Пророк ли он? и почему Иоанн отвечал: несмь? Потому что хотя он и

[1]Lib. IV. ep. 225. Lib. II. ep. 111. Lib. III. ep. 19.

был Пророк, но не тот, коего посланные разумели. Почему, когда Спаситель пришел на землю, свидетели чудес Его говорили: *сей есть воистину пророк, грядый в мир* (Ин. 6, 14)? Пусть Иудей внимательно разсмотрит, сколько обстоятельств противоречат его мнению, и пусть лучше поклонится истинному провидцу и Царю»[1].

Иудеям, глумившимся над безмужним рождением Спасителя, Исидор объяснял оное сотворением первого человека и первой жены[2]. Иудеи, на основании слов Евангелиста Матфея: *и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца* (гл. 1, ст. 25), утверждали, что Иосиф после рождения Иисуса имел детей от Марии; посему Исидор писал против них: да знает нечестивый народ, что в Священном Писании слово «дондеже» часто употребляется для обозначения постоянного продолжения времени, напр. *дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих* (Пс. 109), и *не возвратися* (вран) *дондеже изсше земля* (Быт. 8, 7); *дондеже состареется, Аз есмь, глаголет Господь* (Ис. 46, 4). После рождения Иисуса от нарушения девства Марии предостерегали Иосифа видение Ангела, который сказал, что заимствовавший плоть во

---

[1] Lib. III. ep. 34.

[2] Lib. I. ep. 141.

утробе Девы родился от Духа Святого, величие и множество чудес, сопровождавших рождение, и девство после рождения, и пение Ангелов, и дары волхвов, и путеводная звезда, и изведение в Египет, и низвержение идолов, и праведность обрученных, засвидетельствованная Священным Писанием. Подтверждает это и последнее завещание Господа, вручающего Богоматерь девственнику Иоанну и соединяющего девство обоих, когда Он на кресте благоволил принять животворящую смерть[1].

[1] Lib. I. ep. 18.

Исидор как толкователь Священного Писания

Большая часть писем Исидора состоит в истолковании различных мест Священного Писания, и почти из каждой канонической книги Ветхого и Нового Завета он объяснил по несколько изречений[1]. Вообще в его изъяснениях видно сходство с толкованием Святого Златоуста, с тем только различием, что Исидор короче излагает свою мысль. Во многих местах он прямо руководствовался Св. Златоустом. Толкования Исидора были весьма уважаемы: многие даже из епископов просили у него изъяснения трудных мест Священного Писания; в числе сих епископов мы находим имя Григория (с вероятностью нужно полагать) Нисского[2].

---

[1] Из канонических книг Ветхого Завета не встречается в письмах Исидора мест из книги Руфь, Пророков Наума и Софонии. Из книг Нового Завета не встречается указаний на Послание Ап. Павла к Филимону и на три послания Иоанна Богослова.

[2] Lib. I. ep. 125. Из письма к Григорию Епископу видно, что Григорий жил в стране, отдаленной от обители Исидора, и пользовался великою славою.

Прежде нежели изложим наставления, руководствующие к истолкованию Священного Писания, и примеры его толкований, представим его мысли о Священном Писании.

С древними людьми, пишет Исидор, Бог беседовал не чрез письмена, но Сам непосредственно, находя их ум чистым и достойным научения без посредника. Это видно из того, что Он без письмен беседовал с Ноем, Авраамом и лучшими из потомков их, равно как и с славным Иовом. Когда коварный народ Иудейский ниспал в самую глубину нечестия, тогда стали необходимы письмена и научение посредством их. То же, что было во времена Ветхого Завета, ещё яснее открылось в Новом. Ибо Божественным Апостолам не было дано ничего написанного, но вместо письмен им обещана благодать Святого Духа. *Той*, сказал Спаситель, *воспомянет вам вся* (Ин 14, 21). Если ты думаешь, что писанные законы важнее неписанных, послушай, что говорит сам царь: и *завещаю с ними завет нов, дая законы моя в мысли их, и на сердцах их напишу их* (Иер. 31, 31–34), *и будут вси научени Богом* (Ис. 54, 13). Посему и Павел, утверждающий, что мы посредством веры приобрели более, нежели сколько открыл Моисей, сказал, что мы получили закон не на скрижалях каменных написанный, но изображенный на скрижалях сердца плотяных

(2 Кор. 3, 3). Но когда с течением времени одни стали погрешать в догматах веры, другие в жизни, опять нужно было научение чрез письмена. Ибо когда нарушены бывают неписаные законы, желающий привести подчиненного к добродетели издает писаные законы[1]. Если будешь внимательно читать Ветхий Завет, то откроешь, что в нем предсказано все, содержащееся в Новом Завете. Посему находящимся под законом и почитающим учение Евангелия для них чуждым Спаситель самыми словами закона показывает истину догматов благодати, дабы таким образом они увидели неразрушимое согласие обоих заветов[2]. Исидор говорит, что Сам Господь для того, чтобы показать согласие обоих заветов и что Он Сам дал закон, повелел исцеленному Им прокаженному идти в храм и принести дар[3]. Поэтому Исидор обличает Маркиона в крайнем повреждении Священного Писания, когда он слова: *не приидох разорити закон, но исполнити*, объясняет так: неужели вы думаете, что я пришел на землю исполнить закон и пророков? Я пришел, чтобы разорить их, а не исполнить[4]. По сей же при-

[1] Lib. III. ep. 106.

[2] Lib. 1. ep. 107. 458.

[3] Lib. 1. ep. 146.

[4] Lib. 1. ep. 374.

чине Исидор часто повторяет, что в том и другом Завете проповедуется один Бог, что один и тот же Законодатель обоих Заветов[1], хотя есть большое различие между обоими Заветами и Новый превосходнее Ветхого[2].

Закон дан был людям младенчествующим[3] и жестоковыйным[4], и Законодатель по Своей мудрости снисходил их немощи[5]. Законы Ветхозаветные даны были для того, чтобы умы людей приготовить к высшим заповедям Спасителя и Апостолов[6]. Так, Моисей определил наказывать только тех, которые совершили грех, а Иисус Христос запрещает самую наклонность ко греху и вожделение его[7]. Моисей дает правила для действий, а Иисус Христос и для мысли[8]. Закон Евангельский превосходнее и потому, что догматы, которые Моисей в образах и символах темно предал, ясно изложены и возвещены в Евангелии[9]. Наконец, закон Моисеев дан одним

---

[1] Lib. 1 ep. 146. Lib. II. ep. 133.
[2] Lib. 1. ep. 494. Lib. III. ep. 53.
[3] Lib. 1. ep. 445. Lib. IV. ep. 11.
[4] Lib. 4. ep. 203.
[5] Lib. II. ep. 133.
[6] Lib. IV. ep. 133.
[7] Lib. 1. ep. 458.
[8] Lib. II. ep. 243. Lib. III. ep. 254. Lib. IV. ep. 209.
[9] Lib. 1. ep. 401. 494. Lib. IV. ep. 157.

Иудеям, а учение Спасителя и Апостолов возвещено всему миру[1]. При появлении света исчезает утренний сумрак, при восходе светозарного солнца скрываются сонмы звезд, с наступлением ясного дня исчезает тень зари. Когда возсияла премудрость Евангельская, тогда сделалось ненужным руководство закона. Так немым сделался Захария, когда услышал благовестие нового и чудного приветствия[2].

Все, написанное в Священном Писании — сем небесном учении, для нашего научения написано[3]. Оно внушает прямую, ясную, твердую и непоколебимую веру в Бога[4]. Оно есть правило истины[5]. Учение, которое предал Иисус Христос людям и которое Апостолы словом и письменами сообщили многим, есть лествица, возводящая нас к Богу[6]. Если мы следуем ему, изощряется легкость и быстрота души нашей[7]. Оно доставляет нам в скорби сладкую веру, в несчастии надежду, в печали утешение[8]. Посему

---

[1] Lib. III. ep. 53.
[2] Lib. 1. ep. 257.
[3] Lib. 1. ep. 126. Lib. 1. ep. 467.
[4] Lib. II. ep. 299.
[5] Lib. IV. ep. 114.
[6] Lib. 1. ep. 360.
[7] Lib. II. ep. 106.
[8] Lib. II. ep. 299.

для грешника лучшее врачевство денно и нощно упражняться в Священном Писании. Оно есть духовное зеркало, которое не только показывает наши безобразия, но, если мы захотим, изменяет оное в красоту[1]. Оно доставляет врачевство против грехов всякого рода[2]; при его помощи познается и сила болезни и способ врачевания[3]. Священное Писание есть напутствие ко спасению.

Божественное достоинство и душеспасительная польза Священного Писания требуют от приступающего к изъяснению его особенного приготовления. «Приступающий к изъяснению Священного Писания, — пишет Исидор, — должен приготовиться к сему, очистив сердце свое и изгнав из себя страсти и пороки[4]. Ум нечистый не может из Священного Писания получить что-либо себе на пользу[5]. Надобно с осмотрительностью исследовать смысл оного и не касаться дерзновенно непостижимых таин[6]. Что в Священном Писании есть места неудобопонятные, это есть устроение мудрости и попечения Божия. Ибо если

---

[1] Lib. II. ep. 135.
[2] Lib. V. ep. 376.
[3] Lib. V. ep. 257.
[4] Lib. IV. ep. 133.
[5] Lib. 1. ep. 304.
[6] Lib. 1. ep. 24.

бы все было ясно, то в чем могли бы мы обнаружить свою мудрость, когда бы не нужно было никакого исследования, и если бы все было темно, то как бы стали понимать оное? Ясным объясняется темное, а когда некоторые места встречаются темные, то это смиряет гордость ума человеческого[1]. Читая Священное Писание, не должно ограничиваться только уразумением смысла, но несомненно и на деле исполнять заповеди его[2]. Желающий изъяснять Священное Писание должен иметь язык простой и степенный, благоговение в душе и следовать за писанием своим умом, а не приспособлять оное к своей мысли. Ибо неправильно толкующий Священное Писание подвергает опасности спасение своей души[3]. Отдельные слова должно изъяснять по связи мыслей»[4]. Для избежания суемудрого толкования и предохранения себя от гибельных заблуждений и ересей Исидор советует руководствоваться указаниями святых мужей и следовать символу веры, изложенному на Никейском соборе; ибо сей собор по внушению Божию изрек истинные догматы[5]. Таким образом, Исидор совокупность истин веры,

---

[1] Lib. IV. ep. 82.

[2] Lib. IV. ep. 33.

[3] Lib. III. ep. 292.

[4] Lib. III. ep. 136.

[5] Lib. IV. ep. 99 и Lib. 1. ep. 51

возвещаемых Церковью, признает за одно из главных руководственных начал при объяснении Священного Писания.

По мнению Исидора, не правы те, которые в Ветхом Завете относят к Иисусу Христу места, не имеющие к Нему приложения. Ибо они сим самым усиливают язычников и не принимающих Ветхого Завета еретиков в борьбе с нами. Принужденно прилагая к Нему то, что не о Нем сказано, они подрывают доверие к тому, что прямо к Нему относится. «По моему мнению, нужно было и не все сказать, и не совершенно умолчать о Нем. Ибо полезно было и не все сказать о Христе для тех людей, которые о Боге Отце сомневались и говорили: *сотвори нам боги*; и не все умолчать о Нем нужно было для обличения неверовавших Иудеев и укрепления надежды, тех, которые имели уверовать»[1]. В письме к Тимофею чтецу Исидор подробнее раскрывает эту мысль «Божественная и вечная сила, восхотев заключить в древнейших письменах предсказания о будущих событиях, совершила сие дело так премудро, что оно выше всякого описания и хвалы. Ибо если происходило когда-либо такое событие, которое могло служить образом будущих благ, то благодать иное изобразила в нем

[1] Lib. II. ep. 195.

слабыми очерками, а иное яркими красками так, что живописала светлый образ. Отсюда истекли две величайшие выгоды: первая та, что древние, находя в священных сказаниях много полезного для себя, не почитали оные странными; другая та, что потомки познают из оных непреложность пророчеств. Истолкователи прообразований, если видят, что без принуждения можно изъяснить все части оных, должны делать это с рачением, а если видят невозможность, не должны усильно усвоять таинственный смысл тем местам, которые не допускают оного, дабы таким образом не подвергнуться упреку в искажении и тех мест Священного Писания, которые требуют таинственного объяснения, дабы не причинить соблазна Иудеям, Эллинам и еретикам и не отнести ко Христу чего-либо несообразного с Его достоинством. Если же что сказано применительно к современным обстоятельствам, то надлежит прямо указывать сию цель сказаний и не вдаваться в принужденные и неприличные изъяснения»[1]. Чтобы объяснить лучше свою мысль примером, Исидор указывает на 71-й Псалом. Сей Псалом написан о Соломоне. Некоторые стихи его относятся к Соломону, но часть из них и важнейшая к Иисусу Христу. По

[1] Lib. II. ep. 63.

первому смыслу, по-видимому, воспевается Соломон, но глубочайший и внутреннейший смысл указывает истинного Примирителя, Который был великим Утешением для тогдашних людей и ещё большим для будущих. Ибо слова: и пребудет с солнцем (имя Его) и прежде луны рода родов (ст. 5) и все прочее, приличное Божеству, как высшее не только человека, но и всякой небесной силы, воспевается о Христе. Слова же: и помолятся о нем выну (ст. 15) сказаны о Соломоне. Мы не должны принужденно истолковывать пророчества, ни впадать в странные объяснения для введения единообразного смысла в пророческие места, но с разсуждением уразумевать и то, что сказано исторически, и принимать предсказанное по созерцанию, а сказанного в историческом смысле не относить к духовному, но давать смысл сообразный тому и другому способу речи. Если же найдется какое-нибудь пророчество, содержащее и без принуждения указывающее на духовный смысл, можно пользоваться тем и другим смыслом[1].

О книге Бытия Исидор замечает, что Моисей хотел предложить в ней не историю только занимательную для души, но поелику намеревался дать закон, то прежде указывает Творца

---

[1] Lib. IV. ep. 203.

и Судью всяческих, дабы люди не воздали Божеской почести вещам сотворенным. Потом, показав награды для благочестивых и наказания для грешных, переходит к закону, чтобы на основании того, что случилось, поверили и тому, что будет, и, уверовав, склонились к благочестию и правде[1].

Из мест книги Бытия, изъясненных Исидором, более примечательно объяснение на слова: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (гл. 1, ст. 26). Исидор жил в то время, как заблуждение антропоморфистов в Египте было в силе, и сам Исидор, объясняя эти слова, говорит, что вопрос об них весьма часто слышится.

Справедливее поступают те, пишет Исидор, которые изображают Бога, снимая черты с лучшей части человека, то есть с души разумной. Ибо представляющие себе Божество в телесном только образе крайне безумны. Они увлекаются тем, что сказано в переносном смысле и не способны возноситься мыслью к тому, что сообразнее с Божеством. Как можно было бы сказать: *в крове крилу твоею покрыеши мя* (Пс. 16, 8), и *седмь очес Господних, призирающих на землю* (Зах. 4, 10), когда человек не имеет ни крыльев, ни очес? Для чего Апостол Павел сказал, что Боже-

[1] Lib. IV. ep. 176.

ство не подобно даже *смышлению человечу* (Деян. 17, 29)? Что значат слова Исаии: *кому уподобите Господа* (40,18)?Для чего, наконец, Моисей сказал: *и снабдите души своя зело, яко не видесте всякого подобия в день, в онь же глагола Господь к вам* (Втор. 4, 15)? Человек — образ начальствования и господствования, а не сущности; а когда делает правду, то и добродетели. Хотя мы почитаем разумную душу также безсмертною, но она не единосущна сей Божественной и безначальной природе; напротив, столько различествует от нее, сколько тварь должна быть отлична от Творца. Слово: *по подобию* (если кому не покажется однозначущим с предыдущим: *по образу)* должно изъяснить таким образом: Бог для того вручил власть человеку, чтобы он показал добродетель и чрез то снискал подобие. Первое зависело от творения, а последнее от произволения существа сотворенного. По сей-то, может быть, причине сказано: *сотворим человека по образу нашему и по подобию*, а после: *и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27), но не прибавлено: *по подобию*. Как бы так было сказано: сотворим человека по образу нашему, дабы он собственным произволением достигал подобия. И Единородный Сын Божий, пришедши к нам, говорил: будьте подобны Отцу вашему небесно-

му, как бы желая показать тем, что человек по сотворению сделался образом Божиим, а подобием может сделаться только по произволению[1].

Исидора спрашивали: в каком порядке читать три книги Соломона? Он отвечал: надобно знать, что одна из них учит добродетели нравственной, другая показывает, как суетен труд тех, которые привязываются к земным вещам, третья говорит о душе, научившейся Божественной любви. Посему сначала должна быть читана книга Притчей, потом Екклесиаст и после Песнь Песней. Кто очистил нравственное чувство изучением Притчей, за того можно не опасаться, чтобы, перешедши к Песни Песней, стал мечтать о плотской и чувственной любви; напротив, он воскрилится любовью к чистому и Божественному Жениху, называющему блаженными любящих. Посему я увещеваю и учу юношей, чтобы они не прежде касались третьей книги, как изучив первые две[2].

Представим несколько мест Писания, объясненных Исидором, чтобы яснее видеть способ толкования, им усвоенный.

Ис. гл. 6, ст. 9 и 10. Перемена лиц ясно показывает смысл сказанного. Ибо если бы слова

---

[1] Lib. III. ep. 95.

[2] Lib. IV. ep. 40.

сии должно было относить к народу Израильскому, то сказано было бы так: иди, скажи народу сему: слухом будете слушать, и не уразумеете, глазами будете смотреть, и не узрите: ибо огрубело сердце ваше и ушима тяжко слышите и глаза свои закрыли, да некогда увидите глазами, и ушами услышите, и сердцем уразумеете, и обратитеся и исцелю вас. Поелику же сказано не таким образом, но переменяются три лица, именно от кого, к кому и о ком речь идет; то сила изречения требует такой мысли: иди, скажи народу сему: слухом будете слушать и не уразумеете, глазами будете смотреть, и не узнаете. Потом Пророку, когда он как бы испытывал причину сего, показана была оная причина в словах: *одебеле бо сердце людей сих и ушима тяжко слышат, и очи свои смежиша.* А ежели они сами противятся своему спасению, — как бы так сказал Пророк, — для чего же Ты посылаешь меня проповедовать им? Может быть, так отвечает ему Бог (ибо частица μήποτε, да некогда, такое здесь имеет значение): может быть, они узрят очима, и ушима услышат, и обратятся, и исцелю их. То есть частица *да некогда* (μήποτε) выражает здесь не лишение слуха, но надежду покорности. А что она употребляется и в таком значении, в удостоверение послушай Иудеев, что они говорят о Спасителе.

Не сей ли есть, егоже (Фарисеи) *ищут убити? И се не обинуяся глаголет и ничесоже Ему глаголют. Еда како* (μήποτε) *уразумеша князи, яко сеи есть Христос* (Ин 7, 25–26)? Ученые, в числе коих считается и Филон, часто также употребляют μήποτε вместо ἴσως — может быть, или вместо ἔσθοτε, некогда. Если же сверх сего ты хочешь иметь свидетельство от лица Богодухновенного, послушай Апостола Павла, который пишет: *рабу Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, незлобиву, с кротостию наказующу противныя: еда како даст им Бог покаяние в разум истины* (2 Тим. 2, 24–25). И здесь частица μήποτε употреблена вместо ἔσθοτε, некогда, или ἴσως, может быть; ибо выражает надежду покаяния, а не отриновение. И в другом месте написано: *обличи друга, егда ещё* (μήποτε) *не сотворил* (Сир. 19, 13). Если таким же образом будем понимать пророческое место, то и Богу, Который предсказал Свои действия, будет приписано то, что свойственно Его природе. Ибо Он, без сомнения, хочет, чтобы спаслись погрязшие в беззаконии и потому посылает к ним таких людей, которые могли бы уврачевать их. Пусть они не оставят своего безумия, но что с Его стороны нужно было сделать, то сделано. Посему и Богу сохранится приличное, и ясно будет, что Пророк не

напрасно был послан, не для укоризны, но поставлен служителем здравия и спасения. Ибо цель его посланничества была не та только, чтобы обличить народ, но чтобы, укорив согрешающих и обнаружив беззакония, воззвать их к покаянию, а обращающимся показать способ врачевания[1].

Прекрасно Исидор объясняет слова: *будите мудри, яко змия, и цели яко голубие* (Мф. 10, 16).

Мудрость, соединенная с простотою, составляет что-то Божественное, то есть добродетель всесовершенную. Если же одна от другой бывает отделена, то первая превращается в лукавство, а последняя в глупость: и та способна к совершению злодеяния, и сия легко обманывается. Посему-то Слово Божие не представило сего под одним символом, (ибо в бессловесных животных нет мудрости с простотою: одни из них хитры, другие управляются безсмысленною простотою) но заповедало: *будите мудри, яко змия, и цели, яко голубие*. Смысл сего изречения не тот, чтобы мы подражали ядовитости и лютости змия (ибо Иудеям та ставится в порок, когда они называются змиями и порождением ехидны); и не тот, чтобы мы подражали лукав-

[1] Lib. II. ep. 270.

ству змия и его способности обманывать (ибо подобие берется не в полном объеме, но по частям, иначе оно не было бы уже подобие, а самая вещь уподобляемая); не тот, говорю, но чтобы мы совлекались ветхого человека, то есть зла, как змий сбрасывает кожу свою, и веру хранили так же, как он хранит голову; о теле менее заботились, от всего прочего удалялись; и с сими качествами соединяли простоту голубя, не в подражание его безсмысленности (так Ефрем уподобляется голубю безумному, не имеющему сердца (Ос. 7, 11), но чтобы подражали его простоте и незлобию. Если угодно, я объясню мысль свою и другим примером. В Священном Писании называется львом не только Христос, но и праведник и даже дьявол, впрочем не в одинаковом смысле. Ибо, как я прежде сказал, подобие берется не в полном смысле, но в той только части, которая служит к объяснению речи, все прочее остается без приложения. Так, Христос называется львом относительно к царскому достоинству и силе непобедимой: *возлег, уснул еси яко лев* (Быт. 49, 9). Праведник называется львом по спокойствию и небоязненности: *праведник яко лев уповая* (Притч. 28, 1). Наконец, дьявол называется львом по отношению к лютости и кровожадности: *яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Итак, если

Писание от одного животного заимствует различные образы и мы не смешиваем представления, но к каждому приспособляем приличное; то почему же удивляемся, если Павел взял подобие от брения (Рим. 9, 21) не с тем, чтобы опровергнуть свободу человеческой воли, которую он повсюду превозносит, но чтобы, с одной стороны, дать понятие о той покорности, которую праведник должен иметь к Богу, с другой, чтобы уврачевать безумие тех, которые осмеливались порицать учение чистейшее, и слово и ум превосходящее[1].

Мф. гл. 11, ст. 11. Большим Иоанн из рожденных женами назван потому, что он ещё в утробе матерней пророчествовал и, будучи сокрыт во мраке, уже знал о Свете грядущем. Выше же всех Пророков Иоанн потому, что видел во плоти Того, Который был предметом пророчеств, Которого все Патриархи и Пророки зрели только в сониях и видениях, видеть же телесными очами не могли[2]. *Мний же в Царствии Небеснем болий Иоанна есть*, значит: совершенный в законе менее того, который крестился в смерть Христову. Ибо в том состоит Царство Небесное, чтобы быть погребенным со Христом, Ко-

[1] Lib. II. ep. 175. cp. Lib. IV. ep. 137. 228.

[2] L. 1. ep. 33.

торый сошел во гроб для разрушения смерти и, победив её, даровал воскресение. Посему хотя Иоанн был более всех рожденных женами, но был усекнут прежде наступления Царства Небесного, и хотя был безукоризнен по правде законной, но был ниже усовершенных Духом жизни о Христе, прежде их отшедши из сей жизни. Итак, всякий меньший в Царствии Небесном, то есть в жизни о Христе, более совершенного по закону; ибо закон не давал совершенства[1].

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга (Ин. 13, 34).

Если бы кто сказал, что в Ветхом Завете не говорится: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе*; то я отвечал бы, что Сын Божий преимущественно законоположил сию заповедь. Потом, когда явился во плоти, присовокупил к ней нечто более, сказав: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы*. Заповедь о любви находится и в Ветхом Завете, но слова: *якоже Аз возлюбих вы*, Он вновь прибавил. Посему и назвал сию заповедь новою. Ибо иное дело любить ближнего, как самого себя, иное пренебрегать своими выгодами для пользы ближних. Как Он сам имел в виду не собственное достоинство, но пользу человеков,

---

[1] Lib. 1. ep. 68.

и Себе умалив, не возгнушался зрак раба принять, дабы доставить всыновление рабам; так и каждому из нас заповедал не свою наблюдать выгоду, но пользу ближних[1].

Заслуживают также особенного внимания объяснения следующих мест Писания: Мф. 5, 20. 19, 11; Ин. 21, 25; Деян. 27, 22–23; 19, 35; Рим. 1, 32; 3, 25; 11, 8; 1 Кор. 15, 29. Слова Апостола: *аще мертвые отнюдь не возстают, что и крещают мертвых ради*, Исидор объясняет так: если мертвые не воскреснут, то для чего мы веруем, что чрез крещение наши тела делаются причастными нетления и безсмертия? Мы крестимся в надежде измениться в нетление[2].

Из приведенных примеров видно. что Исидор старается объяснять буквальный смысл Писания. В письме к Валентиниану он осуждает тех, которые прибегают без нужды к аллегорическому толкованию[3].

---

[1] Lib. III. ep. 410.

[2] Lib. 1. ep. 221.

[3] Lib. IV. ep. 107.

Исидор
как учитель веры

Чаще других догматов Исидор говорит в письмах своих о Божестве Сына Божия для опровержения лжеучения Ариан. Если Божественный Образ и Слово Отчее произошло во времени, как говорят некоторые, то оно не вечно. Если же напротив вечно, как мы утверждаем, то Оно не произошло во времени. Писание, называя Иисуса Христа сиянием славы Отчей, сим показывает совечность Его Отцу; *образом Ипостаси* (Евр. 1, 5) личное его свойство; *Словом* (Ин 1, 1) безстрастную Его природу, *Сыном* — сродство и единосущие с Отцом. Таким образом, из всех понятий, какие заключаются под сими наименованиями, мы должны усвоять Божественному естеству только те, которые приличествуют Ему, прочие же оставлять как недостойные Божества. В отношении к вещам сотворенным могут иметь место слова: прежде и после, но в поклоняемой и царствующей Троице ничего нельзя назвать ни первым, ни вторым; потому что Божество выше

числа и времени. «Когда Священное Писание, — пишет Исидор в другом письме, — называет рождением безначальное, вечное, невыразимое словом и непостижимое умом происхождение Иисуса Христа от Отца; то оно не приписывает сим Богу ничего страстного, но прямо указует на единство существа Отчего и Сыновнего. Ибо несомненно, что все рождающееся имеет одну сущность с рождающим. Но дабы кто не подумал, что Слово получило бытие после Отца, Писание говорит: *в начале бе Слово*. Далее показывает и отношение Слова к Отцу: и *Слово бе к Богу*, наконец и самое достоинство Слова: *и Бог бе Слово*. Посему мы из наименования Иисуса Христа Сыном как, с одной стороны, должны уразуметь Его единосущие с Богом Отцом, из наименования Словом — Его безстрастную природу, из Его бытия в начале — совечность Отцу, из того, что Слово было у Бога, — Его нераздельное единение со Отцем, и наконец из того, что Слово было Бог, — Его высочайшее достоинство; так, с другой стороны, мы должны от каждого из сих наименований отделять все несообразное и неприличное Богу, чтобы по наименованию Христа Сыном, не подумать, будто Он не безначален; по наименованию Словом, будто не самостоятельно Его бытие. Таким образом, мы должны исповедывать и почитать Его Богом вечным, Единосущным Отцу,

непричастным ничего страстного, родившимся от Отца довременно»[1].

Когда Ариане и Евномиане указывали на слова Евангелиста Марка: *о дни же том и часе никтоже весть, ни Сын, точию Отец* (Мк. 13, 32); Исидор говорит, что Спаситель отклонял здесь только безполезные вопросы. Ибо мог ли Творец мира не знать времени кончины его? И тот, кто так подробно указывал знамения пришествия Своего, мог ли не знать, когда оно совершится?[2] Подобным образом объясняет Исидор слова Спасителя: *Отец Мой болий Мене есть* (Ин. 14, 28). Спаситель сказал это для утешения учеников, смущенных вестью о предстоящих страданиях своего Учителя. Он как бы так сказал: Я иду к Тому, Которого вы считаете большим Меня. Впрочем, Иисус Христос мог назвать Отца большим, как получивший от Него рождение, будучи равен Ему по естеству[3].

Во многих письмах Исидор излагает учение о падении и возстановлении человека.

Общий всех враг лишил род человеческий совершенств, которые вместе с бытием своим получил сей от Бога, и вовлек людей в жизнь, со-

---

[1] Lib. IV. ep. 142.

[2] Lib. I. ep 117.

[3] Lib. III. ep. 334.

вершенно противную добродетели. Впрочем, он делал это не без содействия самих людей, которые поработились ему. Дьявол сам по себе не мог бы сего сделать, если бы не помогла ему безпечность обольщенных им людей. Но поелику человеколюбию Творца угодно было опять облечь род человеческий в оружие добродетели, то Слово Божие и снизошло на землю, покрыло нас любовью, как ризою Ангельскою, и с нею даровало нам все. Ибо все, какие есть виды добродетели, заключаются в одной всеобщей, коей имя любовь[1].

Следствия грехопадения человека состоят как в болезнях и смерти[2], так и в нравственном повреждении[3]. Опровергая Новатиан, Исидор пишет Киру: Скажи ученику Новата: Что ты безумно хвалишься чистотою? Что ты считаешь себя чуждым греха? Исаия называет себя нечистым; Давид называет лживым всякого человека и говорит, что все во грехах зачаты и на свет произошли. Сам Бог свидетельствует, что прилежит помышление человеку на злая, и он нуждается в елее милосердия (Быт. 8, 24)»[4]. Если бы мы ска-

---

[1] Lib. IV. ep. 15.

[2] Lib. IV. ep. 204. 141.

[3] Lib. III. ep. 162. Lib. IV. ep. 124. Lib. III. ep 195. διά τήν παραβασιν του Αδαμ δια δοθεντα τῇ φύσει ρυπόν.

[4] Lib. 1. ep. 100.

зали, пишет Исидор в другом письме, что блажен тот, кто никогда не грешит; то никто не был бы причастен сего блаженства. Ибо кто похвалится, что он имеет чистое сердце? Или кто осмелится сказать, что он чист от греха?[1] Впрочем, природа человеческая не совсем утратила прирожденные семена добра[2]. Она в себе носит точное и неложное судилище (κριτηριον), правило (κανων) добродетелей, которое Сам Иисус Христос предлагал в виде заповеди: *вся, елика аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите такожде*[3]. Он же говорит, что благий человек от благого сокровища сердца своего износит благое[4]. Это подтверждает и история. Во всякое время были люди, которые, руководствуясь прирожденным законом, творили доброе, каковы Мельхиседек, Иов, Корнелий[5].

Но большая часть людей, забыв о будущей жизни и мздовоздаянии, совершали тяжкие грехи[6]; подпав власти дьявола, они низверглись во все преступления и дошли до крайнего бедствия[7].

---

[1] Lib. IV. ep. 101.

[2] Lib. II. ep. 2. Lib. IV. ep. 53.

[3] Lib. IV. ep. 53. 54. Lib. II. ep. 72.

[4] Lib. III. ep. 107.

[5] Lib. IV. ep. 61.

[6] Lib. IV. ep. 146.

[7] Lib. III. ep. 329.

Поелику ни закон, данный Моисеем, ни увещания Пророков не могли уничтожить язвы греха, распространившейся на всех[1]; то Бог послал Своего Единородного Сына, дабы иметь причину к отпущению грехов. Сын Божий воплотился для того, чтобы сокрушить силу дьявола[2] и примирить людей с Богом[3].

Объясняя действие крещения, Исидор так излагает свои мысли о благодеяниях, дарованных человеку воплощением и крестною смертью Богочеловека: «Ты просишь меня указать причину, почему крестят младенцев, ещё не знающих греха? Некоторые говорят — для того, чтобы омыть нечистоту, внесенную в естество человеческое преступлением Адама. Веруя, что бывает так, я думаю, что крещением доставляются и многие другие дарования, много превышающие наше естество. Ибо природа наша получила не то только, в чем она нуждалась для уничтожения греха, но и украшена Божественными дарами. Ибо она не только освобождалась от наказания и совлеклась всего лукавства, но и возродилась свыше пакибытием Божественным и превосходящим слово, и искуплена, и освящена, и удостоена всыновления,

---

[1] Lib. IV. ep. 100.

[2] Lib. IV. ep. 64.

[3] Lib. IV. ep. 10.

и оправдана, и соделалась сонаследницею Единородного и единым телом с Ним по участию в священных таинствах, и именуется Его плотью, и как тело соединено с главою, так и она со Христом. Посему Павел сказал: и *Того даде главу выше всех Церкви* (Еф. 1, 28), то есть кроме других даров даровал ещё человеческому естеству то, что Христос соделался его Главою. В другом месте говорит: *множае паче избыток благодати и дар правды приемлюще в жизни воцарятся* (Рим. 5, 17); не сказал: благодать, но: избыток благодати, показывая, что мы не врачебство только получили, соответствующее болезни, как думают некоторые, не понимая щедродаровитости Божией, но и благообразие, и честь, и славу, и достоинство. Потому, возлюбленный, признавай крещение, не очищением только грехов, но и достовляющим всыновление и Божественное сродство и другие безчисленные блага, частью упомянутые мною, частью не упомянутые. Ибо Царь всяческих не только освободил плененное естество человеческое, но и возвел его на высшую честь»[1].

Спасительные заслуги Сына Божия усвояются человеку только под условием содействия его

[1] Lib. III. ep. 123. О преложении хлеба в таинстве Евхаристии Исидор выражается так: ἐπὶ τῆς τραπεξῆς τῆς μυστικῆς τὸν ἀρτὸν κοινόν σωμα ἰδικὸν τῆς ἀυτοῦ σαρκώσεως ἀποφαινον (το πνευμα πανανίοον) Lib. 1. ep. 109.

воли. Божественная благодать, в соединении с старанием самого человека, спасает человека. Посему и тот, который имел говорящего в себе Христа, сказал: поспешествуют по предуведению званным (Рим. 8, 28). Ибо не просто звание (потому что все званы и не все повиновались), но изволение званных содействует спасению их. Ибо звание было не с принуждением, но добровольное[1]. Не одинаково раздаяние даров благодати потому, что благодать Божия сначала испытывает свойство сердца и потом уже приступает к самому делу. Ибо хотя она и благодать (дар туне даемый), однако же изливается не напрасно и не случайно. От тех, которые принимают её, берет она меру и вливает в нее столь много, сколь велика мера. И сия мера есть чаша веры. Если бы она сначала не требовала того, что от нас зависит; то без всякого сомнения изливалась бы равно на всех без исключения. Но поелику она прежде испытывает волю и расположение сердца и потом уже начинает действовать, посему она на некоторых людей нисходит и остается при них, от других удаляется, наконец вовсе оставляет и никогда уже к ним не возвращается[2].

---

[1] Lib. IV. ep. 54.

[2] Lib. III. ep. 271.

В другом месте Исидор высказывает мысль, что духовные дары раздаются людям сообразно с тем, к чему кто из приемлющих предварительно приготовил свою душу[1]. Апостол Павел сравнивает человека с глиною, дабы показать, что всякий должен во всем повиноваться воле Божией. Если кто хочет противиться, Бог не принуждает его к повиновению; поелику не хочет уничтожить свободной воли человека[2]. Посему не должно удивляться, что Господь Иисус Христос, обладая непобедимою силою убеждения, не склонил Иуду следовать добродетели. Ибо он имел свободное произволение. Сие-то произволение и служит основанием вменения нам поступков наших, так, что человек с одной стороны заслуживает похвалу, когда действует по собственной свободе, а с другой, напротив, достоин порицания и осуждения, когда не следует добрым советам других[3].

В письмах Исидора есть наставления о почитании креста[4] и св. мощей[5]. У него встречается объяснение некоторых действий Богослу-

---

[1] Lib. II. ep. 70.

[2] Lib. II. ep. 175.

[3] Lib. II. ep. 129.

[4] Lib. IV. ep. 32. Lib. V. ep. 367.

[5] Lib. 1. ep. 55. Lib. II. ep. 5.

жения, например объяснение возгласа Священника: мир всем[1], значение литона, который постилается под Святыми дарами[2], омофора Епископов и ораря дьяконов[3]. Находим у Исидора еще указание на дозволение петь женщинам в церкви[4] и на обычай носить при себе малые Евангелия[5].

[1] Lib. 1. ep. 122.

[2] Lib. 1. ep. 123.

[3] Lib. 1. ep. 136.

[4] Lib. 1. ep. 90.

[5] Lib. II. ep. 150. Об этом упоминает и Златоуст. Hom. XIX ad pop. Antioch.

СОСТОЯНИЕ ИНОЧЕСТВА В ЕГИПТЕ С ПОЛОВИНЫ ПЯТОГО ВЕКА

История иночества в Египте с половины пятого века представляет большею частью грустную картину распространения разного рода ересей. Ещё при Феофиле грубое заблуждение антропоморфистов заразило некоторых простых и необразованных пустынников, а другие не умели отличить истины от лжи при чтении сочинений Оригена и с доверием принимали самые погрешительные его мнения. Это было как бы только вступление к другим ересям, таившимся между иноками и совершенно изменившим вид сих пустынь, освященных таким сонмом верных рабов Христовых. Пока Церковью Александрийскою управлял Св. Кирилл, он умел охранять иноков от ереси Нестория, с которою он так сильно и твердо боролся. Но после смерти его преемник его Диоскор объявил себя ревностным защитни-

ком Евтихия, другого ересеначальника, и увлек в его заблуждение множество пустынников. Теперь начали исполняться пророчества св. Отцов об упадке иноческой жизни. Однажды в собрании старцев предложен был вопрос: что сделают те иноки, которые будут после нас? Они, сказал Авва Исхорион, исполнят в половину против нас. — А те, которые после них будут? — Люди века того ничего не сделают. Но к ним придет искушение. И те, кои в то время окажутся добрыми, будут выше нас и отцов наших. Нет сомнения, что к сему времени можно применить то, что Бог в Ветхом Завете сказал Пророку Илии, когда он жаловался на нечестие народа Израильского[1]. В числе пустынников Господь сохранил для Себя великое число рабов, которые соблюли Его веру и истинное послушание среди гонений и преследований от еретиков. С великим мужеством противостояли они худым примерам и обольщению и этим стали не ниже первых отцов. Хотя на кафедре Александрийской после смерти Кирилла возседали большею частью недостойные пастыри Диоскор, Тимофей, Петр Монг, но были и православные епископы, которые старались уврачевать бедствия, причиненные ересями, и привести в лоно Церкви заблудшую часть своей Церкви. Таковы были Св. Протерий, Тимофей, Иоанн и др.

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве... 119.

Последние двое взяты были из Конопа из Тавеннского монастыря. В горе Нитрийской в начале VI века из двух церквей одна принадлежала еретикам Евтихианам, и один великий подвижник Иаков только по Божественному откровению утвердился в верности Православной Церкви. И в это горестное время большая часть монастырей египетских были в таком положении, что Евлалий Епископ Сиракузский не позволял путешествовать туда благочестивым инокам[1].

Иоанн Лествичник в своей духовной Лествице представляет вблизи Александрии обитель иноков под управлением превосходного настоятеля, цветущую всеми добродетелями. Иноков было здесь 330 человек. Это было во времена св. Евлогия, 580–606 г. Назидательный пример иноческой жизни и описания темницы или места кающихся можно читать в 4, 5 степенях духовной Лествицы.

Около 607 г. посещали Египет Иоанн Мосх с своим другом и учеником Софронием. Они явились помощниками Иоанна Милостивого в борьбе с еретиками. По словам жизнеописателя Иоанна Милостивого, укрепляемые Святым Духом, они мудростью своею препирались с Северянами и другими нечестивыми еретиками и многие скиты, многие церкви, многие монастыри исхищали

[1] Surii vitae Sanctorum M. Jannarius p. 15.

из уст зверей сих, как добрые пастыри. В пустынях Египетских они нашли ещё многих добрых подвижников.

В Оазисе Ливийском нашли они инока Льва, отличавшегося смирением, безмолвием, нелюбостяжанием и любовью, которую он имел ко всем. Этот старец не раз повторял странникам: Дети! я буду царствовать. Действительно, он воцарился, положивши душу свою за друзей своих. В то время вторглись Мазики и захватили в плен Авву Иоанна, Евстафия Римлянина и Федора, которые были немощны. Так как варвары требовали за них большой выкуп, которого не было средств выплатить, то они оставались пленными. Взяв восемь золотых у Епископа, Лев пришел с ними в шатры Мазиков и упрашивал их взять его и восемь монет, а пленных иноков отпустить, потому что они немощны и не могут служить, а он в состоянии работать. Варвары согласились и, отпустив прежних пленников. взяли с собою Льва, но увидав, что он не может быть работником, обезглавили его. Указывая на сей высокий пример любви, св. Иоанн Лествичник говорил: никто да не отговаривается своею немощью исполнять евангельские заповеди; ибо есть души, которые сделали и сверх заповеди. И в сказанном без сомнения убедит тебя Тот, Кто возлюбил ближнего выше Себя и положил за него душу Свою, хотя не имел на то повеления Господня[1]. Они

слышали о Данииле Египетском, по слову которого, для уничтожения клеветы, проглаголало дитя 22-х дней от рождения[2].

В Теренуфе они видели Иринея, который, удалившись из Скита по страху нападения варваров, возвратился опять в пустыню Скита, чтобы не лишиться молитв скитских[3]. Другой инок, Маркелл, услышав, что одному отличному ездоку Филерему, лишившемуся пальмы, друзья его кричали: Филерем (любитель пустыни) не получит венка в городе, удалился в пустыню и там 35 лет прожил безвыходно. Всякий раз, как помысл склонял его выйти из пустыни, он говорил себе: Филерем не получит венка в городе. Захваченный в плен варварами, он, освободившись из плена, поселился в пустыне келлий. «Поверьте, дети мои, — говорил сей старец, — ничто так не возмущает и не тревожит, ничто так не раздражает и не уязвляет, ничто так не ослабляет демонов, как наше всегдашнее упражнение в псалмопении. Ибо мы, поя псалмы, то молимся о себе, то проклинаем демонов». Поспешим, говорил он ещё, выйти из плотской жизни, как Израиль из рабства Египетского. Великие и восхитительные блага обещал нам Бог взамен грубого удовольствия

---

[1] Ст. 26. 12.

[2] Луг духовный, гл. 115.

[3] Там же, гл. 54.

мирского. Ничто так не приближает монахов к Богу, как добрая, целомудренная и Богоподобная чистота, которая доставляет честь и делает нас способными предстоять Господу без развлечения. Не удивляйся, что ты, будучи человеком, можешь сделаться Ангелом; ибо одинаковая с Ангелами ожидает слава, которую Подвигоположник обещает подвизающимся. Познай опытом добрую жизнь и не станешь страшиться её, как чего-то невозможного[1]. Иоанн видел подвижников в Никополе, Антиноэ. Здесь ему разсказали об обращении одного начальника разбойников, Давида, сделавшегося столь великим подвижником, что он удостоился дара чудотворений. В Александрии он встретил великих подвижников Палладия, Мина, Иоанна Евнуха, Феодора и некоторых других.

В Лавре Октодекитской в Александрии нашли они великого старца, который давал им прекрасные наставления. Научи нас, как должно жить? — спросили его странники. Дети! если желаете спасения, удаляйтесь общения с людьми. Сидите в келлии, где вы изберете себе место; тщательно храните молчание и непрестанно молитесь, я надеюсь, что Бог даст вам ведение и просветит ваш ум, если желаете. Увы! Сколько будем плакать и раскаиваться, в чем ныне не раскаиваемся.

---

[1] Луг духовный, гл. 150. 151.

Когда хвалят нас, не умеем смиряться, а когда поносят нас, не умеем переносить. Первое рождает в нас любочестие, а последнее причиняет нам скорбь. Но где скорбь и тщеславие, там нельзя найти ничего доброго. Будь стражем сердца твоего, чтобы не вошел в него кто-либо чужой[1].

В 640 г. Египет подпал власти Аравитян. Понятно, что при владычестве изуверных поклонников лжепророка монашество не могло процветать в Египте и без особенных насильственных мер. Но правитель Египта Абаза выдал прямой закон, запрещающий кому бы то ни было, принимать обеты монашества. Один из преемников его, Азама, после 715 г. повторил его закон и кроме того, переписав всех монахов, велел им на правой руке носить железную цепь, на которой находилось имя его дома и год магометанского летосчисления. Те, которые покушались убежать или были находимы без этого знака, лишаемы были языка или глаз. Многие были предаваемы смерти, многие умирали в пытках. Калиф Омар дал приказ, чтобы все исповедующие имя Христово или оставили страну или приняли магометанство[1]. Вследствие таких и подобных мер не только число монахов, но и вообще Христиан чрезвычайно сократилось в Египте.

---

[1]*Renaudot*. Hist. Patvn. Alex. p. 191.

[2]*Els*

ЗАСЛУГИ ЕГИПЕТСКОГО МОНАШЕСТВА ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВУ

Главная цель, к которой стремились первые подвижники иночества, была, отрешившись от всех забот земных, очищать свою душу и устроять свое спасение. Они отрекались от имущества, от обязанностей семейных и общественных, удалялись в пустыни, чтобы там, не ведомые миру, не тревожимые его волнениями, суетою и скорбями, в беседе с самим Богом могли достигать духовного совершенства. Но несмотря на то, что иноки имели целью только собственное спасение, появление их оказалось благотворным для Церкви и общества. Самый взгляд на отрешенную от всего земного жизнь иноков давал чувствовать мирским людям, чего требует от Христианина его небесное звание, где его истинное отечество, где его истинные радости, как легко без сожаления можно оставить ничтожные утешения мира и какой неисчерпаемый источник

блаженства заключается в жизни Евангельской. Живым стремлением к духовному совершенству иночество пробуждало безпечность осуетившихся мирскими заботами и показывало, что значит быть истинным Христианином. Глубокое впечатление произвело на всю Церковь это явление, когда Св. Афанасий изобразил для назидания всех жизнь первого пустынножителя Антония Великого и пред взором изумленного мира открыл новое явление в Церкви Христовой. Слава о жизни св. пустынников привлекала к ним множество людей, ищущих наставления и утешения. Со всех пределов Римского мира стекались ревнители благочестия видеть эту чудную жизнь Египетских подвижников и учиться у них благочестию. Слово Божие, в котором иноки упражнялись день и ночь, умудряло их как в собственное назидание, так было им полезно для научения, обличения, исправления и наставления в нравственности других. Духовные собеседования с своими отцами, старцами опытными в духовной жизни, знакомило их с великою наукою правильно понимать себя и владеть собою. Собственная трезвенность души, постоянная бдительность над собою, борьба с различными искушениями на пути к духовному совершенству доставляли богатый запас духовной опытности. Но более всего благодать Святого Духа, обильно изливающаяся на

усердно работающих Господу, — и отсюда дары сердцеведения, учения и духовного помазания были причиною необыкновенной действенности иноческих наставлений на сердца мирян. Святость жизни, сопровождаемая часто даром чудес, показывая опытное исполнение того, чему учили словом, одобряемая свидетельством свыше, внушала полное доверие к их наставлениям. Потому посетители записывали деяния и слова сих пустынников. Собрания деяний и изречений св. подвижников становились учебною книгою и руководством нравственности для всех Христиан. В самом деле, какой неистощимый запас наставлений заключается в сказаниях о подвижничестве отцов — в собранных Кассианом беседах пустынников Египетских, в сказаниях Палладия и Руфина о подвигах их, в писаниях Макария Великого, Исаии, Исидора Пелусиота.

Помогая духовным нуждам ближних, иноки не отказывались, когда имели возможность, служить и временным нуждам. Собственными трудами добывая себе пропитание, они избытки своих трудов делили с неимущими. «Отцы монастырей Египетских, — пишет Кассиан, — постоянно трудились и исполняли возможные для них труды с терпением и смирением. Плодами от трудов рук своих они не только пользова-

лись сами, но и уделяли их приходящим к ним странникам, разсылали по пустынным и безплодным местам Ливии. Кроме того, иноки Египта чрез граждан доставляли пищу и одежду тем, которые в городах томились в смрадных темницах, веруя, что такими пожертвованиями они приносят истинную жертву Богу»[1]. Так, в обители Арсинойской, бывшей под управлением Серапиона, иноки, которых было числом до 10 000, зарабатывая каждый по сорока мер хлеба, большую часть из того раздавали бедным. Они питали не только бедных Арсинойской области, но отправляли целые суда с хлебом в Александрию для раздачи находящимся в темницах чужестранцам и бедным[2]. Если и всегда, по словам Палладия, много было в Александрии имеющих нужду в дневном пропитании и потому милость иноков была великим благодеянием; то особенно важна была помощь их во время общественного голода. Однажды в Фиваиде сделался страшный голод. Преподобный Аполлон разделил бедным жителям, которые с женами и детьми приходили к нему за хлебом, все запасы своего монастыря. Во все время голода он не отказывал нуждающимся, силою молитвы умножая

---

[1] Cass, de coenob. inst. Lib. X. c. 22. Collat. XVIII. c. VII.

[2] *Sozom*. His. Ecel. I.. VI. c. 28. *Палладий*. Лавсаик. 21. 67.

свои запасы[1]. При монастырях всегда были странноприимницы, где иноки принимали, питали и покоили странников.

Распространение иночества в Египте, способствуя душевному и телесному благу верующих, вместе с тем содействовало распространению веры Христовой и окончательному падению язычества. Высокая жизнь иноков, приводившая в удивление самых язычников, часто сопровождаемая даром чудес, была великим доказательством святости Христианской религии. Так, Великий Антоний, по словам Св. Афанасия, одним появлением своим в Александрии и исповеданием пред народом веры в Господа Иисуса Христа обратил к вере Христовой столько же язычников, сколько в другое время обращалось в год. Макарий Великий кротостью обратил к вере Христовой жреца идольского, а даром чудес жителей целого острова, на который сослан он был в изгнание. Тем же способом Преподобный Аполлоний обратил ко Христу жителей 10-ти селений. Преподобный Пахомий, назидая духовными наставлениями в сельском храме скитающихся пастухов, привлек ко Христу и многих язычников. Евлогий и Протоген, сосланные Валентом из Едессы в Антиноэ, после пламенной

---

[1] *Палладий*. Лавсаик, гл. 52.

молитвы к Богу решились принять на себя апостольский подвиг обращения язычников, которых было там много. Протоген основал училище для детей, учил их чтению и письму и в своих беседах знакомил их с Священным Писанием. Чудо, совершенное им над одним из учеников, приобрело полную веру к святому учению не только в детях, но и в их родителях. Протоген огласил уверовавших во Христа, а Евлогий крестил их и окончательно наставлял в вере и благочестии[1]. Св. Коприй, живший около Гермополя, своими увещаниями и беседами обратил многих язычников в Христианство. Так иноки, проникая в самые отдаленные и пустынные места Египта, преследовали язычество в самых сокровенных его убежищах, так что власть демонов повсюду была низложена.

Епископы Александрийские, которые первые увидели благотворное значение иночества, приняли его под свое покровительство и почли полезным для себя открыть более обширное поприще для деятельности иноков, возводя их на степени клира церковного.

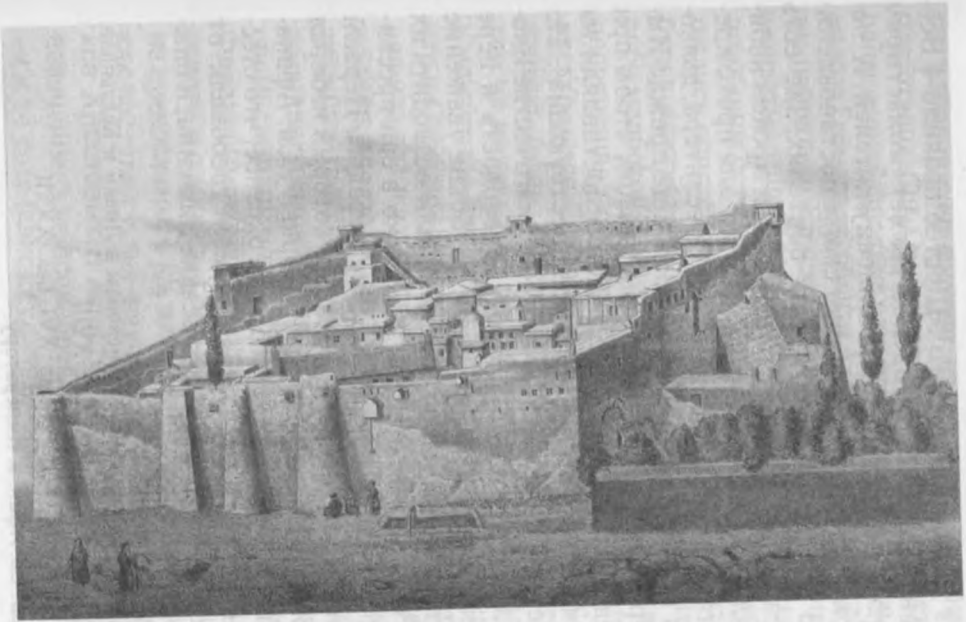
Первые пустынножители, по духу смирения избегая всякой почести мирской и духовной, не

---

[1] *Феодорит*. Церковная история. Кн. IV, гл. 15. *Созомен*. Кн. VI, 33. 34.

желали принимать посвящения в церковные степени. «Не хорошо, — говорил Пахомий своим ученикам, — если иноки ищут власти и чести, особенно в киновии, потому что это в большом обществе иноков может быть поводом ко вражде, зависти, ревнованию и различным разделениям. Как искра, брошенная в сжатый хлеб, если не будет скоро потушена, может истребить труд целого года; так причисление к клиру может быть началом помысла любочестия. Гораздо бы лучше нам, смиренно покоряясь Церкви Божией, иметь священнослужителем приставленного отцами нашими Епископами, какой будет на то время. И в Ветхом Завете не весь народ были Левиты. Если же кто из других монастырей поставлен клириком, мы не хотим укорять его в любочестии; но лучше думаем, что он против воли своей из послушания отцу своему епископу принял на себя это звание и есть подражатель святым, если только непорочно совершает свое служение»[1]. Руководствуемые сими мыслями иноки избегали принятия степени священства и для совершения треб обращались к приходским священникам. Но при увеличении числа иноков и пребывании их в местах, отдаленных от жилищ, чувствовалась нужда в священниках

[1] Boll vita Pach. n. 18.



Синайский монастырь

из звания иноческого[1]. Шестое правило 4 Вселенского Собора предоставляет монастырям право иметь своих священнослужителей. А потом Император Юстиниан своим постановлением определил, чтобы в их обителях, где есть храмы, из старшей братии монастырской избирались четыре или пять человек для прохождения священных должностей Пресвитера, дьякона и низших степеней клира[2]. Ещё прежде Император Аркадий определил указом, чтобы при недостатке клириков Епископы поставляли на священные степени из монашествующих[3]. Но пастыри Церкви, зная высокое благочестие иноков, их духовную мудрость, твердость в вере Православной, видя, какое глубокое уважение питает к ним народ, скоро начали возводить их на священные степени не только в сан пресвитерский, но и на епископские кафедры. Первый пример показал св. Александр, который избирал между иноками Пастырей Церкви[4]. Св. Афанасий подражал его примеру тем охотнее, что стесненные обстоятельства Церкви требовали от Пастырей готовности на всякие лишения, и опы-

---

[1] Кир. Алекс. послание к епископам в Ливии и Кентаполе.

[2] Basil. Lib. IV. Titul. 1. Lex. XVIII.

[3] Codex. Theod. Tom. VI. Lib. XVI. Lex. XXXII.

[4] Апол. Св. Афан. к Императору.

ты избрания епископов из иноков оказались благотворными. Он старался устранить с их стороны всякий предлог к уклонению. Так, жители малого Гермополя, вблизи Александрии, единогласно избрали в Епископы настоятеля тамошнего монастыря Драконтия. Он пользовался таким всеобщим уважением, что многие язычники обещались принять христианство, если Драконтий будет епископом. Но смиренный инок считал себя недостойным высокого сана; едва принял посвящение, как поспешил скрыться в пустыню. Убеждая Драконтия возвратиться к его служению, Афанасий пишет: «Не ты один поставлен из монахов, не ты один настоятельствовал в монастыре или любим был монахами. Знаешь, что и Серапион монах, и притом настоятельствовал над великим числом монахов. Небезызвестно тебе, скольких монахов был отцом Аполлон; знаешь Агафона; не неизвестен тебе Аристон; помнишь Аммония, странствовавшего с Серапионом; слышал, может быть, о Мовите, в верхней Фиваиде; можешь осведомиться о Павле в Латополе и о других. Они, когда были поставлены, не прекословили, но, взяв в образец Елисея, зная, как поступил Илья, наученные примером учеников Христовых и Апостолов, приняли на себя попечение, а не пренебрегли Священнослужением и не соделались худшими самих себя, но паче

и паче ожидают награды за труд, — и сами преуспевая и других увещевая к преуспеянию. Сколь многих отвратили они от идолов, сколь многих убедили отстать от сего демонского обычая, скольких рабов представили Господу? Не верь тем, которые говорят, будто бы епископство—повод ко греху и доставляет случай грешить. И быв Епископом можно пребывать в алчбе и жажде, подобно Павлу (2 Кор. 11, 27). И ты можешь не пить вина, как Тимофей, и ты можешь часто поститься, как делал Павел, чтобы подобно ему, постясь таким образом, насыщать других словом, и терпя жажду и воздерживаясь от питья, напоевать других учением. Знаем и епископов постящихся и монахов ядущих; знаем и епископов не пьющих вина и монахов пиющих; знаем и епископов, творящих знамения, и монахов, не творящих. Где бы кто ни был; да подвизается везде; венец дается не по месту, а по деяниям». Драконтий повиновался убедительному призыву св. Афанасия. Будучи епископом, он мог удовлетворить своей любви к пустыннической жизни, так как один из главных приютов иночества, гора Нитрийская — была частью его Церкви. С непоколебимою твердостью защищал он православную веру против Ариан, так что удостоился пострадать за имя Христово. Он сослан был в крепость Теодат близ Клисмы. Здесь

утешен был он посещением Илариона Великого и писанием Феодора Освященного, содержащим предсказание о прекращении гонения Ариан. В 362 г. он присутствовал вместе с Афанасием на Соборе в Александрии.

Вообще св. Афанасий в иноках находил самых усердных сотрудников в борьбе с Арианами. У них Афанасий не раз находил убежище от своих гонителей; они подкрепляли его среди скорбей. Арианская ересь, как безнравственная, всего менее могла найти доступ у подвижников благочестия.

Когда после смерти св. Афанасия открылось в Египте гонение на православных, в числе изгнанных за твердость в Православии было до одиннадцати епископов, которые от юности до престарелых лет подвизались в пустыни[1].

[1] *Феодорит*. Церковная история, IV, 22.

ПРАВИЛА ЦЕРКОВНЫЕ И ЗАКОНЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИНОКОВ

Важное значение иночества в Церкви и обществе и самая многочисленность иноков должны были вызвать законоположения со стороны Церкви и со стороны общества гражданского. Немногие правила о подвижниках, посвятивших себя девственной жизни, принятые Церковью в первые три века, не могли быть уже достаточны. Образовав первые общества в пустынях, иноки сами для себя составили первые правила. Видно, что эти правила были столь удовлетворительны, что Церковь только в пятом веке на четвертом Вселенском Соборе (451 г.) сделала первые постановления касательно иночества, и первым правилом было одобрение иноческой жизни: «Истинно и искренно проходящие монашеское житие да удостаиваются приличной чести». Самые правила, постановленные соборами, суть почти только под-

тверждение правил, установленных настоятелями монастырей.

Приведем в совокупности правила об иноках, постановленные Церковью и гражданскою властью.

Время вступления в иночество не везде одинаково было установлено. Общим правилом было только то, чтобы обеты принимать от лиц, уже достигших зрелого разсудка и ясного самопознания, чтобы эти лица по своей доброй воле, а не по воле других давали обеты. Отцы Карфагенского собора определили принимать в монашество не прежде 25-летнего возраста[1]. Св. Василий Великий в своем каноническом послании позволял произносить обеты девства на 17 году даже лицам женского пола[2]. Шестой Вселенский Собор для вступления в монастырь признает достаточным даже десятилетний возраст, чтобы не колебать добрые намерения от медленности в их исполнении. 40-е правило сего Собора определяет: поелику прилепляться Богу чрез удаление от молвы житейской весьма спасительно, то мы должны не без испытания безвременно принимать избирающих житие монашеское, но и в отношении к ним соблюдать пре-

---

[1] Карф. 140.

[2] Прав. 18.

данное нам от отцов постановление, и потому обет жизни по Боге должно принимать после полного раскрытия разума, как уже твердый и происходящий от ведения и разсуждения. Итак, намеревающийся подчинить себя игу монашества да будет не менее как десяти лет. Причину уменьшения срока для вступления в иночество Отцы собора представляют ту, что Церковь благодатию Божией прияла уже большую крепость и преуспеяние и верные в соблюдении Божественных заповедей тверды и благонадежны. Но эта причина уже сама в себе предполагает необходимые исключения и силу правила соборного делает не безусловною. Может ли то же правило сохранять силу свою вполне, когда верные в соблюдении заповедей Божиих уже не могут почитаться столь твердыми, как в первые века? Притом на Востоке человек развивается ранее. Собор не безусловно предлагает свое правило и представляет разсмотрению начальствующих, не нужно ли для желающих иночества продолжить время испытания и приготовления к нему, чтобы благонадежнее утвердить их в добром намерении. Гражданские законы Греческой Империи сообразно с церковными правилами постановляли, что достигшие 16 или 17 лет безпрепятственно могут вступать в монастыри и делать распоряжения о своем иму-

ществе. Но десятилетние хотя и могут вступать в монастыри, но не могут делать распоряжений о имении прежде достижения 15-ти лет. Если в продолжение этого времени вступившему в монастырь приключится смерть; то две части его имущества оставляются монастырю, а третья родственникам[1].

Вступление в иночество было дозволено всякому свободному человеку. Родители не имели права удерживать детей от намерения вступить в монастырь и из-за этого не должны были лишать их законной части наследства[2]. Не позволялось, впрочем, обязанному службою уклоняться от нее поступлением в иночество. Не позволялось принимать раба без согласия господина его[3]. Это требовалось и гражданскими законами и основано на общем и постоянном правиле Церкви, чтобы служение Богу и Церкви всегда было чисто и безпрепятственно со стороны внешних отношений человека к миру, чтобы никогда не служило оно предлогом к нарушению законных прав и обязанностей в быту общественном. Иначе могло бы быть много злоупотреблений в духовных правах монашества и

[1] Imper. Leonis novella 6.

[2] Basil. Lib. 4 tit. 1. Cap. 12.

[3] 4-го Всел. Соб. Прав. 4.

нареканий на него в обществе[1]. Впрочем, Юстиниан постановил, чтобы рабы после трехлетнего пребывания в монастырях на испытании были уже свободны от притязаний господ и безпрепятственно поступали в монашество, если господа в свое время не требовали возвращения их к себе[2]. Предшествующая жизнь, какова бы она ни была, не препятствовала вступлению в монастырь. Позволялось христианину постригаться в монашество, если бы он и был обличен в каком-либо грехопадении. Ибо Спаситель, так говорится в 43 правиле 6-го Вселенского Собора, наш Бог рек: *грядущаго ко Мне не изжену вон* (Ин. 6, 37). Поелику монашеское житие изображает нам жизнь покаяния, то искренно прилепляющегося к оному одобряем; и никакой прежний образ жизни не воспрепятствует ему исполнить свое намерение. Впрочем, Церковь приняла свои меры, чтобы в монашество были принимаемы только люди, имеющие истинное расположение к сему роду жизни. Отцы Двукратного Собора находя, что отречение от мира без разсуждения и испытания много вредит монашескому благочинию, определили: никого не сподоблять монашеского образа прежде, нежели трехлетнее испытание покажет их достойными такого жития; отступление от сего

---

[1]Imper. Valenti nov. 12.

[2]Iustin. nov.5, cap. 2. Photii Nomoc. tit. 1. Ep. 36.

правила дозволялось только тогда, когда приключавшаяся болезнь принудит сократить время испытания или желающий поступить в монашество будет муж благоговейный и в мире проводивший жизнь монашескую. Для такого достаточно шестимесячного срока испытания[1]. Законы гражданские определяли: если во время трехлетнего искуса открывалось, что вступающий в иночество принадлежал к сословию рабов, или наемных, или приписных, или земледельцев, или имел намерение укрыться в монастыре от законного суда за какое-нибудь преступление; то возвращаем был тем лицам, которые объявляли на него свои права[2].

Такому же трехлетнему искусу определено подвергать тех, которые в городах и селениях хотят уединяться в затворы и в уединении внимать себе. Они должны прежде вступить в монастырь и там в повиновении у настоятеля три года приучаться к житию отшельническому. После трех лет они еще год должны пробыть вне затвора, дабы яснее открылась истинность их намерения. И, однажды вступив в затвор, не должны оставлять его без особого на то разрешения епископа для какого-либо общественного служения или в случае опасности смерти. Оставляющих самовольно свое уединение повелевается снова возвра-

---

[1] Прав. 5.

[2] Basil. Lib. 4. tit. 1. C. 3. Photii Nomoc. tit. 9. cap. 32.

щать в затвор, даже против воли их. Ибо обет их признается уже невозвратным[1].

Отцы Двукратного собора[2] постановили: никого не сподоблять монашеского образа без присутствия при сем лица, долженствующего взять его к себе на послушание и иметь попечение о душевном его спасении. Нет ничего опаснее в иночестве как жизнь человека, оставленного самому себе на произвол своих мыслей и чувств или только на одни общие внешние труды монашества, без руководства и ближайшего надзора его внутренней жизни. Для новопоступающего в иночество руководство старца бывает не просто учением, но подвигом духовной жизни, исполнением одного из главных обетов монашества — послушания.

Отцы шестого Вселенского Собора осудили обычай, существовавший в некоторых женских монастырях, приводить дев, желающих постригаться, одетыми в шелковые цветные одежды, украшенными золотом и драгоценными камнями и потом, пред алтарем совлекая эту одежду, облекать в черное одеяние. Ибо неблагопристойно, так разсуждают св. Отцы, чтобы по собственному произволению отложившая уже всякую приятность житейскую, возлюбившая жизнь

---

[1] 6-го Всел. Соб. Прав. 41.

[2] Прав. 2.

по Боге, утвердившаяся в оной непреклонными мыслями и так к монастырю приступившая чрез таковое тленное и исчезающее украшение возвратилась к воспоминанию о том, что уже предала забвению, и от сего явилась бы колеблющеюся и возмутилась в душе по подобию волн потопляющих и туда и сюда вращающих, так что иногда и проливая слезы не являет она тем сердечного сокрушения; но если и упадет малая некая слеза, то и сия видящим возомнится происходящею не столько от усердия к подвигу монашескому, сколько от разлучения с миром и тем, что в мире[1].

Как мужам, так и женам, избравшим подвижническое житие и определенным в монастыри, не позволено выходить из них. Если же настоит какая-либо необходимая потребность, то это должно делаться по воле настоятеля. Жены могут выходить только в сопровождении стариц и никак не ночевать вне монастыря[2]. Под опасением строгого наказания настоятелю вменяется в обязанность отыскивать иноков, оставивших монастырь, и исправлять их приличным недугу образом. Если монах, оставив монастырь свой, уйдет в другой или поселится в мирском жилище — таковой, равно и принявший сего да

---

[1] Прав. 45.

[2] 6-го Всел. Соб. Прав. 46.

будут отлучены от общения церковного, доколе бежавший не возвратится в обитель, из которой удалился. Но если епископ монахов, известных по благочестию и честному житию, захочет перевести в другой монастырь для благоустройства обители, или разсудит послать в мирской дом для спасения живущих в нем, или благоизволит поставить его в другом каком месте, чрез сие не сделаются виновными ни сии монашествующие, ни приемлющие их[1]. Если придет в монастырь монах из другого монастыря, то странноприимство должно быть ему оказано, но принимать его на жительство без воли игумена сего монастыря нельзя[2]. Феодосий Великий дал было указ, чтобы монахи никогда не оставляли своих пустынь, но обитали бы там. Поводом к сему было то, что монахи нередко вмешивались в судебные дела и старались освобождать виновных от наказания. Но в 392 г. сей указ был отменен и монахам дозволено было ходить в города для заступления неправедно обвиняемых судьями, но запрещено было только силою освобождать виновных. Это подтвердил и Аркадий в 398 г.[3]. Монахам не дозволялось присут-

---

[1] Прав. 3, 4 Двукратного Собора.

[2] 7-го Всел. Соб. Прав. 21.

[3] Codex. Theod. Lib. 16. tit. 3, p.106, 108.

ствовать при конских ристалищах и позорищных играх[1]. Вступивший в иночество не мог уже после поступать в гражданскую или военную службу[2]. Отцы 4-го Вселенского Собора определили: монашествующие должны соблюдать безмолвие, прилежать только посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, где отреклись от мира; не должны оставлять свои монастыри, вмешиваться ни в церковные, ни в житейские дела и принимать в них участие. Отцы Халкидонского Собора допустили в своем определении исключение только на два случая: когда духовное начальство считает нужным поручить кому-либо попечение о церковных делах по гражданскому ведомству, напр. ходатайство об них пред светским начальством или в гражданских судах, также попечение о сиротах, вдовах, бедных и вообще призреваемых Церковью, что допускалось и гражданскими законами[3]. Но брать на себя лично опеку над малолетними монахам запрещалось[4]. Впрочем, известно, что иноки и особенно настоятели монастырей всегда имели важное значение в церковной иерар-

---

[1] 6-го Всел. Соб. Прав. 24.

[2] 4-го Всел. Соб. Прав. 7.

[3] Iustin. Lib. 5, tit. 3. Const. 28, 42, 46, 49. Basil. Lib. 5, tit. 3.

[4] Iustin. nov. 123, c. 5, Leon. Phil. nov. 68, 86.

хии и по обстоятельствам принимали обширное значение в делах Церкви. Так, они участвовали в защите православия против еретиков в избрании Епископов, на Вселенских соборах игумены и Архимандриты участвовали вместе с Епископами в соборных разсуждениях и сами занимали кафедры епископские. Собор, не отвергая сего, пресекает только злоупотребление.

Из 19 правила второго канонического послания, писанного Василием Великим к Амфилохию в 375 г., видно, что монахи не изрекали обетов при вступлении в монашество. Василий Великий изъявляет желание, чтобы предварительно их спрашивали, принимают ли они обет девства. Но и самое вступление в монашество есть уже обязательство. Деве, посвятившей себя Богу, равно как и монахам, не позволялось вступать в брак. Впрочем, отцы 4-го Вселенского Собора прибавили к сему: мы определили местному Епископу иметь полную власть в оказании таковым человеколюбия[1]. 43-е правило шестого Вселенского Собора определяет: монах, обличенный в любодеянии или поемлющий жену в общение брака и сожития, да подлежит епитимии блудодействующих. Для отклонения нарекания и соблазна 47 правилом сего собора по-

[1]Прав. 16.

становлено: ни жена в мужеском монастыре, ни муж в женском да не спит. Ибо верные должны быть чужды всякого преткновения и соблазна и благоучреждать жизнь свою сообразно с благоприличием и благоговением к Господу. Отцы 7-го Вселенского Собора подтвердили правила Василия Великого: да не имеют дерзновения беседовать наедине монах с монахинею и да не яст монахиня вместе с монахом наедине. Если что нужное для жизни приносится мужами, то игумения женского монастыря вместе с старицею должна принять за вратами монастыря. Если монах пожелает видеть родственницу, то в присутствии игумении должен беседовать с нею кратко[1]. В 123 новелле Юстиниана говорится: нет у монахов на земле родства, ибо они ревнуют о небесной жизни. Монахи должны избегать всякого общения с мирянами. Те, которых жизнь, говорится в 21 правиле 7-го Вселенского Собора, есть тихая и единообразная, каковы давшие обет Господу Богу взять на себя иго монашества, те да сядут наедине и умолкнут[2] и так да вкушают пищу. Если же случится в путешествии не иметь потребного, и по нужде хочет он отдохнуть в гостинице или в чьем-либо доме, разрешается это; поелику требует нужда.

---

[1] Прав. 20.

[2] Пос. Иерем. гл. 3, 28.

Что касается до имущества, то Церковь постановила, чтобы монахи не имели ничего собственного, но все им принадлежащее должно быть утверждено за монастырем. Касательно имущества поступающих в монашество постановлены следующие правила. 1) Если кто из супружества поступил в монашество, не имея детей, то все его личное имущество должно было принадлежать монастырю; если же были дети, то после законного раздела между ними имущества те части, которые отец выделял в свою пользу, поступали в монастырь. Так же, когда вступивший в монастырь умирал, не сделав распоряжения о своем имуществе, дети получали из него свои части, а прочие оставались в пользу монастыря. 2) Дети, получившие от родителей брачное приданое или часть имущества и наследство с какими-либо условиями, напр. вступить в известное супружество или звание, если вместо того принимали монашество, то уже не обязывались прежними условиями и не лишались данной им части имущества, которое как при вступлении в монастырь, так и при выходе из него принадлежало монастырю. 3) Родители не имели права лишать законной части наследства детей, имевших желание принять монашество; так же если бы дети по какой-либо причине были предназначаемы к лишению наследства, то при вступлении в монашество эта причина теряла

уже силу и дети должны были получать свою часть. 4) Монах, переходящий из одного монастыря в другой, должен был оставить все свое имущество первому монастырю. Если же совсем оставлял монашество и переходил в мирское звание то все, что имел или приобретал после того в мире, обращалось в пользу того монастыря, в который он после лишения прав нового звания должен быть заключен. Если же монах принужден был оставить монастырь не по своей воле или вине, то имущества не лишался, но мог его взять с собою. Вообще все пожертвованное монастырю добровольно, или по обещанию или с поступлением в монашество обращалось во всегдашнюю собственность монастыря. Иногда случалось, что и родители, предназначив детей своих к посвящению Богу, сами приносили за них вено или законные их части имущества в монастырь[1].

Что касается до построения монастырей, то хотя первоначально они устроялись самими любителями уединения, но с пятого века Соборы церковные строго подтверждали, чтобы монастыри не были основываемы без дозволения духовного начальства и освящения епископов, над-

[1] 7-го Всел. Соб. Прав.19. Beast. zynt. Alph. P. 394, 395, in Pond. Can. Tom. 2.

зору которых и подчинялись монастыри[1]. Эти отношения монастырей к епархиальным епископам утверждались и гражданскими законами[2]. Но с VII в. на Востоке являются особые привилегии для некоторых монастырей с правом независимости от местных епископов и самостоятельности внутреннего управления. На Востоке такие монастыри были в непосредственном ведении Патриаршей власти. Основанием таких преимуществ служило водружение Патриархом (а не епархиальным епископом) креста при создании монастыря, что и называлось ставропигиею. По такому праву ставропигии в таких монастырях возносилось на молитвах имя Патриарха, а не местного епископа. Постановление монастырских властей, надзор за управлением обители, суд по делам братии, сбор установленных взносов — все это принадлежало Патриарху, который управлял такими обителями чрез своих наместников или Экзархов[3]. Меньшие права принадлежали Патриархам в тех монастырях, которые получили кресты не при своем основании, но уже после. Право ставропигии Пат-

---

[1] 4-го Всел. Соб. Прав. 4. 6-го Всел. Соб. Прав. 49. 7-го Всел. Соб. Прав. 17.

[2] Iustin. nov. 5, c. 4, nov. 131, c. 7, nov. 123, c. 21.

[3] Leunclav. Iust. Rom. Lib.3, p. 235–237.

риархи имели каждый в своем округе, а Патриарх Цареградский даже и вне своего округа по всему Востоку и Церквам иноплеменным, зависевшим от его кафедры[1]. Но кроме этого строители монастырей и благотворители их вместе с попечением об их благосостоянии получали и особенное влияние на их управление, как то на избрание настоятелей, определение способов их содержания, даже заведывали имуществом монастырским; впрочем, под надзором высшего духовного начальства[2]. Но это право иногда обращалось в злоупотребление. Строители или благодетели священных мест привыкали смотреть на них, как на свою собственность, присваивали себе полное право и власть в управлении ими; даже позволяли себе продавать эти места как недвижимое имущество. По этому поводу Собор Константинопольский IV положил правило, чтобы только с благословением епископа созидался монастырь и пожертвователь без воли епископа не дерзал себя или другого ставить игуменом. Собор находит, что Богоугодное дело — основание монастырей совершается худо, когда некоторые, дав своим домам и усадьбам имя монастыря и обещаясь посвятить оные Богу,

---

[1] Leonis et Constant. Ecloga tit. 3 § 10 apud Leunclav.

[2] Basil. Lib. 3 tit. 1 cap. 33. Lib. 5, tit. 1, c. 7, tit. 3, c. 8, 9

пишут себя владельцами пожертвованного. Они ухищренно умыслили посвятить Богу одно наименование; ибо не стыдятся владеть самою вещью и однажды посвященное Богу продают и передают другим.

Еще Отцы 4-го Вселенского Собора[1] постановили, что однажды освященные по соизволению Епископа монастыри должны навсегда пребывать монастырями и впредь не быть им мирскими жилищами. Отцы 6-го Вселенского Собора, подтверждая сие правило, прибавили[2], что если доселе и случалось сие с некоторыми монастырями, то отнюдь бы не удерживали их.

Как церковные, так и гражданские законы Восточной Империи подтверждают за монастырями право на владение недвижимою собственностью. Все, принадлежащее монастырю, есть неотъемлемая собственность его. Игумен не может что-либо отчуждать из монастырских угодий, отдавая начальникам светским или другому лицу[3].

---

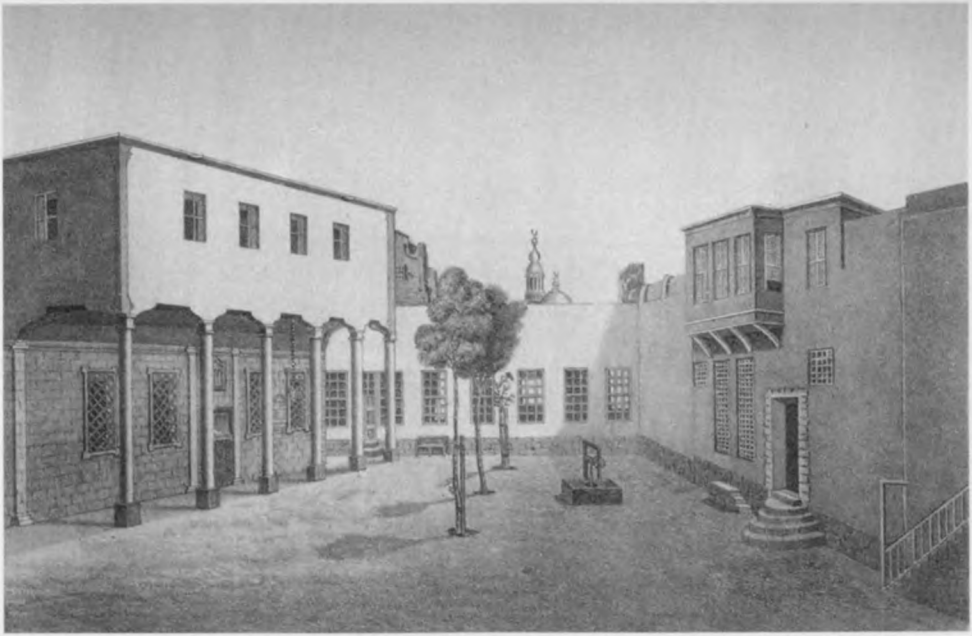
[1] Прав. 24.

[2] Прав. 49.

[3] 7-го Всел. Соб. Прав. 12.

Внешний вид и план пещеры Св. Антония Великого

Чудотворная икона св. Георгия в Старом Каире

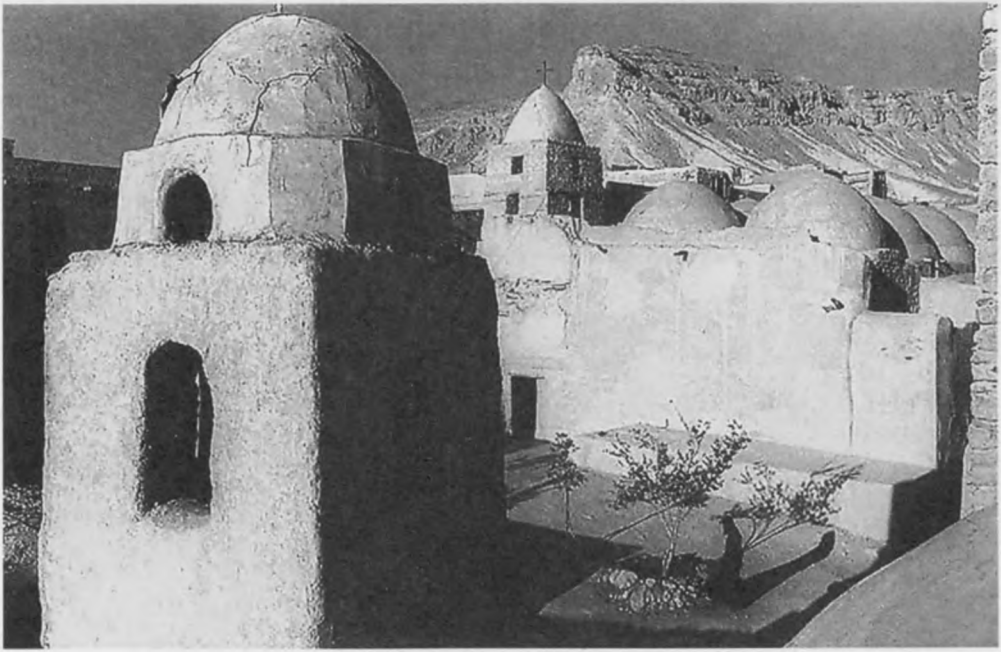


Вид Патриаршего Дома и Церкви св. и чудотв. Николая в Каире

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Каноп
Александрия
Диолк
Пустыня Нитрия
Панефисо
Пелузий
Пустыня Келлий
Ферма
Пустыня Скита
Монастырь Барамус
Монастырь Сирийцев
Монастырь Св. Сисоя
Монастырь Св. Макария
ЛИВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
Мемфис (Каир)
Фаюмский оазис
Арсиноя
Гераклеополь
Пустыня Вади Роян
Оксиринх
Писпир
СИНАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
Монастырь Св. Антония
Монастырь Св. Павла Фивейского
Фарран
Монастырь Св. Екатерины
НИЛ
Гермополь
Антиноя

Христианский Египет до арабского завоевания (до VII в. по Р.Х.)

Монастырь св. Павла Фивейского (общий вид)



Монастырь св. Павла Фивейского

Сад в монастыре св. Павла Фивейского

Приложение

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СВЯТЫНЬ ЕГИПТА

«Из Египта воззвах Сына Моего»
(Осия 11, 1).

15 Зак. 27363

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждого, кто прибывает в Каир, поражает количество мечетей — их здесь более пятисот. Но среди многочисленных минаретов, возвышающихся над городом, взгляд без труда отыскивает храмы, купола которых увенчаны крестами. Изображения Спасителя, Девы Марии и христианских святых, иконы в позолоченных киотах можно увидеть в лавках простых торговцев, в витринах фешенебельных магазинов. Все это напоминает о том, что Каир не только один из центров ортодоксального ислама, но также и город, где издревле жили христиане.

Египет был одной из первых стран, где воссиял свет христианства. Труды апостола Марка, который в Египте принял мученическую кончину, принесли богатые плоды: церкви быстро вырастали по всей стране. Множество церквей было в долине Нила, старинные коптские монастыри и церкви сохранились до наших дней.

Коптская Церковь относится к числу древних Восточных Церквей, к которой принадлежат Армянская, Эфиопская, Сиро-Яковитская и др. Эти Церкви называют также «дохалкидонскими», поскольку в период богословских споров они не приняли решений IV-го Вселенского собора, имевшего место в Халкидоне в 451 году. Первоначально Коптская Церковь входила в состав Александрийской Патриархии, но после из-

брания первого коптского патриарха Феодосия (536–538) окончательно отделилась от нее и стала самостоятельной национальной Церковью, исповедуя монофизитство (или как бы «миафизитство» от μία φύσις — «одна(единая) природа»; подразумевается, естественно, природа воплощенного Бога Слова).

Само название Коптской Церкви говорит о ее древности. Слово «копт» происходит от арабского «кубт» — это искаженное греческое название Египта, Αιγύπτος. А оно, в свою очередь, восходит к «Ха-Ка-Птах», древнему культовому наименованию Мемфиса. Как отмечал в начале XX в. выдающийся отечественный востоковед Б. А. Тураев, «около миллиона потомков подданных древних фараонов, единоплеменников свв. Антония и Пахомия Великих, до сих пор с гордостью называют себя «египтяне православные»[1]. В настоящее время число коптов, живущих в Египте, по разным оценкам достигает пяти–семи миллионов человек.

Русские паломники, путешественники, ученые издавна бывали в Египте и знакомились с его христианскими святынями. В Никоновской летописи под 6509 (1001) годом читаем: «Того же лета посла Володимер гостей своих, аки в послех, в Рим, а других во Иерусалим, и в Египет, и в Вавилон, съглядати земель их и обычаев их»[2]. В «Повести временных лет» неоднократно упоминаются Египет (Еюпет), Александрия, Нил (Геона).

[1] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления // Сообщения Православного Палестинского Общества (СППО), 1910, т. XXI, вып. 2. С. 189.

[2] Цит. по: Повесть временных лет. Ч. II. М., Л. 1950. С. 354.

К 70-м годам XIV в. относится путешествие на Восток архимандрита Агрефения. Его «Хождение» ценно тем, что он едва ли не первый из русских паломников посетил Египет, города Каир и Александрию и, очевидно, познакомился с христианами-коптами[1].

Заветной целью русских пешеходцев был Синай, куда они устремлялись, чтобы посетить знаменитый монастырь св. Екатерины и поклониться его святыням[2]. Однако при этом путь паломников нередко лежал через Каир с его древними коптскими храмами и монастырями. В этих обителях в середине XVI в. побывали архидиакон новгородской Софийской церкви Геннадий и смоленский купец Василий Поздняков. В начале XVIII столетия египетские святыни посетили иеромонахи «из Новгородка Северского» Макарий и Селивестр[3]. Заслуживает упоминания и «Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находившегося при Российском посланнике, графе Петре Андреевиче Толстом, священника Андрея Игнатьева и брата его, Стефана, в 1707 году»[4], в котором автор приводит описание Александрии и ее святынь и дает краткую характеристику коптам.

Первая половина XIX столетия богата путешественниками, посетившими Святую Землю и Египет. Одним из таких странников был Кир Бронников, совершивший «хождение» в 1820–1821 гг. Он посетил Египет

---

[1] *Леонид (Кавелин), архим.* Хождение архимандрита Агрефения обители Пресвятыя Богородицы около 1370 г. // Православный Палестинский сборник, т. 16, вып. 48, Спб., 1896.

[2] Эта тема заслуживает особого рассмотрения (*авт.*).

[3] ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. V.

[4] Там же.

и имел возможность познакомиться там с коптами[1]. Замечательный вклад в паломническую литературу внес А. Н. Муравьев, описавший свое путешествие, предпринятое в 1830 году. Как и его предшественники, он дает описание коптов и указывает на их общественное положение[2].

Неоценимая заслуга в истории отечественной египтологии и коптологии принадлежит А. С. Норову, совершившему в 1834–1835 гг. долгое и трудное путешествие по Нилу — от Александрии до Нубии[3]. Во второй половине XIX в. — начале XX в. описанию коптских храмов и монастырей уделили внимание такие известные русские исследователи, как архимандрит Порфирий (Успенский), Е. Э. Картавцов, В. Г. Бок, М. И. Ростовцев, Б. А. Тураев и другие. Сопоставляя их записи, можно получить цельное представление об истории христианских святынь Египта — колыбели восточного монашества.

Начать этот обзор можно с Каира, где в 1999 году на окраине египетской столицы протоиерей Димитрий Нецветаев, представитель Русской Православной Церкви при патриархе Александрийском и всея Африки, отслужил первую службу во вновь переданном нашей Церкви храме св. Димитрия Солунского[4].

---

[1] Путешествие ко Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Киром Бронниковым. М. 1824.

[2] *Муравьев А. Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч. I–II. Спб. 1840.

[3] *Норов А. С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Ч. I–II. Изд. 2-е. Спб. 1853.

[4] Газета «Православный Санкт-Петербург», № 8 (86), 1999, с. 2.

МАТАРИЯ — «ОТДЫХ НА ПУТИ В ЕГИПЕТ»

В Египте есть несколько мест, освященных пребыванием Святого Семейства. Предание о нем засвидетельствовано в древних коптских источниках. Первое из них — Эль-Ариш; ныне это курортный городок, расположенный на берегу Средиземного моря, неподалеку от границы с Израилем (сектор Газа). «Обратим внимание на сказания библейские и святых отцов о пути Святого Семейства в Египет, — пишет А. С. Норов. — По сказаниям палестинским, Пресвятая Богородица направилась из Вифлеема пустынным путем, ведущим в Газу»[1].

Отсюда в древности начинался нелегкий путь к берегам Нила — через безводную песчаную пустыню Сур. Нынче автобусы преодолевают ее за несколько часов, доставляя пассажиров в Каир, к площади Рамзеса. (В центре площади — огромная статуя Рамзеса II-го, перевезенная сюда из Мемфиса в 1954 году.) К северо-востоку от Рамзес-сквер расположен пригород Каира — Гелиополис, а неподалеку от этого древнего города — знаменитая Эль-Матария. Вот что писал об этом месте русский путешественник А. С. Норов, посетивший Египет в 1834–1835 гг.: «Селение Матарие, этот мирный оазис, осененный веселою рощею и цветущий среди безмолвной пустыни, сохраняет глубокие, утешительные воспоминания для христианина. Здесь, по достовернейшим преданиям, Пресвятая

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 284.

Дева с Божественным Младенцем Иисусом, сопровождаемая Иосифом, нашла себе покров после утомительного пути через пустыню»[1].

В древние времена многие паломники считали свой обет неисполненным, если они по дороге из Палестины не побывали в Матарии. А. С. Норов прибыл сюда, в это селение, с севера, по пути из Александрии в Каир. «Вскоре нам открылись пальмы селения Матарие. Мы сошли отдохнуть в кофейный дом у дороги», — пишет русский путешественник, отмечая при этом: «Мы имеем достаточные основания думать, согласно с местным преданием, что пребывание Пресвятой Богородицы было возле Гелиополиса, ибо тут были колонии еврейские. Святое Семейство преимущественно могло избрать себе жилище между соотечественниками и предпочесть Гелиополис шумному Мемфису»[2].

В Нижнем Египте широко известно Матарийское древо Пресвятой Богородицы и источник, у которого отдыхало Святое Семейство. В записках А. С. Норова приводятся подробные сведения об этих реликвиях. «В саду Матарие показывают срубленное фиговое дерево, от которого остался удивительной толщины пень, носящий на себе печать веков, — пишет русский путешественник. — Из вершины этого пня идут теперь в высоту сочные ветви, которые обещают возобновление дерева в прежней красоте; множество надписей, большею частью еврейских, арабских и коптских, перемешанных с красными знаками, испещряют пень. По преданиям, это дерево осеняло некогда своей тенью

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 283.
[2] Там же. С. 282–283.

Святое Семейство. Тут фруктовый сад и светлый источник, которому вместе с деревом приписывают сами мусульмане целебные свойства; возле сада показывают развалины священного жилища Матери Божией: туда иногда приходят служить христианские священники из Каира»[1].

Русский паломник посетил сад, «прочтя из глубины души на этом месте Богородичную молитву»[2]. Вот еще несколько строк, которые А. С. Норов посвятил святому источнику: «Матарие получило свое арабское название: «свежая вода», от чрезвычайной доброты ее воды, которая славится в окрестности; везде, кроме этого места, она имеет вкус солоноватый, по причине натровых частиц земли. Замечательно также, что доныне арабы называют этот источник «Айн Шемс», т. е. «источники солнца»[3].

В 1880–1881 гг. в Египте побывал русский путешественник В. Андреевский. Будучи в Каире, он посетил близлежащий Гелиополис, а также то место, где, по преданию, отдыхало Святое Семейство во время бегства в Египет. «Этот эпизод из детства Христа, так часто бывший сюжетом великих художественных произведений, видишь здесь в лицах на каждом шагу, — отмечает гость из России. — Еще на пути к Гелиополису я обогнал женщину, ехавшую на осле и державшую на руках ребенка, прикрывая его от солнца полою своего широкого синего бурнуса. В нескольких шагах за ними шел, опираясь на палку, человек такого

[1] Там же. С. 288.
[2] Там же. С. 289.
[3] Там же. С. 288–289.

же возраста, какой дают обыкновенно Иосифу, — страница из Евангелия, воспроизведенная кистью Джотто; та же обстановка, тот же костюм, то же небо и пейзаж. По дороге росли пальмы, подобные той, которая, по одному апокрифическому сказанию, наклонила свою верхушку до рук Христа-Младенца»[1].

И вот русский путешественник у цели. В стороне от дороги, среди большого сада, возвышался громадный сикомор, весь испещренный надписями. В нескольких шагах от него был глубокий колодец с прозрачной водой. «Его вода была прежде горькой и лишь от прикосновения к ней Христа сделалась годной к употреблению и до сих пор славится в Египте как необыкновенно вкусная, — сообщает В. Андреевский. — Под этим деревом отдыхала Пресвятая Дева Мария с Младенцем Христом, под широкой тенью от могучих веток. Теперь от этих веток осталось весьма немного; во-первых, и время наложило на них свою тяжелую руку, а во-вторых, всякий верующий считает долгом отрезать себе на память кусочки дерева или вырезать в коре свои буквы»[2].

В 1889 году в Матарии сподобился побывать другой русский автор — Е. Э. Картавцов. В его дневниковых записях от 27 марта есть такие строки: «Подъезжаем к саду и выходим из экипажа. Священная смоковница шагах в тридцати–сорока от входа; она обнесена решеткой, дерево великолепное, развесистое; это не то, конечно, под которым покоилось Святое

[1] *Андреевский В.* Египет. Описание путешествия в 1880–1881 году. Спб., 1884. С. 94–95.

[2] Там же. С. 95.

Семейство, но оно идет от тех же корней и ему теперь лет 250–300»[1].

В книге Е. Э. Картавцова приводятся интересные сведения, не встречавшиеся ранее в записках его предшественников. По словам русского автора, «весь сад со смоковницей еще тридцать лет тому назад принадлежал России, точнее сказать, одному из тогдашних представителей русской дипломатии в Каире; но вместо того, чтобы хранить его или продать русскому правительству, мудрый дипломат преподнес его хедиву Измаилу-паше; тот, конечно, не отказался, а когда приехала в Каир (французская) императрица Евгения, Измаил-паша подарил ей и сад, и священную смоковницу; акт укрепления совершен был на имя французской империи, в доме поселились католические монахи и владеют всем и до сего дня»[2].

Сообщив своим читателям об этом некогда «русском участке», тот же автор добавляет: «Дерево, правду сказать, монахи тщательно оберегают и ухаживают за ним. Нам дали по веточке на память»[3].

А еще почти через сто лет после Картавцова в Матарии побывала группа православных монахинь из русского Горненского монастыря (Иерусалим), посетившая святыни Египта в сентябре 1984 года. Одиннадцать инокинь, во главе с игуменией Феодорой, с волнением подошли к высокой каменной стене. Араб, хранитель святыни, открыл им вход в ограду, и русские монахини ступили на место, освященное пребыванием Святого

[1] *Картавцов Е. Э.* По Египту и Палестине. Спб., 1892. С. 152–153.
[2] Там же. С. 153.
[3] Там же. С. 153.

Семейства. «Земля вокруг древа посыпана песком, — пишет матушка Феодора. — Само дерево относится к породе сикомор, или диких смоковниц (лат. — «фикус сикоморус», а по-арабски «гимыз»). Плоды сикоморы отличаются видом и вкусом от обыкновенных смокв: они совсем круглые, даже несколько сдавленные, розоватые, водянистые, но в жару хорошо освежающие. Ствол дерева очень старый, раздвоенный, одна часть его сильно склонена к земле»[1].

Сотворив краткую молитву, насельницы Горненской обители направились к деревне Мостóрод, месту более ранней остановки Святого Семейства. «Деревня Мостород расположена в четырех километрах от Матарии, здесь находится старинная коптская церковь, ей 1000 лет, — продолжает игумения Феодора. — Осмотрев церковь, по ступенькам спустились вниз к пещере, где отдыхало Святое Семейство. Здесь же колодец, из которого Пресвятая Богородица и праведный Иосиф брали воду...»[2]

СТАРЫЙ КАИР

Храм св. Николая Чудотворца

Русские паломники, посещавшие Египет, обычно добирались до Каира из Александрии, вверх по Нилу. В 1704 г. этим путем проследовали два иеромонаха — Макарий и Селиверст — «из монастыря Всеми-

[1] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц к святыням Египта // Журнал Московской Патриархии, № 7, 1985. С. 17.

[2] Там же. С. 17.

лостивого Спаса Новгородка Северского». В составленном ими описании путешествия[1] большое внимание уделено святым местам Египта. Во время пребывания в Египте Макарий и Селиверст побывали в Александрии, Розетте и Дамиетте, где познакомились с местными достопримечательностями и святынями. По прибытии в Каир они были гостями православных греков, «и тут жили дни три у Святейшего Патриарха во дворе Александрийского, и тут во дворе церковь святого Николая»[2].

Вот что пишет об этой резиденции архимандрит Порфирий (Успенский), побывавший здесь в середине XIX в.: «Александрийские святители до 1839 года жили в старой патриархии, находящейся в части Каира, называемой Харт-эр-Рум»[3]. Русский автор упоминает и про «малый, узкий и бедный храм во имя святителя и чудотворца Николая», добавляя при этом: «В этой патриархии Александрийские владыки перенесли много скорбей и страданий, но имели много и утешений от Российских венценосцев и вознесли много пламенных молитв о них к Царю царствующих»[4].

Однако в 1839 году, по словам того же о. Порфирия, «щедротами благочестивейшего Государя нашего

---

[1] Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту из монастыря Всемилостивого Спаса Новгородка Северского до Святого града Иерусалима поклонитися Гробу Господню 1704 г. // ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. V.

[2] Там же. С. 7.

[3] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году. Спб. 1856. С. 69–70.

[4] Там же. С. 70.

Николая Павловича, содействием и пожертвованиями Св. Синода Всероссийского, А. Н. Муравьева, графини Анны Орловой и православных христиан египетских и иных, устроена новая патриархия, почти в средоточии Каира»[1]. Там же был возведен и трехпрестольный храм во имя св. Николая Чудотворца. Отец Порфирий приводит интересные сведения об иконостасе этого храма: «Святые образа местные, писанные в нашем Юрьевском монастыре на иждивение блаженной памяти графини Анны Орловой, замечательны яркостию красок, прорисованных золотом, красотою ликов и выдержкою православно-догматической непреложности иконописания»[2].

Вот еще несколько строк из записок русского архимандрита. В книгохранилище Патриархии пытливый исследователь обнаружил «милостынные грамоты Российских государей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей, пожалованные монастырям св. Саввы и св. Георгия, (а также) послание нашего Св. Синода к Александрийскому патриарху Козме 1736 года августа 10 дня»[3].

О. Порфирий присутствовал в храме св. Николая за пасхальным богослужением, и в своих записках он излагает впечатления об увиденном. «В первый день Пасхи во время вечерни патриарх со своей кафедры раздавал всем христианам свежие розы, — пишет о. Порфирий. — Вручив мне первому прекрасный цветок без шипов в знамение торжества Церкви Россий-

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 71.
[2] Там же. С. 75.
[3] Там же. С. 77.

ской, он облобызал меня святым лобзанием в виду всех верующих»[1].

Побывал здесь на богослужении в 1909 году известный русский востоковед (впоследствии академик) Б. А. Тураев. Прибыв в Каир, он отправился на поиски «улицы Hamzawi, где находится знаменитый кафедральный собор св. Николая Чудотворца, воздвигнутый частью на русские пожертвования и с иконостасом, написанном в Новгородском Юрьевом монастыре»[2]. Гостю из России с трудом удалось отыскать каирскую резиденцию Александрийского патриарха. «Самой церкви ниоткуда не видно; купола на ней нет; стоит она во дворе, окруженная помещениями патриарха, жилыми корпусами, библиотекой и т. п., — пишет Б. А. Тураев. — С правой стороны главного входа помещена на наружной стене памятная надпись о сооружении храма, с именами графа А. Муравьева и графини А. Орловой. В церкви может поместиться около 1500 человек, и она является единственной для всего Каира»[3].

Подобно о. Порфирию, Б. А. Тураев составил краткое описание чинопоследования богослужения с присущими ему особенностями[4].

Александрийская Православная Церковь своими корнями восходит к апостолу Марку († 62 г.), проповедовавшему в Египте. Она была прославлена трудами святых отцов и учителей Церкви. Об этом свидетельство-

---

[1] Там же. С. 81–82.

[2] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. 1. С. 71.

[3] Там же. С. 72.

[4] Там же. С. 73–76.

вали и древние реликвии, хранившиеся в патриаршем соборе св. Николая. «В храме покоятся св. мощи в деревянном ковчеге, украшенном снаружи перламутром, именно, частицы св. Кирилла Александрийского, св. Василия Великого, Григория епископа Неокесарийского, св. Христины, св. апостола Иакова брата Господня, часть главы евангелиста Матфея и перст апостола Фомы»[1], — отмечал в своих записках о. Порфирий.

Вавилон

В окрестностях Каира повсюду видны характерные купола коптских церквей, византийские купола греческих храмов, там много церквей других христианских исповеданий. Особый интерес представляет Старый Каир и его квартал Каср-эль-Шама, где находится несколько древних христианских церквей. Одна из них — это коптский храм во имя святых Сергия и Вакха, а неподалеку от него расположен греческий собор во имя великомученика Георгия Победоносца (Мар Гирги́с). Из центра города сюда добраться нетрудно: вдоль Нила и канала Эль-Рода, омывающего одноименный остров, проложена линия метрополитена. Выйдя на остановке «Мар Гирги́с», паломники оказываются перед руинами древней крепости, носящей название «Вавилон».

Известно, что в древности непосредственно к стенам этой крепости подходил канал, который соединял Нил с Красным морем через города Бубастис (совр. Загазиг) и Кульзум. Страбон, посетивший в 25–24 гг.

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 76.

до Р. Х. Нижний Египет в составе римской экспедиции, искавшей наиболее короткий путь на восток, в Индию, оставил описание канала: «Поднимаясь по реке, попадаем в Вавилон, укрепленный замок, названный так из-за нескольких вавилонян, которые, восстав, завладели этим местом и получили позволение там остаться. В настоящее время он служит местом для размещения одного из трех легионов, которые охраняют Египет. Начиная от этого замка и до Нила имеется обрыв, вдоль которого расположены винты Архимеда, которые, вращаемые пятьюдесятью пленными, поднимают воду из Нила в Вавилон»[1].

Сегодня старый и новый Каир соединяет сплошная городская застройка, а в 30-е годы XIX в. картина была иной. Вот что сообщает об этом А. С. Норов: «Несколько ниже острова Руда находится Старый Каир (по-арабски — Маср Фустат); это южная пристань Каира, куда стекаются караванные товары из отдаленнейших пределов Африки. Этот красивый городок, имеющий три тысячи жителей, занимает место Вавилона Египетского, который был основан переселенцами вавилонскими и назван, в память отечественного Вавилона, тем же именем»[2].

Пересказав Страбона, А. С. Норов объясняет читателям смысл арабского названия Старого Каира — «Маср Фустат», упоминая при этом про арабского военачальника Амру ибн аль-Аса, установившего контроль над территорией Египта в 640–641 гг. «Когда полководец Омаров Амру овладел Вавилоном и раз-

[1] Цит. по: *Ходжаш С. И.* Каир. Изд. 2. М. 1975, С. 85.
[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 167.

рушил его, то на том месте, где теперь Старый Каир, был разбит его шатер, — пишет русский автор. — На арабском языке шатер значит «фоштад», от того происходит нынешнее арабское наименование»[1].

Наиболее важные сооружения в Вавилоне связаны с именем самого знаменитого римского архитектора Аполлодора Дамасского. В труде Прокопия Кесарийского «О зданиях», написанном в VI веке, свидетельствуется, что все «строительные дела выполнены Аполлодором из Дамаска». Аполлодор построил в Вавилоне мощную крепость; были воздвигнуты десять крупных башен, но сейчас сохранились только две из них: башня, получившая имя св. Георгия, и отстоящая от нее на расстоянии 15 метров башня Коптского музея. Крепость была окружена рвом с подъемным мостом. Под стеной в юго-западной части находился подземный ход, ведущий к башне. В настоящее время ход, оказавшийся ниже современного уровня Нила, постоянно залит водой и недоступен для ознакомления[2].

А вот как выглядел каирский Вавилон во времена А. С. Норова: «Самое любопытное место Старого Каира есть квартал коптов, отделенный от города и обнесенный древними стенами, — пишет русский путешественник. — Некоторые части этих стен принадлежат древнему Вавилону, в них также видны промежду двух круглых башен древние ворота, полузаваленные землею и застроенные, которые, судя по дорическим украшениям, принадлежат греческому или римскому построению. Копты по сие время называют часть нового

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 168.
[2] *Ходжаш С. И.* Каир... С. 86.

и часть Старого Каира: Боблион, что значит: малый Вавилон»[1].

В 1943 году в Старом городе, в Вавилоне, были произведены раскопки, обнаружившие остатки римских строений. Большой вклад в исследование римских памятников Вавилона внес русский ученый Г. Лукьянов, в течение многих лет изучавший крепость и собравший интересный эпиграфический материал по ее истории[2].

Дом Пресвятой Богородицы

В пределах Старого Каира (т. н. Вавилона) располагаются наиболее древние коптские церкви: Сергия и Вакха, св. Варвары и Пресвятой Богородицы. «Всего в Каире и его предместьях насчитывают до двадцати коптских церквей и монастырей. Больше всего их в Старом Каире, — отмечал в 1909 году Б. А. Тураев. — Здесь высокочтимая святыня Абу-Сарга (церковь свв. Сергия и Вакха) с криптой, где, по преданию, пребывало Святое Семейство, и поэтичная уютная «Эль-Моаллака» с чудной резьбой, и св. Варвара, и монастырь Абу-Сафен»[3].

Русские паломники, бывавшие в Египте, издавна посещали эти храмы. В 1558 году из Новгорода в Москву был вызван архидиакон Софийской церкви Геннадий, и ему было поручено Иваном Грозным «ехати со архимандритом Святогорским во Иерусалим, и в Святую Гору, и во Египет»[4]. В свите Геннадия находился

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 168.
[2] *Ходжаш С. И.* Каир. С. 85.
[3] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 195.
[4] Полное собрание русских летописей. Т. 3. Спб. 1846, С. 159.

купец Василий Поздняков, родом из Смоленска, оставивший описание своего путешествия[1]. Исключительный интерес в его «Хождении» представляет то место, где Василий Поздняков описывает свое посещение Старого Каира. Он перечисляет здесь храмы, которыми владеют копты, и дает краткое их описание. «А были в Старом Каире церкви христианские: святых мученик Сергия и Вакха, Успение Пресвятыя Богородицы и святыя мученицы Христовы Варвары; а ныне теми церквами владеют кофты (копты — *а. А.*). А в церквах у кофтей образы и алтарь есть»[2], — пишет «гость Василий».

Древнее коптское предание повествует о том, что именно здесь находилось жилище, в котором останавливалось Святое Семейство по пути в Фиваиду. Русские иеромонахи Макарий и Селиверст, побывавшие в Старом Каире в начале VIII в., свидетельствуют: «Стена градская местами развалилась, токмо одни ворота стоят целы, в которы въехала Пресвятая Богородица с Христом и Осифом из Ерусалима»[3].

В эти же годы Старый Каир посетил священник Андрей Игнатьев со своим братом Стефаном (1707 г.). В его записках о Доме Пресвятой Богородицы говорится следующее: «Тамо ж есть пещера Пресвятыя Богородицы, егда избежа из Ерусалима с Предвечным Младенцем и со Иосифом Обручником, и живяше в той пещере несколько лет, и во время державы благо-

[1] *Лопарев Х. М.* Хождение купца Василия Позднякова по святым местам Востока // Православный Палестинский Сборник, т. 6, вып. 3. Спб. 1887.

[2] Там же. С. 15.

[3] ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. V. С. 8.

честивых царей над тою пещерою соделана церковь изрядная, и в пещере такожде построена была церковь, аще и невеликая, но весьма была прекрасна, а ныне оную церковь и пещеру держат кофты»[1].

В записках священника Андрея не указывается, какой именно из храмов, имевшихся в Старом Каире, был воздвигнут над святой пещерой. По словам архимандрита Порфирия (Успенского), «коптские христиане показывают в том же городе убежище Пресвятой Девы Марии и Богомладенца Иисуса, именно, пещеру в Успенской церкви своего монастыря»[2].

Именно здесь в первой половине XVII в. побывал казанский купец Василий Яковлевич Гагара. Во время пребывания в Египте Василий Гагара познакомился с коптами. Он первый из русских путешественников подчеркивает, что они «нашея веры». Купец Василий побывал в Старом Каире, куда он «ездил нарочно смотрети и видити и помолитися <...> где жила Богородица от Ирода царя с Иисусом и со Иосифом». Гагара побывал в храме «во имя Преставления Пречистой Богородицы», в котором «служат копты»[3]. Эту церковь он подробно описал, сообщив любопытный факт из ее истории, о котором он мог узнать от самих коптов. В храме Преставления (Успения) находилась доска, на которой учился грамоте отрок Иисус. «За эту доску по многа лета немцы давали казны много, и копты немцом не продали, и немцы

[1] Путешествие из Константинополя в Иерусалим... С. 44.

[2] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 92.

[3] *Долгов С. О.* Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары, 1634–1637 гг. // Православный Палестинский Сборник, т. II, вып. 3. Спб. 1891. С. 17, 19.

тое доску украли и увезли к себе <...> А как украдена к тому 15 лет»[1].

В 1834 году каирский Вавилон посетил Авраам Сергеевич Норов (1795–1869). «В этой древней ограде заключаются два христианских монастыря, очень древние; один коптский, другой греческий, — пишет русский путешественник. — В первом главная церковь в память Успения Пресвятой Богородицы, а другая — св. Сергия»[2]. Далее А. С. Норов переходит к описанию храмов коптского Успенского монастыря. «Главное украшение этих ветхих церквей состоит из деревянного резного иконостаса, потому что резные узорчатые украшения из дерева составляют одну из главнейших принадлежностей роскоши египтян, — отмечает писатель. — Твердое дерево редко в Египте и привозится из-за моря»[3]. Сегодня часть резных украшений в храме отсутствует. Так, кафедра для проповедника из церкви Вакха и Сергия, сделанная из розового дерева и инкрустированная черным деревом и слоновой костью, вернее, ее остатки, перенесена в Коптский музей, расположенный на территории Вавилона. В музее находятся и многие предметы утвари из этой церкви, правда, относящиеся к более позднему времени[4].

Церковь Сергия и Вакха была основана в VI веке; она является древнейшим памятником коптской архитектуры в Вавилоне. План храма типичен для раннехристианских церквей: трехнефная базилика, средний неф выше боковых, благодаря чему церковь осве-

[1] *Долгов С. О.* Житие и хождение в Иерусалим и Египет... С. 18.
[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч.I. С. 168.
[3] Там же. С. 168–169.
[4] *Ходжаш С. И.* Каир. Изд. 2. М. 1975. С. 93.

щается верхним светом. Длина церкви 27 метров, ширина 17 метров, высота 15 метров. Нефы разделены двенадцатью колоннами с коринфскими капителями. Колонны, перенесенные из римских храмов, высечены из белого мрамора, лишь одна — из красного асуанского гранита. Пол церкви выложен из серого известняка. В нартексе имеется резервуар для освящения воды во время праздника Крещения[1].

Этот храм и его крипта пользуются у паломников особым почитанием. «Через подъемную дверь, сделанную в полу церкви, входят в подземную церковь, образованную сводом пещеры, который поддержан девятью колоннами грубой работы, — пишет А. С. Норов. — В это сумрачное святилище стекаются с особенным благоговением христиане, по укоренившемуся поверию, что эта пещера служила несколько времени убежищем Пресвятой Богородице с Младенцем Иисусом, во время их пребывания в Египте»[2].

Крипта находится на десять метров ниже современного уровня улицы и сегодня выглядит следующим образом. Внизу, под алтарем, находится пещера, в которую надо спуститься по ступенькам, — это место самого жилища: две комнатки. В одной устроена как бы часовенка, в другой — водоем, где Пресвятая Богородица купала Младенца Христа. На этом месте, по преданию, совершал литургию и проповедовал евангелист Марк[3]. А вот как подземная крипта представала взору паломников во времена А. С. Норова: «Над

[1] Там же. С. 93.

[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 169.

[3] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц к святыням Египта... С. 17.

скромным алтарем есть образ, изображающий бегство Святого Семейства в Египет; ландшафт изображает Нил и пирамиды; этот образ, укрытый пещерою, пробуждает воспоминания евангельского события. Алтарь устроен в нише, которую называют колыбелью Божественного Младенца. С левой стороны этой ниши показывают купель, в которой был омываем Иисус, а справа — колодезь, или глубокий источник, который имеет сообщение с Нилом. При полноводии этой реки священная пещера наполняется водою»[1].

Как следует из приведенных свидетельств, большинство паломников, посещавших Старый Каир, осматривали пещеру Святого Семейства в Успенском коптском монастыре. Однако ради объективности следует упомянуть о том, что в пределах Старого Каира имеется православное (ныне — мельхитское) кладбище, где был возведен храм в память Успения Божией Матери. Вот что пишет об этой церкви о. Порфирий (Успенский): «Стихомерная надпись над храмом гласит: «что древле на месте его стоял бедный дом, в котором скрывался Христос Младенец от гонений Ирода, и что цари создали тут всечестный храм, в котором всякий верующий исполнял свои обязанности в отношении к Создателю своему. Но время, этот великомощный разрушитель всего земного, обратило и его в кучу развалин. Однако священная ревность Иерофея, славного архипастыря египтян, опять воздвигла его своими и посторонними средствами и прилежным старанием тезоименитого ему архимандрита». — Надпись заключена воззванием: «Ты убо странник,

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 169.

празднуя Успение Девоматери, молись о здателях и радуйся о Господе. 1832 года апреля 15»[1].

Русский исследователь должен был сделать выбор в пользу одной из версий — коптской или греческой. И о. Порфирий, не отвергая начисто коптское предание, тем не менее, склонялся в пользу греческого: «Вышеописанное предание православных приемлется охотнее как потому, что греческим царям от Александрийских святителей известно было истинное место пребывания Господа Иисуса и Пречистой Матери Его в Египте; так и потому, что оно назначается в доме, а не в пещере, в которую вливается вода Нила»[2].

Однако, как бы то ни было, Старый Каир стоит на земле, освященной пребыванием на ней Святого Семейства. Именно здесь исполнилось ветхозаветное пророчество: «Из Египта воззвах Сына Моего» (Ос. 11, 1).

Собор св. великомученика Георгия

Неподалеку от церкви свв. Сергия и Вакха находится самый чтимый из греческих храмов египетской столицы — собор во имя великомученика Георгия Победоносца (Александрийский Патриархат). Церковь названа так в честь мученика и проповедника христианства. Он погиб во время преследования христиан императором Диоклетианом между 303 и 305 годами.

В 1704 году этот храм посетили русские иеромонахи Макарий и Селиверст. Как отмечали они в сво-

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 92.
[2] Там же. С. 92.

их записках, «в Старом Египте (Каире — *а. А.*) большая церковь есть святого Победоносца Христова Егория, и по правой стороне написан образ Георгия медяны; много знамения и исцеление бывает от того образа не только христианам, но и туркам и арапам»[1].

А в 1834 году в этом храме побывал А. С. Норов. Вот что повествует он про обитель, духовным центром которой является этот храм: «Греческий монастырь довольно огромен, и нестройная масса его господствует над богатою окрестностию. Множество пристроек в несколько этажей, соединенных бесчисленными темными переходами, делают из этого здания нечто необыкновенное»[2].

Еще несколько строк, относящихся к истории храма св. Георгия, приводит все тот же любознательный путешественник. По словам Норова, когда-то на месте этого храма была «церковь во имя Иоанна Крестителя; она теперь обращена в придел; часть святых мощей Крестителя привлекала усердное поклонение самих неверных, которые в празднество великого Предтечи присоединялись к торжественному ходу христиан; ход направлялся от этого монастыря к другому, также во имя Предтечи и находившемуся неподалеку от Старого Каира»[3].

Что касается описания интерьера храма, то Норов предельно краток: «Теперь главная церковь греков, во имя св. Георгия: там показывают руку св. великомученика и колонну, к которой он был привязан»[4].

---

[1] Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту... С. 8.

[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. 1. С. 170.

[3] Там же, С. 170.

[4] Там же, С. 171.

Сообщения А. С. Норова дополняет начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский), который побывал в Старом Каире в 1850 году. Он уделил особое внимание монастырю св. Георгия. «Три дня (13, 14 и 15 апреля) провел я в монастыре св. Георгия, что в Старом Каире, — пишет о. Порфирий. — Здание монастырское осмотрено подробно; вид его нарисован спутником моим П. А. Соловьевым; все надписи прочтены и сняты; святые иконы рассмотрены внимательно»[1].

В записках архимандрита Порфирия содержатся сведения о тогдашнем состоянии этого древнего церковного сооружения. «Георгиевский монастырь, частию, сооружен на широком основании городской стены в уровень с кирпичною и каменною облицовкою ее, частию — заключается в круглой каменной башне сей стены и обращен лицом к Нилу и к трем большим пирамидам, кои ясно видны из окон тамошних патриарших покоев, — продолжает о. Порфирий. — Как только войдешь в ворота монастырские, устроенные в толще той же стены, видишь просторный двор, на котором стоит конюшня патриаршая. Сделав несколько шагов по сему двору направо вдоль стены городской (она же монастырская), подходишь к крытой каменной лестнице, ведущей в помянутую башню»[2].

Пытливый исследователь подробно описывает архитектурную композицию монастыря, отличавшуюся чрезвычайной сложностью. Подводя итог сказанному, о. Порфирий так отзывается об осмотренном им шестиярусном сооружении: «Это необыкновенно вычурное

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 83.
[2] Там же. С. 84.

строение столько же мудрено описывать и рисовать, сколько трудно обозревать»[1].

Так же сложно было определить время возведения Георгиевского монастыря. Русский исследователь смог сделать это лишь по косвенным данным. «Первое письменное свидетельство о сем монастыре открыто было мною в деревянной часовенке, устроенной подле придела св. Димитрия, у иконы св. Георгия, изображенной на стене, — пишет о. Порфирий. — Тут надпись гласит, что эта икона была написана по молитвенному желанию Александрийского патриарха Иоакима в 7009 году от Адама, или в 1501-й по Р. Х. Итак, монастырь уже существовал в XV-м веке»[2]. (Наиболее древние постройки обители датируются XIII в.)

В монастырском архиве о. Порфирий обнаружил «милостынные грамоты наших государей, жалованные ему», и это помогло русскому исследователю составить краткую летопись древней обители[3]. Завершая свой рассказ об обители св. Георгия, о. Порфирий сообщает, что этот монастырь был обновлен в 1779 году «старанием игумена Анфима и иждивением кир Антония священника. А церковь в нем с основания перестроена была блаженнейшим папою и патриархом Александрийским Парфением Пакóстою в 1799 лето Господне»[4].

И, наконец, последнее замечание о. Порфирия — о статусе Георгиевской обители. В его время там, как в богадельне, содержались вдовы, сироты и убогие.

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 87.
[2] Там же. С. 88.
[3] Там же. С. 88.
[4] Там же. С. 88

«Монашествующих в ней нет, кроме одного архидиакона Дионисия, — сообщает о. Порфирий. — Так как в наш век жили там сами патриархи, то игуменов не было. Монастырская церковь есть вместе (с тем) и приходская»[1].

В начале XX в. церковь св. Георгия была перестроена, и об этом пишет Б. А. Тураев, побывавший здесь в 1909 году. «Большая круглая церковь св. Георгия, с высоким куполом, недавно отстроена на месте прежней, виденной и изображенной преосвященным Порфирием, — пишет Тураев. — Работы в ней еще не окончены, но служба уже идет. Иконостас здесь своеобразный, — имеются всего две наместные иконы — Спасителя и Божией Матери; вместо других изображен просто Крест; чудотворная икона св. Георгия великомученика помещается особо у левой стены. Вокруг церкви идет открытая галерея с красивым видом»[2].

В настоящее время в здании собора сохраняется усыпальница Александрийских патриархов. При входе в храм установлен бюст патриарха Александрийского Христофора II (1939–1967). В 1984 году здесь побывала группа монахинь из русского Горненского монастыря (Иерусалим). «При входе, под особой сенью, — святыня храма — большой чтимый образ великомученика Георгия, — пишет игумения Феодора. — В храме много замечательных икон, в них отображена история греческой Церкви. Напротив собора великомученика Георгия, на другом берегу одного из рукавов Нила, находится знаменитый Ниломер, возле кото-

[1] Там же. С. 91.

[2] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. 1. С. 73.

рого, по преданию, Моисей был спасен из воды дочерью фараона»[1].

В одном из тупичков, слева от бывшего монастыря, устроена часовня св. Георгия, где помещена икона великомученика. Паломники, входящие под своды этого сооружения, видят висящие здесь цепи, а рядом, на стене, цитату из книги Деяний апостольских: «Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян. 19, 11–12).

«Апостол язы́ков», как известно, в этих землях не бывал, но, тем не менее, эта надпись помещена в часовне не случайно. Вот что сообщает спутник о. Порфирия — Петр Соловьев, побывавший здесь в 1850 году: «Как христиане, так нередко и мусульмане в этот монастырь к заветной святыне приводят своих больных, одержимых умопомешательством и падучей болезнью. Страждущих своих привязывают они цепью к мраморной колонне пред часовенькою и, после молебна великомученику, оставляют их там на несколько дней. Узники изредка приходят в сознание и поправляются без всяких лекарств»[2].

О таких случаях сообщал и сам о. Порфирий. В его записках тоже есть упоминание о том, что возле часовенки св. Георгия стоит мраморная колонна и что «к ней прибита длинная цепь железная с кольцом, которое обыкновенно надевают на шею исступленных и

[1] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц к святыням Египта... С. 18.

[2] *Соловьев Петр, свящ.* Русский исповедник в Каире // Странник, 1866, июль. С. 5.

сумасшедших. Недавно таким образом исцелена была одна девица из Суэса. Потом она вышла замуж и поныне здорова, — пишет о. Порфирий. — При мне (14 апреля) один умалишенный армянин сидел мрачно в этой цепи, а на другой день уже ходил весело. Св. Победоносец помиловал его»[1].

И доныне эта традиция еще не забыта. Разувшись при входе в часовню, паломники подводят к цепи своих детей и прикладывают ее конец к их головам, шее и глазам. Поток молящихся в этой часовне не иссякает, но в середине XIX в. это было далеко не так. По словам о. Петра Соловьева, «монастырь великомученика Георгия в Старом Каире (Эски-Ма́сыр) редко бывает посещаем путешественниками и даже местными христианами-арабами»[2]. Поэтому сведения, приведенные членами Русской Духовной Миссии, представляют сегодня значительный интерес.

В Старом Каире соседствуют коптские и греческие храмы; те и другие находятся в мусульманском окружении. Это издавна сближало представителей обеих Церквей, что и было отмечено в конце XIX в. на страницах журнала «Христианское чтение». «В настоящее время копты держат себя к грекам весьма близко, — пишет один из русских авторов. — В греческом монастыре св. Георгия в Старом Каире (близ древней церкви Абу-Серге) коптов вы видите и в церкви, и в устроенном при монастыре убежище (богадельне — *а. А.*) наравне с греками. Богослужение греческое копты посещать любят и много из него

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 89–90.

[2] *Соловьев Петр, свящ.* Русский исповедник... С. 5.

воспроизводят в своих храмах. Еще с большим благоговением относятся копты к совершенно неизвестным им, отдаленным «московам». Но полнейшее отсутствие у нас каких бы то ни было сношений с Востоком, отсутствие церковного представительства на Востоке не дают возможности привести эти инстинктивные родственные симпатии восточного народа в какую-либо осязательную и более пригодную для их самосохранения житейскую форму»[1].

Русские паломники, бывавшие в Египте, стремились посетить монастырь св. Георгия, но иногда некоторые из них оказывались здесь не по своей воле. Об одном таком случае рассказал читателям всё тот же о. Петр Соловьев, которому, в свою очередь, эту историю поведал в Каире местный священник. Оказывается, при этой обители в 30-х годах XIX в. подвизался наш соотечественник по имени Андрей. Вот его краткое жизнеописание.

Родился Андрей в казачьей станице, где в те годы то и дело случались схватки с черкесами. Юный Андрей был захвачен в плен, после чего продан на корабль турецкого работорговца. Его привезли в Стамбул и перепродали египетскому эфенди. Андрей жил в доме вельможи в качестве слуги, и тот пытался обратить Андрея в ислам, но русский юноша был тверд в православной вере. Начались притеснения, и в конце концов эфенди продал Андрея своему приятелю-мусульманину. Русский юноша претерпел непосильный труд, побои, пытки от «зверонравного своего владельца». В конце

[1] *Е-в И.* В Каире у коптов // Христианское чтение, 1898, январь. С. 123.

концов Андрея из рабства выкупил местный армянин, который вел денежные дела с его хозяином. Он же сообщил об Андрее греческому Александрийскому патриарху, и тот обещал, по выздоровлении, отправить юношу в Россию. Но Андрей отказался вернуться на родину, так как был очень болен. Тогда патриарх поместил его в богадельню при монастыре св. Георгия.

Андрей стал прислуживать в храме св. Георгия и наблюдал за порядком в часовне, где находилась чудотворная икона великомученика. Он постоянно присутствовал за богослужениями и прожил в Старом Каире двенадцать лет. Перед смертью Андрей исповедался у духовника и приобщился святых Христовых Таин. Скончался Андрей в начале 1840-х гг. и был похоронен в Старом Каире на православном кладбище. «Смиренный раб Божий, изможденный варварскими пытками, он никому не поведовал о прошедших своих страданиях: знал о них только Господь, за святое имя Которого он страдал, да бедный священник, нашедший себе приют в Георгиевской богадельне, духовный отец покойного Андрея», — пишет о. Петр Соловьев, завершая рассказ об Андрее такими словами: «Это был редкий образец христианского смирения и непоколебимой твердости в вере»[1].

Церковь Богоматери «Подвешенная»

Неподалеку от греческого монастыря св. Георгия расположена коптская церковь Богоматери, известная

[1] *Соловьев Петр, свящ.* Русский исповедник... С. 6.

под названием «Аль-Моаллака» («Подвешенная»). Ее западные и восточные части воздвигнуты на двух бастионах римской крепости, и центральная часть оказалась как бы подвешенной между ними. Как и в большинстве раннекоптских церквей, фасад этой церкви был позднее переделан.

Вот что сообщалось об этом храме в отечественной печати в конце XIX в.: «Церковь эта принадлежит к числу древнейших христианских храмов. Некоторые ее части относятся к VI веку, о других же есть основание думать, что древность их восходит до IV и даже III века христианской эры. Находится она внутри Вавилона, разрушенного покорителем Египта Амр-ибн-аль-Асом, между двумя бастионами крепости, к которым непосредственно примкнута. Основание ее покоится на аркадах, чем и объясняется ее название Ал-Муаллака, что значит «висящая»[1].

Церковь Богоматери сильно пострадала в 830–849 годах, в период мусульманского гонения на христиан в Египте, когда были разрушены многие коптские храмы. Раскопки 1960 года, проводившиеся в саду Коптского музея, выявили базиликальный план церкви[2].

Этот храм издревле пользовался особым почитанием верующих. Как повествует древнее коптское предание, здесь Пресвятая Дева во время бегства в Египет в первый раз вкусила пищу — плод финиковой пальмы — и воскликнула: «Боже, как это хорошо!»[3] Именно в этой церкви, по старинной традиции, каждый но-

[1] Вестник Европы, 1895, кн. 12. С. 480.
[2] *Ходжаш С. И.* Каир. Изд. 2. М. 1975. С. 94.
[3] Вестник Европы, 1895, кн. 12. С. 480.

воизбранный коптский патриарх совершает в Каире первую торжественную литургию[1].

Этот храм является духовным центром каирских коптов. Посетители, поднимающиеся по лестнице, видят перед собой большую карту с надписью: «Святая дорога в Египет». Здесь обозначен путь Святого Семейства, спасавшегося от гонений Ирода. Паломникам как бы предлагают повторить этот маршрут и посетить места, памятные для каждого христианина: Эль-Ариш, пустыню Вади-аль-Натрун, Эль-Маттарию, Меру, Дейр-эль-Мухаррак... Вверху надпись из книги пророка Осии: «Из Египта воззвах Сына Моего» (11, 1).

Церковь св. Варвары. Коптский музей

В Старом Каире, в той его части, которая носит название Вавилон, есть очень интересная по своей архитектуре коптская церковь св. Варвары. Она была сооружена в V в., перестроена в X столетии. Колонны с резными капителями делят внутреннее пространство церкви на три нефа, которым соответствуют три алтаря. По сторонам боковых нефов расположены хоры. Замечательная утварь, некогда украшавшая церковь, в настоящее время выставлена в Коптском музее, находящемся под эгидой Коптской Церкви.

Коптский музей был основан Марком Симайкапашой как музей Коптской Патриархии в 1908 году. Сюда были свезены памятники из коптских монастырей и церквей. В 1910 году для музея выстроили спе-

[1] Там же. С. 481.

циальное здание; в дальнейшем оно было расширено несколькими пристройками. В 1939 году Коптскому музею была передана коллекция коптских памятников из Египетского музея, а после второй мировой войны площадь музея снова была увеличена за счет нового большого флигеля. Для пополнения своих коллекций музей проводит постоянные археологические экспедиции.

В настоящее время коллекция музея насчитывает свыше пяти тысяч памятников, происходящих из различных мест Египта. При музее — библиотека древних рукописей. Памятники коптского искусства относятся в основной своей части ко времени между IV и X веками, но имеются и более поздние. Среди памятников коптской коллекции большой раздел составляет каменная скульптура — капители колонн, резные алтари, надгробные стелы.

Копты были необыкновенно искусны в резьбе по дереву. Капители колонн, резные потолки и двери церквей свидетельствуют о большом мастерстве создавших их резчиков. Особенной известностью пользуется дверь, перенесенная из коптской церкви св. Варвары, на которой вырезаны Христос и апостолы. В музее сохранилось много бронзовых церковных предметов — кадила, светильники, лампы, кресты. Гордостью Коптского музея является собрание памятников письменности: молитвенники, жития святых, древнейшие списки Евангелия и Библии. Иллюстрирующие их миниатюры поражают богатством красок и разнообразностью сюжетов[1].

[1] *Ходжаш С. И.* Каир. С. 94–98.

Церковь св. Семаана Кожевника

Несмотря на то, что копты составляют меньшинство в своей собственной стране, их церковная жизнь не угасает, но, напротив, даже активизируется. Открытие, сделанное в 1991 году в египетской столице, послужило толчком для строительства крупнейшего коптского храма. 4 августа 1991 года рабочие, реставрировавшие древнюю коптскую церковь в Старом Каире, наткнулись на склеп с останками одного из наиболее почитаемых египетскими христианами святого — Семаана Кожевника.

По церковному преданию, в 979 году, когда Египтом правил халиф Муиз, по молитве Семаана произошло чудо, благодаря которому коптская община была спасена от физического уничтожения или насильственной исламизации. Некий иудей обратил внимание халифа на отрывок из Евангелия, в котором Христос говорит: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет» (Мф. 17, 20). Мусульманский властитель решил испытать веру своих подданных-христиан, требуя от них чуда и угрожая, в противном случае, жестокой расправой.

В сонном видении тогдашнему коптскому патриарху предстала Богородица, указавшая ему на безвестного кожевника Семаана. Когда в назначенный час копты собрались под гору Мукаттам, Семаан встал за спиной патриарха... Христиане начали молиться, и тут — к ужасу их противников — раздался страшный грохот и от горы отвалился огромный кусок.

Рационалисты склонны истолковывать чудо св. Семаана как очередное «совпадение» — просто в этот момент, говорят они, произошел мощный тектонический сдвиг... Но копты не забыли своего святого, и поэтому, как только были обнаружены его мощи, было принято решение о строительстве в недрах той самой горы Мукаттам огромного пещерного храма, посвященного св. Семаану. В 1996 г. работы в соборе были близки к завершению. В огромной пещере амфитеатром разместились ряды сидений для двадцати тысяч молящихся, а колокольни храма были увенчаны крестами[1].

ФАЮМСКИЕ ОБИТЕЛИ

Фаюм — город, лежащий близ берега Нила, в ста километрах к югу от египетской столицы. От каирской площади Рамзес-сквер туда регулярно отправляются автобусы. А в XIX веке русские паломники добирались до этого города на больших лодках, которые местные жители называли «дахабии». В 1845 году подобное путешествие по Нилу предпринял архимандрит Порфирий (Успенский), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Он нанял такое судно и, поднимаясь вверх по Нилу, посетил целый ряд древних коптских монастырей. «Я посвятил свою дагабию св. Николаю и назвал её его именем», — отмечал о. Порфирий в своих записках[2].

---

[1] Благовест-инфо, 19 сентября 1996 г., Москва.

[2] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. Спб. 1895. С. 396.

В дневниковых записях русского паломника сначала упоминаются те обители, которые были основаны к югу от Фаюма. Так, близ деревни Сермент-эль-Гебел он посетил монастырь св. Георгия, «перестроенный коптами и заваленный разными хлевами и хижинами»[1]. Вот как выглядел в те годы интерьер храма этого монастыря. «Церковь в нем довольно светла; свет падает из купола; церковь высока; в ней есть две мраморные колонны, коих верхняя половина отбита, а прочие колонны по обе стороны церкви двойные, т. е. две круглые колонны тонкие стоят рядом и тесно друг подле друга на одном базисе; на сих колоннах покоятся арки, — пишет о. Порфирий. — Иконостас деревянный, чистый; храмовая икона большая — св. Георгия на белом коне, в большом киоте с колонночками на левой стороне церкви. Священников двое. К монастырю принадлежит ближняя деревня»[2].

К юго-западу от Фаюма находится древний монастырь Алнаклун, основанный, по преданию, в VII веке. В обители есть две старинные церкви, а позади монастыря имеются несколько пещер, в которых когда-то жили местные насельники. Архимандрит Порфирий посетил этот монастырь — «Богородицкий, близ деревни Лязеп, на Фаюмском поле». В большой церкви он видел «девять колонн, по три в ряде». В обители в те годы был один священник; незадолго до визита русского гостя монастырь был восстановлен из развалин. «Через двор — другая церковь, во имя Макария абу-Сифет, вновь сделана 19 лет назад», — сообщает

---

[1] Там же. С. 432.

[2] Там же. С. 432.

о. Порфирий, добавляя при этом: «Близ сего монастыря есть много древних катакомб или подземелий; ибо они устроены в подземной скале, покрытой песком и поверхностью почти равняющеюся Фаюмскому полю. В этих катакомбах похороняются копты»[1].

Близ Фаюма находятся еще два старинных коптских монастыря: Эль-Азаб и Эль-Моллак. Дейр-эль-Азаб находится в восьми километрах от Фаюма и доехать туда можно на микроавтобусе. Основанный в XIII веке, он находится в деревушке Эль-Азаб, отсюда и его название. Здесь сохраняются мощи местного подвижника — св. Авраама, скончавшегося в 1914 г.

Для того, чтобы добраться до обители Эль-Моллак, нужно из Фаюма доехать до деревни Айзбет-аламша. Здесь довелось побывать архимандриту Порфирию, и он посетил в этой деревне монастырь Архангела Гавриила. «Сей монастырь при деревне мусульманской Эзбет-Амбеша, а из Фаюма ходят сюда христиане», — сообщает о. Порфирий[2]. В записках русского паломника приводится описание убранства монастырского храма: «В церкви шесть тонких колонн, по три на стороне, с коринфскими капителями, а за аркою пред алтарем и за двумя столбами две колонны мраморные, тонкие, с капителями, одна капитель в виде корзинки, плетенной из соломы, а другая коринфская в виде листов. Иконостас деревянный. Есть иконы»[3].

Еще несколько строк о. Порфирий уделяет устройству этой обители: «С южной стороны церкви —

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 433.
[2] Там же. С. 433.
[3] Там же. С. 432–433.

келлии в два этажа и смежно с южною стеною и северною вверху келлии, — из них видно чрез окна в церковь; вообще кругом церкви есть келлии <...> Монастырь построен при скалах в песчаной пустыне и обнесен низкою оградою, которая перестроена»[1].

В записках о. Порфирия упоминается еще несколько обителей. «В Фаюме кроме означенных монастырей есть еще три: св. Феодора и архангела Михаила внутри сей провинции, устройством похожие на первые, и третий, оставленный в пустыне, недалеко от Еллахуна; виден у подошвы горного хребта»[2]. Архимандриту Порфирию не пришлось посетить обитель близ «Еллахуна», а между тем ныне этот монастырь часто навещают коптские паломники.

Близ деревушки Айзбет-аламша, у развилки, начинается дорога, ведущая в пустынную местность, где и расположен этот монастырь, основанный, как и Эль-Азаб, в XIII веке. Расстояние до обители не «пешеходное», и остается уповать на оказию. Молодой копт-мотоциклист любезно приглашает одинокого странника занять место позади него. Наш «экипаж» преодолевает холмы и низины, всё дальше удаляясь от нахоженных дорог. В голове одна мысль: как добираться обратно? Ведь день на исходе, а встречного транспорта что-то не видно.

Миновав селение Эль-Лахун («Еллахун»), мы подкатываем к самым воротам монастыря. Он обнесен обширной каменной оградой. Старец-монах неспешно прогуливается вдоль нее, перебирая четки. В монастырском дворике еще есть посетители, здесь же стоит

[1] Там же. С. 433.
[2] Там же. С. 434.

их пикап. В храме полумрак; старинные иконы, гробницы с мощами, — всё это переносит паломников в атмосферу средневековья.

Во дворе журчит источник, и можно испить кружку воды. Старец читает молитву, возложив руки на головы коптов-паломников. Получив благословение, они идут к микроавтобусу. Там есть еще одно местечко, и, как само собой разумеющееся, они приглашают «безлошадного» странника в салон. Через полчаса мы возвращаемся в Фаюм, где творится что-то необычное. На набережной канала прогуливаются нарядно одетые горожане. В кузове грузовиков — веселящиеся арабы, в руках у них барабаны и трубы. Слышны звуки музыки. «Завтра у мусульман начало рамадана», — объясняют мои спутники.

ПОДВОРЬЕ МОНАСТЫРЯ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

Автобус, который отправляется из Фаюма вдоль Нила на юг, доставляет путников в Бени-Суэйф через два часа. А когда-то на это требовался не один день. В 1834 году здесь побывал А. С. Норов; он проехал верхом встречным путем — от Бени-Суэйфа до Фаюма. Вот что сообщает русский писатель о своем посещении коптской обители: «На этом пути я остановился на восточном берегу Нила у коптского монастыря или подворья св. Антония Великого (Мар Антониос уль Бар). Это малое убежище служит сообщением между берегом Нила и знаменитым монастырем сего имени близ Чермного (Красного — *а. А.*) моря; оно

построено на голом песке, где братия с трудом могли вырастить несколько тощих пальм; со всем тем они обложены податью»[1].

Эти строки были написаны А. С. Норовым на обратном пути, когда он возвращался в Каир из Фиваиды. А ранее, при его плавании вверх по Нилу, русский путешественник упоминал про другой путь, ведущий к легендарным обителям. «Через полчаса плавания (вверх) от Бенисуэфа, на восточном берегу, видно селение Баядие, откуда ведет пустынная дорога мимо подошв гор Джебель-Буш к монастырю свв. Антония и Павла, на берег Чермного моря. Тут всегда собраны верблюды для проезда через пустыню», — отмечает Норов[2]. Таким образом, если верить записям нашего паломника, к древним обителям св. Антония и св. Павла в те годы от правого берега Нила вели два пути, и обе караванные тропы смыкались, по-видимому, в одну за Бени-Суэйфом.

А. С. Норов не имел возможности совершить столь трудное путешествие. (Участник Отечественной войны 1812 года, Авраам Сергеевич потерял ногу под Бородино.) Поэтому он уделил внимание описанию Антониевского подворья, где он нашел приют у братии. Вот как выглядела эта обитель с фелюги, идущей по Нилу. Пред взором путешественника «тянутся, как бы укрепления, сделанные руками человеческими, хребты скал Аравийских. <...> Эти горы называются Джебель-Абу-Нур. Против них, на восточном берегу Нила, построен коптский монастырь, во имя св. Антония, о пяти небольших

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 377.
[2] Там же. С. 7–8.

куполах, обнесенный стенами. Он стоит совсем без приюта на узкой полосе плодоносной земли; возле растут несколько тощих пальм, спереди песчаный берег Нила, а сзади обширная пустыня до самых гор»[1].

Вот еще несколько строк, посвященных этой обители. «Церковь состоит из небольшой ротонды с куполом, поддерживаемым несколькими колоннами грубой отделки, с коринфскими капителями, — продолжает Норов. — Здесь считают всего десять братий: они, вероятно, принадлежат белому духовенству, потому что я тут видел жен и детей»[2].

Побывал в этой обители и архимандрит Порфирий (Успенский). Его визит в этот монастырь имел место 30 марта 1845 года. К этому времени здесь мало что изменилось. «В монастыре живут феллахи семьями», — пишет о. Порфирий[3], подтверждая сообщение А. С. Норова. Русский архимандрит дополняет зарисовки своего предшественника, относящиеся к внутреннему убранству храма. «Купол покоится на четырех колоннах-монолитах тонких с коринфскими капителями. Вместо четвертой колонны поставлен столб. Во всей церкви пол из скалы, но стены ее кладены из красного кирпича», — пишет о. Порфирий[4]. Он также отметил, что в храме «иконостас деревянный. Икона св. Антония в киоте. Он изображен в фелони, — в одной руке крест, в другой — посох»[5]. «Напротив сей церкви — другая, во имя Абу-Сифше (т. е. Макария),

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 6–7.
[2] Там же. С. 377.
[3] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Ч. II. С. 435.
[4] Там же. С. 434.
[5] Там же. С. 435.

малая», — так заканчивает о. Порфирий свои заметки об этом подворье[1].

Возвращаясь к запискам А. С. Норова, можно отметить, что русский автор приводит краткие сведения о монастырях св. Антония и св. Павла, каждый из которых «отстоит почти на два дня пути отсюда, чрез ущелья скал»[2]. Ведь до того времени ни один русский паломник еще не бывал в этих обителях, и А. С. Норов знакомил своих читателей с древними обителями, пользуясь сообщениями, почерпнутыми из записок европейских путешественников. Завершая свое повествование, русский автор замечает: «Я очень жалел, что не успел посетить эти вдохновительные святые уединения»[3].

И лишь через пятнадцать лет это довелось осуществить архимандриту Порфирию, который не побоялся бросить вызов жаркой и безводной пустыне.

МОНАСТЫРЬ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

Удаленный от берегов Нила, монастырь св. Антония Великого всегда был труднодоступен для посещения, и русские паломники не бывали там вплоть до середины XIX века. Первым гостем из России, переступившим порог этой обители, стал начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский).

---

[1] Там же. С. 435.

[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 376.

[3] Там же. С. 378.

О. Порфирий намеревался побывать в этой прославленной обители, а также в расположенном неподалеку монастыре св. Павла Фивейского еще в 1845 году, во время своего первого путешествия по Египту. В тот раз он посетил тридцать четыре коптских монастыря, расположенных в более доступных местностях. Однако ему тогда не удалось посетить обители свв. Антония и Павла, поскольку он должен был ехать в знаменитый Синайский монастырь, а оттуда — в Иерусалим. И вот еще через пять лет у неутомимого архимандрита появилась новая возможность, «чтя память св. Антония, именем которого назывался первый начальник монахов в России, ублажая и преподобного Павла, посетить места их подвигов удивительных и провести там четыре дня в богомолье»[1].

В своей книге, озаглавленной «Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году» (Спб. 1856), архимандрит Порфирий отмечает: «Из русских я первый еду в пустыню, в которой спасались Павел и Антоний»[2].

Архимандрит Порфирий отправился в трудное путешествие, заручившись рекомендательными письмами от коптского патриарха Петра и благословением патриарха Александрийского Иерофея. Путь русского паломника начинался из Каира, от Булакской пристани. Его судно (канджа) медленно начало подниматься вверх по Нилу под парусом. Неспешное плавание позволяло замечать то, что не увидишь нынче из окна автобу-

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 118.
[2] Там же. С. 119.

са. «Вот на правом берегу Нила одиноко стоит обитель коптов Дер Маа́дер Хаби́ра и смотрится в реку, а из десяти окон ее не выглядывает ни один монах», — пишет о. Порфирий[1].

До Бени-Суэйфа о. Порфирий добрался на третий день плавания. Еще несколько дней русскому архимандриту понадобилось для того, чтобы подготовиться к отправке с караваном из близлежащего селения Буш в долгий и трудный путь по пустыне. Для этого пришлось нанимать «бедуинов и верблюдов, которых потребовалось осмнадцать»[2]. За это время о. Порфирий смог посетить подворье монастыря Св. Антония, где за пятнадцать лет до этого гостил другой русский путешественник — А. С. Норов. «Оно вновь построено недавно. В нем есть церковь, — сообщает о. Порфирий. — К нам пожаловали почетные копты в шелковых одеждах и монахи из обителей свв. Антония и Павла в суконных темно-синих рясах и подрясниках с черными завивалами (тюрбанами) на головах. После взаимных приветствий я поведал им, что благоговение к памяти Антония Великого и пламенное желание видеть место его дивных подвигов привели меня в Египет с отдаленного севера. Тогда миряне промолвили: «Мы живем недалеко от Антониевой обители, а не бывали в ней. Ваше благочестие назидательно для нас»[3].

В этом подворье о. Порфирий принял участие в богословской дискуссии; разговор шел о Божественной и человеческой природе Спасителя. Тем временем

---

[1] Там же. С. 122.

[2] Там же. С. 145.

[3] Там же. С. 146–147.

бедуины готовились к путешествию. Их «шейх» получил в задаток восемьсот пиастров и «обещался привести горбатых животных на другой день рано утром»[1].

3 мая 1850 года архимандрит Порфирий отправился в путь. Рано утром он и его спутники переправились в лодке через Нил, «прямо против Буша». «Верблюдов навьючили, — пишет о. Порфирий, — мы сели на них, перекрестились и двинулись, за два часа до полудня»[2]. Вот основные этапы этого пути. В течение шести с половиной часов паломники «поднимались от Нила постепенно в направлении к юго-востоку-востоку по Ажбейской долине и взобрались на равнинную высь Аравийскую, вдоль разграниченную низким гребнем Баракатским <...> всего сделали около 40 верст»[3]. Так прошел первый день пути, и вечером, помолившись, о. Порфирий «заснул сладко и крепко на Аравийской горной выси, в таборе бедуинском, под небом открытым»[4].

4 мая. Через два часа после отъезда с места ночлега путешественники преодолели хребет Баракат; «по другую сторону его ясно обозначилась вправо гора св. Антония, — записывал о. Порфирий, — она длинна, как молитва сего угодника Божия»[5]. После нескольких часов пути, вспоминал о. Порфирий, «наш поезд (караван — *а. А.*) остановился на ночлег в пустом месте, которое бедуины называют Абури́ш»[6].

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 152.
[2] Там же. С. 157.
[3] Там же. С. 161.
[4] Там же. С. 162.
[5] Там же. С. 165.
[6] Там же. С. 168.

5 мая. «В восемь часов мы достигли Уади Ахе́дыр и по этой ложбине, имеющей дождевое русло, потянулись в направлении к юго-востоку-востоку, понижаясь неприметно» — продолжает о. Порфирий[1]. А еще через два часа ветер-хамсин, проникавший до костей, превратился в вихрь. Минул полдень, а «хамсин так и воет и ревет и ходенем ходит по пустыне, песок мечет в небо, пламень льет на землю, мраком повивает горы»,— сетовал о. Порфирий[2]. Это задержало продвижение каравана, и, как продолжает русский паломник, «в два часа и тридцать минут поезд наш тронулся с места и в половине пятого остановился на ночлег в широкой долине Эль-Араба»[3].

6 мая. Рано утром «четвероногие корабли понесли нас поперек открытой долины Эль-Арабы, направляясь к юго-востоку-востоку, — пишет о. Порфирий. — Сидим на них и качаемся. У нас четки в руках, молитва в устах, пустыня перед глазами»[4]. Во время долгого перехода у паломников случилось несчастье. Это произошло около девяти часов утра, когда караван миновал Уади-эль-Буэрат. «Иеродиакон наш вздремнул на верблюде и, упав с него, вывихнул кисть правой руки, — жалуется о. Порфирий. — Здоровый и сильный, он скоро перемогся и продолжал путь. А то пришлось бы бедствовать с ним в пустыне, где нет костоправов»[5].

И только во второй половине дня вдали, у подножья горы, показалась «обитель первого христианского по-

[1] Там же. С. 170.
[2] Там же. С. 171.
[3] Там же. С. 174.
[4] Там же. С. 175.
[5] Там же. С. 177.

движника» — монастырь св. Антония Великого. Итак, преодолев многочисленные трудности, архимандрит Порфирий сумел достичь желанной цели, о чем писал в своем путевом дневнике: «Поминутно мы приближаемся к монастырю св. Антония, и он постепенно вырастает перед нами, отделяется от смежной горы и обозначается в полном составе своем. Вот видна ограда монастырская. <...> Главных зданий внутри еще нельзя различать, потому что они тонут в зелени разных дерев. Мы еще ближе, и вот видно: монастырь стоит на равнине Арабайской у подошвы высокой и крутоярой горы; за ним белеет небольшая полоса земли, как будто там пролито верблюжье молоко <...> из-за ребристой ограды желтого цвета выказываются зубчатая башня, полукуполы церквей и верхи прочих строений»[1].

Одной из особенностей тогдашней монастырской жизни коптов была постоянная опасность вооруженных нападений бедуинов. Архимандрит Порфирий отметил это в своих записях: «Мы спешились и стали в тени, отбрасываемой высокими стенами, сложенными из тесаных камней. Ворот в них нет. Монахов и пришельцев поднимают на веревке»[2].

Насельники обители не ожидали приезда русских паломников, а постучаться в дверь было невозможно. Наконец гости были замечены. «Монахи появились на стене у навесного подъема и тотчас спустили к нам толстую веревку с петлею на конце, — пишет о. Порфирий. — Наш переводчик, первый, ступил в эту петлю левою ногою, схватился обеими руками за веревку и

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 180.
[2] Там же. С. 182.

так на одной ноге был поднят наверх воротом, утвержденным на толстой стене под навесом. Потом таким же способом подняли дружину мою и наконец меня»[1].

Это был исторический момент: впервые в истории русско-коптских связей православные паломники из России посетили древнюю обитель св. Антония Великого. Дорогим гостям была устроена торжественная встреча, и о. Порфирий подробно описывает ее в своих заметках. Вот как происходило это чинопоследование.

У вóрота стоял игумен с братиею и было поставлено церковное кресло для меня. Как только я переоделся пристойнее и сел на приготовленное седалище, мне и о. Феофану дали в руки по медному кресту, потом окадили всех нас по чину храмовому, и затем начался крестный ход. Все монахи в темно-синих рясах и черных завивалах на голове, с предлинными ветвями масличными и финиковыми, пошли вперед попарно и, спустившись со стены по уступам лестницы, продолжали шествие до церкви, воспевая какой-то священный стих. За ними и мы в облаках фимиама, воскуряемого молодыми иподиаконами, шли между тесными зданиями монастырскими. Когда крестный ход наш приблизился к церквам, начали благовестить в колокол. От чистых звуков его зазвучала в нас чистая радость. Нас привели сперва в древнейший храм св. Антония, а потом в смежный с ним собор, прямо в алтарь. Тут все мы обошли кругом престола, целуя углы его, и, вышедши из царских врат, продолжали шествие по всему собору около стен, снова входили в алтарь,

[1] Там же. С. 183.

опять лобызали четыре угла престола и еще раз прошли по всей церкви.

После сего меня посадили на убранное шелковыми пеленами кресло пред алтарем на левой стороне и дали мне в руки возжженный трикирий. Монахи же столпились предо мною, кадили меня поочередно, целовали мои руки и пели, ударяя медные блюдца одно о другое, звоня в колокольчик и стуча в стальной треугольник. <...> Наконец один иеромонах спросил мое имя и, разогнув большую книгу, начал читать приветствие на арабском языке. Из всего я понял только часто повторяемые слова: «радуйся, авва Порфирие». Слышно было, что они ублажали меня разными приветами...

Приветствием кончился обряд принятия поклонников, и я успокоился в палатке, поставленной в саду под огромными финичиями близ собора, после забот о несчастном иеродиаконе, который много страдал от ушиба и от растирания вывихнутой кисти ручной над парами. Пред захождением солнца, по желанию моему, принесли мне список помянутого приветствия[1].

В середине XIX столетия в монастыре св. Антония числилось сто тридцать монахов, но только тридцать четыре из них жили здесь, а остальные находились либо на монастырском подворье на берегу Нила, либо в Каире и Иерусалиме, а часть из них постоянно странствовала по Египту. За несколько дней, проведенных здесь, архимандрит Порфирий присутствовал за коптской литургией[2], осмотрел древнюю обитель и соста-

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 185–187.

[2] Там же. С. 188–196 (описание чинопоследования литургии).

вил подробное описание этого монастыря. «Все здания в нем так же, как и в прочих обителях египетских, расположены в одном углу северо-западном, — так начинает о. Порфирий свое повествование. — Остальное же место внутри обширной ограды занято садом. Кроме келлий монашеских <...> главные здания суть: соборная церковь с примыкающим к ней храмом св. Антония, ризница и вместе книгохранилище в зубчатой башне, братская трапеза (столовая — *а. А.*) и келарня в три яруса вышиною, домик для патриарха, отдельная церковь во имя св. Марка в северо-восточном краю сада и водоем»[1].

Осмотрев соборную церковь во имя свв. апостолов Петра и Павла, русский паломник отметил в его убранстве интересные подробности. Наряду с иконами, помещенными в храме, здесь находилась картина, подаренная монастырю каким-то католическим паломником. Это был «образ Божией Матери и св. Иосифа Обручника итальянской живописи, — отмечает о. Порфирий. — Сие Святое Семейство отдыхает на пути в Египет. Иосиф принес в платке разные плоды и, развернув его, подает их Предвечному Младенцу, Который простер к ним свою ручку и смотрит на них весело, стоя у колена Пречистой Матери Своей»[2].

Особый интерес для русских паломников представлял небольшой храм св. Антония; он «по коптскому обычаю разделен на три части каменными стенками, кои возвышаются от полу не более как на два аршина», — пишет о. Порфирий[3]. В его дневнике находим

[1] Там же. С. 196–197.
[2] Там же. С. 198.
[3] Там же. С. 199.

важное замечание, относящееся к истории древнего монашества: «Во второй части храма под тремя ступенями, по коим восходят в предалтарное отделение, будто находится гробница св. Антония, по словам коптов. Но сами они не знают, есть ли в ней мощи сего угодника Божия»[1].

Что касается алтарной части древнего храма, то в середине XIX столетия она представилась взору русских паломников в таком виде: «Самый алтарь, малый и темный, разделен на три части каменными стенами, в коих проделаны ходы для сообщения, — пишет о. Порфирий. — Он весьма слабо освещается чрез маленькие и тусклые окна в небольшом куполе. Почти весь храм этот расписан в разные времена. На стенах и под арками его видны почернелые лики пророков, апостолов, преподобных и мучеников на конях. <...> По местам начертаны коптские надписи. Монахи говорили мне, что сей храм древле освящен был во имя Панагии, т. е. Всесвятой»[2].

Отец Порфирий сознавал, что его записи, посвященные колыбели древнего монашества, представляют огромный интерес для православных читателей в России. Поэтому он уделяет несколько строк и архитектурному устройству храма св. Антония. «Первые два отделения его и алтарь вывершены тремя куполами, которые точь-в-точь походят на опрокинутую воронку, — продолжает русский исследователь. — На крыше храма они заострены, но подняты не более как на два аршина от уровня ее, внутри же его утверждены,

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 199.
[2] Там же. С. 200.

каждый, на широком каменном обруче, в котором проделаны маленькие окна с оконницами, составленными из стекольчатых кружков. Алтарный купол менее других. В первый раз в жизни я видел здесь воронкообразные куполы»[1].

В настоящее время бытует мнение, что этот небольшой храм был построен самим аввой Антонием[2], поскольку так гласит коптское предание[3]. Однако у о. Порфирия на этот счет было собственное мнение. «В житии сего великого угодника Божия не сказано, чтобы на том месте, где он подвизался и умер, была какая-нибудь церковь во дни его, — размышлял о. Порфирий. — Думать надобно, что помянутый храм построен был вскоре по смерти его, последовавшей в 17 день января 356 года, и освящен во имя Божией Матери»[4].

Во время своего пребывания в обители св. Антония о. Порфирий сумел познакомиться с монастырской ризницей и книгохранилищем: «Из числа книг, хранящихся в шести сундуках, замечательны две огромные рукописи на коптском языке, содержащие пасхальную службу (они тщательно берегутся в пристойных футлярах деревянных), словарь Нового Завета коптско-арабский в лист, рукопись драгоценная, и летопись на арабском языке от создания мира до седьмого вселенского собора. <...> На одном ее поле замечено: «Доселе (то есть до Халкидонского собора) составлена

---

[1] Там же. С. 202.

[2] См.: Журнал Московской Патриархии, 1985, № 7. С. 18.

[3] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 202.

[4] Там же. С. 202–203.

сия летопись святым Иоанном Златоустом». Стало быть, она переведена по-арабски с греческого языка. Прочие рукописи суть Евангелия, Апостолы, Псалтири, Часословы, Минеи, жития святых и т. д.»[1].

Интерес русского ученого-паломника к древним восточным рукописям не был случайным и праздным. Благодаря трудам о. Порфирия отечественная наука обогатилась неоценимым по своей исторической значимости материалом. Рукописи, вывезенные им с Ближнего Востока, впоследствии стали предметом целого ряда исследований и монографий. Незадолго до своей смерти он передал С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке все свои рукописи. Сам о. Порфирий на основании своих архивов написал целый ряд научных трудов, не потерявших своей ценности и до настоящего времени.

Вечерние часы о. Порфирий проводил в беседах с местным священником — отцом Даудом (Давидом). Один из вопросов, заданных русским ученым о. Дауду, представляет особый интерес для истории восточного монашества. Вот отрывок из книги о. Порфирия:

— Скажи нам, отче, где родился св. Антоний?

— В принильском селении Гема́не эль-Ару́се, которое отстоит от Буша на три часа пути, ниже по течению реки.

— Мы знаем житие и наставления его, но нам неизвестна история монастыря, носящего имя его. Пожалуй, поведай нам всё, что знаешь о нем.

— Св. Антоний построил здесь небольшой монастырь с церковью для учеников своих. По смерти

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 203–204.

его он, мало-помалу, увеличивался в течение столетий, не от царских щедрот, а от подаяний христиан благочестивых. Мусульмане пощадили его. Султан Эль-Хакем Дагер, разрушивший весьма многие обители (в начале XI в. — а. А.), не коснулся его. Триста пятьдесят лет назад наш монастырь был разорен и в течение семидесяти лет оставался в запустении. Но 91-й патриарх Гавриил принудил нитрийских монахов обновить его и поселиться в нем, напомнив им, что они — духовные потомки св. Антония. Эти чернецы неохотно перешли сюда и даже прибили Гавриила, так что он скончался от их побоев. Но с тех пор поныне сей монастырь постоянно был обитаем и процветал молитвами великого угодника Божия[1].

Собеседник о. Порфирия поведал русскому архимандриту об уставе монастыря и о тогдашнем состоянии египетского монашества[2].

Высоко на горе, за стенами монастыря, находится пещера, где св. Антоний прожил некоторое время, прежде чем обосновался у подножия хребта. Неутомимый архимандрит решил посетить эту древнюю святыню. Местные игумены Дауд и Павел вызвались сопровождать гостей из России; они взяли с собой трех коптов-монахов и четырех бедуинов-арабов с ослом. «Он первый спущен был со стены в веревочной сети; и его навьючили мехами с водою, — пишет о. Порфирий. — За ним спустились мы благополучно и пошли вдоль западной ограды монастырской к крутоярой горе»[3].

---

[1] Там же. С. 213–214.

[2] Там же. С. 215–218.

[3] Там же. С. 219.

Через полчаса паломники достигли склона горного отрога, где, по коптскому преданию, подвизался ученик св. Антония — Павел Простый. «Мы остановились на этом месте у огромного камня, когда-то отвалившегося от горы, — пишет о. Порфирий. — Сей камень и прикладенная к нему маленькая ограда из дикого камня обозначают жилище преподобного простеца»[1].

Немного передохнув, русские паломники продолжили свой путь на восток. Еще с дороги коптские иноки показали о. Порфирию пещеру св. Антония. Но добираться туда было непросто, и о. Порфирий упоминает о тех испытаниях, которые при этом выпали на его долю: «Чем ближе мы подходили к колыбели монашества, тем круче и стропотнее становилась стезя, ведущая к ней. Во многих местах надлежало взлезать с уступа на уступ и цепляться руками. Я четыре раза немного отдыхал на камнях <...> Не понять бы мне, как столетний старец Антоний сходил и восходил по такому стропотному месту, если бы вера не сказала мне, что его носила всемощная благодать Божия. Ровно полчаса я поднимался до пещеры от разрушенной кельи преподобного Павла»[2].

Достигнув наконец желанной цели, о. Порфирий выяснил, что «у св. Антония были две пещеры, одна побольше и ниже, а другая рядом выше и меньше»[3]. В нижнюю пещеру о. Порфирий прошел через «междустение, искусно иссеченное в горе, длиною в шестнадцать шагов». «Пещера с первого взгляда показалась мне есте-

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 219–220.

[2] Там же. С. 220.

[3] Там же. С. 220–221.

ственною, — отмечает о. Порфирий. — В средине ее сложен из диких камней круглый престол низменный для богослужения. На нем нет ни доски, ни одежд. Окрест его можно ходить. Тут я преклонил колена мои и, приникши челом к святой трапезе (престолу — *а. А.*), помолился Богу о царе и отечестве, о матери и о себе, о мире всего мира и благостоянии святых Божиих церквей и поручил всех и вся и себя самого предстательству св. Антония. В душе моей царствовало неизреченное веселие — это знамение нашей близости к Богу и к святым угодникам Его»[1].

Совершив молитву, о. Порфирий осмотрел «священную колыбель монашества», после чего составил подробное ее описание[2]. «Слой горы в этом месте состоит из стекловидного хряща, похожего на белый мрамор, — сообщает о. Порфирий. — Все мы отбили тут по куску мрамора с намерением сделать из него образ св. Антония в память посещения места дивных подвигов его»[3].

Рядом с этой пещерой, немного выше и правее ее, находится другая, малая. О. Порфирий с трудом добрался до нее, прижимаясь спиной к отвесу горы. «Пещерка сия так низка и узка, что в ней можно только сидеть и спать, а стоять нельзя, — пишет он. — Из нее видна долина Арабайская с противоположным хребтом горным»[4].

После осмотра места молитвенных подвигов св. Антония о. Порфирий здесь же, сев на камень, записал в

---

[1] Там же. С. 221.
[2] Там же. С. 221–222.
[3] Там же. С. 222.
[4] Там же. С. 222.

своем дневнике следующие строки: «Истинно предание, которое указывает, здесь в горе и у подошвы ее, два места подвигов св. Антония. Ибо они точно таковы, какими их изобразили древнейшие списатели жития сего великого угодника Божия. По словам блаженного Иеронима, «Антоний, когда услышал на берегу Нила некий голос, повелевавший ему идти с сарацинами вглубь пустыни, через три дня достиг того места, которое Бог назначил ему в обитание». И мы дошли сюда в три дня. — «Преподобный муж поселился у каменистой горы, из подошвы которой вытекала вода и образовала ручеек». — Она струится оттуда и ныне. — «Около сего ручейка росло много фиников, которые делали место удобным для жизни и приятным». — Эти пальмы красуются тут и теперь. — «Близ их Антоний поселился в такой малой пещере, что в поперечнике ее заключалось столько пространства, сколько может занять человек, протянув свои ноги». — На месте ее, вероятно, стоит церковь Панагии-Всесвятой. — «Подвижник насадил виноград и разные дерева, воспитывал овощи и сам выкопал водоем для поливки своего огорода». — Водоем его существует и теперь. — «Кроме помянутой пещеры были еще две, иссеченные в горе у вершины ее; и туда всходил с величайшим трудом по извилистой и стропотной стезе». — То же и ныне. — «В одну из них святой удалился, когда узнано было подгорное жилище его у потока; но и там он не укрылся от чад своих духовных». — Сия пещера цела и теперь»[1].

Предаваясь размышлениям у пещеры св. Антония, о. Порфирий вряд ли мог предположить, что за не-

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 223–224. (Блаж. Иероним. Жизнь св. Илариона, гл. 24–26).

сколько столетий до него здесь молился другой подвижник, которому впоследствии суждено было принять Православие. Речь идет об известном коптском реформаторе по имени Марк-ибн-аль-Канбара (1137–1208). Он жил в XII веке и получил сан при патриархе Коптской Церкви авве Иоанне (1147–1167)[1].

Отец Марк был сторонником обновления духовной жизни Коптской Церкви. Он хотел исправить или даже упразднить те обряды, которые утратили свой смысл и противоречили духу христианского учения. Так, он выступал против обрезания младенцев прежде их крещения, рассматривая этот обычай как влияние ислама. Талантливый проповедник, он переводил церковные книги с забытого коптского языка на разговорный арабский, считая, что смысл богослужения должен быть понятен каждому христианину. Но тогдашнее церковное руководство не готово было принять эти начинания, и в начале 1174 г. о. Марк, под конвоем патриарших слуг, был отправлен в заточение в монастырь св. Антония[2].

Это произошло уже при следующем патриархе; им был авва Марк (1167–1189), соименник опального священника. Патриарх предписал настоятелю монастыря привести о. Марка на то место, где покоятся мощи св. Антония, и потребовать, чтобы на этих святых мощах и на Евангелии о. Марк поклялся в том, что не будет повторять своих прежних поступков. Свобода могла быть возвращена ему лишь при условии подобной клятвы.

---

[1] *Саломон А.* Коптский реформатор XII века // Вестник Европы, 1895, кн. 12. С. 471.

[2] Там же. С. 482.

Прошло некоторое время, и о. Марк исполнил требуемые от него предписания, после чего был отпущен из обители. Однако, вернувшись на берега Нила, он продолжил реформаторскую деятельность, за что был извержен из сана и отлучен от Коптской Церкви.

В то время в Египте имелись общины мельхитов — христиан, сохранявших верность Православию. «Мельхиты» — арабизированная форма от сирийского «малканийе», что, в свою очередь, является переводом с греческого «базиликон» — «императорский», «царский» — и в данном случае означает «сторонников царя». В период христологических споров, которые проходили в Византийской империи в IV–VI вв., часть христиан-сирийцев, в отличие от сирийцев-монофизитов, признала постановления Халкидонского собора 451 года, решения которого осуждали монофизитское вероучение. Сирийцы-христиане, сторонники этого собора, фактически признавали власть византийского императора, и поэтому они стали называться мельхитами или царскими христианами (православные). Унию с Римско-Католической Церковью они заключили только в середине XIX века[1].

Отец Марк долго колебался, не желая порывать со своей Церковью. Но, как сообщал его биограф, «кончилось всё это тем, что он перешел в общину мельхитов и исповедал две природы и две воли (Иисуса Христа — *а. А.*), и мельхиты его приняли»[2]. Вместе с о. Марком в Православие обратились и многие его последователи.

---

[1] *Шпажников Г. А.* Религии стран Западной Азии. М. 1976. С. 41.

[2] *Саломон А.* Коптский реформатор... С. 490.

Мельхитский патриарх дал о. Марку в управление монастырь св. Иоанна Колова («Малорослого»), известный под арабским названием аль-Кусаир, близ Каира[1]. Эта обитель считалась одной из самых значительных в истории восточного монашества. Предание связало этот монастырь с именем знаменитого подвижника — св. Арсения, учителя императора Аркадия. Мощи святого покоились под алтарем церкви, сооруженной в его память. Вблизи монастыря имелись высеченная в скале пещера и камень, который служил ему подголовьем. Из числа украшавших монастырь десяти церквей две были особенно богато убраны. Близ одной из них был погребен монах Иоанн, строитель каирских стен и ворот; мраморная доска отмечала его могилу[2].

Но во второй половине XII века монастырь аль-Кусаир пришел в упадок, многие здания разрушились, и в обители жило всего пять монахов. Сюда-то и был назначен настоятелем о. Марк; он управлял монастырем последние двадцать лет своей жизни (†1208). Именно в эти годы в обители развились традиции старчества...[3]

...Вернувшись в монастырь, гости из России узнали, что после вечерни будет совершен «обряд увещания двум молодым коптам, приготовленным к принятию ангельского образа». Этот обряд состоял в том, что сподоблявшиеся монашества ссылались на свою молодость и неопытность, а старцы говорили им: «Мы будем учить и руководить вами»[4].

---

[1] Там же. С. 497.

[2] Там же. С. 497.

[3] Там же. С. 499.

[4] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 228.

Но усталость помешала о. Порфирию присутствовать при этом обряде — ведь на следующий день он должен был продолжить нелегкий путь по пустыне. И, отходя ко сну, он записал в своем дневнике: «Господи! Сподоби их достигнуть вечного спасения, а наши стопы направи заутра в обитель св. Павла»[1].

...Архимандрит Порфирий и его спутники были едва ли не единственными из россиян, побывавшими в обители св. Антония (и св. Павла) в XIX веке. А в следующем столетии, после социальных потрясений, имевших место в России, колыбель восточного монашества стала еще более труднодоступной для русских паломников. Возобновление наших связей относится к 1984 году, когда группа православных насельниц из русского Горненского монастыря (Иерусалим) совершила паломничество к святыням Египта. В один из сентябрьских дней автобус доставил одиннадцать русских монахинь к стенам древней обители. Заметки игумении Феодоры, настоятельницы Горненского монастыря, посвященные этому визиту, отличаются краткостью: пребывание женщин в мужской обители не могло быть продолжительным. И, тем не менее, они представляют большой интерес — ведь эти строки написаны спустя сто тридцать четыре года после того, как здесь побывал о. Порфирий.

«Стены монастыря преподобного Антония белеют у подножия цепи гор, из-за стен поднимаются зеленые кроны деревьев, высятся две белые колокольни. Святой Антоний прожил здесь семьдесят лет, — пишет матушка Феодора. — В монастыре около ста человек

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 228.

братии. Нас радушно встретили, предложили трапезу, и затем один из монахов предложил нашей группе осмотреть обитель. Сначала мы прошли в маленькую древнюю церковь, построенную святым аввой Антонием[1] в честь Пресвятой Богородицы. На стенах остатки фресок, писанных еще при жизни основателя монастыря. Направо — маленькая часовенка, где молился святой Антоний. Стены ее расписаны великолепными фресками в византийском стиле, хорошо сохранившимися. Большой храм — во имя святых апостолов, ему более шестнадцати столетий — воздвигнут учениками преподобного. Мы зашли в церковь святого Марка Малого, который после преподобного Антония прожил здесь сто двадцать лет. Далее нас проводили к источнику святого Антония. Мы омылись этой священной водой, испили ее и взяли с собой в дорогу. Пропев тропарь и молитву святому, мы поблагодарили гостеприимных монахов этой древнейшей обители и направились дальше — в близлежащий монастырь преподобного Павла Фивейского...»[2].

МОНАСТЫРЬ ПРЕП. ПАВЛА ФИВЕЙСКОГО

Эта древняя обитель, расположенная сравнительно недалеко от прославленного монастыря св. Антония Великого, издавна вызывала интерес у русских паломников. В 1835 году А. С. Норов намеревался отправиться туда от нильских берегов, но не смог осуществить

[1] Согласно коптской традиции (*а. А.*).

[2] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц... С. 18.

задуманное. Тем не менее в своей книге он приводит краткие сведения об этой колыбели восточного монашества. «Монастырь св. Павла находится ближе к Черному (Красному) морю на горе Холзим, на расстоянии не более четырех верст в прямую линию от монастыря св. Антония, но отделен столь высокою и крутою скалою, что обход вокруг нее очень продолжителен, и потому св. Антоний употребил почти два дня, чтобы достигнуть уединения св. Павла, — пишет Норов. — Вид и построение этого монастыря почти подобны первому. Там показывают доселе пещеру св. Павла. Монахи обоих монастырей ведут жизнь самую строгую и порабощены молчанию. В обоих монастырях не более сорока братий. Между ними есть схимники»[1].

Эти сведения А. С. Норов заимствовал из книг европейских путешественников, сумевших побывать в обители св. Павла в конце XVIII — начале XIX вв. А в середине XIX в. архимандрит Порфирий (Успенский), первый из русских паломников, смог посетить эту обитель.

Отец Порфирий и его спутники отправились туда из монастыря св. Антония. *Утром 9 мая 1850 г.* их караван потянулся вдоль горного кряжа в направлении к Красному морю. Спустя четыре часа по выезде из монастыря путники достигли глубокого сухого русла Аррижбэ́, которое пересекает Арабайскую долину и тянется к морю. Еще через два часа пути паломники повернули на юг, и их взорам открылось Красное море. «Голубою лентою оно извивалось между Синайским полуостровом и Африканским материком, — пишет

[1] *Норов. А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 378.

о. Порфирий. — Лазуревая синева его приятна была очам, утомленным угрюмою пустынею»[1].

Путники заночевали неподалеку от высокой и крутой горы Фа́раэль Ахмар. Отец Порфирий сел на берегу; волны, освещенные лунным сиянием, докатывались до его ног. «Я сперва погрузился в безотчетное созерцание велелепия природы, потом воспел «Тебе Бога хвалим» и по окончании сего песнопения укрылся в палатке» — записал о. Порфирий в своем дневнике[2].

Утром 10 мая караван продолжил свой путь вдоль моря и достиг долины Уади Дер (Вади-Дейр), то есть «монастырской». Продвигаясь по этой долине к монастырю, о. Порфирий размышлял о судьбах основателей восточного монашества. «От сует и соблазнов сего мира Павел ушел сюда для покаяния и молитв в предощущении явления мира нового. Выбор сего места обнаруживает наклонность души его к самоотвержению и уединению глубокому, — записывал о. Порфирий в своем дневнике. — Св. Антоний водворился на лучшем месте, с которого видны Чермное море, Арабайские потоки и кочевья арабов, и имел учеников. А преподобный Павел, один, безмолвствовал в ущелии самом диком и угрюмом, из которого ничего отрадного не видно»[3].

Русские пешеходцы продвигались к обители св. Павла, следуя по пути, который когда-то проделал св. Антоний. Когда преп. Антоний был уже стар, по откровению Божию он узнал, что невдалеке спасается в со-

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 232.
[2] Там же. С. 232.
[3] Там же. С. 234–235.

вершенном уединении другой отшельник, и предпринял путешествие к нему. И хотя их пещеры находились по разные стороны не очень высокого горного массива, который теперь монахи пешком преодолевают за семь–девять часов, авва Антоний потратил на путешествие два дня: вероятно, он обошел массив кругом. Святой Антоний по просьбе старца — преподобного Павла — пришел к нему и во второй раз, но застал его мертвым, застывшим в молитве. Преподобный Павел преставился ста тринадцати лет, из которых девяносто один год прожил в пустыне[1].

...В отличие от обители св. Антония, которая издалека открывается идущим к ней паломникам, монастырь св. Павла показался русским пилигримам лишь тогда, когда они подъехали к нему довольно близко. «Сперва открылась вся южная стена его с келейками на ней, словно птичьими клетками, потом обозначилась восточная сторона его с подъемом между двумя маловыступными башенками четвероугольными», — пишет о. Порфирий[2]. Путешественники спешились у стен монастыря за час до полудня. Как и в обители св. Антония, здесь не было монастырских ворот «из-за опасения от грабежа бедуинов».

Вот как происходила встреча россиян с местными насельниками: «Монахи явились у подъема на стене и спустили к нам толстую веревку, запетлеванную в конце. — Я велел поставить палатки немного ниже обители у источников сланой воды, приосененных дикими финичиями, переоделся и после переводчика

---

[1] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц... С. 18.
[2] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 235.

первый был поднят на высокую стену. За мною втащены были спутники мои. После обычных взаимных приветствий коптские отцы с финиковыми ветвями в руках начали сходить попарно в монастырь, при благовесте в колокол, и, по желанию моему, провели нас в облаках фимиама в пещеру преподобного Павла, обращенную в церковь. Тут мы поклонились гробу его и прошли в приемную горницу для вожделенного отдыха»[1].

После вечернего богослужения о. Порфирий осмотрел весь монастырь и составил его краткое описание. «Монастырь преподобного Павла Фивейского стоит при высокой и дугообразной горе, которой отвесная вершина кажется угрюмою крепостию, немного пошатнувшеюся и подпертую частыми пирамидальными откосными устоями», — так начинает он свое повествование об этой обители[2].

Вместе с о. Порфирием можно совершить мысленный обход монастыря и ознакомиться с его внутренним устроением. «Спустившись с подъема внутрь обители, вступаешь на длинную площадь, обставленную с обеих сторон сплошными зданиями. Она чем далее тянется, тем у́же становится, — сообщает о. Порфирий. — По левую сторону ее к южной ограде примыкают монашеские кельи, а по правую стоят также келии, и среди их, но в связи с ними, высится соборный храм»[3].

Собор во имя Св. Иоанна Предтечи с приделом Архангела Михаила был возведен здесь в 1727 году по

---

[1] Там же. С. 235–236.
[2] Там же. С. 237.
[3] Там же. С. 239.

благословению 105-го коптского патриарха — аввы Иоанна. Об этом упоминалось в арабской надписи на одном из столпов храма, и о. Порфирий не замедлил занести эти сведения в свой дневник. «Сей храм, по коптскому обычаю, разделен сквозными перегородками на три части; алтарь же его отгорожен глухим деревянным иконостасом кровавого цвета, — продолжает русский пешеходец. — Размеры сего святилища — средние. Наилучшим украшением его служит образ евангелиста Марка, писанный в Европе художною кистию. Сей провозвестник спасения в Египетской стране сидит и размышляет. У ног его лежат две книги в пергаминном переплете. Вдали видна пирамида»[1].

В северо-восточном углу монастыря св. Павла имеется небольшая церковь во имя «Двадцати четырех Апокалипсических старцев» (Откр. 4, 4 и 10). Сюда русские паломники сошли через паперть, по каменной многоступенчатой лестнице. «Паперть — выше самой церкви несколькими ступенями, — уточняет о. Порфирий. — Когда сойдешь по ним и переступишь за решетчатую перегородку, то едва при свете возжженных свечей заметишь расположение святилища. Оно длинно и узко, но довольно высоко. В алтаре его, отделенном каменным иконостасом, на котором видны лики святых, за престолом высоко на стене изображен стоящий Спаситель»[2].

Непосредственно к этому храму примыкает пещера, в которой спасался преподобный Павел. Она отделена от церкви решеткой. «Когда переступишь за нее

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 240.
[2] Там же. С. 241–242.

и ощупью пройдешь шагов двенадцать, очутишься у каменной раки сего первого отшельника, — повествует о. Порфирий. — Она под скалистым навесом пещеры стоит вдоль южной стены и мало возвышается над уровнем пола. Облицовка ее известковая. Ничего нет на ней, ни покрова, ни креста. Не горит пред нею и лампада. Тут на левой, или восточной, стене изображен преподобный Павел, во весь рост, в финиковом хитоне; руки его воздеты к небу; ворон несет ему круглый хлебец, а два льва лижут его стопы. Из пещеры входят прямо в алтарь, освященный во имя сего угодника Божия. Низкий, малый, длиною в пять шагов, шириною же в четыре, почти весь занятый св. трапезою (престолом — *а. А.*), он сообщается с побочным алтарем посредством двери. В нем темно, как в гробе; купола нет, потому что пещеру оставили неприкосновенною»[1].

Отец Порфирий подробно описывает эту пещеру, так как она представляет наибольший интерес для читателей, интересующихся историей восточного монашества. Весьма кратко он упоминает про другие монастырские постройки: это церковь св. Меркурия, колоколенка, трапезная, башня. «С сей башни хорошо видны прибрежные высоты Синайского полуострова и остроконечная вершина тамошней горы, носящей имя. св. Екатерины»,— замечает русский архимандрит[2].

11 мая гости из России присутствовали в соборной церкви на литургии св. Василия Великого, по чину Коптской Церкви. По окончании богослужения о. Порфирий

---

[1] Там же. С. 241–242.

[2] Там же. С. 244.

беседовал с местными старцами и почерпнул много ценных сведений о литургических традициях Коптской Церкви. «Взаимно старцы узнали от меня число наших литургий и наши водосвятные дни», — пишет о. Порфирий, замечая при этом, что далее разговор зашел об иконопочитании. При этом один из старцев поведал, что «он, в бытность свою в Иерусалиме, видел св. образа, писанные в России, и восхищался нашею церковною живописью»[1]. По словам наместника обители, здесь в то время подвизались тридцать два монаха, «да в сборах труждаются шестьдесят старцев»[2].

Будучи пытливым исследователем, о. Порфирий сопоставил увиденное с теми сведениями, которые содержались в житии св. Павла Фивейского. Вот что пишет о. Порфирий по этому поводу:

В помянутом житии сказано, что Павел нашел у одной горы пещеру, которой устье заслонено было ветвями дикого финичия, и что она находилась близ родника воды, протекавшего малое пространство и терявшегося в земле недалеко от своего истока. В самом деле, естественная пещера, включенная в монастырский храм апокалипсических старцев, находится возле скудного источника. Дерево у ней срублено, но зато другие дикие финичья, закрывающие своими верхними и нижними ветвями другие соседние источники вне обители, живо напоминали нам, что подобным образом приосенялась и заслонялась и пещера Павлова.

В житии преподобного Павла упомянуто, что когда св. Антоний, по откровению свыше, пошел

---

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 249.
[2] Там же. С. 251.

из своей пещеры отыскивать жилище сего праведника, то достиг до него в два дня. И мы оттуда же доехали сюда в два дня[1].

Своими мыслями по этому поводу о. Порфирий поделился со своим спутником по паломничеству — о. Феофаном. «Сличение этого места с житием сего угодника Божия поселяло в обоих нас твердую уверенность, что мы видели и почтили первую колыбель монашества, — пишет русский архимандрит. — Нам приятно было находиться на этом месте; и радость наша увеличилась еще более, когда над самым теменем соседней горы увидели две звезды рядом. Они напоминали нам Павла и Антония. Любуясь ярким светом их, мы говорили друг другу: и в нас должен сиять свет Христов»[2].

Вот еще несколько строк, в которых о. Порфирий выражал свои чувства по поводу свершившегося в его жизни события: «Достиг я своей цели: видел первейшую колыбель монашества, укрытую в скалистых горах, далеко, весьма далеко от Петрополя, где в Академической церкви облекли меня, еще молодого, в мантию, куколь и сандалии. Светло мне было у этой колыбели»[3].

А *12 мая* рано утром паломнический караван двинулся в обратный путь. «Прохладный ветер дул нам с севера; и в нем каждый из нас ощущал родное веяние, кто костромское, кто орловское, кто петербургское...»[4].

---

[1] Там же. С. 256–257.
[2] Там же. С. 257–258.
[3] Там же. С. 259.
[4] Там же. С. 261.

...Современные коптские иноки поддерживают древние традиции в монастыре св. Павла. Паломники, изредка посещающие эти суровые места, по-прежнему пользуются гостеприимством местных насельников. Скалистый извилистый путь ведет на запад от Суэцкого залива через безводные ущелья, пока вдруг резко не появятся на вершине обрыва очертания монастыря св. Павла. Его высокие стены почти незаметны на фоне бледно-коричневых отвесных песчаных скал, в которых в древности были выкопаны пещеры отшельников.

Двадцать монахов, живущих в монастыре св. Павла, встают в три часа утра для совершения утреннего богослужения и присутствуют на литургии, а затем возвращаются в свои кельи и снова молятся. После завтрака каждый монах выполняет свои послушания: одни выпекают просфоры, другие строят стены в кельях, готовят пищу, переписывают книги. Заботливо ухоженные деревья в саду дают братии время от времени финики, апельсины и лимоны. Овощи растут на участке земли, который монахи обрабатывают сами. Этот участок находится в ста шестидесяти километрах на запад, недалеко от города Бени-Суэйф на Ниле.

За последние годы жизнь насельников обители стала несколько легче благодаря использованию современной техники. Имеющиеся в монастыре два передвижных электрогенератора позволяют время от времени использовать в ночные часы искусственное освещение. Доставка продовольствия с помощью автотранспорта из Бени-Суэйфа теперь занимает несколько часов по сравнению с прошлым, когда караван верблюдов покрывал это расстояние почти за неделю.

...В сентябре 1984 года у стен древней обители снова можно было услышать русскую речь. Сюда с паломническим визитом прибыли насельницы Горненского Иерусалимского монастыря во главе со своей игуменией. «Монастырь преподобного Павла Фивейского расположен на высоте тысячи пятисот метров над уровнем моря, окружен каменными стенами. Через несколько минут после того, как мы через довольно большие ворота вошли в монастырь, к нам подошел игумен и повел нас в храм поклониться могиле преподобного Павла, — пишет игумения Феодора. — Монахи считают, что этому храму тысяча шестьсот семьдесят лет. Могила преподобного — под землей, на ней большое мраморное надгробие. С возжженными свечами мы преклонили колена перед могилой, облобызали надгробие, пропели тропарь святому и осмотрели церковь. В монастыре имеются еще три церкви, более поздней постройки. Мы сердечно поблагодарили игумена монастыря и, простившись с обителью, поспешили в обратный путь, в Каир...»[1].

ДЕЙР-МАРИАМ — МОНАСТЫРЬ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Русские путешественники, посещавшие Нижнюю Фиваиду, обычно останавливались в Бени-Суэйфе, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, а затем продолжали свое плавание вверх по Нилу. На следующий день перед ними представала во всей красе гора

[1] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц... С. 18.

Джебель-эль-Тейр (Птичья), увенчанная коптским монастырем во имя Пресвятой Богородицы.

В 1834 году здесь побывал А. С. Норов. В своих записках он уделил внимание этому живописному месту. «Нил прорыл глубокие пещеры в подошвах этих живописных скал; сверх того множество глубоких трещин раздирают стены, и стаи птиц с криком беспрестанно влетали туда на ночлег, оправдывая тем название горы, — пишет русский автор. — Она раздвоена на два уступа; на самой высоте видно строение; кирпичный купол выглядывает из-за ограды земляных стен. Это коптский монастырь, посвященный Пресвятой Богородице (Дёр-Мариям). Сюда вначале уединился святой Антоний»[1].

А. С. Норов намеревался посетить эту обитель на своем пути к нильским порогам, но эта попытка оказалась неудачной. Вот что пишет по этому поводу сам русский путешественник: «Несколько братий, сопровождаемых верною собакою, приветствовали нас с грозных вершин и знаками приглашали под свой кров. В самое это время солнце погружалось за беспредельную степь Ливии, и ветер нас оставлял; я велел поворотить к монастырским скалам, но мы нигде не находили приюта для нашей дагабии по причине их крутизны. Отшельники, заметив наше намерение, с радостью начали спускаться со скал к нам навстречу. Мы хотели пристать к тому месту, где видны идущие от верху до половины скалы высеченные в камне ступени, но копты нам закричали, что тут нет никакой возможности подняться от подошвы иначе как на ка-

[1] *Норов. А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 10–11.

натах, и приглашали нас к другому месту. Пристав туда, мы увидели, что и тут доступ почти столь же труден и даже опасен, особенно ночью. В обуви этот всход невозможен, и сами отшельники советовали нам дождаться дня. Дорожа временем, я обещал им на возвратном пути посетить их»[1].

Тем не менее А. С. Норов и его спутники провели это время не без пользы. Русский путешественник пытался выяснить у местных насельников, кто был основателем этого монастыря. Один из священников ответил ему, что обитель была основана святым Авраамом Сирийским. «Желая увериться в этих словах, я заставил его несколько раз повторить себе то же самое и ясно слышал: «Ембабе Ибрагим Суриани», — пишет А. С. Норов[2].

Те же иноки советовали русскому путешественнику на обратном пути пристать к берегу с северной стороны, около селения Серарие, «куда обещали выслать ослов, как скоро завидят наш флаг»[3]. И вот, возвращаясь из долгого путешествия к нильским порогам, дагабия, на которой находился Норов, вновь подошла к отвесному склону...

Как и было обещано, насельники помогли гостю из России добраться до их обители. Вот как это происходило. «Копты нас увидели и знаками рук показывали на северный мыс горы, куда мы и направились, — пишет А. С. Норов. — Вместе с тем, два монаха спускались по ребрам скал, и мы не могли понять, как они

---

[1] Там же. С. 11–12.
[2] Там же. С. 12.
[3] Там же. С. 12–13.

могли превозмогать такие страшные крутизны; мы опасались за них, как вдруг, достигнув крайнего уступа, но еще довольно высокого, они бросились в Нил — исчезли, опять появились и уже плыли к нашей дагабии; мы тотчас поворотили к ним, вскоре приняли их на борт и прикрыли утомленных нашими плащами; я заметил знамение креста, выжженное на их руках. По их указаниям, после дальнего обхода, мы пристали к низменным скалам»[1].

Езда на лошади по безжизненным скалам заняла полчаса, и наконец русский путешественник спешился у врат обители. «Нас ожидала у дверей толпа монахов, не привыкших видеть посетителей на этих грозных высотах, — продолжает Норов. — Настоятель повел меня в церковь. Мы должны были спуститься на несколько ступеней в глубину пещеры, иссеченной в скале; в этой пещере, как сказывают, жил некогда св. Антоний Великий, и тут теперь устроена подземная церковь, имеющая шагов около двадцати квадратного пространства; она украшена двумя колоннами коринфского ордена (ордера), которые отделяют паперть от самой церкви»[2].

В храме, по просьбе русских паломников, была отслужена вечерня, и А. С. Норов подробно изложил ее чинопоследование в своих записках[3]. Беседуя с наместником обители, русский исследователь еще раз пытался выяснить время ее основания. Однако ничего нового тот сообщить не мог, и русский ученый снова

---

[1] *Норов. А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 367–368.
[2] Там же. С. 370.
[3] Там же. С. 370–372.

называет имя «Авраама Сирианина, вероятно того самого, который был после св. Марка 62-м патриархом Александрийским, около 977 года. Его жизнь описана на арабском и сирском языках. Александрийская Церковь причла его к лику своих святых»[1].

А. С. Норов и его спутники имели достаточно времени, чтобы осмотреть монастырь и полюбоваться с прибрежных скал на открывающуюся панораму. «С запада горизонт исчезал в необъятной пустыне ливийских песков, а с востока, от самого монастыря, хребты безжизненных гор с песочными насыпями тянутся к берегам Чермного (Красного) моря, — пишет Норов. — Кругом монастыря — мертвенность невообразимая, — здесь нет ни одного растения, ни одного источника; монахи достают воду дальним обходом с Нила или спускаясь с большой опасностью с отвесных скал; ужасная бедность царствует в обители»[2].

На самом краю обрыва остатки древних строений служили парапетом, а под ним, высеченные в скале, виднелись ниши — могилы для усопших отшельников. Казалось бы, жизнь местных иноков была полна лишений и забот. Однако, как отмечает Норов, «святой Антоний, поселившийся здесь сначала, нашел это место *слишком роскошным,* по причине близости Нила, и укрылся в горах, между этим берегом и Чермным морем»[3].

Жизнь древних отшельников представляла собой образец совершенства, и Египет по праву считается колыбелью восточного монашества. Подводя итог своим

---

[1] Там же. С. 372.
[2] Там же. С. 373.
[3] Там же. С. 374.

размышлениям на эту тему, А. С. Норов пишет: «Св. Василий из далеких стран прибыл назидать себя жизнью египетских отшельников. Св. Кассиан, рожденный в Скифии, пробыл семь лет в изучении их жизни. Св. Иларион передал правила их монашеской жизни в Сирию, откуда они перешли на берега Чермного моря чрез другого сподвижника Христова, св. Василия, епископа Кесарийского, что в Каппадокии»[1].

Словно продолжая дело своего предшественника, в 1845 году Птичий монастырь осматривал архимандрит Порфирий (Успенский). 4 февраля он сделал в дневнике такую запись: «Сравнялись с монастырем. Монахи смотрят на нас. Один спустился за милостынею. Но лодка наша идет скоро без паруса (парус подвязан). Монах бежит впереди. Монастырь не имеет никакого вида — это кучка убогих зданий. В третий раз догнал нас тот же араб — старый, седой, все тело покрыто волосами; получил шесть пиастров и взял их в рот, ибо мы приблизились к левому берегу»[2].

Из дальнейших слов о. Порфирия следует, что ему не удалось выйти на берег близ этого монастыря — ведь еще А. С. Норов красноречиво описывал все трудности, которые было необходимо преодолеть для этого. Поэтому русский архимандрит мог лишь с борта дагабии созерцать открывшуюся перед ним панораму: «Солнце ярко освещает Птичью гору. Она меловая, состоит из горизонтальных пластов. Выше, за монастырем, есть кусок земли у подошвы горы во всю длину; он принадлежит монастырю. Мы идем без паруса

[1] *Норов. А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 376.

[2] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 404.

около левого берега; ветер слаб. Монахи забегают далеко вперед»[1].

Еще через полчаса в дневнике того же путешественника появляется очередная запись: «Поставили парус. Нагнал нас монах нагой по берегу левому бегом, бросился в воду и вошел в лодку, потому что мы плыли близ берега. По его словам, двадцать монахов в монастыре»[2].

...В начале 1880-х гг. по Нилу уже регулярно ходили пароходы. На одном из них мимо Птичьей горы (Джебель-эль-Тейр) следовал русский путешественник В. Андреевский. Он не смог посетить обитель Пресвятой Богородицы, но в своих записках приводит интересные сведения о ее тогдашнем состоянии. «На самом верху одной из скал приютился коптский монастырь Дейр-эль-Бакара, — сообщает русский автор. — Бакара — значит блок; такое имя дано этому монастырю потому, что обитатели его не иначе могли достигнуть его, как будучи поднятыми в корзинке по веревке, перекинутой через блок. В настоящее время монастырь этот, кажется, заброшен; прежде же, лет десять тому назад, ни одна дахабия, ни одна барка не проходила мимо, не отдав известной дани его монахам. Эти отшельники проводили все свое время в наблюдении за проезжающими по Нилу и, бывало, едва только заметят приближающееся судно, бросались в воду с криками: «бакшиш!», плыли за проходящей баркой, провожая ее до тех пор, пока им не кидали несколько монет, которые они ловили с необыкновенной ловкостью»[3].

---

[1] Там же. С. 405.

[2] Там же. С. 405.

[3] *Андреевский В.* Египет... С. 305.

...В монастырь Пресвятой Богородицы (Дейр-эль-Адра), стоящий на отвесном берегу Нила, можно добраться из Эль-Миньи. Этот крупный город расположен на берегах Нила в трехстах километрах к югу от Каира. Однако для начала — небольшая цитата из газетной периодики: «22 июля 1997 года в Минье мусульманские террористы убили шестерых полицейских, несмотря на то что в начале июля заключенные члены командования вооруженных групп призвали своих соратников к прекращению огня. За пять лет мусульманского терроризма и борьбы с ним в стране погибло около тысячи двухсот человек»[1].

Паломники, прибывающие в Эль-Минью, попадают «под колпак» местных спецслужб не сразу. Сначала обычное размещение в обычной гостинице. Можно пройтись по городу, с набережной полюбоваться Нилом в его среднем течении. Вечером советуюсь с менеджером отеля: как добраться до монастыря Дейр-эль-Адра? Ведь, по преданию, он был основан на том месте, где останавливалось Святое Семейство во время бегства в Египет. А в Минье несколько площадок, откуда автобусы идут в разных направлениях.

Утром спускаюсь вниз и приветствую дежурного по гостинице. У него для меня сюрприз. Сейчас придет провожатый — он поможет добраться до нужного автобуса. Благодарю за любезность, отказываться неудобно, за человеком уже послали. «Человек» появляется через четверть часа. Это скромный копт, в длинной серой галабии. Просто, без затей, сообщает, что он — из полиции и что мне с ним будет надежнее.

---

[1] Газета «Русская мысль», № 4185. 31. 7–6. 8. 1997. С. 4.

Всё в открытую, честно, и это располагает к нему. Мы идем через весь город, пересекаем какие-то площади, кривые улочки и наконец выходим к нашей стоянке микроавтобусов. Без гида действительно пришлось бы нелегко. Он сажает меня в «мукробас», идущий до местечка Самалют, а там — пересадка. Но на этом его миссия не заканчивается. Он записывает номер автобуса и долго говорит с водителем.

Полицейский, встречающий пикап в местечке Самалют, уже ждет гостя из России. Мы добираемся на машине до берега Нила, где действует регулярная переправа. Мы садимся не в обычную лодку, а в фелюгу под парусами и, «поймав ветер», переправляемся на другую сторону. Неподалеку от обрыва, на котором высится монастырь, «действующие» каменоломни. Для жителей прибрежной деревеньки это единственный источник заработка, и обтесыванием каменных глыб занимаются все — от мала до велика. Потом эти блоки грузят на фелюги и развозят по нильским городам. При обители — коптская деревенька, но мы следуем прямо в полицию. Там мне выделяют местного полицейского в чалме, галабии и с бамбуковым посохом. Свою берданку он оставляет в дежурной комнате — видимо, повстанцы здесь тихие.

Асуанская плотина понизила уровень Нила, текущего на север от нее. Но и сегодня его вид не менее прекрасен, чем во времена А. С. Норова: «Нил, между двумя лентами яркой зелени лугов и пальмовых рощей, извивается по неизмеримому пространству в обе стороны, отражая лучи заходящего солнца»[1]. Монас-

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 373.

тырь закрыт ввиду «чрезвычайных обстоятельств», и его можно осмотреть лишь снаружи.

На обратном пути в фелюгу набивается много народа. Крестьяне достают из своих баулов нехитрую снедь и приступают к трапезе. Молодая женщина протягивает одинокому страннику кусок брынзы. У нее темные от загара натруженные руки. Вежливо отказываюсь, не потому, что брынзу придется брать из руки — на Востоке к этому быстро привыкаешь. А просто нынче жарко, хочется пить, а брынза соленая. Но это трудно объяснить, и пытаюсь отделаться шуткой: «Рамадан!», то есть нельзя вкушать пищу до заката солнца. Но мой «тонкий юмор» до селян не доходит. Их лица вытягиваются, и они с опаской смотрят на меня, а кто-то шепчет: муслим! Особенно встревожен мой охранник: неужели «казачок засланный»? До меня доходит, что деревня-то коптская и жители пребывают в постоянном страхе за свою жизнь. На Востоке с этим не шутят, и, чтобы «закрыть тему», я беру кусок брынзы и подношу его ко рту. Мои попутчики облегченно улыбаются: свой, ортодокс!

На обратном пути в Эль-Минью прощаюсь с сотрудником, встречавшим меня в Самалюте. Но он явно не хочет здесь оставаться и занимает место в автобусе. Значит, охраннику дали команду не спускать глаз с подопечного. У Эль-Миньи — толчок в бок: на выход! Оказывается, страж должен оформить мое возвращение в полиции и передать паломника под расписку: сдал-принял. Показываю конвоиру визитку с адресом своего отеля: еду прямо туда, а выходить на окраине и не подумаю. Водитель нетерпеливо ждет, все смотрят на нас. Шевеля губами, полицейский чита-

ет название гостиницы, переписывает адрес и медленно покидает салон.

В гостиницу прихожу не рано — после прогулки по городу. Портье озабочен: уже звонили, и не один раз... Спрашиваю его: в чем причина такой заботы? Ведь персональная охрана влетает казне в копеечку, а деньги в Египте считать умеют. И почему плотная опека именно здесь — ведь в других городах ты никому не интересен?

Дежурный, неизменно восседающий за гостиничной стойкой, — копт, и он радушно относится к гостю из России. Вот что сообщалось сто лет назад в русской печати о коптах: «В настоящее время копты держат себя к грекам весьма близко. Богослужение греческое копты посещать любят и много из него воспроизводят в своих храмах. Еще с большим благоговением относятся копты к совершенно неизвестным им, отдаленным «московам»[1].

Гостиничный копт доверительно рассказывает «москову» про местную обстановку. Никакой шпиономании в Эль-Минье нет, но здесь действуют фундаменталисты. Братья-мусульмане считают, что страна должна идти своим путем, наособицу. Они против «тлетворного влияния Запада». С весны 1992 г. они убили тридцать иностранных туристов. Самый «урожайный» теракт был осуществлен 18 апреля 1996 г., когда были убиты восемнадцать греческих туристов[2]. А еще через год последовал расстрел туристского автобуса в

---

[1] *Е.-в И.* В Каире у коптов // Христианское чтение, 1898, январь. С. 123.

[2] См.: «Русская мысль», № 4190, 25, 9.–1. 10. 1997. С. 5.

долине царей... Каждый раз в мировой печати поднимается большой шум, западные турфирмы немедленно отменяют чартеры в Египет, и страна несет громадные убытки. Именно поэтому и введено сопровождение туристов-одиночек в районе Эль-Миньи, Асьюта и Маллави — ареале обитания боевиков.

С вечера готовлюсь к завтрашнему отъезду из Эль-Миньи. Мне предстоит дальнейшее путешествие по пустыне, вдали от дельты Нила с его фундаменталистами...

НА ПУТИ В ФИВАИДУ

Эль-Минья — город, лежащий на левом берегу Нила в его среднем течении. В 1845 году в этом городе побывал архимандрит Порфирий (Успенский). В его дневнике под 25 марта есть такая запись: «Минье. Кафедральная церковь во имя св. Георгия; священников четыре. Церковь довольно хороша; завесы на царских вратах бархату зеленого и шелковые. Четыре иконы в киотах»[1].

В окрестностях Минии о. Порфирий посетил монастырь Абагур, «четверть часа езды на восточной стороне Нила, внизу горы, в катакомбе. Христиане посещают его»[2].

Русские путешественники, продвигавшиеся от Миньи на юг, вверх по течению, могли знакомиться со старинными коптскими монастырями, возведенными близ нильских берегов. Вот что сообщал об одной

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего...Т. II. С. 431.
[2] Там же. С. 431.

такой обители А. С. Норов в 1834 году: «Я расспрашивал о монастыре Аббата Го́ра, который должен быть близ Сауади, но никто не мог мне показать его; меж тем, проходя очень близко от берега, я открыл в зрительную трубу развалины этого монастыря на самой вершине скал; стены обширны и в иных местах зубчаты. Нам сказали, что этот монастырь еще не упразднен»[1].

Эль-Минья — своего рода пограничный город. К югу от нее, пишет А. С. Норов, «начинаются те древние каменоломни и погребальные пещеры, которые столь долгое время служили убежищем умершим для мира святым отшельникам. Эти места прославились в христианском мире под названием «уединений Фиваидских», хотя собственно Фиваида начинается еще несколько далее»[2].

Миновав селение Бени-Хасан с его всемирно известными древнеегипетскими гробницами, дагабия русского путешественника достигла селения Календул, все жители которого «сидели семейными группами под тению деревь, дыша бальзамическим воздухом»[3]. На противоположном, восточном, берегу скальные обрывы были изрыты пещерами — когда-то здесь были каменоломни древнеегипетского города Бессы. «От обоих городов остались только эти каменоломни и гробницы, которые долго укрывали в своих недрах святых отшельников, — пишет Норов. — Спасительное знамение креста, вычеканенное на многих стенах, свиде-

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 15.
[2] Там же. С. 15–16.
[3] Там же. С. 26.

тельствует о существовании здесь церквей и пребывании чистейших душ, приуготовивших себя в этом ужасном уединении созерцательною жизнию к вечности; подземные галереи, где устроены были их келлии, идут на далекое пространство»[1].

Немного выше, на левом берегу, стоит селение Ашмунейн. Когда-то к югу от него, у подножия Ливийского хребта, был основан коптский монастырь, названный Крестным. Однако местные арабы называли его Абу-Фуне, т. е. аббата Стефана. Церковный писатель Руфин (345–410) составил житие этого подвижника, который провел шестьдесят лет в пустынном уединении. «Все стены этого монастыря покрыты разноцветными изображениями крестов. На большом кресте, который находится на своде алтаря, написано по-гречески: «древо жизни», — пишет Норов, добавляя при этом: «Коптские монастыри Св. Иоанна и так называемый Амба-Бишой, находившиеся по ту сторону близ Шех-Абаде, разрушены»[2].

Продвигаясь на юг вдоль нильских берегов, А. С. Норов и его спутники миновали городок Малави (Маллави) и мыс Эль-Амарне, близ которого лежат развалины Ахетатона — столицы Египта при Аменхотепе IV (XIV в. до н. э.). Отметив, что немного выше по течению был виден коптский монастырь Дейр Коссеир, Норов пишет: «Несколько поодаль видно значительное селение Коссеир», а «за три часа расстояния есть два монастыря: один из них — Абиссинский»[3].

---

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 26.
[2] Там же. С. 27–28.
[3] Там же. С. 32.

К сожалению, русский путешественник не смог посетить эти обители, и его дагабия проследовала дальше — к Сиуту (совр. — Асьют), городу, где в те годы было «около двадцати тысяч жителей; в том числе много коптов, у которых три церкви»[1].

АЛЬ-МУХАРРАК — БЛАГОСЛОВЕННАЯ ОБИТЕЛЬ

Многие великие художники прошлого вдохновлялись сюжетами, почерпнутыми из Евангелия. «Бегство в Египет» была одной из любимых тем таких мастеров, как Джотто, Ван Дейк, Пуссен, Мурильо. Вот что сообщает евангелист Матфей: «Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет. И там был до смерти Ирода» (Мф. 2, 13–15).

В Евангелии не упоминается о том, где именно провело опасное время Святое Семейство. Однако в среде египетских коптов-христиан издавна сохраняется предание о том, что праведный Иосиф и его семейство обосновались в Среднем Египте, близ того места, где ныне расположен город Асьют.

А. С. Норов, побывавший в этом городе в 1834 году, сообщает своим читателям, что «в Сиюте было некогда епископство; один из его епископов, по имени

[1] Там же. С. 34.

Иона, известен по сочиненному им описанию жизни некоторых святых»[1]. Тот же автор упоминает и о том, что в окрестностях Асьюта (Сиута) «коптские христиане показывают семь пещер, где, по их преданиям, был женский монастырь; они даже утверждают, что там несколько времени укрывалась Пресвятая Богородица с Младенцем Иисусом во время Ее пребывания в Египте»[2].

Эти сведения представляют особый интерес, поскольку, согласно коптскому преданию, Святое Семейство, бежавшее от Ирода, обосновалось в землях, лежащих к северо-западу от современного Асьюта — там, где впоследствии была основана древняя обитель Аль-Мухаррак. Ранее в своих записках А. С. Норов упоминал об этом: «О пребывании Святого Семейства в Египте предания различны; мы полагаем, согласно с Епифанием и с Торниеллием, что это пребывание не продолжалось долее двух лет с несколькими месяцами»[3].

А. С. Норову не довелось побывать в Аль-Мухарраке; он лишь упомянул о нем в своей книге («Дейр-Магарак, т. е. сожженный монастырь»)[4]. А в 1845 году эту обитель сподобился посетить архимандрит Порфирий (Успенский). 22 марта он сделал в своем дневнике такую запись: «Магарака. Пять церквей — одна во имя Богоматери. Здесь была Богоматерь. Сто двадцать монахов живут; пятьдесят собирают деньги,

---

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 35.
[2] Там же. С. 35.
[3] Там же. Ч. I. С. 287.
[4] Там же. Ч. II. С. 32.

но платят подать (за) четыреста федданов, по пятьдесят грошей за феддан. Пятнадцать мужиков обрабатывают их»[1].

В своей книге о. Порфирий приводит план этого монастыря[2], а также сообщает дополнительные сведения об этой знаменитой обители: «Монастырь платит тридцать мешков паше. Паша знает, что монастырь есть, но числа монахов не знает. Монастырь построен был каким-то патриархом на месте посещения Богоматери»[3].

...Сегодня эта обитель занимает почетное место в ряду прославленных коптских монастырей, и ныне туда стекаются паломники со всего Египта, а также из-за границы. В рекламном буклете кратко упоминается о монастыре Аль-Мухаррак, основанном на том месте, где, по преданию, обосновалось Святое Семейство. Судя по приложенной схеме, от Асьюта предстоит еще двигаться на север вдоль берега Нила. Поезд до Асьюта идет медленно. Вагон третьего класса набит пассажирами, но здесь, на удивление, почти тихо. Идет мусульманский пост — рамадан, и мальчишки-торговцы не бегают с криками по вагонам. А на пустой желудок разговаривать не тянет, так что многие правоверные просто дремлют.

Близ железнодорожного вокзала расположены площадки, откуда отправляются в разные стороны множество автобусов. Судя по карте, от Асьюта до монастыря — километров пятьдесят, а здесь на такие расстоя-

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 429.
[2] Там же. С. 430.
[3] Там же. С. 430.

ния ходит микроавтобус («мукробас»). Вот площадка северного направления, где можно спросить водителей-арабов об Аль-Мухарраке. Но, оказывается, они ничего не знают про этот монастырь. Это неудивительно, ведь они мусульмане, а святыня — христианская.

Здесь «концов не найти», и, значит, надо идти в местный христианский храм. Уж там-то наверняка расскажут, как добраться до чтимой обители. А вот и коптская церковь: белый купол храма увенчан четырехконечным крестом. До вечерней службы еще далеко, и ворота на запоре. Но на одной из боковых улочек виднеется вывеска с надписью: «Миср Трэвел» (Египетское туристическое агентство). Дверь конторы открыта, за стойкой сидит юноша. У него в руке телефонная трубка, а на запястье вытатуирован небольшой крестик — давняя коптская традиция.

Закончив разговор по телефону, он с удовольствием объясняет, как добраться до обители. Он пишет название городка, где нужно сделать пересадку, — арабскими и латинскими буквами — Осайя́. Называет и примерную стоимость проезда на «мукробасе» — всего полдоллара. А из Осайи ходит маршрутный пикап — прямо в «Дейр» (по-арабски — монастырь).

Микроавтобус быстро заполняется, и через двадцать минут водитель заводит мотор. Дорога идет вдоль берега Нила. За окном тянутся зеленые поля, пальмы. На дорожных указателях мелькают цифры: расстояние до Каира — больше трехсот километров. А до Осайи — лишь шестьдесят. При въезде в городок водитель останавливает свой экипаж у площадки с пикапами. Показывая на один из них, уже стоящий «под парами», он произносит: «Дейр!»

В салоне есть одно местечко. Теснота страшная, но ехать недалеко, можно и потерпеть. Снова мелькают пальмы, ухоженные поля, буйволы, каналы и крестьяне, восседающие на осликах. Наверное, на таком осликe бежало в эти края Святое Семейство. Колокольня монастыря возникает внезапно, после очередного поворота. И вот наш пикап разгружается: паломники один за другим тянутся к вратам обители.

Здесь особая духовная атмосфера: невидимая черта отделяет обитель от натиска нахрапистых «сарацин». Ведь копты-христиане — это коренное население Египта. Арабы начали завоевывать эти земли лишь с VII века. И копты постепенно стали этническим и религиозным меньшинством на своей собственной родине. По своему вероучению Коптская Церковь близка к Армянской Апостольской и Эфиопской Церквам.

Территория обители разделена на три части. Первая, при въезде, предназначена для паломнического транспорта. Ведь копты-пилигримы едут сюда со всего Египта, чтобы побыть хотя бы несколько дней в стенах благословенной обители. Здесь и частные автомобили, и автобусы, арендованные для перевозки паломников. Вторая часть монастырских земель отведена для паломников-мирян. Здесь и странноприимный дом, где размещают пилигримов, и монастырская школа, куда благочестивые родители стараются поместить своих детей на обучение и воспитание в христианском духе. Так что по монастырскому двору бегает ребятня, и во время перерыва между уроками монастырские стены оглашаются щебетом нескольких сотен голосов. Здесь высится новый храм, пол которого выложен черным полированным мрамором.

Собственно монастырские строения находятся в третьей, самой дальней части обители. Привратник, сидящий у входа, объясняет, как пройти к чтимым монастырским святыням. При входе, над вратами, надпись по-арабски и на английском. Вот что она гласит: «Во время бегства в Египет Святое Семейство благословило это место. Древнейшая церковь на территории монастыря датируется I-м веком по Р. Х. Сама же обитель основана в IV-м веке по Р. Х. Часовня в честь Архангела Михаила основана в VI–VII вв.; остальные храмы возведены сравнительно недавно».

Храм Святой Девы Марии — тот самый, что возведен в I-м веке; он небольших размеров, и паломники, входящие под его своды через низенькие врата, оставляют обувь при входе, по восточному обычаю. Как известно, в исламской традиции не поощряется изображение живых существ; копты, с VII-го века вынужденные жить бок о бок с мусульманами, не могли развивать искусство иконописи, чтобы не провоцировать иноверцев на агрессию. Поэтому в коптских храмах нынче преобладают иконы греческого письма; есть и западного, «фряжского» стиля. Копты открыты к восприятию религиозной живописи как Востока, так и Запада, и нередко в коптских храмах можно увидеть уменьшенную копию знаменитой «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи. Так что древний храм Святой Девы Марии украшен иконами сравнительно новыми. Таков же интерьер храма св. Георгия, который паломники также посещают без обуви.

К паломнику из России подбегают ребятишки. За время, проведенное в Египте, на это уже выработалась привычная реакция: сейчас будут просить «бакшиш».

Однако здесь всё наоборот: они дарят гостю бумажные иконки, ничего не прося взамен. Вспоминаются слова Иисуса Христа: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35). Раздаю ребятишкам календарики с изображением старинных русских храмов. Они сопровождают странника до врат обители. Судя по всему, обитель имеет где-то неподалеку земельные наделы. Зачем иначе одному из насельников, облаченному в рясу, разъезжать у стен монастыря на колесном тракторе?

Насельники, несущие послушание при храмах, вежливо встречают гостей, пытаясь связать фразы из английских слов. Но мы и без этого понимаем друг друга: «христианин», «ортодокс» (православный) — вот два слова, сближающие нас с коптами. Известно, что в середине XIX века выдающийся русский церковный деятель — архимандрит Порфирий (Успенский), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, предпринял ряд шагов по сближению Коптской и Русской Православной Церквей. И лишь начавшаяся в 1853 г. Крымская война помешала его дальнейшим усилиям в этом направлении...

БЕЛЫЙ И КРАСНЫЙ МОНАСТЫРИ

Белый монастырь (Дейр-эль-Абиад) находится в десяти километрах к северо-западу от города Сохаг, на краю Ливийской пустыни. Это один из древнейших памятников христианской архитектуры Египта. Он был построен в начале V-го века одним из знамени-

тейших святых Коптской Церкви — архимандритом Шенуди, творения и жизнеописания которого сохранились во многих древних рукописях на коптском, сирийском, арабском и эфиопском языках.

Когда авва Шенуди умер, тело его было перенесено учениками в Белый монастырь. Коптская легенда утверждает, что тело святого было обернуто частью нешвенного хитона Господня, которую принесли сюда ангелы[1]. (Однако, по свидетельству одного из коптских агиографов XIII века — Абу-Салиха, могила св. Шенуди находилась в монастыре, стоявшем на вершине горы Атрибиса, и была разорена во время вторжения мусульман около 1168 года[2].)

Различные рассказы о жизни св. Шенуди содержат ценные сведения об истории монастыря. Поначалу обитель и церковь имели небольшие размеры, но когда число братии умножилось (под правлением св. Шенуди жило 2200 монахов и 1800 монахинь, не считая послушников и рабочих), то помещения стали тесными. По словам самого святого, Сам Христос, явившись ему однажды, велел увеличить церковь и построить монастырь. Недостававшие для постройки средства явились из клада, который был найден в пустыне самим Шенуди. Было собрано большое число каменщиков, каменотесов, плотников и других мастеров. Все они принялись за работу, которая, под руководством сподвижника св. Шенуди — Висы, продолжалась шесть месяцев. Когда постройка была закончена, главный каменщик весь

[1] *Бок В. Г.* Материалы по археологии христианского Египта. Спб. 1901. С. 41.

[2] Там же. С. 42.

свой заработок отдал на изготовление прекрасного венца, который он водрузил над престолом, а его брат сделал украшенный золотом и серебром крест и подвесил его к середине двускатной крыши церкви.

Так был построен Белый монастырь, который сам Шенуди называл одной из величайших базилик мира. Он давал ему иногда также имя Иерусалима, призывая туда на поклонение всех тех, кто не мог отправиться в настоящий Иерусалим[1].

Громадное четырехугольное здание, наклоном своих стен напоминающее храмы Древнего Египта, было сложено из тесаного местного известняка и с XIII века носит народное прозвище Дейр-эль-Абиад, то есть Белый монастырь, в отличие от соседнего кирпичного монастыря — Дейр-аль-Ахмар, то есть Красного.

В начале XIII в. в монастыре, по сообщению Абу-Салиха, почивали тела апостолов Варфоломея и Симона Кананита; тот же Абу-Салих рассказывает, что в начале XII века в монастырь поступил монахом визирь халифа Аль-Хафиза, армянин Бахрам, после того как лишился своего места (в 1137 г.). Этот факт интересен в связи с присутствием в монастыре армянских надписей на фресках начала XII в.[2].

Позднейшая история монастыря не так хорошо известна. Лишь с XVII века на него было обращено внимание европейских путешественников. Первоначально это были католические миссионеры.

В 1673 году французский исследователь христианских памятников Египта о. Ванслеб посетил Белый

[1] Там же. С. 41.
[2] Там же. С. 42.

монастырь и оставил тщательное его описание. Впоследствии описание этой обители было составлено о. Сикаром, а в 1737 году монастырь был описан английским исследователем Пококом. В 1759 г. о. Виталиан Донати сообщал, что в монастыре находилось много рукописей. Однако эта богатая библиотека постепенно разошлась отдельными листами по различным европейским собраниям; ее остатки были найдены в монастыре в 1883 году[1]. Со времени французского похода в Египет Белый монастырь посещали многие западные исследователи. Однако в эти годы он претерпел беды. Белый монастырь разрушался мамлюками и в 1798 г., и около 1812 г.

А. С. Норов, путешествуя в 1834–1835 гг. по Нилу, был вблизи обоих монастырей, но, к сожалению, не смог их посетить. В своих записках он ограничивается лишь кратким упоминанием об их местоположении. «Возле Саувача, на западном берегу, пролегает дорога вдоль нового канала к двум монастырям, из которых первый называется Красным, а второй Белым, — пишет русский автор. — Они находятся недалеко один от другого и построены, по свидетельству коптов, во времена святой Елены; эти монастыри, в своем разрушении, замечательны строгим зодчеством, напоминающим египетские построения, что самое уже показывает их древность»[2].

В 1845 году Белый и Красный монастыри посетил архимандрит Порфирий (Успенский). В его записках об этих обителях упоминается предельно кратко. Бе-

[1] *Бок В. Г.* Материалы... С. 42–43.

[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 39.

лый монастырь он называет «Амба-Шнуда» — по имени основателя этой обители. «Белый монастырь на запад от Сугача (Сохага — *а. А.*) с малою выступкою на север, в расстоянии $1^1/_4$ часа. Красный монастырь 1 ч. 35 мин. от Сугача на северо-запад»[1]. Вот и всё, что можно прочесть у о. Порфирия о Белом монастыре. В его книге помещен план обеих обителей, либо составленный его помощником, либо заимствованный из какого-либо западного сочинения. Так что вновь обратимся к запискам А. С. Норова, который кратко упоминает про архитектурное устройство этих монастырей: «Они представляют вид четырех египетских пилонов, соединенных в параллелограмм, который, на половине своей высоты, опоясан двумя рядами окон. Первый монастырь построен из кирпичей, а второй из тесаного камня. Оба эти монастыря были сожжены во время французской экспедиции»[2].

Восполнить пробелы в исследованиях своих предшественников довелось русскому востоковеду Владимиру Георгиевичу Боку. Выпускник С.-Петербургского университета, он в 1888–1889 гг. совершил свою первую поездку в Египет, откуда вывез коптские узорчатые ткани, пополнившие собрание Эрмитажа. В 1897–1898 гг. В. Г. Бок предпринял вторую поездку в Египет. Там он занимался раскопками древних христианских монастырей, сделал множество снимков и обогатил Эрмитаж памятниками коптского искусства.

Посетив Белый и Красный монастыри, В. Г. Бок составил описание этих обителей и привез в Россию множество фотоснимков. В его сочинении «Материа-

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 426.
[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 39.

лы по археологии христианского Египта» (Спб. 1901), изданном посмертно, опубликовано по пять фотоснимков Белого и Красного монастырей[1]. Но это лишь выборка из фотоархива русского исследователя. Описательный текст посмертного издания основан на кратких черновых заметках самого В. Г. Бока.

(Владимир Георгиевич проводил раскопки в Ахмиме, Накаде, Самайне и Фаюме. Едва ли не единственный из русских ученых XIX в., он посетил Большой оазис в Ливийской (Западной) пустыне. Здесь, в пяти километрах к северу от городка Эль-Харга, находится Эль-Багауат — обширный коптский некрополь IV–VI веков. Описание и фотографии этого раннехристианского сооружения заняли достойное место в книге В. Г. Бока[2].)

В середине 1880-х гг. В. Г. Бок был назначен хранителем Отделения Средних веков и эпохи Возрождения императорского Эрмитажа, и в этой должности он состоял до конца жизни. Кроме того, с 1891 г. и до самой кончины В. Г. Бок исполнял обязанности хранителя музея Русского Археологического Общества. Владимир Георгиевич Бок скончался 4 мая 1899 г. в Берлине, на 49-м году жизни...[3]

...Недалеко от рыночной площади Сохага стоят микроавтобусы. Достаточно сказать: «Дейр-эль-Абиад», и тут же вам укажут пикап, идущий к Белому

---

[1] *Бок В. Г.* Материалы... Ч. II. Таблицы. Спб. 1901, таблицы №№ XVII–XXVIII.

[2] Там же, таблицы №№ III–XVI.

[3] *Жебелев С. А.* Памяти В. Г. Бока // Записки имп. Русского Археологического Общества, т. X, новая серия, вып. 3–4. Спб. 1899.

монастырю. У врат обители дежурит солдат, но не с автоматом, как в Сохаге, а с винтовкой. Здесь сельская местность, и всё по-простому, по-домашнему. Однако приходится охранять эту древнюю обитель от посягательства исламских фундаменталистов.

Нынче обитель отреставрирована, но печать былых разрушений всё же лежит на ее постройках. Как и в древности, внутри монастыря помещаются и церковь, и кельи монахов. Во дворе сохранился колодезь, выкопанный еще по повелению Висы. Когда-то здесь было одиннадцать печей, в которых пекли хлебы для братий, и подземные хлебные склады, один из которых назывался «сокровищем благословения». Но теперь всего этого здесь не увидишь.

Сняв, по старинному обычаю, обувь, можно посетить древний храм, где днем всегда молятся копты-паломники. Когда-то ризница монастыря славилась своим богатством. Здесь хранилась «серебряная трапеза для получения благословения», в середине которой было вырезано имя Шенуди. Возможно, это был небольшой переносной престол или же, скорее, поднос или блюдо, которое употреблялось при богослужении. В этом монастыре хранился также жезл, которым святой Шенуди творил чудеса и карал грешников. Еще в начале XIII века в монастыре показывали деревянный, выложенный слоновой костью ящик с тремя полками, на которых лежали книги, в которые св. Шенуди записывал пожертвования, стекавшиеся отовсюду в пользу монастыря[1]. Но нынче, в условиях постоянных межрелигиозных столкновений, насельники

[1] *Бок. В. Г.* Материалы... С. 43.

монастыря предпочитают не афишировать его сокровища, и простому страннику ознакомиться с ризницей нельзя.

Красный монастырь находится от Белого монастыря сравнительно недалеко: в часе ходьбы. Оставляю свою котомку у гостеприимных стражников и отправляюсь в Дейр-эль-Ахмар налегке. Чужестранец неизбежно привлекает внимание местных жителей; зарубежные гости здесь большая редкость. Ко мне в попутчики напрашивается местный учитель-копт, и путь вдоль арыков, обрамленных пальмами, за беседой проходит незаметно. Вот несколько строк, которые В. Г. Бок посвятил Красному монастырю: «В пяти километрах к северо-западу от Белого монастыря находится другое древнее здание, сходное с описанным выше монастырем св. Шенуди: это Дейр-эль-Ахмар, «Красный монастырь», прозванный так потому, что внешние стены его сложены из красного кирпича. Монастырь этот носит имя Св. Бишаи, учителя св. Шенуди»[1]. (Архимандрит Порфирий (Успенский), побывавший здесь в 1845 году, так и называет эту обитель: «Амба-Бшай»[2].)

Красный монастырь, как и Белый, под охраной «человека с ружьем». Истоки межрелигиозной вражды здесь давние. Так, католический священник Ванслеб, побывавший в этом монастыре в 1673 г., еще видел там все колонны, стоявшие на своих местах в два ряда, и отметил их единообразие и красоту. Однако о. Порфирий (Успенский) эти колонны в Красном монасты-

[1] *Бок В. Г.* Материалы... С. 61.

[2] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего...С. 425.

ре уже не застал; они были увезены мусульманами для постройки мечети в Сиуте (Асьюте)[1].

В записках В. Г. Бока приводится детальное описание Красного монастыря.[2] «Красный монастырь весьма сходен планом своим с Белым монастырем, — пишет исследователь. — Существеннейшим отличием является четырехугольная пристройка к южной стене монастыря в виде особой башни, внутри которой находится колодец, и значительное число различных позднейших построек»[3]. К тому времени, когда В. Г. Бок побывал в Красном монастыре, перед паломниками там открывалась такая картина: «Все пространство первоначальной базилики застроено теперь жалкими лачугами теперешних обитателей монастыря, которые мешают ясно распознать прежнее устройство базилики», — пишет тот же ученый[4]. Сегодня монастырские постройки выглядят более достойно; они очищены от поздних «наслоений».

На обратном пути забираю свою поклажу из Белого монастыря и на попутном автобусе возвращаюсь в Сохаг. Иду по набережной Нила. Останавливаюсь у парапета, чтобы полюбоваться закатом. Заодно нужно занести в путевой блокнот впечатления от только что увиденных древних обителей.

---

[1] Там же. С. 425.

[2] *Бок В. Г.* Материалы... С. 61–67.

[3] Там же. С. 62.

[4] Там же. С. 67.

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СВЯТЫНЬ ФИВАИДЫ

Фивы — один из крупнейших центров Древнего Египта; этот город был столицей Египта в 21 и в 17–7 вв. до н. э. Фивы были расположены на обоих берегах Нила; на их территории сохранились грандиозные храмовые ансамбли. Наиболее известные из них — на восточном берегу — в Карнаке и Луксоре. На западном берегу возводились заупокойные храмы фараонов и некрополи. К Нилу шла аллея сфинксов, два из которых теперь украшают Университетскую набережную. Они символически соединяют воды Нила и Невы в С.-Петербурге.

Побывать в Фиваиде было заветной мечтой знаменитого русского философа Владимира Соловьева. Осенью 1875 года он посетил Египет и, остановившись в Каире, готовился к путешествию на юг страны. В своем письме к матери от 18 ноября В. Соловьев повествует: «Я осмотрел здесь почти всё замечательное. Влезал на пирамиду Хеопса (100 саженей высоты) и спускался в подземные гробницы, причем несколько десятков саженей нужно было пролезать ползком в совершенном мраке; купался в Ниле, видел настоящую сфинксу; всё это находится в 10 верстах от Каира по превосходной дороге. В самом Каире спускался в колодезь Иосифа, тоже около 100 саженей глубины, осмотрел главные мечети, великолепный музей египетских древностей и т. д»[1].

[1] Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. II. Спб. 1909. С. 17.

А еще через несколько дней, в очередном письме матери, отечественный мыслитель сообщал: «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест. Когда вы получите оное (письмо), я буду в Фиваиде, верстах в 200 отсюда, в месте диком и необразованном, куда и откуда почта не ходит, и ни до какого государства, иначе как пешком, достигнуть нельзя»[1].

В. Соловьев предполагал пробыть в Фиваиде «с месяц»; однако намерениям путешественника не суждено было осуществиться. В отличие от более опытных паломников, избиравших водный маршрут, В. Соловьев решил добраться до Фиваиды наземным путем. Результат оказался печальным. «Путешествие мое в Фиваиду, о котором я писал в прошлом письме, оказалось невозможным, — жаловался матери «блудный сын». — Отойдя верст 20 от Каира, я чуть не был убит бедуинами, которые ночью приняли меня за чорта, должен был ночевать на голой земле etc., вследствие чего вернулся назад»[2].

Будучи «существом отвлеченным», отечественный мыслитель потерпел фиаско, соприкоснувшись с объективной реальностью, в то время как прочие паломники-россияне преодолевали многочисленные препятствия на пути в Фиваиду, в том числе и «мусульманский фактор».

На пути к Фивам русские путешественники посещали древний Абидос — один из древних городов Верхнего Египта, считавшийся по великолепию вторым после Фив. В 1880-х гг., когда по Нилу уже хо-

[1] Там же. С. 18. (от 25 ноября 1875 г.)
[2] Там же. С. 19. (от 27 ноября 1875 г.)

дили пароходы, русский востоковед В. Андреевский писал: «Абидос стоит на левом берегу Нила, на половине пути между Асуаном и Каиром, верстах в двадцати от местечка Белиане, где обыкновенно останавливаются пароходы, чтобы запастись углем»[1].

А в те годы, когда «эпоха пара» еще только начиналась, в местечке Белиане (Белиене) довелось побывать другому русскому путешественнику — А. С. Норову. В ожидании попутного ветра протекали часы, и неутомимый путешественник отправился в близлежащий коптский монастырь. «Я нашел там только пять братий, — отмечал А. С. Норов. — Вход в монастырь мало отличается от арабских хижин. Церковь находится в подземных сводах; она покрыта шестью малыми куполами, по три в ряд, и поддерживается двумя колоннами. Тут устроены три придела. Иконостасы, как во всех коптских церквах, из резного дерева; некоторые образа писаны в Иерусалиме»[2].

Здесь монахи показали русскому гостю старинное Евангелие XV в., «писанное на бомбицине». Несмотря на то, что этот монастырь неоднократно разрушался мусульманами, он снова каждый раз возрождался к жизни. Норов замечает, что в те годы в нем даже была школа для детей[3].

В другом из близлежащих коптских монастырей довелось в 1909 г. побывать известному русскому востоковеду Б. А. Тураеву. «Из монастырей-пу́стыней мы имели возможность посетить только маленький, распо-

---

[1] *Андреевский В.* Египет... С. 462.

[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 52.

[3] Там же. С. 53.

ложенный около древнего Абидоса, — пишет отечественный ученый. — Снаружи обычные стены и линия куполов, церковь в пять престолов. Иконостас обычный резной. Икон почти нет. Из братии умеют читать по-коптски только один монах и два послушника. Они пропели нам несколько стихир из «Псалмодии»[1].

За столетия исламского господства в Египте число мусульман в Фиваиде постоянно увеличивалось, и это отмечает в своих записках А. С. Норов. Так, проходя мимо города Кена на борту дагабии, русский путешественник заметил, что «у пристани стояло много судов с поклонниками в Мекку»[2].

Приближаясь к Фивам, Норов и его спутники проследовали мимо местечка Некаде, лежащего у подножия горы. «Тут есть коптский монастырь, а в окрестности развалины других древних монастырей», — пишет он, добавляя при этом: «Я намеревался посетить это место на обратном пути моем»[3]. И действительно, на обратном пути — из Нубии в Нижний Египет — русский путешественник смог побывать в Некаде, где у него была встреча с католическим миссионером. «Я расспрашивал его о монастырях, которые находились некогда между Некаде и Фивами, — пишет А. С. Норов. — Они были основаны святыми Палемоном и Пахомием в середине IV века. Из этих монастырей три существовали еще в прошедшем (XVIII) веке. Первый назывался Дер-Салиб или Святого Креста, вто-

---

[1] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 198.

[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 58.

[3] Там же. С. 63.

рой — Дер-ель-Мегма или Синод, третий — Дер- Мари-Поктор или св. Виктора»[1].

Однако сведения, полученные Норовым от католического священника, были неутешительны. «Миссионер сказал мне, что все они разрушены, но что по праздничным дням копты ходят туда служить обедни», —отмечает русский автор[2]. Осмотрев местный католический храм и поблагодарив миссионера за гостеприимство, А. С. Норов продолжил свое плавание.

Путешественники, попадающие в Фивы, спешат осмотреть знаменитые древнеегипетские храмы. Однако здесь — как в Луксоре, так и в Карнаке — живет немало коптов, но их церкви как бы теряются на фоне монументальных сооружений — таких, как храм бога Амона-Ра, храм богини Мут и др. Но в близлежащих окрестностях не угасала жизнь в коптских обителях, и русские паломники в своих записках свидетельствовали об этом. 4 марта 1845 года в Луксор прибыл начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский).

На следующий день, рано утром, он отправился в Коптский монастырь Амба-Бахум-Аббиширке, лежавший в часе пути от Луксора. Отметив, что в те годы к этой обители были приписаны две деревни, о. Порфирий занес в свой дневник краткие сведения: «Три священника; пять престолов в линию. А вся церковь состоит из трех параллельных линий; в каждой линии множество куполов. Куполы покоятся на приземистых арках»[3].

---

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 342.

[2] Там же. С. 343.

[3] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Ч. II. С. 411.

7 марта русский пешеходец переехал на западный берег Нила, где на просторной равнине, раскинувшейся вокруг Фив, возвышаются «колоссы Мемнона» — две гигантские статуи двадцатиметровой высоты. О. Порфирий осмотрел также расположенный неподалеку храм Рамзеса III в Мединет-Абу[1]. В те годы там еще сохранялись следы коптского влияния. «В Мединет-Абу, в большой четырехугольной зале, алтарь, обращенный на север; на стоящих колоннах, не египетской работы, кресты коптские со словами «Иисус Христос Господь» (по-греч.). Есть подобные слова на одной лежащей колонне. Тут была церковь. Да и в средине древнего храма и окрест его едва ли не монастырские келлии?» — такое предположение высказывал русский исследователь[2].

Упомянув про Мединет-Абу, о. Порфирий сообщает читателям о близлежащей коптской обители: «Направо, за развалинами, вдали дорога как канал, вблизи — маленький храм; назади, на песках, монастырь коптский новый Деир-Махареб (а по словам Триандафила — древний св. Феодора Стратилата)»[3].

9 марта неутомимый паломник взошел на гору близ селения Гурна, где осмотрел развалины древнего монастыря. «Монастырь на горе. Вид из него восхитительный на Канал, Луксор, Мединет-Абу, — Колоссы; поле зеленое с Нилом окаймлено горами. Под монастырем катакомба», — пишет о. Порфирий[4]. Вот не-

---

[1] Там же. С. 412.
[2] Там же. С. 415.
[3] Там же. С. 412.
[4] Там же. С. 413.

сколько строк, которые русский архимандрит уделил описанию остатков коптской святыни. «Обитель велика. С южной стороны видны еще десять келлий направо, а противоположные налево развалились. Средину занимала большая церковь; остатки капителей валяются. На северной стороне были также келлии, — одна видна. В юго-западном углу нашел я гранитный гроб без крышки и три камня небольших с иероглифами»[1].

С вершины, увенчанной монастырскими развалинами, в те годы можно было видеть остатки еще двух коптских обителей: «один ниже на холме, другой — на самом темени горы»...[2]

Записки о. Порфирия имеют особую ценность, поскольку его преемники, посещавшие Фивы, ограничивались лишь краткими сообщениями о местных коптских церквах. Так, Б. А. Тураев в своих заметках лишь бегло упомянул о том, что в 1909 году ему «из провинциальных (коптских) храмов пришлось видеть Луксорский и Асуанский. Оба снаружи несколько похожи на наши, имея спереди высокую колокольню, а над самой церковью круглый купол»[3].

Гости из России часто общались с местными христианами в этих шумных туристических центрах. В своих записках русский востоковед Е. Э. Картавцов повествует о подобной встрече, имевшей место в 1889 году в одной из луксорских гостиниц.

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Ч. II. С. 412–413.

[2] Там же. С. 413.

[3] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 197.

— Слуга спросил: «Моско́в? Моско́в?!», а затем бил себя в грудь и говорил; «Копт! Кристос, копт! Кристос!»

Я понял, что ему нужно; поднялся, перекрестился и, показав на себя, сказал: «Моско́в», а затем, упирая ему в плечо, — «копт».

Копты пришли в восторг. Быстро на левой руке засучили они до плеча рукава одежды и показывали татуированный ниже плеча большой православный крест. Ударяя по нему и целуя его, они повторяли: «Моско́в, копт. Кристос, ами, ами!»[1]

Так излагает русский путешественник свои впечатления от состоявшегося разговора, а затем продолжает: «Большинство сельчан Верхнего Египта — копты-христиане, в городах же — мусульмане. Здешнее христианство — дело проповеди, трудов и мученичества великих фиваидских отшельников; оно уже со времени женитьбы Иоанна III на Софии Палеолог стало видеть в Москве своего защитника; победы Екатерины над турками еще более укрепили эту мысль»[2].

ХРИСТИАНСКИЕ СВЯТЫНИ ВЕРХНЕГО ЕГИПТА

Для многих русских путешественников, поднимавшихся вверх по Нилу, Фиваида была конечной целью их паломничества. Однако некоторые из них упорно продвигались далее, на юг, и на этом пути посещали городок Эсне. Здесь сохранился храм, посвященный

[1] *Картавцов Е. Э.* По Египту... С. 88.
[2] Там же. С. 88.

Хнуму, переделанный из древнеегипетского в эпоху Птолемеев. Неподалеку от Эсне когда-то был коптский монастырь Мучеников, но к XIX веку он уже опустел.

Среди египетских христиан весьма распространен культ мучеников. Согласно церковной традиции, копты ведут свое летоисчисление с 284 года по Р. Х., когда в Риме воцарился император Диоклетиан и начались усиленные гонения на христиан. Александрийские христиане начали новое летоисчисление, назвав его «эрой мучеников». Это особое летоисчисление появилось у коптских христиан в VI в., а в VIII в. стало общепринятым. (Современные копты в своей гражданской деятельности пользуются обычным григорианским календарем.)

В феврале 1845 г. монастырь Мучеников (Деир-Шугаде) посетил архимандрит Порфирий (Успенский). В то время коптская епархия Эсне простиралась до Асуана, по левому берегу Нила, а в самом Эсне проживало около двухсот пятидесяти коптских семей. «В Эсне есть три учителя для христианских мальчиков, — один из них слепой; мальчик каждый платит учителю своему по десять паричек, по двадцать в неделю; смотря по состоянию», — пишет о. Порфирий[1]. При этом он добавляет, что «пять епископов погребены в сем монастыре: Губриан, Матфей, Михаил, Бедаба»[2]; имя пятого русский автор не приводит.

Завершая краткое повествование об этой обители, о. Порфирий замечает: «Монастырь Мучеников по-

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 409.
[2] Там же. С. 410.

сещается два раза в год <...>; он имел 40 федданов земли, но паша́ отнял их»[1].

В 1898 году в этой обители побывал известный русский востоковед В. Г. Бок. В его записках приводятся сведения, дополняющие и уточняющие то, что несколько десятилетий ранее представилось здесь о. Порфирию. «Находящийся на краю пустыни, на расстоянии приблизительно одной мили к югу от г. Эсне, коптский «монастырь Мучеников» (Дейр-эш-Шуххад), который, по преданию, построен был св. Еленой, не раз был описан европейскими путешественниками, — отмечает В. Г. Бок. — Теперь монастырь покинут и монахов в нем нет. Богослужение же совершается в церкви его лишь по некоторым дням»[2].

Сделав целый ряд фотоснимков обители Мучеников, В. Г. Бок, по возвращении в Россию, пополнил собрание Эрмитажа богатыми материалами[3].

Если продвигаться вверх по Нилу, то следующим после Эсне городом, лежащим на западном берегу Нила, будет Эдфу. Городок Эдфу вошел в египетскую историю благодаря своему храму, посвященному богу Хору (эпоха Птолемеев). Здесь в 1845 году побывал архимандрит Порфирий (Успенский), и его внимание привлекла местная коптская обитель. «В Эдфу, внутри сего города, есть монастырь, называемый Амба-Бахум, — сообщает русский паломник. — Прежде в нем были монахи, ныне один священник. В Эдфу не более вось-

[1] Там же. С. 409.

[2] *Бок. В. Г.* Материалы... С. 71. (Описание монастыря — с. 71–78).

[3] Там же, ч. II., таблица XXX.

ми-девяти домов или двадцать-тридцать душ. В сем монастыре, под церковью, есть комнаты. Близ, в горе, есть иноческие пещеры в гробах древних»[1]. При этом православный архимандрит, сочувствовавший коптам-христианам, замечает: «Причина бедной обстановки внешности монастырей — боязнь издерживать деньги пред властию»[2].

В записках о. Порфирия, которые он вел в хронологическом порядке, имеется временной перерыв. Так, упомянув про свое пребывание в Эдфу под 13 февраля 1845 г., он возвращается к своему дневнику только 3 марта и описывает обратный путь — к Луксору и далее — вниз по течению Нила. Из этого можно сделать вывод о том, что русский путешественник не добрался до Асуана, — ведь в противном случае он не преминул бы посетить там знаменитый монастырь св. Симеона и отметить это в своих записках. Но позднее другие отечественные исследователи проделали этот путь.

Одним из них был В. Г. Бок; известный востоковед, прибыв в Асуан, посетил древний монастырь св. Симеона и запечатлел его живописные развалины[3]. Вот что сообщалось в тогдашней русской печати о древних обителях, некогда основанных близ Сиены (Асуана): «Эта отдаленная египетская провинция в христианскую эпоху была поприщем иноческого подвижничества. Около Асуана было три монастыря: один, не обозначенный по имени, совершенно разрушенный;

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.*. Книга бытия моего... Т. II. С. 410.
[2] Там же. С. 410.
[3] *Бок В. Г.* Материалы... таблицы XXXI–XXXII.

другой — во имя св. Лаврентия, еще обитаемый монахами, и третий — запустевший с XIII века, но до сих пор настолько сохранившийся, что по уцелевшим остаткам можно видеть, что принадлежал он к обширнейшим обителям Египта. В народе он известен под названием Дер Амба-Самаан (Симеон — *а. А.*). Он стоит на скалистом левом берегу Нила»[1].

Заметка эта была опубликована в 1894 году, и за истекшее столетие в этих краях произошло много изменений. Монастырь св. Лаврентия, как и другие, опустел, а в 1904 г. на первом пороге Нила была построена плотина. В 1909 году здесь побывал известный русский востоковед Б. А. Тураев; он кратко упоминает лишь о знаменитой обители св. Симеона: «Посещенный нами монастырь уже с XIII века не имеет обитателей. <...> Эти почтенные развалины с их надписями и остатками фресок были неоднократно предметом (иностранных) описаний»[2].

Современный Асуан высится на месте бывшего базара города Абу, который греки называли Элефантиной, что значит «остров слонов». В бытность Б. А. Тураева в Асуане русскому исследователю, к его удивлению, довелось встретиться в этом городе с «новыми греками», которые образовали здесь небольшую православную общину. «Недавно (греки) на набережной устроили себе молитвенный дом, а в ближайшем будущем надеются воздвигнуть и настоящую церковь,

---

[1] Монастырь св. Симеона в Верхнем Египте // Сообщения Православного Палестинского Общества, 1894, август. С. 457–459.

[2] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 199.

так как их уже теперь в Асуане сто пятьдесят человек, — сообщает Б. А. Тураев. — Этот молитвенный дом, находящийся на берегу Нила, против знаменитого острова Элефантина, я отыскал. Он почти всегда открыт, так что с улицы видны царские врата. Налево от входа живет священник-старичок, говорящий по-русски и очень приветливый. Какое это производит трогательное впечатление под тропиками и в виду Нубии!»[1]

НА ПУТИ К НУБИИ

Первый нильский порог находится в нескольких километрах к югу от Асуана: это широкое пространство бурлящей воды и водоворотов между многочисленными скалами и островами. Русские путешественники, совершавшие свои вояжи в Нубию, должны были преодолевать эту преграду. В записках А. С. Норова, относящихся к 1834–1835 гг., об этом говорится следующее: «Меня уведомили, что губернатор прислал мне четырех лошадей для моего проезда берегом на ту сторону порогов. Надобно было также переносить из дагабии (лодки) всё мое имущество и отправлять вперед на верблюдах, потому что переправа через пороги не всегда безопасна»[2].

Любознательный путешественник проделал этот путь по берегу, двигаясь по направлению к острову Филе. «От этого места начинается Нубия, — пишет А. С. Норов. — Блеснул несравненный Нил и развер-

[1] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. I. С. 77.
[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 156.

нулся волшебный остров Филе, названный арабами, по разительному великолепию его храмов, «островом храмов» (Джезирет-эль-Бирбе)»[1].

На фоне гранитных скал вздымал свои колонны и пилоны храм богини Исиды, дошедший до нашего времени от эпохи Птолемеев. После постройки в 1904 году первой плотины на первом пороге Нила храм этот был затоплен водой большую часть года. Его можно было посетить только в августе — единственный период, когда открывались все шлюзы, чтобы не допустить слишком большого паводка. При строительстве большой Асуанской плотины потребовалось разобрать храм, перенести на 150 метров севернее на остров Эджелика. И хотя на новом месте храм был восстановлен в точности, ныне уже не увидеть тех надписей и росписей, о которых сообщал в своих записках А. С. Норов.

«Велико было мое удивление, когда, подойдя к дверям этого прекрасного здания, я прочел глубоко врезанную надпись (на латыни): АЛЕКСАНДР I. Со славою и благополучием царствовал над россиянами 25 лет»[2]. Эта надпись, начертанная на латыни, умилила отечественного путешественника: «Так сладостно для русского найти отголосок в память благословенного монарха своего даже у пределов Нубии!» — восклицает Норов[3].

Интерьер святилища Исиды и Осириса привлек внимание наблюдательного автора, и он обращает взгля-

[1] Там же. С. 160.
[2] Там же. С. 163–164.
[3] Там же. С. 164.

ды своих читателей на те символы, которые еще сохранялись в этом храме. «Слабый свет проникает туда через узкое боковое отверстие, едва позволяя различать мифические изображения, которыми покрыты стены <...> Но сердце христианина подвигнуто сильными ощущениями, когда он видит, тут же, торжествующее знамение креста, вычеканенное и нарисованное в разных местах, — знамение, перед которым пали идолы и, вслед за тем, все эти великолепные капища запустели! — пишет А. С. Норов. — Храм Филе был обращен на некоторое время в церковь Христову; доселе свидетельствует о том один гранитный кубический камень с крестным изображением, служивший престолом, и сверх того греческие надписи, где именно говорится о сооруженной здесь церкви при некоем епископе Феодоре»[1].

Далее А. С. Норов высказывает предположение о том, что этим епископом был Феодор Мопсуестийский (ок 350–428), родом из Антиохии. Он был современником св. Иоанна Златоуста и под его влиянием предался подвижнической жизни. Когда в Мопсуестии (Киликия) освободилась епископская кафедра, Феодор занял ее около 392 года и пребывал на ней вплоть до самой кончины, последовавшей в 428 году. «Известно, что он посещал и назидал самые отдаленные церкви», — пишет Норов[2].

Русский исследователь высказывает еще одно интересное предположение. «Заметим, что остров Филе означен у пророка Исаии под именем Фул или Пул, —

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 171–172.
[2] Там же. С. 172.

продолжает Норов. — Эти остатки христианской церкви, эти многочисленные крестные знамения явно показывают совершившееся пророчество: «И положу на них знамение и пошлю из спасенных от них к народам: в Фарсис, к Пулу и Луду <..>, на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей, и они возвестят народам славу Мою» (Ис. 66, 19)[1].

Русский путешественник провел целый день на о. Филе, созерцая «таинственные храмы Исиды». И уже в темноте он устроился на ночлег «в пристроенных к гордому языческому храму скромных монашеских кельях»...[2]

Асуан, первый нильский порог — это были те пределы, где заканчивались маршруты большинства россиян, путешествовавших вверх по Нилу. И лишь немногие из них, подобно А. С. Норову, отваживались продвигаться далее вдоль пустынных нубийских берегов.

Знакомясь с описанием странствий россиян по Верхнему Египту, можно проследить, как один за другим они «сходят с дистанции» и отправляются в обратный путь — в Каир и Александрию. А между тем записи их неосуществленных наблюдений сегодня представляли бы большую ценность для истории восточного монашества. Ведь после возведения второй Асуанской плотины (1964 г.) уровень Нила начал подниматься, и в результате было создано искусственное водохранилище — озеро Насера — пятьсот километров длиной, объемом сто пятьдесят семь миллиардов кубометров воды.

---

[1] Там же. С. 172.

[2] Там же. С. 179.

Во время строительства Асуанской плотины археологи находили в зоне будущего водохранилища сильно разрушенные коптские храмы, укрытые в подземельях от постороннего взора. И в настоящее время большинство из них затоплено. А. С. Норову довелось осмотреть некоторые из них, и в записках русского автора можно почерпнуть сведения об этих утраченных святынях.

Выше острова Филе взору путешественника открылось величественное сооружение — древний храм Калабша, дошедший, к счастью, до нашего времени. Когда-то здесь процветал город Тальмис, а ныне водохранилище поглотило земли, на которых он располагался. «При полном попутном ветре мы пронеслись мимо», — пишет Норов[1], не предполагая, какие открытия ожидали бы его здесь. Однако этот пробел можно восполнить, обратившись к запискам другого российского автора — Осипа Ивановича Сенковского. Современник А. С. Норова, Сенковский осуществил путешествие по Египту и Нубии в 1820–1821 гг., опередив своего собрата по перу на четырнадцать лет. Но, в отличие от А. С. Норова, Сенковский опубликовал лишь отрывки из своих дневниковых записей, и сведений о коптах-христианах в его книге весьма мало. Но один из отрывков как раз и посвящен тому храму, мимо которого пронесло дагабию Норова.

Отбыв с о. Филе 3 апреля 1821 года, О. И. Сенковский продолжил свой путь вверх по Нилу, и вскоре его судно причалило к берегу близ храма Калабша. «Келявши, древний Тальмис, почитается одною из са-

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 185.

мых живописных развалин, — пишет Сенковский. — Несколько колонн, величественно возвышающихся из средины развалин <...>, напоминают шесть главных колонн Бальбека (Гелиополя)»[1]. В первые века христианства этот храм был превращен в церковь, и тогда его стены были расписаны изображениями святых. «До сих пор голова св. Иоанна видна на последней стене храма, возвышающейся в средине строения», — сообщает тот же автор[2].

Поднимаясь вверх по Нилу, Сенковский и Норов записывали увиденное; их сообщения о христианских памятниках, ныне скрытых водами Нила, удачно дополняют друг друга. Так, А. С. Норов лишь мимоходом упоминает о селении Дакке, близ которого возвышались два массивных пилона — остатки храма, воздвигнутого «богу Фоту, Гермесу, этому покровителю наук»[3].

В записках Сенковского также говорится про «прекрасный храм древнего селения Псельцис, ныне называемого Дакке». «Это здание посвящено было Тоуту, Меркурию древних египтян, — пишет Сенковский. — После жили (здесь) набожные монахи, начертавшие в этих сокровенных убежищах знамение святого креста, драгоценный залог их надежд, облегчавший их тяжкие страдания. Храм сей был некогда христианской церковью, что доказывает штукатурка, покрывающая прежние баснословные изображения»[4].

---

[1] *Сенковский О. И.* Отрывки из путешествия по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии (1820–1821 гг.) // Собрание сочинений. Т. I. Спб. 1852. С. 29.

[2] Там же. С. 30.

[3] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 187.

[4] *Сенковский О. И.* Отрывки... Т. I. С. 39.

Христианская тема вновь появляется только лишь в самом конце путешествия Сенковского, когда он достиг «границы страны, собственно называемой Нубиею»[1]. Но, как и ранее, ему на помощь приходит А. С. Норов. Продолжая плавание до больших порогов Нила, 9 февраля 1835 года он увидел на берегу развалины храма Амады. «Это здание есть одно из древнейших в Нубии: оно воздвигнуто фараоном Мерисом, — сообщает Норов. — Арабский купол венчает эту нестройную груду; здесь была некогда коптская христианская церковь, и в первые века христианства эти пустыни осенены были спасительным знамением креста»[2].

Дагабия пытливого русского странника упорно продвигалась вверх по Нилу: «Большие пороги Нила находились не более как в пятидесяти верстах»[3]. Вскоре судно поравнялось со скалой Абагуда, «в которой видно несколько погребальных пещер»[4]. Как порой бывало и ранее, Норов решил посетить это живописное место на обратном пути. А вскоре на восточном берегу Нила показалось несколько селений. «Последнее из них называется Уади-Гальфа; вдали виден хребет скал, которые представляют преграду к плаванию по Нилу; там столь знаменитые большие пороги»,— сообщает Норов[5].

Для того, чтобы полюбоваться большими порогами, русскому исследователю пришлось проделать не-

---

[1] *Сенковский О. И.* Отрывки... Т. I. С. 57.
[2] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 199.
[3] Там же. С. 204.
[4] Там же. С. 205.
[5] Там же. С. 207.

большое путешествие на верблюде. «Арабы называют эти большие пороги Дженадель. Местах в трех или четырех быстрота Нила ужасна и от сопротивления камней поднимается водяная пыль», —пишет Норов[1], замечая при этом, что с юга Нил заслонен скалами и что между ними виднеются развалины греческого монастыря[2].

Размышляя о причинах распространения христианства в столь далеких и пустынных землях, русский автор пишет: «При византийских императорах Нубия была совершенно забыта или, лучше сказать, доступ в нее был тщательно охраняем от всех покушений иноземцев. В начале седьмого столетия Нубия еще посылала вспомогательное войско в Нижнюю Фиваиду, христианам-грекам; вскоре после того арабы нахлынули на Египет. Все жившие там христиане, которых число было весьма велико, укрылись от гонений в Нубию и распространили там свет христианства. <...> Этому времени бегства христиан из Египта должно приписать основание церквей в Нубии; но после того, по покорении Египта арабами, начались вторжения исламов в Нубию...»[3]

Вернувшись в селение Вади-Хальфа (Уади-Гальфа), А. С. Норов «вкораблился» в дагабию, и на следующее утро попутное течение вынесло путников к живописным скалам Абагуды. «Пройдя скалы, увенчанные разрушенным городом, мы пристали к той, которая почти отвесно сходит в Нил и в которой чернеет

[1] Там же. С. 212.
[2] Там же. С. 212.
[3] Там же. С. 219.

гробовая пещера, — это «спэос» времен фараонов», — пишет Норов[1].

За время своего путешествия по Египту неутомимый исследователь видел немало таких захоронений. Но здесь его ждал приятный сюрприз. «Как я был поражен при первом вступлении туда, увидев перед собою храм Христа Спасителя! — восклицает очарованный странник. — Не могу выразить моего восторженного ощущения, когда мой первый взгляд остановился на изображении благословляющего Искупителя»[2].

Из всех виденных им древних христианских изображений это было наиболее сохранившееся. И поэтому А. С. Норов уделил его описанию довольно много места. Вряд ли эта живопись дошла до нашего времени, и поэтому строки, посвященные интерьеру храма, представляют большой интерес.

Это изображение находится на потолке, — пишет А. С. Норов. — *Христос представлен стоящим, в ризе червленной. Лицо написано по облику Нерукотворного образа; тройное сияние главы разделено на семь лучей; десница благословляет; шуйца, приложенная к груди, держит Евангелие. Обратясь к входу, вы видите на том же потолке изображение одного святого угодника, также во весь рост, но весьма поврежденное в лице и в стопах. Глава украшена тройным сиянием; висон белый, а риза червленная; в правой руке венец, а в левой крестный посох; правая нога наступает на пламень. Я полагаю, что это Иоанн Креститель. На потолке, который над дверью, находится, в кругу,*

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 222.
[2] Там же. С. 223.

поясный образ Спасителя. По обеим сторонам двери стоят, уже почти изглаженные, облики ангелов в белых ризах, с крыльями: они держат в правой руке, вместе с сосудом, крестный посох, а в левой венок или шар, что трудно уже распознать.

На правой стене видны три изображения великомучеников на конях, из которых один — св. Георгий, а на левой и на главной стене видны стоящие изображения святых угодников, едва уже заметные. Эта главная зала поддерживается четырьмя египетскими колоннами. Из средней стены есть вход в небольшую комнату или нишу, где, тотчас при вступлении, видно в полу могильное отверстие. В этой нише, должно полагать, стоял алтарь, ибо в каждой стене видны небольшие углубления, как бы места для святых сосудов. Вдоль стен большой залы выделаны каменные скамьи.

Справа и слева главной залы есть еще по одной комнате, которые, вероятно, служили кельями для отшельников. Живопись всех этих альфресков носит характер древнейшей византийской живописи. Изображенные на образах облачения принадлежат Православной Восточной Церкви. Это легко поясняется тем, что мы сказали выше. Основатели этой церкви и других подобных ей в Эфиопии были первые египетские христиане, укрывшиеся сюда от нашествия арабов и принесшие, в дар за гостеприимство, свет Христов сидящим в стране и сени смертной[1].

«Церковь, находящаяся в скале Абагуды, судя по оставшимся в ней иконам, конечно должна быть при-

[1] Там же. С. 223–224.

числена к числу церквей православных», — такой вывод делает русский исследователь, завершая свое повествование[1].

В отличие от А. С. Норова О. И. Сенковский смог добраться до самой границы Нубии, туда, где ныне начинается территория Судана. Он был едва ли не единственным русским путешественником XIX в., посетившим знаменитый храм Абу-Симбел, что в трехстах двадцати километрах к югу от Асуана. Посвященный триаде богов Амон-Ра, Хармакису и Птаху, этот храм был полностью высечен в скальном массиве. После сооружения высотной Асуанской плотины возникла угроза затопления храмового комплекса водами Нила. В 1965 году, при содействии ЮНЕСКО, этот храм, распиленный на блоки, был демонтирован и заново воссоздан на площадке, расположенной на более высоком уровне.

Сегодня сюда можно добраться автобусом из Асуана и, осмотрев этот шедевр, в тот же вечер вернуться обратно. Близ Абу-Симбела имеется аэропорт, и состоятельные туристы с комфортом добираются сюда из Каира чартерными рейсами. Но ни один из них уже не сможет увидеть то, что смог созерцать здесь наш предшественник из России. «В нескольких десятках шагов от этих великолепных подземных зданий находится другой храм, состоящий из четырех различной величины комнат, также иссеченный в скале и посвященный египтянами Исиде, а христианами — св. Иоанну», — пишет О. И. Сенковский[2], приводя бесценные сведения из истории восточного монашества в Египте.

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. II. С. 225.

[2] *Сенковский О. И.* Отрывки... С. 54–55.

ДРЕВНИЕ ОБИТЕЛИ НИТРИЙСКОЙ ПУСТЫНИ

Египет взрастил многих великих подвижников христианства. В древности здесь возникали монастыри, кипела духовная жизнь, трудами монашествующих среди бесплодных камней и песков вырастали оазисы. Монастыри, как и прежде, играют ключевую роль в жизни Коптской Церкви. Наиболее доступные из них находятся в Нитрийской пустыне, расположенной приблизительно в девяноста километрах к северо-западу от Каира, на полпути между ним и Александрией.

Нитрийская пустыня (по-арабски Вади-эль-Натрун) входит в северо-восточную часть Сахары и представляет собой равнину, лежащую ниже уровня моря. Это бывшая лагуна с отложениями селитры и других солей, которые разрабатываются и сегодня. Невысокие, мягко очерченные холмы, засыпанные мелким желтым песком, низкие плато, редкие оазисы по окраинам — вот характерный ландшафт Нитрии. В далекие времена, когда не было дорог, когда жизнь сосредоточивалась только по берегам Нила и его рукавов, Нитрия была надежно изолирована от мира.

Нитрийская пустыня была покрыта сетью монастырей, окруженных труднопроходимыми болотами, которые в прошлом защищали их от набегов кочевников. В конце IV в. в Нитрии подвизалось более двух тысяч монахов. Из многих стран мира приезжали и приезжают паломники в Нитрийскую пустыню. Издавна стремились сюда и русские пешеходцы.

В 1834 году близ этих мест побывал А. С. Норов. Его судно (дагабия) поднималось вверх по Нилу — из Александрии в Каир. Примерно на полпути перед взором русского паломника, на западном берегу Нила, предстал хребет Джебель-эль-Натрун, а вскоре его дагабия бросила якорь у местечка Терране. «В этом местечке, порядочно обстроенном из кирпичей и где живут несколько европейцев, производится значительная торговля натром, по близости натровых озер, которые не истощились до сих пор от самой глубокой древности, — пишет русский автор. — Эти озера отстоят на четырнадцать часов пути от берегов Нила, на запад, — и находятся в обширной пустыне, которая носила название «нома» или провинции»[1].

Русскому путешественнику не довелось побывать в Нитрийской пустыне, однако он сообщает своим читателям о ее прославленных обителях. «Эта пустыня драгоценна для христиан; в первые века Церкви в ней укрывалось бесчисленное множество отшельников, и она прославилась именами блаженных Павла, Мелании, Аммона, Ефрема, Моисея Араба, Аполлона, Серапиона, Памбона, Пимена, Иоанна, Даниила, Макария и многих других, — продолжает А. С. Норов. — Их уединенные скиты превратились со временем во столько же монастырей, которых число возросло с лишком до ста»[2].

На рубеже IV–Vвв. Египет стал колыбелью монашества, а в V–VI вв. в Нитрийской пустыне количество насельников исчислялось тысячами. С той да-

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 90.
[2] Там же. С. 90–91.

лекой поры многое изменилось на древней египетской земле, и ко времени приезда А. С. Норова в Египет местное монашество, подвергавшееся преследованиям со стороны мусульман, переживало тяжелые времена. «Развалины этих священных обителей разбросаны теперь по далекому пространству безжизненной пустыни, — с горечью сообщал русский автор. — Из них остались теперь только три бедных приюта, называемые монастырями, где живут несколько греческих и коптских монахов; ближайший из них носит имя св. Макария»[1].

Однако слава о знаменитых обителях не изгладилась из памяти коптских христиан, и, как писал Норов, «монахи греческие и коптские, в память их святых основателей, ходят на развалины, часто весьма далеко, через знойные пески, нередко с опасностью для их жизни от зверей и зноя, — служить обедни в праздноуемые Церковью дни»[2].

Монастырь св. Макария

1845 год является важной вехой в истории русско-коптских церковных связей. Именно в этом году начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский) отправился в долгое путешествие по Египту, в ходе которого он посетил тридцать четыре древние обители. 1 июня 1845 года он записал в своем дневнике: «Иду в Нитрийскую пустыню, где древле подвизались облагодат-

[1] Там же. С. 91.
[2] Там же. С. 91.

ствованные мужи, дабы в сердце своем запечатлеть правое учение их и поревновать святому житию их. Боже, дивный во святых Твоих, благослови странствие мое!»[1].

Добравшись до селения Грес, о. Порфирий переправился на противоположный берег Нила. Здесь, в деревне Дрис, он познакомился с игуменом монастыря св. Макария, чью обитель он намеревался посетить. «О. Михаил присматривал за уборкою хлеба, недавно сжатого с нанимаемых им тут нив, — пишет о. Порфирий. — Узнав мое желание побывать в нитрийских монастырях, он тотчас озаботился приисканием надежных проводников и приготовлением нам съестных припасов. А приготовляли их копты»[2].

И вот караван, к которому были «приписаны» отважный путешественник и его спутники, потянулся по зыбучим пескам, и вскоре перед ними открылась бескрайняя Ливийская пустыня. Стараясь скрасить монотонный путь, о. Порфирий вел долгие разговоры со своим слугой Иваном, рассказывая ему о древних обителях и их насельниках. Вот отрывок из их беседы.

— Как называется эта пустыня?

— Нитрийская, потому что в ней прежде добывали и теперь добывают нитр, по-нашему — нашатырь. Мы увидим место зарождения его.

— Какие святые там жили?

— Их было очень много. Знаменитые же из них были: два Макария, Памва, Моисей Мурин, Арсений, Пимен.

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 435.
[2] Там же. С. 450.

— Когда они жили?

— Спустя триста, четыреста и пятьсот лет после Рождества Христова.

— Ужели и теперь находятся там монастыри?

— До сих пор уцелели четыре. В них живут коптские монахи.

— Ужели кто-нибудь кроме Вас ездил сюда?

— Из русских ты первый идешь здесь подле меня. А прежде нас многие предпринимали сюда путешествие из самых дальних стран[1].

Архимандрит Порфирий прочел своему спутнику целую лекцию об истории нитрийского монашества; ее содержание он также занес на страницы своего дневника[2]. Завершая свой рассказ, о. Порфирий сделал такую запись: «Продолжительный разговор утомил меня. Я сел на осла и велел арабам погонять верблюдов, дабы засветло поспеть в монастырь св. Макария, до которого было еще далеко»[3].

Лишь к вечеру усталые путники увидели стены древней обители. «Прямо против нас вдали стоял монастырь св. Макария, — пишет о. Порфирий. — В сумраке он казался как большое черное пятно на бело-желтоватой покатости земли»[4]. Но было уже слишком поздно, и врата монастыря были закрыты. Было решено заночевать в походной палатке, поставленной прямо на песке. «Луна осветила долину и

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 453–454.

[2] Там же. С. 454–475.

[3] Там же. С. 475.

[4] Там же. С. 477.

монастырь св. Макария, — вспоминал русский пешеходец. — Я прочитал пятидесятый псалом и сладко заснул на рубеже священной пустыни»[1].

Утром 4 июня странники двинулись по направлению к монастырю. Вот как описывает о. Порфирий прибытие каравана к вратам обители св. Макария: «Ровно в шесть часов поезд (караван — *а. А.*) мой остановился не у ворот, а у малого отверстия в нижней части высокой стены монастырской. Я перекрестился и возблагодарил Бога, безопасно приведшего меня на место духовных подвигов св. Макария и преподобных собратий его. Погонщики тотчас развьючили верблюдов, поджали им колени и в этом положении потянули за повод каждого из них в узкое и низкое отверстие стены. Эти животные охотно ползли туда на коленях, нагнувши свои головы»[2].

Насельники приветствовали первого из русских паломников, прибывшего в их обитель, и поздравили его с благополучным приездом. О. Порфирий вручил наместнику рекомендательное письмо от коптского патриарха Петра и просил приюта на несколько дней. С монастырской колокольни раздался благовест; монахи вошли в церковь, и начался обряд приветствия паломников. Вот как описывает о. Порфирий это чинопоследование:

Мне дали в руки крест и возжженный трисвещник (трикирий), оба медные, и повели меня в алтарь, а оттуда, после троекратного обхождения святой трапезы (престола — а. А.*) с целованием углов ее, провели подле стен всей церкви и посадили на*

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 477.
[2] Там же. С. 479.

кресло против иконостаса, немного левее царских врат.

Передо мной полукругом выстроились двенадцать монахов, в сандалиях на босу ногу, в черных рясах и тюрбанах на голове, наискось ребристо обвитых тонкими складками черного платка, а направо от них стали певцы, держа в руках медные тарелки, колокольчик и стальной треугольник. Началось пение под нестройные звуки этих металлических вещиц.

Спустя несколько минут первый из двенадцати монахов подошел ко мне с ладаницею и кадилом, попросил меня вложить в него фимиам, поцеловал мою руку и покадил меня девять раз. После него то же делали второй, третий и все прочие монахи[1].

По окончании этого обряда о. Порфирий перешел в малую церковь св. Харона и в ее западной части, отделенной перегородкой, разместил свою поклажу. «Добрые пустынники сами указали мне на это место как удобное для спокойного пребывания в монастыре их на короткое время, — пишет о. Порфирий. — Этим не нарушалась пристойность. Ибо звание и сан мой давали мне доступ в самый алтарь, где совершаются Божественные тайны»[2].

На этом записи, относящиеся к посещению нитрийских обителей, прерываются. Лишь 20 июня 1845 года о. Порфирий занес в свой дневник благодарение: «Величаю Господа, возвращающего меня из Египта в нерушимом здравии»[3]. Русский путешественник почерп-

---

[1] Там же. С. 479–480.

[2] Там же. С. 482.

[3] Там же. С. 482.

нул много сведений как об истории монастыря, так и о древних коптских традициях. Впоследствии всё это вошло в его книгу «Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов)» (Спб. 1856).

С этого времени прошло больше столетия, и за это время монастырь св. Макария пережил падение и взлет. Основанная в 360 году преподобным Макарием Египетским, эта обитель была заново отстроена и расширена в новейшее время, в период с 1969 по 1979 гг. Восстановителями или, лучше сказать, новооснователями монастыря явились двенадцать отшельников, прежде подвизавшихся в пустыне Райан, расположенной в пятидесяти километрах к юго-западу от Фаюма и в ста пятидесяти километрах к юго-западу от Каира. Жизнь их там была подобна житию первохристианских подвижников, известному нам по святоотеческой литературе[1].

Духовным отцом этих подвижников был о. Матта Эль-Мескин (то есть Матфей Бедняк), продолживший на новом месте духовное руководство братии. Они с большой печалью и неохотой покинули свои кельи, когда тогдашний патриарх Коптской Церкви Кирилл VI попросил их перейти в Нитрийскую пустыню и заняться восстановлением ее разрушенных монастырей, в частности монастыря св. Макария. «Мы плакали, покидая ради послушания нашу пустыню», — вспоминали отцы. Теперь в Райанской пустыне никто не живет: трудность обитания там оказалась не под силу другим. А те двенадцать монахов, которые вышли из

[1] *Демина Е.* Возрождение монашества в Египте // Вестник РХД, № 133, 1981. С. 39. С. 39.

Райана во главе с о. Маттой Эль-Мескином, и составили ядро новой общины, которая из года в год пополняется новыми насельниками[1].

В декабре 1976 года монастыри Нитрийской пустыни посетила делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Гости из России молились у святынь обители св. Макария Великого. «В монастырях имеются постройки, относящиеся к VI веку, а также идет строительство новых зданий, келий, возводятся сооружения, охраняющие от песчаных бурь, — сообщал один из членов паломнической группы. — Здесь же руками монашествующих устроены большие водоемы, посажены плодовые деревья и овощи, необходимые для пропитания. Христианские паломники постоянно приходят к этим великим святыням, к этому благодатному источнику живой воды»[2].

В последующие годы в стенах этой обители изредка слышалась русская речь. В августе 1980 года в монастыре преп. Макария Великого побывала представительница русского Зарубежья Е. Демина, живущая в Дании. «Я стала собираться туда после лекции в Оксфорде, посвященной возрождению коптского монашества, с показом цветных диапозитивов возводимого в Нитрии монастыря и его старца», — пишет она на страницах «Вестника Русского христианского движения»[3].

Ко времени приезда русской паломницы в обитель св. Макария число тамошних монахов выросло до вось-

---

[1] Там же. С. 41.

[2] Журнал Московской Патриархии, 1976, № 4. С. 67.

[3] *Демина Е.* Возрождение монашества... С. 38.

мидесяти человек. «Большинство из них — молодые люди с университетским образованием, владеющие достижениями современной науки и техники, — отмечает Е. Демина. — Среди них есть врачи, учителя, агрономы, фармацевты, архитекторы и инженеры, находящие применение своим знаниям и опыту в обширной практической и научной деятельности монастыря. Говоря о любом аспекте монастырской жизни — будь то устав или разведение огорода, духовные ли каноны, эстетика построек или просветительская работа, приходится упоминать о вдохновителе всех начинаний и опытном, одаренном руководителе — о. Матте Эль-Мескине»[1].

По образованию фармацевт, о. Матта покинул любящий круг родных и друзей на тридцатом году жизни; десять лет провел в разных монастырях и пустынях, десять лет подвизался в Райанской пустыне и с 1969 года возглавил общину монастыря св. Макария. Примечательно, что в обители нет устава, как не было его во времена его основоположника, преп. Макария Великого. Однако существуют неписаные правила, выявляемые скорее в действии, чем в теории.

В своем очерке о современной жизни обители Е. Демина отмечает, что сельскохозяйственная техника подарена монастырю различными почитателями: коптами, немцами, шведами. Некоторые виды животных и растений получены из европейских стран и США. Денежные средства поступают как пожертвования главным образом от христиан-коптов. Рабочие нанимаются преимущественно в бедном Верхнем Египте, отку-

[1] *Демина Е.* Возрождение монашества... С. 41.

да они приезжают с целой стаей детей-подростков, которых монахи, помимо содержания, обучают общим предметам, дают навыки труда, а детям-христианам — еще и религиозное образование[1].

Важное место в жизни монастыря занимает просветительская деятельность. Помимо устных бесед с приезжающими за советом или утешением, духовное просвещение подается через ежемесячник «Св. Марк», издаваемый в типографии монастыря, оборудованной современным печатным станком и компьютером. В каждом номере помещаются статьи, проповеди и беседы о. Матты, который является плодовитым писателем. Им написаны сотни статей, помимо пятидесяти крупных названий.

Одной из очень популярных его книг, оказавшей влияние на многих молодых людей в выборе монашеского пути, является антология о молитве. В нее включены слова о молитве известных христианских писателей. Большое место в ней занимают русские церковные писатели: свт. Тихон Задонский, преп. Серафим Саровский, св. прав. Иоанн Кронштадтский, свт. Феофан Затворник, свт. Игнатий Брянчанинов. Эти писатели, как и некоторые наши современники — Н. Бердяев, прот. Г. Флоровский, митрополит Антоний Сурожский, старец Силуан Афонский, с которыми монахи имели возможность познакомиться через переведенную литературу, пользуются у них чрезвычайным уважением. Более того, изыскиваются пути тесного духовного общения с Русской Православной Церковью как наиболее родственной по духу и исто-

[1] Там же. С. 46–47.

рически нейтральной в многовековых испытаниях Коптской Церкви[1]. (Еще архимандрит Порфирий (Успенский) писал: «Коптские архиереи и монахи, которых я видел в Фиваиде и в Нитрии, напрашиваются на покровительство России».)

Чтобы иметь доступ к мировой литературе, насельники изучают иностранные языки, которые им преподают добровольцы из различных консульств и учреждений в Каире. Постоянно ведутся курсы английского, французского и немецкого языков, а также предполагается изучение древнегреческого, чтобы иметь возможность переводить подлинники древних текстов, вывезенные из Египта и хранящиеся в знаменитых библиотеках мира. Благодаря знанию европейских языков некоторые отцы предполагают вести миссионерскую работу в африканских странах[2].

На территории монастыря обнаружены и бережно собраны фрагменты построек и сосудов, датируемых IV-м веком и позже. На базе этих находок развивается археологическая деятельность и строится музей. К юго-западу от монастыря, в «горе», недавно обнаружили и откопали келью самого преп. Макария Великого, с длинным узким ходом, ведущим во внутреннюю келью, куда он удалялся от наплыва посетителей. Таким образом удалось установить гору преп. Макария, упоминаемую в житийной литературе. А к северу от монастыря видны развалины женской обители IV–V веков, где под престолом церкви покоились мощи преп. Иларии, дочери византийского императора Зено-

[1] *Демина Е.* Возрождение монашества... С. 47–48.
[2] Там же. С. 48.

на, которая подвизалась в Макариевом монастыре под именем евнуха Илария[1].

Таковы сведения, собранные русской паломницей из Дании, побывавшей в обители преп. Макария Великого в 1980 году. Перу Е. Деминой принадлежит еще ряд статей на ту же тему, опубликованных на страницах «Вестника РХД»[2]. Этот журнал постоянно уделяет внимание истории Коптской Церкви и ее подвижников[3].

В сентябре 1984 года Нитрийские обители посетила группа насельниц Горненского монастыря в Иерусалиме. В настоящее время монахи живут в четырех монастырях Нитрийской пустыни — преподобного Ефрема Сирина, преподобного Псоя, монастыре Барамус и в монастыре святого Макария Великого. Вот как добирались сюда русские инокини. «Кругом расстилается пустыня. Кое-где попадаются пучки бурьяна, а по краям солончаковых болот — даже приземистые пальмочки, — пишет игумения Феодора. — Вокруг монастырей — Селитровая долина, в которой еще со времен фараонов добывают

---

[1] Там же. С. 48.

[2] *Демина Е.* (Мать Иулиания). Беседа о современном коптском монашестве в пустыне Скит (Египет) // Вестник РХД, № 137, 1982. С. 74-91; Современные египетские исповедники // Вестник РХД, № 139, 1983. С. 34–40; Страстная и Пасха в коптском монастыре // Вестник РХД, № 142, 1984. С. 52–55.

[3] *Матта Эль-Мескин, свящ.* О христианском единстве // Вестник РХД, № 140, 1983. С. 18–28; его же: Между Воскресением и Вознесением // Вестник РХД, № 141, 1984. С. 72–77; его же: О цели христианской жизни // Вестник РХД, № 143, 1984. С. 21–31.

соль и селитру. Камни, гипс и другие материалы, необходимые для строительства, монахи берут здесь же, в пустыне»[1].

Время пребывания инокинь в нитрийских обителях было ограничено, и они смогли посетить только две из четырех. «Монастырь преподобного Макария Великого — первый на нашем пути. Он стоит в пяти километрах от шоссе Каир-Александрия и хорошо виден проезжающим, — продолжает матушка Феодора свое повествование. — Монастырь, которому свыше полутора тысяч лет, окружен двойными стенами. Самая старая из монастырских церквей, а их здесь семь, построена во времена преподобного Макария. В монастыре свыше ста монахов. Это один из наиболее известных коптских монастырей в настоящее время. Мы поблагодарили игумена монастыря за добрый прием, сделали запись в книге посетителей и, попрощавшись, направились в соседний монастырь Барамус»[2].

Монастырь Барамус

Монастырь «Барамус» в переводе значит «Совещание». Здесь во времена преп. Макария Великого происходили совещания об общих делах монастырей пустыни. Обитель вырастает среди однообразия песков как крепостная стена округлых очертаний. Вдоль стен, внутри которых расположены кельи монахов и поме-

[1] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц... С. 18.

[2] Там же. С. 18.

щения для посетителей, в два яруса идут квадратные окна-иллюминаторы — символика корабля спасения, Ноева ковчега, а практическое назначение их — вентиляция помещений и защита от солнечных лучей. Внутренние окна келий выходят в сад. Все постройки отличаются простотой и удобны по своему практическому назначению. Новозаветная символика и образы древней веры египтян в их новозаветной интерпретации украшают церкви и фасады некоторых зданий[1].

В сентябре 1984 года в этой обители побывали насельницы Горненского русского монастыря (Иерусалим). «Монастырю Барамус принадлежит первая христианская церковь в Нитрийской пустыне — во имя Пресвятой Богородицы, ей тысяча шестьсот лет. В другой, более поздней церкви почивают мощи преподобных Моисея Мурина и его ученика Исидора, — пишет игумения Феодора. — Мы приложились к мощам святых угодников Божиих, пропели тропарь, помолились, поставили свечи и в сопровождении настоятеля обители игумена Даниила осмотрели древние строения монастыря: трапезную, хозяйственные строения. По ступенькам мы поднялись на довольно широкие монастырские стены. Со стен нам открылся обширный чудный вид на пустыню и два других монастыря, виднеющихся вдали. Игумен Даниил сказал, что эти два монастыря — святого Ефрема Сирина и преподобного Псоя — расположены совсем близко один от другого»[2].

---

[1] *Демина Е.* Возрождение монашества... С. 45.

[2] *Феодора, игумения.* Паломничество горненских насельниц... С. 18.

А в 1990 году древнюю обитель преподобного Макария и монастырь Барамус посетила небольшая группа паломников, совершавших путешествие к Святой Земле на парусной ладье «Надежда». За четыре месяца плавания православные мореходы проделали водный путь от Петрозаводска до Святой Земли, а затем отбыли в Александрию, где и была завершена эта паломническая экспедиция. Вот каким предстал перед ними монастырь Барамус.

Над монастырскими строениями возвышаются две одинаковые колокольни, увенчанные четырехконечными крестами. Этот монастырь, как и обитель Аба-Бишо, был основан в IV веке. В его соборной церкви сохраняются древние фрески, датируемые X–XIII веками. Сегодня здесь подвизаются около девяноста иноков, и один из них показал нам монастырские святыни. В храме мы приложились к мощам древних подвижников веры и благочестия — св. Моисея Мурина и св. Исидора. Здесь мы увидели те нехитрые инструменты, которые сопровождают коптские песнопения, отличающиеся своеобразием. «Привели трех певцов, и они начали петь; прочие же копты мерно ударяли в два медных блюдца, в колокольчик и стальной треугольник. Их пение, не похожее ни на греческое, ни на армянское, весьма уныло», — писал архимандрит Порфирий (Успенский) в середине XIX века[1].

[1] *Георги В., Августин (Никитин), архим.* К Святой Земле под парусом «Надежды». Петрозаводск, 1992. С. 238.

Монастырь св. Ефрема Сирина и обитель преп. Псоя

Монастырь Аль-Сурьяни и обитель преп. Псоя (Паисия) расположены в пределах видимости от обители Барамус. Аль-Сурьяни получил свое название «Монастырь сирийцев», поскольку именно здесь подвизались преп. Ефрем Сирин и его соотечественники. Обычно паломники проезжают мимо этой обители и посещают расположенный поблизости монастырь Аба-Бишо (преп. Псоя), а между тем в книгохранилище Аль-Сурьяни имеются древние свитки. Именно в этой обители английский ученый Кэрзон нашел ценные коптские и сирийские рукописи, хранящиеся ныне в Британском музее в Лондоне.

По своему устройству Аль-Сурьяни похож на другие нитрийские обители. «Все эти монастыри построены, как укрепления; они обнесены высокими квадратными стенами, имеющими саженей по тридцати в сторонах, и с парапетами или террасами, — пишет А. С. Норов (1834 г.). — На дворе возвышается четвероугольная башня с церковию; сверх того, тут же видны остатки двух или трех других церквей; кельи расположены вкруг стен; на каждом дворе колодезь для ключевой, а другой — для дождевой воды»[1].

Нитрийская пустыня занимает особое место в истории Коптской Церкви. Патриарх Шенуда III молодые годы провел в одном из монастырей пустыни Вади-Натрун, где постился двести дней в году. А в 1980 году, когда христианско-мусульманские отноше-

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 91.

ния в Египте обострились до предела, напряженная обстановка вынудила патриарха Шенуду III удалиться в монастырь Аба-Бишо (Аввы Псоя). Большинство коптских епископов также нашли тогда временное пристанище в нескольких древних монастырях, сохранившихся в Египте до настоящего времени.

После гибели Анвара Садата (1981 г.) пост египетского президента занял Хосни Мубарак, и одним из его указов было освобождение из-под ареста коптского патриарха Шенуды III[1]. Но это не значит, что древняя обитель полностью отгородилась от мира и может служить лишь местом изгнания и ссылки. Монастыри попрежнему играют ключевую роль в духовной жизни Коптской Церкви. И неслучайным является тот факт, что именно в обители Аба-Бишо в мае 1979 года состоялась международная конференция на тему «Место монашества в рамках свидетельства Церкви сегодня», в которой приняли участие сорок представителей из четырнадцати православных и дохалкидонских Церквей, членов Всемирного Совета Церквей, а также наблюдатели из других Церквей и монашеских общин. Патриарх Шенуда III предоставил для проведения конференции этот монастырь, являющийся одной из древнейших египетских обителей. Работа симпозиума осуществлялась по программе, намеченной комиссией Всемирного Совета Церквей «Всемирная миссия и евангелизация»[2].

В то время советско-египетские отношения были практически заморожены, и представители Русской Православной Церкви не смогли приехать в мона-

[1] *Соловьев А. К.* О положении коптов в Египте // Народы Азии и Африки, 1983, № 5. С. 131.

[2] «Эпискепсис», № 210, 15 мая 1979 г.

стырь Аба-Бишо. А в 1990 году паломникам из России довелось посетить эту обитель. Вот их впечатления от монастыря Аба-Бишо.

Нас поразила ширина и массивность стены: неприступная крепость. В течение многих столетий одной из особенностей тогдашнего уклада монастырской жизни коптов было постоянное опасение вооруженных нападений со стороны бедуинов, что привело к практически полной изоляции местных насельников от внешнего мира.

Сегодня врата монастыря Аба-Бишо, основанного в IV веке, широко открыты для паломников. Входим во двор обители. Внутри нас встретил чудесный сад: финиковые пальмы, цветы, огород, — все это содержится в чистоте и порядке. Дорожка ведет к храму. Нас встретил игумен монастыря — молодой копт. Он повел нас в храм, который весь украшен почерневшим от времени резным деревом — царские врата, иконостас, иконы. Древние иконы, массивные лампады. На каменном полу отделанные овечьи шкуры. Слева в нише — гробница св. Бишоя (преп. Псой, IV век.).

Нас повели в парадные покои, богато обставленные. На подносе подали кофе и напиток, пахнущий розами. Потекла неторопливая беседа, в ходе которой узнаём много интересного о духовной жизни здешних насельников, число которых достигает ста пятидесяти человек, включая шестнадцать послушников. Духовные наставники определяют монастырский уклад жизни, не навязывая своей воли. Духовная свобода включает в себя добровольное посещение церкви, а также образ и время личной

молитвы. Старец дает совет и благословение, сообразуясь с личными особенностями каждого, с его творческой одаренностью и практическими занятиями в монастыре, причем всё направляется на духовное возрастание монаха. Насельники, достигшие в меру созерцания, исполняют молитвенное делание в келье и в церковь собираются по воскресеньям и праздникам, то есть когда совершается Божественная литургия. Литургия коптов представляет собой один из ранних вариантов православной литургии св. Василия Великого и носит его имя. В обычные дни, когда нет всенощного бдения, совершаемого вместе с литургией с 10 часов вечера до 6–7 часов утра, в церкви поется коптская полунощница, состоящая из псалмов, гимнов и молитв (с 4 до 7 утра), и краткая вечерняя служба (с 5 до 5.30 часов вечера). На келейную молитву колокол будит в 3 часа утра[1].

В 1976 году обитель Аба Бишо посетила делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. А осенью 1991 г. в монастыре св. Бишо (Псоя) побывал Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Здесь он молился у мощей нашего общего святого — преп. Псоя (Паисия)[2].

...В конце 1970-х гг. перед насельниками древних обителей Нитрийской пустыни возникла угроза. Тогдашнее египетское правительство приступило к рассмотрению проекта — основать новый город «Садат-

[1] *Демина Е.* Возрождение монашества... С. 43.
[2] Журнал Московской Патриархии, 1991, № 2. С. 4.

сити» в непосредственной близости от пустыни Вади-Натрун, что могло бы нарушить покой ее монастырей. Однако впоследствии, с изменением внутриполитической обстановки, этот проект был пересмотрен. Сегодня, как и раньше, актуальными остаются слова, сказанные одним из западноевропейских исследователей, занимающихся изучением египетского христианства: «Чтобы достичь сердца Коптской Церкви, необязательно идти в собор, но необходимо отправиться в пустыню»...

АЛЕКСАНДРИЯ

Основанная Александром Македонским в 332–331 гг. до Р. Х. на побережье Средиземного моря, Александрия издревле была центром богословской учености. Именно здесь в III в. до Р. Х. с древнееврейского на греческий было переведено Пятикнижие, а к середине II в., по-видимому, и весь Ветхий Завет — так называемый перевод семидесяти двух толковников. А. С. Норов упоминает об этом в своих записках. Ссылаясь на свидетельство Иосифа Флавия, он пишет: «Деметрий Фалерский проводил их (семьдесят два толковника) по длинной плотине о семи стадиях и по мосту, который соединяет остров (Фарос) с твердою землею, в здание, находящееся на берегу моря, на северной стороне, столь отдаленное от всякого шума, что ничто не могло их развлекать среди трудов, требовавших самого внимательного прилежания». Далее сказано, что они «каждое утро приходили приветствовать царя и потом принимались за труд, обмыв руки в море»[1].

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 44.

По древнему преданию, Церковь в Египте основал апостол и евангелист Марк, открывший список патриархов Александрии. И снова можно обратиться к запискам А. С. Норова, где он, ссылаясь на Филона, Евсевия и других писателей, говорит о возникновении христианства в этом городе. «Апостол и евангелист Марк первый основал христианскую церковь в Александрии, оттуда он распространил свет своего евангельского учения в дальние пределы Африки <...> Ананий наследовал св. Марку, кончившему жизнь в Александрии»,— пишет А. С. Норов[1], замечая при этом, что «перевод Библии, который со времени Птоломея находился в руках многих ученых мужей, — и изучение творений Платона приуготовили здесь, более чем где-либо, принятие христианства»[2].

Александрия в первые века по Р. Х. была одним из основных духовных центров богословской мысли. «Имена, украшавшие патриарший престол и церковную школу Александрии, блистают неувядаемой славою, — пишет А. С. Норов. — Св. Пантений, некогда стоический философ и обратившийся в христианство, был преемником учеников св. Марка в Александрии. Этот самый Пантений проник в дальние пределы Эфиопии для распространения слова Христова»[3].

Из Александрии вышли такие выдающиеся церковные деятели, как Климент (конец II — начало III в.), Ориген (ок. 185–253), Афанасий (293–373), Кирилл († 445). «Школа Александрийская, — продолжает Но-

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 45.
[2] Там же. С. 45.
[3] Там же. С. 47.

ров, — была управляема избранными мужами, каковы Климент, прозванный Александрийским, Ориген, светозарный слепец Дидим <..>, Афанасий, Кирилл и другие»[1].

Русские паломники, посещавшие этот знаменитый город, находили пристанище в монастыре св. Саввы Освященного, при котором находилась и резиденция патриархов Александрийских. В 1704 году здесь радушно были приняты гости из России — иеромонахи Макарий и Селиверст, насельники «монастыря Всемилостивого Спаса Новгородка Северского». «Пришли до Александрии месяца июня 27-го дня, — повествуют российские пилигримы. — А во дворе Святейшего патриарха церковь святого Саввы Освященного великая, по правой стороне придел святого великомученика Георгия Победоносца, по левой стороне — святой великомученицы Екатерины придел»[2].

Интересно замечание российских паломников о той реликвии, которая сохранилась в этом храме. «В приделе святой великомученицы Екатерины есть столпик невеликий мармуровый белый, до которого камеця главу втято великомученице Екатерине. Еще же и доныне есть многим видети на столпику святой великомученицы кровь, и тут вернии кланяются и целуют тот столпик», — пишут иноки[3], добавляя при этом: «Так же и нам Бог сподобил видети кровь святой великомученицы Екатерины и знаменоватися»[4].

---

[1] Там же. С. 47.

[2] Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту... С. 6.

[3] Там же. С. 6.

[4] Там же. С. 6.

Можно было бы предположить, что подробные сведения об этой обители приведет в своих записках А. С. Норов. Однако он ограничивается кратким замечанием: «Скромный греческий монастырь во имя св. Саввы заменяет теперь знаменитую патриаршую церковь Александрийскую»[1]. При этом русский путешественник с сожалением отмечает: «Я не мог там быть по причине чумы, которая обнаружилась в стенах этого монастыря»[2].

Большое место истории этой обители уделил на страницах своих книг архимандрит Порфирий (Успенский). В первый раз он посетил эту обитель в 1845 году. В дневнике под 30 января он привел план монастырской церкви св. Саввы, а также отметил, что «возле монастыря св. Саввы находится больница для православных. Она состоит из двух отдельных домов, в два этажа каждый. В первом вверху пять комнат для больных; во втором шесть–семь комнат; внизу помещаются бедные. При больнице есть большие дворы с огородами и сад»[3].

Во время своего второго пребывания в Александрии о. Порфирий уделил обители св. Саввы гораздо больше внимания. «Монастырь св. Саввы, который я мельком видел в первое путешествие мое по Египту, обозрен был мною сегодня подробно», — записал русский автор в своем дневнике 29 марта 1850 года[4]. Во-первых, о. Порфирий указывает на местоположение этого монастыря: «Он находится в конце Александрии, на-

---

[1] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 48.

[2] Там же. С. 48.

[3] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 381.

[4] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 7.

против так называемых игл (обелисков) царицы Клеопатры у новой пристани, в недальнем расстоянии от них. Из окон его видны эти гранитные и узорчатые иглы, синее море и остров Фарос со старинною зубчатою крепостью»[1].

Подробно описав внутреннее устройство обители, о. Порфирий отмечает, что в храме «сохраняются частицы мощей св. Василия Великого, св. Иакова и св. Марины»[2]. Особое внимание русский паломник уделил местной святыне — это камень, на котором была усечена честная глава св. Екатерины. «В приделе царственной великомученицы стоит беломраморный налой четвероугольный, иссеченный из цельного куска с колоннами по углам и с четвероконечными крестами на трех лицевых сторонах его. Вверху есть круглое углубление для водружения креста или толстой свечи. <...> Впоследствии его обделали в таком виде, в каком он теперь находится. Христиане лобызают его с благоговением»[3].

Архимандриту Порфирию довелось отслужить литургию в монастырской церкви св. Саввы — это было 2 апреля 1850 года. «В ней было много православного народа, — пишет о. Порфирий. — Даже копты, армяне и сириане приходили видеть священнодействие мое и слушать наше церковное пение. Небесный Вертоградарь да привьет эти отломившиеся ветви к плодоносной маслине, к Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви!»[4]

---

[1] Там же. С. 7.
[2] Там же. С. 9.
[3] Там же. С. 9.
[4] Там же. С. 26.

О. Порфирий сообщает своим читателям о своем посещении новой церкви, которая была заложена в 1847 году «самим патриархом Иерофеем, при многочисленном стечении народа и в присутствии российского генерального консула Г. Фока»[1]. Отметив, что «нет средств к окончанию храма», о. Порфирий продолжает: «Очи всех обращены к России. Подумывают послать в Москву архиерея за сбором милостыни. В Египте со времени Александрийского патриарха Паисия, пользовавшегося богатыми щедротами царя Алексия Михайловича, памятно благочестивое усердие русских, с каким они всегда готовы помогать угнетенному православию на Востоке»[2].

Весной 1909 года Александрию посетил Б. А. Тураев. Он давно хотел побывать в Египте — «в стране святых Пахомия, Антония и Афанасия Великих». Особенно его интересовала Александрия — «град св. Афанасия». Русский путешественник нанес визит в Александрийскую Патриархию, которая «оказалась известным монастырем св. Саввы Освященного». С тех пор, как здесь побывал о. Порфирий, Александрия сильно разрослась; по словам Б. А. Тураева, «тогда обитель была за городом, едва ли не в пустыне, среди фиников; теперь же среди европейских оживленных улиц»[3].

К началу XX в. здесь уже была открыта типография. Тураев присутствовал в греческом храме за богослужением в Великий понедельник на всенощной, «которая у греков называется «Последование Жени-

[1] *Порфирий (Успенский), архим.* Путешествие по Египту... С. 17.
[2] Там же. С. 18.
[3] *Тураев Б. А.* Египетские церковные впечатления... Вып. I. С. 65.

ха». В заметках Б. А. Тураева, посвященных церковной жизни Александрии, можно найти описание греческого богослужения от Великого понедельника до Великой пятницы включительно[1].

В отличие от удаленной Синайской обители, монастырь св. Саввы Освященного посещался русскими паломниками гораздо чаще. Один из таких визитов состоялся в 1984 году, когда в Египет прибыла из Иерусалима небольшая паломническая группа монахинь Горненского русского монастыря. «В Александрии у собора в честь Благовещения Пресвятой Богородицы нас встретил епископ Нил (Александрийский Патриархат), — пишет игумения Феодора. — По приглашению преосвященного Нила мы осмотрели здание Патриархии и храм во имя преподобного Саввы Освященного. Здесь, в храме, стоит невысокая четырехугольная мраморная колонна, на которой была усечена глава великомученицы Екатерины»[2].

Неподалеку от храма св. Саввы Освященного находится коптский монастырь святого апостола и евангелиста Марка. Главный храм монастыря стоит на месте мученической кончины и погребения святого апостола. «Коптская церковь в Александрии еще древнее греческой, она посвящена св. евангелисту Марку», — подчеркивал А. С. Норов[3].

Подробные сведения об этом храме содержатся в записках архимандрита Порфирия. Здесь о. Порфирий

---

[1] Там же. С. 65–70.

[2] *Феодора, игумения*. Паломничество горненских насельниц... С. 19.

[3] *Норов А. С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 49.

бывал дважды — в 1845 и 1850 гг. Во время своего первого посещения этого храма русский автор в своем дневнике уделил место его описанию. «Генваря 31. Утром обозревал церковь коптов во имя евангелиста Марка», — так начинает о. Порфирий описание этого храма[1]. «В правом приделе копты показывают гроб евангелиста у восточной стены алтарной. Гроб состоит из четырех беломраморных досок. На нем нет никаких украшений и письмен. Копты знают, что в гробе нет мощей и что они увезены»[2].

Здесь речь идет о том, что в 811 году мощи св. Марка были перенесены в Венецию, вследствие чего св. Марк был объявлен покровителем этого города. (Во время восстания 1848 г. против Австрии венецианцы объявили свой город независимой республикой св. Марка.)

Вот еще несколько строк, посвященных коптской церкви св. Марка в Александрии: «В сей церкви, направо, находится подземельная усыпальница коптских архиереев. Копты говорят, что там похоронены семьдесят три архиерея. — Вместо иконостаса — узорчатая перегородка без пилястров, без колонн. По правую и левую сторону царских врат два малые четвероугольные задвижные окошка для пропуска света в алтарь. Иконы поставлены весьма высоко; их очень мало, и те — старой живописи. Церковь мала и убога. По виду и архитектуре — новейшего произведения. Но около нее валяются мраморные и гранитные колонны»[3].

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего... Т. II. С. 383.
[2] Там же. С. 383.
[3] Там же. С. 383.

...Осенью 1960 года, во время паломнической поездки на Восток, Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий I и его спутники посетили этот храм. Здесь они приложились к святыне — главе св. апостола Марка и «вместе с братьями-коптами вознесли совместную молитву о соединении святых Божиих Церквей»[1]. А еще через тридцать с лишним лет — осенью 1991 года — коптский собор св. апостола Марка посетил Святейший патриарх Алексий II. Здесь ему вынесли для поклонения частицу мощей св. апостола Марка[2].

* * *

Духовные связи России и Египта не прерывались на протяжении столетий. Русские паломники, поклонявшиеся христианским святыням близ берегов Нила, всегда помнили о своей родине, и об этом хорошо сказал А. С. Норов. Осматривая в Александрии «колонну Помпееву», стоявшую на краю пустыни и мертвого озера Мареотийского, он сделал в своем дневнике такую запись: «Я невольно сравнил это запустение с тем торжеством, которого я был так недавно свидетелем, когда на берегах Невы подобный колосс, но еще более величественный, воздвигся в память Александру Благословенному»[3].

Примечательно, что именно в этот торжественный день, когда на Дворцовой площади был воздвигнут Александрийский столп, русский писатель отправился из Петербурга на поклонение христианским

[1] ЖМП, 1961, № 3. С. 15.
[2] ЖМП, 1991, № 2. С. 3.
[3] *Норов А.С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 49.

святыням Египта. Созерцая это величественное зрелище, А. С. Норов сложил четверостишье, и эти бесхитростные строки могут завершить данное повествование. «Прощание мое с родиной обратилось к кресту и Ангелу этой колонны, — пишет Норов, — и я невольно произнес четыре стиха, которые доверил тогда только своему дорожному портфелю:

Сей Ангел и хоругвь Мессии
Меня в тот путь благословят,
Куда кресты родной России
С высот святых церквей глядят»[1].

[1] *Норов А.С.* Путешествие по Египту... Ч. I. С. 50.

Содержание

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

Часть вторая

Пустынножительство в горе Нитрийской 7
Пустыня Келлий 56
Гора Ферма 79
Преподобный Макарий Египетский, основатель иночества в Скитской пустыни .. 86
Писания Св. Макария Египетского 114
Учение Св. Макария о благодати 122
Пустынножители Скита 151
Ликополь 232
Гермополь и Антиноэ 247
Оксиринх 262
Гераклеополь 265
Арсиноэ 268
Александрия и ее окрестности 282
Каноп 285
Панефис 287

Диолк 298
Пустыня Калам, или Порфирион 314
Святой Исидор Пелусиот 316
Писания Святого Исидора Пелусиота 369
Защищение христианской веры 374
Исидор как толкователь Священного Писания 383
Исидор как учитель веры 403
Состояние иночества в Египте с половины пятого века 413
Заслуги Египетского монашества Церкви и обществу 420
Правила церковные и законы, касающиеся иноков 432

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СВЯТЫНЬ ЕГИПТА

Предисловие 451
Матария — «отдых на пути в Египет» 455
Старый Каир 460
Храм св. Николая Чудотворца 460
Вавилон 464

Дом Пресвятой Богородицы 467
Собор св. Великомученика Георгия 473
Церковь Богоматери «Подвешенная» 481
Церковь св. Варвары. Коптский музей 483
Церковь св. Семаана Кожевника 485
Фаюмские обители 486
Подворье монастыря
св. Антония Великого 490
Монастырь св. Антония Великого 493
Монастырь преп. Павла Фивейского 513
Дейр-Мариам — монастырь
Пресвятой Богородицы 523
На пути в Фиваиду 534
Аль-Мухаррак — благословенная
обитель 537
Белый и Красный монастыри 543
Русские паломники у святынь Фиваиды 552
Христианские святыни Верхнего Египта.... 559
На пути к Нубии 564
Древние обители Нитрийской пустыни..... 575
Монастырь св. Макария 577
Монастырь Барамус 588
*Монастырь св. Ефрема Сирина
и обитель преп. Псоя* 591
Александрия 595

П. С. Казанский

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКЕ

Часть вторая

Директор издательства «Паломникъ»
П. Н. Роговой

Главный редактор издательства «Воскресеніе»
М. Б. Данилушкин

Научный консультант
Н. В. Алексеева

Редактор
А. Н. Сыщикова

Корректор
Е. Ю. Дорман

Оформление
Е. Б. Калинина

Верстка
Д. А. Зимин

ЛР 066242 от 25.12.98.
Издательство «Паломникъ»,
Подписано в печать 15.09.2000.
Формат 70x100$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Объем 19 п.л. Тираж 4 000 экз. Заказ 27363
Адрес издательства «Паломникъ»:
103030, Москва, Сущевская, 21.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии АО «Молодая гвардия».
Адрес АО «Молодая гвардия»:
103030, Москва, Сущевская, 21.